ИСТОРИЯ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

КАРЬЕРЫ И СУДЬБЫ

В этой книге — все о самых засекреченных людях нашего государства

Леонид МЛЕЧИН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор представляет широкую панораму истории и развития отечественной внешней разведки. В книге собраны портреты всех руководителей СВР, очерки о разгаданных загадках специальных служб, истории самых знаменитых представителей самой секретной в мире профессии.

Повествование насыщено интереснейшими фактами и выдержками из документов, которые долгие годы хранились в государственных архивах под специальными грифами.

- Леонид Михайлович Млечин
  - От автора
  - Часть первая
    - Яков Давтян
    - Соломон Могилевский
    - Меир Трилиссер
    - Станислав Мессинг
    - Артур Артузов
    - Абрам Слуцкий
    - Залман Пассов
    - Владимир Деканозов
    - Павел Фитин
    - Петр Кубаткин
    - Павел Федотов
    - Сергей Савченко
    - Евгений Питовранов
    - Василий Рясной
    - Александр Панюшкин
    - Александр Сахаровский
    - Федор Мортин
    - Владимир Крючков
    - Леонид Шебаршин
    - Евгений Примаков
    - Вячеслав Трубников
    - Сергей Лебедев
    - Михаил Фрадков
  - Часть вторая
    - Судьба шпиона
    - Письмо товарища Зиновьева
    - Вечный доброволец
    - Деревянный молоток
    - Почему Сталин не захотел спасти Рихарда

Зорге?
- Американский шпион, брат советского разведчика
- Побег заместителя Генерального секретаря
- Русский физик и иранская бомба
- Наш человек в швейцарской тюрьме

○ Часть третья
- Мой первый начальник, подполковник Чернявский
- Мой друг, офицер разведки

Леонид Михайлович Млечин
История внешней разведки. Карьеры и судьбы

От автора

Самый громкий шпионский скандал последнего времени разгорелся летом 2010 года, когда министерство юстиции США сообщило о раскрытии сети разведчиков-нелегалов, работавших на Службу внешней разведки России. Федеральное бюро расследований рассказало, что слежка за российской агентурой продолжалась много лет, прослушивались телефонные разговоры, в домах установили микрофоны, вели круглосуточное наблюдение. Арестовали одиннадцать человек. Но предъявить обвинение в шпионаже им не смогли! Обвинили в работе на иностранное правительство, отмывании денег, подделке паспортов и использовании чужих имен.

Это показалось странным. Еще удивительнее — разнородный состав группы. Опытный нелегал, несколько человек с выданными на имя давно умерших людей паспортами (в основном канадскими), и граждане России, которые не скрывали своего происхождения. Что между ними общего? После арестов одни возмущались тем, что американцы взяли непричастных, другие говорили о деградации российской разведки, прибегающей к помощи дилетантов. Более трезвый анализ показал: в современном мире работа разведки становится невероятно сложной. Борьба с терроризмом привела к усложнению процедур проверки. Привычные способы засылки нелегалов с паспортами на чужие имена уходят в прошлое. Попытка установить связь с агентом тоже часто заканчивается провалом.

Разведки приспосабливаются к меняющемуся миру и ищут новые способы проникновения в интересующую их среду. Одна из очевидных идей — используя открытость современного общества, наладить внедрение под собственными именами, в надежде, что молодые люди без прошлого не вызовут подозрений, сумеют устроиться и со временем займут важные для службы позиции. Необычной была реакция на аресты в США российских руководителей. Правительства не признают публично своей ответственности за нелегальных разведчиков и выручают их закулисно. На сей раз все было иначе. Министерство иностранных дел сразу же признало всех арестованных гражданами России и обещало им всю необходимую помощь. В обмен на отказ от судебного процесса над арестованными разведчиками Москва согласилась выпустить четырех осужденных за шпионаж. Президент Дмитрий Медведев помиловал бывшего полковника военной разведки Сергея Скрипаля, обвиненного в работе на британскую разведку, ученого Игоря Сутягина, бывшего

полковника СВР Александра Запорожского и бывшего майора КГБ Геннадия Василенко, признанных виновными в шпионаже в пользу Соединенных Штатов.

А суд в Нью-Йорке приговорил девятерых граждан России и одну гражданку Перу к одиннадцати дням заключения, которые они отбыли, конфискации имущества и высылке из США. Арестованные подписали соглашение, признав себя виновными в «преступном сговоре с целью действовать в качестве тайных агентов правительства Российской Федерации». Обвинение в заговоре с целью отмывания денег с них сняли. Все они подтвердили в суде, что тайно работали на Россию. Все признали, что их деятельность носила преступный характер, и согласились с тем, что без разрешения министра юстиции США они никогда не вернутся в Соединенные Штаты. Обмен произвели в аэропорту Вены.

С вернувшимися на родину разведчиками встретился премьер-министр Владимир Путин, пел с ними любимую песню «С чего начинается Родина». Президент Дмитрий Медведев всех наградил. Обещали их хорошо трудоустроить, и, судя по тому, что просочилось в прессу, обещания исполнены.

Арестованные, судя по всему, не представляли собой организованную группу, но каким-то образом обратили на себя внимание ФБР. В результате был провален разведчик, называвший себя Хуан Ласаро. Его внедрение началось еще в середине семидесятых через Испанию. Он сумел натурализоваться в Перу, женился там и с подлинными документами перебрался в США.

Это история абсолютного успеха! Отсутствие текущей информации, получаемой от него, не должно вводить в заблуждение. В советские времена нелегалы внедрялись на случай чрезвычайных обстоятельств — то есть войны. Когда посольство и все остальные официальные учреждения закроются, разведчикам, действующим под легальным прикрытием, придется покинуть страну. Вот тогда пробьет час нелегальных резидентур, они возьмут на себя всю разведывательную работу… Как же его потеряли? Суд в Москве в июле 2011 года назвал виновным полковника Потеева из управления нелегальной разведки, который перебежал к американцам и всех продал.

Зачем вообще существует разведка?

Соединенные Штаты и Россия считают необходимым содержать гигантский разведывательный аппарат прежде всего потому, что разведка — атрибут великой державы. Разведка обещает вовремя предупредить страну о возникновении угрозы для национальной безопасности страны. Но история показывает,

что даже самая мощная служба не способна спасти государство от внезапного нападения. Что интересно: если нападение или иная угроза застигнет страну врасплох, разведка всегда сумеет оправдаться. Она станет доказывать, что предупреждала о грядущем нападении, но к ней или не прислушались, или ее сообщения неправильно поняли.

Способна ли разведка предсказать войны, революции, государственные перевороты, падение правительств?

У американцев, например, длинный список претензий к собственной разведке. Она не сумела предсказать нападение японцев в декабре сорок первого на американскую базу в Пёрл-Харборе, способность Советского Союза быстро создать собственное атомное оружие, исламскую революцию в Иране, страшный теракт 11 сентября 2001 года, революционную волну на Ближнем Востоке в 2011 году…

Разведка — это огромная империя, и, как всякая империя, она озабочена своим выживанием. Службе внешней разведки России нужно мощное и опасное ЦРУ, чтобы оправдать собственное существование, и наоборот. Выходит, что любая разведка объективно заинтересована в продолжении холодной войны, в создании атмосферы напряженности, в том, чтобы общество боялось врагов и вражеского шпионажа. Это приносит увеличение ассигнований и числа резидентур за рубежом, новые звездочки на погонах, продвижение по службе. Иногда создается ощущение, что разведка придумывает угрозы, раздувает опасность и сеет страх у государственных руководителей, которым подсовывает пугающие сообщения о вражеской активности.

Каким образом разведка делает себя нужной? Удобный способ расположить к себе руководителя страны — внушить ему чувство, что он получает информацию, которая недоступна другим. Политики ощущают свою принадлежность к кругу избранных и привыкают к секретным сводкам, как к наркотику.

Разведчики предпочитают молчать о том, чем они занимаются, утверждая, что раскрытие секретов опасно для безопасности страны. Так что совершенно невозможно установить степень эффективности разведки. Некоторые историки утверждают, что разведка не приносит никакой реальной пользы. Разведки стоят слишком дорого, они не оказывают реального влияния на политику своих государств, а заняты борьбой друг с другом. На это разведка обыкновенно отвечает, что безоружна перед клеветой, поскольку не имеет права разглашать истину, поэтому ее успехи остаются невоспетыми, а о неудачах трубят на каждом шагу.

Германский канцлер Отто фон Бисмарк писал в своих воспоминаниях, что никогда не верил своим разведчикам, потому что большую часть времени они тратили на придумывание историй, которые должны были подтвердить их незаменимость, а также доказать, что выделенные им деньги потрачены не зря.

Часть первая
Отечественная разведка в лицах

Яков Давтян
Приказ № 169

В Советской России разведку стали создавать на три года позже контрразведки и политической полиции. Разведка понадобилась тогда, когда сражение за власть уже было выиграно.

В апреле 1920 года внутри особого отдела ВЧК, военной контрразведки, появилось новое подразделение — иностранный отдел. В разработанной для него инструкции говорилось, что в каждой стране, где откроется дипломатическое или торговое представительство Советской России, будет создана и резидентура разведки. Причем разведчики займут официальное положение в представительстве, но только главу миссии поставят в известность, кто из его подчиненных на самом деле резидент.

12 декабря 1920 года создатель советских карательных органов Феликс Эдмундович Дзержинский написал управляющему делами ВЧК:

«Прошу издать секретный приказ за моей подписью о том, что ни один отдел ВЧК не имеет права самостоятельно отправлять агентов, или уполномоченных, или осведомителей за границу без моего на то согласия.

Составьте проект приказа об Иностранном отделе ВЧК (с ликвидацией Иностранного отдела Особого отдела ВЧК) и начальнике его и о том, что все агенты за границу от ВЧК могут посылаться только этим отделом».

После окончания Гражданской войны у чекистов появились новые заботы и новые интересы. Советская власть в России утвердилась, хотя большевики по-прежнему опасались интервенции. На очереди была мировая революция. В политбюро хотели знать, что происходит в других странах: не готовятся ли они напасть на Россию и не созрели ли для народного восстания?

20 декабря Дзержинский подписал знаменитый приказ № 169:

«1. Иностранный отдел Особого Отдела ВЧК расформировать и организовать Иностранный Отдел ВЧК.

2. Всех сотрудников, инвентарь и дела Иностранного Отдела ООВЧК передать в распоряжение вновь организуемого Иностранного отдела ВЧК.

3. Иностранный Отдел ВЧК подчинить Начальнику Особотдела тов. Менжинскому.

4. Врид. Начальником Иностранного Отдела ВЧК назначается

тов. Давыдов, которому в недельный срок представить на утверждение Президиума штаты Иностранного отдела.

5. С опубликованием настоящего приказа все сношения с заграницей, Наркоминделом, Наркомвнешторгом, Центроэваком и Бюро Коминтерна всем Отделам ВЧК производить только через Иностранный отдел».

Временно исполняющим обязанности начальника иностранного отдела стал Яков Христофорович Давтян (в чекистском обиходе использовался псевдоним — Давыдов). Он родился в 1888 году в Нахичевани. Отец рано умер, заботу о воспитании мальчика взял на себя дядя. Яков Давтян окончил 1-ю Тифлисскую гимназию и поехал поступать в Петербургский университет. В социал-демократическую партию он вступил в 1905 году, еще учась в гимназии.

За активную подпольную деятельность молодой большевик был в 1907 году арестован. Его выпустили под залог, и он сразу уехал в Бельгию, где учился в политехническом университете. Там он познакомился с Инессой Арманд, возлюбленной Ленина. Она сыграла решающую роль в судьбе Якова Христофоровича. Во время Первой мировой войны Германия оккупировала Бельгию. Яков Давтян был арестован, как гражданин враждебной страны. Его освободили только в августе 1918 года, когда в Берлин приехал первый советский полпред Адольф Иоффе, член ЦК и соратник Троцкого.

После заключения Брестского мира Советская Россия воспринималась немецкими властями почти как союзник, и личного поручительства полпреда было достаточно, чтобы Давтян вышел на свободу. Он вернулся в Москву. В феврале 1919 года вместе с Инессой Арманд в составе миссии Российского Красного Креста поехал в Париж, где занимался возвращением русских солдат из экспедиционного корпуса на родину.

Потом Давтяна командировали в Киев уполномоченным Совета обороны, на Южном фронте он был начальником политотдела 1-й Кавказской кавалерийской дивизии. В начале 1920 года Давтяна назначили первым секретарем полпредства в Эстонии, затем он был секретарем делегации, которая во главе с заместителем главы советского правительства Львом Борисовичем Каменевым отправилась в Англию договариваться об урегулировании спорных вопросов.

В конце года Давтяна вернули в Наркомат по иностранным делам и назначили заведовать отделом Прибалтики и Польши. Одновременно Инесса Арманд рекомендовала его председателю ВЧК. А Феликсу Эдмундовичу нужен был образованный человек, знающий заграничную жизнь. 12 ноября 1920 года по просьбе

Дзержинского оргбюро ЦК, ведавшее распределением партийных кадров, перевело Давтяна из Наркоминдела в ВЧК.

30 ноября ему поручили исполнять обязанности начальника еще не созданного иностранного отдела. Яков Давтян продолжал совмещать работу в двух ведомствах, благо они находились рядом друг с другом: ВЧК — на Лубянке, а Наркоминдел располагался тогда в доме бывшего страхового общества «Россия» на пересечении Кузнецкого моста и Лубянки (теперь это площадь Воровского). Дипломаты несколько иронически называли чекистов «соседями». Это словечко прижилось и употребляется до сих пор.

Победа в Гражданской войне показала, что советское правительство твердо контролирует всю территорию России. Противники большевиков бежали и превратились в эмигрантов. При всей симпатии к ним западные правительства больше не могли игнорировать реальность — Россия слишком большая страна, чтобы вовсе не поддерживать с ней отношения. Правда, процесс признания Советской России растянулся на десятилетие. Основная часть мирового сообщества не желала иметь дело с коммунистическим правительством.

Дипломатические отношения с Соединенными Штатами были установлены только 16 ноября 1933 года. Открытие советского посольства в Вашингтоне происходило с большой помпой. Прием был организован великолепно, знатные вашингтонцы валом валили в посольство, поскольку это было любопытно, а также потому, что ожидалось шампанское.

Шампанское действительно подавали, а также и водку. Сухой закон, действовавший в США с 1917 года, только что был отменен, но настрадавшиеся американцы никак не могли утолить свою жажду. В драке из-за икры и шампанского оказалось немало пострадавших, причем только американцев. Русские были предупреждены, что в случае эксцессов их отошлют домой.

Первый полпред в Соединенных Штатах Александр Антонович Трояновский никогда больше не угощал американских гостей водкой на больших приемах. Он пришел к неутешительному для американцев выводу: «Они не умеют пить».

Создание легальных резидентур советской политической разведки под крышей официальных представительств шло медленно. Но разведчики устраивались в любом советском учреждении за границей.

Начальником иностранного отдела ВЧК Давтяна так и не утвердили. Не сложились у него отношения с чекистским руководством. Он, подумав, все-таки предпочел дипломатию, как более надежное дело, и в конце января 1921 года вернулся в

Наркоминдел. Его назначили советником полпредства в Венгрию, где власть перешла к революционному правительству.

На посту руководителя иностранного отдела ВЧК Давтяна сменил Рубен Павлович Катанян, который до этого работал в политуправлении Реввоенсовета Республики, а потом в аппарате ЦК партии. Катанян был родом из Тифлиса, окончил юридический факультет Московского университета, до революции работал адвокатом. В студенческие годы присоединился к социал-демократам и находился под негласным надзором полиции.

Он был начальником разведки с 20 января по 10 апреля 1921 года. Из разведки ушел в прокуратуру. Юридическая стезя привлекала его больше оперативной работы. В 1938 году Катаняна посадили, он провел семнадцать лет в местах не столь отдаленных. В пятьдесят шестом реабилитировали, и еще десять лет он прожил на свободе.

В иностранный отдел вернулся Яков Давтян. Его поездка в Венгрию не состоялась, потому что социалистическое правительство там уже свергли. Но и второе пришествие Якова Христофоровича было недолгим. В августе 1921 года он был утвержден полпредом в Литве. Впрочем, и на дипломатическом посту он охотно выполнял поручения разведки. Он работал в Китае, Туве, Франции, Иране, Греции, Польше, часто совмещая дипломатическую должность с обязанностями резидента внешней разведки.

В Париж Давтян поехал советником полпредства. Полпредом был Христиан Георгиевич Раковский, бывший руководитель Украины, отправленный в дипломатическую ссылку за дружбу с Троцким. Давтян не только вел основную часть дипломатической работы, но и успешно занимался вербовкой агентуры.

«Длительное пребывание в Европе оставило на нем резкий отпечаток, выделивший его среди других крупных советских работников. Высокий, красивый брюнет с правильными чертами лица, корректно обращавшийся к окружающим, Давтян производил очень выгодное впечатление. В отличие от прежних послов Давтян имел еще то преимущество, что владел европейскими языками» — таким полпред в Иране Давтян запомнился Георгию Сергеевичу Агабекову, назначенному в 1927 году резидентом советской внешней разведки в Тегеран.

Атабеков стал первым советским разведчиком, бежавшим на Запад. Свои воспоминания он написал еще в 1930 году. Они вышли под названием «Секретный террор: записки разведчика». Летом 1937 года Атабеков, судя по всему, был ликвидирован недавними сослуживцами из летучей группы иностранного

отдела, уничтожавшей перебежчиков.

У Якова Давтяна разведчик Атабеков обнаружил не одни только достоинства: «Оборотная сторона его характера сводила на нет все его преимущества. Он был трусливым, нерешительным человеком, без всякой инициативы. Трудолюбие его ограничивалось исполнением без размышления всех директив Москвы. По самым незначительным вопросам он запрашивал разрешения Москвы».

Осенью 1937 года Якова Давтяна отозвали из Варшавы, где он был полпредом. 21 ноября арестовали. Его обвинили в работе на польскую разведку и в создании правотроцкистской организации в советском полпредстве в Варшаве, выжимали нужные следствию показания совершенно фантастического свойства.

30 апреля 1938 года нарком внутренних дел генеральный комиссар госбезопасности Николай Иванович Ежов отправил Сталину «сводку важнейших показаний арестованных Управлениями НКВД за 28-е апреля». В списке значится и Давтян, бывший полпред в Польше.

«Давтян дал дополнительные показания о том, что в 1937 году в Париже представитель Закавказской Федерации Пирумов Симон связал его с крупным нефтяником — английским подданным Гульбенкяном, который договорился с Давтяном о совместной работе под руководством англичан за отрыв Армении от СССР…

Давтян будучи в Персии вел практическую контрреволюционную националистическую работу, имея связь с Местроном (представитель духовенства, английский разведчик) и английским консульством…»

28 июля 1938 года первого начальника советской разведки расстреляли.

Соломон Могилевский
Загадочная авиакатастрофа

Некоторое время иностранный отдел ВЧК (а с 6 февраля 1922 года ИНО ГПУ) возглавлял Соломон Григорьевич Могилевский.

Он родился в 1885 году в Екатеринославской губернии. Совсем молодым присоединился к социал-демократам, в 1904 году был арестован. Его, как и Давтяна, выпустили под залог. И он точно так же уехал за границу — в Швейцарию. Он поступил на юридический факультет Женевского университета и познакомился с Лениным, безоговорочно поверив в его правоту. Вернувшись в 1906 году в Россию, вел подпольную работу. После первой русской революции поступил на юридический факультет Петербургского университета, оттуда перевелся в Москву.

В Первую мировую Соломона Могилевского мобилизовали в царскую армию. Служил под Минском. После Февральской революции вошел в состав Минского совета. После Октябрьской революции Могилевский работал в Иваново-Вознесенске, где его сделали сначала губернским комиссаром юстиции, затем председателем революционного трибунала.

Весной 1918 года его взяли в Москву в Наркомат юстиции и почти сразу отправили восстанавливать советскую власть в Поволжье, оттуда перебросили на Украину, назначили заместителем председателя ревтрибунала 12-й армии.

Осенью 1919 года Могилевского вернули в Москву заведующим следственной частью Московской чрезвычайной комиссии, затем повысили — утвердили заместителем начальника особого отдела МЧК.

В августе 1921 года, после ухода Давтяна, Соломон Могилевский стал руководителем иностранного отдела ВЧК. Видимо, учли, что до революции он некоторое время жил в эмиграции, следовательно, среди не слишком грамотных чекистов считался знатоком иностранной жизни.

В феврале 1922 года ВЧК преобразовали в Государственное политическое управление при Наркомате внутренних дел (ГПУ). В утвержденном политбюро, а затем и ВЦИК «Положении о Государственном политическом управлении» перечислялись задачи нового ведомства:

предупреждение и подавление открытых контрреволюционных выступлений;

борьба с вооруженными восстаниями;

раскрытие контрреволюционных организаций в народном

хозяйстве;

охрана государственных тайн и борьба со шпионажем;

охрана железнодорожных и водных путей сообщения, борьба с хищениями грузов;

охрана государственных границ;

выполнение специальных заданий ВЦИК и Совнаркома по охране революционного порядка.

Разведка в этом исчерпывающем перечне задач ГПУ даже не упоминается. Это свидетельствует о том, что закордонная разведка в тот момент мало интересовала руководство страны. Иностранный отдел включили в состав секретно-оперативного управления ГПУ.

Разведкой Могилевский руководил недолго. В те годы шла кадровая чехарда, более или менее ценных работников перебрасывали с места на место. В марте 1922 года Могилевского назначили полномочным представителем ГПУ в только что созданной Закавказской Федерации, объединившей Грузию, Азербайджан и Армению. Одновременно он получил под командование внутренние и пограничные войска Закавказской Федерации. Заместителем ему дали Лаврентия Павловича Берию, молодого, но подававшего большие надежды чекиста.

За подавление восстания в Грузии, которое назвали меньшевистским, Могилевский получил орден Красного Знамени.

Соломон Могилевский погиб 22 марта 1925 года, когда во время перелета из Тифлиса в Сухуми загорелся и рухнул самолет «Юнкере-13». Погибли и летевшие с ним кандидат в члены ЦК секретарь Закавказского краевого комитета партии Александр Федорович Мясников (Мясникьян), заместитель наркома рабоче-крестьянской инспекции Георгий Александрович Атарбеков и оба летчика.

Некоторые историки полагают, что катастрофа не была случайной: Могилевский что-то узнал о своем заместителе Берии и хотел доложить об этом. Но не успел — Лаврентий Павлович его убрал. Впрочем, другие исследователи полагают, что Берия опасался не Могилевского, а замнаркома Георгия Атарбекова, который раньше служил в ЧК и считал Берию темной личностью.

Но эта версия не подкреплена никакими доказательствами. Во-первых, взорвать самолет вовсе не простое дело. Во-вторых, Лаврентий Павлович Берия, конечно, вполне был способен на любое преступление, но в тот момент ему, вообще говоря, нечего было опасаться. Незачем было и устранять пассажиров «Юнкерса-13».

Карьера Берии началась с того, что он по заданию товарищей проник в контрразведку независимого Азербайджана, где у

власти находилась партия «Мусават» (в переводе на русский — «Равенство»), С осени 1919 года по март 1920 года молодой Лаврентий Берия официально служил агентом Организации по борьбе с контрреволюцией (контрразведка) при Комитете государственной обороны независимой Азербайджанской республики.

Лаврентий Павлович всегда утверждал, что выполнял поручение товарищей по партии. Их эта история смущала, устраивались проверки, опрашивали уцелевших подпольщиков. И именно в 1925 году ЦК компартии Азербайджана принял решение, которое полностью оправдывало Берию.

Лаврентий Павлович совершил много преступлений, но, что бы про него ни говорили, служил он только одной власти — советской…

В апреле 1922 года в составе ГПУ был образован еще и восточный отдел, который ведал национальными республиками в азиатской части страны и их связями с соседними государствами. Нарком по иностранным делам Георгий Васильевич Чичерин довольно быстро установил дипломатические отношения с Афганистаном, Турцией, Китаем, Ираном, Саудовской Аравией.

Руководил восточным отделом Ян Христофорович Петерс, бывший заместитель председателя ВЧК.

«Петерсу было тридцать два года, но выглядел он еще моложе, — таким его увидела в начале семнадцатого американская журналистка Бесси Битти, приехавшая в Россию после Февральской революции. — Энергичный, подвижный, нервный малый с копной кудрявых, зачесанных со лба черных волос, с вздернутым носом, придававшим его лицу вопрошающее выражение. Голубые глаза были необычайно добрыми».

Петерс произвел на американку глубокое впечатление своей искренностью. Ночью 25 октября 1917 года, когда власть в Петрограде перешла к большевикам, он ей сказал:

— Если мы потерпим поражение, все пропало. Мне первому перережут горло. Но все-таки мы сделаем попытку, и если даже мы будем разбиты, я знаю: придет день, когда мир скажет, что темная Россия сделала все, чтобы дать мир всем измученным войной народам!

Петерс, старый большевик, вошел в первый состав коллегии ВЧК. В 1918 году он допрашивал английского дипломата Роберта Брюса Локкарта, обвиненного в заговоре против советской власти. Петерс показал англичанину свои ногти в доказательство тех пыток, которым подвергся в застенках дореволюционной России, пишет Локкарт. Ничто в характере Петерса не выдавало бесчеловечное чудовище, каким его обычно считали. Петерс

говорил Локкарту, что каждое подписание смертного приговора причиняет ему физическую боль.

«Я думаю, — писал Локкарт, — это была правда. В его натуре чувствовалась большая доля сентиментальности, но он был фанатиком, он преследовал большевистские цели с чувством долга, которое не знало жалости… Этот странный человек, которому я внушал почему-то интерес, решил доказать мне, что большевики в мелочах могут быть такими же рыцарями, как и буржуа…»

Летом 1918 года Ян Петерс два месяца исполнял обязанности председателя ВЧК, когда после левоэсеровского мятежа Дзержинский временно сложил с себя полномочия председателя ВЧК. Тогда по указанию Ленина допросили и самого Дзержинского: он тоже находился под подозрением, поскольку в мятеже участвовали его подчиненные-чекисты. И кроме того, как мог он проморгать, что на его глазах готовится убийство немецкого посла и зреет заговор?

Феликс Эдмундович легко оправдался и вернул себе полномочия председателя ВЧК, а Ян Петерс отправился наводить порядок на железных дорогах, потом он был комендантом Петроградского и Киевского укрепленных районов.

Два года он провел в Туркестане представителем ВЧК. Вернувшись в Москву, стал членом коллегии ГПУ, затем ОГПУ. Штат восточного отдела составлял семьдесят человек. Под началом Петерса начинал знаменитый боевик Леонид (Наум) Исаакович Эйтингон, непосредственно занимавшийся убийством Троцкого и дослужившийся в госбезопасности до генерал-майора.

Ян Петерс работал в органах госбезопасности до 1930 года, когда Сталин сменил руководство ОГПУ. Одновременно восточный отдел включили в состав особого отдела (военная контрразведка). Петерс работал в Центральной контрольной комиссии при ЦК, партийной инквизиции. В 1938 году его расстреляли как латвийского шпиона.

Меир Трилиссер
Легальные и нелегальные резидентуры

Девять лет разведкой руководил Меир Абрамович Трилиссер. Он родился в 1883 году в Астрахани. Окончил реальное училище и уехал в Одессу, где в 1901 году присоединился к социал-демократам. После первой русской революции был арестован. Два года шло следствие, приговор — восемь лет каторжных работ. Отсидел пять лет и был выслан на вечное поселение в Сибирь. Он получил свободу после Февральской революции и обосновался в Иркутске, где его избрали секретарем Иркутского совета. В 1918 году Трилиссера назначили председателем Иркутской ЧК.

Во время японской интервенции на Дальнем Востоке он вел подпольную работу в Благовещенске. Два года работал председателем Амурского областного ревкома и членом Дальневосточного бюро ЦК. После X съезда партии в марте 1921 года Трилиссера хотели оставить в аппарате ЦК или Коминтерна, но Дзержинский переманил умелого подпольщика к себе.

В августе 1921 года Трилиссер стал помощником начальника иностранного отдела и руководителем закордонной части, то есть отвечал за работу всех резидентур, легальных и нелегальных. Первоначально нелегальные резидентуры создавались на случай войны. Считалось, что всех разведчиков, работающих под дипломатической крышей, вышлют, а разведчики, находящиеся на нелегальном положении, смогут остаться и продолжат работу. Потом пришли к сочетанию легальных и нелегальных резидентур, вторые брали на себя работу, опасную для официального советского представителя.

Закордонная часть иностранного отдела по положению была «организационным центром, сосредотачивающим все руководство и управление зарубежной работой разведывательного и контрразведывательного характера».

«За границей, — говорилось в положении об иностранном отделе, — в определенных пунктах по схеме, вырабатываемой Закордонной Частью ИНО ГПУ, имеют местопребывание уполномоченные, именующиеся резидентами».

В 1921 году появились легальные резидентуры в Афганистане и Турции, потом в Иране. В 1922-м — легальная резидентура в составе представительства РСФСР в Берлине.

В декабре 1921 года Трилиссера утвердили заместителем начальника иностранного отдела, а 13 марта следующего года он возглавил разведку. При нем начался расцвет советской разведки,

впоследствии сведенный на нет сталинскими репрессиями. Меир Абрамович был спокойным и осторожным человеком, избегавшим поспешных шагов. В иностранном отделе его за глаза называли Стариком и Батькой.

При Трилиссере первое поколение советских разведчиков вполне профессионально освоило это ремесло; были выработаны принципы работы заграничных резидентур, приемы переброски за границу нелегалов, методы вербовки агентуры и способы поддержания связи со своими агентами. Переписку с нелегалами вели, используя симпатические чернила — фотографический гипосульфат, который легко приготовить. Разумеется, успехи советской разведки были в значительной степени обусловлены значительной помощью, которую оказывали ей Коминтерн, легальные и нелегальные структуры различных компартий и отдельные коммунисты, считавшие своим долгом помогать Москве.

Трилиссера ценил Вячеслав Рудольфович Менжинский, который в роли заместителя председателя ГПУ — ОГПУ курировал внешнюю разведку. 30 июля 1926 года, через десять дней после смерти Дзержинского, Менжинский занял его место. Трилиссер, в свою очередь, получил должность заместителя председателя ОГПУ. Помимо иностранного отдела он курировал и пограничную охрану, занимался внутренним политическим сыском. Его позиции подкрепило избрание членом Центральной контрольной комиссии ВКП(б).

Трилиссер в июле 1927 года вывел иностранный отдел из состава секретно-оперативного управления ОГПУ (им руководил восходящая звезда советской госбезопасности Генрих Григорьевич Ягода), и теперь разведка фактически подчинялась ему одному.

Менжинский и Трилиссер сделали советскую разведку, возможно, самой сильной в мире. Во-первых, в разведку пришли работать опытные люди, большевики, прошедшие школу подполья, конспирации, борьбы с царской полицией и тюрем. Во-вторых, первое поколение советских разведчиков состояло из людей, родившихся за границей или вынужденно проживших там много лет: они чувствовали себя за рубежом как дома или в прямом смысле дома.

И наконец, самое главное. До появления Советской России считалось, что разведка и контрразведка нужны только во время войны, а в мирное время их распускали, довольствуясь обычной полицией.

Немецкие спецслужбы фактически вообще перестали существовать после поражения в Первой мировой. Соединенные Штаты Америки до Второй мировой войны не имели

разведывательной службы и стали создавать ее с помощью англичан лишь после вступления в войну. Англичане сократили штаты спецслужб донельзя, то же сделали и французы. И только аппараты советской политической и военной разведки росли как на дрожжах. Советская Россия считала себя в состоянии войны чуть ли не со всем миром, поэтому вполне естественно для нее было и вести подпольную войну по всему земному шару.

Еще одна особенность советской разведки состояла в том, что она занималась не только сбором информации, но и уничтожением врагов советской власти, политических оппозиционеров, вынужденных покинуть Россию.

В постановлении политбюро № 59 от 1923 года говорилось: «Усилить работу ИНО ГПУ за границей в направлении пресечения связи меньшевиков с Россией…»

После разгрома в стране очередной оппозиции список тех, за кем надо было вести наблюдение, все увеличивался. До поры до времени оппозиционеров высылали за границу. И перед разведкой ставилась задача следить за ними.

Первое поколение советских разведчиков во многом состояло из идеалистов, преданных идее мировой революции. Они шли в разведку не ради поездки за границу. Они служили делу, которое считали великим. Сначала они обратились за помощью к естественным союзникам — иностранным компартиям, но быстро поняли, что открыто действующий член коммунистической партии не может быть успешным агентом: он на учете в полиции, и ему никуда нет ходу.

Тогда вербовщики советской разведки стали искать агентов «на вырост» — перспективную молодежь левых убеждений. Молодых людей, которые соглашались сотрудничать, убеждали не афишировать свои истинные взгляды и искать место в государственном аппарате, желательно в специальных службах. Такие идейные волонтеры в Европе между двумя мировыми войнами оказались лучшими агентами, но их было сравнительно немного, поэтому искали и людей, которые соглашались работать за деньги.

Вербовщики советской разведки, наверное, первыми сообразили, как удобно набирать агентов среди гомосексуалистов. Во-первых, те, кто вынужден вести двойную жизнь, умеют хранить тайну. Во-вторых, они легко находят интересующих разведку людей внутри гомосексуального братства: в постели выведываются любые секреты. В-третьих, в среде гомосексуалистов были распространены социалистические идеи. В Англии в тридцатых годах братство гомосексуалистов-леваков называлось Гоминтерном.

Ценность таких людей разведка поняла, воспользовавшись услугами одного из знаменитых своих агентов англичанина Гая Берджесса, друга и соратника Кима Филби. Первым заданием Берджесса было завербовать сотрудника английского военного министерства, что Берджесс и сделал, вступив с ним в интимную связь.

Комплексы, вызванные сексуальными отклонениями, сифилисом, который тогда плохо лечили, семейными проблемами, обида на весь белый свет за то, что их не оценили, не признали, трудности с карьерой, желание тайно повелевать окружающими — вот что привело целую когорту молодых англичан в сети московских вербовщиков. Не желая взглянуть правде в глаза, эта публика находила успокоение в мыслях о том, что все они служат великому делу. Это был мир странных, незаурядных, неординарных людей. Романтики, которые запросто убивали недавних коллег. Бессребреники, занимавшиеся подделкой казначейских билетов. Двадцатые и тридцатые годы стали временем, когда в разведку шли и ради острых ощущений, убегая от серых и пустых будней.

Задача состояла в том, чтобы умерить их авантюризм, научить быть незаметными.

Политбюро 5 мая 1927 года постановило:

«Обязать ИККИ, ОГПУ и Разведупр в целях конспирации принять меры к тому, чтобы товарищи, посылаемые этими органами за границу по линии НКИД и НКТорга, в своей официальной работе не выделялись из общей массы сотрудников полпредств и торгпредств.

Вместе с тем обязать НКИД обеспечить соответствующие условия конспирации для выполнения возложенных на этих товарищей специальных поручений от вышеназванных организаций».

В 1930 году численный состав иностранного отдела составлял сто двадцать два человека, половина работала в заграничных резидентурах. 8-е отделение ИНО стало заниматься научно-технической разведкой за границей. Главная задача — добывать сведения об изобретениях, конструкторские разработки, производственные чертежи.

Серьезной проблемой стало сохранение тайны шифропереписки, это волновало и дипломатов, и разведчиков.

Еще 21 августа 1920 года нарком Чичерин писал Ленину:

«Многоуважаемый Владимир Ильич,

я всегда скептически относился к нашим шифрам, наиболее секретные вещи совсем не сообщал и несколько раз предостерегал других от сообщения таковых.

Не верно мнение тов. Каменева, что трудно дешифровать. От нашего сотрудника Сабанина, сына старого дешифровщика Министерства иностранных дел, мы знаем, что положительно все иностранные шифры расшифровывались русскими расшифровщиками. В последний период существования царизма не было иностранной депеши, которая бы не расшифровывалась, при этом не вследствие предательства, а вследствие искусства русских расшифровщиков.

При этом иностранные правительства имеют более сложные шифры, чем употребляемые нами. Если ключ мы постоянно меняем, то самая система известна царским чиновникам и военным, в настоящее время находящимся в стане белогвардейцев за границей. Расшифрование наших шифровок я считаю вполне допустимым. Наиболее секретные сообщения не должны делаться иначе, чем через специально отправляемых лиц…»

Владимир Ильич Ленин, уверенный в своей способности дать нижестоящим товарищам дельный совет по всякому поводу, даже весьма экзотическому, откликнулся на обращение наркома в тот же день (сохраняем пунктуацию оригинала):

«Предлагаю

1. изменить систему тотчас
2. менять ключ каждый день, например, согласно дате депеши или согласно дню года (1-й… 365-й день и т. д. и т. п.)
3. менять систему или подробности ее каждый день (например, для буквы пять цифр; одна система: первая цифра фиктивная; вторая система: последняя цифра фиктивная и т. д.)

Если менять хотя бы еженедельно а) ключ и б) такие подробности, то нельзя расшифровать».

Через месяц Ленин вернулся к вопросу о шифрах. Эта проблема не давала ему покоя, потому что он всегда беспокоился о секретности переписки:

«Тов. Чичерин!

Вопросу о более строгом контроле за шифрами (и внешнем, и внутреннем) нельзя давать заснуть.

Обязательно черкните мне, когда все меры будут приняты.

Необходима еще одна: с каждым важным послом (Красин, Литвинов, Шейнман, Иоффе и т. п.) обязательно установить особо-строгий шифр, только для личной расшифровки, т. е. здесь будет шифровать особо надежный товарищ, коммунист (может быть, лучше при ЦЕКА), а там должен шифровать и расшифровывать лично посол (или «агент») сам, не имея права давать секретарям или шифровальщикам.

Это обязательно (для особо важных сообщений, 1–2 раза в месяц по 2–3 строки, не больше)».

25 сентября Чичерин ответил:

«Вообще вопросом о лучшей постановке шифровального дела в Республике занимается комиссия т. Троцкого. Что касается шифровального дела в нашем комиссариате, с понедельника у нас начнет работать т. Голубь, которого задача будет заключаться в превращении шифровок в официальные бумаги для рассылки их в таком совершенно измененном виде обычным получателям. Он же будет отделять наиболее конспиративные и чисто личные сведения от общеполитических, причем рассылаться будут последние, первые же сообщаться лишь самому ограниченному кругу лиц.

Иоффе уже имеет специальный шифр с Центральным комитетом. Единственный особо строгий шифр есть книжный. Пользоваться книжными шифрами можно лишь в отдельных случаях вследствие крайней громоздкости от этой системы. Требуется слишком много времени. Для отдельных наиболее секретных случаев это можно делать. В начале все наши корреспонденты имели книги, но вследствие слишком большой громоздкости этой системы постепенно отказались. Можно будет восстановить эту систему для отдельных случаев, пользуясь оказиями для извещения корреспондентов.

Устроить шифрование при ЦК нецелесообразно, так как при рассылке и передаче шифровка может попасть в посторонние руки, и вернее будет предоставить в наиболее важных случаях шифрование самым надежным шифровщикам».

Техническую сторону секретной переписки с заграничными представительствами (разработка шифров, а потом и шифровальных машин, подготовка шифровальщиков) взяло на себя ведомство госбезопасности. Причем у дипломатов и разведчиков были разные шифры.

В двадцатых годах англичане читали советскую шифрованную переписку. В этом искусстве англичане, которые еще в 1919 году создали Школу шифровальщиков правительственной связи, опередили всех. Потом советские разведчики, получив японские шифровальные книги, читали секретную переписку японских послов и военных атташе с Токио.

Служба в разведке постепенно стала завидной, чекисты из внутренних подразделений мечтали перевестить в иностранный отдел. Тот же Георгий Атабеков вспоминал:

«Посторонний зритель, если он попадет в иностранный отдел, заметит две категории различно одетых людей. Одни

ходят в защитного цвета казенных гимнастерках и кепках. Другие — в прекрасно сшитых из английского или немецкого сукна костюмах, в дорогих шляпах и франтоватых галстуках. Первые — это сотрудники, еще не побывавшие за границей, а вторые — это вернувшиеся из-за границы, где они по приезде в первую очередь понашили себе достаточный запас костюмов.

Вот почему первые, еще не побывавшие за границей, мечтают, «рискуя жизнью», поехать в капиталистические страны».

С другой стороны, в те годы сотрудников иностранного отдела легко переводили в другие подразделения ОГПУ, и они нисколько об этом не жалели. Скажем, в середине двадцатых годов резидентом в Берлине, а затем в Вене был Иван Васильевич Запорожец, чье имя связано с убийством Кирова.

Запорожец родился в 1885 году в Мелитопольской области. Агроном по образованию, Запорожец воевал в Первую мировую и попал в австрийский плен. Вернувшись из плена, он вступил в партию боротьбистов (левые эсеры Украины). Потом партия самоликвидировалась, а большинство боротьбистов перешло к большевикам.

В 1921 году Запорожца взяли в ВЧК.

За границей его главная задача состояла в том, чтобы вербовать среди белой эмиграции агентуру и присматривать за персоналом полпредства. По свидетельству очевидца, «Запорожец, гигантского роста добряк со средним интеллектом, добросовестно выполнял свою работу, а в свободное время полностью занимался женой и детьми, не обращая внимания на интриги и заговоры, которые сотрясали всех вокруг него».

После возвращения в Москву Запорожец возглавлял четвертое отделение (внешняя торговля) экономического управления ОГПУ, затем отдел информации и политконтроля. В марте 1931 года его отдел влили в секретно-политический отдел. Начальником отдела был Яков Саулович Агранов, доверенное лицо Сталина. Запорожец стал заместителем начальника отдела и с этой высокой должности уехал в Ленинград. Его утвердили заместителем начальника областного управления.

Ивана Запорожца подозревают в организации убийства Сергея Кирова. Считается, что он задержал будущего убийцу Кирова Леонида Николаева с оружием в руках и сознательно отпустил его. Правда, во время убийства Кирова Запорожца в Ленинграде не было. В конце августа Запорожца положили в военный госпиталь, в гипсе он пролежал до ноября, после чего отправился долечиваться в санаторий в Сочи. Потом он был уничтожен. История с убийством Кирова и по сей день остается неразгаданной…

6 апреля 1927 года китайская полиция устроила налет на советское полпредство в Пекине и арестовала нескольких сотрудников резидентуры, которые работали в составе полпредства и торгового представительства. А британская полиция 12 мая 1927 года провела обыск в помещении «Аркос» (All Russian Cooperative Society Ltd.) — совместного советско-британского акционерного общества, которое занималось внешней торговлей от имени различных советских организаций. «Аркос» находилось в одном здании с советским торгпредством, и полиции попали в руки и переписка торгпредства, и все шифры. 25 мая британское правительство разорвало дипломатические отношения с Советской Россией.

Политбюро приняло ряд решений, стараясь ограничить ущерб, нанесенный разведке, и извлечь уроки:

«Послать по линии ОГПУ шифротелеграмму о принятии срочных мер по соблюдению конспирации в работе и уничтожению компрометирующих документов…

Обязать полпредов немедленно уничтожить все секретные материалы, не являющиеся абсолютно необходимыми для текущей работы, как самого полпредства, так и представителей всех без исключений советских и партийных органов, включая сюда ОГПУ, Разведупр и Коминтерн…

Совершенно выделить из состава полпредств и торгпредств представительства ИНО ГПУ, Разведупра, Коминтерна, Профинтерна, МОПРа.

Шифры менять каждый день, проверить состав шифровальщиков. Послать специальное лицо с неограниченными правами по осуществлению строжайшей конспирации шифровальной работы, имея в виду в первую очередь объезд таких стран, как Франция, Италия, Варшава, Токио, Берлин (кандидатуру наметить особо).

Проверить состав представительств ИНО ГПУ, Разведупра, Коминтерна…»

Советская разведка сильно преуспела в распространении дезинформации, на которую покупались западные разведки. Иногда, впрочем, и иностранный отдел ОГПУ попадал на удочку таких же мастеров фальсификации.

В 1927 году сотрудники харбинской резидентуры получили от русского эмигранта Ивана Трофимовича Иванова-Перекреста секретный японский документ. Иванова-Перекреста в резидентуре очень ценили. Заместитель резидента Василий Михайлович Зарубин, будущий генерал госбезопасности, с гордостью говорил,

что у агента широкие связи среди японцев. Вот он и притащил меморандум японского генерала Гиити Танаки, содержавший план завоевания мира, сотруднику харбинской резидентуры Василию Ивановичу Пудину; человек он был физически очень крепкий и храбрый, но его образование ограничивалось тремя классами. Он переслал меморандум в центр.

Получение «меморандума Танаки», кажется, и по сей день считается большим успехом советской разведки. Но этот документ, активно использовавшийся в пропаганде, был фальшивкой. В двадцатых годах русские эмигранты в Европе и на Дальнем Востоке специализировались на изготовлении фальшивок, которые у них покупали различные спецслужбы… Характерно, что сами же руководители советской разведки решили предать «меморандум Танаки» гласности через иностранную печать. Секретные документы, имеющие ценность, в газеты не отдают.

Почему Сталин в конце концов убрал успешно действовавшего Меира Трилиссера из госбезопасности? Судя по всему, сыграли свою роль и политические, и личные мотивы.

11 июля 1928 года состоялась тайная беседа между людьми, которые когда-то вместе заседали в политбюро, а потом стали политическими противниками. К Льву Борисовичу Каменеву, который был заместителем Ленина в правительстве, а потом был изгнан со всех постов как участник антисталинской оппозиции, неожиданно пришел действующий член политбюро Николай Иванович Бухарин.

Еще недавно Бухарин выступал против Каменева на стороне Сталина. Но очень быстро Николай Иванович убедился в том, что генсек совсем не таков, каким он представлялся. Они все больше расходились. Импульсивный Бухарин, не зная, что предпринять, вдруг обратился к своим оппонентам. Напуганный Сталиным, он говорил очень откровенно. Лев Борисович Каменев потом почти дословно записал беседу.

Бухарин взволнованно говорил:

— Я со Сталиным несколько недель не разговариваю. Это беспринципный интриган, который все подчиняет сохранению своей власти. Он теперь уступил, чтобы нас зарезать.

— Каковы же ваши силы? — поинтересовался Каменев.

— Я плюс Рыков плюс Томский плюс Угланов, — начал перечислять Бухарин. — Андреев за нас… Ягода и Трилиссер — наши…

Алексей Иванович Рыков был главой правительства, Михаил Павлович Томский — руководителем профсоюзов, Николай Александрович Угланов — секретарем ЦК и руководителем

московской партийной организации.

Запись беседы попала в руки агентов секретно-политического отдела ОГПУ, которые следили за всеми крупными оппозиционерами. Доложили Сталину. Сокращенная запись беседы гуляла по стране в виде нелегально распространявшейся листовки.

6 февраля 1929 года Менжинский и его заместители Ягода и Трилиссер направили Сталину и председателю Центральной контрольной комиссии ВКП(б) Серго Орджоникидзе заявление о непричастности руководства ОГПУ к оппозиции:

«В контрреволюционной троцкистской листовке, содержащей запись июльских разговоров т. Бухарина с тт. Каменевым и Сокольниковым о смене политбюро, о ревизии партийной линии и прочем, имеются два места, посвященные ОГПУ:

1. На вопрос т. Каменева: каковы же ваши силы, Бухарин, перечисляя их, якобы сказал: «Ягода и Трилиссер с нами» и далее:

2. «Не говори со мной по телефону — подслушивают. За мной ходит ГПУ, и у тебя стоит ГПУ».

Оба эти утверждения, которые взаимно исключают друг друга, вздорная клевета или на т. Бухарина, или на нас, и независимо от того, говорил или нет что-нибудь подобное т. Бухарин, считаем необходимым эту клевету категорически опровергнуть перед лицом партии».

Неосторожное высказывание Бухарина не помешало Сталину (правда, после долгих размышлений) назначить Генриха Григорьевича Ягоду наркомом внутренних дел. Но генсек бухаринские слова запомнил. В 1938 году он посадил Бухарина и Ягоду на одну скамью подсудимых.

Сталин учел, что правые числят заместителя председателя ОГПУ Меира Трилиссера среди своих сторонников, и при очередной перестановке убрал его из аппарата госбезопасности. Впрочем, похоже, и Генрих Ягода жаждал устранения Трилиссера, удачливого руководителя разведки, как вероятного соперника в борьбе за должность председателя ОГПУ. Они оба были замами, оба понимали, что Менжинский серьезно болен и что в ЦК подыскивают ему замену.

Конфликт двух замов окончился победой Ягоды. Трилиссер публично обвинил Генриха Григорьевича в поддержке «правых уклонистов», в дружеских отношениях с лидерами правых. Сталину это не понравилось. Трилиссер сыграл ва-банк и проиграл. 27 октября 1929 года Трилиссер был освобожден от работы в ОГПУ.

В феврале 1930 года Трилиссер получил должность заместителя наркома рабоче-крестьянского контроля. Его ввели в состав президиума Центральной контрольной комиссии ВКП(б). В 1934 году назначили уполномоченным Комиссии советского контроля по Дальневосточному краю. 10 августа 1935 года решением политбюро Трилиссера перевели на работу в Коминтерн. После седьмого конгресса его избрали членом президиума и утвердили секретарем исполкома Коминтерна — под псевдонимом Москвин.

Сталина, отдыхавшего на юге, не поставили в известность, что Трилиссеру изменили фамилию. И он прислал Кагановичу возмущенное письмо: «Почему кандидатуру Трилиссера в ИККИ заменили кандидатурой Москвина? В чем дело?»

Сталин подумал, что члены политбюро решили выдвинуть Ивана Михайловича Москвина. Это был известный партийный работник. В двадцатых годах он работал в Ленинграде и презирал ленинградского вождя Зиновьева. Иван Москвин был одним из немногих ленинградцев, резко выступивших против Зиновьева. Сталин приметил Москвина, перевел его в Москву, сделал членом оргбюро ЦК, кандидатом в члены секретариата ЦК и поставил управлять всеми руководящими партийными кадрами. Своим заместителем в организационно-распределительном отделе ЦК Москвин поставил исполнительного Николая Ивановича Ежова. Но вскоре Сталин в Москвине разочаровался: Иван Михайлович был ригористом и партийным романтиком, верил в то, что говорил. Поэтому из партаппарата его убрали.

Лазарь Каганович, оставшийся на время отпуска Сталина на партийном хозяйстве, поспешил успокоить вождя: «Трилиссера переименовали в Москвина ввиду того, что его фамилия известна как бывшего работника НКВД».

Коминтерновские дела были Трилиссеру не в новинку. Еще в декабре 1922 года решением оргбюро ЦК он был включен в «постоянную нелегальную комиссию исполкома Коминтерна». Задача состояла в том, чтобы помочь компартиям научиться действовать, находясь на нелегальном положении: разрабатывались средства связи в условиях строжайшей конспирации, шифры, методы создания тайных типографий.

Как руководитель иностранного отдела Трилиссер тесно сотрудничал с отделом международных связей Исполкома Коминтерна, который ведал переброской партийных агентов за границу и их нелегальной работой. Трилиссер информировал аппарат Коминтерна о ситуации в той или иной стране, предупреждал об ожидаемых арестах, о путях перехода границы.

13 мая 1922 года Трилиссер писал руководителю отдела

международной связи Иосифу Ароновичу Пятницкому: «Некоторые из материалов, получаемые от наших резидентов из-за границы, могущие интересовать Коминтерн, мы направляем Вам. Я бы просил каждый раз по получении от нас таких материалов, давать свои заключения по ним и сообщать имеющиеся у вас сведения по вопросам, затронутым в этих материалах».

В свою очередь Пятницкий обращался к Трилиссеру со своими заботами: «В целях сокрытия нашего учреждения при получении валюты из Госбанка нам необходимо, чтобы получатель валюты был бы снабжен фиктивным удостоверением. Поэтому просим Вас выдать ему удостоверение либо в том, что он сотрудник по ответственным поручениям ИНО, либо от какого-нибудь крупного треста, если таковые у Вас имеются».

В исполкоме Коминтерна секретариат Трилиссера ведал связями с компартиями Польши, Финляндии, Литвы, Латвии и Эстонии. Кроме того, он занимался финансами Коминтерна и курировал отдел международных связей (с 1936 года — служба связи секретариата). Аппарат Трилиссера состоял из одиннадцати человек, в том числе из представителей подведомственных партий. Служба связи занималась среди прочего отправкой добровольцев в Испанию. Шифровальную часть в 1937 году у Трилиссера забрали и подчинили напрямую председателю Исполкома Коминтерна Георгию Димитрову.

Когда начались массовые репрессии, Трилиссера-Москвина привлекли к чистке аппарата Коминтерна. В январе 1936 года секретариат Исполкома образовал «комиссию по проверке квалификации работников аппарата». Возглавил комиссию старый чекист Трилиссер. Проверяли не профессионализм, а политическую благонадежность. Распространенный вердикт: «снять с работы в аппарате ИККИ». В 1937 году появилась уже «особая комиссия по проверке работников аппарата ИККИ» — тройка в составе Димитрова, Трилиссера и Дмитрия Захаровича Мануильского, еще одного члена президиума и секретаря Исполкома Коминтерна.

Димитрова и Мануильского Сталин помиловал, а Трилиссера в ноябре 1938 года арестовали. Формально его даже не исключили из состава Исполкома и секретариата Коминтерна. 2 февраля 1940 года Трилиссера расстреляли.

Станислав Мессинг
Охота на вредителей

Вместо Трилиссера руководителем разведки сделали Станислава Мессинга, который до этого был полномочным представителем ОГПУ в Ленинграде.

Станислав Адамович Мессинг, родившийся в 1890 году в Варшаве, юношей вступил в небольшую социал-демократическую партию Польши и Литвы, в рядах которой состоял и Феликс Дзержинский. Всю Первую мировую Мессинг провел в действующей армии на Кавказском фронте.

После революции Мессинг возглавил Чрезвычайную комиссию в Сокольниках, через год получил повышение — стал членом коллегии Московской ЧК и заведующим секретно-оперативным отделом. Летом 1920 года его ввели в состав коллегии ВЧК, в январе двадцать первого поставили во главе МЧК. Он считался одним из самых авторитетных чекистов.

Осенью 1921 года его перевели на укрепление питерского чекистского аппарата. Он возглавил не только ленинградское управление госбезопасности, но и войска ГПУ. Ему трудно далось общение с хозяином Ленинграда членом политбюро Григорием Евсеевичем Зиновьевым, человеком слабохарактерным и одновременно жестоким.

Видимо, Мессинг уступал ему в жестокости.

Весной 1923 года он отправил заместителю председателя ГПУ Иосифу Станиславовичу Уншлихту рапорт с просьбой перевести его из Ленинграда:

«На экстренном заседании бюро Петроградского комитета при обсуждении вопроса об усилении мер борьбы против меньшевиков было указано на слабость работы ГПУ и лично Мессинга.

Это подтвердил и в личной беседе Зиновьев.

Я не стараюсь бить меньшевиков широкими репрессиями, принимая во внимание, что мы живем в двадцать третьем году, а не в восемнадцатом… При сложившихся обстоятельствах считаю совершенно необходимым мою переброску».

Тем не менее Мессинг пережил в Ленинграде Зиновьева. Но позиции руководителя питерской госбезопасности укрепили — его ввели в коллегию ОГПУ и в состав Северо-Западного бюро ЦК партии. В Москву Станислава Адамовича вернули только осенью 1929 года, 27 октября его поставили во главе разведки и вскоре утвердили заместителем председателя ОГПУ.

После вступления Мессинга в должность, 5 февраля 1930 года политбюро приняло первое развернутое постановление о работе иностранного отдела ОГПУ:

«Исходя из необходимости концентрации всех наших разведывательных сил и средств на определенных главных территориальных участках, основными районами разведывательной деятельности ИНО ОГПУ определить:

1. Англию
2. Францию
3. Германию (Центр)
4. Польшу
5. Румынию
6. Японию
7. Лимитрофы».

Лимитрофами называли Литву, Латвию, Эстонию и Финляндию. Характерно, что в списке отсутствуют Соединенные Штаты, чья роль в мировой политике была невелика, и Китай. Возможно, Китаем больше занималась военная разведка.

«Задачи, стоящие перед ИНО ОГПУ:

1. Освещение и проникновение в центры вредительской эмиграции, независимо от места их нахождения.
2. Выявление террористических организаций во всех местах их концентрации.
3. Проникновение в интервенционистские планы и выяснение сроков выполнения этих планов, подготовляемых руководящими кругами Англии, Германии, Франции, Польши, Румынии и Японии.
4. Освещение и выявление планов финансово-экономической блокады в руководящих кругах упомянутых стран.
5. Добыча документов секретных военно-политических соглашений и договоров между указанными странами.
6. Борьба с иностранным шпионажем в наших организациях.
7. Организация уничтожения предателей, перебежчиков и главарей белогвардейских террористических организаций.
8. Добыча для нашей промышленности изобретений, технико-производственных чертежей и секретов, не могущих быть добытыми обычным путем.
9. Наблюдение за советскими учреждениями за границей и выявление скрытых предателей».

Разведка должна была заниматься слежкой за советскими колониями за границей, промышленным шпионажем, убивать

убежавших за границу оппозиционеров. Но среди перечня задач иностранного отдела отсутствовала главная, то, ради чего содержат разведку: получение объективной информации о положении в мире.

Сталин и члены политбюро пребывали в уверенности, что картина мира им известна и ясна. От разведки требуется лишь представить доказательства их правоты. Поэтому задача номер один — следить за эмиграцией, которая в 1930 году уже не представляла реальной опасности, и выяснять, когда Польша и Румыния нападут на Советский Союз. Польша считалась главным и самым опасным врагом.

Впрочем, приказ председателя КГБ Юрия Владимировича Андропова считать полвека спустя первоочередной задачей советской разведки выявление признаков подготовки главного противника (США) к ядерному нападению был порожден той же неспособностью видеть и понимать реальный мир. В 1981 году Андропов распорядился разработать крайне дорогостоящую систему предупреждения о ракетно-ядерном нападении, которая включала контроль не только за активностью натовских штабов, но и закупками медикаментов и запасов крови для больниц и госпиталей. Этим занимались все резидентуры внешней разведки плюс разведывательные службы социалистических стран. Разведчики вспоминали, что истерия в 1982 году достигла такого накала, что в вашингтонской резидентуре свели переписку с Центром до минимума, чтобы в любой момент можно было покинуть здание — то есть ждали войны с Соединенными Штатами…

И наконец, в феврале 1930 года политбюро обещало «дать ОГПУ для инработы пять ответственнейших партийцев, которые могли бы быть брошены в качестве организаторов и политических руководителей в основные пункты закордонной работы ИНО». Еще пятьдесят «особо проверенных и стойких партийцев» обещали перевести в ИНО в течение года, но их все-таки предлагалось первоначально подготовить к разведывательной работе.

Во главе иностранного отдела Станислав Мессинг проработал недолго.

Особисты (военная контрразведка) разработали так называемое дело «Весна», в рамках которого в 1930–1932 годах было арестовано больше трех тысяч бывших офицеров царской армии, честно служивших в Красной армии. Им предъявили обвинение в участии в различных монархических или офицерских организациях, в реальности никогда не существовавших.

В Красной армии служило больше выпускников

Николаевской академии Генерального штаба, чем у белых. Они заняли ключевые посты во всей структуре военного управления, и этим в немалой степени объясняется победа Красной армии в годы Гражданской войны. Все эти люди отказались когда-то служить в Белой армии и присягнули на верность советской власти, но эта власть, многим им обязанная, все равно бывшим офицерам не доверяла.

Станислав Мессинг был среди тех, кто утверждал, что «Весна» — дутое дело и массовые аресты военных — вредная акция. По личному указанию Сталина летом 1931 года он был отстранен от работы в ОГПУ. В решении политбюро от 25 июля говорилось: «откомандировать т. Мессинга в распоряжение ЦК ВКП(б)».

Постановлением политбюро 15 августа Станислава Адамовича утвердили членом коллегии Наркомата внешней торговли. Он вел торговые переговоры с Монголией и Тувой, возглавил внешнеторговое объединение «Совмонголтувторг».

В начале 1937 года его назначили председателем Советско-Монгольско-Тувинской торговой палаты. А в июне Мессинга, как других чекистов-поляков, арестовали по обвинению в принадлежности к мифической организации польских шпионов и террористов. В сентябре 1937 года его расстреляли.

Артур Артузов «Трест», «Синдикат» и заговор против тухачевского

1 августа 1931 года иностранный отдел возглавил один из самых известных чекистов — Артур Христианович Артузов.

Его настоящая фамилия — Фраучи. Он родился в феврале 1891 года в деревне Устиново Кашинского уезда Тверской губернии в семье кустаря-сыровара, эмигранта из Швейцарии. Заполняя советские анкеты, называл себя то швейцарцем, то итальянцем.

В 1909 году Артур Фраучи с отличием окончил гимназию, затем учился в Петроградском политехническом институте, с февраля 1917 года работал инженером-проектировщиком Металлического бюро Владимира Ефимовича Грум-Гржимайло, крупнейшего инженера-металлурга и брата знаменитого географа, в Нижнем Тагиле.

Артур Фраучи прекрасно пел, у него был сильный тенор, он участвовал в любительских спектаклях. Но юношу тянуло не к искусству, а к политике. Его судьбу определило родство с двумя влиятельными большевиками — Николаем Ивановичем Подвойским, одним из комиссаров по военным делам в первом советском правительстве, и с Михаилом Сергеевичем Кедровым, начальником особого отдела ВЧК. Кедров и Подвойский были его дядьями, они оба женились на сестрах его матери.

Когда Михаила Кедрова после революции утвердили комиссаром по демобилизации старой армии, он пристроил в свое ведомство молодого Артузова, который в декабре 1917 года стал секретарем отдела материально-технического снабжения управления по демобилизации армии и флота.

Весной 1918 года Кедров получил указание выехать на север и тоже взял с собой подающего надежды племянника на роль секретаря ревизионной комиссии Наркомата по военным делам в Вологде и Архангельске. Потом Артузов недолго был инспектором снабжения Северо-Восточного участка Восточного фронта. И наконец, в сентябре 1918 года он нашел главное дело своей жизни — стал начальником военно-осведомительного бюро Московского военного округа. В ноябре 1918 года Артузова утвердили начальником активной части отдела военного контроля Реввоенсовета Республики.

В январе 1919 года Артузова взяли в ВЧК. В мае назначили особоуполномоченным особого отдела, которым руководил его

дядя Михаил Сергеевич Кедров. Но дядя в ВЧК не задержался, а Артузов оказался в своей стихии. За два года он вырос до заместителя начальника особого отдела.

В июле 1922 года Артузова утвердили начальником важнейшего контрразведывательного отдела ОГПУ. Это время его профессионального расцвета. Именно тогда проводилась знаменитая операция «Трест» и другие оперативные игры, например «Синдикат-2». Бежавшие из России военные и политики хотели верить — не могли не верить! — в то, что в России крепнет антибольшевистское движение. Главная задача таких оперативных игр состояла в том, чтобы заманить в Советскую Россию руководителей белой эмиграции и их уничтожить.

Заманили Бориса Викторовича Савинкова, одного из руководителей боевой организации эсеров, непримиримого противника советской власти, одного из самых знаменитых террористов XX столетия. Дворянин, член Боевой организации партии эсеров, он участвовал во множестве терактов, организовал убийство министра внутренних дел и шефа жандармов Вячеслава Константиновича Плеве и великого князя Сергея Александровича, московского генерал-губернатора и командующего войсками округа. Савинкова приговорили к смертной казни. Он бежал из страны. За ним следило около сотни агентов заграничной агентуры департамента полиции. Но помешать его террористической деятельности полиция не смогла.

Илья Эренбург писал о Савинкове, с которым был знаком: «Я не встречал такого непонятного и страшного человека».

Летом 1915 года Эренбург написал стихотворный портрет Савинкова (оставшийся тогда неопубликованным):

Лицо подающего надежды дипломата,
Только падают усталые веки.
Очень уж гадко
На свете!
О силе говорит каждый палец,
О прежней.
И лишь порой стыдливая сентиментальность
Как будто брезжит.
Ах, он написал очень хорошие книги.
У него большая душа и по-французски редкий выговор.
Только хорошо с ним запить,
О России пьяным голосом бубнить:
— Ты, Россия, ты огромная страна,
Не какая-нибудь маленькая улица. Родила ты, да и то спьяна

«Изящный человек среднего роста, одетый в хорошо сшитый серо-зеленый френч, — таким увидел Савинкова его коллега по Временному правительству в семнадцатом году. — В суховатом, неподвижном лице сумрачно, не светясь, горели небольшие, печальные и жестокие глаза. Левую щеку от носа к углу жадного и горького рта прорезала глубокая складка. Голос у Савинкова был невелик и чуть хрипл. Говорил он короткими, энергичными фразами, словно вколачивая гвозди в стену».

Глава Временного правительства Александр Федорович Керенский сделал товарища по партии Бориса Савинкова своим заместителем в Военном министерстве. В нем была симпатичная военным подтянутость, четкость жестов и распоряжений, немногословность, пристрастие к шелковому белью и английскому мылу. Главным же образом производил впечатление прирожденный и развитый в подполье дар распоряжаться людьми. Керенский нашел себе странного союзника, которого, видимо, не вполне понимал. Кто-то точно сказал, что Савинков при его страсти к интригам и заговорам был бы уместен в Средние века в Италии, но ему совершенно нечего делать в Петрограде.

«Душа Бориса Викторовича, одного из самых загадочных людей среди всех, с которыми мне пришлось встретиться, была внутренне мертва, — писал человек, который занимал в Военном министерстве должность начальника политуправления. — Если Савинков был чем-нибудь до конца захвачен в жизни, то лишь постоянным самопогружением в таинственную бездну смерти…»

Эсер Борис Савинков ненавидел большевиков, которые привлекли на свою сторону солдат твердым обещанием немедленного мира. Савинков презрительно называл Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов «Советом рачьих, собачьих и курячьих депутатов». «Ему, вероятно, казалось, — в этом была его главная психологическая ошибка, — что достаточно как следует прикрикнуть на всю эту «сволочь» и взять ее по-настоящему в оборот, чтобы она перед ним с Корниловым побежала…»

Борис Викторович предполагал вызвать с фронта надежные конные части, объявить Петроград на военном положении, ликвидировать большевиков и провозгласить диктатуру директории. Такие разговоры Савинков, как заместитель военного министра, и вел с генералом Корниловым.

Одинокий эгоцентрик Савинков, привыкший в качестве главы

террористической организации брать всю ответственность на себя, прирожденный заговорщик и диктатор, склонный к преувеличению своей власти над людьми, не столько стремился к сближению Корнилова, которого любил, с Керенским, которого презирал, сколько к их использованию в задуманной им политической игре… Ему рисовалась военная директория — Керенский, Корнилов, Савинков.

Но затея с Корниловым провалилась.

Керенскому пришлось отправить Савинкова в отставку, которую тот отпраздновал в подвале кавказского ресторанчика вином и шашлыками вместе с офицерами Дикой дивизии. После Октября он стал непримиримым врагом советской власти. Говорят, в 1918 году Борис Викторович «вел себя в Москве с вызывающей храбростью: ходил по улицам в черном френче и желтых сапогах, утверждая, что любой чекист при встрече с ним первый постарается скрыться».

«Громадным подспорьем Савинкову была его биологическая храбрость, — писал человек, который был рядом с ним в семнадцатом году. — Савинков не склонял головы ни перед немецкими, ни перед большевистскими пулями…

Смертельная опасность не только повышала в нем чувство жизни, но наполняла его душу особою, жуткою радостью: «Смотришь в бездну, и кружится голова, и хочется броситься в бездну, хотя броситься — погибнуть». Не раз бросался Савинков вниз головой в постоянно манившую его бездну смерти, пока не размозжил своего черепа о каменные плиты, выбросившись из окна московской тюрьмы ГПУ».

После Гражданской войны Борис Савинков бежал из страны. Но чекисты умело заманили его в Россию. Его арестовали помощник начальника контрразведывательного отдела ОГПУ Сергей Васильевич Пузицкий и Филипп Демьянович Медведь, в ту пору полномочный представитель ОГПУ по Западному краю. Пузицкий учился на юридическом факультете Московского университета и после революции служил в ревтрибунале. С 1921 года он служил в госбезопасности. За операцию с Савинковым получил орден Красного Знамени.

Савинков сделал все, что от него требовали чекисты: публично покаялся и призвал недавних соратников прекратить борьбу против советской власти. Политбюро 18 сентября 1924 года приняло директиву для советской печати: «Савинкова лично не унижать, не отнимать у него надежды, что он может еще выйти в люди».

Борис Викторович надеялся на освобождение. Убедившись, что его выпускать не собираются, 7 мая 1925 года выпрыгнул из

открытого окна кабинета заместителя начальника контрразведывательного отдела ОГПУ Романа Пилляра (родственник Дзержинского, настоящее имя — Ромуальд фон Пильхау), хотя в комнате вместе с ним находилось двое чекистов. Окна выходили во внутренний двор, так что лишних свидетелей смерти Савинкова не было.

Чекисты создали мифическую подпольную организацию — Монархическое объединение Центральной России. От имени этой организации агенты госбезопасности отправились в Европу с предложением сотрудничества.

Некоторые лидеры эмиграции вступили в контакт с мнимыми подпольщиками. На удочку советской разведки попался глава военной эмиграции — председатель Российского общевоинского союза (РОВС) генерал Александр Павлович Кутепов, обосновавшийся в Париже. Генерал поверил в реальность «Треста», хотя более изощренный человек догадался бы, что с ним ведут игру.

Во всяком случае, бывший главнокомандующий Белой армией генерал Антон Иванович Деникин утверждал, что с самого начала заподозрил нечто неладное. Кутепов делился с Деникиным своими планами подпольной работы. Деникину все это очень не нравилось. Он считал прямого и храброго генерала не очень пригодным к конспиративной деятельности и подпольной работе. И оказался прав (см. книгу Дмитрия Леховича «Белые против красных. Судьба генерала Деникина»),

«Из рассказов Александра Павловича Кутепова, — вспоминал Деникин, — я начал выносить все более и более беспокойное чувство. Однажды я сказал ему прямо:

— Нет у меня веры. На провокацию все похоже.

Но Кутепов ответил:

— Но ведь я ничем не рискую. Я «им» не говорю ничего, слушаю только, что говорят «они».

Сомнения Деникина усилились после того, как мнимый «Трест» (а в реальности чекисты) помог одному из видных деятелей эмиграции Василию Васильевичу Шульгину нелегально проехать по Советской России и преспокойно покинуть ее, чтобы написать вполне просоветскую книгу «Три столицы» — о Москве, Ленинграде и Киеве. Шульгин вернулся из России, убежденный в реальности монархистов-подпольщиков.

Однажды Деникина попросили укрыть в своей квартире секретные дела кутеповской организации и притащили пять или шесть чемоданов. Антон Иванович с женой успели разобрать бумаги, среди которых обнаружилась и переписка с «Трестом».

«Просмотрев это, — записал Деникин, — я пришел в полный

ужас, до того ясна была, в глаза била большевистская провокация. Письма «оттуда» были полны несдержанной лести по отношению к Кутепову: «Вы, и только Вы спасете Россию, только Ваше имя пользуется у нас популярностью, которая растет и ширится…»

Описывали, как росло неимоверно число их соучастников, ширилась деятельность «Треста»; в каком-то неназванном пункте состоялся будто бы тайный съезд членов в несколько сот человек, на котором Кутепов был единогласно избран не то почетным членом, не то почетным председателем… Повторно просили денег и, паче всего, осведомления. К сожалению, веря в истинный антибольшевизм «Треста», Кутепов посылал периодически осведомления об эмигрантских делах, организациях и их взаимоотношениях довольно подробно и откровенно…»

Несмотря на скептицизм Деникина, генерал Кутепов безгранично верил в «Трест».

Тесть Деникина, Василий Иванович Чиж, остался в Советской России. Он жил в Крыму и работал на железной дороге. Никто не знал о их родстве. Деникин решил перевезти его во Францию и попросил Кутепова узнать, как это можно сделать.

«Можно себе представить нашу скорбь, — вспоминал Деникин, — когда я прочел в кутеповском письме, адресованном «Тресту», что «Деникин просит навести справки, сколько будет вывезти его тестя из Ялты»!..

Когда Кутепов пришел ко мне, и я горько пенял ему по этому поводу, он ответил:

— Я писал очень надежному человеку.

Поколебать его веру в свою организацию было, по-видимому, невозможно, но на основании шульгинской книги и прочитанной мной переписки с «Трестом» я сказал ему уже не предположительно, а категорически: все сплошная провокация!

Кутепов был смущен, но не сдавался. Он уверял меня, что у него есть «линии» и «окна», не связанные между собой и даже не знающие друг друга, и с той линией, по которой водили Шульгина, он уже все порвал».

В 1927 году в ОГПУ пришли к выводу, что операцию «Трест» надо заканчивать, потому что она может провалиться. Так и произошло. В апреле 1927 года бежал в Финляндию один из главных агентов ОГПУ в этом деле Фриц Эдуард Опперпут.

Опперпут, бывший штабс-капитан царской армии, в Гражданскую войну пошел в Красную армию и дослужился до должности помощника начальника штаба внутренних войск Западного фронта. Он перешел на сторону Савинкова, вступил в Народный союз защиты родины и свободы и был арестован еще в 1921 году. Спасая себе жизнь, он изъявил желание сотрудничать и

был привлечен к работе в роли секретного сотрудника ГПУ. Его освободили и снабдили документами на имя Эдуарда Оттовича Стауница. Когда Опперпуту-Стауницу представилась возможность бежать за границу, он все рассказал.

30 ноября 1924 года Артузов представил начальству «Справку о работе контрразведывательного отдела за 1923–1924 операционный год».

Он рисовал картину тотального шпионажа против СССР. Каждый иностранец априори считался разведчиком.

«Иностранные государства, — докладывал Артузов, — ведут энергичную разведку либо через свои официальные учреждения, находящиеся на территории нашего Союза и пользующиеся правами экстерриториальности, таких учреждений в одной Москве насчитывается двадцать пять, кроме того имеется кадр иностранных корреспондентов, в число которых входят двадцать семь американских корреспондентов, занятых исключительно разведывательной работой, либо путем организации резидентур разведывательных отделов своих генштабов вне миссий.

Немцы практикуют для данной цели организацию специальных коммерческих предприятий, например: виноторговля «Конкордия», оптические магазины, через духовенство и через широкую сеть, организованную в крупнейших немецких колониях;

поляки — через католическое духовенство, организацию книжных магазинов, через торговые фирмы;

финны — почти исключительно путем посылки в СССР отдельных частных лиц, вербуемых из числа эмигрантов-белогвардейцев;

китайцы — путем организации различных объединений, как, например, «Союз китайских рабочих», китайские курильни опиума;

эстонцы и латыши — путем организации в разных местах меняльных лавок, книжных магазинов, антикварных лавок.

В деле организации разведывательной сети штабам иностранных государств служат всевозможные смешанные торговые общества и концессионные предприятия («Юнкере», «Дерлюфт», «Телеграфен-Унион», «Нунция»)…»

Сотрудничество с иностранными фирмами было выгодным для Красной армии. Но Артузов и его контрразведчики крайне настороженно относились к экономическому сотрудничеству с иностранцами, считали инвесторов и работавших в России заграничных специалистов шпионами. Возможно, потому, что советские разведчики в Германии работали под прикрытием совместных советско-германских торговых компаний. Главная их

задача состояла в краже промышленных секретов. Разведчики крали патенты, изобретения и под чужим именем привозили в Советскую Россию немецких инженеров, которые соглашались за вознаграждение раскрыть секреты своей фирмы.

Всего за десять месяцев 1924 года, докладывал Артузов, органами ОГПУ арестованы 926 иностранцев. Из них 110 освободили, 463 выслали, остальных отправили за решетку. За связь с иностранцами арестовали 449 человек.

Цифры — очевидно дутые. Шпионаж такого масштаба не могли себе позволить все европейские разведки, вместе взятые. Но контрразведчики Артузова демонстрировали масштабную борьбу с иностранцами, пренебрегая возражениями хозяйственников, которые дорожили работавшими в России специалистами и иностранными концессиями.

Профессиональным экономистам с самого начала стало ясно, что чекисты мешают развитию экономики страны.

Леонид Борисович Красин, уважаемый в партии человек, талантливый инженер, пытался после революции наладить внешнеторговые отношения Советской России с внешним миром. Он писал Ленину 8 ноября 1921 года, что нормальное экономическое сотрудничество с западными державами вполне возможно. Главное препятствие, недвусмысленно объяснил Красин, — это произвол чекистов:

«Пока некомпетентные и даже попросту невежественные в вопросах производства, техники и т. д. органы и следователи будут гноить по тюрьмам техников и инженеров по обвинениям в каких-то нелепых, невежественными же людьми изобретенных преступлениях — «техническом саботаже» или «экономическом шпионаже», ни на какую серьезную работу иностранный капитал в Россию не пойдет…

Ни одной серьезной концессии и торгового предприятия мы в России не установим, если не дадим каких-то определенных гарантий от произвола ВЧК».

Красин был прав в своем пессимизме. Артузов доложил Дзержинскому, что работающие в России немцы — чуть ли не поголовно шпионы, и предложил все эти концессии ликвидировать. Точка зрения чекистов возобладала.

Несмотря на невероятные усилия иностранных шпионов, уверенно докладывал Артур Артузов, успехи иностранных разведок ничтожны:

«Контрразведывательному отделу ОГПУ удалось поставить борьбу со шпионажем на такую ступень, при которой главные европейские штабы (относительно английского ввиду непроверенное™ утверждать не можем) были снабжены на 95

процентов материалом, составленным по указанию Наркомвоен и НКИД и имеют, таким образом, такое представление о нашей военной мощи, как этого желаем мы.

Остальные пять процентов просачиваются через заградительную сеть нашей контрразведки — по преимуществу из заграничной полосы и имеют, таким образом, местное значение, не могущее влиять на общую картину…

Кроме того целый ряд иностранных разведок, как польской, эстонской и отчасти (работа только начинается) французской, находится всецело в наших руках и действует по нашим указаниям…

Нам удалось получить целый ряд шифров и кодов, на основании которых большинство телеграфных сношений иностранных государств нам известно. Техническому отделу КРО удалось ряд миссий оборудовать специальными техническими приспособлениями. КРО ОГПУ перлюстрирует периодически ряд иностранных дипломатических почт, а также всю корреспонденцию отдельных иностранцев. Кроме того проводится оперативная работа в заграничных вагонах».

В международных вагонах чекисты охотились за иностранными дипломатическими курьерами. Одних пытались соблазнить красивые женщины, работавшие на контрразведку, другим подсыпали снотворное в надежде выманить у сонного дипкурьера его драгоценную сумку хотя бы на пару часов. В оперативную группу включали фотографа, который быстро переснимал документы, если удавалось добраться до дипломатической переписки.

Чекисты часто действовали неумело, и, когда посольства это обнаруживали, возникал скандал. Объясняться приходилось Наркомату иностранных дел.

В 1927 году Артузова назначили помощником начальника секретно-оперативного управления ОГПУ, которое объединяло все оперативные отделы, кроме иностранного, и освободили от должности начальника контрразведки. Артузов, оставшись без реального дела, переживал. Начальником управления был Генрих Ягода. Они друг друга не любили.

В январе 1930 года Артузова перевели в иностранный отдел ОГПУ (сначала заместителем начальника). С 1 августа 1931 года Артур Христианович Артузов — начальник иностранного отдела и член коллегии ОГПУ. Это пик его карьеры.

Иностранный отдел состоял из шести отделений:

1-е занималось нелегальной разведкой;

2-е контролировало въезд в страну и выезд из СССР;

3-е отвечало за разведку в капиталистических странах;

4-е отвечало за разведку в соседних странах — Литве, Латвии, Эстонии, Польше и Финляндии;

5-е занималось борьбой с белой эмиграцией;

6-е отвечало за разведработу на Востоке;

7-е было своего рода внешней контрразведкой — занималось «обеспечением безопасности советских колоний»;

8-е занималось научно-технической разведкой.

Внешняя разведка стала необходимой для политического руководства и отвоевала себе особое положение в извечном конфликте с дипломатией.

Члены политбюро довольно быстро осознали, что нужно разделить разведку и дипломатию и не компрометировать полпредов конспиративной деятельностью: «Безусловно запретить всякую нелегальную работу и деятельность как послам и ответственным лицам советских представительств за границей, так и курьерам и всяким другим служащим».

Взаимоотношения между дипломатами и разведчиками складывались трудно. Хотя поначалу дипломаты еще могли отстоять свои права с помощью партийного аппарата.

17 июля 1924 года политбюро приняло постановление: «В дальнейшем назначение основных резидентов ГПУ в состав дипломатического корпуса производить по соглашению с секретарем ЦК».

Феликс Дзержинский — в отличие от своих наследников — старался ладить с дипломатами. 23 мая 1925 года он даже обратился в политбюро с неожиданным предложением включить в состав коллегии Наркоминдела его заместителя Менжинского: «В связи с информацией, организованной ОГПУ по иностранным делам, а также с нашей борьбой со шпионажем и организуемой капиталистическими странами контрреволюцией был бы очень желателен в интересах дела и обороны страны более тесный контакт нашей работы с НКИДелом».

Но чем дальше, тем реже дипломаты побеждали в ведомственных конфликтах с разведкой и контрразведкой.

Нарком Чичерин писал в своем политическом завещании:

«Руководители ГПУ были тем невыносимы, что были неискренни, лукавили, вечно пытались соврать, надуть нас, нарушить обещания, скрыть факты…

ГПУ обращается с НКИД как с классовым врагом… Внутренний надзор ГПУ в НКИД и полпредствах, шпионаж за мной, полпредами, сотрудниками поставлен самым нелепым и варварским образом…»

Еще в конце 1923 года секретная экзаменационно-проверочная комиссия ЦК провела массовую чистку Наркомата иностранных дел, убирая всех «неблагонадежных». Комиссия рекомендовала ЦК ввести в штат загранучреждений сотрудников госбезопасности для «внутреннего наблюдения» за дипломатами и их семьями.

Такая практика существует и по сей день.

Григорию Беседовскому, который в 1929 году оставил свой пост в советском полпредстве в Париже и попросил у французов политического убежища, Чичерин говорил:

— Меня тоже подслушивают. У меня делали здесь, в кабинете, ремонт и, несомненно, этим ремонтом воспользовались, чтобы установить микрофон. Менжинский даже не считает нужным скрывать это обстоятельство. Он как-то сказал мне: «ОГПУ обязано знать все, что происходит в Советском Союзе. И мы достигли того, что наш аппарат прекрасно справляется с этой задачей».

Политбюро не один раз создавало комиссии для урегулирования отношений между чекистами и дипломатами.

Из протокола заседания политбюро № 25 1928 года: «Принять предложение т. Литвинова о создании постоянной комиссии для разрешения возникающих между НКИД и ОГПУ спорных вопросов…»

В те времена с чекистами еще можно было спорить. Госбезопасность не была всевластной.

«Между разведкой и Наркоматом иностранных дел всегда шла жестокая борьба за влияние… Почти всегда сведения и заключения этих двух учреждений по одним и тем же вопросам расходятся между собой… Борьба принимает особенно острые формы при назначении сотрудников за границу и продолжается за границей между послом и резидентом», — отмечал Георгий Атабеков, бежавший на Запад разведчик.

Судьба сотрудника, командированного за границу, решалась на совещании в ОГПУ, которое устраивалось раз в неделю. Председательствовал начальник иностранного отдела или один из его помощников. Присутствовали представитель ЦК, он же заведующий бюро заграничных ячеек при ЦК, и представитель учреждения, которое командирует сотрудника. Решающее слово принадлежало представителю ОГПУ.

Заблаговременно заполненная и присланная в иностранный отдел ОГПУ анкета кандидата на выезд изучалась в аппарате госбезопасности. О нем наводили справки в архивах и в картотеке. Если его фамилия фигурировала в каком-нибудь донесении агента ОГПУ — без конкретных обвинений, без

доказательств сомнительности его поведения, — ему отказывали в поездке и Наркоминделу предлагали представить иную кандидатуру.

В последующие годы эта ситуация только ухудшилась. Спецслужбы могли сломать карьеру любому дипломату, если решали, что ему «нецелесообразно» выезжать за границу. Даже руководители Наркомата, а затем Министерства иностранных дел могли только гадать, чем не угодил «соседям» тот или иной человек…

Полная автономия разведчиков привела к двоевластию в полпредстве. Резидент формально должен был подчиняться полпреду. Поначалу полпреды требовали показывать им телеграммы разведки, уходившие в Москву. Позднее это стало невозможно. Полпреды смирились и знали, что с резидентом не ссорятся. У него своя связь с Центром, и неизвестно, что он докладывает в Москву. Разведка — часть госбезопасности, а ссориться с этим ведомством опасно.

Полпред ощущал, что находится под постоянным контролем, и всегда ожидал какой-нибудь пакости со стороны резидента. И позже резиденты бдительно следили за послами и о всех промахах докладывали в Москву, что заставляло послов тихо ненавидеть и бояться своих помощников-разведчиков.

При Артузове разведка обзавелась в основных европейских странах большим и разветвленным аппаратом. Агентов, имевших доступ к настоящим секретам, было, разумеется, немного. Но скажем, во Франции — только в среде эмиграции — число рядовых агентов исчислялось десятками. Другое дело, что они, работая за деньги, часто приносили липовую информацию. Но отличить зерна от плевел можно было только по прошествии времени, когда деньги уплачены и агент исчез.

В годы Артузова началась вербовка большой группы английской молодежи, несколько человек из этой группы стали самыми эффективными агентами советской политической разведки, скажем Ким Филби, который сделал изрядную карьеру в британской разведке.

Большие удачи чередовались с громкими провалами.

В 1930 году разгорелся скандал в Германии, когда появились сообщения, что советские агенты сбывают фальшивые доллары. В 1931 году в Вене был убит Георг Земмельман, который восемь лет работал на советскую разведку. Он женился на немке, и с ним прекратили сотрудничество. Лишившись денег, он стал рассказывать журналистам, откуда советская разведка берет фальшивые паспорта. Его застрелили.

7 июля 1932 года советник японского посольства в Москве

передал в Наркомат иностранных дел ноту, в которой говорилось, что арестованный японскими властями кореец Ли признался: он и еще трое корейцев были завербованы владивостокским ГПУ, их снабдили взрывчаткой и отправили в Японию с заданием взорвать ряд мостов.

Руководитель полномочного представительства ОГПУ по Дальневосточному краю Терентий Дмитриевич Дерибас, введенный в состав коллегии ОГПУ, самокритично признал, что организованная им операция не удалась: «шуму наделали, а мост не взорвали». Агентов-взрывников поймали, и они во всем признались.

Сталин, возмущенный скандальным провалом чекистов, писал из Сочи секретарю ЦК Лазарю Кагановичу, оставшемуся в Москве за главного:

«Нельзя оставлять без внимания преступный факт нарушения директивы ЦК о недопустимости подрывной работы ОГПУ и Разведупра в Маньчжурии.

Арест каких-то корейцев-подрывников и касательство к этому делу наших органов создает (может создать) новую опасность провокации конфликта с Японией. Кому все это нужно, если не врагам советской власти?

Обязательно запросите руководителей Дальвоста, выясните дело и накажите примерно нарушителей интересов СССР. Нельзя дальше терпеть это безобразие!

Поговорите с Молотовым и примите драконовские меры против преступников из ОГПУ и Разведупра (вполне возможно, что эти господа являются агентами наших врагов в нашей среде). Покажите, что есть еще в Москве власть, умеющая примерно карать преступников».

Разумеется, на официальном уровне отрицалась любая причастность советских органов госбезопасности к террористическим акциям. 26 июля 1932 года заместитель наркома иностранных дел Лев Карахан пригласил к себе японского посла в Москве и сделал ему заявление от имени советского правительства:

«Все сообщение корейца Ли с начала до конца является злостным и провокационным вымыслом…

Ни Владивостокское ГПУ, ни какое-либо другое советское учреждение во Владивостоке не могло давать и не давало тех поручений, о которых показывает Ли-Хак-Ун, ни каких-либо других аналогичного характера ни корейцу Ли, ни каким-либо другим лицам…

Советское правительство надеется, что японские власти отнесутся должным образом как к автору провокационного

заявления, так и примут все необходимые и энергичные меры к выяснению вдохновителей и организаторов этого преступного дела, имеющего несомненной целью ухудшение отношений между СССР и Японией».

Тем временем в Москве после короткого расследования обнаружили виновных.

16 июля политбюро приняло решение:

«а) Обратить внимание ОГПУ на то, что дело было организовано очень плохо; подобранные люди не были должным образом проверены.

б) Указать т. Дерибасу, что он лично не уделил должного внимания этому важнейшему делу, в особенности подбору и проверке людей.

в) Объявить строгий выговор т. Загвоздину как непосредственно отвечающему за плохую организацию дела.

Предрешить отзыв тов. Загвоздина из Владивостока.

г) Поручить ОГПУ укрепить кадрами военно-оперативный сектор».

Для Терентия Дмитриевича Дерибаса все закончилось благополучно. В конце года он получил второй орден Красного Знамени. Комиссар госбезопасности 1-го ранга Дерибас продолжал работать на Дальнем Востоке до ареста в августе 1937 года. Расстреляли его через год, в июле 1938 года.

Николай Андреевич Загвоздин, который так подвел Дерибаса, служил в госбезопасности с 1920 года. В апреле 1931 года его перевели из Нижегородской губернии на Дальний Восток начальником Владивостокского оперативного сектора.

После провала организованной им диверсионной операции Загвоздина перебросили в Среднюю Азию начальником особого отдела полномочного представительства ОГПУ и Среднеазиатского военного округа. Он несколько лет руководил военной контрразведкой округа. В декабре 1934 года стал по совместительству заместителем наркома внутренних дел Узбекистана, а через две недели наркомом.

Николая Загвоздина избрали депутатом Верховного Совета СССР, дали спецзвание майор госбезопасности. Из Узбекистана в сентябре 1937 года перевели наркомом в Таджикистан. Николай Загвоздин счастливо проскочил период массового уничтожения чекистских кадров и все-таки был арестован в феврале 1939 года, когда Берия убирал остатки старых кадров. 19 января 1940 года его приговорили к высшей мере наказания и в тот же день расстреляли…

В мае 1934 года Артура Христиановича Артузова внезапно перевели по совместительству в IV управление (военная разведка)

Рабоче-крестьянской Красной армии. В постановлении политбюро от 26 мая говорилось: «Назначить начальника ИНО ОГПУ т. Артузова заместителем начальника IV Управления, обязав его две трети своего рабочего времени отдавать IV Управлению».

Артузова, как тогда говорили, бросили на укрепление военной разведки после целой серии провалов разведупра — в Латвии, Германии, Финляндии, Франции. Причем в Латвии и в Финляндии полиция арестовала целые резидентуры. Во Франции аресты продолжались год, это был полный разгром военной разведки.

Наркомат иностранных дел подготовил опровержение от имени ТАСС, которое было опубликовано в советских газетах: «В связи с появившимися во французской печати утверждениями, будто группа лиц разной национальности, арестованная в Париже по обвинению в шпионаже, занималась им в пользу СССР. ТАСС уполномочен заявить со всей категоричностью, что эти утверждения являются ничем не обоснованным клеветническим вымыслом».

Тем временем руководство страны требовало ответа, почему стал возможным такой масштабный провал военной разведки. Подробную записку представил заместитель председателя ОГПУ Генрих Ягода. Чекисты нашли простое объяснение: «Тщательное изучение причин провалов, приведших к разгрому крупнейших резидентур, показало, что все они являются следствием засоренности предателями; подбора зарубежных кадров из элементов, сомнительных по своему прошлому и связям; несоблюдения правил конспирации; недостаточного руководства зарубежной работой со стороны самого 4-го Управления Штаба РККА, что, несомненно, способствовало проникновению большого количества дезориентирующих нас материалов».

26 мая 1934 года в повестке заседания политбюро значилось: «Вопросы 4-го Управления Штаба РККА». Итогом обсуждения стало подробное постановление о работе военной разведки:

«1. Признать, что система построения агентурной сети IV Управления, основанная на принципе объединения обслуживающей ту или иную страну агентуры в крупные резидентуры, а также сосредоточение в одном пункте линий связи с целым рядом резидентур — неправильна и влечет за собой в случае провала отдельного агента провал всей резидентуры. Переброска расконспирированных в одной стране работников для работы в другую страну явилась грубейшим нарушением основных принципов конспирации и создавала предпосылки для провала одновременно в ряде стран.

2. Имевшие место провалы показали недостаточно

тщательный подбор агентработников и недостаточную их подготовку. Проверка отправляемых IV Управлением на заграничную работу сотрудников со стороны органов ОГПУ была недостаточна.

3. Агентурная работа IV Управления недостаточно увязана с работой Особого отдела и ИНО ОГПУ, вследствие чего возникают недоразумения между этими учреждениями и отдельными их работниками…

Для устранения указанных недостатков:

1. Наркомвоенмору выделить IV Управление из системы Штаба РККА с непосредственным подчинением наркому. В составе Штаба РККА оставить только отдел, ведающий вопросами войсковой разведки, увязав его работу с работой IV Управления.

Во избежание загрузки IV Управления несущественными или маловажными заданиями установить порядок дачи заданий только через наркома или с его ведома и одобрения…

Усилить руководство IV Управления двумя-тремя крупными военными работниками соответствующей квалификации…

3. Обязать начальника IV Управления в кратчайший срок перестроить всю систему агентурной работы на основе создания небольших, совершенно самостоятельно работающих и не знающих друг друга групп агентов. Работу внутри групп поставить так, чтобы один источник не знал другого…

4. В кратчайший срок создать специальную школу разведчиков, которую укомплектовать тщательно отобранными, проверенными через ОГПУ и парторганизации лицами командного и командно-политического состава. При отборе особое внимание обратить не только на социальное происхождение, но и на национальность, учтя, что националистические настроения могут быть источником измены и предательства. Школу организовать на 200 человек; учение вести раздельно группами в 10–15 человек.

5. Центр тяжести в работе военной разведки перенести на Польшу, Германию, Финляндию, Румынию, Англию, Японию, Маньчжурию, Китай. Изучение вооруженных сил остальных стран вести легальными путями через официальных военных представителей, стажеров, военных приемщиков и т. д…»

Военной разведкой с 1924 года руководил Ян Карлович Берзин (настоящее имя — Петерис Кюзис). С его именем связывают немалые успехи военных разведчиков. Берзин создал сильный коллектив в Центре и мощные резидентуры за рубежом. Но серия провалов привела подозрительного Сталина к мысли, что Берзина следует заменить. Сталин отправил его к Блюхеру заместителем командующего Отдельной краснознаменной

Дальневосточной армией, хотя у Берзина не было опыта общевойскового командира.

Начальником военной разведки утвердили Семена Петровича Урицкого, племянника первого председателя Петроградской ЧК Моисея Соломоновича Урицкого, убитого в августе 1918 года студентом-эсером.

Комкор Семен Урицкий был профессиональным военным. Он служил еще в царской армии, в 1920 году командовал отдельной кавалерийской бригадой Второй конной армии. Он окончил Военную академию РККА и курсы усовершенствования высшего командного состава. Командовал дивизией и корпусом, был начальником штаба Ленинградского военного округа. В 1934 году его вызвали в Москву и назначили заместителем начальника Управления механизации и моторизации РККА. А вскоре поставили во главе военной разведки. Поскольку разведывательное дело было для него в новинку, первым замом сделали Артузова.

21 ноября 1935 года Артур Христианович получил звание корпусного комиссара (в армейской иерархии генерал-лейтенант). Поскольку военную разведку вывели из структуры Штаба Красной армии, разведчики напрямую подчинялись наркому обороны Ворошилову. Многие сотрудники Ворошилова откровенно говорили о том, что нарком не только некомпетентен в военных вопросах, но и не особенно утруждает себя делами. Любит представительствовать и избегает решения серьезных проблем.

Сотрудник Института востоковедения Академии наук Владимир Михайлович Константинов до войны работал в Японии в военном атташате. В 1938 году его посадили. Незадолго до ареста вызвали к Ворошилову отчитаться о работе в Японии (см. книгу И. Латышева «Япония, японцы и японоведы»),

— Пока я, стоя перед наркомом, минут двадцать докладывал о проведенной в Японии работе, — рассказывал Константинов, — Ворошилов сидел молча, не глядя в мою сторону и не перебивая меня. А когда я завершил отчет, то он после некоторой паузы задал мне лишь один вопрос: «Ну, скажи честно, а с японкой ты все-таки хоть раз переспал?» Я бодро ответил: «Нет, товарищ нарком обороны!» — «Ну и дурак, — ласково резюмировал Климент Ефремович. — Можешь идти».

Артузов привел с собой группу доверенных людей из иностранного отдела главного управления госбезопасности НКВД и расставил их на ключевых постах. Военных разведчиков пришествие варягов, ясное дело, раздражало. Артузов изменил структуру военной разведки, разделив ее на два основных отдела:

1-й (западный) и 2-й (восточный). При этом он совершил большую ошибку — расформировал аналитический отдел, не видя в нем особой нужды.

Помимо рутинной разведывательной работы Урицкий с Артузовым много занимались Испанией, где шла гражданская война, и Китаем, на который напали японцы.

Сталин старался помешать тому, чтобы Китай перешел под управление японцев. Но он не желал и укрепления китайского правительства. Он одновременно помогал центральному правительству Чан Кайши в борьбе против японцев, и он же поставлял оружие коммунистической армии Мао Цзэдуна, чтобы она сражалась против Чан Кайши. Правда, все делалось скрытно, с соблюдением конспирации. Оружие военная разведка передавала китайским коммунистам через третьи руки, чтобы у правительства Чан Кайши не было формального повода для протеста.

В военной разведке Артузов проработал всего год с небольшим. Когда Генрих Ягода потерял пост наркома внутренних дел и начали убирать его людей, закачалось кресло и под Артузовым. Меньше всего Артур Христианович мог считаться «человеком Ягоды», но ко всем чекистам, присланным в разведупр, теперь относились с подозрением.

Артузов пробовал объясниться с собственным начальником.

20 декабря 1937 года написал Семену Урицкому личное письмо: «Прихожу к заключению, что Вы начинаете менять свое прежнее безупречное, глубоко партийное отношение к группе товарищей-чекистов, пришедших со мной. Не по моему ходатайству меня направили в Разведупр. Вы это знаете…»

Артузов жаловался на предубежденность Урицкого к бывшим чекистам, на то, что он дает указания отделам через голову своего первого заместителя, демонстрируя нежелание работать с теми, кто пришел из иностранного отдела ГУГБ НКВД. Вместо ответа, Урицкий 11 января 1937 года вызвал Артузова и сказал, что нарком обороны распорядился заменить его более молодым и выносливым работником.

По поводу выносливости обиженный Артузов писал Сталину: «Я действительно уезжал в три часа ночи с работы, а Урицкий еще оставался на работе…»

Но судьба Артузова была решена не потому, что он покидал свой кабинет раньше двужильного начальника. Сталин остался недоволен работой военной разведки в Польше, которую по-прежнему считал главным противником.

Артузова освободили от должности и вернули в аппарат НКВД. Зачислили на унизительно маленькую должность научного

сотрудника 8-го (учетно-регистрационного) отдела главного управления государственной безопасности НКВД (на правах помощника начальника отдела). Не зная, чем его занять, поручили писать книгу об истории органов госбезопасности к двадцатилетию ВЧК-ОГПУ-НКВД.

Артузов написал длинное письмо Сталину, перечисляя свои заслуги и подчеркивая разногласия с уже снятым Ягодой. Ответа не получил.

18 марта 1937 года Артузов выступил на активе руководящего состава НКВД. Его обвинили в том, что он проглядел внутри иностранного отдела польских агентов. Артузов взял слово, оправдывался, но безуспешно. На товарищеском ужине в Кремле Сталин пил за здоровье каждого из приглашенных. Когда дошел до Артузова, спросил:

— Как поживают ваши источники, или как вы их там называете, не дезинформируют ли они нас?

Вождь считал, что Артузов вместе со своими людьми сознательно снабжает политбюро дезинформацией. Последнее, что сделал в НКВД Артур Христианович, — отправил письмо новому наркому внутренних дел Николаю Ивановичу Ежову, в котором сообщил, что в архивах внешней разведки находятся донесения закордонных агентов, сообщавших об антисоветской деятельности маршала Михаила Николаевича Тухачевского и о существовании в Красной армии троцкистской организации.

Что можно сказать об этом поступке Артузова? Он в свое время руководил операцией «Трест», и это его подчиненные позаботились о распространении на Западе сведений о том, что Тухачевский будто бы настроен антисоветски.

Агенты ИНО ОГПУ установили связи с лидерами военной эмиграции, с эстонской и польской разведкой, обещая им информацию о состоянии Красной армии. Они утверждали, что в состав подпольной организации входит немалое число военных, которые готовятся к государственному перевороту. Для того чтобы представить мнимую подпольную организацию авторитетной и могущественной, руководители иностранного отдела ОГПУ приняли решение сообщить через свою агентуру, что Тухачевский привлечен к «Тресту» и полностью на стороне заговорщиков.

Распространением сведений о принадлежности Тухачевского к заговору занимался Владимир Андреевич Стырне. Он с 1923 года работал в контрразведывательном отделе ОГПУ, ведал «Трестом» и был крайне заинтересован в том, чтобы операция получила как можно большие масштабы. Мнимое участие в подпольной организации такой фигуры, как Тухачевский,

повышало ее привлекательность для белой эмиграции и иностранных разведок. В 1931 году, после чистки особого отдела ОГПУ, Стырне отправили сначала на Урал, потом перевели в Иваново. Два года комиссар госбезопасности 3-го ранга Стырне возглавлял управление НКВД по Ивановской области. В октябре 1937 года его арестовали и меньше чем через месяц расстреляли…

Осенью 1923 года посланные Кутеповым его доверенные лица Захарченко и Радкович настолько попали под влияние агентов ОГПУ, что подтвердили: Тухачевский тоже входит в антисоветское подполье! Вот и пошли в эмиграции разговоры о том, что Тухачевский — это красный Бонапарт, который готовится прийти к власти.

В какой-то момент в Москве сообразили, что нельзя компрометировать столь крупного военачальника. Артузов получил указание прекратить распространение слухов, компрометирующих Тухачевского. Вместо того чтобы сообщить, что он отказался от антисоветской деятельности, на Запад сообщили, что внутри подполья возникли склоки, Михаила Николаевича оттеснили другие военные и он ушел из монархической организации вместе с частью своих сторонников…

Таким образом, на Западе сохранилось представление о Тухачевском как о стойком враге советской власти. Эту тему уже открыто стала обсуждать западная пресса. Вся эта информация возвращалась назад в ОГПУ (а затем и в НКВД) по разведывательным каналам как агентурные данные и докладывалась Сталину, укрепляя его в том мнении, что Тухачевский опасный человек.

Я всегда с изумлением читаю рассказы об агентах влияния, о дьявольских замыслах иностранных разведок, которые будто бы способны на все, могут даже государство развалить. Нет уж, ни одна иностранная разведка не способна нанести такой ущерб стране, как собственные спецслужбы. История Тухачевского это подтверждает…

В 1937 году судьба самого Артузова висела на волоске. Отставленный от дел, бывший начальник разведки был готов любыми средствами доказать своему начальству, что еще может пригодиться.

Получив письмо Артузова, начальник особого отдела НКВД Леплевский распорядился составить план активной разработки крупных военных:

«Собрать все имеющиеся материалы на Роговского, Орлова, Шапошникова и других крупных военных работников, проверить материалы, наметить конкретный план их разработки и взять их

разработку под повседневный непосредственный контроль начальника 5-го отдела…

Особое внимание обратить как в Москве, так и на периферии на выявление фашистских группировок среди военнослужащих».

13 мая 1937 года сотрудники особого отдела представили наркому Ежову справку по материалам, имевшимся в НКВД, на маршала Тухачевского. Вот так и родилось это дело, жертвами которого стали виднейшие командиры Красной армии.

Но Артузову помощь в создании этого липового дела не помогла. Поздно вечером 12 мая 1937 года Артузов был на партийном активе в клубе НКВД. Вернулся в свой кабинет за полночь сам не свой. Новый первый заместитель наркома внутренних дел Михаил Петрович Фриновский, который начинал свою карьеру в особом отделе Первой конной армии, публично назвал Артузова шпионом.

Артур Христианович ходил по кабинету, возмущаясь тем, что ему не позволили ответить. Примерно через полчаса, когда уже наступило 13 мая (то есть за девять дней до ареста Тухачевского), сотрудники оперативного отдела пришли за Артузовым.

21 августа он был приговорен «тройкой» НКВД (председатель военной коллегии Верховного суда армвоенюрист Василий Васильевич Ульрих, заместитель наркома внутренних дел комиссар госбезопасности 2-го ранга Лев Николаевич Вельский, заместитель прокурора СССР Григорий Константинович Рогинский) к расстрелу.

В тот же день приговор привели в исполнение. Артузова расстреляли вместе с шестью другими разведчиками. В феврале 1938 года Комиссия партийного контроля при ЦК задним числом исключила Артузова из партии.

Сестре Артузова, Евгении Христиановне, которая сама побывала в ссылке, после смерти Сталина сообщили, будто ее брат умер 12 июля 1943 года в лагере. Это было вранье. В последней попытке скрыть масштабы репрессий в 1955 году решили сообщать семьям расстрелянных, что их родственник был приговорен к десяти годам лишения свободы и умер в заключении. Дату и причину смерти придумывали любую.

Начальник Артузова по военной разведке продержался немногим дольше. В июне 1937 года Семена Урицкого назначили заместителем командующего войсками Московского военного округа, а 1 ноября арестовали. Меньше чем через год, 1 августа 1938 года, комкор Урицкий был расстрелян как участник мнимого военного заговора…

Абрам Слуцкий
Чай с отравой

На посту начальника иностранного отдела ГУГБ НКВД Артузова 21 мая 1935 года сменил его заместитель, столь же опытный чекист Абрам Аронович Слуцкий.

Слуцкий родился в июле 1898 года в селе Парафиевка Борзиянского уезда Черниговской области в семье кондуктора железной дороги. Учился в гимназии в городе Андижане, там же работал на хлопковом заводе. В августе 1916 года его призвали в царскую армию, и он служил рядовым в 7-м Сибирском стрелковом полку.

После революции работал в Андижане в горкоме партии, в 1919-м был назначен председателем уездного революционного трибунала. В 1920 году его утвердили инструктором агитпоезда имени Сталина и заведующим бюро жалоб главной полевой инспекции Туркестанского фронта.

В сентябре 1920 года Слуцкого взяли в ВЧК. Он был председателем Пишпекской уездной чрезвычайной комиссии, начальником Андижанской уездной ЧК, начальником секретно-оперативной части Ташкентской, затем Ферганской ЧК.

Летом 1922 года его назначили заместителем председателя Верховного трибунала Туркестана, затем председателем Судебной коллегии. Летом 1923 года Абрама Слуцкого перевели в Москву сначала в органы военной юстиции столичного военного округа, потом почему-то назначили председателем ревизионной комиссии Госрыбсиндиката.

Из рыбной промышленности его перебросили в органы госбезопасности — заниматься экономическими преступлениями. В июле 1926 года его взяли в ОГПУ помощником начальника 6-го отделения экономического управления. Он проработал в этом управлении три года, постепенно поднимаясь по служебной лестнице.

1 января 1930 года Слуцкого неожиданно назначили помощником начальника иностранного отдела. Когда он освоился в новой сфере, в августе 1931 года получил повышение — стал заместителем Артузова. После ухода Артура Христиановича в военную разведку Слуцкий возглавил политическую разведку.

16 октября 1935 года было принято постановление ЦИК и СНК СССР об установлении специальных званий начальствующего состава Главного управления государственной безопасности НКВД. Офицеры госбезопасности ходили в гимнастерках

защитного цвета и синих брюках. На гимнастерку нашивался нарукавный знак красного цвета, на котором было вышито изображение серпа и молота, на них вертикально накладывался меч.

Слуцкий был включен в список руководящих работников НКВД, которым постановлением политбюро от 26 ноября 1935 года присвоили новые специальные звания. Список открывал нарком — Генрих Ягода стал генеральным комиссаром госбезопасности. Слуцкий получил высокое звание комиссара госбезопасности 2-го ранга (в армейской иерархии оно приравнивалось к званию генерал-полковника).

В июле 1934 года ОГПУ преобразовали в Наркомат внутренних дел. Все оперативные отделы объединили в главное управление государственной безопасности НКВД. Ради конспирации отделы стали номерными. С 25 декабря 1936 года иностранный отдел именовался 7-м отделом ГУГБ НКВД.

На разведчиков Абрам Слуцкий производил впечатление разумного человека. Слуцкий сам поработал в Берлине, поэтому хорошо понимал проблемы резидентов. Умный и вежливый человек, он был способен выслушать и понять подчиненного. При нем штат разведки составил уже двести десять человек.

Слуцкий руководил работой сотрудников НКВД, которых командировали в республиканскую Испанию.

19 августа 1937 года нарком внутренних дел Ежов отправил совершенно секретную записку Сталину:

«Наш диверсионный отряд численностью в двенадцать человек под руководством т. Орловского и его помощника тов. Ярошеня Степана Павловича, находясь в глубоком тылу противника, 13 июня сего года в пятнадцати километрах северо-восточнее города Ель-Реаль (провинция Севилья), после ряда удачных операций наткнулся на засаду силой в тридцать человек. Во время перестрелки геройски погиб наш работник тов. Ярошеня Степан Павлович.

Тов. Ярошеня был одним из руководителей организации взрывов поездов на железнодорожных линиях Севилья — Бадахос и Севилья — Касадья.

Семья тов. Ярошеня состоит из жены Надежды Ивановны и двух детей — одиннадцати и шести лет, проживающих в деревне Красная Слобода — БССР.

Ходатайствую о награждении т. Ярошеня Степана Павловича орденом Красного Знамени, о выдаче семьи т. Ярошеня, согласно существующих положений, единовременного пособия в размере двадцати пяти тысяч рублей и о назначении семье т. Ярошеня, как семье командира, погибшего в Испании, персональной

пожизненной пенсии в размере пятисот рублей в месяц».

Сталин согласился, и 20 августа 1937 года предложение наркома было утверждено решением политбюро. Отправленные в Испанию чекисты боролись не только против франкистов, но и против троцкистов. Слуцкий сам побывал в Испании. Руководитель внешней разведки говорил своему подчиненному Вальтеру Кривицкому, позднее оставшемуся на Западе:

— Мы не позволим превратить Испанию в площадку для сбора всяких антисоветских элементов, слетающихся туда со всего света. Теперь это наша Испания, часть советского фронта. Кто знает, сколько шпионов среди этих добровольцев? Анархисты и троцкисты, даже если они борцы-антифашисты, они наши враги. Мы должны их выкорчевывать.

Присланные из Советского Союза чекисты получили приказ бороться с троцкистами, анархистами, анархо-синдикалистами. Указание было недвусмысленным: «Исключить троцкистов из всех антифашистских органов; троцкистов следует рассматривать не как антифашистов, а как авангард фашизма и агентуру гестапо».

Дальняя цель Сталина в воюющей Испании состояла в том, чтобы с помощью интернациональных бригад взять страну под контроль. Но его планам мешала Рабочая партия марксистского единства, известная по своей аббревиатуре ПОУМ (Partido Obrero de Unificacion Marxista). Это была марксистская партия, но не просоветская. Члены ПОУМ — в отличие от испанских коммунистов — не желали подчиняться советскому генсеку и, напротив, симпатизировали Льву Троцкому. В партии состояло сорок тысяч человек — большая сила. Ее штаб-квартира находилась в Каталонии. Каталонские марксисты обвинили Сталина в создании «бюрократического режима» и пригласили Троцкого в Барселону.

В результате операции советской разведки, обладавшей обширной агентурой в Испании, ПОУМ была объявлена вне закона и уничтожена. В июне 1937 года сорок руководителей партии были арестованы по сфабрикованным резидентурой НКВД обвинениям в сотрудничестве с фалангистами Франко.

Арестовали и лидера партии Андреса Нина, одного из самых популярных испанских политиков. Но этого Сталину было недостаточно. Нина вывезли из тюрьмы на машине и убили. В Испании полагают, что это сделали сотрудники советской разведки. В архивах нашлись телеграммы резидента политической разведки в Испании майора госбезопасности Александра Орлова относительно судьбы некоего «Николая», который был похищен и ликвидирован. День его ликвидации совпадает с днем исчезновения Андреса Нина.

Ликвидация на языке разведки именовалась тогда «литерным делом». В августе 1937 года Орлов получил из Москвы указание уничтожить приехавшего в Испанию австрийского социалиста Курта Ландау, который поддерживал ПОУМ и был сторонником Троцкого.

Александр Орлов докладывал в Москву: «Литерное дело Курта Ландау оказалось наиболее трудным из всех предыдущих. Он находится в глубоком подполье… Но я надеюсь, что мы и этот литер проведем так, как вы этого от нас требуете».

Лидеры эмиграции и Троцкий — вот два главных объекта интереса советской разведки того времени. Причем задача состояла не только в том, чтобы следить за каждым их шагом, но и в том, чтобы при первой же возможности уничтожить.

Под руководством Слуцкого была подготовлена операция по уничтожению главы украинских националистов полковника Евгена Коновальца. В мае 1938 года начинавший свою карьеру в иностранном отделе НКВД будущий генерал-лейтенант Павел Анатольевич Судоплатов в самом центре Роттердама преподнес Коновальцу коробку конфет. Полковник обожал шоколадные конфеты. Коробку московские чекисты начинили взрывчаткой.

Смерть Коновальца открыла дорогу к Степану Банд ере, который стал вождем украинских националистов.

Трилиссер и Артузов подготовили похищение бывшего белого генерала Александра Павловича Кутепова, который жил в Париже и руководил Российским общевоинским союзом. Эту организацию, объединившую бывших офицеров Белой армии, в Москве считали самой опасной среди эмигрантских сообществ.

Операцию провели совместно иностранный отдел и созданная Менжинским особая группа при председателе ОГПУ, которой руководил Яков Исаакович Серебрянский, человек авантюрного склада, бывший член партии эсеров-максималистов. В первый раз он был арестован в 1909 году за участие в убийстве начальника минской тюрьмы. Серебрянскому было всего семнадцать лет. Он успел послужить в царской армии, на фронте был тяжело ранен. После революции наступило его время. Он служил в Красной армии и в ВЧК. После Гражданской войны поступил в Электротехнический институт, жизнь могла сложиться вполне мирно, но его арестовали, как бывшего эсера. Через четыре месяца выпустили, но оставили под наблюдением. И тут о нем вспомнил старый знакомый Яков Григорьевич Блюмкин, тот самый, который убил германского посла Мирбаха и продолжал служить в органах госбезопасности. Он помог Серебрянскому вернуться на Лубянку. Осенью 1923 года его взяли в разведку. Он находился на нелегальной работе в Палестине, Бельгии и

Франции. В 1929 году вернулся в Москву и возглавил особую группу при председателе ОГПУ (в тридцать четвертом ее переименовали в спецгруппу особого назначения). Заместителем Серебрянский взял себе Наума Эйтингона.

В 1917 году юный Эйтингон вступил в партию эсеров, но быстро разочаровался. Осенью 1919 года присоединился к большевикам. 10 мая 1920 года его взяли в Гомельскую губернскую чрезвычайную комиссию. Эйтингон вскоре стал помощником начальника главного секретно-оперативного отдела губернской ЧК (см. работу А.Д. Карасева в «Сборнике памяти академика И. Минца»), В губернии было множество дезертиров и повстанцев — крестьян, которые восставали против продразверстки. Вот как шла борьба против бандитизма. Сотрудники секретно-оперативной части губернской ЧК жаловались:

«14 мая 1921 года мы прибыли в город Пропойск, где опертройка в составе уполномоченного по бандитизму губЧК Гросса, начотряда 39-го батальона губЧК Антонова и представителя губисполкома Балашкевича устроила пирушку.

15 мая мы приехали в Чериков, где вышеупомянутая тройка устроила пирушку, как в Пропойске, которая продолжалась до пяти часов утра. Из Черикова направились в местечко Краснополье, где опертройка заставила ежедневно доставлять им масло, яички и курей…

После этого начали производить операции. Все вещи и продукты, которые конфисковывали у крестьян, не заносили в протоколы, а устраивали дележку между собой».

Осенью 1921 года Эйтингону поручили расследовать деятельность командира отряда ЧК Черноморца. Он не нашел в методах этого бандита и авантюриста ничего дурного. Но комиссия не закончила работы, как говорится в документе, потому что «на третий день приезда комиссии Эйтингон был ранен случайно в избе Черноморцем в ногу и не мог дальше работать». Вот так Эйтингон получил ранение в борьбе с бандитизмом, как это именовалось позднее. Ранение было тяжелым, зато спасло его от неприятностей, потому что гомельскими чекистами заинтересовались вышестоящие органы. Началось расследование, но Эйтингона уже перевели из Чернигова. Вот с таким опытом он пришел в центральный аппарат госбезопасности…

Яков Серебрянский похитил генерала Кутепова в январе 1930 года прямо в центре Парижа. Кутепова до Москвы живым не довезли, но Серебрянского все равно наградили орденом Красного Знамени. Вместе с Серебрянским в операции

«Заморские» участвовал и Сергей Пузицкий из контрразведывательного отдела ОГПУ. Заслуги Пузицкого привели его на пост заместителя начальника особого отдела, потом полномочного представителя ОГПУ Северо-Кавказского края. В 1935 году ему присвоили звание комиссара госбезопасности 3-го ранга, а через два года сняли с должности начальника Дмитровского лагеря НКВД, арестовали и расстреляли…

При Слуцком там же в Париже 22 сентября 1937 года похитили бывшего белого генерала Евгения Карловича Миллера, который стал преемником Кутепова на посту председателя РОВС. Миллера доставили в Москву и полтора года под именем Иванова держали во внутренней тюрьме НКВД. 11 мая 1939 года он был приговорен к высшей мере наказания. В тот же день бывшего генерала Миллера расстреляли.

К тому времени Слуцкий уже был мертв.

Руководитель советской разведки, награжденный двумя орденами Красного Знамени и двумя знаками «Почетный чекист», скончался 17 февраля 1938 года прямо на рабочем месте. Его похоронили со всеми почестями, «Правда» поместила некролог. Но вокруг его скоропостижной кончины и по сей день ходят разные слухи.

17 февраля Слуцкого пригласил к себе первый заместитель наркома Михаил Петрович Фриновский. Через полчаса к Фриновскому срочно вызвали заместителя начальника разведки Сергея Михайловича Шпигельгласа. В просторном кабинете замнаркома Шпигельглас увидел неподвижное тело Слуцкого, упавшего с кресла. На столике перед ним был стакан чая и тарелка с печеньем. Шпигельглас предложил вызвать врача. Фриновский сказал Шпигельгласу, что врач только что заходил:

— Медицина тут бессильна. Сердечный приступ.

Уже арестованный Николай Иванович Ежов, бывший нарком внутренних дел, на одном из допросов подписал показания, в которых признал, что это он распорядился убить начальника разведки. Из показаний Ежова следует, что, когда пришел Слуцкий, в кабинете первого заместителя наркома уже находились Заковский и Алехин. Они и отравили начальника разведки.

Леонид Михайлович Заковский был заместителем наркома внутренних дел и начальником управления по Московской области. Капитан госбезопасности Михаил Сергеевич Алехин был заместителем начальника 12-го (оперативная техника) отдела ГУГБ НКВД. Они оба были арестованы вслед за Ежовым. Заковского расстреляли в 1938-м, Алехина, «немецкого

шпиона», — в феврале 1939 года.

История с отравлением вызывает сильные сомнения.

Уже после смерти, в апреле 1938 года, Слуцкий был исключен из партии как «враг народа». Иначе говоря, если бы не умер сам, его бы посадили и расстреляли. Слуцкий был тяжелым сердечником. Как и председатель ОГПУ Менжинский, принимал посетителей лежа на диване. Скорее всего, он умер от сердечного приступа.

А Ежова следователи заставляли признаваться в преступлениях, которые он не совершал. Бывшего наркома внутренних дел приговорили к смертной казни «за измену Родине, вредительство, шпионаж, приготовление к совершению террористических актов, организацию убийств неугодных лиц»…

Что касается первого замнаркома внутренних дел Михаила Фриновского, в кабинете которого ушел из жизни Слуцкий, то это был недоучившийся семинарист, примкнувший к анархистам. Фриновский был в Гражданскую помощником начальника особого отдела Первой конной армии, участвовал в операциях по захвату штаба Нестора Махно и ликвидации отрядов генерал-хорунжего Тютюника на Украине, потом командовал пограничными войсками.

Рассекречено одно из спецсообщений, которое первый заместитель наркома внутренних дел Михаил Фриновский отправил Сталину:

«31 мая сего года на Ладожском озере убита ворона, на которой обнаружено кольцо за № Д-72291 с надписью «Германия».

Одновременно вблизи деревни Русыня Батецкого района Ленинградской области коршуном сбита ворона, на которой имелось кольцо за № Д-70398 также с надписью «Германия».

3-й отдел главного управления госбезопасности НКВД полагает, что немцы при помощи ворон исследуют направление ветра с целью использования их в чисто диверсионных и бактериологических целях (поджог населенных пунктов и скирд хлеба)».

Таков был уровень чекистов, которые считали, что информируют главу государства о диверсионной деятельности нацистской Германии. Но самое поразительное состоит в том, что Сталин внимательно прочитал сообщение и не возмутился тем, что ему шлют с Лубянки какую-то чушь. Неужели воспринял сообщение о воронах, окольцованных орнитологами, всерьез?

Залман Пассов
Учебники пишутся в тюрьме

После смерти Слуцкого с 17 февраля 1938 года обязанности начальника разведки исполнял Сергей Михайлович Шпигельглас. Он родился в Варшаве в 1897 году, окончил реальное училище и поступил на юридический факультет Московского университета. Прямо со студенческой скамьи его призвали в царскую армию, он служил прапорщиком в запасном полку. После революции — в московском военном комиссариате.

В 1918 году Сергея Шпигельгласа взяли в особый отдел ВЧК. Позже он работал в контрразведывательном и оперативном отделах ОГПУ, потом попал в иностранный отдел. Он свободно говорил по-немецки, по-французски и по-польски. Работал в Монголии и во Франции. Шпигельглас непосредственно руководил обширной агентурной сетью советской политической разведки среди русской военной эмиграции.

Он был умелым и эффективным разведчиком и дорос в октябре 1936 года до должности заместителя начальника иностранного отдела. Получил специальное звание майора госбезопасности. Майор госбезопасности носил в петлицах один ромб — как комдив, то есть приравнивался к генералу.

Сергей Шпигельглас обладал правом напрямую отправлять Сталину разведывательные сводки ИНО ГУГБ.

В те годы разведчикам иногда поручали важные дипломатические миссии. Резидентом в Хельсинки был Борис Аркадьевич Рыбкин, который служил в разведке с 1931 года. В Финляндии он работал под именем Бориса Ярцева и под прикрытием консульской должности. Его заместителем в резидентуре была Зоя Воскресенская, вскоре она стала его женой. В апреле 1938 года Бориса Рыбкина вызвали в Москву. Сталин назначил его поверенным в делах и поручил вести с финнами секретные переговоры по территориальным делам. Переговоры успехом не увенчались. Во время войны Рыбкин был резидентом в Стокгольме. Он погиб в 1947 году в автокатастрофе на территории Чехословакии…

Начальником иностранного отдела Шпигельгласа так и не сделали. 9 июня он передал дела новому руководителю внешней разведки — старшему майору госбезопасности Залману Исаевичу Пассову, спешно переведенному в разведку из особого отдела. В июле 1938 года разведка стала именоваться 5-м отделом главного управления госбезопасности НКВД, с 13 сентября — 5-м отделом

первого главного управления НКВД, с 23 сентября — 5-м отделом главного управления государственной безопасности НКВД.

Сергей Шпигельглас был арестован 2 ноября 1938 года и пять месяцев отказывался подписывать то, что от него требовали. Его пытали, и он не выдержал. Был расстрелян 29 января 1941 года.

Залман Пассов родился в апреле 1905 года в Старой Руссе, окончил пять классов. Отец рано умер, мать работала вязальщицей. В четырнадцать лет вступил в Красную армию — служил рядовым-курьером Старорусской караульной роты, потом помощником военного коменданта в батальоне связи 56-й стрелковой дивизии.

В семнадцать лет, в мае 1922 года, Пассова взяли в аппарат уполномоченного ГПУ по Старо-Русскому уезду. Потом его перевели в Новгородский губернский отдел ГПУ. Осенью 1928 года молодого чекиста отправили учиться в Высшую пограничную школу ОГПУ, где набирали курс (семьдесят человек) для подготовки сотрудников особого и контрразведывательного отдела. Срок обучения — один год. Обязательным условием приема был трехлетний стаж чекистской работы.

В 1929 году Пассова назначили уполномоченным 1-го отделения контрразведывательного отдела ОГПУ. В сентябре 1930-го перевели в особый отдел, где он работал до марта 1938 года. Принимал участие в следственной бригаде, которая после убийства Сергея Мироновича Кирова сооружала в Ленинграде липовые дела. Летом 1937 года он получил орден Ленина.

Старший майор госбезопасности Пассов был совершенно неопытным в разведывательных делах и не успел получить этот опыт, поскольку не проработал в 5-м отделе и пяти месяцев.

23 октября 1938 года нарком Ежов доложил Сталину:

«Направляю показания Дмитриева Д.М., занимавшего до ареста должность начальника управления НКВД по Свердловской области, а до этого долгое время работавшего в центральном аппарате НКВД в экономическом управлении…

Дмитриев назвал большое количество участников заговора в НКВД».

Среди них был и начальник иностранного отдела Пассов.

«Пассов, — сообщил Ежов, — нами вчера арестован».

Какие же показания на Пассова заставили дать уже сидевшего в тюрьме комиссара госбезопасности 3-го ранга Дмитрия Матвеевича Дмитриева, депутата Верховного Совета СССР, награжденного орденами Ленина и Красного Знамени?

«Пассов, — говорится в протоколе допроса, — вместо живой практической работы по белым, по офицерству, по выявлению посылок РОВСом своей агентуры в СССР, намеренно занимался

так называемым легендированием, которое создавало внешнюю видимость против-белой работы, чтобы скрыть подлинные базы белых на территории страны, а сигналов об этом было сверхдостаточно.

Пассов вместе с Гаем (бывший начальник особого отдела. — *Л. М.)* широко утверждали, что РОВС у них в кармане, так как в его составе, в Париже, имеется ценная агентура, обеспечивающая возможность знать все поползновения штаба белых против СССР… Это была намеренная ложь, имевшая своей целью обмануть личный состав аппаратов Особых отделов и парализовать его активность в работе против белых…»

В реальности советская разведка располагала очень широкой агентурной сетью в среде белой эмиграции, особенно в Российском общевоинском союзе и действительно знала все, что там происходит…

Пока шло следствие, Пассова привлекли к сотрудничеству с особым бюро при наркоме внутренних дел, которое разрабатывало учебники для Центральной школы НКВД и межкраевых школ ГУГБ НКВД.

В результате большого террора был уничтожен практически весь преподавательский состав учебных заведений НКВД, и руководители наркомата разрешили использовать оперативный опыт арестованных чекистов… Наверное, это вершина чекистского лицемерия: всем понятно, что арестованный вовсе не враг, опытом его можно воспользоваться. Но он все равно подлежит уничтожению.

Арестованный Залман Пассов трудился над учебником закордонной разведки, а его бывшие коллеги готовили ему смертный приговор. 15 февраля 1940 года Пассова расстреляли.

После ареста Пассова обязанности начальника разведки временно, с 6 ноября по 2 декабря 1938 года, исполнял Павел Судоплатов, который прославился, убив украинского националиста Евгена Коновальца. Судоплатов, родившийся в Мелитополе, рано остался без родителей и ничему не учился. Совсем юным человеком его на Украине взяли в органы госбезопасности, потом перевели в Москву, в отдел кадров ОГПУ. В 1932 году перевели в иностранный отдел, где он быстро рос в должности.

Но начальником разведки его все-таки не утвердили, о чем он, конечно, жалел, не зная, что ему выпала более счастливая судьба, чем большинству его коллег, которых расстреляют. В пятьдесят третьем его посадили как подручного Берии, но он выйдет из заключения и проживет до 1996 года, чуть-чуть не дотянув до девяностолетия.

Владимир Деканозов
Сердечный прием у Гитлера

После периода массовой чистки 2 декабря 1938 года иностранный отдел обрел нового руководителя. Им стал один из приближенных Берии — Владимир Деканозов.

Владимир Георгиевич Деканозов родился в июне 1998 года в Баку в семье контролера нефтяного управления. Он был достаточно образованным человеком — окончил Тифлисскую гимназию, два года учился на медицинском факультете Саратовского, затем Бакинского университетов.

Летом 1921 года Деканозова назначили уполномоченным отдела по борьбе с бандитизмом Азербайджанской ЧК, потом заместителем начальника экономического отдела. Там он и познакомился с Берией. В декабре 1922 года Деканозов стал начальником секретно-оперативной части Грузинской и Закавказской ЧК. Благодаря Берии он быстро делал карьеру и в 1931 году уже был начальником экономического отдела полномочного представительства ОГПУ по Закавказской Федерации и одновременно начальником отдела ГПУ Закавказья.

В конце 1932 года Берия сделал его секретарем ЦК компартии Грузии по транспорту, затем наркомом пищевой промышленности Грузии и, наконец, председателем республиканского Госплана. Переехав в 1938 году в Москву, Лаврентий Павлович взял надежного соратника с собой. 10 ноября решением политбюро Деканозов был назначен начальником разведки, 2 декабря получил спецзвание — комиссар госбезопасности 3-го ранга.

Но разведкой Владимир Георгиевич руководил недолго — ушел на повышение.

4 мая 1939 года с утра здание Наркомата иностранных дел окружили чекисты. К дипломатам приехали новый нарком иностранных дел Вячеслав Молотов, нарком внутренних дел Лаврентий Берия, секретарь ЦК и начальник управления кадров Георгий Маленков. Они сказали Максиму Максимовичу Литвинову, девять лет руководившему дипломатическим ведомством, что он больше не нарком.

Руководителей отделов НКИД и старших дипломатов по одному вызывали в кабинет наркома, объяснив, что там заседает комиссия ЦК. За столом на главном месте расположился Молотов, справа от него сидел Деканозов, только что назначенный заместителем наркома иностранных дел, слева —

Берия и Маленков. Молотов что-то записывал. Владимир Деканозов молчал. Маленков тоже не проронил ни слова. Берия внимательно слушал и высказывался. Он лучше других знал тех, кто предстал в тот день перед комиссией — на них в соседнем здании, где располагался НКВД, уже собрали материалы, и большинство будет вскоре арестовано.

13 мая 1939 года Деканозова уже постфактум освободили от обязанностей начальника разведки. В Наркомате иностранных дел Деканозов занял кабинет Бориса Спиридоновича Стомонякова, который в момент ареста стрелял в себя, но неудачно и попал в тюремную больницу. Спасая своего заместителя, Литвинов попросился на прием к Сталину. Понимая, чем рискует, твердо сказал:

— Я ручаюсь за Стомонякова.

Максим Максимович Литвинов знал своего заместителя еще по дореволюционной подпольной работе. Они вместе добывали оружие для боевых отрядов большевиков.

Сталин холодно ответил:

— Товарищ Литвинов, вы можете ручаться только за себя.

Стомоняков был уничтожен.

Дипломатов арестовывали прямо в новом кабинете Деканозова. Владимир Георгиевич с удовольствием помогал товарищам из НКВД.

12 ноября 1940 года Молотов на поезде прибыл в Берлин в надежде решить с Гитлером спорные вопросы. Его сопровождали новый нарком черной металлургии Иван Тевосян, первый заместитель наркома внутренних дел Всеволод Меркулов и Деканозов, который остался в Берлине полпредом.

19 декабря новый полпред вручил Гитлеру верительные грамоты. Фюрер был крайне любезен с дипломатом, представлявшим фактически союзное Германии государство.

«Во дворе Имперской канцелярии был выстроен почетный караул, встретивший мой приезд барабанным боем, — докладывал Деканозов в Москву. — Гитлер спросил, прибыл ли я с семьей. Я ответил, что скоро ожидаю ее приезда…

Затем он спросил, происхожу ли я из той местности, где родился Сталин, знаком ли я со Сталиным издавна по совместной революционной работе. Я ответил, что мои родители происходят из той же местности Грузии, где родился Сталин, сам я родился в Баку, совместную революционную работу в Грузии со Сталиным не вел, сказав, что мне 42 года, а т. Сталину около 61 года.

Гитлер сказал, что я самый молодой посол в Берлине. В былые времена раньше 65 лет никто не становился послом, теперь все изменилось…»

Владимир Деканозов на правах бывшего начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД опекал берлинскую резидентуру внешней разведки.

В начале тридцатых резидентом в Берлине был опытный чекист Борис Давидович Берман. В Москве комиссар госбезопасности 3-го ранга Берман стал в 1936 году первым заместителем начальника иностранного отдела. Потом его назначили наркомом внутренних дел Белоруссии, в сентябре 1938 года арестовали и в феврале 1939-го расстреляли.

Его старший брат Матвей Берман тоже работал в органах госбезопасности. Он стал начальником ГУЛАГа, заместителем наркома внутренних дел, наркомом связи. Его арестовали в декабре 1938 года, на три месяца позже Бориса, и расстреляли на месяц позже.

В конце 1933 года в Берлине Бориса Бермана сменил Борис Моисеевич Гордон, партийный работник, который как раз окончил Институт красной профессуры. На время его работы пришлась активная деятельность внешней разведки в Берлине, несмотря на трудность работы в условиях нацистской Германии. Были завербованы весьма осведомленные в делах Третьего рейха люди, которые из антифашистских побуждений снабжали Москву важнейшей информацией. Они стали известны как «Красная капелла».

В мае 1937 года резидента Бориса Гордона отозвали в Москву и арестовали. Его сменил Александр Иванович Агаянц, которого перевели в Берлин из парижской резидентуры. Но в декабре 1938 года он умер во время срочной хирургической операции по поводу прободения язвы желудка. Его подчиненных одного за другим отзывали в Москву и обвиняли в шпионаже в пользу немцев.

В 1938 году в берлинской резидентуре было всего три оперативных работника. На следующий год остались двое. Один из них не говорил по-немецки. Москва запретила им встречаться с агентурой, поскольку ее вербовали «разоблаченные враги народа». Один из лучших советских агентов в Германии Арвид Харнак, обладавший уникальными источниками информации, больше года напрасно ждал связного, чтобы передать ему собранные сведения.

Берлинская резидентура начала восстанавливаться только в 1939 году, но прежних успехов новое поколение разведчиков, людей профессионально неопытных, добиться уже не смогло. Агентурную сеть сформировали обширную, но агенты были невысокого уровня. Такой агент знал лишь то, что происходит в ведомстве, в котором он служил. Но он не был в состоянии

проникнуть в мысли и намерения руководителей Германии, а ведь на самом деле только это и имело значение. Советская агентура не имела информации из первых рук, из окружения Гитлера. В Москве не знали, что же на самом деле думали и говорили руководители нацистской Германии. Строили предположения и ошибались.

Тридцать восьмой год был худшим в истории разведки. Из-за постоянных арестов треть года она вообще не работала. В конце тридцать восьмого в разведку мобилизовали двести человек из числа партийных, советских и комсомольских чиновников. Даже самые толковые из них не имели профессиональных навыков, не знали иностранных языков и не бывали за границей.

Руководителем резидентуры в Берлине назначили не имевшего разведывательного опыта Амаяка Захаровича Кобулова — брата Богдана Кобулова, заместителя наркома госбезопасности и ближайшего соратника Берии.

Амаяк Кобулов был высоким, стройным, красивым, обходительным и обаятельным, душой общества и прекрасным тамадой. Но этим достоинства Амаяка Захаровича исчерпывались. Ни немецкого языка, ни ситуации в Германии резидент Кобулов, который начинал свою трудовую деятельность кассиром-счетоводом в Боржоми, не знал. Он рос в чекистском ведомстве благодаря старшему брату. Перед назначением в Берлин был первым заместителем наркома внутренних дел Украины.

Немецкая контрразведка успешно подставила Амаяку Кобулову говоривших по-русски агентов-двойников, которые на самом деле работали на главное управление имперской безопасности. Кобулов легко глотал наживку. В этой большой игре участвовал даже Гитлер. Он сам просматривал информацию, предназначенную для Кобулова.

Немцы подсовывали Кобулову обнадеживающую информацию: Германия не собирается нападать на Советский Союз. А в Москве нарком госбезопасности Меркулов шифровки Кобулова докладывал Сталину. Скажем, 25 мая 1941 года Меркулов отправил на имя Сталина, Молотова и Берии записку, построенную на донесениях агента советской разведки в Берлине — выходца из Латвии Орестеса Берлингса, который в реальности был агентом немецкой контрразведки по кличке Петер. Но ему верил Амаяк Кобулов.

В записке Меркулова говорилось: «Война между Советским Союзом и Германией маловероятна… Германские военные силы, собранные на границе, должны показать Советскому Союзу решимость действовать, если Германию к этому принудят. Гитлер рассчитывает, что Сталин станет более сговорчивым и прекратит

всякие интриги против Германии, а главное — даст побольше товаров, особенно нефти».

Впрочем, напрасно некоторые исследователи делают из Амаяка Кобулова козла отпущения. Другие разведчики в те месяцы тоже присылали в Москву донесения, из которых следовало, что Гитлер не собирается воевать, а намерен давить на Сталина, добиваясь принятия своих условий. По всем каналам — дипломатическим и разведывательным (информацию давали не только резидентуры НКГБ, но и военная разведка, и военно-морская) — шел поток противоречивой информации. Сроки возможного нападения назывались разные, это вызывало сомнения и подозрения…

Многие агенты советской разведки были людьми левых убеждений, антифашистами, которые считали Советский Союз союзником в борьбе с Гитлером. Другие агенты просили за информацию деньги. Работа аккордная — чем больше принесешь, тем больше получишь. И получалось, что за дезинформацию платили больше.

Еще одна проблема состояла в том, что полученную информацию в Москве не могли правильно осмыслить. Сталин не доверял аналитическим способностям своих чекистов, предпочитал выводы делать сам и требовал, чтобы ему клали на стол подлинники агентурных сообщений. Только в 1943 году в разведке появился информационный отдел, которому поручено было заниматься аналитикой. Его возглавил Михаил Андреевич Аллахвердов, в недавнем прошлом резидент в Кабуле. Впоследствии он стал генерал-майором и работал в разведывательной школе заместителем начальника по учебной и научной работе…

Заместитель начальника Генерального штаба и начальник Главного разведывательного управления с июля 1940 по ноябрь 1941 года генерал-лейтенант Филипп Иванович Голиков за три месяца до начала войны, 20 марта, представил обширный документ, неопровержимо свидетельствующий о подготовке Германии к нападению на Советский Союз. Но сам же и пометил:

«Большинство агентурных данных, касающихся возможностей войны с СССР весной 1941 года, исходят от англо-американских источников, задачей которых на сегодняшний день, несомненно, является стремление ухудшить отношения между СССР и Германией… Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, быть может, германской разведки».

Известный военный историк профессор Виктор Анфилов

спрашивал маршала Голикова через двадцать лет после войны:

— Почему вы сделали вывод, который отрицал вероятность осуществления вами же изложенных планов Гитлера? Вы сами верили этим фактам или нет?

— А вы знали Сталина? — задал встречный вопрос Голиков.

— Я видел его на трибуне мавзолея.

— А я ему подчинялся, — сказал бывший начальник военной разведки, — докладывал ему и боялся его. У него сложилось мнение, что Германия, пока не закончит войну с Англией, на нас не нападет. Мы, зная его характер, подстраивали свои заключения под его точку зрения.

В мае 1941 года немецкий посол в Советском Союзе граф Фридрих Вернер фон Шуленбург и советник посольства Густав Хильгер пригласили к себе находившегося в тот момент в Москве Владимира Деканозова и попытались предупредить его, что война неминуема. Но разговор не получился. Чекист Деканозов совершил непростительную ошибку. Он не понял, что немецкие дипломаты, не желавшие войны, ведут эту беседу на свой страх и риск, счел их слова попыткой спровоцировать советское правительство на какой-то опасный шаг.

После начала войны весь состав советского посольства через Турцию вернулся на родину, и Владимир Деканозов приступил к своим обязанностям в Наркомате иностранных дел. Чувствуя поддержку Берии, он вел себя уверенно, смело решал любые вопросы, давал указания послам. Карьере Деканозова повредило увлечение слабым полом. Рассказывают, что одна из тех, на кого он положил глаз, устроила скандал. Его убрали из Наркомата иностранных дел и перевели в главное управление советского имущества за границей (им руководил бывший министр госбезопасности Меркулов). Главное управление занималось, ко всему прочему, вывозом трофейного имущества, в том числе для высшего начальства, которое вагонами тащило из поверженной Германии машины, картины, антиквариат и мебель.

После смерти Сталина Берия, мобилизовавший всех своих людей, сделал Деканозова министром госбезопасности Грузии. А уже в декабре 1953 года Владимира Георгиевича вместе с тем же Меркуловым и другими ближайшими соратниками Лаврентия Павловича расстреляли. Бывшего резидента в Берлине генерал-лейтенанта Амаяка Кобулова расстреляли в октябре 1954 года.

Павел Фитин
Убийство Троцкого

12 мая 1939 года Деканозова решением политбюро сменил в разведке журналист Павел Михайлович Фитин.

Он родился в 1907 году в семье крестьянина в селе Ожогино Ялуторовского уезда Тобольской губернии. В родном селе работал в сельскохозяйственной артели «Звезда», в двадцать лет стал председателем бюро юных пионеров, заместителем секретаря Шатровского райкома комсомола. В 1928 году Павел Фитин поступил в Институт механизации и электрификации сельского хозяйства в Москве. В 1932-м, получив диплом, отправился не на село, а стал руководить редакцией индустриальной литературы в Государственном издательстве сельскохозяйственной литературы. В октябре 1924 года Фитина призвали в армию. Он отслужил год и вернулся к работе в издательстве, где стал заместителем главного редактора.

В марте 1938 года Павла Фитина по партийному набору взяли в органы госбезопасности и отправили учиться в Центральную школу НКВД, созданную решением политбюро в 1930 году. Обычный срок обучения дисциплинам специального цикла был установлен в два года — даже для людей с высшим образованием. Но НКВД ощущал такой кадровый голод, что все сроки были сокращены. Фитин проучился всего пять месяцев.

В августе 1938 года его зачислили в штат главного управления государственной безопасности НКВД. Бесконечные чистки привели к тому, что через два с лишним месяца, 1 ноября, не имевший никакого профессионального опыта Павел Фитин сразу стал заместителем начальника разведки. 1 февраля 1939 года ему присвоили сиецзвание майор госбезопасности. Через год он стал старшим майором. Стройный блондин среднего роста, он был спокоен, молчалив, никогда не повышал голоса, подчиненных выслушивал внимательно. Но, как замечают профессионалы, «у него не было ни малейшего опыта в работе с агентурой, он не провел ни одной вербовки, психология оперативного работника была ему совершенно чужда, ему просто не хватало разведывательного чутья, вот поэтому центральный аппарат внешней разведки, особенно в 1939–1942 годах, совершил крупные ошибки».

В мае тридцать девятого, после ухода Деканозова в Наркомат иностранных дел, Фитин стал начальником внешней разведки.

Нарком внутренних дел Берия 10 мая отправил

спецсообщение Сталину:

«В связи с переводом на работу в НКИД и освобождением от работы в НКВД СССР тов. Деканозова В.Г. НКВД СССР просит утвердить начальником 5-го (Иностранного) отдела НКВД СССР тов. Фитина Павла Михайловича.

Тов. Фитин в настоящее время работает заместителем начальника этого отдела».

Сталин кандидатуру одобрил, и другие члены политбюро расписались вслед за ним. Назначение оформили постановлением политбюро от 12 мая.

Новый начальник разведки получил в наследство одни руины. Павел Фитин докладывал своему начальству: «К началу 1939 года почти все резиденты за кордоном были отозваны и отстранены от работы. Большинство из них затем было арестовано, а остальная часть подлежала проверке. Ни о какой разведывательной работе за кордоном при этом положении не могло быть и речи».

То же самое произошло в военной разведке.

На совещании начальствующего состава армии в апреле 1940 года командующий войсками Ленинградского военного округа командарм 2-го ранга Кирилл Афанасьевич Мерецков говорил, что офицеры отказываются ездить за границу с разведывательными заданиями:

— Командиры боятся идти в такую разведку, ибо они говорят, что потом запишут, что они были за границей. Трусят командиры.

С ним согласился начальник пятого (разведывательного) управления Генерального штаба Герой Советского Союза Иван Иосифович Проскуров:

— Командиры говорят, что если в личном деле будет записано, что был за границей, то это останется на всю жизнь. Вызываешь иногда замечательных людей, хороших, и они говорят — что угодно делайте, только чтобы в личном деле не было записано, что был за границей.

Сталин сделал вид, что удивлен:

— Есть же у нас несколько тысяч человек, которые были за границей. Ничего в этом нет. Это заслуга.

Проскуров развел руками:

— Но на практике не так воспринимается.

Сталин, конечно, прекрасно понимал, чего боятся офицеры. Практически все, кто побывал на учебе в Германии, были арестованы как немецкие шпионы. Сталин иезуитски предпочитал как бы подшучивать над репрессиями, не упуская случая показать, что он здесь ни при чем…

В разведку продолжали набирать новичков. Наступали новые

времена, и к будущим разведчикам предъявлялись новые требования.

25 августа 1939 года Сталин, получив от Берии донос на одного из радистов военной разведки, отправил Проскурову записку с напоминанием: «Есть постановление правительства не иметь на службе в разведке поляков, финнов, латышей, эстов, немцев и т. п. Кто рекомендовал вам этого финна…»

В первую очередь новичкам надо было дать языковое и страноведческое образование, объяснить азы оперативной работы. Решение о создании учебного заведения для разведчиков было принято на политбюро 7 июля 1937 года. Но возникли организационные трудности, и приказ наркома внутренних дел об учреждении школы особого назначения вышел только 3 октября 1938 года. Школа разместилась в Балашихе. Срок подготовки — год. Все слушатели школы утверждались секретариатом ЦК. На первый курс приняли всего десять человек.

В 1939 году в школе учился известный разведчик Герой Советского Союза полковник Александр Семенович Феклисов, который со временем возглавил 1-й (американский) отдел первого главного управления КГБ. Он уже имел высшее образование — окончил радиофакультет Московского института связи.

«Школа размещалась в лесу в добротном деревянном двухэтажном доме, — вспоминал Феклисов, — ее территория была огорожена забором. На верхнем этаже располагались пять спальных комнат, душевая, зал для отдыха и игр, а на нижнем — два учебных класса и столовая. Спальные комнаты были большие, в них находились два стола для занятий, две роскошные кровати с хорошими теплыми одеялами и два шкафа для одежды. Перед кроватями — коврики».

Каждому курсанту выдали пальто, костюм, шляпу, ботинки. В школе училось всего десять человек, это были выпускники технических вузов, направленные в НКВД. За год следовало изучить иностранный язык, освоить курс страноведения, спецдисциплины и, конечно, историю ВКП(б). В одной группе готовили радистов для заграничных резидентур, другую группу учили добывать и самим изготавливать необходимые нелегальному разведчику документы: паспорта, метрические свидетельства, дипломы…

Александра Феклисова командировали в Нью-Йорк в феврале 1941 года радистом, потом его перевели на оперативную работу.

Школа будущих разведчиков не раз меняла название.

В 1943 году она стала называться Разведывательной школой первого управления Наркомата госбезопасности.

В сентябре 1948 года приказом по Комитету информации при Совете министров СССР ее переименовали в Высшую разведывательную школу. Кандидатуры слушателей школы утверждались в ЦК, «учиться на разведчика» отправляли работников партийного и советского аппарата.

В служебной переписке учебное заведение для разведчиков в конспиративных целях называли 101-й школой. Она находилась на двадцать пятом километре Горьковского шоссе, поэтому слушатели говорили: «двадцать пятый километр» или «лес». Под школу действительно отрезали большой массив леса, окруженный высоким забором. Там находились учебные аудитории, общежитие и спортивные сооружения.

Наибольший интерес вызывали специальные дисциплины, то есть изучение разведывательного искусства, и практические занятия — организация встречи с агентом, закладка тайников, уход от наружного наблюдения. Тем, кто хорошо знал иностранные языки, учиться было легко. Остальным приходилось налегать на язык.

Самый молодой генерал в КГБ (ныне обвиненный в предательстве) Олег Данилович Калугин, принятый в 101-ю школу в 1956 году, вспоминал ее с большим удовольствием:

«Деревянные, аккуратно покрашенные двухэтажные дома, асфальтированные дорожки, ухоженные тропы, мерно качающиеся над головой верхушки елей и сосен, насыщенный запахом смолы прозрачный воздух — все это действует благотворно, вызывает чувство безмятежного покоя. В помещениях чисто и уютно, комнаты на двоих с маленькими ковриками и настенными светильниками. Аудитории просторны и солнечны. Прекрасная библиотека с подшивками иностранных газет на разных языках.

В просторном зале с пальмами официантки в белых передниках подают нам меню с богатым выбором блюд…»

Один из вполне удачливых разведчиков (орденоносец), вспоминая годы учебы в разведшколе, говорил мне:

— Самое сильное впечатление на меня произвела возможность читать служебные вестники ТАСС. Право читать на русском языке то, что другим не положено, сразу создавало впечатление принадлежности к особой касте. Специальные дисциплины были безумно интересными. Изучали методы контрразведки, потому что ты должен был знать, как против тебя будут работать там. Умение вести себя, навыки получения информации. Нас учили исходить из того, что любой человек, с которым ты общаешься, даже если он не оформлен как агент, является источником важных сведений. А если от него

невозможно ничего узнать, то и не стоит терять на него время…

В ноябре 1968 года школу переименовали в Краснознаменный институт КГБ СССР с правами высшего учебного заведения. Желающих учиться в институте было хоть отбавляй.

— Придя в КГБ, — рассказывал Андропов известному дипломату Валентину Михайловичу Фалину, — я установил порядок, что в учебные заведения комитета принимаются юноши и девушки только с девятнадцатилетнего возраста. Помогло. Ведь отбоя не было от звонков пап и мам. У всех чада — прирожденные чекисты, и после средней школы, семнадцати — восемнадцати лет от роду, их пристраивали к нам в систему…

Со временем Краснознаменный институт получил имя Ю.В. Андропова. В октябре 1994 года институт, как это было модно в те годы, переименовали в Академию внешней разведки…

В 1940 году в 5-м отделе ГУГБ НКВД под руководством старшего майора Павла Фитина работало шестьсот девяносто пять человек.

1-е отделение занималось Германией, Венгрией, Данией;

2-е — Польшей;

3-е — Францией, Бельгией, Швейцарией, Голландией;

4-е — Англией;

5-е — Италией;

6-е — Испанией;

7-е — Румынией, Болгарией, Югославией, Грецией;

8-е — Финляндией, Швецией, Норвегией, Шпицбергеном;

9-е — Латвией, Эстонией, Литвой;

10-е — США, Канадой, Южной Америкой, Мексикой;

11-е — Японией, Маньчжурией;

12-е — Китаем, Синьцзянем;

13-е — Монголией, Тувой;

14-е — Турцией, Ираном, Афганистаном;

15-е отделение отвечало за научно-техническую разведку;

16-е снабжало разведчиков оперативной техникой, тогда еще достаточно примитивной;

17-е — занималось визами.

Разведка располагала сорока резидентурами за границей. Самые крупные находились в Соединенных Штатах — восемнадцать оперативных работников, в Финляндии — семнадцать, в Германии — тринадцать.

Павел Фитин, как начальник разведки, руководил операцией по убийству бывшего члена политбюро, председателя Реввоенсовета Республики и наркома по военным и морским делам Льва Давидовича Троцкого. Задача была поставлена перед

разведкой в 1938 году. В истории отечественной разведки эта операция именуется делом «Утка». Окончательный план убийства Троцкого, представленный Фитиным, Сталин одобрил в августе 1939 года.

На выполнение этого личного задания Сталина были мобилизованы все чекистские возможности. Но несколько боевых групп даже не смогли добраться до Мексики.

В конце мая 1940 года было совершено первое покушение на Троцкого. Два десятка человек в полицейской форме разоружили охрану его дома в Койоакане (неподалеку от Мехико), забросали дом взрывчаткой и обстреляли из пулеметов. Троцкий чудом остался жив, но с того дня жил в атмосфере обреченности. Каждое утро он говорил жене:

— Видишь, они не убили нас этой ночью, а ты еще чем-то недовольна.

Подготовкой убийства Троцкого занимался заместитель Фитина будущий генерал Павел Судоплатов. В Мексике всей работой руководил Наум Эйтингон. После первой неудачи, 30 мая 1940 года, он докладывал в Москву: «О нашем несчастье вы знаете из газет подробно. Отчет вам будет дан позже. Пока все люди целы, и часть уехала из страны. Если не будет особых осложнений, через две-три недели приступим к исправлению ошибки, так как не все резервы исчерпаны. Принимая целиком на себя вину за этот кошмарный провал, я готов по первому вашему требованию выехать для получения положенного за такой провал наказания»

На роль исполнителя нашли испанца Рамона Меркадера. Выпускник кулинарного училища, он работал в отеле «Ритц» в Барселоне, участвовал в гражданской войне в Испании. Его мать, Мария Каридад, тоже была агентом НКВД, завербовал ее все тот же Эйтингон. Уже через пять дней после первого покушения будущий убийца проник в дом Троцкого. Он называл себя Жаком Морнаром, сыном бельгийского дипломата, а пользовался фальшивым канадским паспортом на имя Фрэнка Джексона.

20 августа 1940 года Меркадер пришел к Троцкому, несмотря на жару, в плаще и шляпе и попросил Льва Давидовича прочитать написанную им статью и высказать свое мнение. Когда Троцкий взялся за чтение, Меркадер вынул ледоруб (еще у него с собой был молоток и пистолет) и, закрыв глаза, со всей силой обрушил его на голову Троцкого. Он надеялся убить Троцкого одним ударом и убежать. Но бывший председатель Реввоенсовета вступил с ним в борьбу. И от растерянности Меркадер даже не сумел воспользоваться пистолетом. Услышав шум, вбежали охранники и схватили убийцу.

На следующий день Троцкий умер в больнице. Проститься с ним пришли триста тысяч человек. Почти через год нарком Берия отправил Сталину записку: «Группой работников НКВД в 1940 году было успешно выполнено специальное задание. НКВД СССР просит наградить орденами Союза шесть товарищей, участвовавших в выполнении этого задания».

Сталин написал: «За (без публикации)».

Мать убийцы Троцкого Каридад Меркадер и Наум Эйтингон получили высшие ордена Ленина, Лев Василевский и Павел Судоплатов — ордена Красного Знамени, Иосиф Григулевич и Павел Пастельняк — Красной Звезды. За пять дней до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, 17 июня 1941 года, соучастники убийства бывшего председателя Реввоенсовета Республики и создателя Красной армии Льва Троцкого получили в Кремле ордена из рук председателя Президиума Верховного Совета СССР Михаила Ивановича Калинина.

Каридад Меркадер, оперативный псевдоним Мать, впоследствии покинула Советский Союз. Она предпочла жить во Франции. За то, что она пожертвовала своим сыном, ей была установлена пожизненная пенсия. Она умерла в 1975 году.

Рамон Меркадер на суде не признался, что работает на Советский Союз. Это понравилось в Москве. Советская разведка пыталась вызволить его из тюрьмы, но не удалось. Убийца Троцкого отсидел свои двадцать лет от звонка до звонка. Он вышел на свободу только в 1960 году. Его привезли в Советский Союз.

Уже прошел XX съезд, где было впервые сказано о сталинских преступлениях, уже были реабилитированы многие жертвы террора и наказаны палачи. К уголовной ответственности привлекли тех, кто руководил Рамоном Меркадером, — Судоплатова и Эйтингона. Но убийцу Троцкого встретили как героя. Правда, все было сохранено в тайне. Закрытый указ о присвоении ему звания Героя Советского Союза «за выполнение особого задания и проявленные при этом героизм и мужество» был подписан 31 мая 1960 года.

8 июня «Золотую Звезду» Меркадеру вручил в Кремле председатель КГБ Александр Николаевич Шелепин. В Москве убийце Троцкого выдали советский паспорт на имя Рамона Ивановича Лопеса. Устроили на работу в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Дали квартиру. Он жил не один — женился на мексиканке, которая носила ему передачи в тюрьму. В Москве он не прижился и в октябре 1974 года уехал из Москвы на Кубу, где не было снега и тоскливых аппаратчиков, где говорили по-испански и где ему дали звание генерала и нашли работу в

министерстве внутренних дел.

На Кубе Меркадер умер от саркомы 18 октября 1978 года. Один из самых знаменитых боевиков XX столетия прожил всего пятьдесят девять лет, из них двадцать лет — треть жизни — он провел в тюрьме. Похоронили его в Москве, на Кунцевском кладбище, тайно. Большую часть своей жизни он выдавал себя за другого человека. И похоронили его тоже под чужим именем.

Чекисты уничтожили всю семью Троцкого. Правда, история смерти его второго сына, Льва Седова, остается загадкой. Лев Львович Седов унаследовал от отца бойцовский характер. Он взял фамилию матери, ушел из Кремля и поселился в общежитии рабфака, чтобы никто не обвинил его в использовании громкого отцовского имени. Лев Седов последовал за родителями в эмиграцию и стал верным помощником отца. Он жил в Париже и пытался сплотить единомышленников, не подозревая, что окружен осведомителями советской разведки. Рядом с ним постоянно находился агент советской разведки Марк Зборовский (оперативный псевдоним Тюльпан), завербованный в 1933 году. Донесения Тюльпана докладывались лично Сталину. Разговоры Льва Седова подслушивались, его почта перехватывалась.

Сына Троцкого собирались тайно — судном или на самолете — доставить в Советский Союз. В начале 1938 года Льва Седова оперировали по поводу аппендицита. Операция прошла благополучно, но через четыре дня его состояние ухудшилось, пришлось сделать повторную операцию. 16 февраля сын Троцкого умер в парижской клинике. Мало кто сомневался в том, что это дело советской разведки. Но судебно-медицинская экспертиза пришла к выводу о естественном характере его смерти.

Марк Зборовский, который порвал с НКВД и бежал в Соединенные Штаты, доказывал, что Москва просила его не убивать Седова, а заманить в ловушку, чтобы сына Троцкого можно было доставить на территорию Советского Союза.

Уже будучи арестованным, Сергей Шпигельглас, бывший заместитель начальника разведки, на допросе рассказал, что, когда пришло сообщение о смерти Седова в Париже, он доложил наркому внутренних дел Ежову. Тот сказал:

— Зайдите.

Шпигельглас принес ему телеграмму из Парижа. Ежов прочитал ее и довольно сказал:

— Хорошая операция. Вот здорово мы его, а?

Ежов доложил в ЦК, что его люди покончили еще с одним врагом советской власти. И коллеги-чекисты с долей зависти спрашивали Шпигельгласа:

— Как это вы ловко разделались с Седовым?

Впрочем, надо иметь в виду, что Сергей Шпигельглас стал давать показания после того, как его стали избивать. Судя по протоколам допросов, это произошло 31 мая 1939 года. В это время полным ходом шло следствие по делу Николая Ивановича Ежова, арестованного 10 апреля. Ежова обвиняли во всех смертных грехах, включая гомосексуализм. Возможно, следователи с помощью Шпигельгласа хотели приписать Ежову еще и обман руководства партии…

3 февраля 1941 года НКВД поделили на два наркомата — внутренних дел и государственной безопасности. Разведка за границей получила статус первого управления Наркомата госбезопасности (наркомом назначили Всеволода Николаевича Меркулова). Павел Фитин стал начальником первого управления НКГБ.

Многие годы продолжается спор о роли разведки в предвоенные годы: выполнила она свой долг? сумела ли заблаговременно предупредить руководство страны о готовящейся агрессии со стороны Германии?

Сегодня историки приходят к выводу, что разведка сама запуталась в огромном потоке сообщений, который буквально захлестывал европейские резидентуры и центральный аппарат, и не могла отличить реальную информацию от дезинформации — преднамеренной или случайной. Разведка не смогла вовремя понять, что Гитлер решил в любом случае нанести удар по Советскому Союзу, не принимая во внимание то, что в тылу у него остается враждебная Англия, что вермахт сделает ставку на блицкриг. О том, что Гитлер принял решение напасть на нашу страну, разведка так и не узнала, поэтому все сообщения о переброске войск на Восток, разговоры о приближающейся войне воспринимались как попытка политического давления на Москву.

Самым пагубным образом на подготовке страны к войне сказалось то, что до 22 июня 1941 года советская разведка была по-прежнему ориентирована на борьбу с эмиграцией, троцкистами и Англией.

Алексей Степанов, историк из Санкт-Петербурга, обнаружил в военных архивах поразительные документы. По указанию наркома обороны командующие авиацией Закавказского и Одесского военных округов начали подготовку к нанесению бомбовых ударов по важнейшим объектам на Ближнем Востоке.

Среди целей значились Анкара, Александрия, Бейрут, Хайфа, Суэцкий канал, а также проливы Босфор и Дарданеллы. Штурманам и летчикам дальнебомбардировочной авиации предписывалось проложить маршруты полета, провести учебные полеты над собственной территорией с имитацией

бомбардировок, а также разработать тактику воздушных боев с британской истребительной авиацией.

В Москве в Наркомате военно-морского флота, которым руководил флагман флота 2-го ранга Николай Герасимович Кузнецов, составили «Доклад о плане развития авиации военно-морских сил на 1940–1941 годы».

На Черноморско-Средиземноморском театре перед морской авиацией ставилась задача:

«Нанесение бомбовых ударов по базам: в Черном море — Констанца и Варна; в Мраморном море — Стамбул; в Эгейском море — Салоники и Смирна; в Средиземном море — Александрия, Хайфа, Мальта… Систематическими ударами по Суэцкому каналу лишить Англию и средиземноморские государства возможности нормальной эксплуатации этой коммуникации…»

К войне с Англией готовились все флоты. 2 апреля 1940 года командующий Северным флотом флагман 2-го ранга Валентин Петрович Дрозд приказал:

«Вероятным противником на ближайший период считаю Англию и Норвегию, хотя последняя активных действий может и не развивать…»

27 марта 1940 года командующий Черноморским флотом флагман 1-го ранга Филипп Сергеевич Октябрьский утвердил «План действий ВВС Черноморского флота на 1940 год», в котором говорилось: «Вероятно одновременное выступление против Советского Союза Англии, Франции, Румынии и Турции».

Филипп Октябрьский появился на свет Ивановым, а в 1924 году, когда служил в политуправлении Красной армии, сменил фамилию на более революционную. В марте 1939 года Октябрьский принял под командование Черноморский флот. Он поставил перед авиацией флота задачу — нанести удар по боевым кораблям противника на базах Мраморного моря и в проливе Босфор, а также установить там минные заграждения.

7 мая 1940 года начальник штаба Каспийской флотилии капитан 2-го ранга Алексеев и начальник разведывательного отдела штаба капитан-лейтенант Головко докладывали своему начальству, что в ближайшее время Каспийское море может стать театром военных действий: «Вероятным противником на театре и его главной силой будет английская и французская авиация».

Именно разведка Каспийской флотилии следила за происходящим на Ближнем и Среднем Востоке. Летчики во всех южных округах получали подробные данные об аэродромах, системе противовоздушной обороны, расположении авиачастей и тактико-технические данные самолетов противника на Ближнем

Востоке. В первую очередь изучались Турция, Иран и Ирак.

22 марта 1940 года Штаб морской авиации отправил начальнику разведывательного отдела штаба ВВС Черноморского флота срочный пакет:

«Направляю Вам справку по военно-воздушным силам Турции, Ирана, Ирака, Афганистана. Сопоставьте данные этого материала с данными справочных, высланного Вам 20 марта с. г.

Нанесите обстановку на карту и ЛИЧНО, НЕ ОТКЛАДЫВАЯ, ДОЛОЖИТЕ СВОЕМУ КОМАНДОВАНИЮ. Одновременно потребуйте изучения и нанесения на карту этих данных и от начальников разведывательных отделов бригад, полков и отдельных авиаэскадрилий».

Даже создание советской авиации шло с учетом ожидавшейся войны с Англией. Например, из экипажа замечательного штурмовика Ил-2 убрали стрелка-радиста. Решили, что британские самолеты «Харрикейн» и «Спитфайр» советскому штурмовику не опасны. Британские самолеты имели на вооружении только малокалиберные пулеметы, которые не могли пробить броню кабины Ил-2 и даже бронестекло.

От знаменитого авиаконструктора Андрея Николаевича Туполева потребовали создать дальний пикирующий бомбардировщик для борьбы с британским флотом. Самолет должен был преодолеть пять-шесть тысяч километров, чтобы появилась возможность наносить удар по британским военно-воздушным базам с советской территории.

Туполев объяснил своим помощникам:

«Война неизбежна. Нашим главным врагом всегда была и остается Англия. Воевать она будет против нас в союзе с гитлеровской Германией и другими странами Европы, но главный враг — Англия.

Главная сила Англии — военно-морской флот. Вследствие этого необходимо создать оружие для борьбы с английским флотом».

На самом крупном советском авиационном заводе № 1 запустили в серию истребитель МиГ-3. Когда началась война с Германией, выпуск самолета пришлось прекратить. Истребитель был предназначен исключительно для борьбы с британскими самолетами на больших высотах. МиГ-3 мог подниматься до одиннадцати тысяч километров, а немецкие самолеты летали на малых и средних высотах.

В этот предвоенный год не Германия, а Великобритания считалась главным врагом. Вступившие между собой в союз нацистская Германия, фашистская Италия и милитаристская Япония рассматривались как союзники.

17 июня 1941 года начальник первого управления Фитин отправил в Кремль спецсообщение из Берлина от своих агентов Старшины и Корсиканца: «Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью завершены, удара можно ожидать в любое время».

Но разве сам Фитин доверял собственной агентуре, разве он был уверен, что отправляет в Кремль сигнал о том, что война неминуемо начнется? Все советское руководство во главе со Сталиным верило в возможность долговременного сотрудничества с Гитлером. Поэтому в спецсообщениях разведки, которые подписывал Фитин, Сталин видел только то, что хотел видеть. Сообщения разведки о концентрации немецких войск на советских границах, о предполагаемой дате нападения на Советский Союз воспринимались скорее как дезинформация.

Сталин однажды пожурил начальника военной разведки Ивана Проскурова:

— У вас душа не разведчика, а очень наивного человека в хорошем смысле этого слова. Разведчик должен быть весь пропитан ядом, желчью, никому не должен верить…

А в чекистском ведомстве недоверию никого учить не надо было.

К началу войны Советский Союз располагал в Германии обширной разведывательной сетью, включавшей агентов в военно-воздушных силах, министерстве иностранных дел, министерстве экономики, в гестапо и на оборонных предприятиях.

Наркомат госбезопасности имел нелегальную организацию в Берлине, которой руководили ставшие потом известными антифашисты Харро Шульце-Бойзен (обер-лейтенант люфтваффе, оперативный псевдоним Старшина) и Арвид Харнак (сотрудник имперского министерства экономики, Корсиканец). Обладая широчайшими связями, они поставляли в Москву полноценную информацию, которой Фитин мог гордиться. В эту группу входило больше ста человек, которые собирали сведения для советской разведки.

Военная разведка не отставала от политической и располагала нелегальными группами в Бельгии, Голландии и Франции.

Группе Харнака и Шульце-Бойзена в конце мая 1941 года доставили радиопередатчики и системы шифрования. Когда началась война, Москва требовала от агентуры самой свежей информации, и немедленно. Но передатчики молчали.

Шифросвязь с закордонными резидентурами осуществляло 13-е отделение 5-го спецотдела НКВД. Существовали огромные

сложности в организации связи с нелегалами. Радиостанции, которыми располагала агентура в Европе, были маломощными. Сигнал едва доходил до Бреста, но наступавшие немецкие войска заняли город в первые дни войны.

Радисты в советских резидентурах в Лондоне и Стокгольме напрасно часами просиживали у приемников. Тогда Павел Фитин вынужден был обратиться за помощью к военной разведке, чьи нелегальные резидентуры в Европе продолжали действовать. Военные разведчики наведались в Берлин. Оказалось, что доставленные агентам передатчики не работают и наладить их невозможно.

Передачу полученной информации взяли на себя нелегальные резидентуры. В первые месяцы войны они очень много работали. Радисты сидели в эфире часами, рации засекались, и разведчиков арестовывали одного за другим. Гестапо выследило нелегальные резидентуры военной разведки и захватило радистов вместе с передатчиками. Гестаповцы начали ловкую радиоигру с Москвой, снабжая ее дезинформацией, и чекисты далеко не сразу обнаружили, что их водят за нос.

Обращение Фитина к военной разведке за помощью оказалось роковым и для агентуры политической разведки. На допросах схваченные военные разведчики назвали и берлинские адреса. Трагедию завершила отправка в Германию двух связных.

Летом 1942 года ночью с самолета в районе Брянска, оккупированного немецкими войсками, были сброшены два радиста — Альберт Хесслер, бывший член компартии Германии, воевавший в Испании, и русский немец Роберт Барт, давно работавший на НКВД. За несколько дней они добрались до Германии. Хесслер нашел членов подпольной группы и попытался помочь им наладить передатчик, но безрезультатно. Ни он, ни приютившие его люди не подозревали, что их дом находится под наблюдением.

Арест был вопросом времени.

Вскоре вся группа Харнака и Шульце-Бойзена тоже была схвачена. Гестапо отдало под суд сто двадцать девять человек. Арестованный Альберт Хесслер отказался работать на гестапо и был расстрелян.

Его напарник Роберт Барт имел еще более ответственное задание — стать связным Вилли Лемана, сотрудника гестапо, который с 1929 года под оперативным псевдонимом Брайтенбах работал на советскую разведку. В 1938 году, когда советская резидентура в нацистской Германии была уничтожена Сталиным, связь с Вилли Леманом прекратилась. Два года он ничем не мог помочь Советскому Союзу, потому что к нему никто не приходил.

Связь была восстановлена в начале сорок первого и прервалась с нападением Германии на Советский Союз.

Когда гестапо арестовало Роберта Барта, он не только выдал Вилли Лемана, которого расстреляли, но и согласился сообщать в Москву то, что нужно немцам. В 1945 году Барт оказался в руках американцев. Они передали его советским представителям. Барта расстреляли.

Агентурная сеть в Германии была потеряна. Но как же тогда работала советская разведка?

Возможно, это всего лишь легенда, миф, красивая сказка, но многие даже весьма компетентные люди верят в нее и считают правдой.

Ее рассказал мне известный германист, профессор, доктор исторических наук Всеволод Дмитриевич Ежов:

— Где-то на берегу Рижского залива, в Юрмале, неподалеку от столицы Латвии еще недавно жил советский разведчик, который скрывался не только от чужих, но и от своих. В двадцатых годах его внедрили в нацистскую партию. Он сделал большую карьеру, участвовал во всем, что творили СС. В конце войны его арестовали американцы и собирались судить как военного преступника, и наши с трудом его выцарапали.

История этого человека как будто бы и легла в основу знаменитого романа Юлиана Семенова «Семнадцать мгновений весны», по которому поставлен еще более знаменитый фильм. Во всяком случае, эту красивую легенду рассказывает научный консультант фильма профессор Ежов. А главным консультантом фильма был некий генерал-полковник С.К. Мишин. На самом деле это псевдоним первого заместителя председателя КГБ СССР Семена Кузьмича Цвигуна, очень близкого к Брежневу человека. В присутствии Цвигуна чувствовал себя не очень уверенно и сам Юрий Андропов.

Так был ли Штирлиц?

Покойный Юлиан Семенович Семенов, которого я хорошо знал и любил, написал серию романов о советском разведчике Штирлице-Исаеве. Семенов писал настолько убедительно, что Штирлиц воспринимается многими почти как реальная фигура.

Генерал-лейтенант Сергей Александрович Кондрашев, который работал в разведке на немецком направлении, полагает, что прототипом был создатель нелегальной разведки Александр Михайлович Коротков.

Сам Юлиан Семенов говорил, что одним из прототипов Штирлица был знаменитый разведчик полковник Норман Бородин, сын Михаила Марковича Бородина, который в двадцатых годах был главным политическим советником в Китае.

Так был ли Штирлиц в реальности? Вернее, существовал ли у этого литературного и киногероя прототип? Работал ли в нацистской Германии на высокой должности советский разведчик, русский человек?

Мнение специалистов однозначно: Штирлица не было и не могло быть. Русский человек или обрусевший немец мог, конечно, попытаться выдать себя за коренного жителя Германии, но на очень короткое время и до первой проверки: у немцев тоже были отделы кадров, и не менее бдительные.

Герой Советского Союза Николай Иванович Кузнецов довольно успешно действовал в немецком тылу, но он был не столько разведчиком, сколько диверсантом. Он появлялся в разных местах, брал немцев, что называется, на арапа и исчезал раньше, чем им успевали заинтересоваться.

Разведчик из советских граждан не мог занять заметное место в нацистской Германии (его бы неминуемо разоблачили). К этому в разведке и не стремились. Задача состояла в другом: вербовать немцев, готовых работать на Советский Союз.

Теперь мы знаем, что у советской разведки был агент внутри центрального аппарата гестапо — Вилли Леман, оперативный псевдоним Брайтенбах. Его невысокая должность не позволяла ему снабжать Москву информацией, имевшей значение для политического руководства.

Несколько лет назад Служба внешней разведки вдруг сообщила, что настоящий прототип Штирлица — это и есть Вилли Леман. Будто бы Юлиана Семенова познакомили с делом Брайтенбаха, но посоветовали переделать немца в русского. Это не так. В те времена дело Брайтенбаха было засекречено, его раскрыли совсем недавно. О Брайтенбахе Юлиан Семенов не подозревал.

А сюжет для романа «Семнадцать мгновений весны» Юлиан Семенов отыскал в двухтомном сборнике писем, которыми в годы войны Сталин обменивался с союзниками — премьер-министром Англии Черчиллем, американским президентом Рузвельтом и сменившим его Трумэном.

До самого конца войны Сталин боялся, что немцы все-таки договорятся с американцами и англичанами, капитулируют на Западном фронте и перебросят все войска на Восточный фронт, против Красной армии.

В марте 1945 года англичане и американцы начали в Швейцарии переговоры с немецким командованием о капитуляции частей вермахта, воевавших в Италии, и отказались допустить советских представителей на эти переговоры. Вел их резидент американской разведки Аллен Даллес в Швейцарии.

Будущий директор ЦРУ Аллен Даллес, адвокат по профессии, еще во время Первой мировой войны работал агентом американской разведки в Швейцарии. Он любил рассказывать, что однажды получил записку от русского эмигранта с предложением встретиться и поговорить. Он считал этого человека малоперспективным политиком и от встречи отказался. Звали эмигранта Ленин…

Узнав о переговорах, которые вел Даллес, Сталин заподозрил, что американцы сговариваются с немцами за его спиной, и возмутился. Но это не был заговор против России. Американцы хотели избежать потерь во время операции в Италии. Получив послание Сталина, новый президент Соединенных Штатов Гарри Трумэн приказал прекратить все переговоры, чтобы не злить русских. Но потом было найдено разумное решение. 28 апреля в присутствии советских представителей был подписан акт о капитуляции немецких войск в Северной Италии.

Когда Юлиан Семенов писал роман «Семнадцать мгновений весны», а затем сценарий будущего фильма, он мало что знал о работе советской разведки в нацистской Германии. К секретным документам его не подпускали, да они и не были ему нужны. Юлиан Семенович был очень талантливым человеком. Он придумал лучше, чем было в жизни…

Единственный случай, когда ему рассказали о подлинном деле, описан в романе «ТАСС уполномочен заявить» (в фильме по этому роману главную роль сыграл Юрий Соломин). В основу романа положена история сотрудника Министерства иностранных дел Александра Дмитриевича Огородника. Когда он работал в Колумбии, его завербовали путем шантажа — у него был роман с колумбийкой. Он покончил с собой в момент ареста в 1977 году. Всю эту историю Юлиану Семенову с санкции Андропова рассказали генералы Виталий Бояров и Вячеслав Кеворков, чьи имена еще появятся на страницах этой книги.

Роман невероятно понравился Андропову, он сам позвонил Семенову на дачу и поздравил с удачей. После этого Юлиану Семенову позволили поехать за границу в роли собственного корреспондента «Литературной газеты». Он даже не был членом партии. Советский посол в Бонне недовольно поинтересовался, почему Семенова не видно на партсобраниях. Когда ему сказали, что у Юлиана нет партбилета, посол решил, что его разыгрывают.

За границей Семенов пользовался невероятной свободой, немыслимой для советского человека. В местной резидентуре злились, но молчали, зная особое расположение Андропова к писателю. Но то, что Юлиан написал после «Семнадцати мгновений весны», нравится мне значительно меньше, чем его

ранние книги.

Юлиан всегда смеялся, когда его спрашивали, откуда он узнает все секреты, и по-дружески объяснял мне, что лучшие сюжеты хранятся в архивах, открытых для всех. Надо просто увидеть за строчками сухих документов человеческие драмы…

В годы войны ни у немецкой, ни у советской разведки не было агентов высокого уровня. Точнее было бы сказать, что у обеих разведок вообще не было агентуры на территории противника. Немецкая разведка в принципе не смогла приобрести агентуру в Советском Союзе. Советская разведка, и военная, и политическая, до войны имела хорошие позиции в нацистской Германии. Но вся агентурная сеть вскоре после начала войны была уничтожена.

Захваченную рацию и арестованного радиста обязательно использовали в радиоигре. Начальник гестапо Генрих Мюллер высоко ценил возможности радиоигр. Каждую радиоигру санкционировал лично Адольф Гитлер, потому что в Москву передавалась не только искусно подготовленная дезинформация, но и подлинные данные о состоянии вермахта.

Так же серьезно к радиоиграм относился и Сталин. 25 апреля 1942 года нарком внутренних дел Берия доложил вождю о задержании семидесяти шести агентов немецкой военной разведки, у которых изъяли двадцать одну портативную приемо-передаточную радиостанцию.

«НКВД СССР считает, — предлагал Берия, — что захваченные немецкие радиостанции можно использовать в интересах Главного командования Красной Армии для дезинформации противника… Если данное мероприятие будет признано Вами целесообразным, считаем необходимым поручить начальнику Оперативного Управления Генерального Штаба Красной Армии тов. Бодину и начальнику Главного Разведывательного Управления тов. Панфилову выработать порядок разработки материалов по дезинформации противника и передачи их в НКВД СССР для реализации через захваченные немецкие радиостанции.

Передача дезинформации противнику через захваченные рации будет обеспечиваться надежным контролем».

Характерна реакция Сталина, который хотел видеть, какие именно сведения будут передаваться немцам:

«Т-щу Берия. Согласен с тем, чтобы т.т. Бодин и Панфилов предварительно показывали мне свои дезинформационные указания».

В Берлине начальник гестапо Генрих Мюллер и руководитель политической разведки Вальтер Шелленберг были уверены, что радиоигры у них проходят успешно. Но это вряд ли. И не потому,

что в Москве сразу понимали, что радисты работают под контролем, а потому, что всегда подозревали возможность измены. Впрочем, из этого следует, что и к реальным сообщениям собственной разведки, когда разведчики еще на свободе и передают важные сведения, относились как к возможной дезинформации. Так что во время Второй мировой войны пользы от политической и агентурной разведки было немного.

Вальтер Шелленберг с гордостью писал после войны, что в сорок первом немецкой разведке удалось обмануть советских разведчиков, поэтому и начало войны застало Москву врасплох. На самом деле советская разведка предупреждала Сталина о концентрации вермахта вдоль западной границы. Дело было не в отсутствии информации, а в неумении ее интерпретировать и в нежелании Сталина посмотреть правде в глаза.

Такой же болезнью страдало и немецкое высшее командование. Начальник разведывательного отдела штаба сухопутных войск Райнхард Гелен в 1943 году получил информацию, из которой следовало, что советское командование знает о готовящемся наступлении немцев под Курском. Гелен доложил своему начальству, что проведение операции «Цитадель» станет непоправимой ошибкой — русские готовы к контрудару. Тем не менее наступление началось, и после отчаянных танковых сражений немцы потерпели полное поражение.

Немецкая разведка не могла похвастаться особыми успехами и в предвоенные годы, и в годы войны. На Восточном фронте ни начальник абвера адмирал Канарис, ни бригаде-фюрер Шелленберг, ни генерал Гелен не добились никаких успехов.

18 апреля 1944 года нарком внутренних дел Берия и нарком госбезопасности Меркулов сообщили Сталину:

«Дешифровально-разведывательной службой НКВД — НКГБ СССР с осени нерегулярно, а с весны 1942 года систематически фиксировался шифровальный обмен на немецких линиях связи София — Будапешт, София — Вена и др. Пеленгацией местонахождение радиопередатчика было установлено, что он находится в предместье гор. София в Болгарии.

По смыслу перехваченной и дешифрованной переписки организационного характера было установлено, что она исходит от германского военно-воздушного атташата в Болгарии… Содержание телеграмм касалось главным образом передвижения войск Красной Армии. Было предпринято специальное изучение этих материалов с целью установления, во-первых, их соответствия действительности и, во-вторых, каналов, по которым эти сведения могли проникать в Софию».

Берия и Меркулов с удовольствием констатировали, что

подавляющее большинство сведений не соответствует действительности и является вымыслом. В телеграммах указывались воинские части, вовсе не существующие в Красной армии. Что касается точных данных, то они, по мнению чекистов, «могли быть установлены немцами путем авиаразведки, перехвата радиотелеграфных и радиотелефонных линий низовой армейской связи и допроса военнопленных».

Отсутствие агентуры на территории Советского Союза немцы пытались компенсировать путем заброски парашютистов, но безуспешно. Немцы в массовом порядке забрасывали в советский тыл бывших военнопленных, которые, чтобы спастись от неминуемой смерти в концлагере, соглашались работать на немецкую разведку. Абсолютное большинство сразу же сдавались органам НКВД.

Вальтер Шелленберг утверждал, что у него были источники в штабе маршала Рокоссовского. Или Шелленберг это придумал, чтобы придать себе весу, или это была подстава. Немецких агентов в штабе Рокоссовского не было.

Львиную долю информации немецкое командование получало от боевых частей, которые сообщали, что происходит за линией фронта и брали пленных. Исключительно полезной была авиаразведка. Кое-что давало прослушивание радиопереговоров советских войск в прифронтовой полосе, потому что советские офицеры пренебрегали правилами безопасности — не пользовались кодами, а называли все своими именами.

Человек, который внес огромный вклад в победу союзников, — это немец Ханс Тило Шмидт, работавший на французскую разведку. Еще в тридцатых годах он передал французам важную информацию о разработке в Германии шифровальной машины «Энигма». В 1938 году польский инженер, который участвовал в установке «Энигмы», восстановил конструкцию шифровальной машины. А после поражения Польши осенью 1939 года «Энигму» тайно переправили в Англию. Всю войну англичане читали секретные телеграммы немецкого командования.

Англичане старались не дать немцам понять, что их шифротелеграммы читаются врагом. Прежде чем использовать перехваченную информацию, они думали, как обосновать свою осведомленность. Утверждают, что англичане заранее перехватили сообщение о намерении немцев уничтожить Ковентри, но не стали спасать город. По тем же причинам англичане передавали Сталину только малую часть перехватываемой ими информации. Но в Москве не печалились по этому поводу. Один из советских агентов, Джон Кэрнкрос,

работал в британском центре дешифровки секретных немецких телеграмм.

Всю войну советская разведка продолжала давать ценную информацию: выведывали ее не у врага, а у союзников. В годы войны поток информации от советских агентов в Англии был настолько велик, что резидентура не успевала ее обрабатывать. Секретные документы приносили буквально чемоданами.

20 июля 1941 года НКВД и НКГБ объединили. Разведка под руководством Фитина стала первым управлением НКВД. Но ее численность серьезно сократилась. В годы войны непосредственно против нацистской Германии работало другое управление, четвертое, созданное «для специальной работы в тылу противника на временно оккупированной территории». Им руководил Павел Судоплатов.

Он получил возможность набрать тех людей, которых считал способными к диверсионной работе. Он вытащил из-за решетки бывшего руководителя спецгруппы особого назначения при наркоме внутренних дел Якова Серебрянского. В ноябре 1938 года Серебрянского отозвали из Франции в Москву, арестовали и обвинили в работе на британскую и французскую разведку. Допрашивал его будущий министр госбезопасности Виктор Абакумов. Серебрянского избивали. В июле 1941 года его приговорили к смертной казни, но не успели привести приговор в исполнение. В августе его амнистировали, вернули партбилет и награды. Полковник Серебрянский работал с Судоплатовым до конца войны. В 1946 году, когда генерал-полковник Абакумов стал министром госбезопасности, Серебрянский покинул Лубянку.

На его несчастье, после смерти Сталина генерал Судоплатов вспомнил старого соратника и вернул его в кадры. Вслед за арестом Берии, в октябре 1953 года, его арестовали как пособника Берии. Это был последний арест. Серебрянский умер в Бутырской тюрьме в марте 1956 года на допросе…

А Павлу Фитину тогда осталась дальняя разведка. В августе 1941 года в его подчинении было двести сорок восемь человек, в мае 1942 года — сто тридцать пять, в мае 1943 года — сто девяносто семь.

В годы войны в составе разведки сформировали отдел по взаимодействию с английской и американской разведками. В качестве представителя британского Управления специальных операций, которое вело разведывательно-диверсионную работу против немцев, в Москву приехал известный разведчик Джордж Хилл. В первые годы войны с помощью английской авиации на территорию оккупированной немцами Европы были переброшены

двадцать советских агентов-парашютистов.

8 декабря 1942 года военная миссия Великобритании в Москве информировала Наркомат обороны о том, что в Северной Африке (Тунис) немцы использовали новый танк Т-6 «Тигр». 3 мая 1943 года британская военная миссия сообщила Наркомату обороны о том, что немецкое командование готовит большое наступление в районе Курской дуги. Эту информацию немедлено передали начальнику Генштаба маршалу Василевскому.

Американцы и англичане демонстративно не работали против СССР, союзника в борьбе против нацистской Германии. Советская политическая и военная разведка, напротив, использовали благожелательное отношение союзников для глубокого проникновения в обе страны, особенно в Соединенные Штаты.

Перед отъездом в Соединенные Штаты в конце 1941 года нового резидента разведки в Вашингтоне Василия Зарубина принимал Сталин. Перечисляя стоящие перед ним задачи, подчеркнул, что важнее всего — «добывать информацию о новейшей секретной технике, созданной в США, Англии и Канаде».

Василий Михайлович Зарубин — один из самых уважаемых советских разведчиков. Никто не любит вспоминать, что он принял участие в позорном уничтожении польских военных, взятых в плен осенью 1939 года, когда Гитлер и Сталин поделили Польшу. Майор госбезопасности Зарубин, участвовавший потом в похищении атомных секретов в Соединенных Штатах, был командирован в один из трех основных лагерей, Козельский, и руководил бригадой следователей. Они сортировали польских военнопленных, решая, кому жить, а кому умереть…

Увеличился состав советского посольства в Вашингтоне — не только за счет дипломатов, но и разведчиков. В Соединенных Штатах, где уже работали резидентуры военной и политической разведки, появилась отдельная резидентура первого (разведывательного) управления Наркомата военно-морского флота. Ведомство морской разведки возглавлял контр-адмирал Михаил Александрович Воронцов, который до войны был военно-морским атташе при посольстве СССР в Германии. Да еще нарком иностранных дел Молотов создал при посольстве в Вашингтоне Бюро технической информации — оно занималось промышленным шпионажем.

Штаты легальных резидентур в Вашингтоне, Нью-Йорке и Сан-Франциско были сравнительно небольшие — десять с лишним человек (таким же аппаратом располагала военная разведка). Но им на подмогу были отправлены разведчики,

которые действовали под крышей Советской закупочной комиссии и «Амторга». Только в американской столице в военные годы оказалось почти пять тысяч советских граждан, командированных различными ведомствами (см.: Сталинское десятилетие холодной войны. М., 1999). Сколько среди них было кадровых разведчиков и сколько выполняло разовые поручения Наркомата госбезопасности и разведуправления Генерального штаба — неизвестно по причине закрытости архивов.

В 1943 году в Соединенных Штатах сформировали отдельную резидентуру для сбора научно-технической информации под руководством Леонида Романовича Квасникова (в 1996 году, посмертно, он получил звание Героя России). Он был инженером-механиком, окончил аспирантуру и особенно серьезно относился к конспирации: требовал от подчиненных даже в защищенных помещениях резидентуры говорить только шепотом, а клички агентов писать на листках бумаги, которые сразу уничтожал.

14 февраля 1943 года Павел Фитин получил звание комиссара госбезопасности 3-го ранга, в июле 1945-го, при переводе сотрудников госбезопасности на общеармейские звания, стал генерал-лейтенантом. 5 ноября 1944 года государственные награды получили сразу восемьдесят семь сотрудников внешней разведки. Фитина наградили орденом Красного Знамени.

14 апреля 1943 года Сталин вновь разделил НКВД на два наркомата. Разведку включили в Наркомат госбезопасности, ставший через три года министерством. Наркомом вновь стал Всеволод Меркулов, который обратился в политбюро за ассигнованиями для разведуправления.

4 июня политбюро решило:

«Выдать НКГБ СССР на расходы по заграничной работе 1-го Управления НКГБ СССР в первом полугодии 1943 года:

а) 1 500 ООО (один миллион пятьсот тысяч) рублей в инвалюте разных стран;

б) на 400 ООО (четыреста тысяч) рублей германских оккупационных марок и польских злот».

Павел Фитин мог докладывать об одном достижении за другим. Федеральное бюро расследований русскими не интересовалось. Американская контрразведка занималась только врагами — немцами и японцами, так что советские разведчики могли работать совершенно свободно. Помимо политической информации они добывали в огромных количествах чертежи и технологии, необходимые для производства нового оружия. Иногда они попадались. Но президент Франклин Рузвельт приказал Федеральному бюро расследований не трогать советских разведчиков или, по крайней мере, не доводить дело до

скандала.

Два помощника советского военно-воздушного атташе 10 июня 1941 года были объявлены персонами нон грата, но после нападения Германии на Советский Союз получили право остаться в Соединенных Штатах.

Резидент НКГБ в Нью-Йорке Гайк Бадалович Овакимян (он был хорошо образованным человеком, кандидатом химических наук и занимался научно-технической разведкой) действовал под прикрытием инженера «Амторга». В апреле 1941 года он был взят сотрудниками ФБР, что называется, с поличным. Его выпустили под залог в двадцать пять тысяч долларов и собирались судить. Но после нападения немцев на Советский Союз отношение американцев к русским изменилось. Овакимяну позволили в июле спокойно уехать, залог вернули.

Резидента НКГБ в Вашингтоне Василия Зарубина, который работал под крышей третьего секретаря посольства, сотрудники ФБР тоже взяли с поличным в 1944 году, но и он смог уехать без скандала.

После Зарубина резидентом стал Степан Захарович Апресян, старший брат которого, Дереник Апресян, тоже был чекистом. Апресян-старший сделал большую карьеру в экономическом отделе главного управления государственной безопасности НКВД. В декабре 1936 года он получил звание майора госбезопасности, а в августе 1937 года был назначен наркомом внутренних дел Узбекистана и одновременно начальником особого отдела Среднеазиатского военного округа.

21 ноября 1938 года Дереника Апресяна арестовали товарищи-чекисты, 22 февраля 1939-го приговорили к высшей мере наказания и расстреляли. Его младшего брата, работавшего в иностранном отделе, арестовали, но через год выпустили и даже отправили в Вашингтон.

«Расстрел брата, — вспоминал работавший в резидентуре Александр Феклисов, — месяцы, проведенные в тюрьме, видимо, не прошли для Степана бесследно. Он стал болезненно нерешительным, за несколько дней до встречи с агентом начинал нервничать, невнимательно слушал собеседника. В ходе проверки перед встречей беспокойно осматривался, быстро, почти бегом, передвигался по улице»…

В 1945 году Степана Апресяна вернули в Москву.

К концу войны и сразу после нее усилия разведаппарата в Соединенных Штатах были сосредоточены на атомных делах, и эта работа увенчалась грандиозным успехом. Советские ученые, занятые созданием ядерного взрывного устройства, получили доступ к результатам американских исследований, что помогло в

кратчайшие сроки обзавестить собственной бомбой.

Один из бывших советских разведчиков рассказывал мне, что во время войны и в первые послевоенные годы в Вашингтоне они свободно заходили в американское военное министерство и, если хозяина кабинета не было на месте, открывали его письменный стол и преспокойно изучали любые бумаги. Советских офицеров везде встречали как союзников и друзей. А они с самого начала убедили себя в том, что Соединенные Штаты и Англия — откровенные и опасные враги, а вовсе не союзники в общей борьбе.

Перелом наступил после того, как 5 сентября 1945 года бежал шифровальщик посольства СССР в Канаде лейтенант Игорь Сергеевич Гузенко. Он был сотрудником военной разведки, долго готовился к побегу и передал канадской полиции много секретных материалов. Канадцы были потрясены тем, что СССР шпионил за своими союзниками.

Первым о масштабах деятельности советской разведки намеревался рассказать заместитель резидента полковник Константин Волков, который в Турции работал под крышей вице-консула. 4 сентября 1945 года в Стамбуле он предложил англичанам назвать имена советских агентов в Великобритании в обмен на политическое убежище для себя и жены. Английские разведчики в Турции не знали, как им поступить, и запросили Лондон. Сообщение из Стамбула попало в руки Кима Филби, который, понимая, что разоблачение грозит прежде всего ему самому, сразу же связался с советской резидентурой.

Резидент в Стамбуле полковник Михаил Матвеевич Батурин, отец Юрия Батурина, помощника Ельцина и космонавта, получил указание срочно эвакуировать Волкова в Советский Союз.

Доставить Волкова на родину было поручено Андрею Макаровичу Отрощенко, начальнику управления внешней разведки. Он с юности служил в госбезопасности в Средней Азии, разведывательную работу начал в Иране в генеральном консульстве в Мешхеде, потом был резидентом в Тегеране. В 1939 году его убрали из разведки, отправили начальником отдела областного управления НКВД в Одессу. С началом войны вернули в разведку.

Волков был казнен…

Шифровальщик Игорь Гузенко рассказал о советском проникновении в американский атомный проект. Меры безопасности в атомных лабораториях были усилены. Но Федеральному бюро расследований понадобилось несколько лет, чтобы нащупать советскую разведывательную сеть. И у американских контрразведчиков до сих пор нет уверенности, что

они выявили всех агентов.

Побег Гузенко и его разоблачения заставили руководство разведки заморозить контакты со многими агентами на территории Соединенных Штатов. Информация об атомных делах пошла в основном из Англии. Но советских руководителей побег Гузенко не смутил. Летом 1946 года на закрытом совещании новый секретарь ЦК, курировавший госбезопасность, Алексей Александрович Кузнецов возмущенно говорил:

— Канадцы организовали суд над Гузенко. Мы обороняемся, что мы не крали никакие проекты, то есть мы обороняемся, а ведь есть указание о том, что мы, основываясь на итогах войны, когда мы стали очень сильной державой, должны проводить свою самостоятельную, активную внешнюю политику везде и всюду. И послам дано указание о том, чтобы они не занимались пресмыканием, а смелее вели себя…

Вторым ударом для советской разведки стала дешифровка американскими криптографами радиограмм, отправленных в 1944–1945 годах из Центра в резидентуру в Нью-Йорке, работавшую под крышей генерального консульства. Причиной этого провала стала ошибка советских шифровальщиков, которые отошли от железного правила: пользоваться только одноразовыми шифрблокнотами. Это правило было установлено после того, как в 1927 году британская полиция пришла с обыском в англо-советскую торговую компанию «Аркос» и захватила секретную переписку.

Расшифрованные после Второй мировой войны тексты радиограмм позволили американской контрразведке выявить нескольких важных советских агентов. Процессы над ними и возникший грандиозный скандал сузили вербовочные возможности советской разведки на территории Соединенных Штатов. Американцы уже не так охотно шли на контакты с советскими представителями. Кроме того, прекратили деятельность две легальные резидентуры — из-за того, что власти Соединенных Штатов закрыли советские генеральные консульства в Нью-Йорке и Сан-Франциско.

15 июня 1946 года Павел Фитин был освобожден от должности. Три месяца он находился в распоряжении отдела кадров Министерства госбезопасности, ожидая решения своей судьбы. В сентябре 1946 года его отправили заместителем уполномоченного МГБ в оккупированной Германии. Но на этой должности его держали недолго.

1 апреля 1947 года генерал-лейтенанта Фитина с большим понижением утвердили заместителем начальника управления МГБ по Свердловской области, 27 сентября 1951 года —

министром госбезопасности Казахстана.

После смерти Сталина Берия о нем вспомнил, 15 марта 1953 года Фитин получил назначение начальником управления единого МВД по Свердловской области. Подпись Берии под приказом о его назначении дорого обошлась Фитину. Его сочли бериевским человеком. После ареста Лаврентия Павловича карьера бывшего начальника разведки закончилась. 16 июля его освободили от должности, 29 ноября 1953 года уволили из Министерства внутренних дел по служебному несоответствию.

Несколько лет Павел Михайлович работал в Министерстве госконтроля, затем в Комиссии советского контроля при Совете министров. В 1959–1963 годах бывший генерал Фитин был директором фотокомбината Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами. Он оставил воспоминания, которые разрешалось читать только сотрудникам первого главного управления. Он умер в 1971 году. Ему не было и шестидесяти четырех лет.

Петр Кубаткин
Карьера опера

Вместо Фитина исполнять обязанности руководителя внешней разведки министр госбезопасности генерал-полковник Виктор Семенович Абакумов 15 июня 1946 года поручил генерал-лейтенанту Петру Николаевичу Кубаткину. Так и осталось неизвестным, кто назвал его кандидатуру. Возможно, очень влиятельный член политбюро Андрей Александрович Жданов, под чьим руководством Петр Николаевич несколько лет работал в Ленинграде.

Кубаткин, сын шахтера, с четырнадцати лет работал и нигде не учился. Он поступил в ОГПУ в Одессе после службы в пограничных войсках. Потом его взяли в Центральную школу НКВД в Москве и после переподготовки в 1937 году оставили в центральном аппарате наркомата.

Ныне покойный полковник Федосеев, который в войну служил с генералом Кубаткиным в Ленинграде, писал в газете «Новости разведки и контрразведки», что именно Кубаткин, работая в 4-м (секретно-политическом) отделе НКВД, обнаружил документы о прокуроре Вышинском, который летом 1917 года поставил свою подпись на приказе найти и арестовать Ленина. Кубаткин подготовил справку, которая легла на стол наркома Ежова. Ежов отдал справку Сталину, который вызвал Вышинского, и разговор продолжался втроем. Вождь не хотел терять своего умелого прокурора. После ностальгических воспоминаний о том, как Вышинский и Сталин сидели в Баку в одной тюремной камере, насмерть перепуганного Вышинского отпустили, а Ежов уехал, поняв, что Андрея Януарьевича трогать нельзя…

В реальности карьера Кубаткина началась с убийства Карла Радека, бывшего члена ЦК партии, одного из руководителей Коминтерна. Радек был приговорен к десяти годам тюремного заключения по мнимому делу «антисоветского троцкистского центра». Такой же срок получил бывший нарком финансов Григорий Сокольников.

«Радек и Сокольников, — докладывал в ЦК в июне 1956 года председатель КГБ Иван Серов, — среди своих сокамерников стали утверждать о своей невинности и о инсценировании всего процесса. В мае 1939 года было принято решение о их «ликвидации». Имеющиеся в архиве КГБ документальные данные свидетельствуют о том, что убийство Радека и Сокольникова проводилось под руководством Берия и Кобулова в соответствии

со специально разработанным планом».

В 1961 году генерал-лейтенант Павел Васильевич Федотов (о нем еще пойдет речь в этой книге), вызванный для объяснений в ЦК, рассказал, что материалы, относившиеся к бывшим руководящим работникам, Берия докладывал лично Сталину, который и решал их судьбу. «Убийства Радека и Сокольникова, — сообщил Федотов, — были совершены по указанию Сталина». В тот год Павел Федотов служил в главном управлении государственной безопасности НКВД, он был заместителем начальника 2-го отдела.

После завершения операции постановлением политбюро от 2 сентября 1939 года Федотов получил повышение и стал начальником 2-го отдела.

«Непосредственное осуществление этих актов, — докладывал Серов, — было возложено на работников 2 отдела НКВД СССР — старшего оперуполномоченного Кубаткина, оперуполномоченного Шарок и специально подобранных людей из числа арестованных, которые в секретном порядке выехали для выполнения задания в Верхнеуральскую и Тобольскую тюрьмы, в которых содержались Радек и Сокольников».

Григорий Федорович Шарок за убийство Сокольникова был сразу назначен заместителем наркома внутренних дел Казахстана и благополучно служил в органах до 1954 года, когда вышел на пенсию.

Петр Кубаткин, служивший во 2-м (оперативном) отделе главного управления госбезопасности, в мае 1939 года лично руководил убийством Карла Радека, содержавшегося в Верхне-Уральской тюрьме.

«Первый раз, — установила комиссия под руководством председателя комитета партийного контроля Николая Михайловича Шверника, — он возил с собой некоего Мартынова, якобы заключенного (личность не установлена), который был помещен в одну камеру с Радеком, преднамеренно учинил с ним драку, но убить Радека не смог и был увезен Кубаткиным из тюрьмы.

Через несколько дней Кубаткин вновь приехал в тюрьму с другим заключенным по фамилии Варежников. Этого заключенного также поместили в камеру к Радеку. На следующий день, 19 мая, Варежников, спровоцировав драку, убил Радека».

Сохранился акт о смерти Радека, составленный администрацией тюрьмы: «При осмотре трупа заключенного Радека К.Б. обнаружены на шее кровоподтеки, из уха и горла течет кровь, что явилось результатом сильного удара головой о пол. Смерть последовала в результате нанесения побоев и

удушения со стороны заключенного троцкиста Варежникова».

«В действительности, — говорится в заключении комиссии Шверника, — под фамилией Варежников был зашифрован Степанов И.И., бывший комендант НКВД Чечено-Ингушской АССР, арестованный в феврале 1939 года за серьезные должностные преступления.

В ноябре того же года по указанию Берии Степанов освобожден из-под стражи. В постановлении о прекращении дела указано, что он выполнил «специальное задание», имеющее важное государственное значение».

А старший оперативный уполномоченный Кубаткин, организатор мерзкого убийства, то есть фактически уголовник, сразу стал секретарем партийного комитета главного управления госбезопасности, а вскоре — начальником московского областного управления НКВД. Ему было тридцать два года. В конце августа 1941 года Кубаткина перевели в Ленинград начальником управления НКВД. В блокадном городе он служил всю войну. Только в конце войны комиссар госбезопасности 3-го ранга Кубаткин был одновременно утвержден уполномоченным Наркомата госбезопасности по 2-му Прибалтийскому фронту.

Петр Кубаткин уверял, что отказывался от предложения возглавить разведку, говорил, что не справится, поэтому министр Абакумов на него рассердился и через три месяца, 7 сентября, снял с должности. Успел Петр Николаевич за три месяца немного, пожалуй, только перевел в Москву некоторое число своих подчиненных по ленинградскому управлению (среди них был Александр Сахаровский, будущий начальник разведки).

Конечно же Кубаткин не знал иностранных языков, не был за границей, вообще не имел образования. Но это вряд ли кого-то могло смутить. Так что первоначальная причина его опалы пока что остается невыясненной. Два месяца генерал-лейтенант Кубаткин провел в резерве управления кадров МГБ, а в ноябре того же 1946 года отправился с понижением начальником областного управления в Горький.

Когда затеялось «ленинградское дело» и по всей стране стали искать выходцев из Ленинграда, занявших высокие посты, Кубаткина в марте 1949 года уволили из органов госбезопасности «за невозможностью дальнейшего использования и с передачей на общевоинский учет». Пока что его утвердили заместителем председателя Саратовского облисполкома.

Но это было лишь начало.

В Ленинград командировали сотрудников центрального аппарата с приказом покопаться в прошлом питерских руководителей.

Преемник Кубаткина в Ленинграде, генерал Дмитрий Гаврилович Родионов, раскопал материалы о том, что второй секретарь Ленинградского горкома Яков Капустин в 1935 году, когда он был помощником начальника цеха на Путиловском заводе, стажировался в Англии на заводах «Метрополитен-Виккер». У Капустина как будто бы сложились близкие отношения с англичанкой, которая учила его языку и предлагала остаться. Генерал Родионов доложил, что эти факты «заслуживают особого внимания как сигнал возможной обработки Капустина английской разведкой».

Выяснилось, что материалы докладывались члену политбюро и первому секретарю Ленинградского обкома Андрею Александровичу Жданову в 1939 году и были сочтены недостойными внимания. Тогда Кубаткин материалы оперативного учета приказал уничтожить, поскольку по инструкции не имел права собирать документы подобного рода на партийных работников такого ранга. Теперь это решение было сочтено попыткой скрыть шпионскую деятельность Капустина.

21 июля 1949 года министр госбезопасности Абакумов отправил рапорт генерала Родионова Сталину, и тот дал санкцию на арест Кубаткина и Капустина. С них началось уничтожение ленинградских кадров. В постановлении на арест Кубаткина было написано: «Работая на руководящих должностях в Ленинграде, поддерживал преступную связь с группой лиц, враждебно настроенных против партии и правительства».

Дело Кубаткина рассмотрело Особое совещание при МГБ, и за «преступное бездействие» ему дали двадцать лет. Но почти сразу против него начали новое дело — его пристегнули к основной ленинградской группе, но судили отдельно.

27 октября 1950 года Военная коллегия Верховного суда приговорила Кубаткина к расстрелу, и в тот же день его предали смерти. Осудили его вдову (она получила пятнадцать лет исправительно-трудовых лагерей) и семнадцатилетнего сына-студента (ему дали десять лет); восьмидесятилетнюю мать и сестру, потерявшую мужа на фронте, выслали из Донбасса как социально опасных…

Реабилитировали Кубаткина в мае 1954 года, семье разрешили вернуться в родные места.

Павел Федотов
Ложный закордон

Вместо Кубаткина 7 сентября 1946 года разведку возглавил генерал-лейтенант Павел Федотов. За день до назначения его утвердили заместителем министра госбезопасности.

Павел Васильевич Федотов родился в Петербурге в декабре 1901 года в семье кондуктора конки. Он окончил трехклассное начальное училище, потом четырехклассное училище имени Д.И. Менделеева, работал раскладчиком-упаковщиком газет в экспедиции Главпочтамта. В феврале 1919 года его призвали в армию. Он служил политруком роты 1-го Революционного дисциплинарного полка. После расформирования полка Федотова оставили в особом отделе 8-й армии цензором-контролером.

В январе 1921 года его взяли в ВЧК. Он работал сотрудником Грозненской окружной ЧК, потом в Чеченской областной ЧК, с 1927 года — в полномочном представительстве ОГПУ по Северному Кавказу (оно располагалось в Ростове-на-Дону). Павел Васильевич служил в секретно-политическом отделе, который занимался борьбой с политической оппозицией, а в реальности плодил липовые дела по обвинениям в троцкизме, вредительстве и антисоветских заговорах.

На Северном Кавказе Павел Федотов трудился под руководством крупного чекиста Ефима Григорьевича Евдокимова. Он придумал печально знаменитое «шахтинское дело» («вредительская организация буржуазных специалистов в Шахтинском районе Донбасса»), о котором страна узнала, прочитав 12 марта 1928 года газету «Известия»:

«На Северном Кавказе, в Шахтинском районе Донбасса, органами ОГПУ при прямом содействии рабочих раскрыта контрреволюционная организация, поставившая себе целью дезорганизацию и разрушение каменноугольной промышленности этого района…

Следствием установлено, что работа этой контрреволюционной организации, действовавшей в течение ряда лет, выразилась в злостном саботаже и скрытой дезорганизаторской деятельности, в подрыве каменноугольной промышленности методами нерационального строительства, ненужных затрат капитала, понижении качества продукции, повышении себестоимости, а также в прямом разрушении шахт, рудников, заводов».

В реальность обвинений верили почти все, за малым

исключением. В октябре 1928 года умер известный ученый-металлург, член-корреспондент Академии наук Владимир Ефимович Грум-Гржимайло, у которого когда-то работал молодой Артузов.

Предсмертное письмо Грум-Гржимайло было опубликовано в эмигрантской печати: «Все знают, что никакого саботажа не было. Весь шум имел целью свалить на чужую голову собственные ошибки и неудачи на промышленном фронте… Им нужен был козел отпущения, и они нашли его в куклах шахтинского процесса».

Дело, придуманное северокавказскими чекистами, должно было показать стране, что повсюду действуют вредители, они-то и не дают восстановить промышленность и вообще наладить жизнь. А вредители — бывшие капиталисты, дворяне, белые офицеры, старые специалисты. Некоторые из них — прямые агенты империалистических разведок, которые готовят военную интервенцию…

Ефима Евдокимова в благодарность за успешную работу перевели в центральный аппарат начальником секретно-оперативно-го управления и членом коллегии ОГПУ. В 1934 году Сталин сделал его первым секретарем Северо-Кавказского крайкома партии, ввел в состав ЦК, а в 1938 году приказал арестовать. В феврале 1940 года Евдокимова расстреляли.

Судьба Петра Федотова сложилась удачнее.

В июне 1937 года отличившегося молодого чекиста перевели в Москву. Ему присвоили спецзвание капитана госбезопасности и в конце года сделали начальником 7-го отделения в 4-м (секретно-политическом) отделе ГУГБ НКВД.

Павел Васильевич быстро поднимался по служебной лестнице, в июле 1938 года стал заместителем начальника отдела, а в сентябре 1939-го переселился в кабинет начальника СПО, то есть политической полиции.

В 1940 году Федотову присвоили звание комиссара госбезопасности 3-го ранга и перевели начальником 3-го (контрразведывательного) отдела. В феврале 1941 года после расчленения НКВД на два наркомата он возглавил второе (контрразведывательное) управление в НКГБ. Он сохранил эту должность и после объединения НКВД и НКГБ в единый наркомат.

На посту начальника контрразведки страны Павел Федотов развернулся.

«Вспоминаю одно тяжелое дело, которым немало пришлось заниматься в то время в крайкоме партии, — вспоминал первый секретарь Хабаровского крайкома Алексей Клементьевич

Чёрный. — Один житель Хабаровска настойчиво добивался доверительной встречи с первым секретарем крайкома партии. При беседе выяснилось, что, завербованный работниками НКВД, он был заброшен на сопредельную территорию, где его задержали японцы. Под пытками он дал согласие работать двойником. Когда японцы возвратили его на советскую территорию, он был задержал сотрудниками органов, изобличен как предатель и осужден на длительный срок.

Отбыв срок и вернувшись в Хабаровск, он случайно увидел того самого белогвардейца, который его избивал и допрашивал на маньчжурской заставе. Увидев японского шпиона на улицах Хабаровска, он решил сообщить об этом крайкому партии».

В крайкоме создали комиссию. Ее доклад поразил даже опытных руководителей партийного аппарата.

«В 1941–1949 годах, — пишет Алексей Чёрный, — в краевом управлении госбезопасности по инициативе начальника второго главного управления П.В. Федотова утвердились провокационные методы агентурно-оперативной работы. В пятидесяти километрах от Хабаровска, близ границы с Маньчжурией, на советской территории был создан ЛЗ, то есть ложный закордон. Он состоял из советской погранзаставы, так называемых маньчжурского пограничного поста и уездной японской миссии. Советских граждан работники УНКВД — УМГБ провокационным путем вербовали — якобы для посылки за границу с заданием от органов. Затем инсценировали их переход через границу в Маньчжурию.

В действительности они попадали не за границу, а в так называемую уездную японскую военную миссию. Здесь сотрудники НКВД, переодетые в японскую военную форму, под видом белогвардейцев-эмигрантов учиняли допросы с применением мер физического воздействия, добиваясь согласия работать на японскую разведку. После этого их возвращали в район советской погранзаставы, где они арестовывались и отправлялись в хабаровскую тюрьму.

Таким путем были фальсифицированы дела на сто сорок восемь человек, которые впоследствии оказались осужденными на длительные сроки заключения. Многие бывшие работники Хабаровского управления НКВД — МГБ были исключены из партии и уволены, часть из них понесла строгие партийные наказания».

За такую работу наград Федотову не жалели: два ордена Ленина, четыре ордена Красного Знамени, полководческий орден Кутузова I степени.

30 мая 1947 года постановлением правительства был

учрежден Комитет информации при Совете министров (Комитет № 4), который должен был вести и политическую, и военную, и научно-техническую разведку. В состав комитета включили первое главное управление МГБ, Главное разведывательное управление Министерства вооруженных сил, а также разведывательные и информационные структуры ЦК партии, Министерства иностранных дел и Министерства внешней торговли.

Личный состав всех этих служб был сведен в единый аппарат, размещенный возле ВДНХ в зданиях, где когда-то работал Исполком Коминтерна. Впрочем, всем помещения не хватило, и нелегальную разведку пристроили в Лопухинском переулке.

Реорганизация стала результатом глубокого недовольства Сталина работой спецслужб. Годом раньше он сменил министра госбезопасности — вместо генерала армии Всеволода Николаевича Меркулова назначил генерал-полковника Виктора Семеновича Абакумова.

Но характерно, что Комитет информации при Совете министров возглавил не Абакумов, а министр иностранных дел Молотов, потом — сменивший его на посту министра иностранных дел Андрей Януарьевич Вышинский. Вождь не хотел излишнего усиления Абакумова. Или не считал его способным руководить разведкой.

Он вообще решил, что разведка напрямую должна служить дипломатии. После победы в войне внешняя политика более всего интересовала Сталина. Он наслаждался своим положением одного из самых могущественных людей мира. Решать судьбы других стран было приятнее, чем восстанавливать экономику и бороться с голодом.

Заместителем Молотова по политической разведке 7 сентября 1946 года стал Павел Федотов, по военной разведке — недавний начальник ГРУ Федор Федотович Кузнецов, по дипломатической — дипломат Яков Александрович Малик, переведенный в комитет с должности заместителя министра иностранных дел.

Военные разведчики впервые оказались на равных с разведчиками с Лубянки и были этому рады.

— Руководители Главного разведуправления сами постоянно ставили себя в подчиненное положение, — вспоминал кадровый военный разведчик генерал-майор Виталий Александрович Никольский. — Я, когда был резидентом в Норвегии, прежде всего старался не давать в обиду мой коллектив. Разведка КГБ норовила «раздеть» военных, отобрать агентуру и выдать наши достижения за свои. Это у нас часто случалось: «соседи» умели кусок из-под носа урвать. Например, я работаю долгое время с

каким-то ценным для нас человеком. У нас установились человеческие отношения, чувствую: он готов к вербовке. Но прежде чем оформить наши отношения, я шел к «соседям». Таково правило. На всякий случай надо убедиться, что он не состоит в их картотеке. Прихожу к резиденту внешней разведки КГБ, он делает удивленные глаза: «Да мы с этим человеком два года работаем!» А я вижу, что «сосед» просто блефует. Ему захотелось самому завербовать этого человека, тем более что подготовительная работа вся проделана. Такие замашки — перехватить, забрать себе — вызывали озлобление…

— Политическая разведка действительно всегда ощущала себя на полголовы выше военной, — рассказывал мне один бывший сотрудник первого главного управления КГБ. — Конечно, были соперничество, конкуренция. Все хотели первыми докладывать в ЦК КПСС важную информацию. А шефы на Старой площади, когда возникали споры между двумя разведывательными службами, обычно брали сторону Лубянки. Так мы получали от ГРУ агентов, в которых были заинтересованы. Я, например, работал с несколькими первоклассными шпионами, которых мы получили от военной разведки.

— В ГРУ пытались протестовать? — уточнил я.

— Такого не припомню. Нужно учитывать, что с самого начала военная разведка контролировалась политической. Тем более что контрразведывательное обеспечение ГРУ и других органов военной разведки всегда находилось в руках госбезопасности…

Сталин предполагал, что объединение создаст мощный разведывательный организм. Но Комитет информации тяготел к политическим делам, и маршалы и генералы стали жаловаться, что их отрезали от разведывательной информации.

Сталин пошел военным навстречу.

Главное разведывательное управление вернули в Министерство вооруженных сил. Объяснение было простым: «в силу своего специфического характера разведывательная работа в военной области не может должным образом проводиться в структуре Комитета информации».

29 января 1949 года Комитет информации при Совете министров стал комитетом при Министерстве иностранных дел — «для более полного использования информационных возможностей Комитета информации в области политической разведки, а также подчинения политической разведки задачам внешней политики СССР и текущей работе Министерства иностранных дел».

Андрея Вышинского на посту председателя комитета сменил

заместитель министра иностранных дел Валериан Александрович Зорин. Его первым заместителем стал генерал-лейтенант Сергей Савченко, до этого министр госбезопасности Украины, Павел Федотов остался просто замом. Он работал на этой должности до 6 февраля 1952 года. Год с лишним томился в резерве МГБ, ожидал нового назначения.

После смерти Сталина о нем вспомнил Берия. 11 марта 1953 года Федотов был утвержден членом коллегии Министерства внутренних дел, на следующий день возглавил первое (контрразведывательное) главное управление МВД. После ареста Берии Павла Васильевича не тронули, оставили на прежней должности. После создания Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР, в марте 1954 года, он возглавил второе (контрразведывательное) главное управление КГБ.

Но в процессе реабилитации жертв сталинских репрессий стало ясно, что он замазан участием в преступлениях. 12 апреля 1956 года генерал-лейтенанта Федотова освободили от должности, через месяц назначили на унизительно низкую должность заместителя начальника редакционно-издательского отдела Высшей школы КГБ. Но и это место было лишь этапом к увольнению. В 1959 году Федотова уволили из КГБ и лишили звания «за нарушения социалистической законности». Он умер в 1963 году…

Сергей Савченко «Малина» как инструмент разведки

24 августа 1949 года первым заместителем председателя Комитета информации при Министерстве иностранных дел СССР назначили Сергея Савченко. Это был более резкий и жесткий человек, чем генерал Павел Федотов, которого он подвинул с должности первого зама и которого многие считали недостаточно решительным.

Сергей Романович Савченко родился в 1904 году в городе Скадовске Днепровского уезда Таврической губернии в крестьянской семье. Окончил четырехклассное земское училище и четыре класса гимназии в Скадовске в 1920 году. Будущий главный разведчик начинал переписчиком, ночным сторожем, конторщиком и приемщиком зерна в отделе продовольственного снабжения 6-й армии.

В ноябре 1921 года Сергея Савченко взяли в органы госбезопасности — оперативным сотрудником Николаевской губернской ЧК. Несколько месяцев он служил регистратором и делопроизводителем особого отдела по охране границы Черного и Азовского морей Николаевской ЧК.

В 1924 году молодого чекиста послали учиться в Высшую пограничную школу. Он служил в пограничных войсках, прошел переподготовку на курсах усовершенствования Высшей пограничной школы, был оставлен там преподавать, а потом вновь отправлен на Украину в пограничные войска.

В апреле 1941 года Сергея Савченко утвердили заместителем наркома госбезопасности Украины. В мае 1943 года он стал наркомом госбезопасности, в марте 1944-го получил специальное звание — комиссар госбезопасности 3-го ранга. Его главной задачей стала борьба с националистическим подпольем, имевшим в западноукраинских землях крепкие корни. Это была настоящая война, долгая и кровавая.

В аппарате госбезопасности на Западной Украине служило двадцать тысяч человек. В основном это были приезжие, которые не знали ни языка, ни местных условий. Чекистско-войсковые операции не всегда имели успех, потому что оуновцы, более мобильные, уходили от удара. Чекисты действовали безжалостно. Сомнительные элементы высылали вместе с семьями. Некоторые села, признанные «бандитскими», сжигали.

«Имели место совершенно недопустимые случаи, — говорилось в постановлении политбюро ЦК компартии Украины

от 10 января 1945 года, — когда отдельные бойцы и офицеры органов НКВД и НКГБ, не разобравшись, применяют репрессии — жгут хаты и убивают без суда отдельных граждан, которые совершенно непричастны к бандитам, чем дискредитируют себя и органы советской власти».

Оуновцы иногда переодевались в чекистскую форму и устраивали показательные расправы, чтобы отвратить людей от советской власти. Так же действовали и чекисты, которые выдавали себя за бандеровцев.

15 февраля 1949 года военный прокурор Украинского округа войск Министерства внутренних дел доложил в ЦК:

«Министерством госбезопасности Украинской ССР и его управлениями в западных областях Украины в целях выявления вражеского, украинско-националистического подполья широко применяются так называемые спецгруппы, действующие под видом бандитов УПА…

Грубо-провокационная и неумная работа ряда спецгрупп и допускаемые их участниками произвол и насилие над местным населением не только не облегчают борьбу с бандитизмом, но, наоборот, усложняют ее, подрывают авторитет советской законности и, бесспорно, наносят вред делу социалистического строительства в Западных областях Украины.

Например:

В марте 1948 г. спецгруппа, возглавляемая агентом МГБ «Крылатым», дважды посещала дом жителя села Грицки Дубровицкого района Ровенской области Паламарчука Гордея Сергеевича, 62 лет, и, выдавая себя за бандитов УПА, жестоко истязала Паламарчука Г.С. и его дочерей, обвиняя их в том, что они «выдавали органам МГБ украинских людей». «Крылатый» и участники его группы подвергли их пыткам, подвешивали, вливали им в нос воду и, тяжко избивая, заставили дочерей дать показания, что они были связаны с участниками украинского националистического подполья…

На основании полученных таким провокационным путем «материалов» Дубровицким РО МГБ Паламарчук З.Г. и Паламарчук А.Г. были арестованы, причем, как заявили арестованные, сотрудники райотдела МГБ во время допросов их так же избивали, заставляли продолжительное время стоять на ногах и требовали, чтобы они дали показания о связи с бандитами…

В ночь на 22 июня 1948 г. спецгруппой МГБ из села Подвысоцкое Козинского района Ровенской области был уведен в лес местный житель Котловской Федор Леонтьевич, которого участники спецгруппы подвергали пыткам, обвиняя его в том, что

у него в доме часто останавливаются работники из числа совпартактива, и в том, что якобы он выдавал органам советской власти бандитов.

Эти провокационные действия преследовали цель путем истязаний и угрозы лишения жизни заставить Котловского дать показания, что он является врагом советской власти. В результате истязаний Котловский находился на излечении в больнице с 27 июля по 27 августа 1948 г. По заключению больницы, Котловскому Ф.Л. были нанесены тяжелые телесные повреждения с явлениями сотрясения мозга и омертвлением мягких тканей тела…

В ночь на 23 июля 1948 г. спецгруппой была уведена в лес гр-ка Репницкая Нина Яковлевна, рождения 1931 г. В лесу Репницкая была подвергнута пыткам. Допрашивая Репницкую, участники спецгруппы тяжко ее избивали, подвешивали вверх ногами, вводили в половой орган палку, а затем поочередно изнасиловали. В беспомощном состоянии Репницкая была брошена в лесу, где ее нашел муж и доставил в больницу, в которой Репницкая находилась продолжительное время на излечении.

Из приведенных выше примеров видно, что действия так называемых спецгрупп МГБ носят ярко выраженный бандитский, антисоветский характер и, разумеется, не могут быть оправданы никакими оперативными соображениями…

В сентябре 1947 года Львовским областным управлением МГБ были незаконно арестованы Стоцкий Степан Петрович и Дмитрук Екатерина Григорьевна и, поскольку никаких материалов об их антисоветской деятельности не было, они были пропущены через спецбоевку МГБ, где в результате применения незаконных методов допроса вынуждены были оговорить себя…

Участники спецбоевок МГБ совершают ограбления местных граждан. Эти грабежи, как и другие нарушения советской законности, оправдываются так же оперативными соображениями и не только рядовыми работниками МГБ, но и самим министром тов. Савченко, который в беседе со мной заявил: «Нельзя боевки посылать в бой с консервами. Их сразу же расшифруют»…

23 сентября 1948 г. в Каменец-Подольский горотдел МГБ колхозники села Завалье по телефону сообщили, что в селе появилась вооруженная банда в составе двенадцати человек. Фактически это была не ОУНовская банда, а спецбоевка Тернопольского областного управления МГБ. Характерно, что эту спецбоевку приняли за банду не только колхозники, но и работники Каменец-Подольского горотдела МГБ, откуда для ликвидации «банды» на грузовой автомашине была направлена

группа сотрудников и офицеров Каменец-Подольского военного училища МВД.

Эта «операция» закончилась тем, что в результате аварии автомашины двое офицеров были убиты, а шестнадцать офицеров и шофер получили телесные повреждения…»

Политбюро ЦК компартии Украины 22 февраля 1949 года предписало министру госбезопасности Украины Сергею Савченко «установить такой порядок, при котором исключались какие бы то ни было случаи нарушения советской законности». Но видимо, после постановления тоже мало что изменилось. Военный прокурор направлял в ЦК еще несколько записок о преступных действиях оперативных групп Министерства госбезопасности. Создавались комиссии для проверки изложенных им фактов. Какие-либо документы о результатах работы комиссий не выявлены.

В августе 1949 года генерал-лейтенанта Савченко перевели в Москву. В сентябре еще один чекист, не знающий иностранных языков и не имеющий собственного разведывательного опыта, стал начальником всей разведывательной службы страны.

В марте 1951 года Сталин впервые обозначил Соединенные Штаты как «главного противника». Все усилия Комитета информации были направлены против Америки.

Второй важнейшей задачей стала работа в странах, которые после войны вошли в орбиту советского влияния. Политбюро приняло решение прекратить разведывательную деятельность в странах народной демократии. 30 июля 1949 года зарубежные аппараты внешней разведки в Албании, Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии и Чехословакии получили команду отказаться от сотрудничества с «негласными помощниками».

13 апреля 1950 года советским послам в Албании, Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии, Чехословакии пришла шифротелеграмма с поручением довести до сведения руководителей этих стран, что советская разведка в их государствах больше не работает: «Такое решение принято, исходя из единства политических целей и задач, а также взаимного доверия между СССР и странами народной демократии».

В этих странах открылись представительства Комитета информации, которые должны были сотрудничать с местными разведками. В постановлении политбюро от 17 апреля 1950 года предписывалось: «Установить контакт советской внешнеполитической разведки с соответствующими органами стран народной демократии в целях взаимной помощи… Иметь при органах внешнеполитической разведки стран народной

демократии представителей советской политической разведки с необходимым аппаратом… Установить обмен разведывательными сведениями, оказывать взаимную помощь в разведывательной работе и в необходимых случаях совместно проводить разведывательные мероприятия».

Представители Комитета информации, как и послы, утверждались на заседании политбюро. После возвращения внешней разведки в состав МГБ представительства Комитета информации вошли в состав аппарата старших советников при органах госбезопасности стран народной демократии.

Аппараты старших советников появились в исполнение постановления политбюро от 27 февраля 1949 года для «более тесной координации усилий МГБ СССР с органами безопасности стран народной демократии в обстановке «холодной войны».

В Китае резидентура советской разведки не только прекратила самостоятельную работу внутри страны, но и передала китайским друзьям всю свою агентуру, пишет бывший начальник нелегальной разведки КГБ генерал-майор Юрий Иванович Дроздов. Это оказалось непоправимой ошибкой, поскольку отношения между двумя странами быстро ухудшились, а потом и вовсе стали враждебными.

В октябре 1951 года политбюро утвердило «Наставление для советников МГБ СССР при органах государственной безопасности в странах народной демократии».

Советникам разрешалось давать «практические советы только в устной форме». Им запрещалось вмешиваться в решение кадровых вопросов, самим работать с агентурой, допрашивать арестованных и участвовать в оперативной разработке высших руководителей страны, в которой они работали.

Московские советники приняли деятельное участие в создании в странах Восточной Европы новых органов госбезопасности по советскому образцу. В Чехословакию заместителем главного советника по разведке отправили Александра Феклисова, опытного профессионала с опытом работы в Соединенных Штатах и Великобритании.

В ГДР представителем советской внешней разведки был «товарищ Акимов» — полковник Андрей Григорьевич Грауэр. Он возглавил организационно-инструкторский отдел при Советской контрольной комиссии, который объяснял восточным немцам, как им создавать свою разведку. Полковник Грауэр служил в госбезопасности с 1938 года. Во время войны он руководил в Наркомате госбезопасности отделом по взаимодействию с английской и американской разведками.

В «Очерках истории российской внешней разведки» сказано,

что Андрей Грауэр «быстро завоевал симпатии своих немецких коллег-учеников». На самом деле его подопечные довольно быстро обратили внимание на странности в поведении советского полковника.

«Он стал болезненно недоверчивым, — вспоминал генерал-полковник Маркус Вольф, который тридцать лет руководил разведкой ГДР, — видимо, сказались и профессиональная деформация личности, и тревожная атмосфера сталинского времени. Мания преследования все отчетливее проявлялась в поведении Грауэра…

В конце концов Грауэра отозвали в Москву, где к тому времени, конечно, заметили, что он перешел границу, отделяющую нормальное поведение от паранойи».

Но болезненная подозрительность московского полковника привела к тому, что своей должности лишился первый руководитель разведки ГДР Антон Аккерман, честный и порядочный человек, который воевал в Испании, а затем был политэмигрантом в Москве.

Другие советники с Лубянки научили восточногерманских разведчиков тому, как следует работать. Накануне Берлинской конференции министров иностранных дел стран-победительниц в январе 1954 года прибывший из Москвы офицер объяснил новым коллегам, что им понадобится «малина». Неопытный переводчик растерялся. Более искушенный в русском языке и советских реалиях Маркус Вольф пояснил, что имеется в виду не ягода, а публичный дом — для вербовки агентуры.

Указание советника из центрального аппарата КГБ было исполнено: нашли девушек легкого поведения, сняли домик в берлинском пригороде, где комнаты оснастили подслушивающими устройствами и фотоаппаратами, вмонтированными в лампу на потолке. Притащили кинопроектор и порнофильм для развлечения гостей. И стали заманивать в «малину» западных немцев.

После XX съезда аппараты старших советников КГБ в социалистических странах превратились в аппараты старших консультантов при местных органах госбезопасности. В 1962 году они были преобразованы в представительства КГБ СССР…

Поток поступающей в Центр разведывательной информации был огромным. Недостатком ее было нежелание резидентур сообщать то, что могло вызвать недовольство Центра. Поэтому, когда речь шла о политических делах, картина происходящего в мире сознательно искажалась. Агенты писали то, что хотели видеть курирующие офицеры, которые платили им деньги. Офицеры, добывающие информацию, в свою очередь учитывали

пожелания резидента. Тот ориентировался на настроения начальства.

Да и руководство страны фактически не стремилось получить всеобъемлющую информацию. Полковник Юрий Иванович Модин, который после войны в общей сложности проработал около десяти лет в лондонской резидентуре и курировал таких важных агентов, как Энтони Блант и Гай Берджесс, пишет: «Во всех странах секретные службы стараются добыть как можно больше информации по самым разным вопросам, затем она оценивается и распределяется между различными правительственными организациями. Наши методы работы были совершенно иными. Мы всегда получали приказ свыше добывать только определенную информацию».

Концентрация усилий разведывательного аппарата на каких-то направлениях, конечно, помогала добиться конкретного результата. Но лишала политическое руководство возможности понимать, что в реальности происходит в мире. Не разведывательная информация была исходным материалом для анализа политических процессов, а собственные представления Сталина о мироустройстве. От разведки же требовалось подтвердить правоту его выводов.

Сталин был главным (а иногда и единственным) получателем разведывательной информации. Но чем дальше, тем меньше престарелый вождь был в состоянии ее освоить. Поступающий к нему поток бумаг фильтровал его доверенный помощник Александр Николаевич Поскребышев.

Разные люди работали в секретариате Сталина. Одних он выдвинул на повышение, от других избавился. Только одного Поскребышева он постоянно держал возле себя. Должность Александра Николаевича называлась по-разному. В 1923–1924 годах он руководил управлением делами ЦК. С 1924 по 1929 год он был помощником секретаря ЦК, затем его сделали сначала заместителем заведующего, а затем и заведующим секретным отделом ЦК (делопроизводство политбюро и личная канцелярия Сталина). В соответствии с новым уставом ВКП(б), который был принят на XVII съезде в 1934 году, секретный отдел ЦК переименовали в особый сектор. Поскребышев был назначен заведовать этим сектором решением политбюро от 10 марта 1934 года.

Поскребышев рассказывал, как он руководил всей сталинской канцелярией: «Все документы, поступавшие в адрес т. Сталина, за исключением весьма секретных материалов МГБ, просматривались мною и моим заместителем, затем докладывались т. Сталину устно или посылались ему по месту его

нахождения».

Поскребышев получил генеральские погоны. Его сделали депутатом Верховного Совета и даже председателем комиссии законодательных предположений Совета Союза. После XIX съезда (1952 год) он стал именовать себя секретарем президиума и бюро президиума ЦК.

Но он как был, так и остался необразованным и малограмотным человеком. Аппаратный склад ума помогал ему угадывать желания вождя, когда речь шла о внутриполитических интригах, однако едва ли он был осведомлен о хитросплетениях мировой политики и ясно понимал, какую именно информацию надо в первую очередь положить на стол генерального секретаря.

Соединение внешней разведки и дипломатии породило массу трудностей. Разведчикам все равно не хотелось допускать дипломатов до своих тайн, хотя во время существования Комитета информации формально послы были «главными резидентами» в стране пребывания. В реальности разведчики по-прежнему старались не делиться своей информацией с послами. А Министерство госбезопасности жаловалось, что разведка слишком оторвана от контрразведки.

Неудовлетворенность Сталина собственными идеями привела к тому, что решением политбюро 1 ноября 1951 года и политическая разведка вернулась в Министерство государственной безопасности. 2 ноября 1951 года появился приказ о создании первого главного управления (внешняя разведка) в составе МГБ. Из Комитета информации изъяли все оперативные подразделения. В январе 1952 года часть сотрудников вернули в Министерство госбезопасности.

В составе Комитета информации при МИД остались аналитики — примерно полторы сотни. Написанные ими доклады и аналитические записки направлялись на имя вождя в его секретариат. Копии расписывались членам политбюро. В комитете работали люди, которые со временем заняли видное место в политическом истеблишменте — например, будущий посол в ФРГ Валентин Фалин, который с явным сожалением писал в мемуарах, что после смерти Сталина Комитет информации стал чисто мидовским подразделением. Фактически руководил всей работой ответственный секретарь комитета Иван Иванович Тугаринов.

Этот так называемый «маленький» Комитет информации, находившийся в особняке на Гоголевском бульваре, существовал до 1958 года, когда, окончательно утратив функции спецслужбы, был преобразован в Управление внешнеполитической информации (уже не «при», а в структуре МИД). Но в

Министерстве обороны и в КГБ на него смотрели ревностно-раздраженно, в 1958 году по предложению председателя КГБ генерала армии Ивана Серова комитет упразднили.

Существование Комитета информации подорвало позиции аналитиков в ведомстве госбезопасности. В 1953 году информационно-аналитическое управление сильно сократили — из ста семидесяти работников оставили тридцать. Да еще и назвали подразделение отделом переводов и обработки информации (руководил службой Филипп Артемьевич Скрягин). Только в сентябре 1962 года отдел увеличили и преобразовали в информационную службу (Службу № 1) первого главного управления КГБ…

Постановлением Совета министров от 3 ноября 1951 года заместителем министра госбезопасности и начальником только что воссозданного первого главного управления (внешняя разведка) стал генерал-лейтенант Сергей Савченко. Он занимал этот пост до 5 января 1953 года, когда произошла очередная реорганизация МГБ. Два месяца, до смерти Сталина, он сидел без дела.

Берия, став министром внутренних дел, понизил Сергея Савченко в должности до заместителя начальника разведки. После ареста Берии он несколько месяцев сидел без работы. Тех, кого Хрущев хорошо знал по работе на Украине, как, скажем, генерала Ивана Серова, чистка обошла стороной. Но Савченко в это число не вошел.

Несколько месяцев он был начальником 7-го отдела второго главного управления МВД. В декабре 1953 года генерал-лейтенанта Савченко назначили начальником особого отдела управления строительных войск на строительстве объекта № 565 Московского района ПВО. Но и на этой маленькой должности он провел только год. В феврале 1955 года его уволили в запас по служебному несоответствию. Он умер в 1966 году.

Евгений Питовранов
«Как родного отца прошу вас, товарищ Сталин…»

В последние годы жизни Сталин постоянно занимался чекистскими делами, его охватил административный зуд. 9 ноября 1952 года бюро президиума ЦК сформировало комиссию по реорганизации разведывательной и контрразведывательной службы Министерства госбезопасности.

11 декабря 1952 года по инициативе Сталина бюро президиума ЦК приняло решение объединить первое и второе главные управления Министерства госбезопасности в Главное разведывательное управление МГБ СССР. 5 января 1953 года появился соответствующий приказ по министерству. Начальником Главного разведуправления МГБ был назначен первый заместитель министра госбезопасности генерал-лейтенант Огольцов.

Сергей Иванович Огольцов окончил двухклассное училище и работал до революции письмоносцем. После революции он сразу стал следователем уездной ЧК в Рязанской губернии. Потом оказался в Полтавской ЧК, где заведовал бюро обысков. В 1923 году его перевели в систему особых отделов в армии, и он год проучился в Высшей пограничной школе ОГПУ. В 1939 году майор госбезопасности Огольцов возглавил ленинградское управление НКВД. Во время войны был начальником управления в Куйбышеве и наркомом госбезопасности в Казахстане.

В декабре 1945 года Огольцова вызвали в Москву. На заседании политбюро от поста наркома Сергей Иванович отказался, сославшись на то, что у него нет ни опыта, ни знаний для такой высокой должности. Тогда Сталин назначил наркомом Абакумова, который в войну руководил военной контрразведкой Смерш. Сергей Иванович стал его первым заместителем.

«Хотя материально мы жили достаточно неплохо, — вспоминает сын генерала Николая Кузьмича Богданова, заместителя министра внутренних дел, — но, когда бывали в гостях у Огольцовых, мне казалось, что мы просто бедняки — такая там была обстановка, угощение, конфеты. По-моему, именно Раиса Сергеевна Огольцова являлась главной заводилой при поездках по спецбазам и магазинам с целью приобретения необходимых вещей. Отправив руководящих мужей на работу, жены созванивались между собой и договаривались о поездке. Потом обращались к своим мужьям с просьбой прислать машину.

Иногда каждая из высокопоставленных дам ехала на своей машине, порой объединялись вместе.

На автомашинах ряда руководящих работников тогда имелись правительственные гудки, представлявшие собой две удлиненные хромированные дудки, устанавливавшиеся на переднем бампере перед радиатором. Они издавали низкий трубный звук. Едва завидев машину с гудками, инспектора милиции немедленно включали зеленый свет, а если был подан звуковой сигнал, то вообще сходили с ума, обеспечивая беспрепятственный проезд».

Из всех заместителей Абакумова Сергей Огольцов производил впечатление самого разумного и толкового человека. Казался и менее других запятнанным грязными делами, пока не стало известно, чем он занимался. Огольцов руководил операцией по убийству художественного руководителя Государственного еврейского театра Соломона Михайловича Михоэлса в январе 1948 года.

Огольцов сам рассказал об этом, когда его после смерти Сталина арестовали.

Абакумова и Огольцова вызвали в Кремль 27 декабря 1947 года.

«Во время беседы, — рассказывал Огольцов, — товарищем Сталиным была названа фамилия Михоэлса, и в конце беседы было им дано указание Абакумову о необходимости проведения специального мероприятия в отношении Михоэлса, и что для этой цели устроить «автомобильную катастрофу».

Непосредственное руководство операцией было поручено Огольцову.

7 января 1948 года Соломон Михоэлс и театральный критик Владимир Голубов-Потапов отправились на поезде в Минск, чтобы отобрать несколько спектаклей, достойных выдвижения на Сталинскую премию. Вслед за ними на двух машинах в Минск выехала «боевая группа МГБ» — сам Огольцов, его помощник майор Александр Харлампиевич Косырев, начальник отдела (ведавшего работой с интеллигенцией) 2-го главного управления (контрразведка) полковник Федор Григорьевич Шубняков, сотрудники отдела «ДР» (террор и диверсии) полковник Василий Евгеньевич Лебедев и старший лейтенант Борис Алексеевич Круглов (специальность — диверсии на транспорте).

Московская боевая группа разместилась на даче министра госбезопасности Белоруссии Лаврентия Фомича Цанавы в пригороде Минска — поселке Слепянка. Чекисты постоянно следили за Михоэлсом, которого окружало множество актеров, режиссеров и просто поклонников. Приезд выдающегося артиста

был большим событием для театральной Белоруссии. Огольцов позвонил министру Абакумову: ничего не получается.

«О ходе подготовки и проведения операции, — рассказывал Огольцов, — мною дважды или трижды докладывалось Абакумову по ВЧ, а он, не кладя трубки, по АТС Кремля докладывал в Инстанцию».

Инстанция на языке тех лет — это Сталин.

Виктор Абакумов потребовал выполнить приказ вождя любыми средствами и разрешил использовать секретного агента 2-го главного управления МГБ, который сопровождал Михоэлса. Этим агентом был театровед Владимир Голубов-Потапов.

«Мне было поручено связаться с агентом и с его помощью вывезти Михоэлса на дачу, где он должен быть ликвидирован, — рассказывал Шубняков. — На явке я заявил агенту, что имеется необходимость в частной обстановке встретиться с Михоэлсом, и просил агента организовать эту встречу. Задание агент выполнил, пригласив Михоэлса к «личному другу, проживающему в Минске».

Михоэлс, очень открытый человек, жаждавший общения, охотно согласился. Вечером 12 января они с Голубовым-Потаповым сели в машину к Шубнякову, который выдавал себя за «инженера Сергеева». За рулем сидел старший лейтенант Круглов. Когда машина въехала в ворота дачи Цанавы, Шубников пошел докладывать Огольцову: «Михоэлс и агент доставлены на дачу».

Огольцов по ВЧ опять связался с Абакумовым. Министр по вертушке позвонил Сталину. Сталин был еще на даче. В тот вечер он приедет в Кремль поздно, заседание политбюро начнется в половине двенадцатого ночи.

Вождь подтвердил свой приказ. Абакумов велел действовать.

«С тем, чтобы создать впечатление, что Михоэлс и агент попали под машину в пьяном виде, их заставили выпить по стакану водки, — рассказывал Шубняков. — Затем они по одному (вначале агент, затем Михоэлс) были умерщвлены — раздавлены грузовой машиной…

За руль «студебеккера», судя по всему, посадили сотрудника белорусского МГБ майора Николая Федоровича Повзуна.

Судебно-медицинская экспертиза установила: «У покойных оказались переломанными все ребра с разрывом тканей легких, у Михоэлса перелом позвонка, а у Голубова-Потапова — тазовых костей. Все причиненные повреждения являлись прижизненными…»

Читать эти документы почти невозможно. Чекисты хладнокровно давили грузовиком живых людей, которые

находились в полном сознании и умирали в страшных муках. И при этом они не понимали, за что их убивают и кто убийцы…

«Убедившись, что Михоэлс и агент мертвы, — продолжал полковник Шубняков, — наша группа вывезла тела в город и выбросила их на дорогу одной из улиц, расположенных недалеко от гостиницы. Причем трупы были расположены так, что создавалось впечатление, что Михоэлс и агент были сбиты автомашиной, которая переехала их передними и задними скатами…

Рано утром трупы Михоэлса и агенты были обнаружены случайным прохожим, и на место происшествия прибыли сотрудники милиции, составившие акт осмотра места происшествия. В тот же день судебно-медицинская комиссия подвергла патологоанатомическому вскрытию трупы Михоэлса и агента и установила, что их смерть наступила от удара грузовой автомашиной, которой они были раздавлены…»

28 октября 1948 года всех участников убийства наградили: Цанава получил орден Красного Знамени, Круглов, Лебедев, Шубняков — ордена Отечественной войны первой степени, Косырев и Повзун — ордена Красной Звезды. На следующий день ордена Красного Знамени получили Абакумов и Огольцов.

Историки пытаются понять: зачем Сталину понадобилось убивать Михоэлса? Что это было — паранойя? результат мозговых нарушений? Все это, конечно, сыграло свою роковую роль.

Но главное — другое. Вождь был человеком с криминальным складом ума. С возрастом и болезнями эти патологические черты только усилились. Он приказывал бить арестованных смертным боем и легко приказывал лишать жизни. И на службу брал людей определенного склада — убийц и насильников. Участники дела нисколько не затруднились исполнить преступный приказ, сделали то, за что и не всякий профессиональный палач бы взялся.

12 июля 1951 года генерал-полковника Абакумова арестовали. Огольцову поручили временно исполнять обязанности министра госбезопасности, пока не назначили нового — заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК Семена Денисовича Игнатьева. Огольцов остался заместителем министра, но ненадолго. В последние годы Сталин постоянно тасовал чекистские кадры. Сергея Огольцова отправили министром госбезопасности в Узбекистан.

4 апреля 1953 года, после смерти вождя, Берия, став министром внутренних дел, начал пересмотр громких дел, заведенных в ту пору, когда он не имел отношения к

госбезопасности. Арестовали Огольцова.

«Прекрасно зная порядки в своем ведомстве, Сергей Иванович боялся, что его могут попытаться отравить, — вспоминает сын генерала Богданова. — Сидя за решеткой, он ел и пил только то, что гарантированно не могло содержать яд».

Оказавшись на нарах, Огольцов все рассказал. Подробно описал, как он руководил убийством Михоэлса. Его показания подтвердил Шубняков. Берия отдал бы их под суд, но его самого вскоре арестовали. И опять все изменилось! Убийцы теперь называли себя невинными жертвами Лаврентия Павловича.

Сразу после ареста Берии, 26 июня 1953 года, жена Огольцова отправила письмо Георгию Маленкову, который сменил Сталина на посту главы правительства: «Еще так недавно 1 ноября 1952 года позвонил Огольцову в Ташкент товарищ Сталин. Предлагая вернуться на работу в Москву, он сказал: «Не я вам доверяю, а партия вам доверяет». Как же могло случиться, чтобы через месяц после смерти вождя Огольцов оказался государственным преступником?.. Мы с дочкой просим Вас, Георгий Максимилианович, вмешаться в судьбу Огольцова».

Из секретариата Маленкова позвонили жене Огольцова, сказали, что с ее мужем все будет хорошо.

Раиса Сергеевна написала ему новое письмо:

«Дорогой Георгий Максимилианович!

Звонок от Вас влил струю жизни, озарил нас ярким лучом надежды на близкую радостную встречу с мужем и отцом. Мы ждем его каждый день, каждый час, каждую минуту. Мы ждем его потому, что мы, как в себе, уверены в невиновности Огольцова…

Когда Огольцов, не работая почти месяц, находился дома, он ходил в министерство писать объяснения, которые от него требовал Берия. Заметно нервничая, он называл кощунством то, что от него требовали. Разговаривая по телефону с т. Игнатьевым, он говорил, что от него требуют объяснения по делу, которому в свое время т. Сталин дал очень высокую оценку…»

Огольцова освободили, но лишили ордена, полученного за убийство Михоэлса — операцию, которой «Сталин дал очень высокую оценку». На следующий год уволили в запас. В 1959 году постановлением правительства он был лишен генеральского звания «как дискредитировавший себя за время работы в органах и недостойный в связи с этим высокого звания генерала». Этим наказание исчерпывалось.

А ведь прокуратура обязана была возбудить дело об убийстве Михоэлса и Голубова-Потапова и посадить убийц на скамью

подсудимых. Но в Кремле не позволили предать гласности эту позорную историю, как и многие другие. Не могли признать, что Сталин сам превратился в уголовного преступника и своих подручных сделал обычными уголовниками. Непосредственных убийц Михоэлса вообще не тронули. У них только отобрали ордена, которые они получили за убийство двух человек.

Заместителями Огольцова в Главном разведуправлении МГБ стали генерал-майор Евгений Петрович Питовранов, он же начальник первого управления (внешняя разведка), и генерал-лейтенант Василий Степанович Рясной, он же начальник второго управления (внутренняя контрразведка).

Евгений Питовранов рассказывал в газетном интервью, как в 1938 году его, секретаря парторганизации Московского института инженеров транспорта, попросили назвать четырех надежных человек для службы в НКВД. Через несколько дней всех пригласили на Лубянку. Заседание вел первый заместитель наркома Берия. Ежов, чьи дни в НКВД были сочтены, сидел молча. Берии понравились все четверо, которых назвал Питовранов. И его самого тоже взяли в наркомат, хотя он еще учился и ему предстояло защищать диплом.

— Ничего, — махнул рукой Лаврентий Павлович, — здесь университеты пройдешь.

Молодого человека отправили в Горьковское областное управление заместителем начальника отдела. Кадры в чекистском аппарате менялись стремительно. Его предшественник по кабинету уже сидел в тюрьме…

Питовранов стремительно рос в должности. В годы войны Питовранов перебывал начальником управлений НКВД — НКГБ в Горьковской, Кировской, Куйбышевской областях. После войны — наркомом госбезопасности Узбекистана.

В 1946 году генерал-майора Евгения Питовранова перевели в Москву и назначили начальником второго (контрразведывательного) управления Министерства госбезопасности. Он принимал участие во многих позорных послевоенных сталинских акциях, например, выезжал в Питер, чтобы лично арестовать людей, ставших жертвами так называемого «ленинградского дела». Рвение было оценено.

3 декабря 1950 года Сталин подписал постановление политбюро о больших кадровых перестановках в МГБ:

«Учитывая, что объем работы Министерства государственной безопасности значительно увеличился, в связи с передачей из МВД СССР пограничных и внутренних войск, милиции, созданием новых оперативных управлений, а также для того, чтобы коллегиально рассматривать наиболее важные вопросы

чекистской работы, Политбюро ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Увеличить количество заместителей министра государственной безопасности СССР до семи человек.

2. Утвердить заместителями министра государственной безопасности СССР:

тов. Питовранова Е.П., освободив его от должности начальника 2-го Главного управления МГБ СССР…»

Новому заместителю министра было всего тридцать пять лет. Карьеры при Сталине делались быстро, потому что постоянно освобождались высокие кресла. Но так же скоро из начальственного кабинета можно было угодить на нары.

После отстранения Абакумова генерал Питовранов получил от политбюро выговор за то, что «не проявил необходимой партийности и не сигнализировал ЦК ВКП(б) о неблагополучии в работе МГБ». Несколько дней, пока Огольцов болел, Питовранов исполнял обязанности министра госбезопасности. Но Сталину доложили, что и Питовранов «тесно работал с Абакумовым и находился под его враждебным влиянием».

Отдыхавший на юге вождь вызвал к себе нового министра госбезопасности Семена Игнатьева и распорядился Питовранова и еще группу крупных чекистов арестовать. Философски заметил:

— Посадите, и пусть сидят. У чекиста есть только два пути — на выдвижение или в тюрьму.

29 октября 1951 года в четыре часа утра Питовранову позвонил только что назначенный первым заместителем министра госбезопасности генерал-полковник Сергей Арсеньевич Гоглидзе и попросил срочно приехать. По его тону Питовранов все понял.

Его держали в Лефортове, он был заключенным «номер три». Но ему повезло. Он успел понравиться Сталину. После ареста Абакумова в МГБ позвонил сталинский помощник Поскребышев — у Сталина был срочный вопрос, и никого, кроме Питовранова, на месте не оказалось. Он поехал к Сталину, который уже собирался на отдых в Цхалтубо. Вождь стал подробно расспрашивать Питовранова о системе работы разведки и контрразведки.

Его особенно интересовала система вербовки агентуры. Спросил, сколько всего агентов. Услышав ответ, удивился: зачем так много? Сказал, что в свое время у большевиков был только один агент среди меньшевиков, но такой, что они знали все!

Питовранов провел у Сталина больше часа. Вернулся на Лубянку поздно ночью. Ему сказали, что, пока он ехал, вновь позвонил Поскребышев: утром, без четверти двенадцать Питовранов должен быть на Курском вокзале, чтобы проводить

товарища Сталина. Питовранов приехал. Платформа была совершенно пуста. У поезда стоял министр путей сообщения Борис Павлович Бещев.

Потом появились две машины. В одной — охрана во главе с Власиком, во второй — Сталин. Он неспешной походкой подошел к вагону. Питовранов и Бещев пожелали ему счастливого пути, и поезд тронулся.

Помня об этой беседе, Питовранов, сидя в тюремной камере, написал Сталину письмо не с просьбой его помиловать, а с перечнем предложений о реорганизации разведки и контрразведки, понимая, что о таком письме вождю обязательно доложат. Так и получилось. Новый министр Семен Игнатьев держал у себя это письмо месяц, а потом все-таки доложил Сталину.

«В разведке много лет не было хороших руководителей, — писал Питовранов. — При т. Меркулове — бездарный Фитин, при Абакумове — проходимец Кубаткин, а затем хотя и умный, но не очень оперативный и не острый Федотов. Я убежден, что т. Савченко тоже не тот человек, который должен возглавить разведку, чтобы она обеспечила выполнение требований ЦК…

ЦК ВКП(б) неоднократно отмечал, что врагам удавалось отрывать чекистские аппараты от партийных органов. Я думаю, что условие для этого отрыва в некоторой мере создается своеобразной кастовостью, флюсоподобной односторонностью многих чекистов, связанной в известной мере с особенностями их работы.

Если Вами будет признано необходимым, я мог бы свои соображения по этому вопросу и предложения, вытекающие из них, доложить т. Игнатьеву…

Зная Вашу строгость, но и Ваше великодушие, я как родного отца прошу Вас, товарищ Сталин, дать мне возможность исправиться».

Вождь сказал новому министру госбезопасности Семену Денисовичу Игнатьеву:

— Я думаю, что Питовранов человек толковый. Не зря ли он сидит? Давайте через какое-нибудь время его выпустим, сменим ему фамилию и вновь возьмем на работу в органы госбезопасности.

Питовранов продолжал писать вождю. И после этого, рассказывал Питовранов журналистам, отношение к нему в тюрьме изменилось. Ему стали давать книги и подселили сокамерника — Льва Романовича Шейнина, писателя и бывшего начальника следственного отдела союзной прокуратуры. Питовранов по профессиональной привычке представился ему

инженером, который работал в Восточной Германии и потерял важные документы…

2 ноября 1952 года прямо из тюрьмы Питовранова привезли к министру Игнатьеву, который поздравил его с освобождением и передал слова Сталина: «Не будем менять Питовранову фамилию. Поправим свою ошибку. Нас поймут. Пусть пока немного отдохнет. Скоро он понадобится».

13 ноября Питовранова вызвали в Кремль. Он получил высочайшее отпущение грехов. Через неделю, 20 ноября, Сталин вызвал к себе Огольцова, Гоглидзе и Питовранова. Обсуждался проект слияния разведки и контрразведки в единое Главное разведывательное управление МГБ. Сталин был страшно недоволен чекистами, выговаривал им за то, что проморгали «дело врачей», слабо используют в борьбе с противником террор и диверсии.

1 декабря на президиуме ЦК рассматривалось два вопроса: «О вредительстве в лечебном деле», что привело к позорному преследованию врачей-евреев, и «Информацию о положении дел в МГБ СССР». Сталин опять выразил недовольство пассивностью разведки и требовал от нее активных действий.

В резолюции, одобренной президиумом ЦК, говорилось: «Многие чекисты прикрываются гнилыми и вредными рассуждениями о якобы несовместимости с марксизмом-ленинизмом диверсий и террора против классовых врагов. Эти горе-чекисты скатились с позиций революционного марксизма-ленинизма на позиции буржуазного либерализма и пацифизма… не понимают той простой истины, что нельзя МГБ представлять без диверсий, проводимых им в лагере врага».

15 декабря Сталин в присутствии членов президиума ЦК опять принимал Игнатьева, Огольцова, Гоглидзе и Питовранова. Речь шла о ходе реорганизации МГБ. Сталин говорил:

— Главный наш враг — Америка. Но основной упор нужно делать не собственно на Америку. Нелегальные резидентуры надо создавать прежде всего в приграничных государствах. Первая база, где нужно иметь своих людей, — Западная Германия.

Вождь вернулся и к любимой теме:

— Коммунистов, косо смотрящих на разведку, на работу ЦК, боящихся запачкаться, надо бросать головой в колодец.

5 января 1953 года генерал Питовранов возглавил управление по разведке за границей, ГРУ МГБ — с задачей вести активные действия против главного врага, то есть широко применять террор и диверсии. Но из-за смерти Сталина главное разведуправление Министерства госбезопасности фактически так и не было сформировано, даже штаты новых подразделений не

успели утвердить.

Сталин, кстати говоря, чтобы сделать приятное чекистам, решил вернуть им специальные звания, которые существовали с ноября 1935 по июль 1945 года. Несколько лет вождь, недовольный органами госбезопасности, ни одному чекисту не присвоил генеральского звания. Теперь он, видимо, сменил гнев на милость.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 августа 1952 года вновь были введены спецзвания. Служивший в МГБ полковник становился полковником государственной безопасности, генерал-майор — генералом госбезопасности 3-го ранга, генерал-лейтенант — генералом госбезопасности 2-го ранга, генерал-полковник — генералом госбезопасности 1-го ранга, генерал армии — генералом государственной безопасности. Но и эта идея не реализовалась по причине ухода вождя в мир иной.

Чекисты были уверены, что Питовранов станет следующим министром госбезопасности. После смерти Сталина Питовранов потерял свой высокий пост и министром уже не стал, но он, счастливчик, в отличие от большинства своих коллег, прожил достаточно удачную жизнь и умер на восемьдесят пятом году жизни…

После ареста Берии Питовранова допрашивали как свидетеля, но обвинений ему не предъявили. Генерал-лейтенанта Питовранова отправили в Восточный Берлин руководителем Инспекции по вопросам безопасности при советском верховном комиссаре по Германии (название должности постоянно менялось: уполномоченный КГБ СССР при МГБ ГДР, глава представительства КГБ по координации и связи с МГБ СССР).

Аппарат Питовранова представлял ведомство госбезопасности в миниатюре, потому что работа шла по многим направлениям: контролировали жизнь в ГДР, учили восточногерманских чекистов, вели разведывательную работу в ФРГ, пытались вербовать американцев, англичан и французов, которые служили в Западном Берлине и Западной Германии.

В 1957 году Питовранова вернули в Москву. Он руководил четвертым управлением КГБ СССР, которое занималось борьбой с антисоветскими элементами и ведало интеллигенцией. Тогдашний председатель КГБ Александр Николаевич Шелепин в феврале 1960 года упразднил четвертое управление, которым руководил Питовранов, как самостоятельную структуру. Шелепин считал, что следить за писателями, художниками, актерами — не главная задача КГБ, и незачем держать для этого целое управление. Он передал сокращенный аппарат и функции

идеологического контроля второму главному управлению.

Генерал-лейтенант Питовранов отправился в Китай. Он недолго проработал советником в Китае, а потом еще четыре года начальником Высшей школы КГБ. В 1966 году его перевели в действующий резерв и определили в Торгово-промышленную палату. Ему было всего пятьдесят один год.

Его выдвиженец генерал Борис Семенович Иванов через несколько лет занял должность первого заместителя начальника внешней разведки. Он пытался уговорить нового председателя КГБ Андропова вернуть Питовранова в кадры. На это Андропов не пошел.

Но после беседы с Питоврановым на конспиративной квартире согласился широко использовать возможности Торгово-промышленной палаты в интересах разведки. Палата имела статус неправительственной организации, ее сотрудники ездили в страны, с которыми Советский Союз не имел дипломатических отношений, встречались с политиками, которых официальные московские представители избегали.

Василий Рясной
Два месяца рядом с Берией

После смерти Сталина и создания единого Министерства внутренних дел разведка стала называться вторым главным управлением МВД. Начальником Берия поставил генерал-лейтенанта Рясного.

Василий Степанович Рясной родился в 1904 году в Самарканде.

«С шестнадцати лет (в 1920 году), — писал Рясной, — я был направлен в Красную Армию для комсомольской работы в Политотдел 1-й Армии (Средняя Азия). Работал в частях и среди населения по организации комсомола (Туркмения). В 1922 году принят в коммунистическую партию. До 1924 года работал секретарем уездного комитета комсомола. С 1924 по 1931 год работал на ответственной советской и партийной работе в Туркменской ССР — зам. секретаря ряда райкомов и Керкинского Окружкома партии. Вел непосредственную борьбу с басмачеством».

В 1933 году Василий Рясной окончил промышленную академию имени Сталина в Москве, два года работал начальником политотдела Лемешкинской машинно-тракторной станции Сталинградской области, еще два года — первым секретарем Лемешкинского райкома партии. В 1937 году, в самый разгар большого террора, Василия Рясного взяли на работу в НКВД. И в июле сразу утвердили начальником областного управления в Горьком. В разгар войны, в 1943 году, назначили наркомом внутренних дел Украины.

Уже на пенсии бывший генерал Рясной рассказывал поэту Феликсу Чуеву, как из Горького его вызвал в Москву секретарь ЦК Георгий Маленков и распорядился:

— Скоро будет рассмотрен и утвержден план освобождения Украины, а там много националистов, оуновцев, которых надо ликвидировать. Вы назначаетесь народным комиссаром внутренних дел Украины.

В годы войны было три Украинских фронта, Рясного, занимавшегося подавлением вооруженного подполья, именовали командующим Четвертым Украинским фронтом. Его методы произвели благоприятное впечатление на Берию. 31 октября 1945 года Лаврентий Павлович писал Сталину:

«Представляем на Ваше усмотрение кандидатуры для

укрепления руководства НКГБ.

В качестве первого кандидата можно назвать Рясного В.С., работающего в настоящее время Наркомом Внутренних Дел Украины. Рясной в первые два года войны был начальником НКГБ Горьковской области. С этой работы он в июле 1943 года был выдвинут и назначен Наркомом Внутренних Дел Украины. До войны Рясной в течение 4-х лет был на оперативной работе в органах государственной безопасности, а взят на чекистскую работу с партийной работы (секретарь райкома Сталинградской области). Считаем возможным рекомендовать Рясного первым заместителем наркома Госбезопасности с тем, чтобы через 1–2 месяца утвердить его наркомом…

Если Вы одобрите эти кандидатуры, то переговорим с указанными товарищами и представим проект решения».

Вождь кандидатуру Рясного в принципе одобрил. Но вышло не так, как предполагал Лаврентий Павлович. Через два месяца его самого Сталин убрал из НКВД. И Рясного взяли не в Наркомат госбезопасности, а в НКВД. 15 января 1946 года Рясного перевели в Москву первым заместителем (или, как тогда говорили, по общим вопросам) союзного наркома внутренних дел. Но его назначение наркомом не состоялось, им оставался Сергей Никифорович Круглов.

Более того, Рясной и на посту первого зама не задержался. В начале 1947 года Круглов поменял его должностями с другим заместителем министра — Иваном Александровичем Серовым (еще один бывший нарком внутренних дел Украины). 25 февраля Серов стал первым замом. Он занимал эту должность семь лет до 13 марта 1954 года, после чего возглавил КГБ СССР. Рясной остался простым заместителем.

О Рясном вспомнили в феврале пятьдесят второго, когда Сталин озаботился изменением структуры Министерства госбезопасности. 12 февраля 1952 года решением политбюро Рясного перевели в МГБ. Он был назначен заместителем министра и начальником 2-го главного управления (контрразведка). Он был одним из тех, кого в те месяцы вызывал Сталин, желавший перестроить всю работу госбезопасности.

Когда Сталин умер, Берия, который вернулся на Лубянку, приблизил Рясного. С 11 марта по 28 мая 1953 года Василий Степанович руководил разведкой.

По указанию Берии Рясной вызвал в Москву основных резидентов разведки, чтобы поставить перед ними новые задачи. Некоторые указания были вполне разумными. Всем руководителям представительств госбезопасности в странах

народной демократии был устроен экзамен на знание языка страны пребывания. Кто сдал экзамен, возвращались назад, хотя и с понижением в должности. Не сдавших зачисляли в резерв. А язык знали далеко не все — привыкли работать с переводчиком.

Разведкой генерал Рясной руководил всего два с лишним месяца. Берия потерял к нему интерес и велел подыскать Рясному другую должность.

В конце мая 1953 года его перевели начальником управления Министерства внутренних дел по Москве и Московской области. И оставался на этом посту до весны 1956 года.

Министр внутренних дел Дудоров уволил генерала Рясного 1 марта 1956 года, поставив ему в вину «неудовлетворительную работу» по борьбе с высоким уровнем преступности в Москве и области.

Рясной написал письмо Хрущеву:

«В моей работе есть недостатки. При всем этом я считаю, что ко мне подошли несправедливо. Я работал честно. На мой взгляд, на решение обо мне оказало влияние представление в КПК при ЦК КПСС Главной Военной Прокуратуры о том, что:

— я причастен к следствию по трем делам в 1937 году — неправильно осужденных Хакимова, Тахогоди и Зейман. Только что придя в НКВД в 1937 году, я выполнял поручения и отдельные следственные действия по этим делам, как практикант. Следствия же по этим делам я не вел;

— в 1941 году я завел дело и передал в суд на выселение семьи быв. командующего Белорусским военным округом, осужденного в 1941 году к расстрелу; это мною было сделано по распоряжению Берия, со ссылкой на решение ставки;

— что я дал указание в феврале 1953 года надеть наручники на арестованного Эйдус. Это ошибочно. Меня в то время даже не было в Москве, и такого указания я не давал.

По обвинениям, выдвинутым против меня Прокуратурой, я дал подробные объяснения в КПК. Это дело еще не рассматривалось. Я прошу Вас, Никита Сергеевич, поручить разобрать все обстоятельства, изложенные мною. Я считаю, что не заслужил такого наказания, как увольнение из органов МВД.

Я прошу оставить, не увольнять меня из органов МВД, а дать мне любую работу, которую буду выполнять честно, по-партийному. Я был предан партии и останусь им».

5 июля 1956 года Василия Степановича Рясного уволили из органов «по фактам дискредитации». Но генеральского звания не лишили. Он умер в декабре 1995 года.

Александр Панюшкин
Посол и резидент

После перевода Рясного в московское управление полтора месяца обязанности руководителя разведки исполнял генерал Александр Михайлович Коротков. Его образование ограничивалось средней школой. В органы госбезопасности его взяли на должность монтера по лифтам, но быстро отметили очевидные таланты молодого человека, который преуспел на самом трудном нелегальном поприще.

Коротков работал на немецком направлении. В первых числах января 1939 года его обвинили в том, что он сам завербован гестапо. 8 января его уволили из госбезопасности. На следующий день он написал письмо наркому Берии. Лаврентий Павлович прочитал письмо, изъявил желание поговорить с автором и распорядился оставить Короткова в кадрах. Перед войной его командировали в Берлин, и он сумел восстановить связь с важнейшими агентами берлинской резидентуры.

В 1946 году он стал заместителем начальника разведки. Но начальником его так и не сделали. Сначала помешало очевидное благоволение к Короткову Лаврентия Павловича Берии, которого в пятьдесят третьем расстреляли. Когда руководителем разведки стал генерал Сахаровский, стали говорить, что он недолюбливает своего заместителя генерала Александра Короткова, потому и отправил его руководить представительством в ГДР. Возможно, Сахаровский чувствовал в нем конкурента.

Председателю КГБ Шелепину Коротков, любимец Ивана Серова, тоже не очень понравился. В конце июня 1961 года Александра Короткова вызвали в Москву. 27 июня после не очень приятной беседы с Шелепиным Коротков позвонил Серову. Они пошли играть в теннис на динамовском стадионе на Петровке. Прямо на стадионе Короткову стало плохо, и он умер от сердечного приступа. По странному стечению обстоятельств он закончил свою жизнь там, где когда-то началась его карьера. На этом самом стадионе на юного Короткова обратил внимание увлекавшийся спортом секретарь Дзержинского Вениамин Герсон. Он устроил Короткова в госбезопасность наладчиком лифтов. Потом перспективного молодого человека взяли в иностранный отдел…

На похороны Короткова, свидетельствует бывший сотрудник представительства КГБ в Берлине полковник Иван Николаевич Кузьмин, прилетела вся коллегия Министерства госбезопасности

ГДР во главе с министром Эрихом Мильке. Его заместитель по разведке Маркус Вольф произнес прощальную речь.

После ареста Берии кадровая чехарда в разведке прекратилась. 18 июля 1953 года начальником второго главного управления назначили Александра Семеновича Панюшкина. Накануне его утвердили членом коллегии Министерства внутренних дел.

Александр Семенович Панюшкин родился 14 августа 1905 года в Самаре в семье рабочего. Работать начал в пятнадцать лет курьером амбулатории Заволжского окружного военно-санитарного управления в Самаре. Будущий генерал окончил кавалерийские курсы и был трубачом 4-го отдельного дивизиона ГПУ.

В 1927 году Панюшкина призвали в армию, послали в трехлетнюю Борисоглебско-Ленинградскую кавалерийскую школу, после окончания определили в пограничные войска. Служил на Дальнем Востоке, начинал помощником начальника Приморского кавалерийского погранотряда.

В мае 1935 года Панюшкина зачислили в Военную академию РККА имени М.В. Фрунзе. В августе 1938 года, после окончания академии, он был внезапно распределен в НКВД — помощником начальника отделения 5-го (разведывательного) отдела главного управления госбезопасности. Кстати говоря, через полгода точно так же взяли в НКВД другого выпускника академии майора Ивана Александровича Серова, который в 1954 году стал председателем КГБ и начальником Панюшкина. Это Берия набирал в органы людей со стороны — молодых армейских офицеров.

В первый раз в разведке Панюшкин прослужил всего три месяца и был переведен начальником 3-го (оперативного) спецотдела (обыски, аресты, наружное наблюдение). Он получил сразу спецзвание старшего майора госбезопасности.

В июле 1939 года его отправили в Китай — полпредом и одновременно главным резидентом внешней разведки (в раздробленной стране, частично оккупированной японскими войсками, работало несколько резидентур). Панюшкин занял этот пост вместо убитого по указанию Сталина Ивана Трофимовича Бовкуна (известного также под псевдонимами Луганец и Орельский). О его трагической судьбе еще пойдет речь в этой книге. Работая в Китае, Александр Панюшкин получил одновременно звания и чрезвычайного посла, и комиссара госбезопасности.

5 сентября 1944 года его вернули в Москву и утвердили первым заместителем заведующего отделом международной информации ЦК ВКП(б). Руководил отделом бывший

председатель Исполкома Коминтерна Георгий Димитров. В определенном смысле отдел должен был заменить распущенный Коминтерн, то есть наладить связи, в том числе конспиративные, с иностранными компартиями.

После создания единого разведывательного аппарата, Комитета информации при Совете министров, Панюшкин полгода проработал главным секретарем комитета, а в ноябре 1947 года уехал послом в Соединенные Штаты. По положению одновременно он был резидентом внешней разведки в Вашингтоне. После бегства шифровальщика канадской резидентуры Гузенко советская разведывательная сеть в Северной Америке находилась в бедственном положении: арест следовал за арестом, агенты избегали встреч или вообще отказывались от сотрудничества. Панюшкин пытался сохранить то, что возможно, и свести ущерб к минимуму.

В июне 1952 года его вновь отправили послом в Китае. Но на сей раз Александр Семенович недолго проработал в Пекине. После смерти Сталина его вдруг вызвали в Москву, и два месяца он находился в резерве МИД, ожидая назначения.

Отозвали его из Пекина потому, что надо было срочно пристроить Василия Васильевича Кузнецова, которого в ходе больших кадровых игр сместили с поста председателя ВЦСПС. Личных претензий к Кузнецову не было — понадобилась его высокая должность руководителя советских профсоюзов. На нее пересадили Николая Михайловича Шверника, при Сталине возглавлявшего Президиум Верховного Совета. А главой Верховного Совета СССР (пост безвластный, но заметный) поставили маршала Ворошилова.

5 марта 1953 года вечером на пленуме ЦК, когда наследники Сталина делили власть и посты, Василия Васильевича Кузнецова решили назначить заместителем министра иностранных дел и отправить в Китай в качества посла и представителя ЦК. Но от идеи услать его в Пекин быстро отказались, и он остался в МИД. С 1955 года он состоял в должности первого заместителя министра, как и Громыко. Но и Александра Панюшкина возвращать в Китай уже не стали, а перевели в МВД.

После ареста Берии в июне 1953 года в органы госбезопасности активно направляли людей из партийного аппарата и кадровых военных. Заместителем министра внутренних дел по кадрам и начальником управления кадров назначили соответственно заведующих секторами отдела административных органов ЦК КПСС. Панюшкин в июле 1953 года возглавил второе главное управление (внешняя разведка) МВД.

17 сентября министр Круглов, его заместитель Серов и начальник разведуправления Панюшкин представили в ЦК проект положения о 12-м отделе разведуправления. В документе значилось: «признать целесообразным осуществление актов террора». В аппарате ЦК слова «акты террора» в тексте заменили на «активные действия».

Почти сразу же, осенью 1953 года, в Кремле возникла мысль о том, что такой монстр, как единое Министерство внутренних дел, надо раздробить.

4 февраля 1954 года министр внутренних дел Сергей Никифорович Круглов представил в ЦК записку с предложением выделить из МВД оперативно-чекистские подразделения и создать на их основе Комитет по делам государственной безопасности при Совете министров СССР.

Структура нового комитета предлагалась такой: главное управление по разведке в капиталистических странах; главное управление по контрразведывательной работе внутри страны;

управление по контрразведывательной работе в Советской армии и военно-морском флоте;

отдел по оперативно-чекистской работе на спецобъектах промышленности;

служба наружного наблюдения; шифровально-дешифровальная служба;

управление по охране руководителей партии и правительства; следственная часть;

учетно-архивный отдел (архив, статистика, внутренняя тюрьма);

служба оперативной техники;

отдел по изготовлению средств оперативной техники, средств тайнописи, документов для оперативных целей, экспертизе документов и почерков;

радиоконтрразведывательная служба…

8 февраля на заседании президиума ЦК обсуждалась записка Круглова. Ход дискуссии записывал Владимир Никифорович Малин, заведующий общим отделом ЦК, особо доверенный помощник Хрущева.

Обсуждение свелось к кадровым вопросам.

Круглова решили оставить министром внутренних дел. Хрущев настоял на том, чтобы Комитет госбезопасности возглавил преданный ему генерал Иван Серов.

Заодно задумались о том, кого делать первым заместителем председателя Комитета госбезопасности. Возникла кандидатура Александра Семеновича Панюшкина, имевшего опыт и партийной работы, и дипломатической. Но воспротивились два влиятельных

члена президиума ЦК.

Министр обороны Николай Александрович Булганин решительно сказал, что «Панюшкин не подходит». С ним согласился глава правительства Георгий Максимилианович Маленков, который знал начальника разведки по работе в ЦК: «Панюшкин слабый в аппарате».

13 марта 1954 года появился указ Президиума Верховного Совета об образовании КГБ. Внешняя разведка получила статус первого главного управления.

Александр Семенович Панюшкин остался на своей должности. 13 марта его назначили членом коллегии КГБ, 17 марта — начальником первого главного управления. 31 мая ему присвоили звание генерал-майора. Он сидел в кабинете № 763 — на седьмом этаже главного здания на Лубянке. Этот кабинет занимали почти все начальники советской политической разведки.

30 июня 1954 года ЦК принял постановление «О мерах по усилению разведывательной работы органов государственной безопасности за границей». Там говорилось о концентрации сил на работе против главного противника — Соединенных Штатов и Англии. Ведомства, имевшие загранпредставительства, получили указание выделить должности прикрытия, которые занимались разведчиками.

Под руководством Панюшкина готовилось убийство руководителя исполнительного бюро Народно-трудового союза в Западной Германии Георгия Сергеевича Околовича, эмигранта, родившегося в Елгаве. Он руководил оперативным сектором по подготовке и заброске агентуры в Советский Союз.

Но руководитель террористической группы капитан Николай Евгеньевич Хохлов из 13-го отдела первого главного управления передумал убивать Околовича. 18 февраля 1954 года капитан пришел к Околовичу домой (он жил во Франкфурте-на-Майне) и представился:

— Георгий Сергеевич, я — Хохлов Николай Евгеньевич, сотрудник органов госбезопасности. ЦК КПСС приказал вас ликвидировать. Убийство поручено моей группе.

Он показал пистолет с электрическим спуском и глушителем, замаскированный в пачке сигарет. Поскольку никакого преступления Хохлов не совершил, то получил политическое убежище. Западные немцы устроили ему пресс-конференцию, и разгорелся грандиозный скандал. В Москве Военной коллегией Верховного суда Николай Хохлов был заочно приговорен к смертной казни. Он считает, что его пытались убить, но неудачно, он выжил. В советской разведке к этому относятся иронически.

— Хохлов кричал, что КГБ его пытался отравить, — говорил журналистам директор Службы внешней разведки генерал Сергей Лебедев в 2006 году. — И что вы думаете, ему сейчас уже девятый десяток, доживает свой век где-то в Америке.

Незадолго до августовского путча 1991 года бывший капитан Хохлов как ни в чем не бывало приехал в Москву. Он заходил и в редакцию журнала «Новое время», где я тогда работал. Бывший специалист по «мокрым делам» производил несколько странное впечатление. Николай Хохлов давно перебрался за океан и был профессором психологии в Калифорнийском университете. Кажется, его больше интересовала парапсихология. Впрочем, и само его появление в Москве было чем-то сверхъестественным. Он даже сходил на Лубянку, где в центре общественных связей КГБ с ним поговорили вполне вежливо.

В те времена чекисты вообще были на редкость предупредительны и любезны. Возможно, потому, что самому Комитету государственной безопасности существовать оставалось всего несколько месяцев… Указом президента России в марте 1992 года Хохлова помиловали.

Другого видного деятеля НТС, председателя Комитета помощи русским беженцам Александра Рудольфовича Трушновича, жившего в Западном Берлине, офицеры КГБ все-таки похитили 13 апреля 1954 года.

— Мой сосед по дому в Берлине был начальник отделения аппарата уполномоченного КГБ по работе с эмиграцией, — вспоминал подполковник Виталий Геннадьевич Чернявский. — Он занимался Трушновичем. Правда, получилось неудачно. Его завернули в ковер, чтобы никто не обратил внимания, и вынесли на улицу. Привезли, развернули, а он уже труп — задохнулся. Убивать не хотели. Хотели похитить.

При Панюшкине началась история с «берлинским тоннелем». Резидентура ЦРУ в Берлине устроила подкоп под кабельными линиями связи Советской группы войск в Германии и подслушивала все телефонные разговоры.

Ирония состоит в том, что в первом главном управлении КГБ знали об этом с самого начала. Москву поставил в известность Джордж Блейк, который работал в британской разведке. В годы корейской войны он попал к северянам в плен. Он хотел выжить и предложил свои услуги советским разведчикам.

С ним работал Сергей Александрович Кондрат ев, который в разведке дослужился до погон генерал-лейтенанта. В военные годы Кондрашев работал референтом-переводчиком во Всесоюзном обществе культурной связи с заграницей. В 1947 году его взяли в контрразведку, а через четыре года перевели в

разведку. В октябре пятьдесят третьего отправили в Лондон — и сразу исполняющим обязанности резидента. Его главным источником был Джордж Блейк.

Дэвид Мэрфи, отставной американский разведчик, был в те годы начальником резидентуры ЦРУ в Западном Берлине. Он отвечал за обработку получаемых материалов.

Мэрфи рассказывал корреспонденту «Красной звезды»:

— Впервые после Второй мировой войны наша разведка получила настоящую информацию о Советской армии. Я собирал весь материал, имеющий отношение к нашей работе. Если кто-то звонил и говорил: «Я бы хотел говорить с товарищем Питоврановым», это попадало ко мне.

Генерал-майор Питовранов был в тот момент представителем КГБ при Министерстве госбезопасности ГДР.

Американская операция началась весной 1955 года. И только весной 1956 года в КГБ решили ее прекратить: чекисты сделали вид, что случайно обнаружили тоннель, и устроили превосходное пропагандистское шоу. Считается, что поскольку Москве все было известно, то все линии связи использовались для передачи американцам и англичанам дезинформации. Словом, усилия ЦРУ были напрасны. В ЦРУ считают иначе.

— У нас были источники в Карлсхорсте, в штабе советских войск, — уверяет Мэрфи. — Я всегда сравнивал ту информацию, что пришла к нам через тоннель, и то, что было в нашем архиве из других источников. Если бы мы нашли что-то подозрительное, то и англичане, и американцы начали бы искать виновника. Уверяю вас, что первый человек, на которого пало бы подозрение, был Джордж Блейк. КГБ не хотел им рисковать.

Похоже, американский разведчик в чем-то прав.

Невозможно себе представить, чтобы все телефонные переговоры были сплошной дезинформацией. На самом деле для КГБ забота о безопасности своего агента оказалась важнее, чем сохранение армейских тайн.

Если бы началась операция по дезинформации, в нее вовлеклось бы множество людей, и это могло привести к провалу агента. Наиболее важные и секретные переговоры велись по другим линиям связи, наземным, и контролировались управлением правительственной связи. Во всяком случае, ими пользовалось представительство КГБ в Восточной Германии. Так что за себя чекисты не боялись. Эта история лишний раз показывает, что ведомственные интересы у разведки на первом месте.

В разведке генерал Панюшкин прослужил два года.

В январе 1955 года Георгий Маленков перестал быть главой

правительства и не мог возражать против кандидатуры Панюшкина. Никита Хрущев взял его в аппарат ЦК, где он проработал почти двадцать лет. 23 июня 1955 года Александра Семеновича Панюшкина утвердили председателем комиссии ЦК по выездам за границу.

С помощью своих недавних коллег по КГБ он решал, кому можно ездить, а кому нельзя. На каждого выезжающего, кроме высших чиновников государства, посылался запрос в Комитет госбезопасности. Чекисты, покопавшись в архиве, давали один из двух вариантов ответа: в благоприятном случае — «компрометирующими материалами не располагаем», в неблагоприятном, напротив, сообщали о наличии неких материалов, ничего не уточняя.

В принципе окончательное решение должны были принимать Панюшкин и его подчиненные в аппарате центрального комитета партии. Они имели право пренебречь мнением КГБ и разрешить поездку за рубеж. На практике в ЦК никому не хотелось принимать на себя такую ответственность. Спрашивать КГБ, какими именно «компрометирующими материалами» они располагают, в ведомстве Панюшкина тоже не решались. И люди становились «невыездными», не зная, чем они провинились…

Это положение могла изменить только высшая воля. Когда известный журналист, которого не выпускали за границу, вдруг стал родственником члена политбюро, из его бумаг исчезли все негативные замечания и выяснилось, что отныне ничто не мешает его зарубежной командировке.

В июле 1959 года комиссию переименовали в отдел кадров дипломатических и внешнеторговых органов ЦК. В мае 1965 года это подразделение ЦК стало называться отделом по работе с заграничными кадрами и выездам за границу. Повседневная связь с КГБ наделила отдел особой привилегией. Все остальные отделы ЦК общались с внешним миром через общий отдел. Отдел Панюшкина получал и отправлял свои документы самостоятельно. Панюшкин руководил этой сферой почти двадцать лет. 14 марта 1973 года его освободили от заведования отделом. В апреле ему оформили пенсию.

Оставшись без дела, Александр Семенович решил взяться за мемуары и обратился в историко-архивное управление МИД с просьбой дать ему возможность прочитать телеграммы, которые он в роли посла отправлял из Вашингтона и Пекина.

Министр иностранных дел Громыко в принципе не подпускал бывших послов к их собственным телеграммам. Тем более Андрею Андреевичу не хотелось делать любезность человеку, от которого дипломаты столько лет находились в унизительной

зависимости. Громыко ему отказал. Возмущенный Панюшкин обратился к всесильному члену политбюро Михаилу Андреевичу Суслову. Тот позвонил Громыко, и тогда было сделано исключение. Но написать он ничего не успел. В ноябре 1974 года Панюшкин умер.

Александр Сахаровский
Империя ПГУ

После ухода Панюшкина в ЦК смену ему подобрали не скоро. Обязанности начальника разведки почти год исполнял генерал Сахаровский. Его утвердили только в мае 1956 года. На этой должности он оставался пятнадцать лет.

Александр Михайлович Сахаровский родился 3 сентября 1909 года в деревне Большое Ожогино Палкинского района Костромской губернии в крестьянской семье. Но родители скоро переехали в Петербург, так что вырос он в городе, работал на Северной судостроительной верфи.

В 1931 году его призвали в Красную армию. Будущий генерал сразу пошел по политической линии — поступил на вечернее отделение Военно-политической академии имени Н.Г. Толмачева. Его сделали секретарем бюро ВЛКСМ 63-го отдельного строительного батальона в Советской Гавани Дальневосточного края. В 1934 году Сахаровский демобилизовался и вернулся в Ленинград. Поработал секретарем комитета комсомола Канонерского судоремонтного завода, через год перешел на ту же работу в Балтийское пароходство.

В феврале 1939 года по партийному набору Сахаровского направили на службу в ленинградское управление НКВД. Он служил в отделе, который занимался вербовкой моряков загранплавания, сам плавал на пассажирском судне в должности помощника капитана по политической части, то есть следил за благонадежностью команды.

Начальником управления НКВД по Ленинградской области был комиссар госбезопасности 2-го ранга Сергей Арсеньевич Гоглидзе. Он входил в бериевскую команду (вместе с ним и был расстрелян в 1953 году), служил под началом Лаврентия Павловича в ГПУ Закавказской Федерации, командовал пограничными и внутренними войсками, затем стал наркомом внутренних дел Грузии.

Сергей Гоглидзе очищал ленинградский аппарат от ветеранов и продвигал молодежь. Так что у Сахаровского были все основания расти в звании и должности. Он так же понравился и другому начальнику управления Петру Кубаткину.

Сахаровский возглавил разведывательный отдел ленинградского управления НКВД, то есть занимался борьбой с немецкими диверсантами и подготовкой разведывательно-диверсионных групп. В 1942 году он уже был майором.

В 1946 году Петр Кубаткин, переведенный в Москву, взял с собой Сахаровского в центральный аппарат Министерства госбезопасности. Его судьбу решила командировка в Бухарест, когда он оказался самостоятельной фигурой с правом выхода на министра госбезопасности.

В первых числах ноября 1949 года генеральный секретарь ЦК румынской компартии Георге Георгиу-Деж обратился к Сталину с просьбой прислать советников по вопросам госбезопасности. Ответ из Москвы последовал незамедлительно. 9 ноября 1949 года на заседании политбюро ЦК ВКП(б) было решено «удовлетворить» просьбу румынских товарищей. За подписью Сталина отправили шифротелеграмму Георгиу-Дежу: «В связи с Вашей просьбой прислать в Румынию работников для оказания помощи в разоблачении агентуры иностранных разведок к Вам будут направлены для этой цели работники МГБ СССР тт. Сахаровский и Патрикеев».

Александр Михайлович был назначен советником при органах госбезопасности Румынии. В его характеристике, которая с гордостью цитируется в «Очерках истории российской внешней разведки», говорится: «При его непосредственном участии румынскими коллегами вскрыт и ликвидирован ряд резидентур американской и английской разведок, а также сионистских и других подпольных организаций, активно действовавших на территории Румынской Народной Республики».

Подпольных организаций в Румынии не было, там шла борьба за власть, в которой активно участвовали советские чекисты. Они информировали Москву о всех закулисных махинациях, сами в них участвовали и подталкивали (если это было нужно) местные власти к уничтожению инакомыслящих. Московские советники использовали созданное в феврале 1949 года внутри МВД Румынии управление государственной безопасности.

В начале мая 1950 года Сахаровский докладывал в Москву министру госбезопасности Абакумову об аресте в Румынии шестидесяти шести бывших министров и крупных государственных чиновников. Арестованных поместили в тюрьму для политических заключенных в городе Сигете. Каждый четвертый из них умер в заключении.

Такие аресты почти всегда согласовывались с Москвой. Иногда эти вопросы обсуждались через советников МГБ, иногда через советское посольство.

В декабре 1951 года первый заместитель министра иностранных дел Андрей Андреевич Громыко поручил советскому послу в Бухаресте передать румынским руководителям:

«По мнению советского правительства, в ближайшие дни

следует провести суд над шпионами, диверсантами и террористами — Шиндером, Саилаканом, Бон и Стецанеску, приговорить их к расстрелу и приговор привести в исполнение».

Речь шла, разумеется, не о шпионах, а о румынских политиках, не согласных с новой властью. В румынском руководстве шла острая борьба между двумя группировками, каждая из которых искала поддержки в Москве. Роль советских чекистов была решающей. Они формировали мнение московского начальства.

В июне 1950 года Сахаровский отправил министру Абакумову очередное донесение, весьма неодобрительно отозвавшись о члене политбюро Анне Паукер: «В личной жизни не отличается скромностью… Окружает себя приближенными из числа евреев».

Анна Паукер пала жертвой конкурентной борьбы и лишилась своей должности.

В первых числах июня 1950 года политбюро утвердило представителем Комитета информации в Румынии дипломата Сурена Спандаровича Спандаряна.

Александр Сахаровский же подчинялся своему начальству из первого управления МГБ, которое было создано 17 октября 1949 года с задачей вести внешнюю контрразведку и обеспечивать чекистским обслуживанием советские колонии за рубежом.

Его командировка в Бухарест оказалась короткой. Ему пришлось покинуть Румынию, потому что у него не сложились отношения с хозяином страны Георгиу-Дежем. Румынский генсек откровенно жаловался советскому послу Сергею Ивановичу Кавтарадзе, что по вине Сахаровского его указания «по вопросу улучшения работы органов не получили практического осуществления».

Сергей Кавтарадзе в начале двадцатых годов возглавлял Совнарком Грузии. Во внутрипартийных дискуссиях он голосовал за Троцкого, что стоило ему карьеры и членства в партии. Но в 1940 году Сталин внезапно вспомнил о старом знакомом, приказал восстановить его в партии и взять на работу в Наркомат иностранных дел. Во время войны Кавтарадзе был заместителем наркома, а в 1945 году уехал послом в Бухарест.

Посол, естественно, докладывал в Москву о том, что румынское руководство недовольно Сахаровеким, и 19 ноября 1952 года того вернули в Москву. Но в Министерстве госбезопасности претензий к нему не было. Александр Михайлович Сахаровский стал заместителем начальника разведки, а после ухода Панюшкина — начальником первого главного управления КГБ при Совете министров.

Сумрачный и неразговорчивый, Александр Михайлович не

тратил лишних слов на разговоры, но был умелым организатором. Его ценили подчиненные и уважали начальники. Начальником разведки его сделал кадровый чекист Иван Серов.

Хрущев спас Серова в 1953 году, когда Иван Александрович вполне мог разделить судьбу Берии. Серов сыграл ключевую роль в 1957 году, когда против Хрущева ополчилось большинство членов президиума ЦК. Тем не менее Никита Сергеевич расстался с Серовым, смущаясь его чекистского прошлого. 8 декабря 1958 года генерал армии Серов был освобожден от обязанностей председателя КГБ и через день назначен начальником Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил СССР и заместителем начальника Генштаба по разведке.

В первом главном управлении КГБ об уходе Серова не сожалели. Разведчики, которых он вызывал к себе, поражались его неосведомленности во внешней политике, небогатому словарному запасу. Иностранных языков он не знал.

«Во время многочисленных совещаний, заседаний и собраний актива, — вспоминает генерал-лейтенант Вадим Алексеевич Кирпиченко, который всю жизнь прослужил в разведке, — Серов громил и разоблачал Берию и его окружение, то есть занимался привычным ему делом. Все время надо было кого-то разоблачать, клеймить позором «врагов народа» и призывать к повышению классовой, революционной и чекистской бдительности. Одновременно выдвигались требования соблюдать законность и партийные нормы в работе.

Когда кампания по разоблачению Берии и чистке чекистских рядов от его единомышленников несколько утихла, Серов начал заниматься и делами разведки, которые находились в запущенном состоянии вследствие волюнтаристских действий Берии. Руководители отделов разведки стали получать какие-то осмысленные указания по работе, началось заново формирование резидентур, поиски сотрудников на роль резидентов…»

Вскоре после того, как Сахаровский возглавил разведку, в ночь с 21 на 22 июня 1957 года, ФБР арестовало в Нью-Йорке одного из советских нелегалов полковника Вильяма Генриховича Фишера, который при аресте назвался Рудольфом Ивановичем Абелем. Он только что закончил сеанс радиосвязи с Центром.

Американцы называли Фишера главой советской разведывательной сети в Соединенных Штатах, укравшим американские атомные секреты. Это неверно. Фишер вообще не был оперативным работником, никого не вербовал и секретов не добывал. Он, техник по профессии, был отменным радистом и специалистом по фотоделу, знал, как изготовить фальшивые документы. Он руководил резидентурой связи. Его задача

состояла в том, чтобы получать от советских нелегальных агентов собранные ими материалы и передавать их в Москву.

Вильям Фишер жил в Нью-Йорке под разными именами. Он держал фотолабораторию и выдавал себя за профессионального художника. А он и был художником. Это оказалось хорошим прикрытием. Ведь Фишер каждый год должен был объяснять въедливому налоговому инспектору, на какие деньги он живет.

Его выдал радист группы подполковник Рейно Хейханнен, которого после пяти лет работы отозвали в Москву. Но в Париже он передумал возвращаться на родину и пришел в американское посольство. Его отправили в Соединенные Штаты, и он согласился сотрудничать с ФБР. Фишера арестовали сразу же после сеанса связи с Москвой. Он держался твердо, ничего о себе не рассказал и никого не выдал.

Суд признал его виновным и приговорил к тридцати годам тюремного заключения. Возможно, Фишер так и не вышел бы из тюрьмы. Но 1 мая 1960 года советской ракетой в районе Свердловска был сбит американский разведывательный самолет У-2. Американский летчик Фрэнсис Гэри Пауэрс катапультировался, благополучно приземлился и оказался на скамье подсудимых. Через два года Пауэрса обменяли на Фишера.

Командировка Вильяма Фишера растянулась на четырнадцать лет. Из них девять лет он работал, пять провел в тюрьме. После возвращения на родину Фишер-Абель читал лекции молодым разведчикам, ездил по стране, рисовал. Говорят, что он был весьма разочарован тем, что после возвращения на родину остался без настоящего дела, и с горькой усмешкой сказал одному старому другу, что теперь он работает музейным экспонатом.

В определенном смысле Фишер-Абель забыт. Несколько лет назад полковник Павел Громушкин решил издать в память о своем друге альбом его рисунков. Громушкин и Фишер были знакомы с 1938 года, вместе работали в группе документации иностранного отдела НКВД. Эпопея с изданием растянулась на много лет. Эта идея могла бы и не осуществиться, если бы ее не поддержал мэр Москвы Юрий Лужков. Альбом выпустили на двух языках — русском и английском. На английский текст перевел не менее знаменитый коллега Фишера-Абеля — англичанин Джордж Блейк.

Полковник в отставке Громушкин — сам художник. Он охотно рассказывал о друзьях, но наотрез отказывался говорить о себе. А он всю жизнь прослужил в управлении нелегальной разведки, руководил отделом, который обеспечивал нелегалов необходимыми документами. Когда разведчика нелегально

засылают в другую страну, ему придумывают достоверную биографию. Ее надо подкрепить хорошо изготовленными документами: это свидетельства о рождении и регистрации брака, паспорт. Конечно, в распоряжении людей, которые этим занимаются, есть все необходимые образцы, бланки, чернила, ручки. Но в таких делах нужен талант настоящего художника…

После Серова новым председателем КГБ Хрущев сделал недавнего комсомольского вожака Александра Николаевича Шелепина — ему было всего сорок лет. В отличие от своих предшественников и наследников Хрущев спецслужбы не любил и чекистов не обхаживал. Хрущева раздражало обилие генералов в КГБ, он требовал «распогонить» и «разламповать» госбезопасность, поэтому Шелепин отказался от воинского звания, о чем на склоне лет пожалел.

Александр Шелепин высоко ценил возможности электронной разведки и понимал, как важно получить доступ к шифрам главного противника. В конце пятидесятых удалось завербовать троих сотрудников американского Агентства национальной безопасности, которое занималось электронной разведкой. Это был огромный успех. При Шелепине внутри первого главного управления создали отдел, который занимался проникновением в иностранные посольства за границей и вербовкой шифровальщиков.

В 1960 году Шелепин, узнав, что в первом главном управлении нет самостоятельного подразделения, занимающегося Африкой, распорядился создать африканский отдел — из восьми человек.

При Сахаровском разведка получила совершенно новое задание: работать среди так называемых антиколониальных движений в Африке, Азии, Латинской Америке. Поскольку эта борьба велась подпольно, то разведке и поручалось поддерживать контакты с лидерами повстанческих движений. Особенно активно советская резидентура действовала в Бельгийском Конго, где разведчики помогали первому премьер-министру Патрису Лумумбе, но вместе с ним потерпели поражение в междоусобной борьбе. Лумумба был убит в 1961 году.

Разведка обеспечивала каналы нелегальной поставки оружия и взрывчатки, обучала местных боевиков диверсионной работе. Это быстро привело советскую разведку к поддержке откровенно террористических организаций.

Бывший руководитель румынской разведки генерал-лейтенант Ион Михай Пацепа, бежавший на Запад, утверждал, что после поражения арабских армий в шестидневной войне 1967 года в Румынию приехал Александр Сахаровский. По словам

генерала Пацепы, Сахаровского, когда-то работавшего в Бухаресте, встречали с особым почетом, угощали тем, что ему больше всего нравилось: горячими бубликами с черной икрой.

Сахаровский внушал румынским коллегам, что палестинцам нужно помочь организовать террористические операции, которые унизят Израиль и восстановят престиж «наших арабских друзей». Руководитель советской разведки просил румынских коллег переправить людей Ясира Арафата через свою территорию в Советский Союз, чтобы они прошли необходимую боевую подготовку.

По некоторым подсчетам, с 1973 года примерно три тысячи палестинцев прошли военно-диверсионное обучение в Советском Союзе — в Баку, Ташкенте, Симферополе и Одессе. Такие же группы палестинцев обучались в восточноевропейских государствах.

Между Симферополем и Алуштой с 1965 года находился 165-й учебный центр по подготовке иностранных военнослужащих при Министерстве обороны. В 1980-м учебный центр переименовали в Симферопольское военное объединенное училище. Через него прошли восемнадцать тысяч боевиков из развивающихся стран. Учили здесь разведывательно-диверсионной работе — как захватывать склады оружия, подкладывать взрывные устройства, сбивать самолеты…

В брошенной палестинской канцелярии в Ливане израильтяне нашли один из отчетов палестинской военной миссии о поездке в СССР, датированный 22 января 1981 года.

В отчете о поездке в Советский Союз отмечалось, что часть прибывших на учебу палестинских курсантов пришлось отправить назад, потому что они торговали валютой, напивались, отказывались подчиняться советским инструкторам и не хотели изучать то, что полагалось по программе. Побывавшие в лагерях палестинцы в свою очередь жаловались на то, что было слишком много политинформаций и слишком мало практических занятий.

Во время боев в Ливане с отрядами Арафата в 1982 году израильские офицеры отмечали, что лишь небольшая часть палестинских отрядов сражалась достаточно умело. Остальные действовали неорганизованно, не умели пользоваться современным оружием и несли большие потери.

Руководители социалистических стран всегда утверждали, что Организация освобождения Палестины занимается чистой политикой, террор — дело рук каких-то других, «раскольнических» групп, не контролируемых Арафатом. Но в советских учебных центрах палестинцев учили именно диверсионно-террористиче-ской деятельности. И среди курсантов

в этих лагерях больше всего было людей Арафата.

Отчет палестинцев содержит любопытную информацию: «Наша группа прибыла в Симферополь. В группе 194 бойца. Представлены следующие фракции: ФАТХ, Армия освобождения Палестины, Народный фронт освобождения Палестины, Демократический фронт освобождения Палестины-Главное командование, Фронт освобождения Палестины…»

Выходит, Москва принимала на учебу и террористов из Демократического фронта освобождения Палестины-Главное командование, хотя публично жестокие акции этой группы осуждались. Впрочем, Армия освобождения Палестины, действующая под руководством сирийского Генерального штаба, тоже принадлежит к числу самых непримиримых и жестоких отрядов палестинского движения. Равно как и Народный фронт освобождения Палестины, созданный Жоржем Хабашем и Вади Хаддадом. Это они организовали большинство угонов самолетов и участвовали в самых кровавых акциях, начиная с расстрела пассажиров в израильском аэропорту Лод.

23 апреля 1974 года председатель КГБ Юрий Андропов обратился к генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Ильичу Брежневу:

«Комитет госбезопасности с 1968 года поддерживает деловой конспиративный контакт с членом политбюро Народного фронта освобождения Палестины (НФОП), руководителем отдела внешних операций НФОП Вади Хаддадом.

На встрече с резидентом КГБ в Ливане, состоявшейся в апреле с. г., Хаддад в доверительной беседе изложил перспективную программу диверсионно-террористической деятельности НФОП… В настоящее время НФОП ведет подготовку ряда специальных операций, в том числе нанесение ударов по крупным нефтехранилищам в различных районах мира (Саудовская Аравия, Персидский залив, Гонконг и др.), уничтожение танкеров и супертанкеров, акции против американских и израильских представителей в Иране, Греции, Эфиопии, Кении, налет на здание алмазного центра в Тель-Авиве и др.

Хаддад обратился к нам с просьбой оказать помощь его организации в получении некоторых видов специальных технических средств, необходимых для проведения отдельных диверсионных операций…

Характер отношений с Хаддадом позволяет нам в определенной степени контролировать деятельность отдела внешних операций НФОП, оказывать на нее выгодное Советскому Союзу влияние, а также осуществлять в наших интересах силами

его организации активные мероприятия при соблюдении необходимой конспирации.

С учетом изложенного полагали бы целесообразным на очередной встрече в целом положительно отнестись к просьбе Вади Хаддада об оказании Народному фронту освобождения Палестины помощи в специальных средствах… Просим согласия».

Согласие было дано. Таким образом, советские руководители сделались соучастниками уголовных преступлений.

Хабаш и Хаддад были самыми обычными уголовными преступниками. Они совершили несколько крупных ограблений и краж в Ливане, где они обосновались как у себя дома и обзавелись крупной коллекцией бесценных памятников искусства. Когда Вади Хаддад умер, Жорж Хабаш не знал, что делать со своим богатством. О продаже награбленного где-то на аукционе не могло быть и речи. Даже частные коллекционеры не решились бы взять ворованное.

Тогда Хабаш предложил Москве выгодную сделку: он отдает Советскому Союзу эти драгоценности, древние монеты, статуэтки, которые специалисты оценивают в несколько миллиардов долларов, а взамен получает оружие и взрывчатку на сумму в восемнадцать миллионов долларов. Предложение было принято на заседании политбюро 27 ноября 1984 года. В документе, помеченном грифом «Особая папка. Особой важности», говорится:

«1. Согласиться с предложением Министерства обороны и Комитета государственной безопасности СССР, изложенным в записке от 26 ноября 1984 г.

2. Поручить КГБ СССР:

а) информировать руководство Демократического фронта освобождения Палестины (ДФОП) о принципиальном согласии советской стороны поставить ДФОП специмущество на сумму в 15 миллионов рублей в обмен на коллекцию памятников искусства Древнего Мира;

б) принимать от ДФОП заявки на поставку специмущества в пределах названной суммы;

в) совместно с Минкультуры СССР осуществить мероприятия, касающиеся юридической стороны приобретения коллекции.

3. Поручить Государственному Комитету по внешним экономическим связям (ГКЭС) и Минобороны рассматривать заявки Демократического фронта освобождения Палестины на специмущество на общую сумму в 15 миллионов рублей (в объеме номенклатуры, разрешенной для поставок национально-освободительным движениям), переданные через КГБ СССР, и предложения по их удовлетворению, согласованные с КГБ СССР, вносить в установленном порядке.

4. Поручить Минкультуры СССР:

а) принять от КГБ СССР по особому перечню коллекцию памятников искусства Древнего Мира;

б) определить по согласованию с КГБ СССР место и условия специального хранения коллекции («золотая кладовая»), ее закрытой научной разработки и экспонирования в будущем. Совместно с Минфином СССР внести в установленном порядке предложения относительно необходимых для этого ассигнований;

в) решать вопросы экспонирования отдельных предметов и разделов коллекции по согласованию с КГБ».

В январе 1959 года внутри разведки создали отдел «Д» — активные мероприятия за рубежом, его возглавил Иван Иванович Агаянц. Он родился в Гяндже, в девятнадцать лет приехал в Москву, где два его брата работали в ОГПУ. Александр Иванович будет потом работать в разведке, Михаил Иванович — в контрразведке, его последняя должность — заместитель председателя КГБ Армении.

Ивана Агаянца тоже взяли в экономическое управление ОГПУ. Благодаря завидным природным способностям он выучил несколько иностранных языков — французский, фарси, турецкий, испанский — и в 1936 году был переведен в иностранный отдел. Работал во Франции (под прикрытием сотрудника торгового представительства, затем консула). После нападения Германии на Советский Союз поехал в Иран резидентом. После войны — резидент в уже знакомом ему Париже, но в 1947 году его вернули в Москву. Он руководил 2-м (европейским) управлением Комитета информации. Он страдал от туберкулеза, и с оперативной работы его перевели на преподавательскую — заведовать кафедрой в разведывательной школе. А потом вернули на Лубянку, поручив ему активные мероприятия.

В 1962 году отдел преобразовали в службу «А». Агаянц получил звание генерала. Заместителем у него служил «широкоизвестный в узких кругах» разведчик Василий Романович Ситников, который потом долгие годы был заместителем председателя Всесоюзного агентства по авторским правам… За год до смерти генерал Агаянц стал заместителем начальника разведки, в 1968 году его не стало.

Ивана Агаянца сменил Сергей Александрович Кондрашев, который поочередно работал то на германском направлении, то в службе активных мероприятий. Он тоже стал заместителем начальника внешней разведки, и коллеги за глаза называли его «крон-принцем», считая, что он станет следующим руководителем первого главка. Вместо этого Сергея Кондрашева перевели в пограничные войска заместителем начальника по разведке.

Формально — равнозначная должность, фактически его убрали с настоящей оперативной работы.

Сотрудники службы «А» распространяли, где могли, ловко, или не очень ловко сработанные фальшивки или полуфальшивки. В Европе целью номер один была Западная Германия. С помощью десятого отдела разведуправления Министерства госбезопасности ГДР западных немцев обвиняли в поощрении неонацизма, хотя они делали все, чтобы покончить с трагическим прошлым. Это подразделение разведки превратилось в мощную службу дезинформации и влияния на общественное мнение прежде всего в странах третьего мира, где возможности «черной пропаганды» были шире.

Широко использовались бывшие сотрудники американской разведки, которые, порвав с ЦРУ, изъявляли желание публично выступить против бывших коллег. Пожалуй, самым известным среди них был Филипп Эйджи, который в пятидесятых — шестидесятых годах работал в резидентурах ЦРУ в Латинской Америке.

В 1977 году Филипп Эйджи опубликовал книгу «ЦРУ изнутри: дневник агента». Он, в частности, привел список известных ему сотрудников американской разведки. Один из них, резидент в Греции, был после этого убит. В США приняли закон, предусматривающий уголовное наказание за разглашение имен разведчиков, работающих под прикрытием. Филипп Эйджи выпустил еще несколько книг: «Грязная работа», «Грязная работа —2: ЦРУ в Африке», «Грязная работа—3: ЦРУ в Азии». Но они уже не имели такого успеха. Эйджи жил на Кубе, где умер 9 января 2008 года в возрасте семидесяти трех лет.

Внешняя разведка продолжала операции по устранению убежавших на Запад врагов советской власти. Генерал Серов санкционировал уничтожение главного идеолога украинских националистов, редактора газеты «Украинский самостийник» Льва Ребета. Он был убит офицером КГБ Богданом Николаевичем Сташинским 12 октября 1957 года.

Сташинский воспользовался сконструированным в КГБ газовым пистолетом, который разбрызгивал синильную кислоту на расстояние до одного метра. Сам Сташинский заранее принял нейтрализующую таблетку и сразу после выстрела прикрыл лицо платком, в котором находилась ампула с другим нейтрализующим веществом. Патологоанатомы пришли к выводу, что Ребет умер от сердечного приступа. Немецкая полиция даже не стала заниматься расследованием.

О проведении «мероприятия в Германии» доложили лично Хрущеву. Сахаровский направил докладную записку Никите

Сергеевичу на двух страницах. В архиве внешней разведки осталась справка:

«Письмо исполнено от руки на двух листах. Без оставления копии в секретариате Комитета госбезопасности.

Исполнитель т. Сахаровский, ПГУ».

Богдан Сташинский был завербован органами госбезопасности Львовской области еще в 1951 году, пишет полковник в отставке Георгий Захарович Санников, который в начале пятидесятых служил в МГБ Украины. Богдан Сташинский помог найти убийц известного писателя Ярослава Галана, которого националисты убили за контакты с Москвой. Сташинский с помощью сестры вошел в доверие к ее жениху, который руководил группой боевиков, ушел с ним в лес и помог уничтожить группу.

Сташинский учился в Москве, потом в ГДР изучал немецкий язык. В октябре 1959 года он выследил в Мюнхене Степана Бандеру, лидера Организации украинских националистов. Когда Бандера открывал дверь своей квартиры, прятавшийся в подъезде убийца выстрелил ему в лицо. 3 ноября 1959 года постановлением президиума ЦК КПСС был утвержден проект закрытого указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении Б.Н. Сташинского орденом Красного Знамени.

В сопроводительной записке заместитель председателя КГБ и куратор первого главного управления Петр Иванович Ивашутин писал, что Сташинский «в течение ряда лет активно использовался в мероприятиях по пресечению антисоветской деятельности украинских националистов за границей и выполнил несколько ответственных заданий, связанных с риском для жизни».

Орден Сташинский получил из рук председателя КГБ Шелепина. Орденоносца отправили на курсы переподготовки и предупредили, что впереди долгая командировка на Запад.

— Работа вас ждет нелегкая, но почетная, — со значением сказал ему Шелепин.

Но у Богдана Сташинского была любимая женщина, немка Инга Поль. Она уговорила его убежать на Запад. Они сделали это в августе 1961 года, за день до того, как появилась Берлинская стена. Сташинский сдался западногерманской полиции и все рассказал. Сташинского судили в Карлсруэ, приговорили к восьми годам тюремного заключения. Но судья назвал главным виновником убийств советское правительство.

Генерал Сахаровский, по словам бывшего генерала Олега

Калугина, приказал убить ирландца Шона Альфонса Берка, который по собственной инициативе (и из ненависти к Англии) помог советскому разведчику Джорджу Блейку бежать из британской тюрьмы. Блейка выдал польский разведчик, перебежавший на Запад в 1961 году. Лондонский суд приговорил его к сорока двум годам тюремного заключения. В октябре 1966 года ему помогли бежать трое ирландских заключенных, с которыми он познакомился в тюрьме.

Калугин писал, что одному из них, Шону Берку, которого пригласили в Москву, чтобы отблагодарить, по приказу Сахаровского ввели в организм вещество, постепенно разрушающее мозг. Начальник советской разведки боялся, что ирландец, вернувшись на родину, расскажет что-то лишнее.

Нет возможности проверить утверждение Калугина. Оно вызывает сомнения. Берку в Москве действительно не понравилось. В октябре 1968 года он вернулся на родину. Достаточно откровенная книга Шона Берка «Прыжок Джорджа Блейка» вышла в 1970 году. Но Берк скончался через много лет — в январе 1982 года, к тому времени Сахаровский уже десять лет как покинул разведку и семь лет находился на пенсии. Газеты писали, что Шон Берк умер от алкоголизма…

Шелепин недолго проработал в КГБ. У Хрущева, выдвигавшего молодежь, на него были большие виды. 31 октября 1961 года Александр Николаевич стал секретарем ЦК. На Лубянке его сменил еще один вчерашний комсомольский вождь Владимир Ефимович Семичастный. Ему вообще было всего тридцать семь лет, в ноябре 1961 года он стал самым молодым главой органов госбезопасности.

Сахаровский при Шелепине, а поначалу и при Семичастном чувствовал себя уверенно и держался самостоятельно. Оба председателя КГБ, пришедшие из комсомола, не были профессионалами и вполне доверяли опытному начальнику разведки.

— Я, когда пришел, — вспоминал Семичастный, — был совершенно слепой. Я им прямо сказал: без вас не смогу. Пришел начальник разведки Сахаровский на первый доклад, и мне надо принимать решения по нашей работе в Индии или Бангладеш, не помню сейчас. И не просто решать, а сказать, сколько дать денег — пять тысяч долларов или три тысячи. Без моего указания это не оформить. Вот я прямо спросил: «Твое мнение? Ты как считаешь?» Как он сказал, такое решение я и принял. Нелепо было бы действовать иначе.

Дважды в день Сахаровский передавал Семичастному предназначенные для членов президиума (политбюро) ЦК

сверхсекретные материалы разведки. Семичастный подписывал спецсообщения; их доставляли адресатам в запечатанных конвертах. Вскрывать и читать их не имели права даже помощники членов президиума.

За разметкой спецсообщений строго следил аналитический отдел разведки. Он предлагал, кому и какую информацию послать, учитывал, кому она раньше посылалась, чтобы не получилось так, что члена президиума ЦК оповестили о начале каких-то событий, а уведомить об окончании забыли.

Владимир Семичастный рассказывал мне:

— Я очень часто выступал просто в роли пересыльного пункта: главный читатель был другой. Но я ставил свою подпись, поэтому должен был поправить, отредактировать, что-то попросить доработать. Когда ставишь подпись, отвечаешь. А информации шло море со всего мира. У нас же резидентуры повсюду. Все хотят показать, что работают. Иной раз из местной газеты статью перепишут и присылают. Аналитический отдел все это выбрасывает. От шифровки резидента одна строка остается, а две-три страницы — в корзину.

Мне, — продолжал Семичастный, — начальник разведки показывал: полюбуйтесь на работу некоторых резидентов. Аналитик, изучавший шифровку, пишет: это уже прошло в газетах две недели назад. А резидент составляет телеграмму, ее шифруют, потом занимают линию связи, здесь ее расшифровывают. Это же в копеечку влетает! А он информацию из газеты шлет, причем выбирает либо такое издание, что в Москве вовсе не получают, либо такое, что с большим опозданием приходит. А почему они газеты переписывали? Так спокойнее…

Семичастный рассказывал, что об отправке ядерных боеголовок на Кубу он узнал от Сахаровского, и лишь потому, что это уже стало известно американцам:

— Разумеется, органы КГБ обеспечивали доставку на Кубу ракет и другого оружия. Но относительно ядерного оружия нас не поставили в известность… Я вызвал начальника контрразведки: «В чем дело?» И военная контрразведка через некоторое время мне доложила: да, действительно, на Кубу отправлено ядерное оружие.

— Значит, Хрущев не поставил в известность даже председателя КГБ? — уточнил я.

— Я ведь к тому времени всего год был председателем, — ответил Семичастный, — в состав президиума ЦК не входил. Вообще был всего лишь кандидатом в члены ЦК. Меня еще комсомольцем считали. Да и не все члены президиума ЦК об этом знали.

— Но разве не было принято в таких случаях запросить мнение разведки о возможной реакции Соединенных Штатов, прогноз развития событий?

— Так это Хрущев должен был мне раскрыть свой замысел. А это означало, что и определенная часть моего аппарата все узнает. Я же должен перед разведкой вопрос поставить: как американцы отнесутся? А если мой аппарат знает, в МИД узнают, тут возможна утечка информации. Американцы были бы заранее в курсе дела, а этого он и хотел избежать. К тому же Хрущев такой человек был, что он не только американцев, но и нас хотел удивить: вот он какой выдающийся политик, все может сам!

В 1964 году Хрущев приехал с визитом в Норвегию.

Утром, как положено, ему докладывала обстановку резидентура внешней разведки. Докладывать должен был сам резидент, но он перепоручил это своему заместителю по политической разведке Виктору Федоровичу Грушко как более опытному специалисту.

Руководители охраны предупредили, что первый доклад — во время завтрака. Генерал Грушко через много лет рассказал в мемуарах, как он приехал в резиденцию, где поселили высокого гостя. Начальник управления правительственной охраны полковник Владимир Яковлевич Чекалов проводил Грушко к Хрущеву.

Первый секретарь ЦК и глава правительства завтракал в одиночестве.

— Вот сижу и поджидаю тебя, — дружелюбно сказал Никита Сергеевич.

Сотрудники КГБ исходили из того, что норвежцы оборудовали резиденцию техникой прослушивания и скрытого фотографирования, поэтому вслух обсуждать секретные вопросы нельзя. Доклад был представлен в письменном виде.

— Садись позавтракай, — предложил Хрущев.

Грушко вежливо отказался.

— Съешь хотя бы яйцо, — настаивал Хрущев.

Грушко, во-первых, уже позавтракал, во-вторых, в присутствии хозяина страны ему в любом случае было не до еды. Но Хрущев все-таки настоял на своем:

— Тридцать лет меня уговаривали не есть яйца из-за холестерина, а теперь специалисты говорят, что яйца не опасны. Я их ем с удовольствием и тебе советую.

Грушко пришлось проглотить яйцо.

Он поставил перед Никитой Сергеевичем полуоткрытый чемоданчик. Хрущев читал принесенные ему материалы, не вынимая их из чемоданчика, чтобы бумаги нельзя было

фотографировать с потолка. Такой же чемоданчик стоял перед Грушко на тот случай, если бы Никита Сергеевич попросил пояснений.

Но тот выпил чай, все прочитал и кивнул:

— Хорошо. Все ясно. Спасибо.

На следующее утро Грушко доложил Хрущеву уже реакцию норвежцев на ход переговоров. Никита Сергеевич остался доволен. Перед отъездом полковник Чекалов вручил Грушко от имени Хрущева часы и радиоприемник.

Норвегия всегда считалась важнейшим объектом разведывательного проникновения. Это натовская страна, то есть допущенная ко всем секретам, а вместе с тем стоящая на отшибе.

Через Норвегию российская разведка и старалась проникать в НАТО. Вербовали не только приезжавших в страну американцев, но и норвежцев, которых пускали на натовские объекты. Вторая задача разведки состояла в том, чтобы вбивать клин между Норвегией и США. Вербовать удавалось, клин так и не вбили.

Долгие годы советская разведка имела доступ к премьер-министру Норвегии Эйнару Герхардсену. По словам разведчиков, премьер-министр был преданным другом Советского Союза, а его жена очень симпатизировала нашей стране. По другим сведениям, жена премьер-министра Верна попала в медовую ловушку. Во время поездки в Советский Союз ее познакомили с очаровательным молодым человеком, перед чарами которого она не смогла устоять. Их интимную встречу фотографировали, и после этого советские разведчики ни в чем отказа не знали. Как будто бы этим молодым человеком был офицер госбезопасности Евгений Беляков. На следующий год Беляков появился в Осло в качестве третьего секретаря советского посольства.

Историки пишут, что Беляков возобновил отношения с женой премьер-министра, хотя известно, что норвежского языка офицер не знал, да и в английском слабоват. Тем не менее глава норвежского правительства воспользовался удобным поводом, чтобы избавиться от Белякова. Во время завтрака в советском посольстве доверенный помощник Эйнара Герхардсена попросил посла отправить Белякова домой, что было исполнено буквально через несколько дней. Об этом разговоре спустя много лет поведал работавший тогда в посольстве Юрий Степанович Дерябин.

Видимо, для нордических женщин медовые ловушки особенно опасны. Крупнейшим советским агентом была Гунвор Галтунг Ховик. Во время войны она влюбилась в русского военнопленного. С его помощью уже после войны ее и завербовали. Она работала на советскую разведку больше

тридцати лет — до своего разоблачения.

Самым известным советским агентом был Арне Трехолт, крупный норвежский дипломат. Его арестовали и осудили на двадцать лет. Генерал Грушко уверял, что Трехолт не был советским агентом. Но норвежцы советскому генералу не поверили.

Впрочем, на норвежском направлении были не только победы. Майор Михаил Бутков из первого главного управления КГБ, который бежал на Запад в 1991 году, рассказал, как его коллеги по резидентуре создавали обширную агентуру путем мнимой вербовки людей. Некоторые норвежцы и не подозревали о том, что в досье советской разведки они числились агентами…

Председатель КГБ Семичастный ценил своих разведчиков. Но между Семичастным и Сахаровским была большая разница в возрасте. Владимир Ефимович захотел посадить на это место более молодого человека.

Он перевел первым замом в разведку председателя Комитета госбезопасности Литвы генерал-майора Альфонсаса Бернардовича Рандакявичуса, бывшего секретаря республиканского ЦК комсомола, потом армейского политработника. Рандакявичус производил приятное впечатление своей балтийской обходительностью, но не знал иностранных языков, поскольку окончил только в 1952 году трехгодичную Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б) и не был сведущ в мировой политике. Так что через несколько лет его вернули в Вильнюс. В КГБ не вернули, место было занято, его сделали республиканским министром юстиции.

Неожиданно Семичастный предложил сделать начальником разведки Леонида Митрофановича Замятина, в то время работавшего в Министерстве иностранных дел (потом он стал генеральным директором ТАСС, заведующим отделом ЦК, вошел в ближайшее окружение Брежнева). Замятин был человеком энергичным, волевым и напористым. Как профессиональный дипломат, работавший за границей, разумеется, разбирался в иностранных делах.

Семичастный даже обговорил это назначение с Брежневым. Леонид Митрофанович Замятин рассказывал мне, что кое-кто из членов политбюро успел поздравить его с новым креслом. Но в мае 1967 года Семичастного поменяли на Андропова, и вопрос о смене начальника разведки отложили на несколько лет.

При Сахаровском разведка приняла участие в подготовке ввода советских войск в Чехословакию в 1968 году, чтобы помешать чехам и словакам установить в своей стране политическую демократию. По мнению Анатолия Сергеевича

Черняева, который много лет проработал в международном отделе ЦК КПСС, решающую роль сыграла информация, поступавшая из Праги. Массированно и во все возрастающем масштабе она создавала впечатление, что в Чехословакии зреет предательство социализма.

В кампании дезинформации использовалась и пресса социалистических стран, на которую потом для убедительности ссылались советские газеты. В газете «Берлинер цайтунг» появилось сообщение о том, что в Праге обнаружено восемь американских танков.

«Это «сообщение», — писал тогдашний начальник разведки ГДР генерал Маркус Вольф, — было подсунуто редакции советской стороной без нашего ведома. В действительности в Праге проводились натурные съемки фильма «Ремагенский мост». Танков не было, была кучка статистов в американской форме. Тогда я интерпретировал столь несерьезную акцию как признак неуверенности Москвы. Западные собеседники спрашивали меня напрямик: не следует ли предположить, что «утка» с танками задумана как алиби на случай советской интервенции? Такую возможность я посчитал абсурдом, ребячеством».

История с мнимыми американскими танками — лишь один пример неуклюжей работы службы дезинформации КГБ, которая пыталась доказать, что происходящее в Чехословакии — это результат действий западных спецслужб и что армии НАТО уже готовы войти на территорию страны.

Оперативную группу КГБ, составленную из офицеров различных управлений, во время вторжения в Чехословакию возглавил генерал Георгий Карпович Цинев, начальник главного управления контрразведки. Он расположился в советском посольстве в Праге и постоянно разговаривал с Андроповым по ВЧ — узел правительственной междугородней связи оперативно развернули в посольском подвале.

Для Андропова Пражская весна — попытка чехов и словаков построить «социализм с человеческим лицом» — была повторением венгерских событий. Действовать следовало быстро и жестко. Андропов был инициатором самых жестких и репрессивных мер, писал помощник Брежнева по международным делам Андрей Михайлович Александров-Агентов. В Чехословакии Андропов сделал ставку на быстрый шоковый эффект, надеясь испугать чехов, но разведка промахнулась: ввод войск ничего не решил.

Один из членов дубчековского руководства Зденек Млынарж позднее во всех деталях описал августовский день 1968 года, когда советские солдаты с оружием в руках вошли в здание ЦК

компартии Чехословакии. И он думал: да это же те самые солдаты, которых ты с восторгом встречал в мае 1945 года! Это они сейчас нацелили на тебя свои автоматы. И он сразу вспомнил, как во время Второй мировой войны немецкие патрули прочесывали Прагу. С этой минуты для него исчезла разница между теми и этими солдатами — все они были оккупантами…

Народ — за малым исключением — не оказал вооруженного сопротивления, но и не захотел сотрудничать с оккупационными войсками. Отказались санкционировать ввод войск и руководители страны во главе с Александром Дубчеком.

Начальник разведки Сахаровский оставался в Москве. Всю ночь, пока шел ввод войск, он находился в своем кабинете на Лубянке.

— Можно ли считать, что первоначальный сценарий отпал? — спросил его по телефону Валентин Фалин, которому Громыко поручил следить за развитием событий.

— Если не обманываться, то надо исходить из самого неблагоприятного допущения, — честно ответил Сахаровский. — Весьма осложняется проведение плана операции в самой Чехословакии. Черник и Дубчек, не говоря уже о Смрковском, не пойдут на сотрудничество.

Александр Дубчек был первым секретарем ЦК компартии, Олдржих Черник — главой правительства, Йозеф Смрковский — председателем Национального собрания.

В два часа ночи Фалин разбудил Громыко — министр иностранных дел тоже не поехал домой, а вздремнул в комнате отдыха. Фалин изложил услышанное от Сахаровского.

— Гладко было на бумаге… — буркнул министр. — Известил комитет высшее руководство?

— Этого аспекта Сахаровский не касался. Надо полагать, известил…

Сахаровский был суровым и требовательным руководителем. Много работал, но не обрел качеств царедворца. Ему не хватало образования, знания языков и заграничной жизни. Он представлял себе только обстановку в социалистических странах. В несоциалистической стране он побывал один-единственный раз — в марте 1970 года приехал в Египет.

Грустно сказал сопровождавшему его Вадиму Кирпиченко, резиденту в Каире:

— Да, поздновато я начал ездить по заграницам!

Новый председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов решил, что на столь важном посту ему нужен другой человек. Андропов убрал Сахаровского из разведки, воспользовавшись громким провалом его службы, когда сотрудник лондонской

резидентуры Олег Лялин ушел к англичанам. В июле 1971 года Сахаровского освободили от должности. Несколько лет он числился старшим консультантом группы консультантов при председателе КГБ.

В феврале 1975 года Сахаровский вышел в отставку. Скончался 12 ноября 1983 года. Похоронили его на Новодевичьем кладбище.

Федор Мортин
Партработник среди людей из леса

Сахаровского сменил его первый заместитель Федор Мортин, куда более темпераментный и динамичный человек. Но ему не хватало уверенности в себе. Он не смел отстаивать свою точку зрения перед начальством. Возможно, поэтому коллеги обвиняли его в мягкотелости.

«Вместо спокойного и скупого на жесты и слова Сахаровского главк обрел импульсивного, живого, вечно суетившегося шефа, — вспоминал генерал Кирпиченко. — Он был постоянно переполнен разными идеями и искренне стремился придать разведке новый, современный облик и направить ее на решение нужных государству проблем».

Федор Константинович Мортин родился 2 мая 1918 года в селе Красная Поляна Маресевского района Нижегородской губернии. В тридцать седьмом он окончил учительский институт в Арзамасе, в сорок седьмом — военно-дипломатическую академию, после чего его взяли на службу в госбезопасность.

В 1950 году Мортина перевели в аппарат ЦК, а в КГБ заместителем начальника первого главного управления перевели в октябре 1954 года, когда в органы госбезопасности на укрепление направили большой отряд партийных работников. В 1958 году он стал первым заместителем начальника разведки.

Он одним из первых занялся ближневосточными проблемами, приехал в Египет и организовал в 1955 году встречу главного редактора «Правды» Дмитрия Трофимовича Шепилова с новым руководителем Египта Гамаль Абдель Насером, которая положила начало сближению двух стран. В отличие от Сахаровского он вообще много ездил за рубеж. Он уделял особое внимание научно-технической разведке, преобразовал разведывательную школу в более современное учебное заведение.

Когда Мортин возглавил первое главное управление, летом 1972 года, разведка с площади Дзержинского перебралась в отдельный комплекс зданий в Ясенево на юго-западе Москвы. Это было сделано из соображений конспирации, чтобы иностранные разведчики, наблюдавшие за Лубянкой, не могли фиксировать сотрудников разведки. Этот комплекс зданий не нанесен на карту города и не имеет почтового адреса. По сравнению с тесными кабинетами Лубянки в новом здании разведчики разместились с комфортом. Жаловались только на плохо работавшую систему кондиционирования воздуха.

Федор Константинович Мортин приказал в целях конспирации повесить на караульной будке табличку «Научный центр исследований». Но в своем кругу разведцентр в Ясеневе стали называть лесом. С тех пор на вопрос по телефону правительственной связи АТС-1 или АТС-2, где начальник разведки, его помощник на Лубянке (а начальнику первого главного управления полагался второй кабинет в главном здании КГБ) доверительно отвечал:

— Он в лесу.

При Мортине разведка приняла участие в растянувшейся на несколько лет операции, связанной со сближением Советского Союза и Западной Германии.

В 1970 году в Федеративной Республике Германии пришло к власти правительство, сформированное социал-демократами и свободными демократами. Правые, христианские демократы, потеряли власть впервые за все послевоенное время. Новое правительство возглавил социал-демократ Вилли Брандт. В отличие от своих предшественников на посту канцлера Брандт был известным антифашистом. Он бежал из нацистской Германии и провел войну в эмиграции, в Норвегии.

У Вилли Брандта была чудесная, обаятельная улыбка. Говорят, что лицо — зеркало души. Это в полной мере относилось к Вилли Брандту. Он всю жизнь провел в политике и тем не менее остался порядочным, открытым человеком, которому был чужд цинизм. Он даже сохранил в себе некий идеализм. В тридцатых годах юного социал-демократа Брандта искало гестапо, чтобы отправить в концлагерь. После войны немецкие неонацисты требовали поставить его к стенке. Германские националисты называли канцлера предателем национальных интересов. И советские газеты поначалу именовали Брандта социал-предателем.

Люди в разных странах были потрясены, когда во время визита в Варшаву канцлер Брандт вдруг опустился на колени перед памятником Варшавскому гетто. Это не был запланированный жест. Это было движение души. «Перед пропастью немецкой истории и под тяжестью памяти о миллионах убитых я сделал то, что делают люди, когда им не хватает слов», — напишет он потом. Ему лично незачем было извиняться. Брандт сделал это за тех, кто должен был извиниться, но не захотел.

По некоторым признакам можно было понять, что Брандт намерен улучшить отношения с Советским Союзом. Он написал письмо своему формальному партнеру — главе советского правительства Алексею Николаевичу Косыгину. Брандт в

дипломатичной форме намекнул, что хотел бы установить контакты с Москвой.

А дальше начинается самое интересное.

Недавно бывшие офицеры советской внешней разведки раскрыли тайную сторону восточной политики Германии. Главный рассказчик — бывший генерал КГБ Вячеслав Ервандович Кеворков, написавший книгу под названием «Тайный канал. Москва, КГБ и восточная политика Бонна».

Генерал Кеворков — человек известный в журналистской Москве. Он долгие годы работал во втором главном управлении КГБ (контрразведка), затем в пятом (идеологическом) управлении, руководил отделом, который следил за работой иностранных корреспондентов в Советском Союзе. Человек живой, контактный, он был в добрых отношениях со многими пишущими людьми. Например, дружил с писателем Юлианом Семеновым.

Семенов даже вывел его в романе «ТАСС уполномочен заявить» в качестве одного из героев. Генерал Славин — и в книге, и в фильме, поставленном по роману, — это и есть Слава, Вячеслав Кеворков, супермужественный и мудрый человек.

Генерал Кеворков жил в писательском поселке в подмосковном Переделкине, где он купил половину дачи. Вторая половина дачи принадлежала его другу — фотокорреспонденту Юрию Королеву, который в 1995 году был ограблен и убит как раз на пути в Переделкино. Неподалеку от дачи Кеворкова жил еще один его друг — Валерий Леднев со своей женой, которая играла в Театре сатиры и в знаменитом телевизионном «Кабачке 13 стульев».

Валерий Леднев всю жизнь работал под журналистским прикрытием. Он был редактором международного отдела газеты «Советская культура». Эта газета не принадлежала к числу ведущих, международный отдел не был в газете главным, и его несведущие коллеги удивлялись, почему Ледневу удается постоянно ездить в Германию, что было по тем временам большой редкостью. Леднев и Кеворков ездили в Германию по делам разведки.

По словам генерала Кеворкова, председатель КГБ Юрий Андропов сразу же после прихода Вилли Брандта к власти приказал своим чекистам установить с Бонном тайный канал связи. С немецкой стороны партнером стал ближайший сотрудник Вилли Брандта, статс-секретарь в ведомстве федерального канцлера Эгон Бар. С московской стороны связными были Вячеслав Кеворков и Валерий Леднев.

В принципе ничего особенного в этом нет. Иногда политикам

не нравится протокольное общение через чопорных и медлительных дипломатов, они хотят ускорить дело, напрямую связаться друг с другом, и тогда они обращаются за помощью к разведчикам.

По словам генерала Кеворкова, всю работу по сближению Советского Союза и Западной Германии выполнил КГБ. Министерство иностранных дел и главный советский дипломат Громыко только мешали разведчикам… Но советские дипломаты, которые ведали отношениями с Западной Германией, иронически воспринимают сенсационные признания бывших разведчиков. Дипломаты говорят, что вся работа по установлению отношений с Вилли Брандтом, по подготовке договора с ФРГ была проделана все-таки не разведчиками, а сотрудниками Министерства иностранных дел.

Разведчики больше всего таились от товарищей из Восточной Германии — руководители ГДР не хотели, чтобы Советский Союз и Федеративная Республика сближались.

«Но я всегда был в курсе переговоров, — самодовольно вспоминал бывший начальник восточногерманской разведки генерал Маркус Вольф. — Нам даже удалось установить прослушивающие устройства в доме Эгона Бара. Мы прослушивали его столь же тайные, сколь и откровенные, а часто и веселые беседы с советскими партнерами. Подчас даже раньше федерального канцлера я узнавал, с каким искусством переговорщики продвигали свое дело по конспиративным каналам.

Прошло некоторое время, и все микрофоны в доме Бара замолчали. Я могу предположить, что наши советские друзья что-то заметили и предупредили Эгона Бара…»

Ради того, чтобы установить новые отношения между немцами и русскими, между немцами и славянами, между немцами и Восточной Европой, Вилли Брандт поставил на карту свою политическую карьеру. Несмотря на проклятия многих своих соотечественников, он приехал в Москву, чтобы в письменной форме подтвердить: итоги войны неизменны, и немцы не будут претендовать на территории, которых они лишились в 1945 году. 12 августа 1970 года Вилли Брандт подписал с Косыгиным Московский договор. ФРГ и Советский Союз признали нерушимость послевоенных границ и договорились решать спорные вопросы только мирным путем.

Весной 1972 года Москва замерла в ожидании: удастся ли Брандту добиться в бундестаге ратификации Московского договора — у социал-демократов не хватало голосов.

Генерал Кеворков пишет, что получил в резидентуре

советской разведки чемоданчик с большой суммой в немецких марках с заданием передать деньги Эгону Бару — для подкупа депутатов от оппозиции. Кеворков пишет, что передать деньги ему не удалось и он отвез чемоданчик назад в резидентуру.

Но один депутат от оппозиции все-таки проголосовал за Московский договор. Утверждают, что он действительно был подкуплен. От исхода голосования в Бонне многое зависело. Оно проходило накануне пленума ЦК КПСС, обсуждавшего международные дела, и Брежнев понимал, что, если немцы отвергнут договор, кто-то на пленуме скажет: зачем нам нужна эта разрядка, если империалисты нас обманывают на каждом шагу? И все усилия Брежнева и Громыко пойдут насмарку…

По страшной иронии судьбы политическую карьеру Вилли Брандта сломали те, кто был ему столь многим обязан. Он вынужден был уйти в отставку с поста канцлера, когда выяснилось, что его личный референт Гюнтер Гийом работал на разведку ГДР.

По мнению генерала Маркуса Вольфа, Гийом провалился из-за того, что разведка ГДР в пятидесятых годах «применяла советскую систему шифрования, со временем западные службы раскрыли ее с помощью электронных средств и могли не только расшифровывать телеграммы, но и классифицировать их по адресатам». Поиск шпиона занял у западных немцев многие годы.

Гюнтер Гийом шпионил вместе с женой Кристель, на которую Вольф, кстати, первоначально возлагал даже большие надежды. Разведка ГДР имела обыкновение поздравлять своих агентов с днем рождения. Гийомы провалились, когда сотрудник Ведомства по охране конституции (контрразведка ФРГ) сопоставил даты поздравительных телеграмм главного управления разведки министерства госбезопасности ГДР некоему «Г.» с днями рождения семьи Гийом.

Бывший начальник первого главного управления КГБ генерал-лейтенант Леонид Владимирович Шебаршин в одном из интервью рассказал, что советская разведка первой узнала о провале Гийома:

— Мы завербовали бежавшего бывшего английского полицейского и направили его переводчиком в Болгарию. На черноморском пляже он познакомился с одной немкой, муж которой работал в Ведомстве по охране конституции. Она рассказала ему в постели, что ее муж следит за одним сотрудником Вилли Брандта, который оказался шпионом. Мы провели, не наш ли это человек, и предупредили МГБ ГДР. Но они сказали, что это обычная проверка. Через четыре месяца Гийом был арестован…

Разведчики любят рассказывать о всемогуществе своей организации и о тех благих делах, которые совершает разведка. Но любопытно, что о подвигах разведки повествуют только сами разведчики. Как показывает мировой опыт, разведка может быть лишь вспомогательным средством дипломатии, и не более того. А иногда, как в случае с Брандтом, самые большие успехи разведки только наносят ущерб государству.

Когда Вилли Брандт зачитывал в бундестаге заявление об уходе в отставку — из-за истории со шпионом Гийомом, его ближайший соратник и единомышленник Эгон Бар заплакал. Он плакал, не стесняясь окружающих и фотокорреспондентов. Он сожалел не о том, что и ему придется покинуть правительство. Он сожалел о том, что из активной политики уходит Вилли Брандт, человек, рожденный для того, чтобы находиться на посту канцлера. Новым канцлером стал Гельмут Шмидт, занявший более жесткую позицию в отношении ГДР и СССР…

После ухода Брандта восточные немцы неофициально извинились перед ним: это не мы, а русские заставляли держать возле вас агента. Москва тоже нашла способ принести извинения: мы бы никогда такого не сделали, это все восточные немцы… Брандта эти неуклюжие извинения очень веселили. Он был на редкость великодушным человеком. После объединения Германии бывшего начальника разведки ГДР Маркуса Вольфа решили судить. Именно Вилли Брандт выступил против суда! Генерал Вольф попросил Брандта о встрече. Но вот встречаться Брандт не захотел.

Генерал Олег Калугин, который в первом главке был начальником управления «К» (внешняя контрразведка), писал, что Федор Мортин лишился своей должности в результате ловкой интриги его заместителя Владимира Крючкова.

Управление «К» располагало надежными источниками информации во французских спецслужбах. От них поступили сведения о наличии агента ЦРУ среди советских разведчиков, работавших в Европе. К этим сообщениям проявил интерес новый заместитель начальника разведки Владимир Александрович Крючков. Ему хотелось ознаменовать свою работу каким-то крупным успехом. Он поехал во Францию и сам встретился с агентом. Вернувшись, уверенно сказал Калугину:

— У нас в разведке сидит американский шпион. Агент назвал несколько фамилий. Надо срочно разобраться.

Калугин внимательно ознакомился с информацией, полученной от французского агента. По должности он больше других был расположен к подозрительности, его обязанность и состояла в том, чтобы вычислять вражеских агентов в

собственных рядах. Тем не менее Калугин пришел к выводу, что речь идет не о шпионах, а о людях, которые вели слишком откровенные беседы, и их записала местная контрразведка.

Генерал Крючков с Олегом Калугиным не согласился, настаивал на своем:

— Я вам сказал, что есть шпион. Ищите.

По его мнению, шпионом был резидент в Швейцарии — один из тех, кого назвал агент-француз. Резидент приехал в Москву в отпуск. Крючков приказал слушать его телефонные разговоры. Приказание было исполнено. И вдруг контролеры отдела, занимавшегося прослушиванием телефонных разговоров, зафиксировали звонок из телефона-автомата. Некто предупредил резидента, что ему следует быть осторожным, поскольку его разговоры прослушиваются.

Проверка показала, что находившемуся под подозрением резиденту звонил сам начальник первого главного управления генерал-лейтенант Мортин! Они были земляками и давно знали друг друга. Так, во всяком случае, утверждает Калугин.

Генерал-лейтенант Федор Мортин ушел в отпуск и в первое главное управление уже не вернулся. 13 января 1974 года его освободили от обязанностей руководителя разведки. Андропов нашел ему место в группе консультантов при председателе КГБ. Мортин умер 31 декабря 1990 года.

Мортина сменил его первый заместитель Владимир Александрович Крючков.

Владимир Крючков
Гений канцелярии

Владимир Александрович Крючков начинал свою жизнь профессиональным комсомольским работником. Во время войны на фронт будущий глава госбезопасности не попал — комсорг ЦК ВЛКСМ, а затем секретарь райкома был нужнее в тылу. После войны из горкома комсомола его перевели в прокуратуру. Сначала был следователем, потом стал прокурором, заочно учился в юридическом институте.

В 1951 году в Сталинградский обком партии пришла разнарядка — откомандировать перспективного молодого партийца в Москву для учебы в Высшей дипломатической школе. Выбор пал на Крючкова. Из всего потока один Крючков рискнул взяться за изучение очень непростого венгерского языка. Повсюду носил с собой карточки со словами, которые следовало запомнить. Выучить венгерский язык — значит проявить характер, усидчивость и упорство. Всего этого Крючкову было не занимать.

В 1954 году его распределили в IV Европейский отдел Министерства иностранных дел. Отделом руководил Михаил Васильевич Зимянин, будущий главный редактор «Правды» и секретарь ЦК по идеологии. В МИД он находился в ссылке. В 1953 году Берия хотел сделать Зимянина первым секретарем ЦК компартии Белоруссии. Это сильно повредило репутации Зимянина. Когда Берию арестовали, Михаила Васильевича с партийной работы отправили на дипломатическую…

В конце лета 1955 года молодой дипломат Крючков отправился в Будапешт. Он получил назначение третьим секретарем в советское посольство. Послом был молодой партийный работник Юрий Владимирович Андропов. Крючков вытащил счастливый билет. Дальше они шли по жизни вместе до самой смерти Андропова.

Андропов уехал в Москву в 1957 году. В благодарность за участие в подавлении будапештского восстания Юрий Владимирович получил высокое назначение — возглавить только что созданный отдел ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Крючков остался в посольстве. Но Юрий Владимирович не забыл подающего надежды сотрудника. Через два года он, освоившись на Старой площади, пригласил Крючкова к себе: ему было приготовлено место референта в секторе Венгрии и Румынии андроповского

отдела. Это сразу решило важнейшую проблему того времени — Крючков получил квартиру.

Через четыре года Владимира Александровича повысили — он стал заведовать сектором. В 1965 году Андропов сделал Крючкова своим помощником. Помощник секретаря ЦК по табели о рангах приравнивался к заместителю заведующего отделом, что предполагало получение уже всего комплекса материальных благ, полагавшихся высшему слою цековских работников.

Уходя в мае 1967 года со Старой площади на Лубянку, Юрий Владимирович забрал с собой свой личный аппарат — человек десять.

«Держались они на первых порах тесной стайкой, — вспоминал генерал Вадим Кирпиченко, — и все старались выяснить, нет ли вокруг Юрия Владимировича недоброжелательности или, не дай бог, не зреет ли какая крамола. Эта группа была предана ему лично и стремилась всеми доступными средствами работать на повышение его авторитета, что порой выглядело даже смешным и наивным из-за прямолинейности в восхвалении достоинств нового председателя…»

Все его помощники и секретари, люди совершенно гражданские — Павел Павлович Лаптев, Виктор Васильевич Шарапов, Евгений Иванович Калгин, Юрий Сергеевич Плеханов, — стали в КГБ генералами.

Владимир Крючков получил на Лубянке прежнюю должность помощника, но в том же 1967 году стал начальником секретариата председателя КГБ. Педантичный, аккуратный, организованный, с прекрасной памятью, он стал идеальным канцеляристом. Начальник секретариата генерал-майор Крючков произвел сильнейшее впечатление на будущего начальника разведки Леонида Шебаршина, который пришел с просьбой найти документ, переданный Андропову.

«Владимир Александрович удивил меня своей памятью, — писал Шебаршин. — Услышав название документа, попавшего к нему несколько месяцев назад, он немедленно открыл сейф и из толстенной пачки бумаг сразу же достал именно то, что требовалось. Мне показалось, что я имею дело с человеком в какой-то степени необыкновенным».

Кабинет Крючкова на третьем этаже находился прямо напротив председательского, приемная у них была общая. Владимир Александрович всегда был под рукой, готовый дать справку, напомнить, выполнить любое указание, проследить за движением бумаг, старательный, надежный, услужливый и безотказный исполнитель.

Через четыре года, летом 1971-го, Андропов неожиданно для многих перевел Крючкова в разведку — первым заместителем начальника первого главного управления.

Владимир Александрович описал в своих воспоминаниях, как июньским вечером его пригласил Андропов и сказал:

— Ну что же, больше тянуть нельзя. Пора определяться с твоей дальнейшей работой. Да и я понимаю, что в первом главном управлении действительно нужен свежий заместитель. Хотя ты и здесь мне тоже нужен. Как сам-то думаешь?

Крючкову не очень хотелось покидать секретариат, но Андропов уже принял решение.

Вместо Крючкова секретариат возглавил Павел Лаптев, который тоже работал у Андропова в отделе ЦК КПСС. Юрий Владимирович забрал его в комитет в апреле 1968 года. Лаптев сразу получил звание полковника. У кадровых сотрудников КГБ путь к полковничьим погонам занимал лет двадцать. Лаптев со временем стал помощником генерального секретаря Андропова, а после его смерти — первым заместителем заведующего общим отделом ЦК КПСС.

Виктор Шарапов присоединился к андроповской команде позднее. Синолог по образованию, он работал в Китае корреспондентом «Правды». Андропов обратил внимание на его публикации в мае 1971 года и пригласил к себе. Как и Павел Лаптев, генерал Шарапов последовал в 1982 году за Андроповым на Старую площадь. После смерти Андропова он оставался помощником по социалистическим странам и у Черненко, и у Горбачева, а в марте 1988 года отправился послом в Болгарию.

Евгений Калгин сидел в приемной Андропова и в КГБ, и в ЦК. После смерти Андропова его вернули на Лубянку и назначили начальником 12-го отдела КГБ, который занимался прослушиванием телефонных разговоров и помещений, а также перехватом сообщений, передаваемых факсимильной связью. Во время августовского путча 1991 года Калгану поручили организовать прослушивание российских руководителей, начиная с Бориса Ельцина. Калгин приказ выполнил, поэтому после провала путча лишился работы.

Дежурным секретарем председателя начинал и Юрий Плеханов, окончивший заочно пединститут и перешедший с комсомольской работы на партийную. После смерти Андропова он получил звание генерал-лейтенанта и стал начальником 9-го управления, которое занималось охраной высшего руководства. После августовского путча, когда приказал изолировать Горбачева в Форосе, он лишился звания и наград и отсидел семнадцать месяцев в тюрьме Матросская Тишина. Впрочем,

летом 2002 года президент Путин подписал указ о возвращении Плеханову звания генерал-лейтенанта, наград и пенсии. Но в день выхода президентского указа Плеханов умер, вероятно и не узнав, что он опять генерал…

В 1971 году Юрий Владимирович перевел своего верного помощника Крючкова в первое главное управление, потому что хотел поставить во главе разведки своего человека.

Для Крючкова это был переход на большую самостоятельную работу с завидными перспективами. Но этот шаг дался ему трудно. Он вспоминал, как ему было «не по себе от мысли, что работать придется на некотором удалении» от Андропова. К тому времени они трудились вместе семнадцать лет. Крючков боготворил начальника, знал наизусть его стихи. Он привык к роли первого помощника, а тут предстояло самому принимать решения. Но Владимир Александрович нашел выход. Его сотрудники быстро заметили, что он по каждой мелочи советовался с Андроповым. Крючков по характеру, образу мышления и поведения так и остался помощником.

В штаб-квартире первого главного управления КГБ в Ясеневе Андропову оборудовали собственный кабинет. И в те годы он пару дней в неделю проводил в первом главке, вникая в разведывательные дела вместе с Крючковым. Юрий Владимирович собирал у себя и начальников отделов, и их заместителей — получить информацию из первых рук и заодно присмотреться к людям: все это будущие резиденты в важнейших странах. Он вовлекал в разговор всех приглашенных на совещание, не любил, если кто-то отмалчивался. Юрий Владимирович стал, возможно, первым руководителем госбезопасности, который реально интересовался разведывательной работой.

Он даже позволил руководителям внешней разведки создать дачно-строительный кооператив, обзавестись загородной собственностью, хотя ЦК КПСС этого не одобрял. Сотрудникам партийного аппарата это строго-настрого запрещалось.

Андропов состоял на учете в партийной организации управления нелегальной разведки. Это направление он особо выделял, верил в возможности нелегалов. Он считал, что его подчиненные, работающие под легальным прикрытием, связаны по рукам и ногам. За ними следят контрразведка и полиция. Они даже посольство покинуть незамеченными не могут. Каждую встречу с агентом приходится проводить как военную операцию, вовлекая в нее чуть не все наличные силы резидентуры. Поэтому Андропов требовал сконцентрировать силы на работе с нелегальной агентурой. Это отнюдь не радовало его

подчиненных. Разведчика с дипломатическим паспортом просто вышлют. Нелегала упрячут за решетку на долгие годы…

Нелегальная работа еще и потому влекла Андропова, что ему хотелось, чтобы его подчиненные не только собирали и анализировали информацию, но и наносили ощутимые удары по врагу. В 1973 году его подчиненные отыскали документы, связанные с реорганизацией аппарата госбезопасности в последние сталинские месяцы. Андропов с огромным интересом их прочитал и обратил внимание на замечания самого Сталина, уже приводившиеся в этой книге:

— «Главный наш враг — Америка. Но основной упор нужно делать не собственно на Америку. Нелегальные резидентуры надо создавать прежде всего в приграничных государствах. Первая база, где нужно иметь своих людей, — Западная Германия. Коммунистов, косо смотрящих на разведку, на работу ЦК, боящихся запачкаться, надо бросать головой в колодец».

Своими впечатлениями председатель КГБ поделился с Брежневым, написав в сопроводительной записке, что сталинские мысли «пригодны во все времена»: «Лично мне очень импонирует его высказывание… Мысль по форме маленько азиатская, но по существу верная, даже в пору далекую от культа личности».

Брежнев тоже оценил сталинские слова насчет того, что «с озверевшим классовым врагом нельзя бороться в белых перчатках, оставаться «чистеньким», не применяя активных наступательных средств борьбы…».

Леонид Ильич как раз готовился к пленуму ЦК. 27 апреля 1973 года Брежнев практически сталинскими выражениями поддержал Андропова:

— КГБ под руководством Юрия Владимировича оказывает огромную помощь политбюро во внешней политике. КГБ — это прежде всего огромная и опасная загранработа. И надо обладать способностями и характером. Не каждый может не продать, не предать, устоять перед соблазнами. Это вам не так чтобы… с чистенькими ручками. Тут надо большое мужество и большая преданность.

Вадима Кирпиченко, вернувшегося из Египта, весной 1974 года назначили заместителем начальника разведки и начальником управления «С» (нелегальная разведка). Кирпиченко окончил Институт востоковедения и сразу был приглашен в разведку. Он работал на Арабском Востоке и в Африке.

Юрий Владимирович привел Кирпиченко к Брежневу. По существовавшему порядку в ЦК утверждались только высшие руководители комитета, начиная с члена коллегии. Но Андропов заботился о престиже своих кадров.

«Генсек был ласковый, томный, неторопливый, незамысловато шутил, — вспоминал Кирпиченко. — Говорил он — явно с подсказки Андропова и его же словами — о том, что работа в нелегальной разведке штучная, что туда должны идти самые стойкие, смелые, сильные, без всяких слабостей и изъянов люди. Партия ценит этот коллектив, и мне-де оказано большое доверие».

В первом главном управлении Крючкову поручили курировать европейские оперативные отделы, архивный отдел, информационно-аналитическую службу и отдел по сотрудничеству с разведками социалистических стран. Начало службы Крючкова в разведке совпало с неприятными для КГБ событиями. Едва он перебрался в новый кабинет, как в Англии произошел невиданный провал.

В первых числах сентября 1971 года к англичанам ушел офицер лондонской резидентуры советской разведки Олег Лялин. Это стало для англичан желанным поводом для массовой высылки советских разведчиков. Англичане давно выражали неудовольствие раздутыми штатами советских представительств в Лондоне.

Советских дипломатов в Англии было много больше, чем английских в Москве. Англичане справедливо подозревали, что настоящих дипломатов среди них немного. И верно — резидентуры КГБ и ГРУ, военной разведки, разрослись в немалой степени за счет людей, желавших пожить в прекрасном городе Лондоне. Считается, что в Англии осело больше разведчиков, чем в Соединенных Штатах. И британская контрразведка просто не в состоянии была за ними уследить.

Генерал-майор госбезопасности Виктор Георгиевич Буданов в 1971 году находился в Лондоне в своей первой загранкомандировке. Он рассказывал:

— После перехода Лялина на их сторону мы знали: что-то последует, но никогда не думали, что против нас будет предпринята акция таких масштабов. В истории разведки такого не было. А меня отправили из Англии еще до официального объявления о высылке.

— Вы работали непосредственно с Лялиным?

— Не в этом дело. Беда состояла в том, что Лялин знал больше, чем хотелось бы, о моей работе. А работа у меня шла интересная. Не зря англичане меня и по сей день к себе не пускают…

— И вы взяли и уехали?

— Не я уехал, а меня отправили наши товарищи. Третьего сентября исчез Лялин. А одиннадцатого сентября я уплыл на

теплоходе «Эстония». Погода была штормовая…

— А вы чувствовали особый интерес со стороны англичан? За вами следили больше обычного?

— Меня без внимания не оставляли. Бывали случаи, когда в слежке участвовали одновременно до девяти машин британской контрразведки, и мы имели возможность выявить все девять. Я работал в посольстве, но у меня не было дипломатического прикрытия, потому что в 1969 году англичане уже ограничили наш дипломатический состав, и я поехал не с дипломатическим, а со служебным паспортом. Так что был уязвим для местной контрразведки.

— Лялин занимал крупный пост в резидентуре?

— Он был рядовым оперативным сотрудником, официально работал в торгпредстве старшим инженером. Но так сложилось, что он знал об одной моей важной связи, которая довольно успешно разрабатывалась нами…

— А что послужило поводом для его ухода к англичанам?

— Позднее, когда я занялся вопросами безопасности разведки, мы работали над портретом потенциального перебежчика из нашей среды, используя и информацию, которой у нас, к сожалению, было уже очень много по этой части.

Лялин, в отличие, скажем, от бежавшего позднее к англичанам полковника Олега Гордиевского, не был сложившимся агентом. Он был очень импульсивным человеком, много пил. А когда человек постоянно пьет, вся психическая структура подвергается изменениям. Ему свойственны неадекватная реакция, повышенная возбудимость.

Британская полиция задержала Лялина за нарушение правил уличного движения. Думаю, это был предлог. Если речь идет о сотруднике иностранного посольства, такие задержания редко происходят без участия контрразведки. Или же контрразведчики тут же ставятся в известность и подключаются. Английская контрразведка могла знать — да наверняка знала! — о его романе с сотрудницей торгпредства, замужней женщиной… Они Лялина задержали и поговорили с ним. Такие разговоры строятся по обычной схеме. Вот мы знаем, что у тебя роман на стороне. Если об этом станет известно, тебя вернут домой, уволят из КГБ, выбросят на улицу, вся карьера рухнет…

Вряд ли он сразу принял решение, считает генерал Буданов. Скорее, обещал подумать. Его продержали в полиции до утра. Если бы он решился, его бы сразу отпустили. Потому что время имеет значение: нельзя, чтобы агент выпал из поля зрения своей службы, чтобы его начали искать сотрудники резидентуры. А его продержали до утра. За ним ездил наш консул, забрал его, привез

в посольство. Как назло, не оказалось на месте руководителя резидентуры, человека, которого Лялин уважал. А его заместитель к нему относился предвзято — не сошлись характерами.

И заместитель резидента сказал ему то, о чем Лялина предупреждали англичане: ты — такой-сякой, тебе здесь делать нечего, собирай вещи, в двадцать четыре часа мы тебя вернем на родину. Это было как раз то, чего делать нельзя. Даже если человек попадает в беду, даже если он оказывается на крючке, надо отнестись к нему по-человечески. Моя работа показала, что в таких ситуациях нужно больше доверия, это оправдывает себя. А после такого разговора Лялин принял окончательное решение — ах, так! И ушел…

Старший инженер советского торгпредства, он же сотрудник лондонской резидентуры, майор Олег Адольфович Лялин в Москве работал в отделе «В» (разведывательно-диверсионном) первого главного управления КГБ. Отдел «В» занимался вербовкой агентуры для подрывных акций на случай войны и выявлением объектов, на которых можно будет устроить диверсии.

Лялин был по профессии моряком. Он окончил 101-ю разведывательную школу и курсы усовершенствования офицерского состава первого главного управления. В лондонской резидентуре он отвечал за подготовку диверсионной работы в портах и на морских коммуникациях. Он сообщил англичанам планы диверсионной работы в Англии на случай войны. После провала Лялина отдел «В», существовавший на правах самостоятельного управления, генерал Сахаровский расформировал, личный состав сократил и включил в состав управления нелегальной разведки. Подразделение стало именоваться 8-м отделом управления «С».

24 сентября 1971 года англичане выслали из страны сто пять советских граждан. Лялин выдал всех, кого знал, и резидентуру пришлось формировать заново. Англичане ввели квоты на советских работников, и направить в Лондон столько же людей, сколько там было, не удалось. Вслед за англичанами выслали большую группу разведчиков французы, а потом и некоторые другие страны.

Хотя провал произошел на участке, который курировал Крючков, к нему претензий не было: он только что пришел. Более того, эта история открыла ему путь к креслу руководителя разведки. Сахаровского раньше времени отправили на пенсию. Начальником первого главного управления назначили Мортина, но вскоре стало ясно, что это промежуточное решение.

Крючков пробыл первым заместителем начальника разведки три года — столько ему понадобилось для того, чтобы освоиться в первом главке и разобраться в новом деле. А история с массовой высылкой из Англии помогла ему понять, какой ущерб его ведомству и ему лично может нанести всего один перебежчик.

Такие массовые высылки случались и позднее. В апреле 1983 года из Франции по обвинению в шпионской деятельности в одночасье были выдворены почти полсотни советских дипломатов. Акцию одобрил тогдашний президент Франции Франсуа Миттеран. Говорят, что он даже сам отобрал сорок семь фамилий из сотни «кандидатур», представленных ему контрразведкой.

От ответной акции Москва воздержалась.

Советское правительство приняло решение не «раскручивать» скандал, поскольку французами были представлены обширные и совершенно бесспорные доказательства того, что «дипломаты» в течение многих лет профессионально — и весьма успешно — занимались добыванием секретной военно-технологической информации. Да и вообще портить особые отношения с Францией не хотелось — в Париже к власти пришло социалистическое правительство, поддерживаемое коммунистами. Когда речь шла о других странах, советские руководители не были столь снисходительны…

После бегства Лялина Юрий Андропов потребовал разработать ответную программу переманивания сотрудников иностранных спецслужб с тем, чтобы они не только передавали в Москву секретную информацию, но и перебирались потом в Советский Союз. Андропов был готов выделять перебежчикам дачи, квартиры и большие деньги. Ему нужен был сильный пропагандистский ответ на постоянные побеги офицеров КГБ.

Еще больше его пугало то, что на Запад убегали самые надежные, самые проверенные чекисты. В 1972 году Андропов увеличил штаты и поднял статус внешней контрразведки, придав ей статус управления в составе первого главка.

— Главная задача управления «К», — говорил председатель КГБ, — это проникновение в спецслужбы противника с тем, чтобы обеспечить безопасность нашей разведки.

Начальником управления назначили генерала Виталия Константиновича Боярова. Он человек известный. Высокого, по-мужски красивого Боярова писатель Юлиан Семенов вывел в роли генерала Константинова, еще одного героя книги «ТАСС уполномочен заявить», по которой был поставлен многосерийный фильм. Боярова играет Вячеслав Тихонов.

Отец Боярова служил еще в ВЧК, он погиб во время войны.

Виталий семнадцатилетним юношей окончил на Украине школу партизанских радистов, после войны стал освобожденным секретарем комитета комсомола республиканского Наркомата госбезопасности в Киеве. Потом его взяли в управление контрразведки.

Бояров женился на дочери видного советского чиновника Владимира Владимировича Мацкевича, который в ту пору руководил сельским хозяйством Украины. Наверное, высокая должность тестя, которого вскоре переведут в Москву, способствовала успешному началу карьеры будущего генерала Боярова, но это был брак по любви. Я познакомился с Бояровыми уже в восьмидесятых годах, они по-прежнему были счастливой парой.

Виталий Бояров окончил Высшую школу КГБ, его отправили в лондонскую резидентуру, но загранработа не заладилась. Летом 1965 года Боярова англичане признали персоной нон грата, и ему пришлось вернуться в Москву. Вот тогда он и начал работать во второй службе первого главка.

Начальником внешней контрразведки был полковник Григорий Федорович Григоренко, который ценил Боярова. Когда он ушел во второй главк, то предложил на свое место Боярова. Когда возглавил контрразведку, то попросил Андропова перевести к нему Боярова. В принципе Виталий Константинович планировался резидентом в Соединенные Штаты, но Крючков не любил самостоятельных людей, у которых есть поддержка за пределами его хозяйства. Тут сказывалось прямое соперничество руководителей разведки и контрразведки. Так что тесная дружба Боярова (а затем и Калугина) с контрразведчиками его не устраивала. Но и эти люди платили Крючкову той же монетой, считали, что работает он непрофессионально.

«Крючков, — пишет генерал Кеворков, близкий друг Боярова, — прославился тем, что проиграл все сражения, в которые ввязывался. Крючков был одной из ключевых фигур, повлиявших на принятие трагического для страны решения о начале войны в Афганистане в 1979 году, положившей начало распаду великой державы».

Крючков хотел, чтобы Бояров ушел. Учитывая эту ситуацию, Андропов назначил Боярова первым заместителем начальника второго (контрразведывательного) главного управления КГБ. Место Боярова во внешней контрразведке первого главка занял Олег Калугин, которого Андропов тогда привечал — ему нравился агрессивный вербовочный стиль работы молодого генерала. Генерал Калугин был склонен к авантюризму. Его люди предложили с помощью палестинцев выкрасть из Бейрута

оперативного сотрудника ЦРУ.

Андропов запретил это делать:

— Представьте, что ваша затея лопнет. Или о ней станет известно американцам. Тогда жди беды. У них возможностей для похищения наших сотрудников побольше. Это будет война разведок.

Один из отделов управления «К» отвечал за обеспечение внутренней безопасности комплекса помещений в Ясеневе и личного состава. Иногда возникали неприятные ситуации. Например, кто-то из офицеров-разведчиков крал у товарищей часы или меховые шапки. Искать преступника приходилось самим, не привлекая коллег из других подразделений КГБ или тем более не обращаясь к милиции.

Один из советских разведчиков бежал на Запад, можно сказать, у меня на глазах. В феврале 1979 года я, еще будучи студентом Московского университета, поступил на работу в журнал «Новое время», а осенью бежал наш собственный корреспондент в Японии Станислав Александрович Левченко, он же сотрудник токийской резидентуры внешней разведки, майор.

О причинах его бегства ходили разные слухи. Одни говорили, что он не поладил со своим начальником — заместителем токийского резидента, который ел его поедом. Я имел удовольствие впоследствии познакомиться с этим бывшим начальником — глаза у него были пугающие. Другие уверяли, что Левченко, избалованный жизнью в комфортной Японии, не хотел возвращаться к советской жизни. Сам он, уже оказавшись в Америке, написал книгу, изложив в ней сложные религиозные и идеологические мотивы своего побега. Я читал в газетах, что в 1981 году Военная коллегия Верховного суда заочно приговорила его к смертной казни.

Наше редакционное начальство таскали на Лубянку. Редакторов журнала укоряли за то, что они не уследили, допустили такой прокол, хотя не они подобрали себе корреспондента и не они посылали Левченко за границу. Как всегда бывало в таких случаях, главному редактору позвонили из КГБ и сказали: к вам придет такой-то, оформляйте его корреспондентом в Токио. Корреспондентский пункт «Нового времени» в столице Японии входил в перечень должностей, которые секретным постановлением ЦК КПСС были отданы внешней разведке КГБ.

В те годы большинство наших корреспондентов за границей были в реальности сотрудниками КГБ и в меньшей степени ГРУ. В больших зарубежных корпунктах ТАСС и АПН им полагалось фиксированное количество мест. Что касается телевидения и

радио, то здесь КГБ доставалось место или второго корреспондента, или оператора. А газетные корреспонденты — за исключением органа ЦК КПСС «Правды» — по большей части были разведчиками.

В журнале «Новое время» в семидесятых — восьмидесятых годах, когда я там работал, всякий сотрудник, начиная с машинисток, знал, что из дюжины корпунктов, кажется, только два принадлежали собственно журналу. Один из них впоследствии тоже передали КГБ. И открывались новые корпункты тоже в зависимости от нужд Комитета госбезопасности. Главный редактор писал секретную бумагу в ЦК КПСС такого содержания: просим открыть корпункт в такой-то стране — и приписывал «с КГБ СССР (в скобочках ставилась фамилия зампреда) согласовано».

Политбюро ЦК КПСС принимало решение об открытии корреспондентского пункта газеты или журнала в такой-то стране с замещением этой должности офицерами КГБ СССР.

Среди разведчиков были способные люди, которые не только выполняли свои обязанности в резидентуре, но еще много и с удовольствием писали для журнала. Попадались офицеры, которые не могли написать даже короткой заметки. Не знаю, что они делали в разведке, если не были в состоянии четко сформулировать свои мысли и изложить их на бумаге. Помню «собственного корреспондента», который за весь срок загранкомандировки не написал ни одной заметки в журнал. Зачем было посылать его под журналистским прикрытием, если соответствующая контрразведка не могла не заметить, что «корреспондент» ничего не пишет?..

Даже если «собкор» не присылал в редакцию ни строчки, жаловаться никто не пытался.

Знаю только, что Виталий Александрович Сырокомский в бытность первым заместителем главного редактора популярной в те годы «Литературной газеты» позвонил заместителю председателя КГБ по кадрам и твердо сказал, что присланный ему на роль корреспондента разведчик по деловым качествам никуда не годится и провалит дело, потому что не справится с газетной работой.

В «Литературную газету» примчался испуганный генерал, заместитель начальника разведки по кадрам, и выложил ему на стол пачку объективок:

— Выберите, кто вам по душе.

Виталий Александрович благоразумно отказался листать личные дела разведчиков, но попросил прислать человека, способного писать, что и было сделано…

Станислав Левченко, насколько я помню, писал совсем не плохо. Решив бежать, он не стал обращаться к японцам, зная, что они никому не дают политического убежища, а связался с американцами. Они его сразу вывезли из Японии. Он дал громкие показания, назвав имена видных японских политиков и ведущих журналистов, работавших на Советский Союз. В реальности они не были шпионами, поскольку не владели государственными секретами и не давали подписки работать на советскую разведку. В политике и в прессе они проводили линию благоприятную для Москвы. Иначе говоря, принадлежали к числу «агентов влияния», о которых потом будет говорить председатель КГБ Владимир Александрович Крючков.

Станислав Левченко утверждал, что советская разведка располагала в Японии двумястами агентами. Среди них фигурировали бывший член правительства, деятели оппозиционной социалистической партии, несколько членов парламента и специалисты по Китаю: от резидентуры в Токио требовали тогда во что бы то ни стало помешать сближению Японии и Китая. По словам Левченко, советские разведчики уговорили одного члена парламента организовать депутатскую ассоциацию дружбы с Верховным Советом СССР. Депутат получал деньги от КГБ (но ему об этом не говорили) на издание ежемесячного журнала. Левченко также заявил, что и влиятельная социалистическая партия Японии субсидируется КГБ. Это делается через «фирмы друзей», которые получали выгодные контракты от советских внешнеторговых организаций, а взамен перечисляли на счет соцпартии пятнадцать — двадцать процентов прибыли.

Заодно Левченко рассказал, что в Японии советские разведчики передавали наличные представителю нелегальной филиппинской компартии в чемодане с двойным дном. Это похоже на правду. Начальники региональных отделов первого главного управления лично отвечали за передачу денег коммунистическим партиям в странах, которые курировали.

После бегства Левченко Крючкову пришлось полностью сменить состав резидентуры в Токио и японского отдела в центральном аппарате первого главного управления. Так происходило после каждого провала. Я знал молодых разведчиков-японистов, которые благодаря этому смогли поехать в Токио на освободившиеся в резидентуре места. И я встречал опытных сотрудников японского направления советской разведки, которым бегство Левченко сломало карьеру: они лишились возможности ездить за границу, их убрали с оперативной работы, перевели на работу малоинтересную. Они считали свою жизнь

сломанной.

Один бывший начальник Левченко после товарищеского ужина сказал мне:

— Если бы он мне попался, я убил бы его собственными руками.

Я посмотрел на него и понял: он бы это сделал…

В пятидесятых годах, после очередного побега чекиста на Запад, перебежчика заочно приговаривали к высшей мере наказания, и сменявшие друг друга председатели КГБ отдавали приказ уничтожить предателя. Но совершить убийство в другой стране, да еще если человека охраняют, совсем не просто. Потом такие приказы были отменены, чтобы не рисковать своими разведывательными возможностями. Впрочем, перебежчик все равно не верил, что его не станут искать, и остаток жизни проводил в страхе перед внезапным появлением бывших товарищей по КГБ.

Во всяком случае, бывший начальник управления нелегальной разведки генерал-майор Юрий Иванович Дроздов написал в своей книге: «Приговор, вынесенный ему, остается в силе, и никакие конъюнктурные поблажки не отменят его».

Дроздов имел в виду полковника Олега Антоновича Гордиевского (он исполнял обязанности резидента в Англии), чье бегство в 1985 году стало самым громким провалом советской разведки.

В третий отдел первого главного управления Олега Гордиевского взял Дмитрий Иванович Якушкин, который сделал блистательную карьеру в разведке. Потомок декабриста, воспетого Пушкиным, он прошел войну, окончил экономический факультет МГУ и в пятидесятых годах работал помощником министра сельского хозяйства Ивана Александровича Бенедиктова, ярого сталиниста. В 1959 году Хрущев, недовольный Бенедиктовым, отправил его послом в Индию. Якушкина из Министерства сельского хозяйства взяли в КГБ. Он сделал быструю карьеру в разведке.

В начале декабря 1974 года его пригласил Андропов, лежавший в больнице, и сказал, что предстоит командировка в Соединенные Штаты: Якушкина отправили резидентом в Вашингтон. Это одна из самых завидных должностей в разведке. Резидентура в Нью-Йорке не уступает вашингтонской ни по значению, ни по численности, но столичная резидентура считается головной.

В памяти разведчиков Дмитрий Якушкин остался человеком, совершившим невиданный промах. В 1976 году бывший сотрудник ЦРУ Эдвин Мур отправил в советское посольство

несколько писем с предложением о сотрудничестве. Не получив ответа, перебросил через ограду посольства пакет с секретными документами. Якушкин решил, что это провокация, и велел своему помощнику по безопасности Виталию Юрченко отдать пакет полиции. Оказалось, что предложение было подлинным. Советская разведка лишилась важнейшего источника информации, инициативник был арестован и приговорен к пятнадцати годам тюремного заключения. Так Якушкин и Юрченко вошли в историю разведки…

После возвращения в Москву генерал Якушкин руководил первым (американским) отделом первого главного управления. Выйдя на пенсию, работал в ТАСС. Он умер сравнительно рано. Его жена переводила американских писателей, а сын стал последним пресс-секретарем президента Ельцина…

Олег Гордиевский работал на британскую разведку несколько лет. Никто ничего не подозревал. Юрий Михайлович Солоницын, который потом возглавил секретариат Крючкова, вспоминал:

— Знаете, я с Гордиевским в одном отделе работал. Ну, Гордиевский — я и думать не думал! Я был секретарем партийной организации, он был моим замом по оргработе. Мы и выпивали вместе. К нему и вопросов не возникало. На семинарах блестяще выступал, все знал, все при нем: логика, мышление, цитаты… А он уже был агентом.

Кандидатура Олега Гордиевского рассматривалась руководством разведки, когда освободилась должность резидента в Лондоне. И именно в этот момент вашингтонская резидентура получила первую информацию о том, что Гордиевский, возможно, работает на англичан. Заместитель вашингтонского резидента по контрразведке вылетел в Москву и доложил эту информацию лично Крючкову.

17 мая 1985 года Олега Гордиевского вызвали в Москву на собеседование. Но, обманув следивших за ним чекистов, он сумел убежать из Москвы.

Крючков пал жертвой своей самонадеянности и непрофессионализма. Он не хотел раньше времени посвящать в свои дела конкурирующее ведомство — второе главное управление (контрразведку), решил, что управится сам.

Делом Гордиевского занимался полковник (позднее генерал) Виктор Георгиевич Буданов, который в те годы руководил службой внутренней безопасности в управлении внешней контрразведки первого главного управления КГБ.

— Относительно Гордиевского у вас не было прямых доказательств, поэтому он не был сразу арестован? — спросил я Буданова.

— Прямых не было. Косвенные свидетельства того, что он связан с британской разведкой, были. Поэтому иначе действовать мы не могли. Его отпустили, а дальше другие — не мы! — допустили ошибки. Он человек толковый, имел варианты отступления, одним из них воспользовался.

— Вы его срочно вызвали в Москву… Теоретически он мог испугаться вызова и сразу перейти к англичанам.

— Мог. Но в этом и состояло наше искусство. Это же не так просто делается: приезжай, Олег, поговорим. Была разработана целая оперативная комбинация, которую мы блестяще осуществили. И он приехал. Хотя боялся, подозревал, сомневался. Но приехал!

Как был разоблачен Гордиевский, по-прежнему можно лишь гадать. Судя по всему, его выдал новый агент советской разведки Олдрич Эймс, кадровый сотрудник ЦРУ. Как раз весной 1985 года он предложил свои услуги вашингтонской резидентуре первого главного управления КГБ. Он, надо понимать, назвал Гордиевского, но Крючков и его подчиненные колебались. А вдруг Эймс — это подстава и ЦРУ сознательно сеет сомнения в отношении хорошо работающих офицеров? Поэтому в Ясеневе приняли соломоново решение: Гордиевского вызвали в Москву и попытались на него надавить. Если он ни в чем не виноват, то достаточно будет извиниться и вернуть его на службу. А если в чем-то признается, значит, и агент будет пойман, и надежность Эймса установлена.

В Москве за Гордиевским следили, рассчитывая, что он вступит в контакт с англичанами. Но он сразу увидел, что его квартиру обыскивали, и был крайне осторожен. Он сразу предупредил британскую резидентуру, что он в опасности и просит его эвакуировать. Коллеги по разведке зазвали его на дачу и, как уверяет Гордиевский, то ли напоили, то ли подсыпали какого-то зелья. Во всяком случае, требовали во всем признаться. Он не признался, и Крючков с подчиненными оказались в патовой ситуации.

Все-таки сообщения агента Эймса было недостаточно для того, чтобы посадить полковника внешней разведки. А никаких других доказательств его предательства не было. Гордиевскому позволили остаться на свободе. Он воспользовался беспечностью своих неумелых соглядатаев, связался с англичанами, и они его вывезли из страны. Судя по всему, в багажнике машины с дипломатическими номерами перевезли в Финляндию.

Для руководителей КГБ дерзкая операция британской разведки, проведенная на территории Советского Союза, была тяжким ударом. Провал обсуждался в кабинете председателя КГБ

Виктора Михайловича Чебрикова, куда помимо Крючкова вызвали руководителей контрразведки, которые обвинили первый главк в непрофессионализме. Чебриков распекать Крючкова не стал, ограничился требованием наладить сотрудничество первого и второго главков.

За побег Гордиевского было наказано пятнадцать офицеров. Начальник третьего отдела, ведающего работой в Англии, будущий генерал Виктор Грушко получил выговор от председателя КГБ Чебрикова.

Крючков предпочитал не наказывать тех разведчиков, которые провинились, но исправились. Он очень снисходительно относился к своим людям, если они, перебежав на Запад, потом возвращались. Ему было выгоднее сделать вид, что его разведчика похитили, чем признаться, что проверенные чекисты могут запросто изменить своему долгу. Сотрудникам разведки говорили, что их не подвергнут наказанию, если они покаются.

Так поступили с сотрудником внешней разведки Виталием Юрченко, который, находясь в 1985 году в командировке в Италии, связался с американцами.

Юрченко нравился Дмитрию Якушкину, который был его руководителем в Вашингтоне. Когда в Москве Якушкин возглавил первый (американский) отдел разведки, то взял в апреле 1985 года Юрченко заместителем. Летом его командировали в Неаполь для участия в разработке потенциального агента — американского радиста, служившего на военно-морской базе. 1 августа Юрченко сказал коллегам по резидентуре, что намерен осмотреть музеи, и вышел из здания посольства.

На самом деле он зашел в гостиницу напротив здания американского посольства и позвонил американцам. Его пригласили зайти. Он пересек дорогу и рассказал американцам то, что знал. Олдрича Эймса он не знал и выдать его не мог. Зато Эймс информировал Москву о показаниях Юрченко.

Почему он перешел к американцам?

Его бывший начальник Виктор Черкашин считает, что причина тому — крайняя мнительность Юрченко. Высокий, атлетически сложенный человек, он постоянно подозревал у себя различные болезни. Он решил, что болен раком и жить ему осталось месяцы, если не недели.

Его вывезли в Соединенные Штаты. Одна из причин побега состояла в том, что в Вашингтоне у него был роман с молодой женщиной по имени Валентина, женой одного советского дипломата. Теперь она была в Монреале, где работал ее муж. Юрченко полагал, что она присоединится к нему. Сотрудники ЦРУ организовали ему тайную встречу с Валентиной. Но она его

выгнала, сказав, что любила полковника КГБ, а не предателя. Рухнула его надежда провести остаток жизни с любимой женщиной в комфортных условиях Соединенных Штатов.

Американцы пытались его ободрить, сулили ему большие деньги, хороший дом в пригороде Вашингтона, организовали ему обед с директором ЦРУ. Но Юрченко впал в депрессию. Все получилось совсем не так, как он надеялся. А когда ему сообщили результаты анализов, из которых следовало, что рака у него нет, он схватился за голову:

— Что я натворил!

2 ноября 1985 года прямо из ресторана, где он обедал с опекавшим его американцем, Виталий Юрченко приехал в советское посольство и сказал, что американцы три месяца накачивали его наркотиками, но не смогли сломить волю советского разведчика… Он же не знал, что Эймс передал советским разведчикам его показания в ЦРУ.

Вашингтонская резидентура сделала все, чтобы Юрченко не ушел назад, к американцам. Собрали журналистов, и Юрченко обвинил ЦРУ в том, что его похитили. Это отрезало ему дорогу назад. Кроме того, надеялись, что в ЦРУ с большим сомнением отнесутся к его показаниям. 6 ноября его на самолете «Аэрофлота» в сопровождении офицеров резидентуры отправили домой.

Крючков предпочел сделать из него мужественного героя, выдержавшего все испытания и бежавшего из вражеского плена, хотя кадровым разведчикам это не понравилось. Они считали Юрченко предателем и не понимали, как его можно награждать и поощрять.

— Я занимался Виталием Сергеевичем Юрченко, — вспоминал генерал Буданов. — Это был самый сложный период. Я-то знал, что это предатель, а здесь разыгрывалась определенная игра, и ощущение собственной беспомощности было очень сильным. Правда, попутно мы решили одну проблему. Нам нужно было отозвать в Москву одного человека, но так, чтобы он ничего не заподозрил. Так мы оказали ему доверие — ввели в состав группы, которая доставила Юрченко в Москву.

Генерал Буданов имел в виду подполковника Валерия Федоровича Мартынова, который в вашингтонской резидентуре работал по научно-технической линии, а по прикрытию был атташе по вопросам культуры. Научно-техническая разведка — очень престижное направление, но добиться успеха непросто. Считается, что он попал в ловушку, расставленную ФБР. Ему подсунули двойного агента, вербовку которого сочли большим успехом. В обмен Мартынов стал давать информацию

американцам — о ситуации в резидентуре, о вербовочных планах. Коллеги считают, что он работал не ради денег, а ради карьеры. Он получил орден Красной Звезды и повышение. А тут сотрудник ЦРУ Олдрич Эймс предложил свои услуги советской разведке. И сразу назвал имя Мартынова как агента ФБР, боясь, что тот может его выдать американцам. Судьба подполковника Мартынова была решена…

Вот в такие дьявольские игры постоянно играла разведка. И такой род занятий много говорит о людях, которые посвятили свою жизнь разведке. Она вербовала агентов в спецслужбах противника, чтобы узнать, кто является предателем в собственных рядах.

30 декабря 1974 года генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев принял Андропова вместе с Крючковым. Это были смотрины. Андропов внес в ЦК предложение назначить Владимира Александровича Крючкова начальником первого главного управления и одновременно заместителем председателя КГБ.

«Перед беседой Юрий Владимирович предупредил меня, чтобы я не очень удивлялся, если генсек покажется мне не в форме, — вспоминал Крючков, — главное, мол, говорить погромче и не переспрашивать, если что трудно будет разобрать в его словах. Так что в Кремль я прибыл уже подготовленным, но то, что я увидел, превзошло все мои ожидания.

За столом сидел совершенно больной человек, который с большим трудом поднялся, чтобы поздороваться со мной, и долго не мог отдышаться, когда после этого буквально рухнул опять в кресло».

Именно в 1974 году Брежнев сильно сдал. Андропов громким голосом представил Крючкова. Леонид Ильич еле выдавил из себя:

— Что ж, будем решать.

Крючков произнес положенные в таких случаях слова. Прощаясь, Леонид Ильич обнял его и почему-то прослезился… Андропов собрал руководящий состав первого главка и официально представил им нового начальника.

Начальнику разведки по штату полагалось несколько заместителей, из них два первых. В первом главке помимо Крючкова был еще один первый заместитель — Борис Семенович Иванов, бывший резидент в Нью-Йорке, умелый и решительный профессионал, которого коллеги весьма уважали и прочили в начальники разведки. Молодого офицера Иванова из вологодского управления когда-то приметил Евгений Питовранов и взял в центральный аппарат контрразведки. Когда Питовранов в

начале 1953 года перешел в разведку, то взял к себе Бориса Иванова. Тот руководил важнейшим, американским, отделом.

Но Андропов по понятным причинам предпочел видеть на этом посту своего недавнего помощника. Бориса Иванова в марте 1979 года отправили руководителем представительства КГБ в Афганистане. Он покинул Кабул только в 1983 году. В разведку его не вернули, назначили руководителем группы консультантов при председателе КГБ. Осенью 1987 года отправили на пенсию.

Заместителем руководителя разведки в 1968 году назначили Бориса Александровича Соломатина, бывшего резидента в Вашингтоне. При нем в 1967 году был завербован американский военный моряк Джон Уокер-младший. Это была большая удача, Уокер работал на КГБ восемнадцать лет и поставил на службу советской разведке всю свою семью.

Успешную деятельность Бориса Соломатина высоко ценили в первом главном управлении. Ходили слухи, что его первоначально намечали в преемники Сахаровскому. Но в 1971 году в первый главк пришел Крючков, а Соломатина отправили резидентом в Нью-Йорк. Его вернули в 1975 году, когда Крючков уже руководил разведкой. Говорят, что генерал-майор Соломатин злоупотреблял горячительными напитками. Об этом доброжелатели уведомили Андропова, который ему симпатизировал и однажды назвал Соломатина «классиком разведки». Но… Бориса Александровича перевели из разведки в действующий резерв КГБ.

Бывший руководитель разведки ГДР генерал-полковник Маркус Вольф считает, что назначение Крючкова было логичным, но не очень мудрым. Крючкову не хватало не столько профессионального опыта, сколько глубины понимания происходящего в мире. Да и по натуре он не был лидером, считает генерал Маркус Вольф. В роли доверенного помощника Андропова Владимир Александрович был на месте. А без указаний своего наставника грамотный и работящий «номер два» терялся.

Когда Маркус Вольф приезжал в Москву, Крючков всегда уводил его в комнату отдыха, наливал большую порцию виски со льдом и говорил:

— Ну, рассказывай, что происходит.

Других гостей Крючков угощал чаем или кофе. Он из тех, кто мягко стелет…

Юрий Михайлович Солоницын семь лет был начальником секретариата Крючкова в разведке. Вообще-то Юрий Солоницын должен был поехать собственным корреспондентом «Нового времени» в Лондон и, пока шло оформление, сидел в нашей

редакции. Живой и улыбчивый человек, он вызывал симпатию. Но поехать в Лондон ему не удалось. Крючков вернул его в центральный аппарат. Через много лет Юрий Михайлович рассказывал:

— Мы встречались каждый день, включая субботу, я приезжал к нему на дачу. Он неординарный человек. Умный, начитанный, эрудированный. Многие говорили, что он партаппаратчик, того-сего не знает. Но начальник разведки — это же не оперуполномоченный, это политическая должность. Впрочем, я знаю случаи, когда он мог и сломать человека в вербовочном плане…

Крючков — исключительно трудолюбивый человек. К примеру, готовили ему выступление. В разведке мощные аналитические службы. Собрали команду, она подготовила текст. Он прочитал, вроде замечаний нет, потом слушаешь выступление — совсем по-другому говорит. Значит, сам переписал. Он человек, который думал только о работе. Приезжаешь в дачный поселок разведки. Кто-то в домино играет, кто-то в карты… Он не играл даже в шахматы. Наверное, умел, но не играл никогда.

По характеру, конечно, сложный. Нелегко с ним было работать. Немного капризный, обидчивый. Но не злопамятный. Сухость внешняя, она многих пугала. Может быть, это служба заставила быть излишне сухим, и он таким остался.

Были люди, которые с большим жизненным опытом при нем чувствовали себя неуверенно. В его приемной можно было увидеть генерала, резидента в крупной стране, у которого голос дрожит — боится к нему в кабинет зайти… В нем было что-то такое… сталинское. Не в действиях, а в манере беседовать. Не каждый выдерживал его взгляд. Может быть, работа накладывала свой отпечаток. Я видел его в других ситуациях, когда он был мягок, прост, умел угостить, сам разливал…

Он гордился разведкой, тем более что и Андропов разведку выделял… Кстати, он один из немногих, кто мог возразить Юрию Владимировичу. То есть он имел свое мнение. И высказывал, не боясь, в глаза Андропову! Я уж не говорю — Чебрикову. Андропов обижался. Это мне Владимир Александрович поведал. Вот он сказал Андропову, что такое-то дело делается неправильно. Андропов некоторое время с ним не разговаривает. Потом звонит: Володя, приезжай…

Беспорядка в разведке Крючков не допускал. У него все четко работало — секретари, дежурная служба. Он много читал — газеты, журналы, специальную информацию. Все интересное отмечал галочками, закладками. Секретарь потом это перепечатывала. Он картотеку вел по разным проблемам. А то

ведь бывает, прочитаешь что-то интересное, а потом не можешь вспомнить, где ты это видел. А у него все в картотеке. Выступает, берет эти карточки и начинает шпарить цитаты, цифры. Производит впечатление.

Вообще-то всю информацию, поступающую в разведку, один человек прочитать не в состоянии. Есть информационно-аналитическая служба, туда приходят все телеграммы, в том числе из Министерства иностранных дел и Главного разведывательного управления Генштаба — военной разведки. Там сидят аналитики, они все это просматривают и самое интересное, важное, нужное отбирают начальнику разведки. Потом это смотрят помощники и кладут ему на стол. Есть, конечно, оперативные телеграммы, адресованные только ему. Или информация, которая, минуя всех, поступает в его адрес.

Дальше уже Крючков решал: это показать председателю КГБ, это разослать членам политбюро, на основании этого сообщения подготовить специальную записку.

— А получал он информацию о состоянии внутри страны?

— Через председателя КГБ, — объяснил Юрий Солоницын. — Каждое управление Комитета госбезопасности отправляло информацию на имя председателя, а тот, если считал нужным, писал резолюцию: «Ознакомить членов коллегии». Или персонально — товарищу Крючкову, еще кому-то…

Окружающих Крючков поражал заботой о собственном здоровье. Он каждое утро вставал без четверти шесть и час делал зарядку на улице в любую погоду, когда бы ни лег накануне. Ровно в девять сидел на рабочем месте.

Жил он на даче в поселке первого главного управления КГБ. Это хорошо охраняемое, малолюдное, невидное и комфортное место. Говорят, что поселок строился в чисто служебных целях — в качестве гостевых домиков для приема руководителей братских разведок. Но поселок оказался таким симпатичным, что Крючков поселился там сам и поселил своих заместителей и начальников важнейших направлений. Каждый день ровно в половине второго он обедал вместе со своими первыми заместителями.

Отпуск Владимир Александрович брал зимой, поскольку обожал бегать на лыжах, в начале февраля уезжал в подмосковный правительственный санаторий «Сосны». Раз в неделю, обычно в субботу вечером, ходил в парилку, правда, не в русскую баню, а в сауну. Плавал в бассейне. Мало пил, предпочитал виски и пиво…

Принципиально не ходил на юбилеи разведчиков, не участвовал в обмывании новых званий и назначений. По словам Виктора Грушко, который его хорошо знал, Крючков не хотел,

чтобы кого-то считали его любимчиком.

— Когда выйдем на пенсию, будем встречаться с вами в неформальной обстановке, — объяснил одному из высших офицеров, приглашавших его на банкет.

Дело было не только в нежелании заводить любимчиков. В руководстве первого главного управления традиционно складывались своего рода землячества — объединялись разведчики, которые долго работали на одном направлении. Объединяли их не только служебные, но и дружеские отношения. Они охотно проводили вместе свободное время, и за дружеским застольем часто решались кадровые вопросы — по взаимной договоренности продвигались «свои» люди. Такие землячества в первом главке именовались «мафиями». Существовали «американская», «скандинавская», «индийская» мафии…

В трудном положении оказывались люди со стороны, партийные работники, которых присылали в разведку. Они получали большие стартовые преимущества, потому что им присваивали сразу старшее офицерское звание, давали руководящую должность (не выше заместителя начальника отдела). Но подняться выше им, как правило, не удавалось. Не хватало оперативного опыта, во-первых, и не было поддержки со стороны соответствующей «мафии», во-вторых. Чужаков в разведке не любили.

Тем не менее считалось правильным привлекать в комитет в целом и в разведку в особенности партийно-комсомольских работников.

9 февраля 1977 года Андропов обратился в ЦК:

«В соответствии с постановлением ЦК КПСС от 17 июня 1970 года и распоряжением Совета Министров СССР от 12 июля 1970 года Комитетом госбезопасности при Совете Министров СССР в 1970 году были организованы при Высшей Краснознаменной школе КГБ при Совете Министров СССР имени Ф.Э. Дзержинского двухгодичные курсы подготовки руководящего состава в количестве 50 человек, направленных в органы КГБ с руководящей партийной и комсомольской работы.

В последующем срок действия курсов с разрешения Инстанции дважды продлевался. За период функционирования курсов проведено три набора и осуществлено два выпуска слушателей…

За сравнительно короткий срок выпускники курсов положительно зарекомендовали себя на руководящей работе. Многие из них получили повышение по службе: 12 человек назначены начальниками территориальных органов КГБ и их заместителями, 2 — избраны освобожденными секретарями

парткомов, 3 — являются заместителями начальников управлений 15-го Главного управления, 8 — работают начальниками и заместителями начальников отделов подразделений центрального аппарата КГБ.

За счет работников партийных, комсомольских и советских органов также укрепляется кадрами 1-е Главное управление КГБ. Постановлением ЦК КПСС от 27 января 1975 года Комитету госбезопасности разрешено в 1975–1977 гг. отбирать в городе Москве для работы в разведке лиц из числа партийных и комсомольских работников, сотрудников министерств, ведомств, органов печати, выпускников высших учебных заведений.

Решение задач, стоящих перед советской разведкой в современных условиях, обуславливает необходимость более широкого пополнения 1-го Главного управления КГБ кадрами руководящих и ответственных партийных, комсомольских и советских работников из крупных партийных организаций страны.

В целях дальнейшего систематического пополнения органов госбезопасности просим разрешить отобрать в 1977 году:

— 50 руководящих партийных, комсомольских и советских работников в возрасте до 40 лет для подготовки руководящего состава КГБ на двухгодичных курсах Высшей Краснознаменной школы КГБ.

— 50 человек в возрасте до 35 лет из числа руководящих и ответственных партийных, комсомольских и советских работников на учебу в Краснознаменный институт КГБ с последующим их использованием на руководящей работе, в том числе и за границей по линии 1-го Главного управления КГБ при Совете Министров СССР».

Когда Крючков пришел в разведку первым заместителем, ветераны разных «мафий» пытались найти к нему подход, перетянуть на свою сторону, наладить неформальные отношения в обмен на поддержку. Намекали, что чужаку в одиночку не выдержать. Говорят, что на одном из юбилеев Крючкову говорили это чуть ли не в открытую. Откровеннее всех был начальник управления внешней контрразведки генерал-майор Олег Данилович Калугин, потомственный чекист. И будто бы Крючков запомнил этот разговор и при первой возможности сломал Калугину карьеру.

Возможно, именно эти разговоры имел в виду Крючков, когда писал, что разведка отличалась своей кастовостью и определенным снобизмом. Сотрудников первого главного управления в Комитете госбезопасности называли белой костью, упрекали в высокомерии, стремлении выделиться, оторваться от

общего чекистского коллектива.

Крючков не поддался давлению ветеранов. За ним стоял Андропов, так что Владимир Александрович чувствовал себя уверенно. Став начальником разведки, Крючков принялся методично разрушать систему неформальных отношений, и «мафии» утратили прежнее влияние.

Крючков был завзятым театралом, не пропускал ни одной интересной премьеры. Я сам впервые увидел его в театре в середине семидесятых. Мой отчим вполголоса сказал:

— Смотри, вот начальник советской разведки.

Невысокого роста невыразительный человек в очках сидел где-то во втором ряду.

В августе 1991 года, после провала путча, при обыске на даче и в городской квартире Крючкова искали его записную книжку. Жена, Екатерина Петровна, рыдая, объяснила, что он обходился без книжки. Он помнил все имена, фамилии, телефонные номера. Ему и компьютер не был нужен.

Как и весь КГБ при Андропове, внешняя разведка при Крючкове достигла в определенном смысле пика своего могущества. Резидентуры по всему миру, большие штаты, широко раскинутые агентурные сети, солидный бюджет, новая оперативная техника и конечно же особое положение разведки внутри КГБ: разведчики ощущали особое расположение председателя комитета.

Потом, правда, Крючкова упрекали за то, что он увлекался большими цифрами. Разведка старалась собрать максимум информации по всем странам. Реальной пользы от этого было немного, но создавалось приятное ощущение полного контроля над миром. Однажды в Кабуле, поздно вечером, Владимир Александрович спросил начальника нелегальной разведки Дроздова:

— А сколько вообще нужно иметь агентуры, чтобы знать, что происходит в мире?

— Не так много, — ответил Дроздов, — пять-шесть человек, а вся остальная агентурная сеть должна их обеспечивать, отвлекать от них внимание.

Крючков с интересом выслушал Дроздова, но остался при своем мнении.

Опытный оперативник исходит из того, что надо иметь не много агентов, но дающих ценную информацию. Крючков требовал от резидентур увеличить темпы вербовки. Брали количеством. В первую очередь по всему миру пытались вербовать американцев. Во всех резидентурах были люди, занимающиеся ГП — главным противником. Сидел наш

разведчик, например, в Новой Зеландии, а работал на самом деле против американцев, то есть старался завербовать кого-то из сотрудников американского посольства или корреспондентов.

Старательнее всего искали возможности завербовать сотрудников местной резидентуры ЦРУ. Это считалось высшим достижением. За вербовку американца давали орден. Правда, вербовка — редкая удача. За всю жизнь можно завербовать одного-двух человек, которые будут работать достаточно долго.

В мае 1978 года агенты ФБР задержали троих советских разведчиков, которые должны были изъять из тайника важные данные о технике борьбы с подводными лодками, заложенные офицером американского военного флота. Но офицер оказался агентом-двойником, он работал на ФБР и военно-морскую контрразведку. Советские разведчики угодили в ловушку.

Одного из троих, атташе советского полпредства при ООН Владимира Петровича Зинякина, защищенного дипломатическим иммунитетом, отпустили (ему пришлось покинуть США). Сотрудникам секретариата ООН Рудольфу Петровичу Черняеву и Вальдику Александровичу Энгеру предъявили обвинения в шпионаже. Обоих судили, приговорили к пятидесяти годам тюремного заключения, но через год их обменяли.

Вальдик Энгер потом говорил, что он не хотел идти на ту встречу, боялся, считал американца подставой. Но резидент требовал новых вербовок…

Начальнику разведки поступало огромное количество информации. Главное, какие выводы он из нее делал. В своих воспоминаниях Крючков писал, что «добываемые разведкой материалы говорили о подготовке стран НАТО к войне… К войне готовились и мы, хотя у нас никогда и не было намерения ее начать… Нас втягивали то в один, то в другой дорогостоящий виток гонки вооружений. Порочный круг этого бесконечного марафона все туже затягивался петлей на нашей шее».

Выходит, Крючков действительно верил, что НАТО собирается напасть на Советский Союз? И что нашу страну кто-то насильно втягивал в гонку вооружений, а не само советское руководство, в первую очередь председатель КГБ Андропов и министр обороны Устинов, требовало отдать все силы и ресурсы армии?

При таком скудном уровне осмысления окружающей действительности никакой аппарат разведки не поможет…

Сам Крючков немало гордился одной операцией советской разведки. В августе 1974 года на Кипре произошел военный переворот, который закончился разделом острова, потому что на севере высадились турецкие войска. Президентский дворец в

Никосии бомбили, и путчисты передали, что убит и сам президент — архиепископ Макариос.

Но КГБ организовал передачу по радио от имени Макариоса, что президент жив и призывает всех к борьбе с заговорщиками. Путч провалился, а Макариос, как потом выяснилось, к удивлению самих советских разведчиков, действительно выжил. Это Крючков называет успешным использованием службы «А» — «активные мероприятия». Обычно ее называют службой дезинформации… Большой удачей этой службы считается распространение фальшивки, из которой следовало, что вирус иммунодефицита человека, приводящий к СПИДу, создан в американских военных лабораториях. Впервые эту информацию удалось опубликовать в Индии, оттуда она пошла гулять по всему миру.

В 1979 году в составе первого главного управления КГБ появился 20-й отдел, который ведал сотрудничеством с разведками «прогрессивных стран», в основном арабских. Началось тесное сотрудничество со спецслужбами Ирака, Сирии, Ливии и Южного Йемена. Этот же отдел ведал отношениями с африканскими режимами, которые получали оружие от Советского Союза.

Еще в 1970 году при первом главном управлении усилиями Сахаровского был создан информационно-аналитический институт научно-технической разведки. В июле 1979 года Крючков преобразовал его в Научно-исследовательский институт разведывательных проблем, который должен был обобщать практический опыт и обогащать оперативный состав новыми разработками. Со временем появился еще и Институт управления, которому поручили компьютеризировать разведку. По указанию Крючкова была написана «История внешней разведки органов государственной безопасности Советского Союза». Она была секретной и предназначалась для воспитания молодого поколения чекистов.

В июне 1978 года Крючков во главе делегации КГБ впервые приехал в Афганистан. Он сыграл активную роль в Афганской кампании. Потом, когда пытались установить, кто же принял решение ввести войска в Афганистан, все отказались, и получилось, что это произошло вроде как само собой. В реальности разведка своими сообщениями из Кабула, своими оценочными материалами и прогнозами способствовала принятию решения о вторжении. Сообщения о том, что американцы намерены проникнуть в Афганистан и превратить его в форпост против Советского Союза, версия о том, что лидер Афганистана Хафизулла Амин — американский шпион, — все это

работа разведки.

Однако предугадать подъем народного возмущения против советских войск разведка не смогла. Хотя сам Крючков уже признал, что в апреле 1978 года в Афганистане произошел всего лишь дворцовый переворот, а вовсе не народная революция, выражающая интересы широких масс трудящихся.

Народно-демократическая партия Афганистана была расколота на две фракции — «Хальк» («Народ») и «Парчам» («Знамя»), Обе фракции ненавидели друг друга. Эта вражда в значительной степени была порождена личным соперничеством между двумя вождями — Нур Мухаммедом Тараки («Хальк») и Бабраком Кармалем («Парчам»), Резидентура внешней разведки в Афганистане поддерживала отношения с группой «Парчам». Вот один из немногих рассекреченных документов того времени.

В мае 1974 года (за четыре года до переворота в Кабуле) заместитель заведующего международным отделом ЦК КПСС Ростислав Александрович Ульяновский направил своему начальству секретную записку:

«Лидер группы «Парчам» Народно-демократической партии Афганистана Кармаль Бобрак (так писали в те годы. — *Л. М.)* обратился к сотруднику резидентуры Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР в Кабуле, с которым он поддерживает неофициальные связи, с просьбой оказать содействие в поездке в Москву на лечение жены его брата — Джамили Найт Барлай (шифротелеграмма из Кабула, спец. КГБ № 349 от 13 мая 1974 года).

Д.Н. Барлай, афганка, 26 лет, дочь члена ЦК группы «Парчам» Анахиты, активного сторонника дружбы и тесного сотрудничества Афганистана с Советским Союзом.

Считали бы возможным удовлетворить просьбу К. Бобрака. Прием, обслуживание и лечение Д.Н. Барлай можно было бы возложить на IV Главное управление при Минздраве СССР. Расходы по приобретению билета на самолет туристским классом от Кабула до Москвы можно было бы отнести за счет сметы по приему зарубежных партработников».

К решению секретариата ЦК было приколото приложение — телеграмма резиденту:

«Шифром КГБ

Кабул

Резиденту КГБ

Передайте лидеру группы «Парчам» Народно-демократической партии Афганистана К. Бобраку, что его просьба о поездке в Москву на лечение жены его брата Д.Н. Барлай удовлетворена. Оплатите стоимость авиабилета на самолете

Аэрофлота туристским классом за счет сумм центра.

О выезде Д.Н. Барлай в Москву информируйте».

В 1991 году ко мне в редакцию журнала «Новое время» пришел полковник Александр Викторович Морозов. В 1975–1979 годах он был заместителем резидента внешней разведки в Кабуле. Полковник Морозов рассказывал мне, как действовала разведка в Афганистане, какую роль в этих событиях сыграл Крючков. Его рассказы воплотились в серию статей, которые мы напечатали под общим названием «Кабульский резидент».

Теперь мы знаем, как развивались события.

В конце 1976 года Хафизулла Амин сообщил Нур Мухаммеду Тараки, что офицеры-халькисты готовы взять власть в стране и свергнуть Мохаммеда Дауда, который с июля 1973 года был главой государства и премьер-министром (в феврале 1978 года он стал президентом страны). Об этом стало известно советским разведчикам в Кабуле. Резидентура информировала Крючкова. Тот доложил в ЦК КПСС и предложил посоветовать руководителям Народно-демократической партии Афганистана воздержаться от каких-либо вооруженных авантюр, которые могут закончиться разгромом партии. В ЦК согласились с точкой зрения разведки.

В Кабуле на вилле корреспондента ТАСС была организована встреча с Тараки. Сотрудник резидентуры на словах передал лидеру партии послание из Москвы:

— Мы располагаем информацией о том, что среди членов группы «Хальк» есть безответственные элементы, призывающие к вооруженной борьбе с режимом Дауда. По мнению ЦК КПСС, это опасно для партии и всех левых сил. Поэтому мы просим товарища Тараки, если ему что-либо известно о таких экстремистах, оказать на них влияние и не допустить никаких оплошностей, способных нанести вред мировому коммунистическому движению.

Тараки спокойно все выслушал. Когда его спросили, кто отвечает за работу «Хальк» в армии, он сказал:

— Эту работу ведет мой преданный, надежный и верный ученик товарищ Амин.

Тараки предложил познакомить советских товарищей с Амином. Эти встречи тоже проходили на вилле корреспондента ТАСС. Тем не менее военный переворот произошел. Правда, режим Дауда сам его спровоцировал.

В ночь с 25 на 26 апреля 1978 года были арестованы Тараки, Кармаль и другие члены ЦК НДПА. Амина же забрали не ночью, а под утро. И он успел передать своим соратникам в армии сигнал к выступлению. Один из участников заговора сообщил обо всем

советским разведчикам. Если бы советская разведка предупредила президента Дауда, судьба Афганистана пошла бы иным путем. Остались бы живы и сотни тысяч афганцев, и пятнадцать тысяч советских солдат. При Дауде Афганистан был прекрасным соседом нашей стране…

Офицеры-халькисты взяли штурмом президентский дворец и перестреляли Дауда вместе с его окружением. Нападавшие получили приказ не брать президента в плен. Халькисты боялись, что, если президент Дауд уцелеет, он рано или поздно попытается вернуть себе власть. Точно так же через полтора года советские чекисты и десантники, взяв президентский дворец, застрелили Хафизуллу Амина.

Поначалу «Хальк» и «Парчам» по-братски поделили власть. Нур Муххамед Тараки стал председателем Революционного совета и премьер-министром. Бабрак Кармаль — заместителем председателя Ревсовета и премьер-министра. Хафизулла Амин — заместителем премьер-министра и министром иностранных дел. Но между победителями сразу же началась грызня…

Позднее, работая на телевидении, я познакомился еще с одним человеком, который наблюдал начало афганской трагедии с близкого расстояния.

Я снимал фильм об уже покойном Александре Николаевиче Шелепине, который был членом политбюро и секретарем ЦК. Валерий Иннокентьевич Харазов учился с Шелепиным в одной школе в Воронеже. Они дружили с пятого класса и прошли вместе через всю жизнь. Харазов тоже был партийным работником, он стал вторым секретарем ЦК компартии Литвы, кандидатом в члены ЦК КПСС. Но его карьера была сломана из-за того, что он не захотел порвать с попавшим в опалу Шелепиным.

Валерий Харазов вспоминал:

— Мне прямо сказали: «Прекрати связь с Шелепиным». Я ответил: «Нет. Я связан с ним с детства, а вы хотите, чтобы я отказался от такой дружбы?» — «Тогда будет хуже». Я сказал: «Пусть будет хуже, но дружбу с Шелепиным я не порву»…

Такая верность дружбе произвела на меня сильное впечатление. И я с большим доверием отношусь к рассказам Валерия Харазова, который сразу после апрельской революции приехал в Афганистан во главе первой группы партийных советников. Харазов познакомил меня еще и с генералом Василием Петровичем Заплатиным, который был советником начальника Главного политического управления афганской армии.

Генерал Василий Заплатин приехал в Афганистан в конце мая 1978 года. Валерий Харазов — в первых числах июня, то есть они

оба появились там буквально через месяц после апрельской революции 1978 года, когда к власти пришла Народно-демократическая партия. Новые афганские лидеры собирались строить в стране социализм по советскому образцу. Но наши советники, первыми прибывшие в Кабул, увидели настолько сложную и запутанную картину афганской жизни, о которой советские руководители в Москве имели, пожалуй, весьма приблизительное представление.

Тараки желал быть единоличным хозяином страны, а Кармаль не соглашался на роль второго человека. Тем более что вторым фактически становился Хафизулла Амин, которого продвигал Тараки.

— Все министры-халькисты были веселы, довольны, постоянно улыбались, — вспоминает Валерий Харазов. — Они взяли власть, они руководили страной. А парчамистов они обливали грязью.

Фантастическая амбициозность Тараки и Бабрака Кармаля не позволяла им наладить элементарное сотрудничество. Валерий Харазов рассказывал, как буквально через два дня после приезда советских гостей принял сам Тараки:

— Настроение у него было приподнятое. Он рассказывал о ситуации в стране, и чувствовалось, что он находится в состоянии эйфории после революции, которую так легко удалось осуществить. Он говорил, что революция в Афганистане может быть примером для всех стран Востока.

После общей беседы Тараки попросил задержаться руководителя группы Харазова и советского посла Пузанова. Александр Михайлович Пузанов еще при Сталине был назначен главой правительства РСФСР и кандидатом в члены президиума ЦК. Когда его убрали с высокой должности, то перевели в послы.

Тараки мрачно сказал советским гостям:

— Вам хочет сделать заявление Бабрак Кармаль.

Через секретаря пригласили Кармаля. Вошел мрачный человек, поздоровался, сел рядом с Харазовым и, не сводя ненавидящего взора с Тараки, стал говорить о том, что в партии сложилось ненормальное положение. Он просит сообщить об этом в Москву. В руководстве Афганистана нет коллегиальности, все вопросы решают два человека — Тараки и Амин. А он, Кармаль, фактически отстранен от руководства партией и страной.

Лицо у него было злобное, глаза красные, вспоминает Харазов.

— Я нахожусь в золотой клетке, — продолжал Кармаль. — Я — второй человек в партии и государстве, но я ни в чем не принимаю участия. Мне надо или притвориться больным, или

уехать куда-то послом…

В этот момент Тараки ударил кулаком по столу и сказал:

— Хватит! У нас в партии демократия, у нас коллегиальность. Мы все решения принимаем коллективно. Но кое-кто не хочет выполнять принимаемые нами решения. Предупреждаю: по тем, кто не желает выполнять решения, мы пройдемся железным катком.

Бабрак Кармаль встал, попрощался и ушел. После этого разговора Тараки, возбужденный и возмущенный, никак не мог успокоиться. Харазов и Пузанов напрасно пытались перевести разговор на другую тему. Тараки все время повторял:

— Мы пройдемся железным катком!

Через несколько дней Харазов попросил главу Афганистана о новой встрече, на сей раз один на один. Тараки принял его. Но уже не был так радушен, как в прошлый раз, видимо догадываясь, о чем пойдет речь.

Харазов стал говорить, что Москва одобрила объединение двух фракций — «Хальк» и «Парчам». Объединение позволяет партии стать еще более влиятельной в стране, а раскол, напротив, таит в себе большую опасность для молодого государства. Тараки слушал невнимательно и без интереса. Когда Харазов закончил, Тараки попросил передать в Москву благодарность за заботу о единстве партии. На этом разговор закончился. Обсуждать эту тему он не захотел.

— Мне стало ясно, — вспоминает Харазов, — что старая вражда вспыхнула вновь, основы для сотрудничества двух фракций нет и примирение невозможно.

Кармаль заявил Тараки, что если ему, второму человеку в стране, никто не желает подчиняться, то он вообще устраняется от государственных дел. Тараки решил поступить по советским канонам: отправить Кармаля и его друзей послами в разные страны.

И при первой же встрече спросил советского посла: как к этому отнесутся в Москве?

Пузанов, не запрашивая мнения Центра, сразу же одобрил план Тараки:

— Если товарищ Кармаль не понимает текущего момента, если он только мешает руководству страны работать, пусть едет за границу.

Тараки, объявляя Кармалю о своем решении, сослался на мнение советского посла. Об этом, вспоминал полковник Морозов, стало известно нашей резидентуре. Но повлиять на развитие событий разведчики не могли. А ведь Бабрак Кармаль надеялся, что Москва вступится за него. Накануне отъезда в

Прагу Кармаль вместе с двоими друзьями-парчамистами приехали на виллу корреспондента ТАСС. На этой вилле он многие годы встречался с сотрудниками резидентуры, которые с ним работали.

Кармаль попросил устроить ему беседу с послом. Пузанов растерялся. Он не хотел встречаться с опальным Кармалем, чтобы не портить отношения с Тараки и Амином. Посол велел передать Кармалю, что его нет в Кабуле. Всю ночь Кармаль и его друзья жаловались советским разведчикам на превратности судьбы…

Утром в посольстве решили, что в любом случае надо поставить Амина в известность, что Кармаль просил о встрече с Пузановым, но посол его не принял. Выслушав сообщение, Амин удовлетворенно кивнул:

— Я знаю об этом.

Одновременно с Кармалем в разные страны уехали послами еще пять видных деятелей фракции «Парчам», в том числе Наджибулла, будущий президент, который тогда отправился в Тегеран. В ночь перед отъездом Бабрак собрал у себя лидеров фракции и сказал им:

— Я еще вернусь. И под красным флагом.

Парчамисты решили вновь уйти в подполье. Фактически на этом ночном совещании речь шла о подготовке «Парчам» к захвату власти. Халькисты узнали о том, что произошло. Многих парчамистов сняли с высоких должностей, арестовали. Из армии выгнали чуть ли не всех командиров-парчамистов.

В мае 1979 года, вспоминает полковник Морозов, резидентура получила информацию о том, что Амин отправляет в Прагу группу боевиков с заданием убить Кармаля. Об этом сообщил один из боевиков, который до революции работал на управление национальной безопасности Афганистана, но стал единомышленником парчамистов. Сотрудники резидентуры не сомневались в надежности своего источника и доложили в Москву.

Крючков счел сообщение провокацией и предложил заморозить контакты с информатором. Возможно, он боялся, что это Амин проверяет своих советских друзей. Но летом контрразведка Чехословакии обнаружила и обезвредила группу афганских боевиков, которые все-таки добрались до Праги…

В конце лета 1979 года резидентура получила сведения о том, что Амин готовится арестовать троих членов ЦК НДПА — Абдула Керима Мисака, Шараи Джоузджани и Дастагира Панджшири. Советские представители встревожились: все трое считались преданными друзьями Москвы. Но и ссориться с Амином никто не хотел. Представитель КГБ в Афганистане

предложил предупредить всех троих об опасности и предложить им тайно уехать в Советский Союз.

Эта миссия была поручена посольскому переводчику, постоянно выполнявшему задания резидентуры. Он встретился с Абдулом Керимом Мисаком. Но предупрежденные об арестах члены ЦК повели себя совсем не так, как ожидалось. Они предпочли броситься с повинной к Амину. На следующий день Амин пригласил к себе представителя КГБ и потребовал немедленно убрать из Афганистана посольского переводчика. Он добавил, что среди советских представителей есть и другие люди, которые «живут старыми понятиями и представлениями и не понимают изменившейся ситуации в Афганистане и не способствуют успеху апрельской революции».

Переводчика без возражений откомандировали на родину. Репрессии против связанных с Москвой людей не встречали возражений со стороны советских партийных работников, которые старались ладить с Амином.

«Получив дорогие подарки, за обильными обедами, когда столы ломились от ароматных жареных барашков, а водка лилась рекой, разве можно было задавать острые вопросы и подвергать сомнению линию Амина?» — вспоминал полковник Морозов.

Между советскими работниками в Афганистане не было единства. Партийные и военные советники считали, что надо работать с фракцией «Хальк», которая фактически стоит у власти. Представители КГБ сделали ставку на фракцию «Парчам», которая охотно шла на контакт и казалась легкоуправляемой.

Секретарь ЦК КПСС по международным делам Борис Николаевич Пономарев, напутствуя Харазова перед поездкой в Кабул, честно признался:

— Апрельская революция была для нас неожиданностью. Наши работники поддерживали контакты только с халькистами, и мы не знаем Бабрака Кармаля и не знаем парчамистов. Ты нам, кстати, сообщи, что у него имя, а что фамилия?

А сотрудники резидентуры внешней разведки КГБ установили контакты именно с парчамистами, которые отчаянно пытались завоевать расположение Москвы. Сотрудники КГБ увидели в этой интриге шанс: уверенные в своих силах халькисты ведут себя самостоятельно, а парчамисты готовы подчиняться Москве во всем. Значит, на парчамистов и на их лидера Бабрака Кармаля и надо делать ставку.

— Как правило, у нас было единое мнение с послом Пузановым и главным военным советником генералом Гореловым, — вспоминает Харазов. — Мы все согласовывали между собой. Припоминаю такой случай. Однажды мы

находились на переговорном пункте, где была прямая связь с Москвой, гарантированная от подслушивания. Я беседовал с руководителем одного из отделов ЦК, а генерал Горелов докладывал начальнику Генерального штаба Огаркову.

Маршал Огарков попросил Харазова взять трубку и поинтересовался его мнением о ситуации в стране. Потом спросил:

— У тебя единое мнение с Гореловым или вы расходитесь?

Харазов твердо ответил:

— У нас единое мнение.

Но у группы партийных советников не было контактов с руководителями представительства КГБ.

— Генерал Богданов уклонялся от этих контактов, — говорит Валерий Харазов, — возможно, потому, что наши оценки положения в Афганистане были очень разными.

Генерал-майор Леонид Павлович Богданов был главным представителем первого главного управления КГБ.

В практической работе Тараки был беспомощным. Амин, напротив, оказался прекрасным организатором. Амин, физически крепкий, решительный, упрямый и жестокий, обладал огромной работоспособностью и сильной волей.

— Амин имел огромный авторитет в стране, — говорит Харазов. — По существу, он в апреле 1978 года отдал приказ о вооруженном выступлении. Так что халькисты всегда говорили, что настоящий герой революции — Амин.

Тараки называл Амина «любимым и выдающимся товарищем» и с удовольствием передавал ему все дела. Тараки не любил и не хотел работать. Его славили, как живое божество, и ему это нравилось. Тараки царствовал, Амин правил. И постепенно отстранял Тараки от руководства государством, армией и партией. Многим советским представителям в Кабуле казалось естественным, что власть в стране переходит в руки Амина, ведь Тараки не способен руководить государством.

— Когда я был в Кабуле, Тараки и Амин были едины — водой не разольешь, — говорит Валерий Харазов. — Причем Амин тянул весь воз работы на себе. Он занимался партийными делами, армией, кадрами. А потом начались интриги. Прежде всего в нашем союзническом аппарате. Тараки и Амина стравили…

— А у вас было ощущение, что Амин плохо относится с Советскому Союзу, что он симпатизирует Соединенным Штатам? — спрашивал я Харазова. — Ведь потом это утверждение станет главным объяснением, почему убили Амина и заменили его Кармалем.

— Амин постоянно говорил о своих дружеских чувствах к

Советскому Союзу, — вспоминает Харазов. — Слухи о том, что Амин — агент ЦРУ, были и при нас. Основывались они на том, что он недолго учился в США и был там руководителем землячества афганцев. Но ни тогда, ни сейчас, через двадцать лет после его устранения, не найдено никаких подтверждений того, что он был агентом ЦРУ.

— К Советскому Союзу Амин относился к уважением и любовью, — говорит генерал Заплатин. — У него было два святых праздника в году, когда он позволял себе спиртное, и это были не афганские, а советские праздники — 7 ноября и 9 мая.

Когда Амина убили, а с ним погибли двое его сыновей, вдова с дочками и младшим сыном поехала в Советский Союз, хотя ей предложили любую страну на выбор. Но она сказала: мой муж был другом Советского Союза, и я поеду только в Советский Союз…

Между афганскими лидерами был не политический конфликт, а личный, это была война амбиций. Ею воспользовались наши советники, принадлежавшие к разным ведомствам. Ведомства тоже конкурировали между собой.

— Отношение к русским было тогда прекрасным, — вспоминает Валерий Харазов. — «Шурави» считались друзьями. Незнакомые люди прямо на улице приглашали нас в гости. Но все это было до ввода наших войск. После ввода войск у афганцев коренным образом изменилось отношение к русскому человеку.

Хотя недовольство новым режимом проявилось довольно быстро. В ответ начались массовые аресты реальных и потенциальных противников новой власти. Хватали многих — часто без каких-либо оснований. Арестовывали обычно вечером, допрашивали ночью, а наутро уже расстреливали. Руководил кампанией репрессий Хафизулла Амин.

Советники несколько раз разговаривали с Амином на эту тему. Ему говорили, что такая поспешность в решении судьбы людей может привести к катастрофе. Рассказывали о трагическом опыте сталинских репрессий. Он отвечал:

— У вас тоже были большевики и меньшевики. Но пока были меньшевики, порядка в стране не было. А вот когда вы от меньшевиков избавились, все у вас стало нормально. У нас примерно такое же положение…

По словам полковника Морозова, Амин цитаты для своих выступлений находил в сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)», который всегда был у него под рукой. Глава представительства КГБ в Афганистане генерал Борис Иванов, сообразив, откуда Амин черпает свое вдохновение, доверительно сказал ему:

— Товарищ Амин, я тоже сталинист!

Однажды к генералу Заплатину обратилась за помощью русская женщина, которая вышла замуж за афганца, учившегося в Советском Союзе. Он был муллой, и его арестовали. Женщина умоляла Заплатина помочь. Генерал попросил афганцев узнать, за что арестовали человека. Афганский генерал пришел с извиняющимся лицом, объяснил, что муллу уже расстреляли.

— За что? — спросил Заплатин.

На этот вопрос ему ответить не смогли. Расстреливали по списку. Несчастный человек оказался в одном из расстрельных списков, его и уничтожили. Использование советского опыта накладывалось на афганские традиции — устранять предшественников и соперников. Разве что идейной борьбы в Афганистане не было, просто уничтожали оппонентов.

Один из руководителей международного отдела ЦК КПСС говорил удивленному Харазову:

— Ну что ты хочешь? Это же Восток! Там такие традиции. Когда приходит новое руководство, оно прежде всего лишает жизни своих предшественников.

В Москве спокойно относились к этим традициям, пока их жертвой не пал Тараки, которому чисто по-человечески симпатизировал сам Брежнев…

Тараки первоначально был настроен оптимистически.

Революция далась очень легко. Молодые военные взяли дворец, уничтожили главу правительства Дауда и его окружение, и все — власть у них в руках. Это вдохновило Тараки. Он был уверен, что и дальше все будет хорошо, никаких осложнений не возникнет. Тем более что Афганистану помогает Советский Союз. Но все пошло иначе.

Страна сопротивлялась социалистическим преобразованиям. Афганцы не спешили становиться марксистами. Очень быстро сопротивление стало вооруженным. В марте 1979 года вспыхнул антиправительственный мятеж в крупном городе Герате. К мятежникам присоединились части гератского гарнизона, был убит один из наших военных советников.

Тараки просто растерялся. Более решительный Амин предложил поднять боевые самолеты в воздух и уничтожить город. Главком военно-воздушных сил позвонил советским офицерам: что делать? Наши советники пришли к Амину и уговорили его отменить этот безумный приказ.

Именно после восстания в Герате испуганный Тараки упросил Москву принять его. Он прилетел и долго уговаривал советское руководство ввести войска. Тогда ему отказали. Видя, что происходит, Амин стал действовать активнее. Он считал, что

Тараки не в состоянии удержать власть.

Тараки сформировал Совет обороны — по образцу того, который был в Советской России при Ленине. На заседания всегда приглашали главного военного советника Горелова и Заплатина. Всякий раз, прежде чем принять окончательное решение, спрашивали их мнение. Амин требовал все более жестких мер. Когда началось восстание на границе с Пакистаном, Амин предложил сжечь все населенные пункты, считая, что там живут одни мятежники.

Заплатин встал и сказал:

— Если это предложение будет принято, мы не станем участвовать в этой операции, потому что вы нас втягиваете в гражданскую войну. Я не верю, что все села мятежные.

Хафизулла Амин посмотрел на советского генерала разъяренными глазами, но свое предложение снял.

В августе в кабульскую резидентуру советской разведки пришел запрос: «Просим тщательно разобраться, нет ли серьезных трений и разногласий в отношениях между Тараки и Амином и есть ли в рядах НДПА такие же или более сильные личности, чем Амин».

Ответ резидентуры гласил: вся реальная власть в руках Амина, поэтому надо либо сократить его полномочия, либо подумать о его замене. Партийные и военные советники придерживались прямо противоположного мнения: надо поддерживать Амина.

Сначала министра обороны в Афганистане не было, курировал министерство Амин, но он был занят тысячью дел. Потом назначили министром активного участника революции полковника Мохаммеда Аслана Ватанджара. По мнению Заплатина, эта ноша недавнему командиру батальона оказалась не по плечу.

Однако Тараки очень любил Ватанджара, который принадлежал к так называемой «группе четырех», которая объединилась против Амина. В эту группу входили руководитель госбезопасности Асадулла Сарвари, министр связи Саид Мохаммед Гулябзой и министр внутренних дел Шерджан Маздурьяр (затем — министр по делам границ).

Тараки просил Заплатина взять Гулябзоя на политработу в армию, рекомендовал его: он очень хороший товарищ. Генерал Заплатин дважды с ним разговаривал и отверг. Сказал Тараки откровенно:

— Он мне не нужен. Он не хочет работать. Ему надо отдохнуть и погулять.

По мнению генерала Заплатина и других наших военных

советников, «группа четырех» — это были просто молодые ребята, которые, взяв власть, решили, что теперь они имеют право ничего не делать, расслабиться и насладиться жизнью.

— А дело страдало, — заключил Заплатин. — Они гуляют, Тараки их поощряет, прощает им выпивки и загулы, а Амин работает и пытается заставить их тоже работать. Они жалуются Тараки на Амина, обвиняя Амина в разных грехах. Вот с чего началась междоусобица.

Полковник Александр Кузнецов много лет проработал в Афганистане военным переводчиком, был там и во время апрельской революции. Он вспоминает:

— Амин, конечно, не был трезвенником, но считал, что в военное время нельзя пить, гулять, ходить по девочкам. А наши органы как работают? С кем-то выпить, закусить и в процессе застолья расспросить о чем-то важном.

Но с Амином так работать было нельзя, зато с четверкой можно. Они и стали лучшими друзьями сотрудников КГБ. За Саравари, министром госбезопасности Афганистана, стояло представительство КГБ; это был их человек.

Информация «группы четырех» пошла по каналам КГБ в Москву. Их оценки будут определять отношение советских лидеров к тому, что происходит в Афганистане. Четверка старалась поссорить Тараки с Амином, надеясь отстранить Амина от власти. А тот оказался хитрее. В начале сентября, выступая на митинге в Кабульском университете, Амин назвал людей, которые руководят заговором и которых поддерживает американское ЦРУ. Это были четыре министра во главе с Ватанджаром.

13 сентября все четверо в сопровождении охраны неожиданно нагрянули в советское посольство. Они хотели разговаривать с главой представительства КГБ в Афганистане генерал-лейтенантом Борисом Семеновичем Ивановым. Они сказали, что Амин — агент ЦРУ и враг революции. Генерал Иванов попросил их изложить все на бумаге и предпочел поскорее вывести опасных гостей из посольства.

На следующее утро, вспоминает полковник Морозов, сотрудник резидентуры приехал к министру Гулябзою. Он должен был забрать обращение четырех министров и заодно в вежливой форме попросить опальных министров больше не приезжать к генералу Иванову в посольство.

У Гулябзоя собрались все четыре министра. Они были вооружены пистолетами и автоматами. Прямо при сотруднике резидентуры Саравари позвонил Тараки и стал ему говорить, что Амин готовит заговор и что они четверо готовы приехать и взять

Тараки под защиту. Тараки это предложение отклонил.

Сотрудник резидентуры забрал подготовленные четверкой бумаги, в которых говорилось, что Хафизулла Амин начал встречаться с кадровыми работниками ЦРУ еще до апрельской революции, и вернулся в посольство. А в два часа дня его жена пришла в посольство и сказала, что четыре министра приехали к ним домой.

— Давай, старик, рви домой и узнай, чего они хотят, — сказал разведчику полковник Богданов, руководитель представительства КГБ при спецслужбах Афганистана.

Афганцы с автоматами и ручными пулеметами рассредоточились по всему дому.

— Мы больше не могли оставаться у себя, — объяснил Гулябзой. — Амин дал команду арестовать нас. Мертвыми мы никому не нужны, а живыми можем пригодиться советским друзьям. Надеюсь, советское руководство нас поймет.

Афганцы приехали на «тойоте», эту машину Саравари забрал из гаража расстрелянного президента Дауда еще в апреле 1978 года. Доложили генералу Иванову и послу Пузанову. Те не знали, что делать. Потом решили афганцев перевести на виллу, которую занимали бойцы из спецотряда КГБ «Зенит», они охраняли советских представителей в Афганистане.

А «тойоту», на которой приехали афганские министры, перегнали в посольство и поставили в один из боксов. Потом, чтобы скрыть следы, машину разобрали и по частям закопали поблизости от посольства.

Противоречия между представительством КГБ и военными советниками в Кабуле дошли до предела.

— На одном совещании, — вспоминает Заплатин, — дело дошло до того, что мы друг друга готовы были взять за грудки.

Генерала Заплатина злило то, что днем в рабочее время руководители представительства госбезопасности вольготно располагались в бане, выпивали, закусывали.

— Как понять логику представителей КГБ? — спросил я Заплатина. — Они считали Амина неуправляемым, полагали, что надо посадить в Кабуле своего человека и все пойдет как по маслу, так, что ли?

— Они делали ставку на Бабрака Кармаля, — считает генерал Заплатин, — и были уверены, что необходимо привести его к власти. А для этого придется убрать Амина. Бабрак, считали они, сможет найти общий язык с Тараки. Почему им нравился Бабрак? Он — легкоуправляемый человек. Амин может и не согласиться с мнением советских представителей, проводить свою линию. Но он не был пьяницей, как Бабрак. Даже по одной этой причине

Бабрака Кармаля нельзя было допускать к власти.

Противоречия между военными советниками и аппаратом представительства КГБ сохранялись все годы афганской эпопеи. Генерал Александр Ляховский, который много лет прослужил в Кабуле, вспоминает:

— Уже после ввода наших войск ввели жесткое правило: из Афганистана в Москву отправляли только согласованную информацию, которую подписывали посол, представитель КГБ и руководитель оперативной группы Министерства обороны. А представительство КГБ все равно потом посылало свою телеграмму, часто не совпадающую с согласованной. Когда наша командировка заканчивалась, заехали в представительство КГБ попрощаться: «Спасибо за совместную работу». Один из них сказал: «Да вы и не знаете, сколько мы вам пакостей подстроили»…

Наши военные советники рассказывают, что «группа четырех», которая перешла на нелегальное положение, даже пыталась поднять восстание в армии против Амина — с помощью советских чекистов.

Заплатин вспоминает, как 14 октября 1979 года вспыхнул мятеж в 7-й афганской пехотной дивизии и ему пришлось поднять танковую бригаду, чтобы его подавить. После подавления мятежа Заплатин поехал в посольство, чтобы рассказать об операции. В приемной посла сидел один из работников посольства и буквально плакал. На недоуменный вопрос, что случилось, Пузанов ответил, что чекист льет слезы по поводу неудавшегося мятежа, который его агенты же и организовали. Вот так «дружно» трудился советнический аппарат в Афганистане.

Осенью 1979 года Тараки летал на Кубу. На обратном пути остановился в Москве. С ним беседовал Леонид Ильич Брежнев, плохо отозвался об Амине, говорил, что от этого человека надо избавиться. Тараки согласился. Но как это сделать?

Председатель КГБ Юрий Андропов успокоил Тараки: когда вы прилетите в Кабул, Амина уже не будет… Но не получилось. Амина в общей сложности пытались убить пять раз. Успешной оказалась только последняя попытка. Два раза его хотели застрелить, еще два раза отравить. Генерал Ляховский рассказывал мне о том, как два советских снайпера из спецотряда КГБ «Зенит» подстерегали президента Амина на дороге, по которой он ездил на работу. Но акция не удалась, потому что кортеж проносился с огромной скоростью.

С отравлением тоже ничего не получилось. Стакан кока-колы с отравой вместо него выпил племянник — Асадулла Амин, шеф контрразведки, и тут же в тяжелейшем состоянии был отправлен

в Москву. Здесь его вылечили, а потом посадили в Лефортово, потому что у власти уже был Бабрак Кармаль. Его пытали, чтобы заставить дать показания против Амина. Он проявил твердость и ничего не сказал. Его вернули в Афганистан, и он был казнен…

Когда в Кабуле Тараки вышел из самолета и увидел Амина, которого уже не должно было быть в живых, он был потрясен. Но два врага обнялись как ни в чем не бывало.

Амина попытались убить еще раз — на сей раз руками самих афганцев.

14 сентября 1979 года советский посол Пузанов приехал к Тараки и пригласил туда Амина. Тот ехать не хотел. И был прав в своих подозрениях. Но советскому послу отказать не мог. Во дворце Тараки в Амина стреляли, но он остался жив и убежал. Это уже было объявлением войны.

Весь тот вечер и ночь между Тараки и Амином шла борьба. Тараки приказал армии уничтожить Амина. Но войска кабульского гарнизона в целом остались на стороне Амина. Наши советники тоже позаботились о том, чтобы войска не покинули казарм. Два вертолета Ми-24 поднялись в воздух, чтобы обстрелять ракетами здание министерства обороны, где сидел Амин, но наши советники сумели их посадить, потому что в здании было полно советских офицеров.

В Москве не думали, что так произойдет, и действовали крайне нерешительно. Хотели отправить отряд спецназа охранять Тараки, но в последний момент приказ отменили. Отряд «Зенит» ждал приказа взять штурмом резиденцию Амина и захватить его. Но приказа не последовало…

На следующий день Тараки был изолирован. 16 сентября в здании министерства обороны прошло заседание Революционного совета, а затем пленум ЦК НДПА. Тараки потерял должности председателя Революционного совета и генерального секретаря.

Оба поста достались Амину. Первым делом он взялся уничтожать своих противников — расстрелял несколько тысяч человек.

17 сентября Амин принимал поздравления, в том числе от советского посла. Вернувшись, Пузанов рассказал дипломатам:

— Мы стоим перед свершившимся фактом — Амин пришел к власти. Тараки не выдержал его напора. Тараки — рохля. Он никогда не выполнял обещаний, которые нам давал, не держал слово. Амин всегда соглашался с нашими советами и делал то, что мы ему предлагали. Амин — сильная личность, и нам надо строить с ним деловые отношения.

А ведь представительство КГБ только что сообщало в Москву,

что Тараки — это сила и устранить Амина не составит труда. Получилось все наоборот. Теперь уже представительство КГБ должно было во что бы то ни стало свергнуть Амина.

Президент Хафизулла Амин, видно чувствуя, как к нему относятся, говорил генералам Горелову и Заплатину: помогите встретиться с Леонидом Ильичом Брежневым:

— Если мне в Москве скажут: уйди — я уйду. Я за должности не держусь. Но дайте мне высказать свою позицию!

26 сентября 1979 года руководителей группы военных советников вызвали в Москву. Перед отъездом они зашли к Амину и попросили ответить на вопрос, который им обязательно должны были задать дома: какова судьба свергнутого Тараки? Что с ним будет дальше?

Амин ответил, что Тараки живет во дворце, вместе со своей женой и братом. Ни один волос с его головы не упадет. Амин попросил генералов взять с собой письмо на имя Брежнева. Они согласились, но предупредили советского посла, что Амин обращается непосредственно к генеральному секретарю. В таких случаях посольство оказывается в невыгодном положении, поэтому посол Пузанов сказал: хорошо бы ознакомиться с содержанием письма раньше, чем оно попадет к Брежневу.

— Но для этого нужно было получить письмо в руки, а его все не везут и не везут, — вспоминает генерал Заплатин.

Самолет улетал из Кабула в десять утра. Когда Заплатин и Горелов уже поднялись на трап, появился начальник главного политического управления афганской армии и вручил им послание Брежневу в запечатанном конверте. Сотрудники посольства издалека грустно проводили письмо глазами.

Письмо Амина генералы передали начальнику Генштаба Николаю Огаркову. Главный вопрос, который ставил Амин, — о встрече с Брежневым. Второе — он просил поменять советского посла и главного военного советника. Не потому, что к ним были личные претензии, а, скорее, по формальному признаку — оба работали еще при Дауде. Афганцы говорили: они нас не понимают, они с прежним режимом еще не распрощались.

Москва вскоре отзовет и посла Пузанова, и генерала Горелова. Не потому, что откликнулась на просьбу Амина, а потому, что посол и главный военный советник не были поклонниками Бабрака Кармаля, которого собирались вернуть в Кабул.

Когда Тараки задушили, собственная судьба Амина была решена. Брежнев счел это личным оскорблением: он гарантировал безопасность Тараки, а его убили.

— Что скажут в других странах? — переживал Брежнев. —

Разве можно верить Брежневу, если его заверения в поддержке и защите остаются пустыми словами?

Леонид Ильич санкционировал спецоперацию в Кабуле.

В качестве прикрытия в КГБ сразу же придумали версию, что Амин — агент ЦРУ. Началась переброска наших спецподразделений в Афганистан. Андропов приказал доставить Бабрака Кармаля в Москву.

«Власть в стране решено было передать в руки Бабрака Кармаля, — пишет Крючков. — Его следовало доставить в Кабул из Чехословакии».

За Кармалем поехал сам Крючков. Но когда он уже был в Праге, позвонил Андропов:

— Слушай, я тут подумал и решил, что тебе не нужно самому встречаться с Кармалем. Надо еще посмотреть, что из этого выйдет, а тебя мы можем сжечь. Да и вообще, стоит ли сразу выходить на уровень начальника разведки?

Осторожный Андропов не знал, получится ли организовать переворот в Кабуле и поставить во главе страны того, кого выбрали в Москве.

На заседании политбюро 6 декабря 1979 года было принято решение согласиться с предложением Андропова и начальника Генерального штаба Огаркова отправить «для охраны резиденции Амина» специальный отряд ГРУ Генштаба «общей численностью около 500 человек в униформе, не раскрывающей его принадлежности к Вооруженным Силам».

Этот батальон и взял потом штурмом дворец Амина, убив его самого, и его семью, и советского врача, и вообще всех, кто там находился…

10 декабря 1979 года генералу Заплатину позвонили из Москвы: ваша дочь просит о немедленной встрече с вами, возвращайтесь. Встревоженный генерал тут же вылетел в Москву. Разумеется, его дочь ни к кому не обращалась. Заплатина отозвали из Кабула, потому что он считал необходимым сотрудничать с Амином. А в Москве приняли иное решение.

Я спрашивал генерала Заплатина:

— Представительство военных и КГБ были вроде как на равных. Но вы не сумели убедить Москву в своей правоте, а сотрудники КГБ смогли. Они были влиятельнее?

— Конечно, — ответил Заплатин. — Оценка политической ситуации в стране — их компетенция. Мне министр обороны на последней беседе именно это пытался втолковать.

Утром Заплатина вызвали к министру, но Дмитрий Федорович Устинов уже стоял в шинели, уезжал в Кремль, сказал: зайдите потом. В ожидании министра Заплатин два часа говорил

с начальником Генерального штаба Огарковым. Николай Васильевич спрашивал: не настало ли время ввести войска в Афганистан, чтобы спасти страну? Заплатин твердо отвечал: нельзя, тогда мы втянемся в чужую гражданскую войну.

После заседания политбюро Устинов вернулся и вызвал к себе опять Огаркова, Заплатина и начальника Главного политуправления генерала Епишева.

Огарков сказал министру:

— Товарищ Заплатин остается при своем мнении.

— Почему? — удивился Устинов. — Вы напрасно пытаетесь отстаивать свою позицию. Вот почитайте, что представительство КГБ сообщает о положении в Афганистане.

В шифровке говорилось, что афганская армия развалилась, а Амин находится на грани краха. Это была та самая телеграмма, которую Заплатин отказался подписать в Кабуле.

Заплатин прочитал шифровку и твердо сказал:

— Товарищ министр, это не соответствует действительности. Я знаю, от кого эта информация поступает в КГБ.

Устинов сказал:

— Ты изучаешь тамошнюю обстановку вроде как попутно. А они головой отвечают за каждое слово.

— Понимаю, — кивнул Заплатин. — Если бы была трезвая голова, все было бы правильно, а когда голова пьяная, тогда…

Генерал думал, что министр выгонит его из кабинета. Устинов посмотрел на Заплатина, на Епишева, на Огаркова и как-то задумчиво заключил:

— Уже поздно.

Только потом Заплатин узнал, что именно в тот день на заседании политбюро было принято окончательное решение ввести советские войска в Афганистан. Отступать Устинову уже было некуда.

Решение о вводе войск, принятое 12 декабря 1979 года, было оформлено совершенно секретным постановлением политбюро № П 176/125. Вот как выглядит этот документ, написанный от руки:

«К положению в А.:

1. Одобрить соображения и мероприятия, изложенные тт. Андроповым Ю.В., Устиновым Д.Ф., Громыко А.А.

Разрешить им в ходе осуществления этих мероприятий вносить коррективы непринципиального характера. Вопросы, требующие решения ЦК, своевременно вносить в Политбюро.

Осуществление всех этих мероприятий возложить на тт. Андропова Ю.В., Устинова Д.Ф., Громыко А.А.

2. Поручить тт. Андропову Ю.В., Устинову Д.Ф., Громыко А.А. информировать Политбюро ЦК о ходе исполнения намеченных

мероприятий.

Секретарь ЦК *Л.И. Брежнев»*

К решению приложена справка, написанная Черненко:

«26 декабря 1979 г. (на даче присутствовали тт. Брежнев Л.И., Устинов Д.Ф., Андропов Ю.В., Громыко А.А., Черненко КУ.) о ходе выполнения постановления ЦК КПСС № П 176/125 от 12 декабря 1979 года доложили тт. Устинов, Громыко, Андропов.

Тов. Брежнев Л.И. высказал ряд пожеланий, одобрив при этом план действий, намеченных товарищами на ближайшее время. Признано целесообразным, что в таком же составе и направлении доложенного плана действовать Комиссии Политбюро ЦК, тщательно продумывая каждый шаг своих действий…»

Подготовкой операции в Кабуле руководили генерал Вадим Кирпиченко, заместитель Крючкова, и старший представитель КГБ в Афганистане Борис Иванов. 19 декабря 1979 года им в помощь отправили нового начальника нелегальной разведки Юрия Дроздова (его утвердили начальником управления в середине ноября — после работы резидентом в Нью-Йорке). Они доложили в Москву, что уничтожить Амина и заменить его Кармалем невозможно без поддержки армии. Поэтому в Кабул 25 декабря была переброшена 103-я гвардейская воздушно-десантная дивизия.

Предполагалось, что Амин сам заявит о том, что по его приглашению советские войска входят в Афганистан, а уже потом его уберут. С пропагандистской точки зрения так было бы правильнее. Уже объявили, что Амин выступит по телевидению. Бабрак Кармаль, находившийся под охраной офицеров 9-го управления советского КГБ, ждал своего часа.

Но КГБ поторопился. С помощью шеф-повара — нелегала КГБ (в литературе встречается его фамилия — Талибов, он свободно говорил на фарси), — работавшего в президентском дворце, Амину дали отравленную пищу. (Перед этим отравили племянника Амина — Асадуллу, который руководил госбезопасностью, — его эвакуировали в Москву для лечения.)

Выступить по телевидению президент Афганистана уже не смог. Но прежде чем Амин потерял сознание, он попросил советского посла прислать врачей — своим не доверял. А посол и не подозревал, что КГБ проводит за его спиной спецоперацию в Кабуле! Советские врачи — терапевт полковник Виктор Петрович Кузнеченков и хирург полковник Анатолий Владимирович Алексеев — спасли президента только для того, чтобы его через несколько часов расстреляли спецназовцы. Они же в горячке боя убили и одного из советских врачей — Виктора Кузнеченкова.

Спецназ КГБ вместе с десантниками штурмом взяли дворец

Амина, оборону которого создавали офицеры 9-го управления (охрана высшего руководства страны) КГБ. При этом было убито большое количество афганцев, которые, умирая, не могли поверить, что их убивают лучшие друзья. До последней секунды не верил в это и президент Амин. Его убили вместе с малолетними сыновьями — одному было всего пять лет. Дочь Амина была ранена в обе ноги. Ее, как и всех родственников убитого президента, посадили в тюрьму.

Рассказывают, что Амину отрезали голову и в полиэтиленовом пакете доставили в Москву — отчитаться о проделанной работе. Обезглавленное тело завернули в ковер и закопали рядом с дворцом.

30 декабря 1979 года Кирпиченко и Дроздов через Самарканд вылетели в Москву. 31 декабря 1979 года они доложили Андропову об успешно проведенной операции. Андропов обещал всех наградить и приказал участникам акции все забыть, а документы, связанные с убийством Амина, уничтожить. Кирпиченко был утвержден первым заместителем начальника первого главного управления КГБ.

Андропов и Крючков в Афганистане попались в ловушку своего ведомства, которое соблазнило их простотой решения проблемы: убрать Амина, привезти в Кабул своего человека, Кармаля, и поставить его у власти. Тайные операции чрезвычайно соблазнительны простотой, дешевизной и секретностью. Потом, правда, все оказывается иначе, но ведь это потом…

В 1980 году Крючков приехал в Афганистан знакомиться с обстановкой. Он вернулся в полной уверенности, что дела идут неплохо. По его тезисам готовился проект директив разведке. Главный тезис начальника разведки был таков: «Весна и лето 1981 года станут решающими в окончательном и полном разгроме сил контрреволюции».

Когда полковник Морозов, к тому времени уже работавший в центральном аппарате разведки в Москве, предложил своему начальству заменить этот тезис, он услышал:

— Если Владимир Александрович сделал такой вывод, значит, так и следует писать.

Крючков и разведка привели к власти в Кабуле Бабрака Кармаля. Владимиру Крючкову же поручили через несколько лет, в мае 1986 года, заставить Кармаля отдать власть. Ему уже подобрали замену. С помощью советских чекистов в Кабуле была создана новая Служба государственной информации (переименованная позже в министерство государственной безопасности), которую возглавил Наджибулла. Его чекисты и прочили на пост первого человека в стране. Пока в Кабуле

проповедовали марксизм, он просил называть его просто «товарищ Наджиб». Когда пришли к выводу, что с исламом необходимо считаться, президент вновь стал Наджибуллой…

Апрель 1986 года Кармаль провел в Советском Союзе, отдыхал и лечился. С ним вели ласковые беседы, уговаривая уйти в отставку и принять почетный пост председателя Революционного совета. В Москве думали, что Кармаль исполнит волю советского руководства, как он делал это на протяжении многих лет. Но отдавать власть он не хотел и заявил, что должен для начала побывать в Кабуле. Помешать ему было невозможно. Но возникло опасение: не начнутся ли новые распри в афганском руководстве с применением оружия?

Вслед за Кармалем в Кабул отправили Крючкова. 2 мая начальник советской разведки уже был в президентском дворце. Владимир Александрович был главным партнером Кармаля и в политических делах, и в личных — афганского лидера охраняли и опекали чекисты. Крючков долго уговаривал Кармаля уйти. Это описано в книге Леонида Шебаршина, который тогда помогал начальнику разведки в афганских делах, а потом занял его место.

Бабрак Кармаль не сдавался. Забыв о восточных церемониях, говорил откровенно резко:

— Информация, которую отправляют в Москву советский посол и представительство КГБ, является ложной! — Вдруг сорвался и закричал: — Убейте меня! Принесите меня в жертву! Я готов к смерти, к тюрьме, к пыткам!

Он говорил, что советские представители вмешиваются во внутренние дела Афганистана:

— Оставьте в покое афганскую революцию! Вы говорите, что в Афганистане гибнут советские люди? Уходите, выводите свои войска! Пусть афганцы сами защищают свою революцию!

Долгая беседа закончилась безрезультатно. Но за Кармаля взялись ведущие афганские министры. Они тоже говорили, что он должен уйти. И он ушел. Генеральным секретарем сделали другого ставленника КГБ — Наджибуллу. Бабрака Кармаля вывезли в Советский Союз, обеспечив ему жизнь пенсионера союзного значения.

Самым трудным для Крючкова был 1982 год, когда Андропов (после смерти Суслова) перешел в ЦК, а председателем КГБ стал генерал-полковник Виталий Васильевич Федорчук, выходец из военной контрразведки.

Прощаясь с коллегией КГБ, Андропов говорил:

— Центральный комитет утвердил новым председателем комитета Виталия Васильевича, хорошо вам известного. Я даже не сказал Федорчука, поскольку вы знаете, о ком речь идет. Я рад,

что выбор пал на него. Это со всех сторон хорошо. Он поработал в военной контрразведке, поработал здесь, в центральном аппарате, и, по-моему, двенадцать лет поработал на Украине. Так что знает другую работу. Это — основание к тому, чтобы ему здесь продуктивно еще поработать. Конечно, я думаю, товарищи, что весь коллектив наш окажется вполне на высоте в том плане, чтобы помощь Виталию Васильевичу была обеспечена. Это очень важно. Поэтому расстаемся мы так: с одной стороны, грустно, но, с другой стороны, нужно. Но все-таки для коммунистов всегда на первом месте было нужно. Так и будем поступать…

Характерно, что Юрий Владимирович не нашел ни одного доброго слова для своего преемника. Назначение Федорчука стало для него неприятным сюрпризом. Федорчук был ставленником генерала армии Георгия Карповича Цинева, одного из самых близких к Брежневу людей. Сам Цинев не мог возглавить КГБ, поэтому уговорил Леонида Ильича поставить на это место Федорчука.

А Брежнев хорошо помнил, что Хрущева удалось снять с должности благодаря связке Шелепин — Семичастный, и не хотел, чтобы Андропов оставил во главе КГБ своего человека. Леонид Ильич, напротив, поставил во главе госбезопасности офицера, у которого не сложились отношения с Андроповым.

Владимир Крючков входил в другую команду, андроповскую, и ощущал слабость своего положения. В те месяцы, с мая до ноября 1982 года, Андропов был совершенно отстранен от деятельности комитета и полностью лишился своего влияния на кадровые дела в КГБ. Новый председатель не только с ним не советовался, но и вообще не звонил, игнорировал. В этой ситуации Федорчук запросто мог сменить и начальника разведки, и Андропов не посмел бы и слова сказать. Все, что касается КГБ, решал лично генеральный секретарь.

Федорчук проработал на Лубянке всего семь месяцев, но успел доставить своим новым подчиненным массу неприятностей. После очередного побега на Запад советского разведчика, вспоминал Вадим Кирпиченко, Федорчук сказал руководителям первого главного управления, что их подчиненным не обязательно знать иностранные языки, на встречи с агентами можно ходить с переводчиком: так оно даже надежнее, вдвоем не убегут, будут контролировать друг друга.

— Я сам, — поделился председатель личным опытом, — когда служил в Австрии, приглашал к себе агентов из числа австрийцев и беседы проводил через переводчиков.

Став после смерти Брежнева в ноябре 1982 года генеральным секретарем, Андропов вызвал к себе Федорчука и сказал, что

сейчас крайне важно укрепить Министерство внутренних дел и что он будет назначен министром.

Андропов подсластил пилюлю:

— Тебе присвоим звание генерала армии, так что ни в чем тебя не ущемим.

Юрий Владимирович поставил во главе КГБ своего доверенного человека — Виктора Михайловича Чебрикова, который пришел в комитет на должность начальника главного управления кадров с поста второго секретаря Днепропетровского обкома партии. Виктор Михайлович пришелся по душе Андропову своей надежностью и исполнительностью. Чебрикова, как днепропетровца, считали брежневским человеком. На самом деле он был душой и телом предан Андропову. Он не претендовал на лидерство, не примеривался к председательскому креслу и не занимался интригами.

Почему Андропов выбрал Чебрикова, а не Крючкова, с которым работал еще с венгерских времен? Для Андропова Крючков оставался помощником, которого он продвигал, выдвигал, но не представлял в такой самостоятельной роли. Чебриков был профессиональным партийным работником, его назначение вполне укладывалось в рамки кадровых канонов.

Виктор Михайлович руководил КГБ шесть лет. Он не очень любил Крючкова, но был слишком инертен, чтобы думать о смене начальника разведки. Первое время новый генеральный секретарь Михаил Сергеевич Горбачев дорожил надежным и неамбициозным председателем КГБ, унаследованным от Андропова. Но потом увидел, что Чебриков не только внутренне сопротивляется духу перемен, но и не очень годится на эту роль. Молчаливый, строгий и немногословный, Чебриков казался, наверное, человеком, который более всего боится сказать лишнего. Потом выяснилось, что ему, возможно, просто нечего сказать. Горбачеву был нужен человек с более широким кругозором, более гибкий и готовый ему помочь.

В январе 1988 года Крючков получил звание генерала армии. А в сентябре Горбачев передвинул Чебрикова с поста председателя КГБ на уже менее значимый пост секретаря ЦК, куратора административных и правоохранительных органов. На его место был назначен Крючков. 1 октября Владимир Александрович приступил к исполнению обязанностей председателя Комитета госбезопасности.

Почему Горбачев предпочел именно Крючкова? Ему предлагали кандидатуру другого первого заместителя председателя КГБ — генерала армии Филиппа Денисовича Бобкова, бывшего начальника пятого управления. Можно

предположить, что Горбачев выбрал человека из разведки, полагая, что тот меньше руководителей внутренних подразделений КГБ станет противодействовать перестройке.

Крючкова приблизил к Горбачеву член политбюро и секретарь ЦК Александр Николаевич Яковлев. После смерти Андропова Крючков почувствовал себя крайне неуверенно. Он лишился опоры и стал искать, на кого опереться. Полковник внешней разведки Александр Викторович Киселев вспоминал, как в августе 1985 года на коллегии КГБ разбирались случаи побега чекистов на Запад.

«Как хлестали и безапелляционно критиковали все присутствующие начальника разведки! Как дружно они срывали на нем какое-то непонятное миру зло! И ни слова о глубинных причинах всех происшедших в разведке неприятностей…

Я искренне переживал за своего начальника, отлично сознавая, что его личная вина минимальна, что внешняя разведка состоит из живых людей, что это — частичка того сообщества, которое именуется советским народом, переживающим идейную деградацию и экономическую катастрофу. Под мудрым руководством КПСС».

Крючков еще при жизни Черненко поверил в судьбу Горбачева, но не знал, как подойти к нему. Он попытался сделать это через Яковлева, близкого к Горбачеву. Александр Николаевич вспоминал, как «Крючков напористо полез ко мне в друзья, буквально подлизывался ко мне, постоянно звонил, зазывал в сауну, всячески изображал из себя реформатора».

Крючков во всех разговорах с Яковлевым давал понять, что он — именно тот человек, который нужен Горбачеву.

«Он всячески ругал Виктора Чебрикова за консерватизм, — пишет Яковлев, — утверждал, что он профессионально человек слабый, а Филиппа Бобкова поносил последними словами и представлял человеком, не заслуживающим доверия, душителем инакомыслящих».

Крючков упросил Яковлева познакомить его с Валерием Ивановичем Болдиным, главным помощником Горбачева, — «объяснял свою просьбу тем, что иногда появляются документы, которые можно показать только Горбачеву, в обход председателя КГБ Чебрикова».

Постепенно Крючков добился своего.

Академик Яковлев вспоминает, что перед уходом на пенсию Чебриков, как всегда очень спокойно, сказал ему:

— Я знаю, что ты поддержал Крючкова, но запомни — это плохой человек, ты увидишь это.

И добавил слово из разряда характеризующих — что-то

близкое к негодяю.

Уже после августовского путча 1991 года на выходе из Кремлевского дворца съездов Чебриков догнал Яковлева, похлопал по плечу и сказал:

— Ты помнишь, что я тебе говорил о Крючкове?

Горбачева, наверное, подкупило и такое качество Крючкова, как его безраздельная преданность хозяину и несамостоятельность в политике. Михаил Сергеевич знал, каким верным помощником Крючков был для Андропова, и хотел обрести такого же толкового и исполнительного подручного.

Преемник Крючкова на посту начальника разведки Леонид Шебаршин пишет: «Видимо, Крючков показался Михаилу Сергеевичу более гибким, динамичным и податливым человеком… Думается, генеральный секретарь сильно заблуждался и не заметил за мягкой манерой, внешней гибкостью и послушностью Крючкова железной воли и упрямства, способности долго, окольными путями, но все же непременно добиваться поставленной цели».

Тогдашний заведующий международным отделом ЦК КПСС Валентин Михайлович Фалин в 1989 году пытался поставить точку в истории с расстрелом пленных поляков весной 1940 года. Позорное катынское дело на протяжении всех послевоенных десятилетий портило отношения с польским народом. На пленуме ЦК Фалин отвел в сторону председателя КГБ Крючкова и пожаловался на то, как трудно восстанавливать подлинную историю Катыни по косвенным свидетельствам и материалам. А ведь в КГБ, по сведениям Фалина, имелось запечатанное досье с резолюцией «вскрытию не подлежит».

— И сейчас имеется, — подтвердил Крючков, считая, что Фалин исполняет поручение генерального секретаря. — В нем есть все.

— И приказ, на основании которого все совершалось?

— Приказ тоже. Никуда не денешься, придется каяться, — согласился Крючков.

Фалин доложил Горбачеву.

— Мне Крючков ничего о таких документах не докладывал, — отрезал Михаил Сергеевич.

Фалин позвонил Крючкову:

— Генеральный что, не совсем в курсе насчет катынских документов?

— Каких документов? — удивился председатель КГБ. — Наверное, мы недопоняли друг друга.

Крючков уже выяснил, что Горбачев вовсе не давал указания вскрывать досье. Генеральный секретарь предпочитал делать вид,

что ничего не знает. Михаил Сергеевич передал пакет с этими документами Ельцину в декабре 1991 года, когда происходила официальная передача власти. И только Ельцин распорядился предать документы гласности…

Если бы Горбачев не сменил Чебрикова на Крючкова, августовских событий 1991 года, скорее всего, не произошло бы.

Владимира Александровича Крючкова всегда считали бледной тенью своего начальника и покровителя Юрия Андропова. Вот каким посол на Кубе Александр Семенович Капто, бывший секретарь ЦК компартии Украины по идеологии, увидел Крючкова: «Когда же я в сопровождении офицера КГБ зашел в большую, шикарно отделанную импортными материалами комнату, мне настречу вышел «человек Андропова» — так можно было бы кратко сказать о нем».

Серая мышь, исполнительный помощник, гений канцелярии, Крючков чувствовал себя как рыба в воде в особой атмосфере тайной полиции. Умение выполнять приказы сделало Крючкова необходимым сначала Андропову, затем его преемникам. В Крючкове видели незаметного и неамбициозного исполнителя, готового выполнить любой приказ. Мастера на все руки. Таким он и был. Приказали убить афганского лидера Хафизуллу Амина — выполнил. Приказали обеспечить вывод советских войск из Афганистана — он с той же энергией взялся за новое задание на пару с тогдашним министром иностранных дел Эдуардом Шеварднадзе, который высоко оценил служебное рвение председателя КГБ.

Сидя на своих досье, как Скупой рыцарь на мешках с золотом, Крючков начал мнить себя самостоятельным политиком, одним из вождей. Наступил момент, когда Владимиру Александровичу надоела роль безмолвного исполнителя. Феноменальная память и фантастическая осведомленность о том, что происходит в стране, только подогревали тщательно скрываемое честолюбие.

Горбачев пребывал в блаженной уверенности, что вознесенный на высокий пост председатель КГБ будет вечно хранить ему верность. А Крючков считал, что его заставили слишком долго ждать в приемной и что он достоин большей роли. С ним произошло то, что случается со слугой, который днем разнашивает туфли для господина, а ночью тайно их примеряет. Изо дня в день он докладывал Горбачеву секреты своих досье и постепенно исполнялся презрения к хозяину: тот все заглатывал, но ничего не предпринимал. Значит, Горбачев слаб. Почему бы в таком случае не заменить его?

«Крючков, — сказано в одной из книг Ельцина, — как бы шел на польский вариант. Он исходил из прецедентов, созданных в

социалистических странах. Условно говоря, однажды он посмотрел на себя в зеркало и сказал: да, я гожусь на роль Ярузельского, который стал на многие годы главой государства. Пожилой военный, в очках, с тихим голосом, который спокойно и твердо вывел страну из тупика».

Крючков считал себя сильной личностью и решил проверить свои способности на деле. И с треском провалился в августе 1991 года. Серая мышь не может стать львом. Гений канцелярии ни на что не годится на поле боя…

Когда 21 августа генеральный прокурор России Валентин Георгиевич Степанков объявил председателю КГБ, что он арестован, Крючков обреченно сказал:

— Теперь комитету конец.

В определенном смысле он был прав. Если бы он не устроил эту авантюру, возможно, и СССР бы не распался, и КГБ сохранился как единый организм.

22 августа, сразу после ареста, Крючков написал Горбачеву письмо. Это послание сильно отличается от тех интервью, которые Крючков потом станет давать, от его многочисленных статей и двухтомника воспоминаний. Это первое письмо, пожалуй, было искренним:

«Лично!
Президенту СССР
товарищу М.С. Горбачеву
Уважаемый Михаил Сергеевич!

Пока числюсь в задержанных по подозрению в измене Родине, выразившейся в заговоре с целью захвата власти и осуществлении его. Завтра может быть арест и тюремное задержание и далее по логике.

Очень надеялся на обещанный Вами разговор, но он не состоялся. А сказать есть чего!

Какой позор — измена Родине! Не буду сейчас писать Вам более подробное письмо, в нем ведь не скажешь, что надо. Прошу разговора краткого, но важного, поверьте.

Уважаемый Михаил Сергеевич! Надо ли нас держать в тюрьме. Одним под семьдесят, у других со здоровьем. Нужен ли такой масштабный процесс? Кстати, можно было бы подумать об иной мере пресечения. Например, строгий домашний арест. Вообще-то мне очень стыдно!

Вчера послушал часть (удалось) Вашего интервью о нас. Заслужили или нет (по совокупности), но убивает. К сожалению, заслужили!

По-прежнему с глубоким человеческим уважением.

В. Крючков»

Кажется, это был единственный случай, когда ошеломленный полным провалом его идеи и арестом Крючков признал, что ему стыдно, что он уважает Горбачева и что он заслужил те оценки, которые ему дали.

25 августа 1991 года из следственного изолятора Матросская Тишина бывший председатель КГБ написал еще одно письмо Горбачеву:

«Уважаемый Михаил Сергеевич!

Огромное чувство стыда — тяжелого, давящего, неотступного — терзает постоянно. Позвольте объяснить Вам буквально несколько моментов.

Когда Вы были вне связи, я думал, как тяжело Вам, Раисе Максимовне, семье, и сам от этого приходил в ужас, в отчаяние. Какая все-таки жестокая штука эта политика! Будь она неладна. Хотя, конечно, виновата не она.

18.8 мы в последний раз говорили с Вами по телефону. Вы не могли не почувствовать по моему голосу и содержанию разговора, что происходит что-то неладное. Я до сих пор уверен в этом. Короткие сообщения о Вашем пребывании в Крыму, переживаниях за страну, Вашей выдержке (а чего это стоило Вам!) высвечивали Ваш образ. Я будто ощущал Ваш взгляд. Тяжело вспоминать об этом. За эти боль и страдания в чисто человеческом плане прошу прощения. Я не могу рассчитывать на ответ или какой-то знак, но для меня само обращение к Вам уже стоит что-то…

Понимаю реальности, в частности мое положение заключенного, и на встречу питаю весьма слабую надежду. Но прошу Вас подумать о встрече и разговоре со мной Вашего личного представителя.

С глубоким уважением и надеждами…»

В апреле 1993 года начался процесс по делу ГКЧП.

Крючкова обвиняли по статье 64 (измена родине) и статье 260 (злоупотребление властью) Уголовного кодекса РСФСР. 23 февраля 1994 года новая Государственная дума приняла закон об амнистии. Крючков, как и другие обвиняемые по делу ГКЧП, вернулся домой. Формально, согласившись на амнистию, он признал свою вину. На самом деле виноватым он себя не чувствовал. Напротив, чем дальше, тем более Крючков считал себя героем.

В 1993 году Крючков со страниц одной газеты обвинил

академика Яковлева в том, что у него были недопустимые контакты с западными спецслужбами, а проще говоря, заявил, что того завербовали еще во время стажировки в США в 1960 году. На допрос в генеральную прокуратуру как свидетеля вызвали бывшего председателя КГБ Чебрикова.

Виктор Михайлович сказал, что ему на сей счет — до появления статьи Крючкова — ничего не было известно. Профессиональные разведчики посмеивались над Крючковым.

Его бывший заместитель в разведке генерал-лейтенант Кирпиченко писал: «Горькая истина состоит в том, что отнюдь не Центральное разведывательное управление США и не его «агенты влияния в СССР» разрушили наше великое государство, а мы сами, и все наши высшие партийные и государственные инстанции продолжали скакать на химерах, не хотели отличать мифы от реальностей и боялись проводить полнокровные демократические реформы, ничего не разрушая и никого не предавая».

Крючков так долго рассказывал о том, как завербовали Яковлева, что, наверное, даже сам в это поверил. Не зная, как еще его уязвить, Крючков написал: «Я ни разу не слышал от Яковлева теплого слова о родине, не замечал, чтобы он чем-то гордился, к примеру, нашей победой в Великой Отечественной войне».

Бывший начальник разведки и председатель КГБ, видимо, не отдавал себе отчета в том, что писал. Сам Крючков войну удачно провел на комсомольской работе в тылу. Александр Николаевич Яковлев пошел на фронт добровольцем, стал морским десантником, воевал на передовой, в бою был тяжело ранен и на всю жизнь остался инвалидом.

Владимир Александрович Крючков с помощью бывших коллег выпустил двухтомник воспоминаний под названием «Личное дело» — труд очень скучный, каким, вероятно, является и сам автор. За двухтомником последовали и другие книги.

Крючков умер 23 ноября 2007 года. Прощались с ним в Культурном центре Федеральной службы безопасности. Ждали президента Путина, но он не пришел. Приехали директор ФСБ Николай Патрушев и директор Службы внешней разведки Михаил Фрадков.

Леонид Шебаршин
Три роковых дня

22 августа 1991 года в девять утра в кабинете начальника первого главного управления и заместителя председателя КГБ генерал-лейтенанта Леонида Владимировича Шебаршина зазвонил аппарат спецкоммутатора, соединяющего высшее начальство страны.

Начальник разведки уже был на работе. Открыв сейф, просматривал бумаги, решая, что можно сохранить, а что следует уничтожить. Одну бумагу, никому не доверяя, разорвал и спустил в унитаз личного туалета.

— С вами говорят из приемной Горбачева, — сказал в трубку женский голос. — Михаил Сергеевич просит вас быть в приемной в двенадцать часов.

— А где это? — поинтересовался Шебаршин.

— Третий этаж здания Совета министров в Кремле. Ореховая комната.

В Ореховой комнате, где когда-то заседало политбюро, собралось множество людей. Появился загорелый и энергичный Горбачев. Шебаршин представился президенту. Горбачев сразу вывел Шебаршина в соседнюю комнату, чтобы поговорить один на один, и задал несколько вопросов:

— Чего добивался Крючков? Какие указания давались комитету? Знал ли Грушко?

Шебаршин коротко пересказал, что говорил Крючков на совещании 19 августа.

— Вот подлец, — не сдержался Горбачев. — Я больше всех ему верил. Ему и Язову. Вы же это знаете.

Горбачев сказал, что поручает Шебаршину временно исполнять обязанности председателя КГБ. В три часа дня позвонил и сказал, что уже подписал соответствующий указ. До Шебаршина буквально несколько часов комитетом руководил первый заместитель председателя генерал-полковник Виктор Федорович Грушко. Утром ему в машину по спецсвязи позвонил Горбачев и приказал временно исполнять обязанности руководителя комитета, предупредил:

— Попрошу вас проследить, чтобы сотрудники не натворили глупостей.

Грушко заверил президента, что сделает все возможное. Виктор Федорович провел коллегию комитета и приказал отправить во все органы и войска Комитета госбезопасности

шифротелеграмму с информацией о том, что директивы о поддержке чрезвычайного положения и деятельности ГКЧП утратили силу. Коллегия КГБ послушно приняла заявление с осуждением заговора, в котором только что участвовала.

Но Горбачеву уже сообщили, что генерал Грушко во время путча действовал рука об руку с Крючковым. Тогда выбор остановили на начальнике разведки Шебаршине. Он позвонил Грушко и предупредил, что теперь он исполняет обязанности руководителя КГБ.

Возможно, генерал Шебаршин и мечтал когда-нибудь занять главный кабинет на Лубянке, но вовсе не при таких обстоятельствах, когда судьба КГБ была под вопросом.

Начальник комендантской службы доложил, что толпа на площади собирается штурмовать здание КГБ.

— Ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах не применять оружия, — распорядился Шебаршин. — Закрыть все ворота и двери, проверить решетки. Будем обращаться к московским властям и милиции.

Из чужого кабинета на пятом этаже старого здания КГБ исполняющий обязанности председателя комитета поздно вечером 23 августа 1991 года бессильно наблюдал за тем, как снимают памятник создателю советских органов госбезопасности Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому. Никто из чекистов, укрывшихся за крепкими железными воротами, не посмел защитить основателя органов государственной безопасности.

Леонид Владимирович Шебаршин родился в 1935 году в Москве, окончил школу в 1952 году. Как серебряного медалиста, его взяли без экзаменов на индийское отделение Института востоковедения. В 1954 году институт упразднили, студентов перевели в Институт международных отношений. Учился Шебаршин хорошо и на шестом курсе поехал в Пакистан на практику. После МГИМО его распределили в Министерство иностранных дел. Он сразу поехал работать в Пакистан. Начинал с должности помощника и переводчика посла.

Британская Индия в августе 1947 года распалась на два государства — Индию и Пакистан. Процесс разделения проходил крайне болезненно. Оба государства сразу оказались во враждебных отношениях и трижды воевали друг с другом. Не удалось прочертить линию границы так, чтобы обе страны остались довольны, поэтому произошло великое переселение народов. Мусульмане, индуисты, сикхи пересекали границы на поездах, грузовиках, автобусах и шли пешком, бросив все имущество. Каждая семья кого-то оставила — люди были слишком бедны или просто не решились бежать.

Индия стала союзником Москвы, а Пакистан сблизился с американцами. Индия воспринималась в нашей стране как союзник и друг, а Пакистан как государство, проводящее враждебную политику. А когда советские войска вошли в Афганистан, Пакистан превратился в базу моджахедов.

В феврале 1960 года советским послом в Пакистан был назначен известный дипломат и будущий заместитель министра иностранных дел Михаил Степанович Капица. Он был человеком самостоятельным и позволял себе фрондировать даже в отношениях с министром иностранных дел Громыко.

Сам Капица вспоминал, как во время разговора с Фам Ван Донгом, премьер-министром Вьетнама, Громыко предложил сделать паузу и вдруг спросил:

— Знаете ли вы, что такое обмен мнениями? — И сам ответил:

— Это когда товарищ Капица приходит ко мне со своим мнением, а уходит с моим. — И захохотал, довольный.

Капица тут же заметил, что бывает и наоборот.

— Но это редко! — откликнулся министр.

Под крылом Капицы Шебаршин быстро получил повышение — атташе, третий секретарь.

В то время в Москве выражали обеспокоенность военным сотрудничеством Пакистана с Соединенными Штатами. Начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба генерал армии Иван Александрович Серов рассказал Капице, что на территории Пакистана существует десять американских баз — опорный пункт возможной агрессии против Советского Союза.

В ответ на выраженное Капицей недовольство президент страны Айюб Хан спокойно объяснил советскому послу:

— На территории Пакистана нет американских военных баз. Давайте вместе с вами побываем на всех «базах», которые названы в нотах вашего Министерства иностранных дел, и вы в этом убедитесь.

Посол Капица, который повсюду ездил со своим помощником Шебаршиным, сам вскоре убедился: в Пакистане не было иностранных военных баз. По двустороннему договору об обороне американцы имели право лишь использовать пакистанские порты и аэродромы. Еще существовала станция глобальной американской системы радиорелейной связи, она была оснащена аппаратурой слежения за запуском в Советском Союзе ракет и спутников.

Откуда же взялась информация об иностранных военных базах? Ее, видимо, подбросила индийская разведка, чтобы

настроить Советский Союз против Пакистана. А в Москве поверили.

Осенью 1962 года Леонид Шебаршин вернулся в Москву и получил назначение в отдел Юго-Восточной Азии Министерства иностранных дел. Работа в центральном аппарате показалась скучной. И тут как нельзя более кстати подвернулось лестное предложение перейти в КГБ. Шебаршин принял предложение с удовольствием.

«В Комитете госбезопасности, — писал Шебаршин, — к первому главному управлению издавна сложилось особое, уважительное, но с оттенком холодности и зависти отношение. Сотрудники службы во многом были лучше подготовлены, чем остальной личный состав комитета. Они работали за рубежом и, следовательно, были лучше обеспечены материально. Им не приходилось заниматься «грязной работой», то есть бороться с внутренними подрывными элементами, круг которых никогда радикально не сужался.

Попасть на службу в ПГУ было предметом затаенных или открытых мечтаний большинства молодых сотрудников госбезопасности, но лишь немногие удостаивались этой чести. Разведка была организацией, закрытой не только для общества, но и в значительной степени для КГБ».

Впрочем, отнюдь не все дипломаты изъявляли желание перейти в разведку.

Примерно в то же время такое же предложение получил другой молодой дипломат — Юлий Александрович Квицинский, который начинал свою карьеру в советском посольстве в Берлине.

«Никто из моих хороших друзей по разведке, — вспоминает Квицинский, — никогда не агитировал меня переходить на работу в их ведомство. Наоборот, все не советовали это делать, подчеркивая, что романтика деятельности разведчика — понятие весьма относительное».

Наблюдая за дипломатами, работавшими под дипломатической крышей, Квицинский видел среди них «и трусов, и халтурщиков, и любителей подчеркнуть, что именно разведчики и составляют белую кость всей дипломатической службы». Квицинский вежливо отклонил предложение, сославшись на то, что из-за высокого давления ему не пройти медицинскую комиссию. Юлий Александрович остался дипломатом и со временем занял пост первого заместителя министра иностранных дел.

Леонид Шебаршин прошел курс подготовки в 101-й разведывательной школе, получил квартиру и в декабре 1964 года вновь отправился в Пакистан, теперь уже в роли помощника

резидента внешней разведки.

В январе 1966 года в Ташкенте глава советского правительства Алексей Николаевич Косыгин почти две недели пытался сблизить позиции президента Пакистана Айюб Хана и премьерми-нистра Индии Лал Бахадур Шастри. Косыгину удалось добиться успеха, 10 января 1966 года была подписана Ташкентская декларация, но, к несчастью, в эту же ночь индийский премьер-министр Лал Бахадур Шастри скоропостижно скончался.

Леонид Шебаршин был единственным советским дипломатом, который уже перебрался в новую пакистанскую столицу — Равалпинди. 11 января рано утром ему позвонили из Москвы и поручили связаться с министерством иностранных дел, чтобы получить разрешение на пролет советского самолета с телом индийского премьер-министра над территорией Пакистана.

Работа в Пакистане была бы приятнее, если бы не новый начальник.

«Резидент питал неодолимую тягу к спиртному, — вспоминал Шебаршин, — пил в любое время суток, быстро хмелел и во хмелю нес околесицу, густо пересыпанную матом… Дело кончилось тем, что резидент однажды свалился на приеме. Долго терпевший посол не выдержал и информировал Москву о хроническом недуге резидента».

Резидента отозвали. Вернувшись в Москву, он продолжал преспокойно работать в центральном аппарате разведки.

Впрочем, бывало и наоборот. И тогда резидент не знал, как привести в чувство сильно пьющего посла.

Владимир Семичастный вспоминал:

— Я, как председатель КГБ, приехал в одну страну, со мной пять генералов. Наш посол устраивает обед, а к концу обеда — под столом. Резидент докладывает, что посол уже и на приемах появляется в таком виде. Я своим накрутил хвосты: почему молчали? Позорище! Это же наносит вред взаимоотношениям с этой страной.

Известный разведчик, назначенный резидентом в азиатскую страну, рассказывал мне, как столкнулся с тяжелой ситуацией в советской колонии. Посол — бывший крупный партийный работник в одной из среднеазиатских республик — по-прежнему ощущал себя хозяином, которому ни в чем не может быть отказа. И он сразу попытался заставить жену своего шофера спать с ним. Кто мог сообщить об этом в Москву? Ни один дипломат этого сделать не способен — телеграммы в Центр идут только за подписью посла. И спасти женщину мог только резидент — у него своя связь, свой шифровальщик. После его телеграммы посла

отозвали. И назначили в другую страну…

Резидент в одной европейской стране вспоминал:

— Секретарь парткома и посол всегда хотели от меня, чтобы я убирал человека, если что-то происходило. А я говорил: если они спят вместе, то я тут при чем? Сами убирайте по моральным соображениям.

Но в принципе резидент не заинтересован в плохих отношениях с послом, иначе его информация в Центр начнет расходиться с информацией посла. В Москве это заметят и начнут выяснять, кто прав, что неприятно для резидента. В нормальной ситуации резиденты даже знакомят посла со своей информацией, но на следующий день после того, как отправят ее в Москву, чтобы МИД не успел доложить первым. Умный посол и умный резидент между собой не спорят.

Анатолий Федорович Добрынин, многолетний посол в Соединенных Штатах, вспоминает, что работники резидентуры держались обособленно. К тому же никому не нравилось, что они следят за «благонадежностью» всей советской колонии. Кроме того, существовало соперничество между послом и резидентом, каждый из которых спешил первым доложить в Москву важную информацию. Иногда соперничество становилось нездоровым «из-за несоответствия характеров, чванства и стремления показать в посольстве, кто из них является «настоящим боссом».

При Добрынине в Вашингтоне сменилось шесть резидентов.

«Они докладывали мне наиболее важную политическую информацию, — пишет Добрынин, — подчас советовались по поводу политических оценок. Я не был в курсе их конкретных операций и никогда не интересовался их агентурой…

Обычно во время обмена визитами на высшем уровне разведслужба получала приказ приостанавливать свою деятельность в США, чтобы предотвратить возможность возникновения публичных скандалов».

Непросто складывались отношения не только между разведчиками и карьерными дипломатами, но и внутри резидентуры. За разведчиками всегда бдительно присматривало второе главное управление КГБ (внутренняя контрразведка), которое искало врагов среди своих. Аппарат контрразведки исходил из того, что каждый отправляющийся за границу или вступающий в отношения с иностранцами может быть перевербован, и потому с величайшей подозрительностью относился к товарищам из разведки. Для сотрудников разведки это не было секретом.

— Мы были частью Комитета госбезопасности, — рассказывал мне один из ветеранов внешней разведки, — но

чувствовали, что мы все-таки — не внутренний сыск, не тайная полиция, а цивилизованный инструмент государства. Соответственно, второй главк, контрразведка нас не любила, поймать сотрудника первого главного управления на пьянке было для них праздником. Иногда им это удавалось.

Один из офицеров должен был буквально на следующий день отбыть в длительную зарубежную командировку под крышей сотрудника посольства и отмечал, как это полагалось, отъезд вместе с новыми коллегами-мидовцами в ресторане «Славянский базар». Еще в разведывательной школе будущих оперативных работников предупреждали: не ходите в рестораны, где могут быть иностранцы. А он забыл… Когда он сидел за столом, к нему подошел какой-то человек и попросил прикурить. А это оказался американец, которого вела служба наружного наблюдения КГБ.

Для наружки это был контакт иностранца с советским гражданином. По инструкции им следовало провести оперативное мероприятие — выяснить, что это за человек, к которому подошел американец. Но была плохая погода, и они поленились, как это полагается, проводить его до дому и установить адрес и имя. Выбрали более простой вариант.

Притворились пьяными и у вешалки пристали к заинтересовавшему их человеку:

— Дай прикурить! Ах, не дашь? Значит, не уважаешь?

Затеяли драку и вызвали милицию. А милиция — это учреждение, где можно потребовать предъявить паспорт. Оказавшись в милиции, сотрудник разведки предъявил не только паспорт, но и красную книжечку — удостоверение сотрудника КГБ и стал говорить:

— Да я свой, ребята! Отпустите, а то я завтра улетаю.

Наружники были счастливы. Они вызвали дежурного по КГБ, и тот забрал неудачливого разведчика. Никуда он, естественно, не поехал. Выезд за границу ему закрыли, с оперативной работы убрали и еще долго пилили во всех инстанциях:

— Зачем расшифровал себя, обнаружил свою принадлежность к комитету? Надо было сказать, что работаешь в Министерстве иностранных дел. Зачем потрясал удостоверением? Неужели не понимал, что порочишь честь комитета?

А за границей за коллегами присматривали офицеры, работавшие по линии внешней контрразведки. Самому быть разведчиком труднее, чем стучать на своего ближнего. Андропов и Крючков постоянно укрепляли службу внешней контрразведки — управление «К». 5-й отдел внешней контрразведки занимался расследованием вражеского проникновения в первое главное управление, анализом причин ухода сотрудников за рубеж,

провалов КГБ, случаев раскрытия советской агентуры за рубежом.

Служба внешней контрразведки настояла на том, чтобы посольства охранялись пограничниками, и завела во всех посольствах офицеров безопасности — легальных офицеров КГБ. Они получили официальное право приглашать к себе советских граждан для бесед по душам и осматривать все помещения, чтобы помешать врагу установить там прослушивающие устройства.

Эта служба должна была проникать в логово врага — иностранные разведки и охранять наших разведчиков, нелегальную сеть и всех советских людей за границей от чужих спецслужб. На самом деле она занималась слежкой за теми, кого ей следовало охранять. Служба внешней контрразведки большей частью шпионила за своими же, превращаясь в полицию нравов. Сотруднику резидентуры, который представлял эту службу, раскрыть агента-двойни-ка, вроде полковника Олега Гордиевского, который несколько лет работал на англичан, оказывалось не под силу.

Когда Шебаршин трудился в Индии, у него под боком работал давний агент ЦРУ — полковник Дмитрий Федорович Поляков, который был резидентом военной разведки. В 1974 году он получил генеральские погоны. Ни Шебаршин, ни офицеры внешней контрразведки ничего не заподозрили. Поляков был завербован в 1961 году в Нью-Йорке. Он храбро воевал, после войны служил в Генеральном штабе. Его взяли в разведку и отправили в Соединенные Штаты. Формально он представлял СССР в военно-штабном комитете ООН, а в реальности был заместителем резидента по нелегальной разведке.

Возможно, он не предложил свои услуги американцам, если бы не заболел тяжело младший из его троих сыновей. Американские врачи брались его вылечить, но нужно было платить. Поляков просил начальство разрешить ему положить ребенка в нью-йоркскую больницу, операция в которой могла бы спасти жизнь мальчика. Ему отказали. Мальчик умер… Поляков возненавидел советскую систему.

Генерал Поляков работал на американцев по идеологическим мотивам, денег практически не брал, только на оперативные расходы. Считается, что он выдал американцам семь советских агентов — шестерых американцев и одного англичанина. Похоже, он был самым высокопоставленным и полезным американским агентом.

Он продержался так долго, потому что был фантастически осторожен, имел крепкие нервы и завидную память. Не доверял американцам, сам заботился о своей безопасности. Если у него возникали сомнения, уничтожал шпионское оборудование, чтобы

не оставлять улик. Даже после разоблачения коллеги по ГРУ называли его «блестящим разведчиком». Он работал на американцев восемнадцать лет, пока в 1978 году не появились первые подозрения на его счет. Но подозрения были очень расплывчаты. Он вышел в отставку, и о нем забыли в ГРУ.

Бывшего генерала Полякова арестовали 5 июля 1986 года. Он знал, что его арестуют, и приехал в здание Главного разведывательного управления в генеральской форме и при всех наградах. Его сдал в 1979 году сотрудник ФБР Роберт Хансен, который за большие деньги работал на советскую разведку. Дмитрия Полякова расстреляли 15 марта 1987 года, один из его сыновей, тоже служивший в военной разведке, покончил с собой…

Практически все американские агенты были пойманы благодаря перебежчикам, которые их сдали. Как показывает опыт, усилия контрразведки обычно бесплодны. Это агенты продают агентов. Но чтобы показать свою работу, сотрудник контрразведки искал потенциальных предателей «на бытовой почве». Иначе говоря, капал в Москву на тех, кто позволял себе вольно выражаться, слишком много общался с иностранцами, закладывал за воротник или грешил по части женского пола…

Я видел, с какой трудно скрываемой неприязнью относились офицеры-разведчики к коллегам из внешней контрразведки. В журнале «Новое время» в восьмидесятых годах немалая часть зарубежных корреспондентов были разведчиками. В ожидании визы они сидели у нас в редакции, читали тассовские сводки, писали заметки — говоря профессиональным языком, осваивали обязанности по прикрытию. Молодые и симпатичные ребята, они наслаждались свободной атмосферой журналистского коллектива, где на дружеских вечеринках можно было позволить себе то, что в Ясеневе немыслимо. Но их поведение немедленно изменилось, когда среди них появился угрюмый офицер, представлявший службу внешней контрразведки. Он ждал назначения в одну из африканских стран и заодно присматривал за товарищами по службе.

Ситуация в посольствах была еще хуже. Сотрудник управления внешней контрразведки, которого именовали офицером безопасности, следил за всеми, даже за самим послом.

Один из бывших резидентов вспоминал, в какую трудную ситуацию он попал, когда сотрудник внешней контрразведки обиделся на посла, который его оборвал на совещании. Оперативный работник стал собирать материалы, что у дочери посла контакты с человеком, подозреваемым в сотрудничестве с ЦРУ.

Он составил телеграмму и принес резиденту на подпись. Резидент, конечно, понимал, что это глупость, но как не передать такую информацию в Центр? Сотрудник напишет начальству личное письмо — тут резидент помешать не может — и накапает, что резидент покрывает агента ЦРУ. Резидент нашел выход. Когда обиженный контрразведчик поехал в отпуск, резидент сочинил бумагу, что его возвращение нежелательно, потому что американцы замышляют против него провокацию. И тот больше в посольство не вернулся…

Борис Дмитриевич Панкин, назначенный в августе 1991 года министром иностранных дел, а до этого посол в Швеции и Чехословакии, был поражен тем, что сотрудники посольства — от дипломатов до обслуги — боятся не посла, а резидента КГБ, а еще больше офицера безопасности, который следил за нравами советской колонии.

Такого количества сотрудников спецслужб под разными крышами Панкин еще не видел и оказался к этому не готов. В «Комсомольской правде», где он работал, чекистов не было. Во Всесоюзном агентстве по авторским правам, которое Панкин возглавлял в семидесятых годах, секретным постановлением правительства всего девять должностей (правда, руководящих) из четырехсот пятидесяти были переданы КГБ. А тут чуть ли не каждый второй или из КГБ, или из ГРУ.

— Самым сложным в посольской жизни, — рассказывал Борис Панкин, — было ладить с этими людьми. Они свято верили в то, что все остальные дипломаты, посольство в целом существуют только для того, чтобы их прикрывать. Я однажды не выдержал и спросил резидента: «Вы что, думаете, посольство существует, чтобы служить вашей крышей?» Он на меня посмотрел как на идиота: а ты что, по-другому думаешь?

Но может быть, когда Панкин стал министром иностранных дел и получил возможность знакомиться с разведывательной информацией, он оценил разведку по достоинству? увидел, что ради такой информации ничего не жалко?

— Нет. — Панкин решительно качнул головой. — Отдельные интересные материалы они добывали. А часто просто переписывали свои донесения из посольской информации — я это видел, я же был послом. Деградировало там все.

Обычно послы не ссорятся с резидентами разведки. Но у Бориса Панкина всегда был бойцовский характер.

— И я начал с этим засильем спецслужб воевать. Особенно когда выяснил, что все это чьи-то родственники, друзья, приятели, которых пристраивают в хорошей стране.

Когда он работал в посольстве, то удивлял резидентуру

свободными встречами, интервью без подготовки, пешими прогулками по улицам. Разведчики сразу почувствовали в нем чуждый и опасный элемент. Посол Панкин отвечал им взаимностью. Он называл вербовочную деятельность «работорговлей».

«Людей, — писал Борис Панкин, — вербовали, насилуя их дух, волю, шантажировали, подлавливая на чем-то, коверкали их жизнь, жизнь их семей и близких… Ну чем их деятельность отличается от преступлений мафиози или банальных воровских шаек?»

Однажды, приехав в Москву, Панкин пришел к будущему председателю КГБ, а тогда начальнику разведки Владимиру Крючкову и сказал, что посольство в Швеции перегружено сотрудниками разведки. После этого военная разведка и КГБ превратились в его врагов.

— Они ведь хотели командовать послом, следили, куда я ездил, с кем разговаривал. Заставляли моего водителя обо всем сообщать. Они потеряли голову, потом это сами признали.

Вот тогда Панкин обнаружил, что не посол, а офицеры КГБ реальные хозяева посольства:

— Посол ничего не может. Закончился срок командировки любого сотрудника посольства — уезжай. А пока срок не кончился, посол тебя домой не отправит. А офицер безопасности любого может досрочно вернуть домой. Вот их все и боялись.

И нельзя было возразить, и нельзя заступиться, потому что КГБ был властью анонимной. Никому не говорили: вас отзывают, потому что вами недовольны чекисты. Просто объявляли: Центр считает целесообразным вернуть вас в Москву. И все.

В результате Панкина не избрали членом парткома посольства в Стокгольме. Это называлось утратой доверия коллектива, за этим обыкновенно следовал отзыв посла. Но Панкина миновала чаша сия. В Москве наступили новые времена, началась перестройка. Из Стокгольма его перевели в Прагу, чтобы на новой основе строить отношения с Восточной Европой. Здесь он опять вступил в конфликт с многочисленными «соседями». Они могли серьезно испортить ему жизнь. Но провал августовского путча 1991 года вознес его на недосягаемую для них высоту.

После возвращения из командировки, летом 1968 года, Шебаршин прошел годичные курсы усовершенствования и подготовки руководящего состава первого главного управления КГБ — на факультете усовершенствования Краснознаменного института, что было необходимо для служебного роста. Программа повторяла учебный курс разведывательной школы, но

с учетом, что в аудитории сидели профессионалы с немалым опытом. Оперативные офицеры уже состоялись как разведчики и чувствовали себя уверенно. Это была не столько учеба, сколько отдых.

Два года Шебаршин провел в центральном аппарате, и в 1971-м его отправили заместителем резидента в Индию — главный форпост советской разведки на Востоке. Шебаршин руководил линией политической разведки. В Дели была огромная резидентура, на которую не жалели денег, потому что в Индии можно делать то, что непозволительно в любой другой стране. Резидентом был Яков Прокофьевич Медяник, сыгравший большую роль в судьбе двух будущих начальников разведки — Шебаршина и Трубникова.

Леонид Шебаршин проработал в Индии шесть лет. Но после возвращения домой желанного повышения не получил. В апреле 1977 года Шебаршин приступил к работе в Ясеневе заместителем начальника отдела. Он вернулся на ту же должность, с которой уезжал. Это было не очень приятно. Хотелось движения вперед. И он с удовольствием принял предложение поехать резидентом в Иран. Назначение состоялось в мае 1978 года.

Шебаршин вспоминал, как перед отъездом в Тегеран его пригласил к себе секретарь парткома КГБ Гений Евгеньевич Агеев, бывший второй секретарь Иркутского горкома партии, среди прочего поинтересовался:

— А в театр вы ходите?

Секретарь парткома комитета хотел убедиться в том, что новый резидент обладает широким культурным кругозором. На этот ритуальный вопрос обыкновенно отвечали утвердительно, даже те, кто поражал своих коллег необразованностью и полным отсутствием интереса к литературе и искусству. К Шебаршину, литературно одаренному человеку, это никак не относилось.

Леонид Владимирович честно ответил:

— Нет, не хожу!

Секретарь парткома понимающе кивнул:

— Времени не остается.

Шебаршин игры не принял:

— Время есть. Я не люблю театр.

Гений Агеев возмутился и отчитал Шебаршина за отсутствие интереса к культурной жизни. Более того, Агеев позвонил Крючкову и просил сделать внушение тегеранскому резиденту. Начальник разведки попросил нового резидента быть осторожнее во взаимоотношениях с «большим парткомом» КГБ.

Председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов по-своему напутствовал Шебаршина:

— Смотри, брат, персы такой народ, что мигом могут посадить тебя в лужу. И охнуть не успеешь!

Для лучшего понимания обстановки в Ираке Андропов рекомендовал резиденту перечитать «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Карл Маркс написал эту работу в 1852 году, подводя итог внутриполитической борьбы во Франции, закончившейся приходом к власти племянника Наполеона.

Резидент прислушался к совету председателя. Шебаршин пишет, что его «поразила применимость многих мыслей Маркса к иранской ситуации, изящество его формулировок». Блистательный слог Карла Маркса, конечно, и по сей день производит впечатление на тонких ценителей его творчества. Но неужели в его трудах можно найти объяснение тому сложнейшему явлению, каким была исламская революция в Иране?

Шебаршин руководил резидентурой в Иране в самый сложный период исламской революции. Накануне революционных событий главной задачей тегеранской резидентуры оставалась работа с американцами, которых через несколько месяцев как ветром сдует. И Шебаршин, и другие разведчики утверждают, что они заранее предсказывали падение шахского режима. Но почему в таком случае не были заранее усилены разведывательные возможности в Иране, который после прихода к власти духовенства во главе с аятоллой Рухоллой Хомейни стал важным фактором мировой политики?

В Тегеране резидентура была небольшой и неэффективной. Шебаршин сразу отметил и слабость аналитической работы, и отсутствие контактов среди тех, кто может дать важную информацию о происходящем в стране.

Но тут уже почти все зависело от него самого.

Резидент — важнейший пост в разведке. Это самостоятельная должность. Конечно, он постоянно держит связь с Центром, получает указания, отчитывается за каждый шаг. Тем не менее многие решения резидент принимает на собственный страх и риск. Есть проблемы, которые ни с кем не обсудишь. Как правильно строить отношения с послом? Как поступить с оперативным работником, совершившим ошибку? Или с офицером, который потихоньку прикарманивал деньги, выделявшиеся на агента?

В резидентуры тоже много попадало «позвоночников», сыновей высокопоставленных персон, с которыми было очень трудно, потому что никто не хотел ссориться с их родителями. Резидент вправе, конечно, убрать слабого сотрудника, склонного, например, выпить. Но когда он это делает, то портит отношения

со всеми, кто поставил свои подписи на решении послать этого сотрудника в загранкомандировку, а на этой бумаге десяток подписей, заверяющих, что сотрудник — замечательный работник, который укрепит работу резидентуры.

Один из отставных сотрудников разведки, который тоже был резидентом, вспоминал, как среди его подчиненных оказался сын крупного начальника из Министерства иностранных дел. Однажды ночью он исчез, жена подняла шум. Наутро офицер нашелся, путано объяснил резиденту, что был в плохом настроении, всю ночь колесил по городу, а под утро заснул в машине. Можно было закрыть глаза, чтобы не ссориться с влиятельным человеком. Но резидент решил, что он не может доверять офицеру, способному выкинуть такой фортель, сообщил в Москву, и того отозвали.

Каждый оперативный работник резидентуры составляет план на неделю, обсуждает его с резидентом. Он сообщает, что будет делать в тот или иной день, заранее составляет план беседы с любым интересующим резидентуру человеком. Встречи с агентом конечно же занимают мало времени, потому что агентов мало. Главная работа сотрудника резидентуры — разработка интересующей разведку среды. Он должен постоянно искать людей, которые могут представить интерес, встречаться с ними, пытаться разговорить и прощупать на предмет возможного сотрудничества.

Когда речь идет о встрече с агентом, принимаются особые меры предосторожности. Иногда делается несколько ложных выездов, чтобы раздробить силы наружного наблюдения, следящего за посольством. Потом кто-то вывозит оперативного сотрудника в город. Тот выскакивает из машины, перебегает на другую сторону, где его на своей машине подбирает другой сотрудник и везет на условленное место.

Встречу разведчика, работающего под журналистской крышей, с другим журналистом, прикрывать не надо. Она хорошо легендирована. А контакт с важным для разведки человеком — особенно в стране, где существует сильная контрразведка, — продумывается очень тщательно. В Тегеране приходилось действовать с сугубой осторожностью.

После встречи вместе с резидентом обсуждают, как она прошла. Потому что логично ожидать подставы со стороны контрразведки или спецслужб противника. Поэтому резидент подробно выспрашивает, как шел разговор, что говорил собеседник, как отвечал, чем интересовался. В таких ситуациях решающее значение имеет профессиональный опыт резидента, который должен почувствовать, не играют ли с ними.

В принципе в резидентуре обычно нормальная атмосфера, после работы, чтобы снять напряжение, могут пропустить рюмочку. Это не возбраняется.

Сотруднику резидентуры на оперативные расходы деньги выдает резидент — в пределах определенной суммы. Если нужны дополнительные деньги, резидент обращается в Москву. У разведки есть свой бюджет, за исполнением которого следят ведомственные финансисты.

Бывший начальник финансово-экономического управления КГБ генерал Николай Иванович Шуров рассказывал в «Красной звезде»:

— Когда нас посылали на ревизию в первое главное управление, то в предписании оговорено было, где, в каком объеме и что можно смотреть… Есть дела специальные, агентурные. Это не предмет ревизии, не наш вопрос. А что касается расходов на эти цели, нам было доступно, я все это знал в определенном объеме.

— То есть вы знали, — уточнил корреспондент «Красной звезды», — что есть некий агент…

— Я не знал никаких фамилий, мог только псевдоним знать. И вообще, кто это, агент, резидент, и что именно он делает, я тоже не знал… Платили за конкретные дела. Сколько кому платили, все учитывалось. Решение о поощрении особо важных агентов принималось руководством. Был установлен очень четкий порядок, существовал строгий подход. Я считаю, что каких-то серьезных нарушений в этом плане просто не могло быть…

Один из ветеранов разведки жаловался, что он предлагал ввести какие-то объективные критерии оценки работы резидентуры и резидента, но этому все сопротивлялись. Потому что при назначении резидентов не всегда принимаются в расчет деловые критерии.

Три критерия определяют качество разведывательной информации — секретность, достоверность и актуальность.

Шифротелеграмма, отправленная в Центр, идет в два адреса: в территориальный отдел и в информационное управление, где ее анализируют в контексте информации, которая собирается со всего мира. Угодить информационно-аналитическому управлению трудно. Сидящие там бывшие оперативники критически оценивают работу своих коллег: мало секретной информации, сведения отрывочны, фрагментарны, плохо раскрыта проблема. Такую информацию начальству не докладывают. Резидент получает замечание.

Резидент в маленькой стране может давать высшего класса информацию — по профессиональным критериям, но кого

интересуют секреты Непала или Зимбабве? А резидент из Франции или Германии добывает очень мало секретной информации, но она вся докладывается, потому что от этих стран многое зависит в мировой политике.

Когда в Москву (в отпуск или командировку) приезжает резидент из Соединенных Штатов или Китая, начальник разведки очень хочет с ним поговорить, потому что его самого спрашивают наверху о событиях в этих государствах, а резиденты в маленьких странах не могут рассчитывать на внимание руководства. Им трудно обратить на себя внимание.

Исламская революция в Иране привлекла внимание всего мира. Телеграммы, отправляемые Шебаршиным из Тегерана, приобрели особое значение.

Исламская революция поначалу обрадовала советских руководителей. Международный отдел ЦК восторженно ее приветствовал, считая, что Тегеран теперь станет надежным союзником.

Соединенные Штаты лишились в Иране своих наблюдательных пунктов, которые были расположены на границе с Советским Союзом. Эти станции с гигантскими антеннами находились близко к полигону, откуда запускались советские ракеты, — Тюратам (около Аральского моря), и к полигону, где испытывались противоракеты, — Сары-Шаган (около озера Балхаш). Разведывательные посты в Иране фиксировали момент старта и записывали телеметрические данные, поступавшие на наземный командный пункт. Это позволяло фиксировать длину и диаметр ракеты, а также вес забрасываемого груза, то есть определять тип ракеты…

Хомейни, придя к власти, уничтожил просоветскую партию Туде, Москва смолчала, чтобы не раздражать Хомейни. Но очень быстро Хомейни дал понять, что ненавидит Советский Союз так же, как и Америку.

— Америка хуже Англии, — говорил аятолла Хомейни, — Англия хуже Америки, а Россия хуже их обеих.

Слова аятоллы являлись руководством к действию.

Советский Союз именовали «восточным империалистом». На здании напротив посольства красовалась надпись «Смерть советским шпионам». Советская колония в Тегеране быстро сокращалась. Новые власти старались выдавить советских представителей из страны. Разведывательная работа становилась опасной. Революционные толпы врывались на территорию посольства и крушили здания. Дипломаты и разведчики укрывались за железными решетками и дверями. В последний раз толпа ворвалась в посольство в марте 1988 года после того, как

Саддам Хусейн приказал обстрелять Тегеран ракетами советского производства.

В Тегеране и по сей день продается переведенное на русский язык завещание имама Хомейни, полное гневных и презрительных слов в адрес Советского Союза.

— Эти слова Хомейни относятся ко временам советского вторжения в Афганистан и правления коммунистов, — убеждали меня руководители министерства иностранных дел Ирана. — К тому же напавший на нас Ирак был до зубов вооружен советским оружием. Тегеран бомбили самолеты советского производства. Все тогда неодобрительно отзывались о Советском Союзе.

Что же удивляться недовольству Ирана, если КГБ закладывал тайники с оружием для членов запрещенной марксистской партии Туде. И в декабре 1985 года по решению секретариата ЦК КПСС советские разведчики переводили нелегально через границу группы активистов Туде. А в конце 1986 года секретариат ЦК принял решение принять и разместить на территории Узбекистана активистов ЦК Организации федаинов иранского народа, которым угрожал арест в Иране.

Работу Шебаршина в Тегеране омрачил побег в июне 1982 года его подчиненного — сотрудника резидентуры майора Владимира Андреевича Кузичкина, работавшего на британскую разведку. Кузичкин был направлен в Тегеран из управления нелегальной разведки и работал с немногочисленными нелегалами из находившейся в подполье партии Туде. Шебаршин с женой отдыхали в ведомственном санатории, когда его подчиненный сбежал. Леониду Владимировичу пришлось прервать отдых и давать объяснения начальству.

Спустя много лет Шебаршин не может забыть эту историю, едва не сломавшую ему карьеру. В одном из интервью зло заметил:

— Мне говорили, что в Англии он стал сильно пить. Надеюсь, что он сдох.

Шебаршин прослужил в Тегеране четыре года, вернулся в феврале 1983 года. Обычно за побег подчиненного резидента сурово наказывают. Но обошлось. Симпатизировавший ему Яков Медяник посоветовал Шебаршину сидеть тихо и ждать, пока забудется побег майора Кузичкина. Но ему пришлось принять небольшую и скромную должность, не подходящую для человека, который уже был резидентом в заметной стране.

Несколько месяцев Шебаршин проработал заместителем начальника отдела в управлении «Р», которое обобщало опыт оперативной работы и выявляло ошибки в проведенных другими операциях. В управлении собрались оперативники, которые либо

на чем-то прокололись, либо, как и Шебаршин, стали жертвой ухода коллеги на Запад.

Осенью 1983 года Шебаршина пригласил к себе начальник информационной службы первого главного управления генерал Николай Сергеевич Леонов, чья карьера в разведке сложилась благодаря тому, что он когда-то познакомился с Раулем Кастро, который вскоре стал вторым человеком на Кубе.

— Предлагаю должность заместителя, — сказал Леонов Шебаршину. — Вам дается шанс проявить себя. Считайте, что работа у нас будет как бы испытанием для вас.

Шебаршину тон разговора не понравился, но предложение он принял с удовольствием. Информационную службу вскоре повысили в статусе, преобразовали в управление. Так что и Шебаршин из заместителей начальника отдела стал замначальника управления.

Леонид Владимирович занимался афганскими делами. Летал в Кабул вместе с Крючковым, который обратил внимание на толкового молодого человека.

В апреле 1987 года ушел на пенсию по возрасту генерал-майор Яков Прокофьевич Медяник. Крючков сделал Шебаршина своим заместителем, отвечавшим за работу на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Африке.

Именно разведка многие годы поддерживала отношения с курдскими боевыми организациями. Курдов в мире примерно двадцать пять миллионов; это единственный в мире большой народ, не имеющий своего государства. Исторически Курдистан поделен между Турцией, Ираном, Ираком и Сирией. В этих странах курдские боевые организации ведут борьбу за независимость, они считаются террористическими организациями.

Поэтому Советский Союз оказывал им помощь тайно — с помощью разведки — даже в горбачевские времена. Скажем, советские руководители дружили с президентом Ирака Саддамом Хусейном, но поддерживали контакты с курдскими организациями, которые Саддам уничтожал.

«ЦК КПСС

Генеральный секретарь Демократической партии Иранского Курдистана (ДПИК) А. Касемлу обратился к М.С. Горбачеву с посланием, в котором предлагает направить в г. Москву делегацию ДПИК для встречи с представителями КПСС. Делегация имеет в виду обсудить вопрос об оказании Советским Союзом поддержки курдскому движению в Иране, Ираке и Турции…

В настоящее время ДПИК ведет вооруженную борьбу за

свержение правящего в Иране режима. КПСС официальных связей с ДПИК не имеет. В соответствии с постановлением ЦК КПСС от 19 июля 1985 года закрытые контакты с руководством ДПИК осуществляются КГБ СССР. С учетом того, что приезд в СССР делегации ДПИК, даже негласный, мог бы нанести ущерб советско-иранским межгосударственным отношениям, полагали бы целесообразным пока воздержаться от установления прямых связей между КПСС и ДПИК…

А. Касемлу можно бы ответить, что мы готовы поддерживать с ним контакты по ныне существующим каналам…

С первым заместителем министра иностранных дел т. Воронцовым Ю.М. и заместителем председателя КГБ СССР т. Крючковым согласовано.

Г. Корниенко, заместитель заведующего международным отделом ЦК КПСС

16 сентября 1987 г.»

Такое решение и было принято. Резиденту КГБ в Багдаде 23 сентября 1987 года ушла шифротелеграмма:

«При очередной встрече с представителем руководства Демократической партии Иранского Курдистана (ДПИК) передайте ему в устной форме следующее:

«В Москве получено и внимательно рассмотрено послание генерального секретаря ДПИК А. Касемлу в адрес М.С. Горбачева содержащее предложение о направлении в г. Москву делегации ДПИК для встречи с представителями КПСС.

Нам понятна высказанная руководством ДПИК озабоченность опасным обострением обстановки на Ближнем и Среднем Востоке, связанным с наращиванием Соединенными Штатами Америки своего военного присутствия в зоне Персидского залива и на подступах к нему. Мы разделяем мнение о том, что продолжающаяся семь лет война между Ираном и Ираком принесла лишь огромный ущерб экономике и невероятные страдания народам этих двух стран.

Советский Союз неизменно выступал и продолжает выступать за скорейшее прекращение этой бессмысленной и кровопролитной войны. Советские силы с большой симпатией относятся к борьбе всех прогрессивных патриотических сил Ирана против диктатуры мусульманского духовенства, к борьбе курдского народа за свои законные права.

Что касается предложения о направлении в г. Москву делегации ДПИК, то, по нашему мнению, условия для его реализации еще не созрели. В то же время практика показывает, что интересующие обе стороны вопросы могут быть всесторонне обсуждены по уже существующим каналам связи. Со временем, по

мере вызревания условий, можно будет вернуться и к рассмотрению предложения руководства ДПИК о поездке ее делегации в СССР».

1 октября 1988 года Владимир Александрович Крючков ушел из разведки на повышение, став председателем КГБ. Вопрос о его преемнике решался долго. Несколько месяцев обязанности руководителя первого главного управления исполнял Вадим Кирпиченко. В иной ситуации он бы и возглавил разведку. Но генералу Кирпиченко уже исполнилось шестьдесят шесть лет. Горбачев же требовал выдвигать молодых.

У Крючкова был очевидный фаворит — еще один заместитель начальника разведки Виктор Грушко. Ему еще не было шестидесяти. Но видимо, эта кандидатура не прошла. В январе 1989 года Крючков свой кабинет и всю советскую разведку передал Шебаршину. 24 января Леонида Владимировича с кратким напутствием принял генеральный секретарь Горбачев.

В пятьдесят три года Шебаршин вошел в состав высшего руководства Комитета госбезопасности и переселился в дачный поселок разведки, что было одной из самых приятных привилегий его нового положения. На работу и с работы он отныне ходил пешком — получасовая прогулка по лесу. Шебаршин оказался во главе огромной разведывательной империи. Численность первого главного управления в те годы, по некоторым данным, составляла почти двенадцать тысяч человек. Каждый год на первый курс Краснознаменного института имени Ю.В. Андропова принимали триста человек.

Но с катастрофической быстротой менялась жизнь в стране, и рушились устои работы советской разведки. Горбачев налаживал отношения с Западом, прежде всего с Соединенными Штатами.

Он нуждался в помощи разведки, чтобы правильно понимать действия своих новых партнеров и прогнозировать их шаги. Но привычка видеть в американцах врагов мешала такому анализу, а отказаться от такой привычки разведчики не могли, да и не очень хотели. Для большинства из них картина мироздания оставалась прежней. Политика Горбачева поначалу представлялась им тактикой, а потом воспринималась в штыки.

Сам Шебаршин, более гибкий, чем большинство его подчиненных, старался приспособить жизнь первого главного управления к требованиям времени. В декабре 1989 года начальник разведки впервые выступал публично — перед студентами МГИМО, учебного заведения, которое он сам закончил. В январе следующего года Леонид Владимирович держал речь перед рабочими авиационного завода «Знамя труда». В апреле в «Правде» появилось первое интервью с начальником

разведки.

В феврале 1990 года председатель КГБ Крючков представил президенту Горбачеву годовой доклад об итогах оперативно-служебной деятельности.

Отчет разведки стоял на первом месте:

«Важное значение придавалось добыванию документальных секретных материалов руководящих органов капиталистических государств и их военно-политических блоков, в том числе путем перехвата и дешифрования корреспонденции, приходящей по различным системам связи.

Осуществлен ряд крупномасштабных активных мероприятий в целях оказания долговременного выгодного воздействия на влиятельные зарубежные круги…

На научно-техническом направлении разведке Комитета удалось добыть ряд остро необходимых для оборонных отраслей промышленности образцов и документальных материалов…»

Отдельно говорилось об успехах управления внешней контрразведки, также подчиненного Шебаршину: «Обеспечивалась безопасность советских учреждений и граждан за рубежом. Сорвано большое число провокационных акций спецслужб противника, в том числе направленных против сотрудников разведки. По информации КГБ досрочно отозваны из-за границы 274 советских гражданина. Не удалось предотвратить невозвращение на родину 118 советских граждан».

Телеграммы, поступавшие от резидентов, обрабатывали в информационно-аналитическом управлении первого главного управления. Три раза в день начальник управления или его заместители докладывали свежие сообщения начальнику разведки. Самое важное за его подписью отправлялось Крючкову. Он решал, какую информацию докладывать Горбачеву, какую — членам политбюро. Все документы, исходившие из комитета, подписывал председатель.

По должности Шебаршин был и заместителем председателя КГБ. Ему предоставили второй кабинет — на седьмом этаже главного здания на Лубянке, где до него сидели все начальники разведки, начиная с Фитина. Шебаршин приезжал в главное здание на заседания коллегии комитета или просто чтобы пообедать с руководством КГБ, узнать последние новости, почувствовать, чем живут его коллеги. За обедом Крючков бывал откровеннее, чем в кабинете.

Крючков продолжал пристально следить за делами в разведке, что не очень радовало Шебаршина. Даже став членом политбюро, Владимир Александрович жил на даче в разведгородке, и генералы из первого главного управления не

упускали случая за спиной Шебаршина доложить председателю, что происходит в разведке.

Время от времени Крючков давал Шебаршину поручения, выходящие за рамки обязанностей начальника разведки. Летом 1990 года Шебаршину пришлось отправиться в Краснодар с невыполнимой в ту пору задачей — помешать избранию бывшего генерала госбезопасности Олега Калугина народным депутатом СССР. Крючков своим приказом лишил Калугина генеральского звания и пенсии и тем самым обеспечил ему народную поддержку. Впрочем, через несколько лет Калугин уехал в Соединенные Штаты. Его обвинили в предательстве. В 2002 году суд в Москве заочно приговорил его к пятнадцати годам тюремного заключения…

Участия в августовском путче 1991 года Леонид Шебаршин не принимал. Председатель КГБ Владимир Крючков таланты своего заместителя по разведке ценил, но у него были люди и поближе — их он и втянул в путч. Возможно, тогда Шебаршину было неприятно, что он не в числе приближенных. Зато он не попал в тюремную камеру.

Шебаршин пишет, что летом 1991 года он предложил Крючкову пересмотреть отношение к Ельцину: Горбачев не сумеет удержать страну от распада, нравится нам Ельцин или нет, стоит ориентироваться на Ельцина и Россию:

— Уверен, что у нас нет иного пути.

Крючков не стал спорить с Шебаршиным, напротив, поддержал его предложение развивать контакты с новой российской властью:

— Подумаем еще… Работайте, посылайте побольше информации Борису Николаевичу.

Главным любимцем Крючкова был генерал-полковник Виктор Федорович Грушко. Он был старше Шебаршина на пять лет. Как и Шебаршин, окончил Московский государственный институт международных отношений и был распределен в МИД. Работал в Норвегии и в центральном аппарате министерства. Его тоже пригласили на работу в КГБ. В 1960 году Грушко приступил к занятиям в «школе № 101». Как знающего иностранный язык и имеющего опыт дипломатической работы, его через год отправили в первое главное управление.

Грушко трудился в третьем (англо-скандинавском) отделе, который занимался Англией, Ирландией, Австралией, Новой Зеландией и Скандинавскими странами. В 1972 году стал заместителем начальника, затем возглавил отдел. В 1980 году Крючков сделал Грушко своим заместителем.

Из норвежской резидентуры помимо Грушко вышли еще два

генерала. Геннадий Федорович Титов стал помощником Крючкова и сменил Грушко на посту начальника третьего отдела. Таким же путем шел и Владимир Иванович Жижин. Он стал помощником Крючкова. Когда Крючков стал председателем КГБ, возглавил его секретариат. В начале 1991 года Крючков вернул его в разведку, назначил на должность, освободившуюся после ухода Титова. Возможно, имея в виду поставить Жижина, начальника своего секретариата, во главе разведки, как это сделал когда-то Андропов. Но Владимира Жижина, самого молодого генерала в КГБ, подвела близость к начальству: он принял участие в путче в августе 1991 года и лишился должности.

Крючков забрал Грушко из разведки и сделал начальником второго главного управления (контрразведка) вместо отправленного на пенсию генерал-полковника Ивана Алексеевича Маркелова, затем назначил своим первым заместителем. Грушко и его помощник полковник Алексей Егоров были среди главных разработчиков планов введения чрезвычайного положения в стране. Грушко все августовские дни был рядом с Крючковым, даже ночевал на Лубянке.

Крючков использовал для встреч с будущими членами ГКЧП гостевой дом разведки и объект АБЦ на Ленинском проспекте. Перед каждой встречей председатель КГБ звонил Шебаршину, спрашивал, свободен ли гостевой дом, просил подготовить ужин.

Генерал Грушко позвонил Шебаршину 18 августа днем и от имени Крючкова приказал привести в боевую готовность две группы сотрудников отдельного учебного центра — по пятьдесят человек каждая.

— А какое задание? — поинтересовался Шебаршин.

— Не знаю, — ответил Грушко. — Владимир Александрович звонил из машины. Велел передать приказ.

Еще недавно Шебаршин и Грушко находились в равном положении. Но теперь Грушко стал не только первым зампредом, но и пользовался особыми правами внутри комитета как близкий к Крючкову человек. Он давал указания, не считая нужным ничего объяснять, хотя прекрасно знал, зачем понадобился спецназ. Шебаршину пришлось проглотить пилюлю.

Отдельный учебный центр был создан после штурма дворца Амина в Кабуле, когда выяснилось, что у Комитета госбезопасности нет своего спецназа. 19 августа 1981 года политбюро приняло решение создать внутри КГБ отряд специального назначения для проведения операций за пределами Советского Союза «в особый период». Отряд базировался в Балашихе, где еще со времен НКВД находился учебно-тренировочный комплекс диверсионных групп.

Рано утром 19 августа Шебаршину позвонил бывший секретарь парткома, а тогда уже первый заместитель председателя КГБ Гений Агеев:

— Группы готовы? Направьте их в помещение Центрального клуба. И нужны еще сто человек, туда же.

— Экипировка, вооружение? — уточнил Шебаршин.

— Пусть берут все, что есть.

В половине десятого утра в кабинете председателя КГБ собрали руководителей комитета, и Крючков произнес краткую речь, закончив ее словами:

— Работайте!

20 августа командир спецназа внешней разведки Борис Петрович Бесков доложил Шебаршину, что проведена рекогносцировка Белого дома. Вывод: попытка штурма — бессмысленная авантюра. Тем не менее в кабинете Агеева обсуждается идея штурма здания Верховного Совета России. Шебаршин, как он пишет в своих воспоминаниях, связался с Крючковым и попросил отменить эту затею:

«Крючков нервно смеется:

— Это ерунда! Кто это придумал? Я только что говорил с Силаевым и ему сказал, что это ерунда.

Не успокоил. Я уже как-то слышал такой смех. Ничего доброго он не предвещает. Крючков возбужден и врет».

О самом путче Шебаршин отозвался презрительно:

«Все это было плохо организовано и никудышным образом исполнено в техническом смысле. Все это было сделано по-дилетантски».

После ареста Крючкова Леонид Шебаршин ровно одни сутки — с полудня 22 августа до двух часов дня 23 августа — возглавлял КГБ. Леонид Владимирович успел только провести заседание коллегии и подписать приказ о департизации КГБ. Парткомы в комитете прекратили свою деятельность. Но на должность постоянного хозяина Лубянки Шебаршин не годился, потому что после путча стало ясно, что КГБ должен быть если не разрушен, то преобразован в нечто новое, не представляющее опасности для страны. Кроме того, союзные республики требовали поделить госбезопасность, чтобы создать собственную разведку…

В пятницу, 23 августа утром, Шебаршин уселся в бывшем кабинете Крючкова. Он приказал вильнюсским чекистам, которых добивавшиеся независимости литовцы блокировали в райотделах, не применять оружия. Он выпустил из Лефортовского следственного изолятора лидера Демократического союза Валерию Ильиничну Новодворскую. Шебаршин приказал личному

составу центрального аппарата покинуть здание, оперативную картотеку вывести за город. Больше он ничего сделать не успел. В разгар совещания, которое проводил Шебаршин с руководящим составом комитета, позвонил Горбачев:

— Появитесь у меня через полчаса!

К двум часам Шебаршин приехал в Кремль. Горбачев совещался с руководителями республик. Шло заседание Государственного совета.

Вызвали Шебаршина.

Михаил Сергеевич объявил:

— Я назначаю председателем КГБ товарища Бакатина. Отправляйтесь сейчас же в комитет и представьте его.

Вообще говоря, если бы бывшего партийного работника и министра внутренних дел Вадима Викторовича Бакатина не назначили тогда председателем КГБ, московская толпа и в самом деле могла бы пойти на штурм здания. Или же российские депутаты могли потребовать вовсе распустить комитет. Появление на Лубянке популярного Бакатина, возможно, спасло Комитет госбезопасности от полного разгрома.

Для него назначение было неожиданностью. Его без предупреждения пригласили в кабинет Горбачева в Кремле, где сидели президенты союзных республик. Михаил Сергеевич сказал ему:

— Вот мы тут все вместе решили предложить вам возглавить Комитет государственной безопасности…

Шебаршин вернулся в свой кабинет в Ясеневе. Последние недели работы Шебаршина в разведке были очень трудными. Министром иностранных дел Горбачев назначил Бориса Панкина, бывшего посла в Чехословакии. Он единственный во всем дипломатическом корпусе во время августовского путча открыто выступил против ГКЧП. Горбачев вызвал его из Праги и назначил министром.

Борис Панкин нанес тяжелый удар разведке, рассказав в 1991 году, какое колоссальное количество разведчиков укрылось под посольскими крышами. По его словам, не меньше половины дипломатов в загранпредставительствах были в реальности разведчиками. И он потребовал сократить число сотрудников разведки, которые пользуются дипломатическим прикрытием. Дипломаты неизменно недовольны тем, что разведчики занимают слишком много мест в посольствах. Вакансии заполнены, а работать некому. Разведчики обычно отвечают на это, что они и свою службу несут, и выполняют все свои официальные обязанности в посольстве или консульстве.

Когда Панкин стал министром иностранных дел, он своей

властью решил сократить число сотрудников разведки, которые пользуются дипломатическим прикрытием.

— Когда пришел в МИД, — вспоминает Борис Дмитриевич, — тут я секретов не открываю — просто ужас, сколько их оказалось. Да еще был такой спрут, как управление кадров: изучали, кто у вас бабушка, кто дедушка. С какой стати это должно делаться в нормальном цивилизованном обществе?

Он расформировал главное управление кадров Министерства иностранных дел и убрал оттуда всех сотрудников КГБ.

К министру Панкину приехал Шебаршин.

— Пришел буквально за два дня до собственного увольнения и сказал: вы правы, эти люди не разведчики, мы сами от них страдали, их надо убирать.

Начальник разведки стал показывать министру какие-то бумаги:

— Видите, скольких мы уже сократили.

Панкин сказал Шебаршину:

— Я отдал приказ о том, чтобы все ваши люди из МИД ушли. Приказ издан два дня назад, а они все на месте.

Шебаршин все понял. Через час к Панкину зашел его первый заместитель Владимир Федорович Петровский:

— Борис Дмитриевич! Всех как ветром сдуло!

Панкин обещал разработать документ об условиях работы сотрудников разведки в загранпредставительствах. Но с уходом Панкина все это закончилось.

Генерал-лейтенант Шебаршин, как и все остальные заместители председателя КГБ, по указанию Горбачева написал подробную справку о том, что он делал в дни путча. Справки собирал бывший подчиненный Шебаршина в разведке генерал Геннадий Титов, которого Крючков в начале 1991 года сделал зампредом и начальником второго (контрразведывательного) управления.

Титов — наследник и друг Грушко — прошел его путем. Но генерал Титов не участвовал в августовских событиях, поскольку был в отпуске. По предложению Грушко Титова назначили председателем комиссии по расследованию деятельности КГБ в событиях 19–21 августа. Вероятно, Грушко надеялся на доброе отношение старого товарища.

Лично Шебаршина ни в чем не винили. Единственное, что он сделал, — это разослал во все заграничные резидентуры разведки документы ГКЧП. Подчиненные ему спецназовцы, которых на случай войны готовили к диверсионным действиям в тылу противника, так называемый Отдельный учебный центр первого главного управления, в штурме Белого дома участвовать

отказались.

Но особого доверия к Шебаршину тоже не было — все-таки его назначил Крючков, путчист номер один, который к тому времени сидел в Матросской Тишине.

25 августа, в воскресенье утром, Шебаршин написал новому председателю КГБ Вадиму Бакатину первый рапорт: «19–21 августа с. г. я оказался не в состоянии дать правильную оценку действий Крючкова и других участников заговора и не сумел правильно ориентировать личный состав Первого главного управления, людей честных, дисциплинированных, преданных Родине. Прошу освободить меня… и уволить…»

Рапорт остался без внимания. У Бакатина были неотложные проблемы, разведка к их числу не относилась. Шебаршин сразу сказал, что он сторонник выделения разведки в самостоятельную службу, чтобы избавиться от хвоста КГБ. Бакатин с ним согласился. Однако стать первым главой независимой разведывательной службы Шебаршину было не суждено. Между Бакатиным и Шебаршиным возникла личная неприязнь. Они были схожи характерами — самоуверенные, резкие и не уважали друг друга.

Через три недели, в середине сентября, новый первый заместитель председателя КГБ Анатолий Аввакумович Олейников предложил свою кандидатуру на пост первого заместителя начальника разведки — полковника Владимира Михайловича Рожкова, работавшего в представительстве КГБ в ГДР.

Олейников объяснил Шебаршину:

— Председатель уже с ним побеседовал и остался беседой доволен. Он — за.

Приказ о назначении был подписан, минуя Шебаршина. Он возмутился и 18 сентября позвонил Бакатину. Бакатин недовольно ответил:

— Где вы были раньше? Я уже приказ подписал.

После короткого разговора на повышенных тонах Шебаршин сказал, что дальше так работать не может и просит освободить его от должности. Леонид Владимирович, вероятно, рассчитывал, что новый председатель пойдет на попятный. Но разозлившийся Бакатин решил, что его шантажируют, и возражать против отставки Шебаршина не стал.

В результате Шебаршин написал председателю КГБ новый рапорт:

«Мне стало известно, что на должность первого заместителя начальника главного управления назначен В.М. Рожков.

Решение об этом назначении было принято в обход Первого главного управления и его начальника. Вы лично не сочли

возможным поинтересоваться моей позицией в этом вопросе, оценкой профессиональной пригодности тов. Рожкова.

В прошлом, как Вам известно, существовала практика назначения должностных лиц, в том числе и в Первое главное управление КГБ, под нажимом аппарата ЦК КПСС или по протекции. В последние годы ценой больших усилий эту практику удалось прекратить. С горечью убеждаюсь, что она возрождается в еще более грубой и оскорбительной форме — на основе личных связей, без учета деловых интересов. Эта практика, уверен, может погубить любые добрые преобразования.

Судя по тону Вашего разговора со мной по телефону 18 сентября с. г., Вы считаете такую ситуацию вполне нормальной. Для меня она неприемлема».

Этот рапорт был принят. Начальник секретариата КГБ позвонил Шебаршину и сообщил, что президент подписал указ о его освобождении.

Вадим Бакатин потом объяснял, что никакой личной заинтересованности в назначении полковника Рожкова, работавшего в представительстве КГБ в ГДР, у него не было — ему хотелось отправить в разведку человека со стороны, обновить руководящие кадры первого главка.

Генерал-лейтенант Шебаршин в пятьдесят шесть лет стал пенсионером. Он прослужил в разведке тридцать лет, но выслуга составила тридцать восемь лет. В Пакистане, Индии и Иране служба шла из расчета полтора года за один календарный.

Евгений Максимович Примаков, который вскоре занял его место, предложил Шебаршину вернуться первым замом, считая, что такой опытный человек должен продолжить работу в разведке. Но Леонид Владимирович отказался: ему не хотелось возвращаться в Ясенево вторым человеком — после того, как он столько лет был там хозяином.

Евгений Примаков
Академик спас разведку

Евгений Максимович родился в Киеве 29 октября 1929 года. Но на Украине юный Примаков прожил считаные дни. Его перевезли в Тбилиси (тогда по-русски город назывался Тифлис), где он вырос и жил до 1948 года, пока не уехал в Москву учиться.

Его появлению на свет сопутствовали непростые семейные обстоятельства. Что заставило его мать срочно покинуть Киев? Можно только предполагать, что за решением Анны Яковлевны, взяв грудного младенца, проехать полстраны и обосноваться в Тбилиси стояла какая-то жизненная драма. Практически ничего не известно о его отце. Самые близкие друзья утверждают, что Евгений Максимович об отце никогда не заговаривал. Считалось, что его отец стал жертвой сталинских репрессий и погиб. Расспрашивать его — даже в своем кругу — было не принято.

В автобиографии Примаков писал: «Отец умер, когда мне было три месяца (к этому времени мы уже переехали в Тифлис). Воспитывался матерью, проработавшей последние тридцать лет своей жизни врачом в поликлинике Тбилисского прядильно-трикотажного комбината. В 1972 году она умерла в Тбилиси».

Совсем недавно в мемуарной книге Евгений Максимович уточнил: «Фамилия моего отца Немченко — об этом рассказала мне мать. Я его никогда не видел. Их пути с матерью разошлись, в 1937 году он был расстрелян. Я с рождения носил фамилию матери — Примаков».

Работая в Кремле или будучи начальником Службы внешней разведки, Евгений Максимович мог, наверное, узнать больше о судьбе отца. Какие-то сведения остались даже о тех, кто пропал в годы сталинской мясорубки. Но если Примаков что-то и выяснил, то рассказывать не пожелал.

Семейные дела Евгения Максимовича Примакова, разумеется, исключительно его личное дело. Они представляют общественный интерес только в одном смысле: как детство без отца повлияло на его дальнейшую жизнь, на его отношения с людьми, на его характер, взгляды и образ действий?

В Тбилиси Примаковы жили в двух комнатах на Ленинградской улице в доме номер 10. К его матери — Анне Яковлевне, которая всю жизнь лечила людей, в городе хорошо относились. Акушер-гинеколог Анна Примакова трудилась в Железнодорожной больнице, потом в женской консультации Тбилисского прядильно-трикотажного комбината. Милая, добрая,

скромная, интеллигентная женщина, она многое передала сыну. Но растить его в одиночку ей было наверняка непросто.

Нет сомнений в том, что Примаков, как и любой мальчик в столь незавидных обстоятельствах, тосковал и страдал оттого, что рос без отца. Рассказывают, что родители его друзей были особенно к нему внимательны, и это несколько компенсировало невосполнимую утрату. У его матери были братья и сестры, но они погибли один за другим. Дядю-врача, который жил в Баку, арестовали и расстреляли в тридцать седьмом. В Тбилиси у Примаковых тоже были заметные родственники. Они помогали молодой женщине, оставшейся одной с ребенком. Сестра Анны Яковлевны вышла замуж за известного медика, профессора Михаила Давидовича Киршенблата, директора Тбилисского института скорой помощи. В период массовых репрессий и его уничтожили.

Примакову повезло в том, что он оказался именно в Тбилиси, замечательном городе с особым теплым и душевным климатом. Тбилиси тех лет был одним из немногих городов, где в какой-то степени сохранились патриархальные нравы и человек не чувствовал себя одиноким, а был окружен друзьями, приятелями, знакомыми, соседями и тем самым принадлежал к какой-то группе, клану, сообществу.

Здесь было принято помогать друг другу. Потом все знающие Примакова будут восхищаться его умением дружить и верностью многочисленным друзьям. Это качество было заложено тогда, в Тбилиси. Он понял, как важно быть окруженным друзьями, и научился дорожить близкими людьми.

Там же, в Тбилиси, рос выдающийся кардиохирург Владимир Иванович Бураковский. Позднее, уже в Москве они станут с Примаковым близкими друзьями.

Вдова Бураковского, Лилиана Альбертовна, выросшая в Сухуми, рассказывала:

— Воспитание у них с Бураковским было одно — тбилисское. У них был один кодекс чести, очень достойный. В старом Тбилиси люди доброжелательно относились друг к другу. Никого не интересовала национальность соседей и друзей — это было не важно. Тбилиси был интернациональным городом, многоголосым, разноплеменным. Рядом жили грузины, мингрелы, курды, много армян, евреи, турки — очень смешанный город. Было важно другое — как человек относится к жизни, к друзьям, умеет ли он защитить свою честь и не уронить свое достоинство, вести себя как положено мужчине. Вот это были критерии, по которым оценивались люди…

Юный Примаков похож был на маму. Полным он еще не был,

средней комплекции. Его иногда называли самураем: глаза раскосые, лицо худое, тонкие усики.

— Тбилиси — это кузница дружбы, там высока культура дружеских отношений, — рассказывал Лев Оников, многолетний сотрудник ЦК КПСС, еще один уроженец этого города. — Многонациональность Тбилиси — это достоинство города. Грузинам присуща большая деликатность в личной жизни, рафинированность. Русские, живущие в Тбилиси, в дополнение к своим качествам — твердости, открытости — вбирали замечательные грузинские черты. А кроме того, в городе кто только не жил — и греки, и персы, пока их Сталин не выслал. Это делало нас интернационально мыслящими людьми.

А вот в Москве Примаков столкнется с непривычной для него практикой делить людей по этническому признаку. Его друзья не любят говорить на эту тему. Отделываются общими фразами насчет того, что «в нашем кругу его национальность никого не интересовала». В этом никто не сомневается, порядочные люди не могут вести себя иначе. Но Москва не состоит из одних только друзей Евгения Максимовича.

В архивах ЦК КПСС, открытых после августа 1991 года, сохранились письма бдительных ученых, сигнализировавших партийному руководству о неарийском происхождении Примакова в надежде сместить неугодного директора:

«Коммунисты Института востоковедения АН СССР просят вас принять самые строгие меры против произвола, беззакония, взяток, злоупотребления служебным положением, которые насадил в нашем институте «академик» директор Примаков Е.М., настоящая фамилия Киршинблат.

Махровый делец, руководитель сионистской мафии в институте, злоупотребляет служебным положением, почти целый год в году пребывает в загранкомандировках, собирая взятки со своих сотрудников, живущих за границей, и на нетрудовые доходы выстроил себе дачу-дворец на Малой земле. Не брезгуя ничем, крупной мошной разбазаривает Примаков-Киршинблат государственную казну для своего обогащения, алчности, наживы.

Он полностью развалил институт, разделив сотрудников на угодных ему евреев и неугодных остальных прочих…»

Это малограмотное письмо — не анонимное, а с подписями конкретных людей — было написано уже в горбачевские времена и поступило в ЦК КПСС в октябре 1985 года. Поскольку Примаков взяток не брал, государственное имущество не разбазаривал и дачу-дворец не строил, то письмо трудящихся практических последствий не имело. Но с такими письмами знакомили высшее руководство, устраивались проверки, и в аппарате сладострастно

шушукались: у академика-то, оказывается, не все ладно по пятому пункту…

— Разговоры о том, что Примаков — скрытый еврей, ходили и по нашему Институту мировой экономики и международных отношений, — рассказывал Владимир Размеров, много лет проработавший в ИМЭМО. — Всегда такие слухи ходят. Даже Иноземцева, предыдущего директора, евреем считали, и Арзуманяна, нашего первого директора, в евреи записали, потому что он якобы брал в институт только армян и евреев. Наша страна без антисемитизма и других «анти», без пренебрежительного отношения к «чучмекам» долго еще не сможет обойтись. Такие разговоры в нашем обществе неизбежны при наших дрянных привычках. У нас каждый должен расщепить генеалогическое древо руководителя прямо на спички и найти что-нибудь нехорошее. Таких умельцев полно, в том числе и в нашем институте.

— В первые годы перестройки, — вспоминал бывший член политбюро академик Александр Николаевич Яковлев, — на митингах лидер «Памяти» Дмитрий Васильев распространял листовки, где говорилось, что в Советском Союзе существует сионистский заговор. Кроме меня, как главного советского еврея, там обязательно фигурировал Евгений Максимович Примаков — под другой фамилией. Забыл какая. Потом и Ельцина включили в этот список.

Озабоченные еврейским вопросом не сомневаются в том, что русская фамилия Примакова — не настоящая, а придуманная, что не только его мать, но и отец — евреи. Работая над мемуарами, он счел необходимым рассказать о своем происхождении.

«Антисемитизм всегда был инструментом для травли у тупых партийных чиновников, — пишет Евгений Максимович. — Мне всегда были чужды как шовинизм, так и национализм. Я и сегодня не считаю, что Бог избрал какую-либо нацию в ущерб другим. Он избрал нас всех, которых создал по Своему образу и подобию…

С моей бабушкой по материнской линии — еврейкой — связана романтическая история. Обладая своенравным характером, она вопреки воле моего прадеда — владельца мельницы — вышла замуж за простого работника, к тому же русского, отсюда и фамилия Примаковых».

Эта тема заслуживает внимания опять же с одной только точки зрения: в какой степени это обстоятельство повлияло на жизнь Примакова?

В Тбилиси национальный вопрос не имел значения. Судя по всему, в юношеские годы ему и в голову не приходило, что он

чем-то отличается от окружающих его грузинских ребят. Когда Примаков приехал в Москву, то он говорил так, как принято произносить слова в Тбилиси, то есть как бы с сильным грузинским акцентом. Потом его речь очистилась, и он стал говорить очень интеллигентно, чисто по-московски. Но и сейчас в минуту крайнего душевного волнения в его словах могут проскользнуть характерные грузинские интонации.

Антисемитизма в Грузии никогда не было. Евреев не отличали от грузин, и многие грузинские евреи сами себя считали в большей степени грузинами, чем евреями.

От анонимок и чьей-то злобы это, разумеется, не спасало. Но, работая в «Правде» и в Институте мировой экономики и международных отношений, Примаков был под надежной защитой своего руководителя академика Николая Николаевича Иноземцева, который, как это свойственно русскому интеллигенту, к антисемитам относился брезгливо и даже с нескрываемым отвращением.

Собственно политическая карьера Примакова началась уже в перестроечные времена, когда пятый пункт анкеты утерял прежнее значение. Для первого президента России Бориса Ельцина, насколько можно судить по его кадровой политике, национальность сотрудников вовсе не имела значения. Что касается националистов, которые строят свою предвыборную стратегию на лозунге засилья евреев в правительстве, бизнесе и средствах массовой информации, то Примаков сумел поставить себя так, что к нему не смеют цепляться по этому поводу.

Евгения Максимовича, выросшего в Тбилиси, обошли стороной некоторые проблемы, которые для других оказались губительными. В благодатном климате Грузии, не только географическом, но и душевном, устанавливались гармоничные отношения с внешним миром. Тбилисцы оптимистичнее смотрят на мир, чем те, кто родился севернее. Здесь, как заметил один американский советолог, царит средиземноморская атмосфера наслаждения жизнью.

Лилиана Бураковская:

— Климат, красота Грузии, богатство природы, а ведь это райский уголок, — все это имело значение. Южане теплее в человеческих отношениях, может быть, в силу климатических условий. Бесподобный город Тбилиси. Особенно весной — цветущие деревья, фиалки, мимозы. Мы любили с друзьями ходить в горы, смотреть развалины монастырей.

А осенний базар! Обилие фруктов, овощей, немыслимые запахи немыслимых южных трав. Угощали друг друга, приносили друзьям и знакомым домой вино, фрукты. Это так происходило.

Вдруг звонят в дверь. Открываешь, стоит незнакомый человек с корзиной фруктов:

«Вот принес, берите, пожалуйста, кушайте на здоровье».

Благодаришь, спрашиваешь:

«Кто посылает?»

«Не знаю, — отвечает незнакомец. — Какая разница? Пусть у вас будет».

В военные и послевоенные годы в Тбилиси тоже жили трудно, но все же чуть лучше, чем в Москве. Выручала дешевая зелень, кукурузная мука, инжир стоил копейки. А инжир и немного хлеба — это уже обед. Пристрастие к грузинской кухне Примаков сохранил.

В 1937 году Примаков поступил в школу. Сначала учился в 47-й, потом в 14-й мужской средней школе. Выпускники этой школы всю жизнь вспоминают не только замечательных педагогов, но и чудесную атмосферу школы. Никто тогда не мог предположить, что со временем Евгений Максимович Примаков станет почетным гражданином Тбилиси, получит символические ключи от города и медаль. И тем более никто не мог представить, что произойдет с Грузией в конце восьмидесятых — начале девяностых годов, когда страну начнут раздирать междоусобные схватки.

Примаков не раз говорил, что разочарован происходящим в Грузии, огорчен тем, как изменились люди. Но от своего тбилисского прошлого не отрекся. Татьяна Викторовна Самолис, которая работала вместе с Примаковым в Службе внешней разведки, говорит, что она была потрясена его искренней любовью к Грузии.

Война только казалась далекой от тылового Тбилиси. Никто не знал, когда она закончится. Городская молодежь считала месяцы, оставшиеся до призыва.

Евгений Примаков выбрал профессию военного моряка. Наверное, на него, как и на многих юношей, произвела впечатление романтика морских путешествий. Тбилиси город сухопутный, до ближайшего моря далеко. Оказалось, что и расстояние не помеха, было бы желание. Пятнадцатилетний Примаков в первый раз надолго уехал из дома, отправился в Баку, чтобы стать морским офицером. В 1944 году он был зачислен курсантом Бакинского военно-морского подготовительного училища Министерства обороны.

Морские подготовительные училища были созданы с той же целью, что и артиллерийские спецшколы, — для подготовки старшеклассников к службе в Рабоче-крестьянской Красной армии. Это был, так сказать, советский кадетский корпус.

Курсанты одолевали учебный курс последних трех классов средней школы — восьмого, девятого и десятого, параллельно изучали ряд военных дисциплин и «оморячивались», то есть плавали, осваивали морское дело на Каспии.

«В Баку поехали целой компанией, — вспоминает Примаков. — Все, кроме меня, вернулись домой через несколько месяцев. Я провел в училище два, скажем прямо, нелегких года, прошел практику на учебном корабле «Правда».

Моряком Евгений Максимович не стал: когда в сорок пятом война закончилась, все изменилось. Одно дело готовить себя к фронту, другое — выбрать военную карьеру в мирное время, когда началась демобилизация и солдаты и офицеры, сняв погоны, стали возвращаться домой. Желание служить Родине у Примакова было всю жизнь, а морского призвания не оказалось. С учетом дальнейшей истории это явно к лучшему. Боевых офицеров отечественному флоту всегда хватало, а осенью 1998 года в России нашелся только один человек, который смог возглавить правительство и вывести страну из опасного политического кризиса.

Между прочим, один из курсантов Бакинского военно-морского подготовительного училища, с которым Примаков вместе постигал азы морского дела, сделал блистательную морскую карьеру. Речь идет об адмирале флота Герое Советского Союза Владимире Николаевиче Чернавине.

Адмирал Чернавин всего на год старше Примакова, но карьеру делал быстрее. В 1985 году он был назначен главнокомандующим военно-морским флотом и заместителем министра обороны СССР. Вершина примаковской карьеры была еще впереди. Они встретятся через много лет. Чернавин пригласит Примакова на свое семидесятипятилетие и сожалеюще скажет:

— А ведь тоже мог стать адмиралом.

В 1946 году Примакова отчислили из училища по состоянию здоровья. Евгений Максимович пишет, что у него обнаружили начальную стадию туберкулеза. В Баку примчалась заботливая мама-врач и забрала его домой. Он вернулся в Тбилиси и благополучно закончил школу. Сомнений в дальнейшем пути не было — ехать в Москву и получать высшее образование.

Он выбрал Московский институт востоковедения. Надеялся, что именно в этот институт поступит. Так и получилось. Примаков сдал экзамены и был зачислен. Его определили изучать арабский язык. В Институте востоковедения у Примакова появились новые друзья и множество знакомых. На курс старше учился Вадим Кирпиченко, будущий заместитель Примакова в

Службе внешней разведки. В книге воспоминаний «Разведка: лица и личности» генерал-лейтенант Кирпиченко вспоминал, что Примаков поставил рекорд по количеству друзей:

— Через несколько недель пребывания в институте его уже знали все и он знал всех. Быть все время на людях, общаться со всеми, получать удовольствие от общения и не уставать от этого — здесь кроется какая-то загадка. Скорее всего, это врожденное качество, помноженное на кавказское гостеприимство и южный образ жизни…

В 1951 году, на третьем курсе, Примаков женился на девушке из Тбилиси. Свадьбу, как положено, отмечали и в Москве, и в Тбилиси. Потом Примаков привез жену в Москву, и они не расставались до самой ее смерти. Они прожили вместе тридцать шесть лет.

Его жена, Лаура Васильевна Харадзе, училась тогда в Грузинском политехническом институте, после свадьбы ее перевели в Москву, в Химико-технологический институт имени Д.И. Менделеева. Лаура выросла в артистической семье. Ее тетя, Надежда Васильевна Харадзе, профессор Тбилисской консерватории, была известной оперной певицей.

Но и сам Примаков не был чужд искусствам. Он писал стихи, о чем тогда знали только близкие люди, и участвовал в студенческой самодеятельности, пел забавные куплеты. Примаков занимался в научном кружке и не забывал о необходимой в ту пору общественной работе. Герман Германович Дилигенский, который со временем станет профессором и главным редактором академического журнала «Мировая экономика и международные отношения», помнил Примакова совсем молодым:

— Он стал одним из руководителей лекторской группы при Московском обкоме комсомола. Тогда много было молодых людей, студентов и аспирантов, которые по комсомольской путевке ездили в трудовые коллективы читать лекции. Он руководил международной секцией. И видно было, что он действительно руководит, командует. Он делал это очень умело. Он прирожденный лидер. Он стремится к этому, и он способен быть лидером…

В 1953 году Примаков закончил институт, специальность — «страновед по арабским странам». После института его взяли в аспирантуру экономического факультета МГУ, это большое достижение для провинциального студента. Жилья своего не было, жил в общежитии, маленького сына Сашу они с Лаурой отправили к матери в Тбилиси.

Счастливые аспирантские годы пролетели быстро, но по истечении положенных трех лет диссертацию он не защитил. Зато

написал первую свою книжку — «Страны Аравии и колониализм». Он стал кандидатом экономических наук в тридцать лет, уже работая на радио. Тема диссертации: «Экспорт капитала в некоторые арабские страны — средство обеспечения монопольно высоких прибылей».

Закончив аспирантуру, в сентябре 1956 года Примаков нашел работу на радио. Первая должность — корреспондент. Поступив работать на радио, Примаков вовсе не был уверен, что поедет когда-нибудь на Арабский Восток. В те времена за границу пускали немногих. Он уже видел немало профессоров-востоковедов, которые никогда не были в странах, о которых они так увлеченно рассказывали. Но, так или иначе, он на многие годы связал себя с Арабским Востоком. И хотя потом он перестанет заниматься исламским миром, этот шлейф будет за ним тянуться. Его всегда подозревали в особой любви к арабскому миру и к некоторым арабским лидерам.

В сентябре 1953 года Примакова взяли в Комитет по телевидению и радиовещанию и определили в главное управление радиовещания на зарубежные страны. Иновещание существует и по сей день, находится в том же здании на Пятницкой улице и называется сейчас «Голос России». Примаков, как многие международники, аспирантом подрабатывал на иновещании, в арабской редакции. Здесь для него и нашлась вакансия.

В те далекие времена молодой Примаков, как человек с Кавказа, был вспыльчив и горяч. Он был утонченно внимателен к женщинам и был готов драться, если ему казалось, что кто-то бросил косой взгляд на его женщину.

Как выяснилось, Примаков нравился отнюдь не всем. В 1958 году его включили в группу журналистов, которые освещали визит Никиты Сергеевича Хрущева в Албанию. Поездка за границу, да еще в свите Никиты Сергеевича, была большой честью. Но после Албании Примаков попал в «невыездные». Было такое понятие — люди, которым запрещался выезд за границу. Причем официально это не признавалось, и невозможно было получить объяснение: почему меня не пускают? Просто говорили: поездка нецелесообразна. «Невыездной» — значит, неблагонадежный…

Валентин Зорин:

— Были мы молодые, были мы уверенные в себе. Основные черты характера были заложены тогда, что и привело к изгнанию Примакова из системы иновещания. Он стал неугоден сектору радиовещания идеологического отдела ЦК КПСС, потому что отстаивал то, что считал правильным, а не делал то, что ему

говорили. Так что жизнь далеко не всегда ему улыбалась…

— Примаков всегда умел ладить с начальством. А что тогда произошло?

— Это тоже миф, что Примаков подходит под каждое руководство. Он подошел тому руководству, которое взялось за серьезную ломку старого. Ему не нужно подстраиваться ради карьеры. Он может отстаивать только то, во что сам верит. Его карьера на радио была сломана после выступления на партсобрании, когда кураторы из ЦК решили, что человек с такими взглядами не может занимать пост в Госкомитете по телевидению и радиовещанию…

«Я весьма осязаемо почувствовал скверное отношение ко мне заведующего сектором ЦК, — пишет Примаков. — Может быть, ему не понравилось мое выступление на партсобрании, может быть, были какие-то другие причины, но я фактически оказался «невыездным». «Рубили» даже туристические поездки.

Тогда же была запущена легенда о моем происхождении. Мне даже приписали фамилию Киршенблат. Позднее я узнал, что в других «файлах» мне приписывают фамилию Финкельштейн — тут уж вообще разведешь руками, непонятно откуда».

Примаков фактически лишился работы. И вот счастливый случай. Валентин Зорин позвонил своему однокашнику — Николаю Николаевичу Иноземцеву. Он был тогда заместителем главного редактора газеты «Правда» и занимался как раз международным разделом.

Зорин сказал ему:

— У нас есть талантливый парень, остался без работы.

— Приводи, — ответил Иноземцев. — Только попозже, когда я полосы подпишу.

Полосы в «Правде» в те времена подписывались часов в двенадцать ночи. Зорин и Примаков приехали в редакцию в полночь. Просидели до двух часов. Примаков понравился Иноземцеву. Николай Николаевич сказал:

— Я вас беру. Но поскольку вас заставили уйти с радио люди из отдела пропаганды, то сразу принять на работу в «Правду» я не в состоянии. В агитпропе прицепятся и помешают. Вам надо несколько месяцев где-то пересидеть.

— Где?

— В Институте мировой экономики и международных отношений, — придумал Иноземцев. — Вы же кандидат наук. Я позвоню директору и договорюсь.

Иноземцев пришел в «Правду» с должности заместителя директора этого института. Но еще не знал, что через несколько лет сам вернется в институт уже директором, и это будут его

звездные годы.

Заодно Иноземцев вызвал заведующего отделом кадров «Правды»:

— Запросите соответствующие органы о возможности использовать Примакова в качестве нашего собственного корреспондента в одной из капстран.

Такой запрос отправлялся в отдел ЦК КПСС по работе с заграничными кадрами и выездам за границу. Этот отдел решал, кому можно ездить, а кому нельзя. На каждого выезжающего, кроме высших чиновников государства, отдел ЦК, в свою очередь, посылал запрос в Комитет госбезопасности.

— Все, — твердо сказал Иноземцев, — ты идешь на три месяца научным сотрудником к Арзуманяну. За это время ты перейдешь из ведения агитпропа ЦК в отдел науки, и я беру тебя в «Правду».

Таковы были номенклатурные правила. Взять изгнанного напрямую не рисковал даже заместитель главного редактора «Правды»…

Иноземцев сдержал слово. В сентябре 1962 года Примакова приняли в Институт мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР на должность старшего научного сотрудника только что созданного сектора экономики и политики слаборазвитых стран. Сектор был идеологизирован, не столько изучал, сколько проповедовал принятые тогда нелепые догмы. Ничего из того, что писали сотрудники сектора, не имело ни малейшего отношения к реальности… Когда выяснилось, что у КГБ нет претензий к Примакову и он является «выездным», то в декабре того же года его оформили в центральный орган ЦК КПСС газету «Правду».

Примаков за эти несколько месяцев не успел вжиться в институтские дела. Он тогда не представлял, что эта временная пересадочная станция станет большим куском его судьбы и что он многие годы будет связан с Николаем Иноземцевым, который отправит его работать корреспондентом на Ближний Восток, потом возьмет к себе в институт и вообще сыграет в его жизни важнейшую роль.

В декабре 1962 года Евгений Примаков приступил к работе в «Правде» сначала обозревателем, а вскоре — заместителем редактора отдела стран Азии и Африки. В его отделе трудилось всего четыре-пять человек, чуть меньше, чем насчитывалось корреспондентов за рубежом. Поработав несколько лет за границей, корреспондент возвращался в редакцию, а на его место отправлялся кто-то из сотрудников отдела.

Когда Примаков в 1965 году приехал в Египет, Арабский

Восток бурлил. Этот мир был как кипящая лава, благодатный материал для журналиста. Освободившись от чужой власти, арабский мир все никак не мог оформиться. Государства соединялись и раскалывались. Арабские политики в результате кровавых переворотов свергали предшественников, с которыми только что обнимались, к власти приходили новые люди. Они ненавидели друг друга и время от времени воевали между собой. Смена лидера, как правило, влекла за собой резкую перемену политического курса. Арабский мир не мог решить, каким путем ему идти. Консервативные режимы тянулись к богатому Западу, к Соединенным Штатам в первую очередь. Молодые и радикально настроенные лидеры, напротив, искали помощи у Советского Союза. Во-первых, они не хотели иметь дело с западными странами, бывшими колонизаторами. Во-вторых, со стороны социалистическая система казалась им более справедливой. В-третьих, Советский Союз был готов помогать им на безвозмездной основе и снабжать оружием.

Приехав в Каир, Примаков погрузился в этот бурлящий мир, где традиционная восточная экзотика смешивалась с еще более экзотической политикой.

Президентом Египта был самый знаменитый в те годы ближневосточный политик Гамаль Абдель Насер, о котором Примаков будет много и часто писать — с симпатией и уважением. Насер был главным партнером и любимцем Советского Союза на Ближнем Востоке. Он пытался построить арабский социализм и этим был более чем важен для Москвы.

Советская печать получила указание масштабно поддержать арабские страны и разоблачать преступления Израиля. После шестидневной войны 1967 года в советском обществе появилась когорта людей, которые посвятили жизнь борьбе с мировым сионизмом, понимая под этим борьбу с евреями. Среди них были как истинные фанатики, так и просто зарабатывающие себе этим на жизнь, благо платежеспособный спрос все увеличивался — в газетах, журналах, на радио и телевидении. Даже в антиамериканской пропаганде соблюдались определенные правила, накануне встреч на высшем уровне она вообще затухала. И только накал антиизраильской и антисионистской пропаганды никогда не спадал…

Примаков видел триумфальные выступления Насера перед египтянами, которые восторженно встречали своего вождя, и его трагедию, когда Египет потерпел сокрушительное поражение в шестидневной войне 1967 года. И в 1967 году, и позднее Примаков писал антиизраильские статьи и книги. Израиль тогда неизменно именовался агрессором. Современная история

трактует события тех лет иначе.

Арабский мир, живой и непосредственный, нравился Примакову. Среди дружелюбных и гостеприимных людей он чувствовал себя вполне уютно. И симпатии к арабскому миру останутся у Примакова навсегда.

От каких-то оценок прежнего времени он отказался. Но в основе своей взгляды Евгения Максимовича на причины ближневосточного конфликта, мне кажется, не изменились. Характерно, что если Примаков пишет об «ошибках и заблуждениях» арабских властителей, то в отношении Израиля тон его куда суровее — «кровавые расправы над арабским населением», «кровавая война израильской военщины»…

Всю жизнь Евгений Примаков носит под штатским костюмом погоны — в этом уверены не только за рубежом, но и в нашей стране. Считается, что Примаков начал карьеру разведчика на Ближнем Востоке под крышей корреспондента «Правды».

Служба внешней разведки неустанно опровергает эти слухи, хотя и без особого успеха — просто потому, что публика не верит официальным опровержениям. Когда Примаков стал главой правительства, английские журналисты, не поленившись, пролистали старые подшивки «Правды» за те годы, что он работал корреспондентом на Ближнем Востоке, чтобы выяснить, как часто он печатался. Они увидели, что его статьи появлялись отнюдь не каждый день. Ага, решили англичане, тогда все ясно: он разведчик, поэтому у него просто не было времени писать в газету…

Дотошные англичане промахнулись, потому что плохо знают нашу жизнь. Это в западных газетах корреспондент из-за рубежа пишет каждый день. «Правда» держала корреспондентов по всему миру, газетной площади для всех не хватало, и пробиться на полосу было невероятно трудно. Писать из Египта каждый день не было никакой необходимости.

Понять, что Примаков не был сотрудником КГБ, можно еще и потому, что некоторое время он был просто «невыездным», за границу его не выпускали. И лишь Николай Иноземцев, заместитель главного редактора «Правды», добился, чтобы он стал «выездным», что в то время было очень важно. Ездить за границу Примаков стал с 1965 года. Его хотели отправить в долгосрочную командировку в Кению в роли советника вице-президента. Уже состоялось решение ЦК КПСС, без которого советский человек не мог поехать за границу. Но в конце концов поездка не состоялась — изменилась обстановка в Кении, и Примаков не получил визу.

Зато вскоре он отправился корреспондентом «Правды» на

Ближний Восток. Он побывал почти во всех странах Арабского Востока: в Египте, Сирии, Судане, Ливии, Ираке, Ливане, Иордании, Йемене, Кувейте. Уже потом, уйдя из «Правды» и работая в институте, он в первый раз поедет в Соединенные Штаты, побывает в Европе. Начнется другая жизнь…

Надо понимать, что не так уж сложно выявить кадрового сотрудника внешней разведки. Каждый из них должен был исчезнуть из поля зрения друзей и знакомых хотя бы на год, а чаще на два года — это время обучения в разведывательной школе. Через эту школу прошли все, кого брали на работу в первое главное управление КГБ СССР — внешнюю разведку.

В трудовую книжку начинающему разведчику вписывают какое-то благопристойное место работы, но в реальности человек буквально исчезает, потому что занятия в разведшколе идут с понедельника по субботу. Живут начинающие разведчики там же, на территории школы, домой их отпускают в субботу днем, а в воскресенье вечером или в крайнем случае в понедельник рано утром они должны быть в школе.

При таком обилии друзей многие бы обратили внимание на то, что Примаков куда-то исчез — да не на день-другой, а на целый год! Надо еще и понимать, что по своим анкетным и физическим данным студент Института востоковедения Примаков вряд ли мог заинтересовать кадровиков Министерства государственной безопасности (МГБ существовало до марта 1953 года, когда было создано единое Министерство внутренних дел, а с марта 1954-го уже существовал Комитет государственной безопасности).

Могли Примакова, когда он поехал корреспондентом на Ближний Восток, привлечь к сотрудничеству с КГБ в качестве агента?

По инструкции, существовавшей в Комитете госбезопасности, запрещалась вербовка сотрудников партийного аппарата. Что касается центрального органа партии — газеты «Правда», то рекомендовалось воздерживаться от оформления сотрудничества с правдистами и использования корпунктов «Правды» в качестве крыши для разведывательной деятельности.

Другое дело, что практически каждый корреспондент, работавший за границей, поддерживал те или иные отношения с резидентурой советской внешней разведки — как минимум делился информацией.

Словом, как и очень многие корреспонденты, Примаков, вероятно, помогал нашим разведчикам. Но в кадрах КГБ (до назначения в 1991 году начальником внешней разведки) он не состоял и среди «добровольных помощников» госбезопасности

тоже не числился.

Почему же Примакову упорно приписывают службу в КГБ? Возможно, потому, что в семидесятых годах он выполнял за границей некоторые деликатные миссии. Это действительно были особые задания, но не разведки, а ЦК КПСС.

«Я выполнял ответственные поручения политбюро, — пишет Примаков. — Как правило, меры безопасности и связь поручалось обеспечивать Комитету госбезопасности».

О своем участии в тайной дипломатии Евгений Максимович рассказал совсем недавно в книге «Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX века — начало XXI века)».

В 1970 году он ездил в Бейрут для встречи с лидером Народного фронта освобождения Палестины Жоржем Хабашем, который прославился громкими терактами. Это он придумал захватывать самолеты и превращать пассажиров в заложников. Это ему мир обязан таким количеством трагедий. Примакову поручили передать Жоржу Хабашу мнение советского руководства: захват самолетов нецелесообразен, потому что «сплачивает население вокруг позиции израильского правительства». Такие же деликатные миссии Евгений Максимович исполнял в других странах.

Примакову благоволил влиятельный референт Брежнева Евгений Матвеевич Самотейкин, в прошлом сотрудник Министерства иностранных дел. Самотейкин в меру возможности поддерживал самостоятельно мыслящих людей, заказывал им записки на самые деликатные внешнеполитические темы, что позволяло ему предлагать своему шефу оригинальные идеи. В июле 1971 года он попросил Примакова набросать новые предложения в отношении советской политики на Ближнем Востоке. Примаков в осторожной форме рекомендовал «некоторые инициативные шаги в отношении Израиля», с которым Советский Союз разорвал дипломатические отношения после шестидневной войны.

Арабские страны радостно приветствовали это решение. Тем более что они стали получать советское оружие в удвоенном количестве. Казалось, что Советский Союз приобрел себе на Арабском Востоке друзей на вечные времена. Но вскоре выяснилось, что Советский Союз не в состоянии играть ключевую роль на Ближнем Востоке, потому что не имеет дипломатических отношений с Израилем.

Евгений Самотейкин передал записку Примакова Брежневу, который ее одобрил. Леонид Ильич сам считал, что разрыв отношений с Израилем был шагом эмоциональным и потому

недальновидным. Но как их восстановить, если в Москве заявили, что это станет возможным только после полного ухода израильской армии с завоеванных во время войны территорий?

Активным сторонником налаживания секретного канала связи с еврейским государством был председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов. В аппарате КГБ не раз предпринимали попытки самостоятельно, в обход Министерства иностранных дел, заниматься внешней политикой. Особые отношения КГБ установил с правительством ФРГ, когда канцлером был Вилли Брандт. Пытались наладить доверительный канал связи с Государственным секретарем США Генри Киссинджером, но эту акцию сорвал министр иностранных дел Громыко, который конкуренции не терпел и ревниво относился к любым попыткам вторгаться в его епархию. Что касается Израиля, то в данном случае Громыко не возражал против активности КГБ. Отсутствие дипломатических отношений с еврейским государством исключало участие Министерства иностранных дел.

Тайные контакты были поручены Примакову, организационную сторону взял на себя КГБ. Миссия была важной, утвержденной решением политбюро от 5 августа 1971 года. С августа 1971 по сентябрь 1977 года Примаков тайно приезжал в Израиль или встречался с израильскими представителями в столице Австрии.

Много лет Примаков был связным с иракскими курдами, и он даже участвовал в попытке нормализовать отношения между руководством курдов и правительством в Багдаде. Но надо правильно понимать его тогдашнюю роль. Его отправили к курдам для того, чтобы создать прямой канал общения, узнать, что происходит у курдов, чего они хотят и можно ли их убедить сотрудничать с правительством. Этот канал связи шел через ТАСС. Только сообщения Примакова в Москву не печатались в газетах, а с грифом секретности поступали в ЦК, МИД и КГБ.

Когда Примаков вернулся из командировки в Каир, заместитель главного редактора «Правды» Николай Николаевич Иноземцев уже ушел из газеты и возглавил Институт мировой экономики и международных отношений. Примаков приехал к нему повидаться.

Иноземцев решительно сказал:

— Хватит тебе сидеть в «Правде». Тебе надо переходить в науку. Иди ко мне заместителем.

Не каждый мог решиться уйти из «Правды». Работа в первой газете страны сулила как минимум постоянные командировки за рубеж. Каждая публикация в «Правде» была заметной. Но Иноземцев сделал Примакову предложение, от которого тот не

мог отказаться. Как выяснилось потом, это был верный шаг.

30 апреля 1970 года Примаков был назначен заместителем директора Института мировой экономики и международных отношений Академии наук. Ему было всего сорок лет, для его возраста это была прекрасная научная карьера.

Институт, где собрались экономисты высокой квалификации, готовил закрытые для обычной публики прогнозы развития мировой экономики. Они рассылались в ЦК, в аппарат Совета министров, Госплан (здесь-то концентрировались компетентные читатели). Разумеется, делалось все, чтобы тексты были приемлемы для партийного аппарата, но факты и цифры разительно расходились с тем, что писали газеты и говорили сами партийные секретари. Усиливающееся отставание советской экономики становилось все более очевидным. Замаскировать этот разрыв было невозможно. И это вызывало недовольство, раздражение и даже обвинения авторов в ревизионизме. Авторы же искренне надеялись, что заставят советских руководителей задуматься, подтолкнут их к радикальным реформам в экономике. Для правительства институт готовил конкретные разработки, опираясь на зарубежный опыт.

Анатолий Сергеевич Черняев, много лет проработавший в международном отделе ЦК КПСС, пишет, что на Иноземцева писали доносы Брежневу. Доносчики доказывали, что Иноземцев и компания — ревизионисты, не верят в будущую революцию и уверены, что капитализм и дальше будет развиваться. И это при том, что Николай Иноземцев входил в группу партийных интеллектуалов, которая годами писала речи и доклады Брежневу.

Евгений Максимович был единомышленником и другом Иноземцева. Пока Николай Николаевич работал на генерального секретаря, институтом руководил Примаков. Он замещал Иноземцева, когда тот уезжал в отпуск или командировку. У них сложились хорошие, доверительные отношения. Но к директору Примаков относился с пиететом, обращался исключительно на «вы» и по имени-отчеству: Николай Николаевич.

Иноземцев много раз предлагал перейти на «ты»:

— Да брось ты, Женя, эти церемонии.

Примаков соблюдал политес. Это восточное воспитание.

Когда он только пришел, академические коллеги настоящим ученым его не признали, считали всего лишь умелым журналистом. Пренебрежительно говорили, что Примаков защитил докторскую диссертацию по книге — причем одной на двоих с журналистом Игорем Беляевым. Примаков и Беляев, тоже правдист, написали толстую книгу «Египет: время президента

Насера» и решили на ее основе защитить докторские диссертации. Но это была тактическая ошибка: докторские диссертации — в отличие от книг — в соавторстве не пишутся. Ученый обязан продемонстрировать творческую самостоятельность.

Вспоминает один из сотрудников ИМЭМО:

— Они с Игорем Беляевым, два арабиста, принесли в институт совместную работу и хотели защититься. Им, как полагается, устроили так называемую предзащиту — это обязательное широкое обсуждение. Накидали множество замечаний, народ даже хихикал по поводу этого соавторства. Примаков и Беляев все правильно поняли, разделили свой труд, представили диссертации в новом виде, и оба успешно защитили докторские…

Потом Примаков уже сам, без соавторов, подготовил монографию «Анатомия ближневосточного конфликта». Когда он пришел в институт, достаточно было скептических настроений:

— Да кто он такой? Журналист (это слово научные работники произносили с оттенком пренебрежения)? А что он понимает в настоящей науке?

Но подобные разговоры быстро закончились. Все увидели, что Примаков умелый организатор, а в академическом институте это редкость, потому что, как мне говорили его коллеги, «гениев много, а работать никто не умеет и не хочет». Он знал ближневосточный конфликт во всех его подробностях, во всех его скрытых и открытых сторонах, понимал подводные течения и взаимосвязи, со многими политиками, игравшими ключевую роль на Ближнем Востоке, был знаком лично.

Иноземцев и Примаков переориентировали институт на оперативный политический анализ. Некоторые ученые упрекали их за пренебрежение серьезной академической наукой. Другие полагали, что они правы — важнее донести до руководства страны реальную информацию о положении в стране и мире.

Примаков не склонен к академической науке. Ему хотелось, чтобы институт давал практическую отдачу, это замечалось и поощрялось. Он перенес на российскую почву разработанный западными учеными метод ситуационного анализа. Это мозговые атаки: собираются лучшие специалисты и предлагают несколько вариантов решения какой-то актуальной проблемы. Например, анализ ситуации на рынке нефти. Какие факторы повлияют на цены? Будет ли расти добыча? Как поведут себя Иран, Ирак, Саудовская Аравия?.. Обсуждение проходило за закрытыми дверями и не предназначалось для публикации, поэтому высказывались относительно свободно. Это было приятной

роскошью для настоящих ученых.

В конце декабря 1977 года Примаков был назначен директором Института востоковедения. В 1979 году Примаков стал по совместительству профессором Дипломатической академии, еще через десять лет профессором Московского университета.

15 марта 1979 года его избрали действительным членом Академии наук. Это пожизненное звание — вершина научной карьеры, свидетельство высокого социального статуса и некая гарантия материальных благ. Недаром советские партийные и государственные чиновники всеми правдами и неправдами пробивались в академию. Они понимали, что рано или поздно лишатся хлебного места в аппарате, но из академии их не исключат, и будут они получать высокую зарплату, смогут пользоваться машиной и академической поликлиникой. И вообще — одно дело пенсионер, тоскующий на лавочке у подъезда, другое — академик…

Примакова избрали академиком, когда ему еще не было и пятидесяти. Некоторые из коллег, впрочем, отнеслись к его избранию весьма скептически, не считая его научный вклад столь уж значительным. Другие спокойно отвечали на это, что Примаков, как и Николай Иноземцев, и Георгий Арбатов, и многие другие, стали академиками в первую очередь по праву директорства в крупном академическом институте. Это одно из правил игры в учреждении, которое называется Академией наук.

После смерти академика Иноземцева ИМЭМО возглавил Александр Яковлев. В июле 1985 года он возглавил отдел пропаганды ЦК и оставил институт. Уходя, Яковлев позаботился о том, чтобы директором ИМЭМО стал академик Примаков.

— Я предложил Примакова, — вспоминал Яковлев. — Но не все были согласны с его кандидатурой. Нет, не все. С некоторой настороженностью отнесся Комитет госбезопасности. В то время все эти назначения согласовывались. Они в КГБ не то что были откровенно против. Они, скажем так, считали, что другие кандидатуры лучше…

Говорят, что директором ИМЭМО хотел стать сын Громыко. Горбачев был в долгу перед старшим Громыко, но директором в ноябре 1985 года все-таки сделали Примакова. Яковлев умел настоять на своем. Напрасно говорят, что нельзя дважды вступить в одну и ту же реку. Примаков вернулся в ИМЭМО, но уже в роли директора. В институте он всех знал. А как отнеслись к его возвращению?

— К нему лучше относились, когда он стал директором, чем когда он был заместителем, — рассказывал Герман Дилигенский,

главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения». — Евгений Максимович принадлежит к числу людей, которые лучше всего себя проявляют, когда становятся полновластными хозяевами.

Его талант, его способности — это способности менеджера. Сила его в том, что он может организовать, собрать людей. Он не исследователь-одиночка. Такие люди тоже есть. Он на них опирался. Не помню никого, кто был явно им недоволен. Он способен и командовать — все необходимые для этого качества у него есть. Но умеет и выслушать людей. У него неплохой вкус в смысле подбора кадров. Примаков знает, как расположить к себе коллектив, он заставляет подчиненных работать, но и заботится о них. Я бывал с ним в заграничных командировках, он общителен, задушевен в личном общении.

— Насколько точно он представлял себе картину мира? Что было для него важным — его любимый Ближний Восток?

— Многие годы работы в институте, я думаю, обусловили то, что горизонты у него глобальные, — считал Дилигенский. — Институт такой. Примаков давно перерос из региональщика в международника широкого профиля. Он когда пришел директором, то подчеркнуто отодвигал от себя ближневосточные сюжеты. Занимался больше глобалистикой, разоружением.

— Он подбирает свою команду и повсюду расставляет своих людей? Или умудряется мобилизовать весь коллектив, не устраивая перетрясок?

— У него нет такого: это моя команда, все остальные не считаются, — ответил Герман Дилигенский. — Не помню, чтобы при Примакове были какие-то привилегированные группы или отделы. Но есть люди, которым он доверяет. Причем это не связано с личными пристрастиями. Я знаю коллег, которые не имели с ним никаких личных отношений и которых он очень продвигал. Просто ценил их деловые качества и доверял их оценкам.

Но вряд ли можно позавидовать человеку, который встал бы к нему в прямую оппозицию. Довольно проигрышная ситуация. Некоторые говорят даже сильнее: Евгению Максимовичу нельзя становиться поперек дороги. У него железный характер. Есть люди, которые ушли из института и жаловались на жесткость Примакова.

— Как считали в институте: его стремительная карьера связана с его личными достоинствами или кто-то ему явно благоволил и подтягивал вверх?

— Евгений Максимович — это человек, который обладает гениальным даром завоевывать расположение, и особенно

наверху. Я думаю, его карьера результат его личных способностей.

— В чем секрет этого дара? В умении говорить, предложить хорошую идею?

— Я думаю, в умении показать свою полезность, в том числе в выдвижении идей. Это и деловые качества, и такие трудно описываемые способности, как умение общаться с людьми, в частности с начальством.

Примаков заменил Иноземцева не только в кресле директора, но и в роли советчика и консультанта высшей власти. И весь институт, возглавляемый Примаковым, стал работать на политическую линию нового генерального секретаря. Причем эта работа делалась с удовольствием — Горбачев нравился научной интеллигенции.

26 февраля 1987 года на заседании политбюро Горбачев говорил о необходимости менять внешнюю политику, активно действовать по всем направлениям:

— От наших институтов потребовать — от Примакова, Арбатова — чтобы они нам давали подробный объективный научный анализ раз в квартал, через каждые сто дней.

Примакова стали включать в роли эксперта в делегации, которые сопровождали Горбачева во время поездок за границу. Там были разные люди, писателей и деятелей культуры брали для представительства. Примаков не рассматривал такие поездки как форму отдыха и туризма. На узких совещаниях у Горбачева предлагал свежие и неожиданные идеи, но предпочитал держаться в тени. Примаков сознательно оставался незаметным для широкой публики и не жаждал громкой славы. Ему нравилось заниматься закулисной политикой.

— Во-первых, он профессионал, — говорил Александр Яковлев. — Во-вторых, он не лезет в друзья, не старается себя показать, подсуетиться. Другим кажется, если суетиться, на них быстрее внимание обратят. Глупости. Даже Брежнев при всех своих ограниченных интеллектуальных ресурсах и то морщился. Использовал таких людей, но морщился… Так вот, я не видел, чтобы Примаков суетился возле какого-нибудь начальника. Посмотрите телевизионную хронику, газеты — не найдете. Я не припоминаю, чтобы он сказал какое-то слово, которое можно было расценить как подхалимаж в отношении Горбачева. Вот после смерти Иноземцева — да, на заседании, посвященном его памяти, он выступал и не скупился на слова.

Горбачев заметил и оценил Примакова, но приблизил его отнюдь не сразу.

Политическая карьера Примакова началась в 1989 году.

Четыре года понадобилось Горбачеву, чтобы распознать таланты и человеческие качества Евгения Максимовича.

Горбачев намеревался отправить Примакова послом в Индию. Евгений Максимович позвонил Шеварднадзе и наотрез отказался — индийский климат был противопоказан его жене Лауре Васильевне, страдавшей тяжелым сердечным заболеванием. Тогда в мае 1989 года Горбачев предложил Примакову куда более важный пост — возглавить одну из палат только что избранного парламента. Это был, конечно, большой поворот в его жизни.

10 июня 1989 года новый Верховный Совет начал работу с избрания председателей палат. Горбачев предложил на роль председателя Совета Союза Евгения Максимовича Примакова, ставшего народным депутатом по списку КПСС (сто партийных депутатов получили свои мандаты безальтернативно, посему именовались «красной сотней»), Примакову задали много вопросов. Отвечал он толково, уверенно. Избрали его почти единодушно при трех воздержавшихся. Горбачев уступил ему председательское место, и Примаков повел заседание дальше.

Евгений Максимович неохотно согласился на пост председателя Совета Союза. И быстро убедился в том, что был прав в своих сомнениях. Несколько раз говорил друзьям, что был бы рад поскорее избавиться от этой должности. Повторял:

— Это не мое.

Основные заседания Верховного Совета проводились совместно, их вел или сам Горбачев, или его первый заместитель Анатолий Иванович Лукьянов, общение с которым было лишено приятности. Председатели палат должны были присутствовать при сем, сидеть в президиуме и в случае необходимости ассистировать, то есть в основном помалкивать. Но и когда палаты заседали раздельно и для председателя Совета Союза находилось занятие, эта работа вовсе не вдохновляла Примакова. И многие депутаты были недовольны его манерой ведения заседаний, обижались, говорили, что мрачный спикер их поучает.

Вот как об этом периоде своей жизни рассказывал мне сам Примаков:

— Мне в Верховном Совете знаете из-за чего не нравилось работать? Из-за телевизионщиков. Я сидел за трибуной, за выступающим. А тогда был всплеск интереса к работе Верховного Совета, так что когда я потом смотрел телевизионный отчет о заседании, то все время видел себя засыпающим…

А действительно иногда хотелось заснуть. Это очень трудно — высидеть целый рабочий день, не вставая, и слушать. Словно летишь на самолете из Москвы в Токио. Но в самолете можно журнал почитать, тебе виски наливают. Или водки — это еще

лучше… А здесь только сидишь. Когда я пришел в Верховный Совет, начиналась его демократизация. Мне казалось, что я могу вести заседание, как в Академии наук: приглашать выступить, затем сделать резюме сказанного и предложить другим обсудить эти идеи. Мне сразу сказали: кто ты такой? Ты должен предоставлять депутатам слово, и больше ничего… Вот такая была моя должность на виду — беспрерывное сидение. Кроме того, конечно же была и серьезная законодательная работа, которая проходила без присмотра телекамер. Но я все равно взмолился, сказал: не могу больше!

В сентябре 1989 года его избрали кандидатом в члены политбюро. Евгений Максимович отнесся к событию на диво спокойно, хотя это было вознесением на политический олимп. Когда он после пленума ЦК вышел на улицу, его уже ждала не «Волга», а ЗИЛ с охраной.

После пленума его встретил один знакомый профессор. Искренне пожал ему руку:

— Поздравляю, Евгений Максимович!

Тот недоуменно переспросил:

— С чем?

— Как — с чем? С избранием в политбюро!

Примаков пренебрежительно махнул рукой:

— Фигня все это.

И пошел дальше.

Как положено по номенклатурным правилам, Примаков полетел в отпуск уже не обычным рейсом «Аэрофлота», а спецсамолетом в сопровождении охраны. Собственный самолет полагался всем членам и кандидатам в члены политбюро. Но газета «Рабочая трибуна» написала именно о том, что на спецсамолете летает официальный борец с привилегиями Евгений Максимович Примаков. Эта история не улучшила отношения Примакова к газетам и журналистам. Он решил, что акция организована кем-то из его доброжелателей…

В марте 1990 года Примаков, к своему величайшему облегчению, освободился от обязанностей в Верховном Совете. Горбачев назначил его членом новой структуры — Президентского совета. Горбачев нуждался в личном мозговом центре, который обсуждал бы ключевые проблемы, генерировал идеи и воплощал их в президентские указы. Но он никак не мог придумать подходящую административную конструкцию.

В Президентском совете Примаков близко познакомился с Юрием Дмитриевичем Маслюковым, которого со временем сделает своим первым заместителем в правительстве. Маслюков, председатель Госплана, считался тогда одним из главных

прогрессистов и сторонником экономических реформ.

В декабре 1990 года на съезде народных депутатов предстояло впервые избрать вице-президента СССР. Горбачев перебрал много кандидатур. Александр Яковлев вызвал бы яростные протесты консерваторов. Шеварднадзе отпал, потому что в первый же день работы съезда сделал резкое заявление об уходе в отставку. От кандидатуры Нурсултана Назарбаева, будущего президента Казахстана, Горбачев тоже отказался.

Возникли две новые фамилии: Примаков и Геннадий Иванович Янаев, к тому времени член политбюро и секретарь ЦК. Бывший комсомольский функционер, веселый, компанейский человек, он чем-то понравился Горбачеву и мгновенно взлетел. Горбачев полагал, что сравнительно молодой Янаев, не примкнувший ни к левым, ни к правым, не встретит возражений у съезда, да и ему самому не доставит хлопот. Едва ли Горбачев хотел видеть на посту вице-президента самостоятельную и равноценную фигуру, с которой ему бы пришлось считаться…

Горбачев выбрал Янаева — и совершил большую ошибку. Примаков — в отличие от Геннадия Янаева — никогда бы не предал своего президента. Августовского путча бы не было, и, может быть, в каком-то виде сохранился Советский Союз…

В последние дни декабря на съезде народных депутатов Горбачев зачем-то сам предложил ликвидировать Президентский совет. Съезд радостно проголосовал за. Демократическое окружение Горбачева, включая Примакова, осталось без работы.

15 января 1991 года у Примакова был неприятный разговор с Горбачевым. Евгений Максимович предупреждал об опасности звучащих повсюду призывов к «жесткой руке», о том, что этому надо противостоять.

Горбачев раздраженно ответил:

— Я чувствую, что ты не вписываешься в механизм.

На следующий день Примаков передал ему личное письмо:

«После вчерашнего разговора я твердо решил уйти в отставку. Это — не сиюминутная реакция и уж во всяком случае не поступок, вызванный капризностью или слабонервностью. Ни тем ни другим — думаю, Вы не сомневаетесь в этом — никогда не отличался.

Но в последние месяц-полтора явно почувствовал, что либо Вы ко мне стали относиться иначе, либо я теперь объективно меньше нужен делу. И то и другое несовместимо даже с мыслью о продолжении прежней работы».

И приложил заявление с просьбой разрешить ему перейти в Академию наук.

Горбачев заявление об отставке отверг:

— Это я буду решать, а не ты!

Тем временем в Персидском заливе начались события, в которых Примаков примет активнейшее участие.

Важную роль в его биографии сыграла первая война в Персидском заливе, которая началась после того, как Саддам Хусейн оккупировал Кувейт. Ирак — одна из тех стран, которые Примаков хорошо знал. Неудивительно, что в иракском кризисе ему предстояло сыграть одну из главных скрипок.

Евгений Максимович сказал Горбачеву, что сумеет убедить иракского лидера вывести армию из Кувейта. Главное — позволить Саддаму Хусейну уйти с достоинством: арабский лидер не может потерять лицо, для него это равнозначно смерти. Таковы традиции Востока.

Министр иностранных дел Шеварднадзе возражал против сепаратной дипломатии и поездки Примакова в Ирак. Он доказывал Горбачеву, что Саддам истолкует появление Примакова как выражение поддержки. Но Горбачев мечтал: а вдруг Евгений Максимович с его опытом работы на Ближнем Востоке, с его широкими и давними знакомствами, с его обаянием, с его знаниями их традиций сумеет объяснить иракцам, что их ждет, и Саддам выведет войска?

Шеварднадзе возмущался:

— Не может быть у страны двух внешних политик!

Но получилось именно так.

Линия Шеварднадзе — стратегическое сотрудничество с американцами ради одной цели: не дать агрессору возможности воспользоваться плодами победы.

Линия Примакова — попытка, используя личные отношения с иракскими руководителями, найти выход из положения до того момента, как будет применена сила.

В шестидесятых годах корреспондент «Правды» Евгений Примаков побывал и в Багдаде. Он познакомился и подружился с иракским журналистом Тариком Азизом, таким же веселым и живым человеком. Азиз, в свою очередь, познакомил советского коллегу со своим другом Саддамом Хусейном. Они стали общаться на «ты» и называли друг друга по имени.

5 октября 1990 года Саддам принял в Багдаде Примакова. Он говорил московскому гостю, что Кувейт — исторически часть Ирака, поэтому он не выведет свои войска. Поскольку он разговаривал с советским гостем один на один, Саддам откровенно добавил:

— Вы понимаете, что иракский народ не простит мне безоговорочного вывода войск из Кувейта. Как быть с выходом к морю, спросят меня.

Саддам из уважения к гостю согласился отпустить на родину только тех советских специалистов, срок контракта которых истекал в течение года (примерно треть всех работавших в Ираке советских граждан), остальные должны были остаться. Тем самым советские специалисты превращались в заложников, в живой щит Саддама Хусейна.

Примаков ожидал большего успеха от своей поездки. Вернувшись, он предложил Горбачеву: попробуем уговорить Саддама уйти, обещав ему заняться решением судьбы палестинцев. Горбачев поручил Шеварднадзе действовать вместе с Примаковым. Но министр иностранных дел не был согласен с Примаковым: любые обещания Саддаму, любая готовность уступить ему, согласиться с его требованиями создают у него ощущение, что он на правильном пути, что он сможет настоять на своем, если только проявит упорство.

Советская дипломатия продолжала, как средневековый дракон, действовать двумя головами. С санкции Горбачева Евгений Максимович повез в Европу, а потом в Соединенные Штаты свой план мирного урегулирования. Министр Шеварднадзе, раздраженный сверх меры, передал американцам через своего помощника Сергея Тарасенко:

— Примаков направляется в Вашингтон с предложением, которое мне не нравится.

Евгений Максимович уговаривал американцев оставить Саддаму хотя бы два кувейтских острова и нефтяное месторождение, которые, собственно, и стали предметом спора с Кувейтом. И обещать ему, что будет созвана международная конференция для обсуждения палестинского вопроса.

Американцы отвечали, что такого рода уступки агрессору неприемлемы:

— Получится, что Саддам Хусейн, оккупировав Кувейт, получил то, что хотел. Он превратится в глазах арабов в величайшего героя, способного навязать свою волю мировому сообществу. Уступки приведут со временем к еще более кровопролитной войне…

Евгений Максимович внушал Бушу:

— Не загоняйте Саддама в угол, иначе он и будет сражаться до последнего. Ему надо помочь найти путь к политическому решению.

Буш решительно возразил Примакову:

— Я не понимаю, что значит помочь Саддаму найти путь к политическому решению? Саддам совершил преступления, сравнимые с гитлеровскими. Как же можно идти на уступки такому человеку? Возвращайтесь и скажите Саддаму, что я не

собираюсь идти на уступки.

После начала бомбардировки иракских войск с воздуха Горбачев и Примаков надеялись хотя бы уберечь Ирак от наземной операции. Евгений Максимович вновь отправился к Саддаму. Добираться пришлось сложным путем, на машинах, через соседний Иран. 12 февраля 1991 года в Багдаде, когда город бомбили, Примакова тепло принял Саддам. Они обнялись. Примакову продемонстрировали следы разрушений от бомбардировок. Иракское телевидение снимало каждый шаг советского гостя, эти кадры с помощью американской телекомпании Си-эн-эн увидел весь мир.

Евгений Максимович осуждал действия американцев:

— Бойня должна быть прекращена. Я не говорю, что раньше война не была оправданна, но ее затягивание не может быть оправданно ни с какой точки зрения. Целый народ гибнет.

Эти телекадры не прибавили Примакову симпатии среди американцев.

Примаков уговаривал Саддама немедленно заявить об уходе из Кувейта, тогда боевые действия сразу прекратятся. Саддам обещал подумать. Мысль об отступлении была ему ненавистна. Он обещал дать ответ в письменной форме. Ночью в советское посольство приехал Тарик Азиз и привез совершенно пустое заявление: иракское руководство изучает идеи, изложенные представителем советского президента, и скоро даст ответ.

Саддам, как и следовало ожидать, упустил последний шанс сохранить свою армию.

24 февраля 1991 года в четыре часа утра по местному времени в Персидском заливе началась наземная операция. Войскам антииракской коалиции понадобилось два дня, чтобы раздавить армию Саддама. Она не могла оказать сопротивления. В первый же день сдались в плен десять тысяч иракских солдат. Спасаясь от неминуемой катастрофы, униженный Саддам капитулировал. Он испугался, что или американцы доберутся до него и посадят на скамью подсудимых, или его собственные генералы, спасая себя, уничтожат «любимого президента». Впрочем, иракская пропаганда писала только о выдающейся победе великого Саддама Хусейна над Америкой.

13 марта 1991 года Верховный Совет разрешил Горбачеву создать вместо распущенного Президентского совета новую структуру — Совет безопасности, своего рода узкий кабинет. В него вошли вице-президент Янаев, новый глава кабинета министров Валентин Сергеевич Павлов, председатель КГБ Крючков, министры обороны — Язов, внутренних дел — Пуго, иностранных дел — Бессмертных, а также Бакатин и Примаков,

которому Горбачев хотел поручить внешнеэкономические дела.

Каждую кандидатуру утверждали депутаты. Надо было набрать больше половины голосов. При первом голосовании Верховный Совет не утвердил Примакова. Кто-то из депутатов был недоволен бывшим спикером, но в основном не хотели пропускать человека демократических убеждений. Горбачев предпринял новую атаку на Верховный Совет, доказывал, что Примаков нужен в Совете безопасности. Заставил проголосовать еще раз. Примаков подошел к микрофону и попросил не переголосовывать. Поступок оценили по достоинству. Примаков прошел. Тогда на Евгения Максимовича смотрели как на подозрительного либерала, теперь же он воспринимается как неисправимый консерватор…

Примаков был не очень доволен работой у Горбачева, но, как добросовестный человек, исполнял свои обязанности, ворчал, но работал. Он занимал формально высокий пост, но лишенный реальной власти.

— Работа была нервная, неблагодарная, очень запутанная, — вспоминает известный журналист Виталий Игнатенко, который был тогда помощником советского президента. — Разные ведомства нас окружали. Все мы сбегались к Примакову и находили помощь и поддержку, товарищеское участие в наших делах. Причем не только кто-то из молодых сотрудников, а все. И когда надо было принимать серьезные решения — несправедливо увольнялся какой-то человек, никто не мог, да никому и в голову не могло прийти — прорваться в кабинет президента и сказать: «Вы поступили неправильно. Этот человек должен остаться. Он не может быть за стенами нашего здания…» А Примаков мог так поступить. Вставал, шел к Горбачеву и очень решительно говорил…

Когда Г орбачев уехал в последний в его президентской жизни отпуск, разъехались и все его сотрудники. Примаков с внуком Женей отдыхал в санатории «Южный» неподалеку от Фороса, где был блокирован Горбачев. О том, что Горбачев отстранен от власти, он узнал 19 августа одновременно со всей страной. В болезнь Михаила Сергеевича он не поверил, потому что еще накануне президент беседовал по телефону со своими помощниками. Но 19 августа с президентом уже не соединяли. В тот день страна проснулась и узнала, что президент Горбачев отставлен от должности, а всем управляет Государственный комитет по чрезвычайному положению.

Примаков вылетел в Москву. Перед отлетом позвонил своему другу Владимиру Бураковскому, попросил на всякий случай приехать в аэропорт — если что-то случится, чтобы было кому

позаботиться о внуке.

Виталий Игнатенко:

— Евгения Максимовича во Внукове встречали его друзья. Они его взяли в такой рой, как пчелы, а он был посредине. Боялись за него! Никто не знал, чем это может кончиться. Встретили прямо у трапа и проводили до машины.

Аркадий Иванович Вольский вспоминал в своем последнем интервью «Известиям», опубликованном после его смерти в сентябре 2006 года:

— Одну ночь у меня провели Примаков и Бакатин. Спали на диване. Я им комнату отвел напротив своего кабинета. Угроза ареста была вполне реальной, поскольку они, как члены Совета безопасности, отказались поддержать ГКЧП.

20 августа в кремлевском кабинете члена Совета безопасности Примакова собрались Вадим Бакатин, президент Научно-промышленного союза Аркадий Вольский, Вениамин Ярин, который работал в аппарате президента, и старший советник президента Вадим Медведев. Решили прежде всего сделать заявление по поводу происходящего и передать по каналам ТАСС:

«Считаем антиконституционным введение чрезвычайного положения и передачу власти в стране группе лиц. По имеющимся у нас данным, Президент СССР М.С. Горбачев здоров. Ответственность, лежащая на нас, как на членах Совета безопасности, обязывает потребовать незамедлительно вывести с улиц городов бронетехнику, сделать все, чтобы не допустить кровопролития. Мы также требуем гарантировать личную безопасность М.С. Горбачева, дать возможность ему незамедлительно выступить публично».

Утром 20 августа Примаков зашел к вице-президенту Геннадию Янаеву, пребывавшему в мрачном состоянии. Янаев сидел за письменным столом и читал газету «Правда». На первой полосе — подписанные им указы.

— Ты в своем уме? — спросил Примаков.

По словам Евгения Максимовича, вице-президент растерянно ответил:

— Если бы отказался, как тогда, в апреле… А что же сейчас делать?

Примаков сказал Янаеву, что ему надо немедленно поехать на телевидение, в прямом эфире распустить ГКЧП, осудить путч и покаяться. Это единственное, что может его спасти.

Янаев был растерян:

— Женя, поверь, все уладится. Михаил Сергеевич вернется, и мы будем работать вместе.

— Что-то не верится, — сказал Примаков. — Нужно немедленно убрать танки с улиц Москвы.

Янаев не нашел что сказать, кроме сакраментального:

— Надо подумать.

Примаков вернулся к себе и позвонил председателю Верховного Совета Анатолию Ивановичу Лукьянову. Прочитал ему заявление, составленное вместе с Бакатиным. Лукьянов выслушал и твердо сказал:

— Публиковать это не надо.

Примаков ответил:

— Заявление уже опубликовано.

21 августа Вольский и Примаков провели пресс-конференцию и сразу же уехали на аэродром — лететь к Горбачеву в Форос. Они полетели в самолете российского руководства.

Мужественное поведение Евгения Максимовича было оценено по достоинству. Сразу после путча он оказался одним из самых близких сотрудников Горбачева, но без должности. Из членов Совета безопасности остались только Примаков и Бакатин, так что совет уже практически не существовал. Бакатин получил назначение в КГБ, а Евгений Максимович сидел без дела. Думали, его сделают министром иностранных дел. Примаков был не прочь. Что помешало? Ельцин не проявил энтузиазма? Или Горбачеву не хотелось объясняться с американцами, которые невзлюбили Примакова после поездки к Саддаму Хусейну? Министром назначили Бориса Дмитриевича Панкина.

Вадим Медведев:

— Примаков находился и в неопределенном положении, и в сложном психологическом состоянии, которое через некоторое время разрядилось — неожиданно для многих он возглавил разведку…

В один из последних дней декабря 1991 года автомобиль президента России в сопровождении машин охраны выехал из Кремля и на большой скорости помчался в Ясенево. Решалась судьба внешней разведки страны и ее нового начальника Евгения Максимовича Примакова.

Советский Союз формально еще не прекратил свое существование. Табличка с именем Михаила Горбачева висела на двери главного в Кремле кабинета, хотя власти у него почти не осталось. Людям трудно было себе представить, что через несколько дней повесят новую — «Президент Российской Федерации Борис Николаевич Ельцин». И не только у нас в стране, во всем мире с трудом будут привыкать к тому, что на политической карте больше нет такого государства — СССР, а появилось много новых республик.

Еще всем было не ясно — какой станет Россия? Как сложатся ее отношения с ближними и дальними соседями? Какие органы управления ей понадобятся? И нужна ли, в частности, внешняя разведка? Некоторые страны вполне без нее обходятся и процветают. Помощники российского президента, молодые и динамичные, формировали органы государственного управления и подбирали в правительство новых людей. Старый аппарат собирались разгонять.

Формально существовал российский республиканский Комитет госбезопасности. Он появился 6 мая 1991 года, когда председатель КГБ Крючков и председатель Верховного Совета РСФСР России Ельцин подписали совместный протокол. Но дальше бумаги дело не пошло. В российском комитете служило несколько десятков человек, никакой власти у них не было, все областные управления по-прежнему подчинялись союзному КГБ.

Председателем российского КГБ стал произведенный в генерал-майоры Виктор Валентинович Иваненко, профессиональный чекист, до этого заместитель начальника инспекторского управления союзного Комитета госбезопасности. Начальником разведывательного управления КГБ РСФСР утвердили генерал-майора Александра Титовича Голубева. В конце 1991 года генерал Иваненко и его коллеги рассчитывали принять под свое руководство союзные органы госбезопасности.

4 сентября последний председатель КГБ СССР Вадим Бакатин издал приказ, которым передал в подчинение российскому комитету все областные и краевые управления КГБ по России. За собой Бакатин оставил координацию работы республиканских комитетов.

26 ноября Ельцин подписал указ о преобразовании КГБ РСФСР в Агентство федеральной безопасности России. Его возглавил Иваненко. Теперь уже шел раздел центрального аппарата госбезопасности. Иваненко достались наиболее жизнеспособные подразделения старого КГБ, включая службу наружного наблюдения и управление оперативной техники.

Но Виктор Иваненко, человек открытый и откровенный, оказался плохим царедворцем. Он не принадлежал к личной команде Ельцина. Его оттеснили очевидные фавориты Бориса Николаевича, которые в штыки встретили чужака. В результате Иваненко быстро потерял должность. Министром безопасности стал Виктор Павлович Баранников, милицейский генерал, который во время августовского путча активно поддержал Ельцина.

18 декабря 1991 года Ельцин подписал указ о создании самостоятельной российской Службы внешней разведки, которая

выделялась из состава первого главного управления КГБ. Начальник первого главка Примаков позвонил Борису Николаевичу:

— Кто будет осуществлять указ?

— Это не телефонный разговор. Приходите, поговорим.

Примаков приехал к президенту России, который еще сидел на Старой площади.

— Я вам доверяю, — сказал Ельцин, — пусть у вас не будет на этот счет сомнений, но в коллективе к вам относятся очень по-разному.

Примакова задело, что Ельцину кто-то наговорил о плохом отношении к нему в разведке.

— Знаете, Борис Николаевич, если б вы сказали, что не доверяете, разговор, естественно, на этом бы и закончился. Ни главе государства не нужен такой руководитель разведки, которому он не верит, ни службе, да и мне самому это абсолютно не нужно. Но меня задело то, что вас информировали о плохом отношении ко мне в самой разведке. Признаюсь, я этого не чувствую, но нельзя исключить, что ошибаюсь.

— Хорошо, — согласился Ельцин, — я встречусь с вашими заместителями.

Примаков предложил:

— Некоторых замов я уже сам назначил. Картина будет объективной, если вы встретитесь со всем руководством — это сорок— пятьдесят человек.

Ельцин столь же неожиданно согласился:

— Заезжайте завтра в десять утра, и вместе поедем к вам в Ясенево.

Евгений Максимович Примаков тогда не знал, что Ельцин уже почти твердо решил назначить другого начальника разведки.

Академик Александр Яковлев участвовал в последней беседе Горбачева и Ельцина в декабре 1991 года, когда президент СССР передавал дела первому президенту России. Воспользовавшись тем, что Горбачев на минуту вышел, Яковлев завел разговор о Примакове. Ему кто-то передал, что Ельцин собирается поставить во главе разведки своего человека. Яковлев прямо спросил об этом Ельцина. Тот неохотно ответил, что, по его сведениям, Примаков склонен к выпивке.

— Не больше, чем другие, — заметил Яковлев. — По крайней мере, за последние тридцать лет я ни разу не видел его пьяным. Может быть, вам стоит съездить в разведку и посмотреть своими глазами?

Ельцин несколько удивленно посмотрел на Яковлева, но ничего не сказал. Видимо, он запомнил этот совет. Разговор о

пристрастии Примакова к выпивке был всего лишь неуклюжим предлогом. Во-первых, в глазах Ельцина злоупотребление горячительными напитками никогда не было особым грехом. Во-вторых, он легко мог навести справки и убедиться в том, что Евгений Максимович, как человек, выросший в Тбилиси, любит застолье, но, как тбилисский человек, никогда не теряет голову…

В 10.40 в кабинете Примакова в Ясеневе собрались руководители всех подразделений разведки. На них появление Ельцина произвело большое впечатление. Он был первым главой государства, который приехал в разведку. Еще вполне здоровый, решительный и жизнерадостный Ельцин в своей привычной манере рубил фразы:

— Раз создается новая организация… А будем так считать… Раз страна другая… То заново должен быть назначен и директор разведки… А будет ли это Примаков… Или кто другой… Это вы сейчас должны решить сами… Одни говорят — Примаков на месте. Другие говорят — он не компетентен, здесь нужен профессионал… Посоветуемся…

Борис Ельцин не скрывал того, что некоторые люди — из его окружения или имевшие к нему прямой доступ — считали, что Примакова нужно менять, он человек старой команды и плохо впишется в новую, и даже предлагали президенту другие кандидатуры. Но Ельцин, чье слово тогда на территории России было решающим, намеревался поступить демократично. Пусть сотрудники разведки сами скажут, какой начальник им нужен.

— Словом, вот как вы сейчас скажете… так и будет, — пророкотал Ельцин. — Прошу высказываться. Кто начнет?

Я спрашивал потом, что же было написано на лице Примакова в тот момент, когда Ельцин предложил его подчиненным решить судьбу своего начальника? Напряженность? Волнение? Фаталистическое спокойствие? Деланое равнодушие?

Говорят, что он держался очень достойно. К тому времени он проработал в разведке меньше трех месяцев. Горбачев ценил Примакова, но мнение бывшего президента теперь могло ему только повредить.

Я спрашивал самого Вадима Бакатина: и кому же пришла в голову идея предложить этот пост Примакову?

— Я внес такое предложение, — ответил Бакатин. — Я знал, что он не будет против. Ему эта работа подходила. По складу характера. Мы поговорили. Он согласился. Так что, когда Шебаршин ушел, первым кандидатом был Примаков.

— А как вы увидели в Примакове начальника разведка?

— А как во мне увидели председателя КГБ? Какой я чекист?

— Вы, по крайней мере, занимались чем-то сходным — были

министром внутренних дел.

— Да это абсолютно разные вещи, — отмахнулся Бакатин. — Эти два ведомства даже рядом нельзя ставить.

— Но ведь Примаков не профессиональный разведчик! А это непростая специальность.

— Министр должен принадлежать к правящей партии и осуществлять политическое руководство, — отрезал Бакатин. — А вот все остальные служащие ведомства, начиная с его замов, должны быть профессионалами.

Я думаю, что у Примакова просто был к этому интерес, продолжал Бакатин. Евгений Максимович всю жизнь занимался внешней политикой. Он глубокий человек с аналитическим складом ума. А разведка — это и есть информация. Получение информации из разных источников и ее сопоставление. Я думаю, эта работа ему как раз подходила.

— Как тогда встретили Примакова в разведке?

— Встретили его хорошо. А провожали еще лучше.

— Как это ему удалось? Ведь он был чужой для них?

— Он не чужой. Для нас для всех разведка родная. Все фильмов насмотрелись. Все грезили разведкой с детского возраста. Как все мы убедились, руководить разведкой — это совсем неплохо у него получилось. Хорошо получилось. И разведчики довольны. И разведка не развалилась. На ней все эти перипетии политические не сильно отразились.

Формально Примаков получал невысокую должность первого заместителя председателя КГБ, то есть переходил в прямое подчинение Бакатину, хотя в Кремле, в команде Горбачева они были на равных.

— Но в первом же вашем с ним разговоре имелось в виду, что разведка станет самостоятельной? — переспросил я.

— Да. Это было решено до его назначения, — подтвердил Бакатин. — Сразу договорились, что Комитет государственной безопасности, этот монстр, будет демонтирован. Надо было это сделать хотя бы для того, чтобы сохранить разведку. Ведь в то время президенты всех республик претендовали на наследство СССР, хотя Советский Союз еще существовал. Разведка все-таки была сразу выведена за скобки. Она осталась единой, обслуживающей все республики. А остальную часть комитета делили. Происходило перетаскивание людей из кабинетов в кабинеты. Примаков в этом не участвовал.

Сам Евгений Максимович рассказывал так:

— Я настолько не был готов к такой крутой перемене в своей жизни, что вначале вообще несерьезно отнесся к предложению Бакатина. Начисто забыл о нем во время сентябрьской поездки по Ближнему Востоку, куда полетел с большой группой представителей союзных и российских органов власти с целью получить столь необходимые стране кредиты. Нам тогда это неплохо удалось сделать — сумма полученных только несвязанных займов составила более трех миллиардов долларов.

Прилетел в Москву, окрыленный успехом. Во время поездок в Саудовскую Аравию, Кувейт, Арабские Эмираты, Египет, Иран, Турцию в полной мере использовал и свои связи, но главное, конечно, было не в них, а в высоком авторитете нашей страны в

арабском мире. Однако для личного доклада меня никто не вызывал.

Позвонил по телефону Горбачев и, не спросив ни слова о результатах поездки, предложил в условиях ликвидации Совета безопасности стать его советником по внешнеэкономическим вопросам. Я понимал, что мне «подыскивается место». Может быть, сказалась в какой-то степени и обида — предложение делалось как бы мимоходом, по телефону, и я ответил:

«Михаил Сергеевич, мне как-то уже надоело советовать».

«Тогда соглашайся на работу руководителем разведки, мне Бакатин говорил об этом».

«Хорошо», — с ходу ответил я.

Прошло несколько дней — никто не возвращался к этой теме. Бакатин позже мне объяснил причину. Тогда уже ни одно назначение на сколько-нибудь крупный государственный пост не проходило без Ельцина, а он отдыхал на юге. Бакатин позвонил ему — Ельцин вначале колебался, но, по словам Вадима, он его уговорил.

У меня не было никаких оснований считать, что Борис Николаевич ко мне относится негативно, но причину его колебаний я понимал — был в «команде Горбачева», не принадлежал к окружению Ельцина, а в то время на ведущие посты расставлялись люди, которые работали с ним раньше.

Виталий Игнатенко вспоминает:

— Назначение в разведку для самого Примакова было, мне кажется, неожиданным. Но для того времени оно было крайне необходимым. Для страны это было нужно. Ему так и представили: вы идете туда, потому что это нужно стране. Разведчики, которые этому сложному и опасному делу отдали много лет, в нем души не чаяли. Я слышал, что они самого высокого мнения о его уровне профессиональном и человеческом…

Академик Александр Яковлев тогда был ближайшим советником президента Горбачева. Он говорил в медленной своей манере, очень точно подбирая слова:

— Назначение Примакова было логичным. Михаил Сергеевич хотел, чтобы после Крючкова эта сфера была надежна, чтобы там обмана не было. Там многое строилось на обмане и на лжи. А Примаков врать не будет. Это Горбачев знал…

Примаков сказал друзьям, что воспринимает разведку как аналитическую работу и станет руководить службой так же, как он руководил академическим институтом.

— Это верно, — согласился Александр Яковлев, — Примаков привнес в разведку научный подход к анализу. В оперативном

деле он мало что смыслил. Но как аналитик он в разведке оказался на месте.

В самой разведке об уходе Шебаршина сожалели прежде всего те, кто был с ним связан. Профессионалы говорят, что он был сильным информационщиком, то есть умел осмыслять и интерпретировать добытую информацию.

Появление Примакова стало для обитателей Ясенева полной неожиданностью. Сначала насторожились, но страха не было: учитывали его научный опыт, занятия внешней политикой — так что надеялись, что академик все-таки не вовсе чужой для них человек.

— Когда он сюда пришел, отношение к нему было сдержанновыжидательное, хотя и доброжелательное, — вспоминает Татьяна Самолис, которая была пресс-секретарем директора Службы внешней разведки. — Хотя нет, сначала — просто сдержанно-отчужденное. И слово «академик» произносилось с сомнением, пробовалось на вкус, что оно значит. А потом… Здесь все очень быстро происходит, в разведке работают умные люди. Они знают цену информации и умеют ее получать. Информация о Примакове добывалась очень быстро.

Во-первых, внутри самой разведки были люди, которые его знали — кто-то в молодые годы, еще по институту — вместе учились, кто-то знал его всю жизнь — еще со времени работы в арабских странах, кто-то сталкивался потом, когда он работал в академических институтах и проводил симпозиумы, конференции, ситуационные анализы, в которых разведчики принимали участие… Кто-то знал Примакова по загранкомандировкам: когда Примаков приезжал в какую-то страну, резидентура ему помогала — давала машину, переводчика. И через короткое время разведчики пришли к выводу, что им повезло: в это революционное время он не даст их затоптать. А опасность такая была. КГБ делили, и разведку хотели растащить республики.

Примаков знал ответ на главный вопрос: а нужна ли вообще разведка?

Сейчас этот вопрос звучит как-то наивно. Но в то время горячие головы говорили — нас любит весь мир, зачем нам разведка? Надо ее сейчас же прикрыть. Да и денег на это нет, бедноватая страна… Потом, лет через пять — семь, станем на ноги — мы же думали, что быстро экономически окрепнем, — и тогда откроем разведку.

Примаков хорошо понимал, что разведку нельзя, как дверь, то открывать, то закрывать. Она или есть, или ее нет. Если она когда-нибудь понадобится — хотя бы через двадцать лет, она

должна существовать сегодня. Вот это он точно знал: он сделает все, чтобы разведка существовала. И за это, когда Примаков уходил, люди его благодарили.

А как отнеслись тогда к неожиданному назначению Примакова президенты — тогда их еще было двое: Г орбачев и Ельцин?

— Горбачев сразу согласился, — сказал Бакатин. — А Ельцин долго не хотел Примакова. Ельцина пришлось убеждать.

Бакатин на мгновение замолчал, показывая, что разговор с президентом России был непростым. В тот момент Бакатин был куда более влиятельным политиком, чем Примаков. Бакатин был на виду, страна следила за каждым его шагом, газеты цитировали любое выступление, а Примаков ушел в лес, как именовали штаб-квартиру разведки, и надолго исчез из поля зрения. Это и спасло его политическую карьеру, хотя не только это.

Когда Вадима Викторовича Бакатина назначили председателем Комитета государственной безопасности СССР, обсуждались разные планы — от радикальной идеи распустить КГБ и создать совершенно новую спецслужбу с ограниченными функциями до осторожного предложения ограничиться косметической реформой комитета. Бакатин выбрал нечто среднее. Его реформа органов государственной безопасности оказалась вполне жизнеспособной.

Бакатин передал войска КГБ Министерству обороны. Это были те несколько дивизий, которые с дальним прицелом — на случай чрезвычайного положения — забрал у армии Крючков (103-я Витебская воздушно-десантная, 75-я Нахичеванская мотострелковая, 48-я мотострелковая, 27-я отдельная мотострелковая бригада).

Пограничные войска тоже вышли из КГБ, был создан самостоятельный Комитет по охране государственной границы. После распада СССР Ельцин включил пограничников в состав Министерства безопасности России. В 1993 году они опять получили самостоятельность, и была образована Федеральная пограничная служба. А при Путине пограничников вернули в состав ведомства госбезопасности.

Службу охраны (бывшее девятое управление, которое заботилось о членах политбюро) подчинили непосредственно президенту Горбачеву. При Ельцине были созданы два ведомства — Служба безопасности президента и Главное управление охраны, которое охраняло остальных государственных чиновников. Затем обе службы объединили в единую Федеральную службу охраны Российской Федерации.

Управление правительственной связи, восьмое главное

управление (обеспечение безопасности собственных секретных переговоров и расшифровка чужих) и 16-е управление (перехват радио-и телефонных переговоров) тоже изъяли из состава КГБ и объединили в Комитет правительственной связи при президенте СССР. С 1993 года это ведомство называлось ФАПСИ — Федеральное агентство правительственной связи и информации при президенте России.

Президент Путин расформировал ФАПСИ накануне второй иракской войны. Первоначально президент сказал, что ФАПСИ поделят Федеральная служба безопасности и Министерство обороны. На самом деле Главному разведывательному управлению Генштаба ничего не досталось. Бывшее третье главное управление (радиоэлектронная разведка) ФАПСИ поделили Служба внешней разведки и ФСБ. Федеральной службе безопасности достались также войска радиоэлектронной разведки и второе главное управление (безопасность связи, дешифрование и криптография).

Основная часть наследства ФАПСИ перешла к Федеральной службе охраны, как ни странно это звучит. В нашей стране по давней традиции служба охраны не только обеспечивает безопасность высших чиновников, но и присматривает за ними. Поэтому такими влиятельными фигурами были генерал-лейтенант Власик при Сталине или генерал-лейтенант Коржаков при Ельцине, хотя формально ведали лишь охраной и материальным обеспечением руководителей государства.

Федеральная служба охраны, которая является самостоятельным ведомством, получила бывшее первое главное управление (правительственная связь) ФАПСИ, войска правительственной связи, главное управление информационных ресурсов (вся информация, которая циркулирует в закрытых сетях органов власти), главное управление информационных систем (изучение общественного мнения перед выборами). В составе ФСО образовали Службу специальной связи и информации…

Бакатин упразднил бывшее пятое управление, которое занималось политическим сыском — слежкой за интеллигенцией, церковью, национальными движениями.

Министр обороны маршал Евгений Шапошников просил передать в Министерство обороны третье главное управление КГБ — военную контрразведку. Вадим Бакатин согласился было, но быстро передумал. В Кремле не захотели, чтобы армейская контрразведка стала карманным ведомством Министерства обороны, контроль над армией остался в руках главы государства.

Главная задача, которую ставил перед собой Бакатин и узкий

круг его единомышленников, — сделать ведомство госбезопасности безопасным для общества.

Главная задача Примакова состояла в том, чтобы сохранить и модернизировать разведку. Противоположность задач определила и судьбу обоих политиков. Хотя было и нечто общее.

Евгений Примаков наотрез отказался аттестовываться на воинское звание, хотя сразу бы стал генералом, а это неплохо для пенсии. Вадим Бакатин, придя в КГБ, отказался от присвоения очередного воинского звания — генерал-полковник — и остался генерал-лейтенантом (звание, полученное в Министерстве внутренних дел), хотя на этой должности мог быстро стать генералом армии, что и делали его предшественники и преемники.

Строитель по профессии, Бакатин был замечен и переведен на партийную работу. По этой лестнице быстро продвигался вверх, стал первым секретарем Кемеровского обкома. Осенью 1988 года Горбачев назначил его министром внутренних дел. Бакатин сопротивлялся проведению жесткой линии, развязал руки республиканским МВД, дал самостоятельность прибалтийским министерствам, чем вызвал гнев сторонников консервативной линии. Они давили на Горбачева, требуя заменить Бакатина кем-нибудь потверже.

В декабре 1990 года его без объяснения причин сместили с поста министра. Но Горбачев не хотел его терять и назначил членом Президентского совета. В Кремле кабинет Бакатина находился рядом с кабинетом Примакова, но они были разными людьми. Примаков сторонился публичной политики, не выступал на митингах, избегал интервью, предпочитал тихую кабинетную работу.

Вадим Бакатин, темпераментный, резкий, жаждал активной политической деятельности, несомненно, видел себя на первых ролях. Он был человеком известным, заметным, хотя, возможно, переоценивал степень собственной популярности. Он выставил свою кандидатуру на первых президентских выборах в России, стал соперником Ельцина, но собрал мало голосов, потому что воспринимался как партийный аппаратчик, хотя им и не был. Примакова потом тоже станут называть партийным бонзой, хотя он и дня не провел в аппарате.

Бакатин продержался в КГБ очень недолго. Примаков остался в разведке надолго. Почему их судьба сложилась так различно?

Александр Яковлев, который тогда знал все, что происходило в коридорах власти, вспоминал:

— Примаков тоже должен был быть освобожден. Но тут сыграло то, что он уже начал завоевывать свое положение во

внешней разведке. Не стал никого особо разгонять.

Евгений Максимович оказался мудрым администратором. Интервью не давал, на трибуну не лез, объективов телекамер избегал. Он получил свой пост не на волне выдвиженцев по случаю, которых быстро смыло. Он умело делал свое дело.

— Я знаю, он сразу привлек к себе наиболее думающую часть разведки, — сказал Яковлев. — Это люди, которым надоел обман, наговаривание всякое.

Я задал Бакатину личный вопрос:

— Против вас восстали в КГБ. А против Примакова не восстали. Люди разные в разведке и во внутренних управлениях КГБ или у вас модели поведения были разные?

— Разведка всегда считалась элитой спецслужб. Там просто более мудрые люди, чем здесь, в контрразведке, где люди вечно чем-то недовольны, обижены. Мудрые люди в разведке поняли, что самостоятельно работать под руководством достаточно опытного политика им самим будет неплохо, так что чего им обижаться на Примакова? А в контрразведке тогда все шли споры — кому что отдать — и бесконечные дискуссии о чекизме и чекистских традициях. Плюс ведомственные склоки. И при этом не могли понять, что деятели ГКЧП сами все развалили. Разве может так плохо спецслужба планировать даже путч? КГБ все проморгал — государство развалилось, а они не заметили. КГБ и не спецслужба вовсе. Потом, когда чеченская война началась, чекистов ругали: Дудаева поймать не могут! Да они не приучены ловить, не готовы к такой работе, какой профессиональные спецслужбы должны заниматься. Их работа была следить, что какой профессор где говорит. Или гадить ЦРУ в какой-нибудь африканской стране…

28 ноября 1991 года президент СССР Михаил Горбачев подписал указ «Об утверждении Временного положения о Межреспубликанской службе безопасности». Службу возглавил Вадим Бакатин. Через несколько дней, 3 декабря 1991 года, Верховный Совет принял закон «О реорганизации органов государственной безопасности», а Горбачев сразу же его подписал. Этот закон упразднял КГБ СССР. На переходный период на его базе создавались Межреспубликанская служба безопасности и Центральная служба разведки СССР.

Но указы Горбачева уже не имели практического смысла, а через несколько дней после встречи в Беловежской Пуще президентов России Бориса Ельцина, Украины — Леонида Кравчука и председателя Верховного Совета Белоруссии Станислава Шушкевича утратили и юридический смысл.

Вадим Бакатин возглавлял Комитет госбезопасности сто семь

дней, начиная с 23 августа. На сто первый день, 3 декабря 1991 года, КГБ прекратил существование. 8 декабря в Минске Ельцин, Кравчук и Шушкевич подписали соглашение о создании Содружества Независимых Государств, и нужда в Межреспубликанской службе безопасности тоже исчезла. Каждая республика обзаводилась собственной специальной службой.

Борис Ельцин подписал 24 января 1992 года указ об образовании Министерства безопасности Российской Федерации на базе упраздняемых Агентства федеральной безопасности РСФСР и Межреспубликанской службы безопасности. Министром безопасности стал Виктор Баранников.

А судьба Бакатина решилась месяцем раньше.

23 декабря Ельцин пригласил к себе Бакатина и предложил ему дипломатическую работу. Вадим Викторович, видимо, рассчитывал на большее и отказался. 24 декабря Бакатин собрал вещи и покинул Лубянку — за день до отставки Горбачева. Политическая карьера Вадима Бакатина закончилась. Политическая карьера Евгения Примакова еще не началась.

Я спросил у Бакатина:

— Что было главным для разведки в конце 1991 года?

— Примаков пришел в то время, когда надо было думать о новой концепции безопасности. Перед ним стояла задача обеспечить информацией новое руководство, чем он и занимался.

Занимался и законодательством — закон о разведке появился, и созданием нового имиджа своей службы.

— А разведку новая власть хотела сохранить или разогнать?

— Спецслужбы в такой период очень нужны. Все мы наполовину в социализме, наполовину в капитализме. Выгнать старых профессионалов — значит разведку ликвидировать. Агент дается долгим временем. Только если кому-то идеология мешает служить государству, тогда от него надо избавиться.

Послеавгустовская гроза 1991 года обошла разведку стороной. Первое главное управление КГБ (внешняя разведка) отделили от остального аппарата государственной безопасности — и структурно, и в смысле ответственности за более чем семидесятилетнюю историю этого ведомства. Лишились своих должностей всего лишь несколько генералов из первого главка, близких к арестованному Крючкову. Но нависшая над бывшим КГБ угроза полной ликвидации (в конечном счете оказавшаяся мнимой) на разведку никогда не распространялась. Разведку спас Примаков.

Появление академика Евгения Примакова оказалось для многих неожиданным и странным. И я тогда думал, что Примакову не хватит административного опыта, приобретенного

Бакатиным на постах первого секретаря обкома и министра внутренних дел. Такой опыт необходим для того, чтобы подчиненные не могли водить пришлого начальника за нос, шаманя и ссылаясь на специфику службы. Думали, что Бакатин пришел надолго, сулили ему бурную политическую карьеру. А Примакова считали проходной фигурой.

Назначение Бакатина подчиненные встретили с трудно скрываемым раздражением. Он действовал жестко, и его просто возненавидели. К облегчению чекистов, правительство отправило его на пенсию — в пятьдесят пять лет. В Кремле ему не простили отказа баллотироваться в 1990 году вместе с Ельциным в качестве кандидата на пост вице-президента.

Отношение же к Примакову изменилось к лучшему. Он не противопоставил себя аппарату, а совсем наоборот — постарался стать своим.

Казалось, что, завоевывая сердца своих новых подчиненных, он поступается демократическими завоеваниями. Смущало, что в новом законе об оперативно-разыскной деятельности среди ведомств, которые могут на территории России (внутри страны!) заниматься прослушиванием телефонных разговоров, чтением чужой почты, слежкой, а также наделены правом проводить обыски и аресты, значится почему-то и Служба внешней разведки. А кого внешняя разведка собирается арестовывать внутри страны? Разве разведка этим должна заниматься?

Ни Центральное разведывательное управление Соединенных Штатов, ни Федеральная разведывательная служба в Германии, ни британская разведка МИ-6 не обладают такими правами. Более того, они лишены их сознательно, чтобы разведка не превращалась в еще одну спецслужбу, трудно контролируемую и опасную для общества.

Всей полнотой прав, что означало полнейшее бесправие для других, обладал КГБ. Зачем новый закон передал опасное для общества наследство Службе внешней разведки?

Примаков не собирался заниматься внутренним сыском, но он позаботился о том, чтобы разведка ни в чем не уступала другим спецслужбам. Он вел себя как рачительный хозяин. И это нравилось его подчиненным.

Важнейшее испытание на лояльность Примаков прошел после встречи в Беловежской Пуще в декабре 1991 года. Ельцин и его окружение тревожились: не попытается ли Г орбачев в последний момент сохранить власть силой?

Министр внутренних дел Виктор Баранников был человеком Ельцина. Министр обороны маршал Евгений Шапошников тоже поспешил присягнуть на верность Ельцину. А как себя поведут

руководители спецслужб Бакатин и Примаков — это беспокоило российскую власть. 9 декабря 1991 года Примакова без объяснения причин попросили приехать из Ясенева на Лубянку. В кабинете Бакатина глава российской госбезопасности Виктор Иваненко передал им обоим пожелание российского правительства быть благоразумными, иначе говоря, не сопротивляться неизбежному распаду Советского Союза и переходу власти к Ельцину. Предупреждение было напрасным — Примаков уже присягнул российской власти…

После встречи трех лидеров в Беловежской Пуще, подписавших соглашение о создании Содружества Независимых Государств, президент СССР Михаил Горбачев собрал своих советников, тех, на кого мог рассчитывать, и задал вопрос: что будем делать?

Горбачевские люди говорили о том, что не надо сдаваться, что союзные структуры должны продолжать работать. Примаков был осторожнее, сказал, что нужно принять совершившееся, а к России, Украине и Белоруссии, вполне возможно, присоединятся и другие республики.

10 декабря Горбачев вновь собрал ближний круг — Александра Яковлева, министра внешних сношений СССР Эдуарда Шеварднадзе, московского мэра Гавриила Попова, Примакова, главу Союза промышленников и предпринимателей Аркадия Вольского, Вадима Бакатина, Григория Ревенко, руководителя своего аппарата, и Егора Яковлева — председателя Гостелерадио.

Горбачев сказал, что получил распоряжение о переводе управления правительственной связи под юрисдикцию России. Как быть?

Помощник Горбачева Георгий Шахназаров резко ответил, что это переворот, что завтра придут опечатывать кабинеты. Примаков спокойно заметил:

— У вас нет никаких силовых возможностей помешать действиям российского руководства. На армию не опереться. Международные силы будут взаимодействовать с республиками.

Иначе говоря, Примаков предлагал Горбачеву примириться с неизбежностью. Сам Евгений Максимович не собирался конфликтовать с российской властью.

А как после нескольких месяцев совместной работы оценивали Примакова сотрудники разведки? Вот что я услышал от тех, кто в те годы работал в Ясеневе:

— Всем понравилось, что он стал называть себя директором, а не начальником. Само отделение от КГБ было хорошо воспринято. И то, что он потом воспрепятствовал вливанию

разведки назад в общую структуру госбезопасности, — за это ему тоже спасибо. Разведка все-таки не часть репрессивного аппарата.

И то, что он воинское звание себе не присвоил, тоже было хорошо оценено. Люди каждую звездочку годами добывают, а тут ни дня не проработавший в разведке начальник сразу получает генеральские погоны… Это было расценено как поступок серьезного, солидного человека. Погоны в его положении — детская шалость.

Разведчики согласились с тем, что во главе разведки не обязательно должен стоять профессионал, который знает все эти забавные дела, как от наружки уходить и с агентами тайно встречаться. Нужен политик с широким кругозором и с авторитетом у высшего руководства страны.

Примакову были благодарны за то, что кадровых чисток он не проводил, все вверх тормашками не переворачивал, а, напротив, способствовал консолидации и без того крепко сбитого аппарата. Принимая кадровые решения, он всегда советовался со своими заместителями. Иногда и шире был круг тех, с кем он обсуждал кандидатуру, — это зависело от того, на какую должность искали кандидата.

Даже близкие к нему люди не знали, принял ли он уже заранее решение или заместителей собирал всего лишь для проформы? Или же, наоборот, собирался целиком довериться мнению коллег? Но ритуалу этому он придавал большое значение. А может быть, это и не ритуал вовсе. Совета он спрашивал всегда и выслушивал внимательно. И только в самый крайний момент, если на него кто-то крепко жал, он мог сказать:

— Ну, разрешите мне быть директором!

Мягко так… «Разрешите»…

Он звонил своим коллегам — например, заместителям, начальникам департаментов:

— Добрый день. Это Примаков.

Всегда представлялся. Как будто его по голосу не узнали бы. Потом спрашивал:

— У вас минуточка есть? Вы не очень заняты?

А ведь большинство руководителей считает: если я звоню, то надо все бросить. Какие уж там дела, если директор звонит! У Примакова не так. Он воспитанный человек.

Он сразу показал, что считается с ветеранами службы. Они в Ясеневе уже не работают, свободны от воинской дисциплины и могут позволить себе резко высказаться — кто в силу возраста, кто в силу того, что не сложилась карьера. Но Примаков не считал, что раз в ассоциации ветеранов собрались люди вчерашнего дня, так и нечего с ними разговаривать, время

тратить.

Он собрал бывших руководителей разведки, заместителей, бывших начальников крупных подразделений, говорил с ними, что-то объяснял, совета спрашивал. Может быть, и это ритуал. Но в службе оценили, что он считал это необходимым. Евгений Максимович создал Совет ветеранов Службы внешней разведки и поставил во главе Александра Титовича Голубева, который был начальником разведки в КГБ РСФСР и получил погоны генерал-лейтенанта.

В Ясеневе есть несколько залов для собраний — зал на сто мест, зал на триста мест и зал на восемьсот. В зале на восемьсот человек в прежние времена устраивались партийные конференции. В перестроечные времена там стали собирать разведчиков послушать приезжавших в Ясеневе депутатов — необычная для офицеров была форма общения.

И вот на каком-то общем для разведки мероприятии в зале на восемьсот Примаков произнес речь, которая согрела сердце коллектива. Он говорил: наши с вами заботы, наши задачи, в нашей среде, надо действовать нашими специфическими средствами… Когда он применительно к какому-то решению правительства сказал: «В нашей среде это могло бы найти поддержку», зал зааплодировал. Примакова уже считали своим.

Но в том, что Примаков справится с должностью начальника разведки, президента Ельцина пришлось убеждать дважды. В первый раз — когда Примакова назначали. Тогда сумел настоять на своем Вадим Бакатин, да и мнение Горбачева еще что-то значило. Во второй раз, в конце 1991 года, судьба Примакова была в руках его многоопытных подчиненных.

Если бы устроенное Ельциным обсуждение личности начальника разведки происходило в советские времена — ясно, ему бы пропели аллилуйю! Но в тот момент открытости и гласности все понимали, что можно говорить все, что угодно, и это будет прекрасно воспринято российским президентом.

В революционные периоды всегда звучит команда: «Огонь по штабам!» Желание подчиненных избавиться от косного и реакционного начальника было бы воспринято на ура. Тем более Ельцин дал понять, что у него есть другие кандидатуры. И он вполне был способен сразу же с треском снять директора, которым недовольны. Так что этот день вполне мог стать последним днем работы Примакова в разведке.

Первым выступил заместитель директора Вячеслав Иванович Гургенов. Он встал и сказал прекрасные слова о Примакове. Они были хорошо знакомы, Гургенов ездил вместе с Примаковым в Ирак во время первой войны в Персидском заливе. Тогдашний

первый заместитель начальника разведки Вадим Алексеевич Кирпиченко, ныне тоже уже покойный, произнес в пользу Примакова большую и аргументированную речь. Кирпиченко знал Примакова еще по Институту востоковедения, где они вместе учились.

Потом точно так же говорили и другие. Выступило примерно двенадцать — пятнадцать человек. Все единодушно поддержали Примакова.

Борис Ельцин, уловив настроения, охотно присоединился к общему хору:

— Да, и у меня такое же отношение к Евгению Максимовичу… Мне советовали… его заменить, но я не буду этого делать. Он меня никогда не подводил… Даже в те тяжкие времена… времена опалы он был одним из немногих людей, кто мог мне руку протянуть, поздороваться, улыбнуться и поговорить… Я такие вещи не забываю, — многозначительно заключил президент.

Борис Ельцин прямо там же, на глазах всего руководства разведки подписал заранее, разумеется, заготовленный указ № 316 о назначении Примакова. Была тогда у Ельцина такая манера — вот я сейчас на ваших глазах подписываю указ.

Ельцин поздравил Примакова и встал. Все понимали, что в президентской папке были и другие проекты указа… Провожая президента, Евгений Максимович сказал:

— Вы сняли огромный груз с моих плеч, назначив меня через такую процедуру.

Примаков умеет быть очень сдержанным, поэтому никакого напряжения — сейчас моя судьба решается — или, напротив, ликования — смотри-ка: все говорят, что я самый достойный, — он не выразил. Но это был один из приятнейших дней в его жизни, потому что впервые у него появилась возможность посмотреть, как к нему относятся в Ясеневе.

Евгений Примаков остался в разведке и проработал там еще четыре года — до назначения министром иностранных дел.

Конечно, и до появления в Ясеневе Евгений Примаков имел некоторое представление о работе разведки, но достаточно смутное. Что представляет собой разведывательная служба в реальности, он узнал только после того, как появился в Ясеневе в роли хозяина.

Советская разведка действовала как сверхмощный пылесос: вместе с действительно важной информацией она вбирала и кучу никому не нужной шелухи. Скажем, даже в Зимбабве или Сьерра-Леоне крали какие-то военные документы, вербовали местных чиновников. Но стоило ли тратить на это деньги и силы?

Главный вопрос, поставленный перед Примаковым, стоял так: а что именно нужно? В какой именно информации нуждается государство?

Евгений Примаков примерно представлял себе, что должна давать разведка. Она должна перестать растрачивать силы и средства. Разведку должно интересовать только то, что имеет значение для России. Теперь ему предстояло убедить в своей правоте аппарат службы.

В целом разведка нуждалась в сокращении, и оно происходило. Сократить предстояло примерно тридцать — сорок процентов. В 1992 году разведчики паковали чемоданы и с болью в сердце покидали посольские здания, над которыми развевался еще непривычный трехцветный флаг. Примаков, возглавив Службу внешней разведки, принужден был отозвать домой офицеров, чьи должности подлежали сокращению. Возвращались в Москву люди из торговых представительств, из бюро «Аэрофлота», корреспонденты газет и журналов, а также сотрудники некоторых контор, часть которых и была создана в свое время для того, чтобы отправлять разведчиков за границу под легальным прикрытием.

Под руководством Примакова в центральном аппарате тоже шло сокращение, сливались отделы, ликвидировались некоторые направления. Например, исчез самостоятельный японский отдел. Те, кто продолжал работать за границей, в прямом смысле оставались без денег, потому что разрушилась прежняя система доставки им денег из Москвы.

Разведка просила о помощи журналистов. Толстые пачки долларов привозили из Ясенева в редакции газет, и обычные журналисты — просто в порядке дружеской взаимовыручки — перевозили деньги через границу. Стоя перед таможенниками, они ежились от страха, понимая, что если таможенник что-то заподозрит и их задержат, то они пойдут под суд, потому что кто же поверит нелепому объяснению:

— Везу деньги для наших разведчиков…

Среди оставшихся в резидентурах офицеров развернулась ожесточенная борьба за право остаться за границей. Сотрудники разведки сражались за собственное выживание и одновременно выживали других — то есть всячески помогали товарищам поскорее вернуться на родину.

Возвращавшиеся домой офицеры не находили себе работу в центральном аппарате и искали место сами — чаще всего в коммерческих структурах.

По указанию Примакова управление кадров не возражало, даже, наоборот, неофициально советовало тем, кто вернулся из-за

границы, обосноваться где-то на стороне. Они не увольнялись из кадров, поскольку в разведке, как и в армии, пенсию платят за выслугу лет. Прослужив двадцать лет, в сравнительно молодом возрасте уже можно получить приличную военную пенсию и заняться чем-то другим.

Помню печальные лица своих приятелей — офицеров разведки, которые работали под журналистским прикрытием. Проблемы у них были на каждом шагу. Кто-то не успел и нескольких месяцев проработать за границей, как его вернули из-за сокращений, и он ходил по коридорам в Ясеневе без всякого дела.

В девяностых годах я работал в «Известиях». Здесь разведчикам, работавшим под журналистским прикрытием, предложили выбирать: или уходите в разведку, или оставайтесь в редакции, но тогда увольняйтесь из разведки. Те, кто хорошо писал, кому нравилось газетное дело, предпочли «Известия». Приходили к главному редактору, показывали обходной листок, заполненный в Службе внешней разведки. Один из них, высокий, физически крепкий, уверенный в себе человек, уволившись из СВР, сказал мне:

— Знаешь, впервые в жизни чувствую себя неуверенно. Все-таки привык, что за мной стоит мощная организация.

Другие активно искали работу — в основном в управлении по обслуживанию дипломатического корпуса в качестве переводчиков-референтов при иностранных журналистах. Там платили в валюте, хотя работа была малоприятная. Потом, когда стали появляться банки, разведчики почувствовали себя лучше — их охотно брали в службы безопасности и в аналитические отделы. Разведчики прежде всего могли предложить новым работодателям свои зарубежные контакты.

Ушли не только те, кого считали балластом.

По собственному желанию уходили молодые офицеры, которые считали, что у них нет служебной перспективы. Исходом из разведки это назвать нельзя, но потеря была заметной. Офицеры писали заявления и увольнялись. Это было нечто новое в разведке, которая превратилась в обычную государственную структуру.

Один из близких сотрудников Примакова шутил:

— Еще до работы в разведке я услышал такую пугающую фразу: из разведки по своей воле не уходят. Отсюда выносят вперед ногами или выводят в наручниках. Вот как. Так когда я приходил, то думал: а как уходить-то буду? Если два пути всего, то какой же мой?

Разведчики впервые почувствовали себя в определенном

смысле обычными служащими. Они имели право заниматься прежним делом, а могли уйти, если возникало желание заняться чем-то другим.

Но тогда, в первые дни, это было шоком для кадровых разведчиков. Как это можно — взять и уйти? Те, кто оставался, говорили разные резкие слова в спину уходящим. Увольнялись в основном из-за денег. А кто-то ушел и по идеологическим соображениям — как это жить без главного противника? Разве можно говорить, что наши интересы с Соединенными Штатами в чем-то совпадают, а в чем-то не совпадают? Сегодня не совпадают, а завтра совпадут? Это казалось настолько чудовищным, что офицеры говорили: я в этом участвовать не желаю — и уходили.

Примакову предстояло сформулировать национальную разведывательную политику. От разведки требовалась прежде всего радикальная смена приоритетов.

Семьдесят с лишним лет внешняя разведка вела борьбу с мировым империализмом на всех фронтах. На практике это означало массированное агентурное проникновение во все государства и стремление узнать все тайны, не считаясь с затратами.

Государственная политика новой России исключала продолжение такой линии. Современные концепции национальной безопасности требовали разумной достаточности не только для армии, но и для разведки. Но можно себе представить, как трудно было сменить ориентиры офицерам со стажем. Смогут ли кадровые разведчики отвыкнуть от прежних идеологических установок?

В разведке работали разные люди с разными политическими взглядами. Для одних крушение социализма было ударом. Другие стали говорить, что после крушения социалистического строя работать легче: исчезла фальшь.

Специалисты уверены, что работа в разведке сама по себе наносит тяжелый ущерб психике разведчика. Он ведет двойную жизнь и к тому же убеждает своих агентов делать нечто преступное — изменять родине, красть секретные документы. Вот почему в разведывательной школе слушателей пытаются морально вооружить, объясняя, что во имя Родины надо идти на все.

Разведчиков учат умению налаживать контакты, устанавливать близкие отношения, получать от людей информацию. В любом собеседнике, даже если он не оформлен агентом, разведчик видит прежде всего источник информации. А если от него нельзя получать информацию, то и нечего тратить на

него время и деньги.

Чем в этом смысле дипломат отличается от разведчика? Дипломаты тоже ведь с не меньшим искусством выведывают то, что им надо. Разведчик пытается придать отношениям специфический, личный характер, чтобы получать больше, чем то, что мог бы узнать дипломат.

Можно платить за информацию деньги или же убедить иностранца в том, что помогать твоей стране — это святое дело. Советским разведчикам приходилось вербовать людей, рассказывая, какая прекрасная страна Советский Союз. Некоторые разведчики испытывали при этом моральный дискомфорт. Бывало, советский разведчик нахваливает свою страну и думает: ну и дурак же ты, американец, что в это веришь. Беда в том, что Советский Союз — за исключением короткого промежутка времени (после революции и до начала тридцатых годов, а также во время Второй мировой войны и в первые послевоенные годы) — далеко не у всех вызывал симпатии. А вот вербовщики американской разведки действовали как представители политически привлекательной страны.

Один из наших разведчиков, награжденный орденом за удачную вербовку, говорил мне:

— Мы работали от имени дурно пахнущей страны. Надо понять наше положение. У тебя галстук, аккуратная прическа, пробор, но от тебя плохо пахнет. Ты представляешь страну с мерзопакостным режимом. Трудно было защищать страну, когда речь шла о нарушениях прав человека. Нужно было как-то выглядеть прилично. Но и не переходить некую грань, за которой уже американский разведчик мог бы попытаться тебя поймать на несогласии с политикой КПСС…

Вот таким людям приход Примакова был по душе. Но их в разведке меньшинство.

Когда Примаков приступил к работе в разведке, с ним пришла известная формула, придуманная англичанами: у нас нет постоянных соперников и нет постоянных союзников, постоянны только наши национальные интересы.

Но ведь советская разведка всю свою историю работала против постоянных противников. И этим все определялось. То, что хорошо для противника, плохо для нас. То, что хорошо нашим союзникам, и нам хорошо. Никаких личных пристрастий. И вдруг Примаков декларирует такую ересь…

На Примакова газеты набросились и справа и слева — что он понимает под национальными интересами?

Одни говорили: мы демократы, мы будем строить правовое государство, закладывать основы рыночной экономики, нас все

любят, от нас во всем мире только этого и ждали — какие же у нас могут быть враги?

А на другой стороне политического спектра какой крик стоял: как это у нас нет соперников и противников?!

И этот спектр настроений и мнений — он же и внутри самой разведки присутствовал.

Ко времени прихода Примакова в разведке формальная департизация уже произошла. Партийные организации исчезли, но люди еще не могли привыкнуть к простой мысли: взгляды у тебя могут быть любыми, но вся политика остается за воротами Ясенева. Твои взгляды к работе отношения не имеют. Вот объявят выборы, зайдешь в кабинку для голосования, штору за собой задвинешь, все свои мечтания в бюллетене отметишь и опустишь в урну. Тем самым и определишь грядущую жизнь…

Евгений Максимович все это говорил, надеясь, что будет понят. И правильно рассчитывал. Разведка — это место, где работают не самые глупые люди. И в основном это было понято.

Уже в ноябре 1991 года Примаков приказал отменить программу обнаружения признаков возможного ракетно-ядерного нападения. Это было детище Юрия Андропова, который пугал страну приближающейся войной. Программа действовала десять лет. Каждые две недели все резидентуры докладывали Москве об отсутствии признаков подготовки Запада к войне — вроде количества горящих ночью окон в Пентагоне или дополнительных закупок крови для военных госпиталей. Выполнение этой андроповской программы стоило стране огромных денег.

Я расспрашивал разведчиков, какое настроение было у Примакова в первые месяцы его работы в разведке? Все-таки он вошел в новое для себя дело в трудный для страны и для службы час.

— Тогда это был не просто кризисный момент для разведки, это был решающий момент в истории страны, и разведка испытывала все проблемы, которые переживала страна. Семьдесят лет разведка работала на идеологическом противостоянии на международном поле — и вдруг начинается пересмотр самой философии разведки!

Какой же должна быть разведка?

Ответ на этот вопрос Примаков дал своей четырехлетней работой в Ясеневе. Но в первый же день работы он знал одно — не такой, какой она была до 1991 года. Это не значило, что все нужно менять. И он не стал говорить то, что унизительно, тягостно, мучительно для людей, — что вся их прошлая жизнь была бездарной. Он не хотел унижать подчиненных, перечеркивать их жизнь.

Примаков корректно, рассчитывая на то, что он имеет дело с умными людьми, повторял:

— Друзья, это не годится. Забудем об этом. А делать будем вот так, потому что сейчас время другое, мир другой.

Поэтому выжидательно-сдержанное отношение быстро уступило место благожелательности, а потом вылилось в благодарность Примакову. Главное состояло в том, чтобы приспособить разведку к реалиям времени, в котором мы оказались. Он осторожно говорил, что национальные интересы есть и у других государств. Следовательно, возникает поле, где наши национальные интересы совпадают. Вот на этом поле мы можем сотрудничать. А есть поле, где наши интересы не совпадают, там сотрудничество не получится, там будет действовать разведка.

Опять посыпались недоуменные вопросы: какое такое сотрудничество? Он тогда вместо «сотрудничества» выбрал другое слово — «взаимодействие». Опять всеобщее удивление — о каком взаимодействии можно говорить, работая в разведке? И все равно в Ясеневе нашлись люди, которые его поддержали.

Примакова напрасно подозревали в намерении только дружить с Западом.

В середине декабря 1991 года в Москву приехала группа руководителей британской контрразведки МИ-5. Среди них была Стелла Римингтон, которая вскоре возглавит всю контрразведку. Она встретилась и с Бакатиным, и с Примаковым:

«Я хотела понять, в какой степени уменьшится шпионаж КГБ против нашей страны. Если холодная война окончилась, то и разведка должна стать менее агрессивной. Эту тему надо было обсуждать с руководителями первого главного управления, внешней разведки КГБ.

Руководитель первого главного управления, г-н Примаков, который впоследствии станет министром иностранных дел и на короткое время главой правительства, пригласил меня обсудить этот вопрос. На посольском «роллс-ройсе» нас отвезли куда-то на окраину, видимо, это был конспиративный дом КГБ.

Трудно было избежать ощущения, что каким-то образом мы оказались в фильме про Джеймса Бонда и реальность перемешана с фантазией. Это был темный, холодный и снежный вечер. Как только я сняла зимние сапоги в прихожей, на лестнице материализовался г-н Примаков. Мы поднялись в комнату с тяжелыми шторами и драпировкой.

Разговор был коротким и холодным. Я сказала, что теперь, после окончания холодной войны, открывается широкое поле для сотрудничества в вопросах безопасности, в борьбе против

терроризма и организованной преступности. Но если наладится реальное сотрудничество, масштаб шпионажа КГБ в Англии должен быть уменьшен.

Г-н Примаков дал понять, что ему эта мысль кажется нелепой. Разведка по-прежнему необходима для обеспечения безопасности России, и он сам решит, какой уровень разведывательных усилий понадобится.

Было очевидно, что беседа не будет плодотворной. Разговор завершился, и г-н Примаков скрылся за драпировкой».

Примаков обратил внимание коллег, что после окончания холодной войны проблемы национальной безопасности — а разведка занимается именно этим, — скорее всего, будут определяться экономической составляющей государства, удельным весом его экономики в мировом хозяйстве, способностью экономики адекватно отвечать на социальные и технологические вызовы эпохи. Следовательно, нужно представлять себе, что происходит в мировой экономике, а раз так — понадобится мощная экономическая разведка. И он из отдела сделал управление.

Взамен «главного противника» в лице определенного государства — это были Соединенные Штаты — появился главный противник в лице оружия массового уничтожения, организованной преступности, незаконного оборота наркотиков, международного терроризма. Тогда стало ясно, что это и есть поле, где совпадают национальные интересы почти всех стран. И Примаков сказал: здесь мы будем взаимодействовать.

У разведки появился дополнительный повод для огорчений. Она потеряла союзников — разведки социалистических стран, которые тоже вели борьбу против Запада. Самой большой утратой было исчезновение разведки ГДР, нашпиговавшей своей агентурой Западную Германию и структуры НАТО. Более того, территория Восточной Европы, которая считалась дружеской, перестала быть таковой.

Вскоре после того, как Примаков занял пост начальника разведки, забеспокоилась сначала Чехия, затем другие восточноевропейские государства. Чехи пришли к выводу, что российская разведка демонстрирует особую активность на их территории. Чехи были огорчены и обижены. А ведь в Москву приезжал тогдашний министр внутренних дел Ян Румл и договорился с Примаковым о том, что секретные службы двух стран не будут работать друг против друга. Обманули, выходит, бедных чехов?

Сотрудники Службы внешней разведки ответили мне так: против Чехии Москва работать не собирается. Ударение было

сделано на слово «против», то есть исключаются подрывные акции, наносящие ущерб стране. Но нормальный сбор информации о положении внутри Чехии будет продолжаться.

Вопрос о методах разведки не прост. Если бы речь шла только о сборе информации, которую можно получать открытым путем, вполне хватило бы и усилий дипломатов. Разведка же создает свою агентуру известным образом — подкупом, шантажом, обманом. Поскольку тем не менее современная политика не готова отказаться от услуг разведки, то только наивные люди способны предположить, будто российская разведка оставит без внимания Восточную Европу.

В Польше происходили громкие шпионские скандалы. Поляки утверждали, что российская разведка пытается получать информацию у старых друзей — бывших партийных чиновников, по-прежнему занимающих важные посты в государстве. В конце 1995 года в результате такого обвинения вынужден был уйти в отставку премьер-министр Польши Юзеф Олексы.

Мало кто из поляков всерьез полагал, будто премьер-министр, яко тать в нощи, бегал на тайные встречи с российским резидентом и, поминутно оглядываясь, передавал ему секретные документы из собственного служебного сейфа. Но скандал напомнил полякам о том, о чем сам Олексы хотел бы забыть. В социалистические времена молодой, перспективный партийный работник Юзеф Олексы действительно крепко дружил с сотрудником представительства КГБ в Польше и даже ездил с ним на охоту. Об этом поведал журналистам бывший офицер внешней разведки Владимир Алганов, который с 1981 года работал в представительстве КГБ в Варшаве.

Владимир Алганов устроил пресс-конференцию в Москве, чтобы обелить Олексы:

— Я его не вербовал, вербовать не мог, потому что не имел права заагентурить гражданина соцстраны…

Но благими пожеланиями вымощена дорога в ад. Владимир Алганов только подтвердил тот факт, что в прежние времена нынешний премьер-министр поддерживал выходившие за рамки его служебных обязанностей отношения с иностранным разведчиком.

Остальное поляки могли себе домыслить в зависимости от силы воображения: установив с кем-то контакт, разведка постарается не упустить ценный источник, и кто-то из преемников удачливого Владимира Алганова продолжал встречаться с Олексы, когда Польша перестала быть социалистической, а Олексы, напротив, пошел в гору…

Конечно же в прежние времена в Польше (как и в

большинстве социалистических стран) дружба с советскими разведчиками не только не была криминалом, но, напротив, являлась необходимым условием успешной политической карьеры. Я беседовал с генерал-лейтенантом внешней разведки в отставке Виталием Павловым, который недавно ушел из жизни. Он десять лет возглавлял представительство КГБ СССР в Польше.

— Принимая меня перед отъездом в Польшу, — вспоминал генерал Павлов, — Юрий Владимирович Андропов сказал: «Вы должны знать все, что происходит в стране. Но вы не имеете права заниматься агентурно-оперативной работой. Никаких вербовок и конспиративной деятельности…» На агента, с которым мы сотрудничали, полагалось завести дело, папку с донесениями. Но нам было запрещено заводить дела на граждан социалистических стран. А раз нет документа, нет и агента…

Так ведь на самом деле и не было никакой нужды в оформлении сотрудничества! Самые высокопоставленные польские политики, начиная с членов политбюро, сообщали представителям КГБ все, что интересовало Москву. Только что в очередь не выстраивались, чтобы первыми успеть донести до московского представителя самую свежую информацию. Каждый сам ему подносит и спасибо говорит…

— Они были очень откровенны, — с удовольствием рассказывал генерал Павлов. — Многие из моих собеседников считали, что тесные связи с представителем КГБ улучшат их собственные позиции в Варшаве.

Юзеф Олексы работал в аппарате ЦК ПОРП, был первым секретарем одного из воеводских парткомов. Нет ничего удивительного в том, что будущий премьер-министр Олексы дружил с сотрудниками московской разведки, понимая, как важно произвести на них хорошее впечатление. Был ли он потом, уже в роли главы правительства независимой Польши, столь же откровенен с российскими гостями, осталось неизвестным. Но карьера его была сломана…

Друзей у разведок не бывает. Даже в социалистическом лагере товарищи понемногу старались следить друг за другом, но очень осторожно. С 1982 года, когда Юрий Андропов стал генеральным секретарем, советская разведка начала наращивать свои нелегальные структуры в Восточной Европе. Это направление российской разведки понесло особенно большие потери. Примакову пришлось полностью сменить разведывательный аппарат в восточноевропейских странах, поскольку местные спецслужбы знали товарищей в лицо.

Другая проблема возникла с бывшими советскими республиками. Литва, Латвия и Эстония, повернувшиеся лицом к

Западу, в первую очередь стали объектом разведывательного внимания. В аппарате российской разведки в Москве служили и латыши, и литовцы, и эстонцы. Но можно ли им доверять работу против собственных республик и разумно ли это? Тогда, в первые годы работы российской разведки, живо обсуждалась проблема лояльности: как поведут себя уроженцы республик, ставших самостоятельными? Сохранят верность России или предпочтут перейти в формируемые там собственные разведывательные органы? И когда они примут это решение: сейчас или ознакомившись получше с секретами новой российской разведки?

А у контрразведки были свои тревоги. Ее пугал призрак мощной украинской разведки, которая станет искать помощи и сочувствия у российских граждан украинского происхождения. Но обошлось. Разведывательные органы стран СНГ договорились друг за другом не шпионить. Это не значит, что разведки бывших республик бездействуют. Просто они лишены права вербовать агентуру. На три балтийские республики эти добровольные самоограничения не распространяются.

Примаков очень многое изменил в разведке. Он все делал для того, чтобы вписаться в меняющееся время. Но он рассуждал очень реалистично: это можно сделать, а это нельзя, и за невыполнимое не брался. К нему многие сотрудники приходили с различными радикальными идеями — предлагали и то изменить, и это. Примаков их внимательно выслушивал и отвечал:

— То, что вы предлагаете, — это правильно. Я с вами совершенно согласен. Это очень интересно и очень полезно. Но не сегодня: нас не поймут. Тут сейчас такое поднимется — увы, это невозможно. Это мы сделаем позже.

Было и такое. А часто наоборот: он видел — уже можно. Он делал то, что считал нужным, и всегда старался убедить коллег в своей правоте. Примаков, пожалуй, был самым демократичным начальником разведки за всю ее историю. Он не замыкался в кругу своих заместителей и начальников важнейших отделов.

Вот что рассказывал мне один из офицеров:

— Я был начальником направления — это одно из подразделений внутри отдела, и вдруг меня вызвали на совещание к самому начальнику разведки. Это было крайне необычно. То есть Примаков позвал не только начальника отдела, но и непосредственного исполнителя. В общем, разумно: исполнитель лучше всех знает ситуацию в стране, но за двадцать лет моей службы это произошло в первый раз.

Примаков только что вернулся из зарубежной поездки с неожиданной идеей. Он предложил подумать, а не стоит ли России продавать оружие нескольким странам, которым его

прежде не продавали по политическим соображениям.

Примаков начал разговор в спокойной академической манере:

— Вот я только что побывал в нескольких странах.

Перечислил. Присутствующие закивали:

— Знаем, Евгений Максимович, мы эту поездку и готовили.

— Хорошо, — продолжал Примаков. — У меня есть одна идея. Вы, конечно, будете возражать, но сначала послушайте мои аргументы.

И Примаков заговорил о том, что есть страны, которые готовы покупать наше оружие, платить наличными. Грешно отказываться от такой возможности. Ведь нам экономические интересы всего важнее. Необходимо усиливать экономический вектор нашей политики.

Потом Примаков предложил всем высказаться. Было свободное обсуждение, совершенно академическое. Он не обиделся, что ему все возразили. Не было приказного тона, грубости, авторитарности: выслушайте мое мнение и выполняйте.

Разведчики говорили о том, что экономический фактор, конечно, важен, но есть и другие соображения, в перспективном плане еще более важные. Примаков всех выслушал очень внимательно, задал уточняющие вопросы, а потом спокойно сказал:

— Я прислушаюсь к вашему мнению. Вопрос снимается. Мы не будем обращаться к президенту с предложением пересмотреть политику в отношении продажи оружия.

Кто-то пошутил, и все рассмеялись…

Примаков заботился о моральном состоянии разведки, о ее репутации в обществе, о настроениях офицеров. Как только он пришел в Ясенево, он сказал своим помощникам:

— Задача состоит в том, чтобы разведка в собственной стране жила спокойно, чтобы каменья в нее не летели. Чтобы наши сотрудники, когда они возвращаются после командировки из-за рубежа, нормально себя чувствовали. Надо снизить отрицательный накал в отношении разведки, который начался после августа девяносто первого в отношении всей системы бывшего КГБ.

Первое, что Евгений Максимович сделал, — запретил разведке участвовать в травле наших же дипломатов, подглядывать в замочную скважину, кто с кем спит, кто чего пьет…

Он сказал:

— Занимайтесь своим делом. Не надо приносить мне данные о том, как наши люди ведут себя за границей.

А именно этим занималась резидентура, потому что шпионов ловить и самому быть разведчиком труднее, чем стучать на своего ближнего.

За разведчиками всегда бдительно присматривало второе главное управление КГБ (внутренняя контрразведка), которое искало врагов среди своих. Аппарат контрразведки исходил из того, что каждый отправляющийся за границу или вступающий в отношения с иностранцами может быть перевербован, и потому с величайшей подозрительностью относился к товарищам из разведки. Для сотрудников разведки это не было секретом.

— Вы думаете, разведка — это на пузе ползать? Или тайниковые операции проводить? Или проверяться, чтобы за тобой не было наружки? — весело говорил мне Примаков, когда я спросил его, что же ему нравилось в разведке. — Это все тоже есть в работе разведчика. Но руководители разведки главным образом занимаются аналитической работой. Ведь добыча информации — это же не самоцель.

Материалы разведки нужны для того, чтобы правильно представлять, что твой визави намерен предпринять в отношении твоего государства и как ему что-то противопоставить. Это очень интересная работа, повторил Примаков.

Евгений Максимович не лукавил. Разведка — это то самое место, где ему больше всего нравилось работать.

Виталий Игнатенко, который хорошо его знает, говорит:

— Я думаю, что Примаков воспринимал разведку как ту работу, где он может проявить себя как очень сильный аналитик. Он внес туда дух поиска. Эта служба нуждается в оплодотворении наукой, знаниями. Примаков пришел туда из науки и сделал ее очень значимой.

Известный журналист-международник Томас Колесниченко, который дружил с Примаковым сорок лет, заметил:

— Он себя нашел в разведке. Он купался в этом… Он поднял разведку на такой уровень, какой они себе даже не представляли. Они стали мыслить иначе. Аналитика пошла настоящая.

Разведчики пребывают в уверенности, что они заранее обо всем предупреждают политиков, но политики не способны воспользоваться тем драгоценным кладом, каким является разведывательная информация. А многие профессиональные политики достаточно пренебрежительно относятся к этим секретным сводкам, считая, что в принятии важнейших политических решений разведка помочь не может.

Примаков несколько лет работал с Горбачевым, который высоко ценил материалы разведки и внимательно их читал. В роли члена Президентского совета и Совета безопасности он

получал информацию КГБ о внешнеполитической ситуации. Став начальником разведки, он установил, что сведения, поступавшие от Крючкова, не имели ничего общего с той информацией, которую реально собирало первое главное управление. Но в те времена политическая разведка не имела прямого выхода на руководство страны.

Примаков обнаружил, что рассказы Крючкова о существующих в стране «агентах влияния» ЦРУ — миф. Примаков, отвечая на запрос российской прокуратуры, дал указания подразделениям разведки тщательно проверить материалы на этот счет. Ответ был однозначный — никаких данных такого рода не было и нет.

Какую именно информацию получал от специальных служб Борис Ельцин, мы узнаем не скоро. Но стремление любых информационных служб сообщать президенту исключительно приятные новости очевидно.

Как вел себя Примаков, когда надо было ехать в Кремль и докладывать о неприятностях, например о провале собственной службы?

— Он ехал и рассказывал все как есть, — ответили мне сотрудники разведки. — Евгений Максимович вообще очень дорожил новыми правилами и традициями, которые при нем создавались. Он считал, что не дай бог что-то упустить и приучить власть ко лжи со стороны разведки, удобной и приятной для нее. Особенно в докладе президенту. Если дело касается провала, как тут можно врать и лукавить? Ведь гласность. Есть западная пресса, и бесполезно что-то скрывать. Да с этим даже было проще — говорить о провалах своей организации. Значительно сложнее было делать еженедельный доклад.

Раньше разведка тоже еженедельно составляла свой доклад, и он шел дальше на Лубянку, где руководство КГБ старательно причесывало текст, чтобы не раздражать начальство. Иногда даже поступали такого рода указания: проанализируйте состояние экономики Китая, но смотрите не увлекайтесь и не расписывайте успехи китайцев.

Когда разведка напрямую стала подчиняться президенту, ушло промежуточное звено, которое припаривало информацию. И Примаков вцепился в эту возможность. Он для себя решил так:

— Я иду и говорю так, как есть. И пусть власть привыкает к правде. А дальше дело президента — он может принять информацию разведки к сведению, а может пропустить мимо ушей. У него еще десять источников информации — на любой ориентируйся. Он вправе считать, что разведка все неправильно говорит… Но разведка обязана сказать все, что считает нужным.

К чести президента Ельцина надо сказать, что он никогда не склонял Примакова к тому, чтобы тот его не слишком огорчал. Борис Ельцин не выказывал своего неудовольствия. Иначе быстро бы поступило указание из администрации: ребята, смягчайте.

Татьяна Самолис, пресс-секретарь Примакова, вспоминает, что, когда Евгений Максимович пригласил ее на работу, она поставила только одно условие. И это было даже не условие — просьба:

— Единственное, о чем я вас прошу, — чтобы вы меня не заставляли лгать. Я не знаю, что смогу сделать, как снизить отрицательный накал в отношении разведки. Но точно знаю, что лгать нельзя.

И Татьяна Самолис предложила тогда формулу Иммануила Канта, которую Примаков тут же принял: всегда надо говорить только правду, но из этого вовсе не вытекает, что надо говорить всю правду.

— Согласен, — серьезно сказал Примаков, — согласен.

Но что важно — Примаков к начальству не лез. Напротив, держался как бы в стороне. В начале девяностых карьеры делались быстро. Влияние и сила чиновника зависели от близости к Борису Ельцину, от умения завоевать его расположение. Министры старались играть с президентом в теннис, ходить с ним в баню, ездить вместе на отдых, охотно поднимали бокалы и рассказывали анекдоты. Борис Ельцин любил открытых и веселых людей, приближал их, охотно проводил с ними время, но так же легко с ними расставался, когда выяснялась их профнепригодность.

Евгений Примаков руководил разведкой четыре с лишним года. За это время в контрразведке сменилось пять начальников! Место Бакатина на Лубянке занял министр безопасности Виктор Баранников, который сумел войти в доверие к президенту, пользовался его полным расположением. Через год с лишним был уволен. Николай Голушко пробыл министром полгода — уволен раздраженным Ельциным. Сергей Степашин тоже очень нравился Ельцину, но продержался только год с небольшим. Михаил Барсуков и вовсе принадлежал к личному кругу Ельцина, но тоже был уволен после года службы.

Евгений Примаков никогда не был близок к Ельцину и не стремился к этому. Ему не надо было нехватку профессионализма компенсировать застольями, теннисом и совместными помывками в бане.

Начальник разведки живет на краю города — в Ясеневе. А большая жизнь кипит в Кремле, на Старой площади, в Белом доме. Почему же Примаков не стремился участвовать в большой

политике?

— Он уходил от этого, — рассказывали мне в разведке. — Времена были сложные. Накануне событий осени 1993 года его за фалды тянули в разные стороны. Всем хотелось заполучить его в свой лагерь. А он считал своей задачей ни в коем случае не позволить втянуть разведку во внутриполитические дела. Задача разведки — собирать информацию вне России о том, что там происходит, что нам несет внешний мир, к чему нам себя готовить.

Сам Примаков говорил мне:

— Когда я пришел на работу в разведку, как раз произошло отделение разведки от КГБ. Это отделение было безусловно необходимо, потому что разведка не может быть частью правоохранительного органа.

И тут же добавил:

— Более того, внешняя разведка, как и Министерство иностранных дел, не должна участвовать во внутриполитической жизни. Ни в коем случае! Разведка служит интересам всего государства. Разведка — это система раннего оповещения, страховой полис, способный застраховать государство от возможных неожиданностей.

Но если разведка начнет участвовать во внутриполитических схватках, говорили в окружении Примакова, ей конец придет!

Опять людей начнут раздирать — этот с Хасбулатовым, тот — с Руцким. Это было бы невозможно, и Примаков убегал от такой опасности. Вызывают на доклад к президенту? Съездил и назад. Нужно к премьер-министру? Ответил на все вопросы и сразу вернулся.

— Хорошо, — спрашивал я его недавних сослуживцев по разведке. — У Примакова не было желания участвовать во внутриполитических делах. Но война в Чечне или события октября 1993 года — разве ему это все было безразлично?

— У него были возможности выразить свою точку зрения, когда спрашивали его мнение или даже когда не спрашивали. Разведка тогда отрицательно относилась к вводу войск в Чечню и, естественно, об этом докладывала. Примаков свою позицию высказал, но опять же исходил из того, что политическое руководство вправе считать, что разведка ошибается.

Что касается событий 1993 года, то для себя он точно знал, кому он подчиняется, — какой там Руцкой! Тут все было абсолютно ясно. Может, ему в душе хотелось, чтобы президентом был какой-нибудь Иван Петрович, но есть избранный народом президент — и он будет работать с ним. И ни в каких интригах, ни в каких кознях он участвовать не станет. В этом можно быть

уверенным на сто один процент.

Осенью 1993 года Примаков приказал усилить охрану территории, а офицерам не выходить в город с табельным оружием.

Евгений Максимович вспоминал:

«СВР была единственной спецслужбой, куда Ельцин во время разворота событий ни разу не позвонил. Накануне событий, как известно, президент подписал Указ № 1400 о роспуске парламента. Я узнал об этом за несколько часов до запланированной заранее встречи близкого круга друзей в клинике Владимира Ивановича Бураковского. Ехал к нему по Ленинскому проспекту, когда в машину позвонил Ельцин. Состоялся такой разговор.

— Как вы относитесь к моему указу? — спросил президент.

— Мне кажется, что он не до конца продуман.

— Я ожидал другого ответа от директора Службы внешней разведки.

— Я сказал вам так, как думаю. Было бы гораздо хуже, если бы руководитель Службы внешней разведки говорил неправду своему президенту. Но мое отношение к указу — это мое личное отношение. И я уверен, что вы не заподозрите СВР в антипрезидентских настроениях.

Ельцин положил трубку и больше ни разу не возвращался к этому телефонному разговору».

Самое любопытное состоит в том, что описанный эпизод не повлиял на отношение Ельцина к Примакову. Руководитель разведки фактически отказал президенту в поддержке и сохранил свой пост. Немногие президенты способны пережить такое спокойно и не сменить начальника разведки.

Находил ли Примаков взаимопонимание со своими подчиненными?

Большая часть аппарата разведки, условно говоря, состоит из консерваторов. Либералов меньшинство. Эти люди осторожны в высказывании своих политических взглядов, потому что единомышленников у них здесь немного. Остальные разведчики в той или иной степени недовольны происходящим в стране еще с горбачевских времен. Причем это свойственно не только ветеранам. И молодые люди со значением говорят:

— Подождите, еще все вернется, как было.

Насколько настроения аппарата разведки влияют на ту информацию и оценки, которые служба дает президенту? Правы ли дипломаты, которые считают, что специальные службы рисуют окружающий мир в искаженном свете и утверждают, будто страна со всех сторон окружена врагами?

Разведчики, с которыми я разговаривал, убеждали меня в том, что достоверность разведывательной информации гарантируется многоступенчатой системой ее проверки. Любое сообщение резидентуры будет проверено в Центре, сопоставлено с информацией из других источников. Разведка не может позволить себе опозориться, представив президенту ложные данные. Такая история может сломать не одну генеральскую карьеру.

Но никто и не говорит о сознательном искажении фактов. Речь идет об их подборе, оценке и интерпретации. Почему акценты в своих прогнозах и оценках разведка ставит иначе, чем дипломаты или ученые? Возможно, дело в том, что даже в мирное время, даже после окончания холодной войны разведчики все равно ощущают себя так, словно они находятся на поле боя. Не повлияла ли в этом смысле атмосфера разведки на самого Примакова? Не изменился ли сам Евгений Максимович, спросил я его близких друзей.

Они были единодушны:

— Не он изменился, а в разведке при нем многое изменилось… Единственное, что в нем самом изменилось, — это то, что о работе у него, как говорится, клещами ничего нельзя было вытащить. Под пытками бы не рассказал. Ну, мы тоже понимали, не спрашивали у него то, что спрашивать нельзя.

Я спрашивал товарищей и коллег Примакова по разведке:

— В редкую минуту душевной расслабленности, когда Примаков был склонен говорить о себе, — как бы он хотел, чтобы его вспоминали в разведке?

— Он очень дорожил тем, что сумел сохранить разведку. И это ему прямо говорили. В глаза.

Евгений Максимович надеялся остаться в разведке до пенсии. Не получилось. Он проработал в Ясеневе четыре года и четыре месяца.

5 января 1996 года директора Службы внешней разведки Евгения Примакова вызвал к себе президент Борис Ельцин — не на обычный доклад, без бумаг и справок. Причем вызвал не в Кремль, а на дачу. Примакова не предупредили, о чем пойдет речь. Но догадаться было не сложно.

Звезда Андрея Козырева, который был первым ельцинским министром иностранных дел, закатилась. До Примакова донеслись слухи, что Козырев уже фактически смещен со своего поста. Когда Примаков появился на президентской даче, Борис Ельцин сразу сказал ему:

— Есть идея назначить вас министром иностранных дел. Как вы на это смотрите?

У Евгения Максимовича были личные причины отказываться от этого назначения. Ему нравилась работа в разведке. Служба внешней разведки по степени политического влияния почти сравнилась с Министерством иностранных дел, а необходимая на посту министра публичность только смущала Примакова.

Но он заговорил о другом. До президентских выборов оставалось меньше шести месяцев, все мысли Ельцина были поглощены выборами, и Примаков сказал:

— Борис Николаевич, мне кажется, вам не стоит этого делать. В предвыборной ситуации такое назначение неоправданно по многим причинам. Я окажусь неприемлемой фигурой для Запада, где меня считают другом Саддама Хусейна, аппаратчиком старой школы, консерватором, руководителем спецслужбы и так далее.

Ельцин выслушал его внимательно и ответил:

— Мне кажется, что минусы, о которых вы говорите, могут обернуться плюсом. Вы меня не переубедили, но, если хотите, будем считать, что вопрос остается открытым.

Американский президент Джордж Буш-старший был в свое время директором ЦРУ, а министр иностранных дел Германии Клаус Кинкель — главой немецкой разведки. Так что в самом переходе из разведки в дипломатию не было ничего необычного.

9 января 1996 года директор Службы внешней разведки прибыл к президенту с обычным докладом о ситуации в мире. Ельцин хитро посмотрел на Примакова:

— Ну как? Перерешили?

Примаков с металлом в голосе (как он мне сам говорил) попытался отказаться еще раз:

— Нет, я своего мнения не изменил.

Ельцин махнул рукой:

— А я перерешил.

Примаков попросил разрешения остаться в разведке еще несколько месяцев, чтобы спокойно завершить начатые в Службе внешней разведки дела. Ельцин кивнул, но заботы разведки его в тот день не интересовали.

Примаков вернулся к себе в Ясенево и сел работать. Открыв дверь, в кабинет мягко вошел секретарь. В разведке — так повелось со времен КГБ — секретарями работают мужчины. Секретарь сказал:

— Извините, Евгений Максимович, в телевизионных новостях только что передали, что вы назначены министром иностранных дел Российской Федерации.

Так Примаков расстался с разведкой.

Вячеслав Трубников
Служебное расследование показало…

Офицеры Службы внешней разведки никогда не носят мундира. Они ходят в штатском и надевают форму только для того, чтобы сфотографироваться на служебное удостоверение.

Так что, когда директору Службы внешней разведки Вячеславу Трубникову присвоили звание генерала армии, он был лишен главного для армейских генералов удовольствия — покрасоваться в новых погонах. Но как будто бы он свободен от подобных мелких слабостей. Впрочем, при Трубникове, 28 мая 1997 года, президент Ельцин подписал указ «Об установлении почетного звания «Заслуженный сотрудник органов внешней разведки Российской Федерации». Так СВР получила ведомственную награду.

Вячеслав Иванович Трубников говорит ясно, четко, уверенно. По отзывам его коллег, он также хорошо пишет и формулирует свои мысли. Прекрасно знает английский. У него аккуратный пробор, очки с большими стеклами. Он почти не улыбается и осторожен в выражениях — еще более осторожен, чем Евгений Примаков. И сейчас даже трудно представить себе, что Трубников немалую часть жизни пользовался журналистским прикрытием.

Вячеслав Трубников профессиональный индолог, и вся его работа в разведке связана с этой страной. Он изучал хинди в МГИМО, после института его пригласили в КГБ и послали в разведшколу. Его много раз спрашивали, как он попал в разведку, и он отвечал стереотипно:

— Мне было сделано предложение, я дал согласие, прошел медицинскую комиссию, поступил в разведывательную школу и после ее окончания работал в первом главке.

В первую заграничную командировку Трубников поехал в Индию. Дипломат, работник внешней торговли или журналист вряд ли сочли бы это большой удачей — ни с карьерной, ни с материальной точки зрения. Советские люди, приезжая в Индию с ее тяжелым климатом, быстро разочаровывались: «страна друзей», любимая Кремлем, пренебрежительно относится ко всем иностранцам. Это в Африке наши чувствуют себя белыми людьми, а индийцы на бытовом уровне ведут себя страшно бесцеремонно. Кроме того, доказывая свою независимость, индийские власти, если им кто-то не нравился, частенько высылали советских дипломатов или разведчиков.

Но для начинающего разведчика это необыкновенно

выигрышная точка. Индия — место, где можно было развернуться и показать себя. Нигде советская разведка не позволяла себе такие масштабные операции, как в Индии. И нигде не было такой благоприятной среды. В первые десятилетия после создания самостоятельного государства (1947 год) работу облегчало наличие большого слоя борцов за независимость Индии, которые ненавидели Англию и Соединенные Штаты, не принимали западную культуру и потому демонстрировали готовность к сотрудничеству с советскими людьми.

В нашей стране много писали об индийской экзотике, но главная экзотика этой страны состоит в том, что самостоятельная Индия появилась на свет подлинно демократическим государством. И с 1947 года, с момента основания, все свои проблемы Индия решает только демократическим путем. В 1975 году премьер-министр Индира Ганди ввела в стране чрезвычайное положение. Ситуация была сложной, и многие индийцы поняли тогда своего премьер-министра. И тем не менее на ближайших парламентских выборах Индира Ганди и ее партия — Индийский национальный конгресс — потерпели поражение. Индира Ганди потеряла власть. Страна не простила даже малейшего нарушения демократических принципов.

Работавшие в Индии разведчики наслаждались не только преимуществами буржуазной демократии, что позволяло свободно встречаться с людьми и получать доступ к информации, но и извлекали большую пользу из распространенной в стране коррупции. Злые языки даже утверждают, что успехи наших разведчиков в Индии объясняются не столько мастерством разведки, сколько слабостью индийской рупии.

В партийных архивах найдены такие вот докладные записки Комитета госбезопасности:

«ЦК КПСС

КГБ СССР поддерживает контакт с сыном Премьер-министра Индии Раджива Ганди (с согласия ЦК КПСС по записке КГБ СССР № 1413-А/ОВ от 14.07.1980 г.).

Р. Ганди выражает большую признательность за помощь, которая поступает семье Премьер-министра за счет коммерческих сделок контролируемой ею индийской фирмы с советскими внешнеторговыми организациями. В доверительном порядке Р. Ганди сообщил, что значительная часть средств, получаемых по этому каналу, используется для поддержки партии Р. Ганди.

Председатель Комитета *В. Чебриков*

12.02.1983 г.»

Раджив Ганди, о котором шла речь в докладной записке председателя КГБ, был не только сыном премьер-министра

Индиры Ганди. На протяжении почти пяти лет — с 1984 по 1989 год — он сам возглавлял правительство Индии. Не всякая разведка могла похвастаться доверительными отношениями с премьер-министром крупнейшей державы.

Впрочем, есть и другая точка зрения. Ветераны индийского направления, напротив, полагают, что и Индира Ганди, и ее сын Раджив в определенном смысле манипулировались советской разведкой.

Много лет Советский Союз и Индия были большими друзьями. И мы все уверены, что прекрасно знаем индийцев, любителей танцев, музыки, поклонников ненасилия. Но на самом деле мы плохо представляем себе реальную жизнь Индии и индийцев. Индия в определенном смысле похожа на бывший Советский Союз. Страна состоит из штатов, которые были созданы по национально-территориальному признаку. Индийские штаты уже достаточно самостоятельны, а хотят добиться еще большей независимости от центрального правительства.

В 1947 году язык хинди, на котором говорят на севере Индии, был провозглашен государственным языком. Но и по сей день в Мадрасе, столице одного из штатов, государственное телевидение отказывается передавать новости на хинди. В штате, где большинство населения составляют тамилы, во всех магазинах есть вывески на двух языках — на тамильском и английском, но не на государственном языке хинди.

Нет никаких признаков того, что этнические, кастовые, классовые и языковые различия исчезают. Разделение общества скорее усиливается, чем идет на убыль. Касты существуют по-прежнему. Но при всей своей кажущейся раздробленности Индия — единое государство, и индийцы ощущают себя единым и великим народом.

В жизни Индии сконцентрировались все проблемы современного мира. Потрясает фантастическое неравенство между различными социальными группами. Здесь богатейшие в мире люди живут рядом с такой нищетой, какой больше нет нигде. Миллионы нищих и бездомных живут и спят просто на улицах. В стране серьезные проблемы со здравоохранением. Несколько сот миллионов человек живут в абсолютной нищете. Для них то, что обещал социализм, — бесплатное образование, медицинское обслуживание, работа, жилье — несбывшаяся мечта. Индийцы легко поверили в социализм, о котором говорила Индира Ганди и ее окружение, потому что они привыкли верить в чудеса. Нет другой страны, в которой бы так процветали колдуны, маги, волшебники, как в Индии.

Советский Союз и Индию всегда связывали формально

прекрасные, а по сути довольно странные отношения, смесь голого расчета и безудержной сентиментальности.

Прежде всего это был стратегический союз.

СССР нуждался в политической поддержке Индии, которая пользовалась большим авторитетом в третьем мире. Индия, признанный лидер движения неприсоединения, была чуть ли не единственным крупным государством, которое спокойно отнеслось к вводу советских войск в Афганистан.

Индия нуждалась в советском оружии и экономической помощи. У Индии были неважные отношения с Соединенными Штатами и очень напряженные с соседями — Пакистаном и Китаем. Поэтому Индия чувствовала себя увереннее, когда Москва автоматически становилась на ее сторону во всех конфликтных ситуациях.

На официальном уровне между нашими странами царили любовь и дружба. Одну из площадей в Москве назвали именем индийского премьер-министра Джавахарлала Неру. В знак особой приязни в Звездном городке под Москвой подготовили первого индийского космонавта. Но за официальными здравицами по отношению к индийским друзьям часто сквозило некое пренебрежение.

Наши представления об Индии формировались в основном музыкальными фильмами, которые страшно далеки от реальности. Приезжая в Индию, многие наши люди быстро разочаровывались. Несмотря на рассказы о вечной дружбе и душевном согласии, к советским людям индийцы относились равнодушно, как и вообще ко всем иностранцам. Индийцы слишком высоко ценят себя, чтобы расшаркиваться перед иностранцами.

Поработавшие в Индии разведчики — это люди, которые могут похвастаться реальными успехами и в вербовке, и в активных мероприятиях. Здесь удавалось вербовать не только индийцев, но и американцев. Здесь проще, чем в других странах, можно было запустить в прессу нужную информацию (то есть обычно дезинформацию), от имени индийского автора издать антиамериканскую книжку и даже провести массовое мероприятие, скажем митинг протеста против американского империализма, или организовать торжественную встречу генерального секретаря ЦК КПСС, когда он приезжал в Индию.

В 1969 году в Иерусалиме загорелась мусульманская мечеть Аль-Акса. В мусульманском мире вину возложили на Израиль, советская пропаганда с радостью обличала преступления «сионистского режима».

Андропов написал секретную записку Брежневу:

«Резидентура КГБ в Индии располагает возможностями организовать в этой связи демонстрацию протеста перед зданием посольства США в Индии. Расходы на проведение демонстрации составят 5 тысяч индийских рупий и будут покрыты за счет средств, выделенных ЦК КПСС на проведение спецмероприятий в Индии в 1969–1971 годах.

Просим рассмотреть».

Генеральный секретарь написал: «Согласиться».

Через индийскую прессу успешно действовала служба «А», которая запускала слухи о том, что Соединенные Штаты используют во Вьетнаме биологическое оружие. Эта была старая и проверенная тема. Еще во время войны на Корейском полуострове в 1950–1953 годах советская госбезопасность провела массовую кампанию по обвинению американцев в использовании биологического оружия. В эту кампанию были вовлечены лучшие советские медики, которые послушно поставили свои подписи под грубо фальсифицированным докладом.

Индийские власти спокойно наблюдали за тем, как растет численность советских разведчиков. Индийская контрразведка не очень мешала им работать. Те разведчики, которые, как Вячеслав Трубников, прошли через индийскую резидентуру, уверены в себе. Они не испытывают комплексов, свойственных некоторым работникам североамериканских и западноевропейских резидентур, где нелюбовь к ГП, главному противнику, то есть к Соединенным Штатам, порождена еще и скрытым комплексом неполноценности: трудно бороться с богатым и удачливым соперником.

Американская разведка подверглась серьезной критике за неспособность предсказать, что Индия в 1998 году проведет ядерные испытания. Этот промах стал предметом специального расследования. Комиссию возглавил адмирал Дэвид Иеремия, бывший заместитель председателя комитета начальников штабов. Он пришел к выводу, что, хотя ЦРУ получает огромное количество снимков со спутников, неопытные аналитики не в состоянии их правительно интерпретировать. Адмирал призвал приглашать в ЦРУ аналитиков со стороны, чтобы избавить агентство от интеллектуальной лености.

Такого рода комиссии обычно очень критически оценивают деятельность американских разведывательных ведомств. Это раздражает и обижает ЦРУ, но всякая разумная критика идет разведке на пользу. В России такие комиссии не создаются. Считается, что в них нет нужды. Российская разведка гордо заявила, что она знала об индийской ядерной программе.

Когда разведчика переводят на линию ПР — политическая

разведка, то главным становится способность к политическому анализу, умение прогнозировать, осмыслять информацию. В принципе уже никого не интересует, как он провел вербовку или встречу с агентом. Но знатоки утверждают, что у Трубникова — редкий случай — были хорошие показатели и в аналитической, и в оперативной работе. Трубников, как говорят ветераны, особенно преуспел в самостоятельной работе на посту резидента в Бангладеш во второй половине восьмидесятых. Это государство появилось в 1971 году в результате очередной войны между Индией и Пакистаном. Война закончилась полной победой Индии. Восточная часть Пакистана с помощью Индии превратилась в самостоятельное государство Бангладеш.

Трубников занимался не местными делами, которые в Москве мало кого интересовали, а работал против западных разведчиков и достиг успеха. Но награда, как известно, не всегда находит героя. Попытки ввести в разведке объективные критерии оценки работы не удались. Как и в любой другой структуре, здесь есть большой балласт — людей случайных, неумелых или попавших на работу по протекции. Они строят карьеру на личных отношениях с начальством, а не на реальных достижениях.

Вячеславу Трубникову, как считают ветераны, повезло. Его быстро приметили и оценили два главных руководителя индийского направления. Один из них достаточно хорошо известен широкой публике, другого знают только профессионалы. Эти двое — умерший несколько лет назад генерал Яков Медяник и генерал Леонид Шебаршин, последний начальник советской разведки.

Москва располагала в Индии настолько большим разведывательным аппаратом, что его подразделениям в различных городах придали самостоятельность. Резидентура в Дели получила статус головной (как, скажем, вашингтонская резидентура в Соединенных Штатах). Ее руководители отвечали за работу всего аппарата КГБ на территории Индии. Они получали генеральские звания — редкость в те времена. Руководители трех важнейших направлений — политическая разведка, внешняя контрразведка и научно-техническая разведка — тоже имели высокий статус.

Кроме того, существовали самостоятельные резидентуры в Бомбее, Калькутте и Мадрасе — под прикрытием советских генеральных консульств. Каждую возглавлял резидент, имевший собственную шифросвязь с Москвой. Делийский резидент координировал их работу. В 1970 году главным резидентом стал Яков Прокофьевич Медяник. Начинавший еще в пограничных войсках, он прослужил в разведке до семидесяти лет. Он дважды

работал в резидентуре в Израиле, возглавлял резидентуру в Афганистане, ближневосточный отдел первого главного управления КГБ. Долгие годы он был заместителем начальника разведки по Ближнему Востоку и Африке. Медяник вместе с генералом Кирпиченко и начальником нелегальной разведки Юрием Дроздовым занимались Афганистаном.

По словам Кирпиченко, Яков Медяник мог довориться с кем угодно и при этом шутил:

— Я ведь хохол, значит, человек хитрый и все равно вас обману.

Сын Медяника Александр Яковлевич, синолог по образованию, со временем сам стал заместителем директора Службы внешней разведки — образовалась своего рода династия… Но после ухода Трубникова Медяника-младшего тоже убрали из разведки. В августе 2000 года его назначили первым заместителем министра по делам федерации, национальной и миграционной политики. Это было настолько неожиданное служебное перемещение, что министру пришлось объясняться с журналистами и говорить, что «у Александра Медяника мобильный подход к делам, и это меня устраивает. Он новый человек, а я считаю, что не стоит все время перебирать старую колоду. А в миграции нет ничего непостижимого для умного и опытного человека. Я сам за два месяца смог войти в курс дела».

Но Медяник-младший не продержался в министерстве и двух месяцев. Говорят, что он тяжело переживал превратности судьбы и не справился со своими эмоциями. Впрочем, и само министерство на следующий год упразднили…

Но все это произойдет в наши дни. А тогда Медяник-старший, получив генеральские погоны и назначение в Москву, позаботился о том, чтобы его место главного резидента в Индии занял Шебаршин, а тот в свою очередь сделал своим заместителем Трубникова.

Говорят, что если бы не Медяник и Шебаршин, то при всех своих заслугах Вячеслав Иванович мог так и остаться на среднем уровне. Мало ли блистательных разведчиков вышли на пенсию всего лишь полковниками!.. Но Трубникова рано приметили и в секретариате Владимира Крючкова, обратили на него внимание самого начальника разведки.

Крючков к любым попыткам своих подчиненных группироваться относился подозрительно. Но индийская «мафия», как говорили в разведке, была очень влиятельной. К ней принадлежал еще один заместитель начальника разведки — генерал Вячеслав Гургенов. Тот самый, который первым поддержал Примакова в присутствии президента Ельцина.

Гургенов умер в 1994 году. Примаков хотел отправить его резидентом в Англию, дать возможность поработать и на западном направлении, пожить в хорошей стране, но англичане этому воспротивились.

Леонид Владимирович Шебаршин, возглавив разведку, сделал еще одно доброе дело для Трубникова: понимая, что индийское направление не самое важное в разведке, назначил его начальником первого отдела, который занимался Соединенными Штатами. Это назначение оказалось решающим в карьере Трубникова, когда Шебаршин вскоре после путча в августе 1991 года ушел и разведку возглавил Примаков.

Первым заместителем начальника разведки был назначенный Бакатиным полковник Владимир Михайлович Рожков. Это кадровое решение, собственно, и стало причиной ухода Шебаршина из Ясенева. Бакатин вскоре покинул Лубянку. Обходительный Примаков переместил Рожкова на должность простого заместителя, а потом отправил представителем Службы внешней разведки в Федеративную Республику Германию, где тот — уже в звании генерал-лейтенанта — служил до своей смерти в 1996 году.

Евгений Максимович первоначально предложил место первого заместителя Шебаршину. Леонид Владимирович отказался. Тогда Примаков в январе 1992 года назначил Трубникова своим первым заместителем прямо с должности начальника отдела, минуя промежуточные ступени должностной лестницы.

Примаков не волк-одиночка, который считает, что способен все сделать сам. Примаков всегда был человеком команды. В любом месте, куда он приходил, он формировал себе команду. С собой приводил минимум людей. Остальных собирал на месте. В разведке были люди, к которым Примаков питал особую слабость. Но в баню или на теннисный корт он с ними не ходил. Вообще, баня и корт как место, где формируется какая-то команда против другой команды, — для Примакова это исключено.

Благодаря Примакову Трубников быстро прошел путь от генерал-майора до генерала армии. Говорят, что, несмотря на стремительный служебный рост, он мало изменился и звездной болезни избежал. Вячеслава Ивановича один из офицеров, который учился с ним на курсах переподготовки руководящего состава разведки, назвал человеком-компьютером:

— Он мгновенно соображает. Он кажется иногда как бы легкомысленным. На самом деле он уже все просчитал.

Он никогда не показывает своих чувств. Как и Примакова, его постигло ужасное несчастье. Несколько лет назад его

семнадцатилетний сын Ваня вышел из дома и не вернулся. Кто убил юношу, тело которого нашли неподалеку от ближайшей станции метро, до сих пор неизвестно.

Трубников, как профессиональный разведчик, тащил на себе основной груз повседневной работы, которую приходилось перестраивать на новый лад. Тогда создавались резидентуры в странах, где их раньше не было, — прежде всего в бывших советских республиках. В новых резидентурах поначалу испытывали даже проблемы со связью. В новых посольствах не было шифровальных систем. Установка такого оборудования — дорогое и сложное дело. От этого страдали и разведчики, и дипломаты. Первый российский посол в Литве Николай Обертышев рассказывал мне, как он поначалу вынужден был ездить на машине из Вильнюса в Калининград, когда ему надо было отправить шифровку в Москву или получить присланные на его имя телеграммы.

У наших послов в небольших государствах Африки были такие же проблемы — они раз в неделю ездили в соседнюю страну, где у коллеги-посла есть шифровальная служба, читали поступившие указания и отписывались за неделю. Телеграммы пишутся от руки в специальном шифровальном блокноте с нумерованными страницами и передаются шифровальщику — самому секретному человеку в посольстве.

Шифровальщик с семьей постоянно живет на территории посольства. Выходить в город в одиночку ему категорически запрещено. За ним бдительно присматривает офицер безопасности — сотрудник внешней контрразведки. Завербовать шифровальщика — мечта любой разведки. Иногда это удается. Служба у шифровальщика тоскливая, денег платят мало. Дипломаты получают удовольствие от зарубежной жизни, а он нет.

Трубников находился на хозяйстве 21 февраля 1994 года, когда стало известно об аресте важнейшего советского агента Олдрича Эймса, который работал в ЦРУ и выдал десять американских агентов в Москве. Эймс проработал в оперативном директорате ЦРУ тридцать один год. Он был разочарован своей службой, остро нуждался в деньгах, хотел изменить свою жизнь.

В апреле 1985 года Эймс просто написал записку, адресованную резиденту советской внешней разведки генералу Станиславу Андреевичу Андросову с предложением снабжать Советский Союз информацией в обмен на пятьдесят тысяч долларов. И приложил ксерокопию страницы из внутреннего телефонного справочника ЦРУ, подчеркнув свою фамилию.

Историю вербовки Эймса описал Виктор Иванович Черкашин,

заместитель вашингтонского резидента, отвечавший за линию внешней контрразведки (то есть за проникновение в спецслужбы главного противника). Служба в госбезопасности была для Черкашина семейным делом. Его отец работал в НКВД. Виктор Черкашин выучился на инженера-путейца, но в 1952 году его пригласили в Министерство госбезопасности и отправили учиться в ведомственный институт иностранных языков в Ленинграде. Там он познакомился с Олегом Калугиным.

После института Черкашин служил в контрразведке и участвовал в 1962 году в поимке Олега Пеньковского. Это помогло карьере капитана Черкашина, которого в 1963 году перевели в первое главное управление — тогда еще в 14-й отдел, занимавшийся внешней контрразведкой. Он вырос до заместителя начальника управления «К» и с этой должности поехал в Вашингтон.

Виктор Черкашин навсегда запомнил, как в тот апрельский день приехал в старое здание посольства, поднялся на четвертый этаж, где за стальной дверью с цифровым замком располагалась резидентура внешней разведки. Дежурный попросил полковника Черкашина зайти к резиденту — Станиславу Андросову. Тот показал Черкашину то самое письмо.

Его принес Сергей Чувахин, дипломат, занимавшийся контролем на вооружениями, — от американца, который назвал себя Риком Уэлсом. Рик свел знакомство с пресс-атташе посольства Сергеем Ивановичем Дивильковским, которого в конце 1982 года перевели в Вашингтон из Нью-Йорка, где он работал в советском представительстве при ООН. Пресс-атташе встретился с американцем несколько раз, диалог не получался, поэтому Дивильковский предложил, чтобы с ним беседовал Чувахин.

А Чувахину, занятому своей работой, американец просто надоел, и однажды он просто не пришел на очередную встречу. Тогда Рик решился. Он сам появился в советском посольстве. Разумеется, он знал, что наблюдательный пункт ФБР фиксирует всех, кто приходит в советское посольство, но у него было надежное прикрытие. Своему начальству он потом объяснил, что навестил сотрудника советского посольства, которого пытается завербовать. Сергей Чувахин, вызванный дежурным, спустился и стал извиняться. Но Рик протянул ему конверт и попросил отдать Станиславу Андросову…

Резидент и его заместитель долго обсуждали, как им быть. Первое предположение — подстава американской контрразведки. Второе — вдруг это и в самом деле потенциально ценный агент. И все-таки Черкашин сказал Андросову, что надо встретиться: а

чего бояться? Каков худший вариант? Американцы устроят скандал, и Черкашину придется вернуться домой. А его командировка все равно заканчивается.

Черкашин рискнул и выиграл.

Москва дала разрешение на вербовочную беседу. Когда Рик вновь пришел в посольство, Чувахин отвел его в комнату, гарантированную от прослушивания, и удалился. Вместо него появился Виктор Черкашин. Эймс получил пятьдесят тысяч долларов и был потрясен, как легко, оказывается, можно раздобыть большие деньги!

Материалы, переданные им во время первой встречи, позволили выявить сразу двух агентов ЦРУ — Валерия Мартынова, занимавшегося научно-технической разведкой в резидентуре, и Сергея Моторина, работавшего по линии политической и военной разведки — он только что вернулся в Москву.

Главной была третья встреча, 13 июня 1985 года, в одном из вашингтонских ресторанов. Эймс от руки написал список, который потряс Черкашина. Никогда еще разведка не получала сразу так много информации — это был полный перечень агентуры ЦРУ внутри Советского Союза.

Виктор Черкашин уверяет, что к середине восьмидесятых у него возникло тревожное ощущение, что ФБР слишком хорошо знает ситуацию в резидентуре. В феврале 1984 года во время рутинной проверки обнаружили двадцать четыре жучка — но только в машинах сотрудников резидентуры! Американцы следили исключительно за сотрудниками резидентуры, как будто они точно знали, кто — чистый дипломат, а кто разведчик.

Черкашин предполагал, что у американцев кто-то есть внутри резидентуры, но не предполагал, что агентов так много. Вернувшись в свой кабинет, Черкашин написал своим шифром записку, которая предназначалась только для Крючкова.

Эймс назвал всех завербованных американцами агентов, кроме того, передал советским разведчикам большое количество секретных документов, которые выносил из здания ЦРУ в обычной сумке. Никто из охранников не проявил интереса к ее содержимому.

За вербовку Эймса Виктор Черкашин получил высший в Советском государстве орден Ленина. Редко кто из разведчиков удостаивался такой почести. Черкашин сам разговаривал с Эймсом и принял окончательное решение вручить ему деньги и поверить в то, что он сказал.

Олдрич Эймс сыграл важную роль в карьере Владимира Крючкова, который смог порадовать нового хозяина страны

Михаила Сергеевича Горбачева фантастическими успехами своей службы. Но и для наследников Крючкова на посту начальника разведки Эймс был важнейшим агентом. Ему заплатили в общей сложности больше двух миллионов долларов. Никто из разведчиков не получал таких денег, хотя специальный агент ФБР Роберт Хансен был еще более полезен для советской разведки. Он выдал больше секретов Федерального бюро расследований, чем кто бы то ни было в истории американской контрразведки. Он сообщал и ту информацию, которой ЦРУ делилось с ФБР.

Удивительным образом удача второй раз улыбнулась одному и тому же человеку — заместителю вашингтонского резидента по контрразведывательной линии Виктору Черкашину. Он завербовал не только Эймса, но и Хансена, который тоже был инициативником. И одна такая вербовка — редкое счастье для разведчика, а уж две подряд!.. В октябре 1985 года он подбросил письмо, адресованное лично Черкашину, под дверь одного из сотрудников вашингтонской резидентуры.

Хансен сначала снабжал информацией советскую военную разведку, а потом переориентировался на разведку политическую. С 1985 года он фактически руководил всеми контрразведывательными операциями против советских граждан на территории Соединенных Штатов, то есть ценность его для советской разведки была неоценимой.

Отец шести детей, очень религиозный, не пьющий и не курящий, он в колледже выучил русский язык, с 1978 года работал в ФБР. Сначала в Нью-Йорке, потом в центральном аппарате. Невероятно старательный, склонный к аналитической работе, он не жалел времени на работу и читал все документы, поступавшие в его отдел.

В отличие от Эймса специальный агент Хансен сам заботился о собственной безопасности. Не разведка, а он определял способы связи. Он ни разу не встречался с советскими разведчиками. Отказывался от встреч за границей — боялся, что рано или поздно кто-то с Лубянки может его выдать американцам. Пользовался тайниками. Его кураторы из Москвы узнали подлинное имя своего агента только через шестнадцать лет. Он вел скромный образ жизни, соответствующий его зарплате. Деньги, полученные из Москвы, не тратил, чтобы не привлечь к себе внимание подозрительных коллег. Знал, что специальная межведомственная группа изучает дела всех сотрудников спецслужб, в частности выискивая тех, кто живет не по средствам, покупает дорогие машины и драгоценности, часто ездит за границу…

Он был арестован в феврале 2001 года, когда оставлял в

тайнике сверхсекретные документы Федерального бюро расследований. В другом тайнике, в мешке из-под мусора, его ждали очередные пятьдесят тысяч долларов от Службы внешней разведки. Американские газеты писали, что Хансен получил из Москвы шестьсот тысяч долларов, бриллианты и золотые часы «Ролекс».

Олдрич Эймс продержался меньше.

«Мы были потрясены, когда ФБР арестовало ветерана ЦРУ Олдрича Эймса, — говорится в воспоминаниях тогдашнего президента США Билла Клинтона. — За девять лет Эймс нажил целое состояние, передавая информацию, которая привела к гибели более десяти наших агентов в России, и нанес сильнейший ущерб потенциалу разведки».

Два руководителя российского направления ЦРУ после ареста Эймса примчались в Москву. Американцы требовали от российских коллег безоговорочно признать свою вину, представить материалы, которые Эймс передал Москве, и по доброй воле самим отозвать представителя Службы внешней разведки в Вашингтоне, легального резидента Александра Иосифовича Лысенко. Говорят, что даже Лысенко не знал подлинного имени своего важнейшего агента по кличке Людмила. Но когда он услышал об аресте сотрудника ЦРУ Олдрича Эймса, то сразу догадался, что это и есть Людмила, которой так дорожили в Центре. Александр Лысенко был перед этим резидентом в Индии. Его разведывательная карьера была на подъеме…

Руководители американской разведки нагрянули в Москву сюрпризом, без приглашения и в отсутствие Примакова. Беседовать с ними пришлось Вячеславу Ивановичу Трубникову. Разговор между разведчиками двух стран был тяжелым и неприятным.

В феврале 1994 года, после ареста Эймса, Примаков сам захотел встретиться с журналистами и привел с собой Вячеслава Трубникова. Встреча проходила в Колпачном переулке, где тогда находилось пресс-бюро Службы внешней разведки. Они оба — и Примаков, и Трубников — отказались тогда признать, что Эймс, обвиняемый в работе на Москву, агент Службы внешней разведки. Они говорили, что даже косвенное признание в сотрудничестве с Эймсом окажется для него роковым на предстоящем суде.

Но к тому времени начальник Генерального штаба Вооруженных сил России генерал-полковник Михаил Колесников уже заявил, что Олдрич Эймс на военную разведку не работал. Таким образом начальник Генерального штаба недвусмысленно указал, что лавры вербовки такого агента принадлежат Службе

внешней разведки. Эймс в любом случае был обречен — у обвинения были все доказательства его работы на российскую разведку, чего он сам не отрицал.

Примаков говорил тогда, что на переговорах с руководителями ЦРУ и ФБР он вовсе не обещал прекратить разведывательную деятельность на территории Соединенных Штатов. Руководители российской разведки жаловались, что американцы сами расширили масштабы агентурной разведки на территории России:

— Мы стараемся с пониманием относиться к естественному стремлению Соединенных Штатов знать, что происходит в России. Но в таком случае и в Вашингтоне должны проявить ответное понимание.

В Вашингтоне понимания не проявили и выслали из страны руководителя резидентуры российской разведки Александра Лысенко. В ответ советника американского посольства Джеймса Морриса, возглавлявшего резидентуру ЦРУ, попросили в семидневный срок покинуть Москву.

Этими высылками дело и ограничилось. Президент Клинтон не хотел, чтобы шпионский скандал мешал ему помогать демократической России.

«Возникли вопросы, — вспоминал Билл Клинтон, — если Россия ведет направленную против нас шпионскую деятельность, не следует ли нам отменить или приостановить оказание ей помощи? На встрече с представителями обеих партий в конгрессе и отвечая вопросы журналистов, я высказался против прекращения поддержки России. Кроме того, шпионы были не только у русских».

Провал Эймса был не последним в цепи поражений российской разведки на американском и на европейском направлениях. Провалы агентурной сети были следствием не усиленной, авральной работы местных охотников за шпионами, а чаще всего результатом бегства российских разведчиков.

Под руководством Трубникова, как положено в таких случаях, все личное и рабочее дело Эймса разбиралось с того самого дня, как он начал работать на Москву, анализировался каждый шаг его и наших оперативных работников, вспоминали каждое слово. Результаты служебного расследования по делу Эймса, проведенного Службой внешней разведки, разумеется, не обнародовались.

Судя по словам некоторых осведомленных лиц, комиссия пришла к выводу, что в провале больше всего виноват сам Олдрич Эймс. Он вел себя слишком неосторожно, нарушил правила конспирации, не прислушался к советам своих кураторов из

Москвы… Но косвенно вина ложится и на бывшее руководство разведки и КГБ.

Главная ценность Эймса состояла в том, что он назвал имена агентов американской разведки в Москве; их всех расстреляли. Поэтому после ареста его назвали в Америке «серийным убийцей». Разве удивительно, что после этого американцы стали искать, кто же выдал всех агентов?

— Если у вас десять агентов поймали, вы будете очень долго изучать возможных предателей, искать, у кого есть что-то подозрительное, пока не найдете, — говорили мне в Службе внешней разведки. — Вот Эймса и вычислили.

В провале Эймса разведчики упрекали своего бывшего руководителя Владимира Крючкова. Ведь это он, демонстрируя успехи своей службы, положил на стол высшему руководству список американских агентов, переданный Эймсом. И он позволил, чтобы их всех разом арестовали и расстреляли. Хотя это был самый ясный сигнал американцам: ищите у себя предателя…

Но некоторые ветераны разведки подозревают, что Эймс сам стал жертвой предательства. Они не верят рассказам самих американцев о том, что они вычислили Эймса, потому что он явно жил не на одну зарплату. Ветераны уверены, что в Ясеневе работает предатель, который продал Эймса, а затем и некоторых других российских агентов, просто за деньги. Конечно же к материалам об агентах такого уровня допущено только несколько человек из высшего руководства разведки. Имя каждого, кто видел эти материалы, известно: нельзя взять папку или даже отдельную шифровку, не расписавшись. Неужели кто-то из них?..

Впрочем, есть еще технические работники — сотрудники архивов, секретари и курьеры, которые видят эти материалы, но за них не расписываются. Страх перед кротом, иностранным агентом, который работает в самом сердце разведки, живет в каждой спецслужбе. Время от времени подозрения оказываются правдой. Американцы убедились в этом, арестовав в 1994 году Олдрича Эймса.

Когда Трубников только-только вступил в руководство Службой внешней разведки, из Соединенных Штатов пришло еще одно неприятное для него известие. В октябре 1998 года в Вашингтоне был арестован бывший агент российской разведки американец Дэвид Шелдон Бун. Он уже восемь лет как был на пенсии, информацию в Москву не передавал. Практически российская разведка вроде бы ничего не потеряла. Но все равно это был провал, неприятный провал, который лишал уверенности действующих агентов российской разведки, а также тех, кто готов

был бы предложить Москве свои услуги.

Дэвид Шелдон Бун служил в Агентстве национальной безопасности Соединенных Штатов. Это гигантское ведомство занимается электронной разведкой, Дэвид Бун был шифровальщиком и считал, что ему мало платят.

В 1988 году он пришел прямо в советское посольство в Вашингтоне и предложил свои услуги. Он показал свое удостоверение и секретные документы, к которым имел доступ. Ему сразу заплатили триста долларов, договорились о следующей встрече и с соблюдением правил конспирации вывезли из посольства, чтобы американская служба наблюдения за посольством не обратила на него внимания.

За вербовку шифровальщика дают ордена. Разведчики считают, что иметь в агентах толкового шифровальщика, может быть, лучше, чем завербовать самого президента страны. Президент-то секретов не знает, а шифровальщик знает.

Дэвид Бун проработал на советскую разведку всего три года и получил за свои услуги шестьдесят тысяч долларов. Это сравнительно немного. КГБ экономил на агентуре. Только суперагент Эймс получал миллионы. В 1991 году американцы отправили Буна в отставку, и Москва с ним тоже распрощалась: пенсионеры разведку не интересуют. После выхода на пенсию Дэвид Бун жил в Германии со своей немецкой женой. Можно представить себе его радость, когда спустя восемь лет, в сентябре 1998 года, ему позвонил человек, прекрасно говоривший по-русски, и попросил о встрече.

Неизвестный назвался сотрудником российской разведки, предложил продолжить сотрудничество и даже вручил аванс — девять тысяч долларов. Бывший шифровальщик не только охотно и в деталях вспоминал прежние времена, но и сообщил, чем он мог бы быть полезен России в будущем.

Дэвида Буна выдал один из перебежчиков, бывших советских разведчиков. Но его рассказа было недостаточно для суда, поэтому ФБР нашло способ взять его с поличным. Под видом советского разведчика с ним связался агент ФБР. Обещанием денег Буна заманили на территорию Соединенных Штатов и арестовали.

Представители Службы внешней разведки России назвали методы ФБР нечистоплотными и заявили, что вербовка от имени России носит провокационный характер. Огорчение российской разведки более чем понятно. Но во-первых, советская разведка действовала таким же образом и весьма гордилась тем, что вербовала людей от имени другой разведки. Во-вторых, вербовка граждан чужой страны, которым дают деньги, чтобы они

изменили своей Родине, тоже, прямо скажем, весьма нечистоплотное занятие. Но это и составляет главное содержание работы всех разведок мира.

Сколько существует разведка, столько она и пользуется таким замечательным методом вербовки. Разведке приятно говорить, что агенты служат ей по идеологическим, идейным соображениям. Но идейные агенты большая редкость. В основном информацию продают. Иногда отдают по любви, если удачно влюбляются в сотрудника иностранной разведки. Иногда агентов вербуют с помощью шантажа.

Одного из лучших советских агентов в Англии Джона Вэссела, сотрудника адмиралтейства, завербовали, потому что он был гомосексуалист. Он приехал работать в посольство в Москве. Его сфотографировали в интимной ситуации. Путем шантажа и уговоров сделали из него первоклассного агента. Он восемь лет снабжал советскую разведку информацией, прежде чем его арестовали и судили. В тюрьме Мэйдстоун его допрашивал главный обвинитель ее величества Гарольд Кент. Он допрашивал Вэссела и рассказывал потом, что ему было не по себе, потому что обвиняемый испытывал на нем свое искусство соблазнения…

На время директорства Трубникова пришелся еще один громкий скандал. Хотя и в этом случае не было никакой его вины. Я имею в виду историю с отставным майором Василием Митрохиным. Служба внутренней безопасности первого главного управления никогда не обращала на него внимания. Какую опасность мог представлять человек, который занимался не оперативной работой, а долгие годы работал в архиве и дослужился всего лишь до майора?

Выпускник Историко-архивного института, Митрохин после войны работал в милиции, затем в военной прокуратуре, оттуда его перевели в Министерство госбезопасности. Причем его взяли в разведку, которой в ту пору занимался Комитет информации при Совете министров СССР. Он работал на Ближнем Востоке, ездил в короткие командировки в другие страны. В последний раз его послали с оперативным заданием в Австралию вместе с нашими спортсменами, которые участвовали в мельбурнской Олимпиаде. Видимо, во время командировки что-то произошло, потому что Митрохина убрали с оперативной работы и перевели в архив, лишив служебной перспективы.

Василий Никитич был аккуратным и исполнительным служакой — радость кадровиков. Каждое утро он загодя приезжал на работу, получал в архиве очередное секретное дело и прилежно сидел над ним до вечера. Самое интересное он выписывал на стандартный листок бумаги. Некоторые документы

первого главного управления Комитета государственной безопасности СССР копировал дословно.

Личные и оперативные дела агентуры — высший секрет разведки. Сотрудник разведки может получить для работы только то дело, которым он непосредственно занимается. Но для служащих архива возиться со старыми папками — это просто часть их служебных обязанностей. Исписанные за день листочки майор перед уходом домой прятал в носках или в трусах. Никто и никогда его не остановил и не проверил. Он приносил копии секретных документов домой и вечерами перепечатывал их на машинке.

В пятницу вечером перепечатанное отвозил на дачу и прятал там под матрасом. Потом перекладывал в герметичную посуду и зарывал в саду. Так продолжалось десять лет, с 1972 по 1982 год. В 1984 году Василий Никитич Митрохин вышел по возрасту на пенсию и стал ждать. На что он надеялся в советские времена, непонятно. Но когда Советский Союз распался, наступил момент, когда он решился выйти из подполья. Он выкопал один из драгоценных горшков, взял билет до Риги, ставшей столицей независимой Латвийской Республики, и там предложил свои сокровища американскому посольству. Американцы отнеслись к отставному майору недоверчиво; их не интересовали старые дела и пенсионеры. В начале девяностых желающих перебраться в Соединенные Штаты было слишком много, а средства ЦРУ по приему перебежчиков ограниченны.

Тогда майор 9 апреля 1992 года посетил британское посольство.

Менее избалованные англичане, ознакомившись с содержимым золотого горшка, оценили его предложение. Молодого сотрудника британской контрразведки командировали в Москву. Он выкопал в саду Митрохина оставленные им материалы. Получилось шесть чемоданов. 7 ноября 1992 года Митрохина вместе с семьей доставили в Лондон. Отставной майор получил британский паспорт, новое имя и вместе с британским историком Кристофером Эндрю написал две книги, основанные на скопированных им документах.

Не очень понятно, какой реальный ущерб нанес Митрохин российской разведке. Рассказал он многое, но все это носит чисто исторический характер. Он назвал имена уже очень пожилых людей, которые когда-то давно работали на советскую разведку. Одного из них посадили — бывшего сотрудника Агентства национальной безопасности Соединенных Штатов Роберта Липку. Он получил восемнадцать лет тюрьмы.

Отставной майор Василий Митрохин умер в Англии в 2004

году…

Примаков не просто сделал Трубникова первым заместителем, но и видел в нем своего сменщика. Если Евгений Максимович уезжал в командировку, а был день его доклада президенту, он старался, чтобы вместо него обязательно пошел Трубников. Другой бы иначе поступил — нет меня, и никто другой в Кремль не пойдет. А Примаков хотел, чтобы президент лишний раз сам посмотрел на Трубникова. И не упускал случая сказать президенту что-то хорошее о своем заместителе.

Вышло так, как и хотел Примаков. Когда он ушел в Министерство иностранных дел, то сумел добиться, чтобы президент Ельцин подписал указ о назначении Трубникова директором Службы внешней разведки. Но руководителем разведки тот был недолго. Вячеслав Иванович был обязан своим взлетом Примакову. Но из-за Примакова же он потерял пост директора Службы внешней разведки. Став президентом, Владимир Путин из всех руководителей силовых ведомств сменил только одного генерала — в своем бывшем ведомстве, в Службе внешней разведки.

Почему перемены произошли именно в разведке? Федеральная служба безопасности не смогла предотвратить ни взрывов в Москве, ни нападения боевиков на Дагестан. Министерство обороны и Министерство внутренних дел не в состоянии были избежать больших потерь, которые несли федеральные силы во время второй чеченской войны.

На этом фоне разведка казалась самым благополучным ведомством. Так отчего же убрали именно начальника разведки — генерала Трубникова? Потому что его считали человеком Примакова, а Путин хотел в Ясеневе своего назначенца — так все истолковали указ президента.

Общение между руководителями разведки продолжается и после рабочего дня, в воскресные и праздничные дни. Директор и его заместители живут в Ясеневе в поселке Службы внешней разведки в соседних домиках. Одно из преимуществ поселка: там стоят мощные спутниковые антенны, и можно смотреть любой телевизионный канал, не только российский. Руководители СВР любят там жить. Когда Крючков освободил дачу, Примаков не захотел в нее переезжать — это был большой дом на большую семью. А Евгений Максимович в тот момент был один:

— Ну зачем мне такая большая дача? Отдайте тому, у кого семья большая.

И он занял другой, вовсе не директорский домик.

Покинув разведку, Евгений Максимович в определенном смысле остался в разведке. И после назначения министром

иностранных дел Примаков продолжал жить в Ясеневе. Его вывезла оттуда Федеральная служба охраны уже тогда, когда он стал премьер-министром и ему полагалась совсем другая загородная резиденция. Дачная жизнь в Ясеневе, кроме всего прочего, давала Примакову — министру иностранных дел — возможность работать в тесном контакте с разведкой. Примаков — в бытность его в МИД — рассказывал мне:

— Мы неофициально собираемся — несколько человек, представители разных ведомств, занимающиеся внешней политикой, — и обсуждаем актуальные проблемы. Это необходимо. Так делается во всем мире.

Но за этими контактами Примакова с силовыми ведомствами ревниво и подозрительно следили в Кремле. Поэтому Евгений Максимович в бытность премьер-министром в отношении Трубникова держался крайне осторожно. Сам Трубников активно поддержал Путина. Разведка выясняла, откуда, говоря его собственными словами, «идут деньги и добровольцы для Чечни, кто подпитывает сепаратизм». Но это уже не помогло.

В мае 2000 года Путин назначил нового директора внешней разведки, а Вячеслава Трубникова перевел в Министерство иностранных дел. Для него в МИД ввели еще одну должность первого заместителя министра.

Трубникову поручили заниматься вопросами объединения с Белоруссией и всем комплексом отношений со странами СНГ. Особым указом Вячеслав Иванович был назначен специальным представителем президента в ранге федерального министра. Этот высокий статус был компенсацией за увольнение из разведки — ведь личных претензий к нему не было, и убрали его из Ясенева вовсе не потому, что он плохо работал. Среди высшего чиновничества немало людей, которым указами президента сохранили прежний оклад министра или даже члена президиума правительства. Владимир Путин, как и Брежнев, когда заменяет «чужих» людей «своими», старается без нужды никого не обижать, руководствуясь принципом: живи и давай жить другим.

С поста первого заместителя министра Трубников уехал послом в Индию, где когда-то начинал свою карьеру в разведке…

Сергей Лебедев
Человек Путина

Первым начальником разведки при президенте Владимире Владимировиче Путине стал Сергей Николаевич Лебедев. Из генерал-лейтенантов его вскоре произвели в генерал-полковники. Тут же появились комментарии, что Лебедев начинал службу в представительстве КГБ в Восточной Германии вместе с будущим президентом.

Иначе говоря, перемены в разведке однозначно истолковали как желание Путина и здесь поставить своего, лично ему известного человека. Сам Лебедев неустанно повторял, что он прежде с Путиным знаком не был:

— Да, мы работали одновременно в германском регионе, но лично там не встречались и даже не были тогда знакомы. Это не игра в конспирацию, так и было. Он работал в Дрездене, а я в Берлине.

Тогда сразу возникло другое предположение: что Лебедев хорошо знаком с другим выходцем из разведки — Сергеем Борисовичем Ивановым, возможно, самым близким к президенту человеком. Иванов работал в разведке, дослужился до генеральских погон.

— Назначения на должность директора Службы внешней разведки я не ожидал, — рассказал Лебедев в интервью газете «Труд». — Позже узнал, что мою кандидатуру предложил Вячеслав Иванович Трубников, которого я и заменил на этом посту.

Сергей Николаевич Лебедев родился 9 апреля 1948 года в городе Джизаке в Узбекистане. Мать — Нина Яковлевна, бухгалтер, блокадница, ушла из жизни в 2007 году. Отец — Николай Иванович, участник войны, водитель по профессии, умер в 1994 году. В юности Сергей Николаевич говорил по-узбекски и увлекался спортом. У него первый разряд по туризму — летом поднимался на Тянь-Шань. В институте занимался классической борьбой и стрельбой. И сейчас подтянут и спортивен.

В 1965 году Сергей Лебедев с золотой медалью окончил школу, в 1970-м черниговский филиал Киевского политехнического института. Лебедева оставили работать в институте, но очень скоро взяли в горком комсомола. На следующий год его забрали в армию. Служил сравнительно недалеко от дома — в Киевском округе. Демобилизовавшись, вернулся в Чернигов, теперь уже в обком комсомола, откуда его и

пригласили в КГБ.

— Я с радостью согласился, — рассказывал Лебедев журналистам.

Он окончил Киевскую школу КГБ, где готовили офицеров-контрразведчиков. Но кадровый аппарат сразу обратил на него внимание, и через два года его перевели в разведку. Он окончил Краснознаменный институт КГБ СССР, а в 1978 году еще и Дипломатическую академию Министерства иностранных дел. Говорит по-немецки и хуже — по-английски. Двадцать лет, с 1975 по 1995 год, работал в германоязычных странах — в несуществующей более ГДР, ФРГ, Западном Берлине, который до объединения Германии был самостоятельной политической единицей.

После ареста советского агента Олдрича Эймса в 1998 году американцы выслали из страны тогдашнего официального представителя Службы внешней разведки Александра Лысенко. На освободившееся место Примаков отправил Сергея Лебедева. То есть он возглавлял резидентуру разведки в Вашингтоне, по-старому говоря, работал против главного противника. Он часто встречался с директорами ЦРУ и ФБР. В то время между спецслужбами России и Америки был организован обмен информацией о террористах и других общих врагах.

Вернувшись домой, Лебедев заметил:

— Американские коллеги — высококвалифицированные профессионалы.

Сергей Николаевич работал в Вашингтоне до избрания Путина президентом. 20 мая 2000 года генерал-лейтенант Лебедев президентским указом был назначен директором СВР. Он первый резидент в Америке, который добрался до самого верха. Три его предшественника были востоковедами. О личной жизни директора Службы внешней разведки было известно немного. Жена Лебедева, Вера Михайловна, инженер-химик, они всю жизнь вместе. Двое сыновей, двое внуков.

После террористических актов в США 11 сентября 2001 года Путин договорился с президентом Джорджем Бушем о широком обмене информацией между специальными службами, и Лебедеву пригодились его прежние контакты с американцами.

В определенном смысле ему было легче, чем некоторым из его предшественников: ситуация в стране стабилизировалась. Яснее стало, как жить и работать. Улучшилось материальное положение разведчиков.

Люди из разведки больше не уходят. Напротив, по словам Лебедева, «у нас примерно десять претендентов на одно место». В интервью «Комсомольской правде» Лебедев сформулировал

требования к будущим разведчикам: патриотизм, порядочность, развитое чувство товарищества, хорошее образование, гибкий ум, широкий кругозор «и, наконец, по натуре он должен быть чуточку авантюристом в хорошем смысле слова».

В 1992–1993 годах наши разведчики, молодые еще ребята, в приватных беседах горько жаловались на свою беззащитность:

— Американцы, наконец, получили возможность рассчитаться с нами за все наши прошлые успехи.

Сотрудники Службы внешней разведки говорили, что к известным всем бедам — катастрофическая нехватка свободно конвертируемой валюты, необходимость сильно сократить центральный аппарат и состав резидентур по всему миру, отказаться от прежних прикрытий — добавилась новая: американцы требуют от Москвы прекращения всякой тайной деятельности против Соединенных Штатов. И что очень трудно противостоять этому давлению, руководство вынуждено сдерживать своих людей…

В Италии и в Бельгии тогда были арестованы российские агенты, занимавшиеся промышленным шпионажем. Эти провалы американцы раздули для того, чтобы прижать администрацию Ельцина к стенке: как же вы можете красть промышленные секреты и вербовать агентов в странах, которые сейчас бескорыстно помогают России? На самом деле, оправдывались наши разведчики, промышленным шпионажем занимаются решительно все страны. В этом нет ничего предосудительного. Посему какие-то особые упреки русским есть не что иное, как пропагандистская кампания, цель которой — вывести нашу разведку из игры.

Жалобы российских разведчиков производили тогда сильное впечатление. Если Министерство безопасности (затем переименованное в Федеральную службу контрразведки, а затем в Федеральную службу безопасности), как наследник КГБ, не пользовалось особыми симпатиями, то к разведке всегда относились нейтрально или даже положительно. Даже в такое революционное время, каким был переходный период от Советского Союза к самостоятельной России, общество в целом согласилось с тем, что государство не может обойтись без разведывательной службы.

Хотя и самый невинный вид шпионажа — охота за промышленными и технологическими секретами — малопочтенное ремесло. Пока не пойман — разведчик, а уж если пойман — вор. Воровать свои секреты американцы не позволяют ни французам, ни немцам. Разоблачение в Соединенных Штатах израильского шпиона породило взрыв негодования против

ближайшего союзника. Стоило ли удивляться, что готовность помогать России не означала выдачу индульгенции на промышленный шпионаж?

Тем не менее в первые годы после распада Советского Союза разведывательная работа против Соединенных Штатов, вербовка американцев высшим начальством не приветствовались. Хотя начальство убеждали в том, что здесь нет ничего зазорного — при наличии партнерских отношений вести еще и разведывательную работу.

Сотрудники разведки с грустью и тоской рассказывали мне, как целый год они разрабатывали одного американца. Настал момент, когда они пришли с докладом к начальству. Они были горды тем, что им удалось сделать, и ждали поощрения. Итогом их работы стала докладная записка, очень короткая — меньше страницы, где говорилось, что такой-то американец замечен в некоем глупом поступке, на этом можно сыграть и сделать ему вербовочное предложение.

Но вербовку не разрешили.

Обижались тогда разведчики страшно… Они работали год и были уверены, что американца можно завербовать, был шанс. Несколько дней ходили в отделе злые как собаки, рычали друг на друга. Все, чего они добились, — это разрешения написать в годовом отчете, что была проделана полезная работа, а то получалось, что год целое направление ничего не делало…

Работу российской разведки против Соединенных Штатов в те годы сознательно ограничивали, считая, что партнерские отношения с Вашингтоном важнее информации, добытой любыми агентами. Казалось, что и разведчики смогут сотрудничать.

Еще в 1975 году, когда президентом Соединенных Штатов был Джеральд Форд, государственный секретарь Генри Киссинджер и советский посол в Вашингтоне Анатолий Федорович Добрынин договорились, что в случае шпионских скандалов обе страны будут избегать публичности. Иначе говоря, если разведчик, работающий под дипломатической крышей, попался, то его попросят уехать, сделают официальное представление властям, но не станут сообщать об этом в прессу и устраивать шумиху.

Но эта договоренность постоянно нарушалась.

Секретные каналы общения между разведками существовали больше двадцати лет. Представители двух разведок встречались в тех случаях, когда одной из сторон казалось, что другая вышла из обычных рамок.

Директор ЦРУ Уильям Колби в 1976 году поручил своим сотрудникам встретиться с офицерами КГБ, чтобы выяснить, не

причастны ли советские оперативники к убийству резидента ЦРУ в Афинах Ричарда Уэлша. Встреча состоялась в Вене. Сотрудники американской разведки с угрозой заявили, что «они этого не потерпят». Офицеры КГБ были возмущены таким предположением: всем известно, что американского резидента убили боевики из кипрской террористической группы.

После того как в 1984 году резидент ЦРУ в Бейруте Уильям Бакли был похищен, директор ЦРУ Уильям Кэйси распорядился встретиться с представителями КГБ, чтобы выяснить, не имеют ли они отношения к этой операции. После новой встречи в Вене американцы убедились, что «русские к этому не причастны».

В свою очередь сотрудники КГБ предъявляли свои претензии руководителям ЦРУ. Они считали, что это не советские разведчики бегут на Запад, а американцы их выкрадывают, используя наркотики.

В декабре 1987 года, во время встречи Горбачева и Рональда Рейгана в Вашингтоне, директор ЦРУ Роберт Гейтс обедал с председателем КГБ Крючковым. С 1989 года установились более формальные отношения между двумя спецслужбами. Этим занимался Милтон Бёрден, руководитель советского направления в оперативном управлении ЦРУ. Была установлена секретная телефонная линия между Ясеневом и штаб-квартирой ЦРУ в штате Вирджиния.

В 1990 году во время подготовки операции против Ирака, который оккупировал соседний Кувейт, советские и американские разведчики обменивались информацией. Тогда впервые начались разговоры о возможности сократить оперативную деятельность друг против друга. Накануне объединения Германии офицеры КГБ на встрече с американцами в Восточном Берлине попросили американцев больше не сманивать советских разведчиков на Запад. Считается, что именно с этого момента ЦРУ сократило прием перебежчиков из Советского Союза.

В октябре 1992 года Борис Ельцин принял тогдашнего директора ЦРУ Роберта Гейтса. Рядом с Ельциным сидели глава Службы внешней разведки Евгений Примаков и министр безопасности Виктор Баранников. Ельцин говорил, что между российскими и американскими спецслужбами возможны обмен информацией, взаимодействие в борьбе с преступностью и наркобизнесом, распространением ядерного и другого оружия массового уничтожения. Обсуждался даже вопрос о сокращении на взаимной основе работников разведывательных служб за рубежом.

Специалисты утверждают, что после 1991 года аппарат российской разведки на территории Соединенных Штатов

сократился почти на треть. Когда холодная война заканчивалась, здесь, по подсчетам американцев, работало сто сорок офицеров КГБ и ГРУ — в посольстве и торговом представительстве в Вашингтоне, генеральном консульстве в Сан-Франциско, постоянном представительстве при ООН в Нью-Йорке и в самом аппарате ООН. В 1991 году на американской территории осталось сто двадцать советских разведчиков, а еще через пару лет — меньше ста.

Федеральное бюро расследований, которое занимается контрразведывательной работой, даже перевело часть своих работников, занимавшихся российскими разведчиками, на другие направления. А потом все развернулось в обратную сторону. Российская политика изменилась. Соединенные Штаты перестали восприниматься как партнер. И война разведок вспыхнула с новой силой. С середины девяностых, утверждают американцы, число российских разведчиков на территории Соединенных Штатов опять стало расти. Определить, кто работает на разведку, не так сложно. Это охотно делают перебежчики, которых просят опознать тех, с кем они учились и работали.

Есть должности в российских загранпредставительствах, которые неизменно занимают офицеры разведки. Да и ведут они себя иначе, чем обычные дипломаты. Они сразу получают хорошие машины и весь день проводят в разъездах — в отличие от дипломатов, которые вынуждены сидеть в своих кабинетах. Кроме того, разведчики и дипломаты держатся порознь. Сотрудники резидентуры даже свободное время проводят в своем кругу, что облегчает жизнь американской контрразведке.

Анатолий Добрынин, который был послом в Соединенных Штатах в 1962–1986 годах, воспроизводит в своей книге «Сугубо доверительно» один разговор с Андроповым. Председатель КГБ поинтересовался, почему американцам сравнительно легко удается определить, кто из посольских работников — сотрудник разведки.

Добрынин объяснил. Сотрудники первого главного управления КГБ снимают в Вашингтоне более дорогие квартиры, чем обычные дипломаты. Запросто устраивают у себя дома приемы и коктейли, на что у дипломатов нет денег. Все сотрудники резидентуры даже в невысоком звании имеют в своем распоряжении машины. А дипломаты, в том числе высокого ранга, пользуются машинами по очереди. Когда дипломаты приглашают кого-то на деловой ланч, они весьма ограничены в расходах — представительские расходы мизерны. Иногда приходится платить из собственного кармана. Сотрудники КГБ запросто угощают тех, кто им интересен, в хороших ресторанах.

Дипломаты сидят на своих рабочих местах, сотрудники резидентуры — почти всегда в городе. Дипломаты постоянно связываются с сотрудниками Государственного департамента США строго по своему, узкому, кругу вопросов. Разведчиков интересует все. И последнее: на совещаниях в посольстве они молчат.

Андропов внимательно выслушал посла, которого в политбюро ценили, и обещал подумать. Вскоре, пишет Добрынин, жизнь старших дипломатов стала лучше: они обзавелись машинами, им увеличили представительские расходы и позволили снимать квартиры получше. Поскольку министр иностранных дел Громыко все это знал, но ничего не предпринимал, ссылаясь на отсутствие валюты, то выходит, что дипломатам помог Андропов, озабоченный конспирацией разведчиков…

Администрация Билла Клинтона пыталась убедить Россию не расширять масштабы своей разведывательной деятельности. Вице-президент Альберт Гор летом 1999 года даже завел разговор на эту тему с премьер-министром Сергеем Степашиным.

Гор говорил тогда:

— Некоторые ведомства хотят сохранить старые подходы ради сохранения старых бюджетов и прежнего штатного расписания. И другая сторона вынуждена идти на такие же траты.

Сергей Степашин тогда дал понять, что спецслужбам не позволят испортить отношения между двумя странами. Но он очень быстро потерял свою должность. С 2000 года началось обострение войны разведок. И в Москве, и в Вашингтоне с раздражением заговорили об обилии иностранных шпионов. И как в худшие времена холодной войны, начались скандальные аресты и высылки дипломатов.

«Утверждения о резкой активизации работы СВР, — говорил осенью 2007 года Лебедев в интервью «Московским новостям», — не что иное, как еще один рудимент холодной войны. Западные разведки действуют не менее, а подчас более активно (я бы даже сказал, более агрессивно), чем СВР».

Так что вербовка американцев опять в цене. Разумеется, не каждый обладатель американского паспорта представляет ценность для российской разведки. В советские времена во всех резидентурах была линия ГП — работа против главного противника, то есть против американцев. В начале девяностых понятие «главный противник» исчезло. В ходу другой термин — работа с гражданами приоритетных стран. Изменились и критерии работы.

Раньше с удовольствием вербовали всякого американца —

хоть повара в любом американском посольстве, хоть горничную военного атташе: если они сами ничего рассказать не могут, то хотя бы аппаратуру подслушивания заложат. Теперь на предложение завербовать такого человека Москва обыкновенно отвечала резидентуре отказом. На всех совещаниях и на встречах с резидентами в ведущих странах звучит одно и то же:

— Нужны агенты, имеющие доступ к государственной тайне, то есть серьезные люди.

В прежние времена вербовочное предложение любому иностранцу делалось с санкции председателя КГБ. Теперь с разрешения директора Службы внешней разведки. Когда речь идет о вербовке важного агента, добро получали у генерального секретаря. Теперь вербовка происходит, видимо, с санкции аппарата президента.

Почему разведка сама такой вопрос решить неправомочна?

Во-первых, часто речь идет о выплате агенту таких сумм, которыми начальник разведки сам распорядиться не может. На сей счет есть строгие правила: сколько денег может своим решением выделить заместитель директора разведки, сколько — сам директор. За более крупными суммами приходится обращаться к президенту, чтобы он их выделил — иногда это сотни тысяч долларов — из секретных фондов.

Во-вторых, вербовка — это вопрос еще и политический. Всегда есть опасность, что тот, кому делается предложение, возмутится, отправится к своему послу, России будет заявлена нота протеста. Не во всякий момент удобно затевать такой скандал — нельзя это делать, например, накануне встречи двух президентов.

Чаще всего удается завербовать сотрудника резидентуры ЦРУ в одной из стран третьего мира, где позиции американской контрразведки слабее. Как это делается?

Иногда нашим разведчикам удается установить технические средства — аппаратуру подслушивания — в доме американца, интересующего резидентуру. Его разговоры записываются целыми днями. Потом пленки везут в резидентуру, здесь их прослушивают, переводят на русский, тщательно выискивая неосторожные слова — о его недовольстве работой, начальством, семейными отношениями, жизнью и о том, напротив, что бы ему хотелось купить, да нет денег.

На чем стараются зацепить? Не на неурядицах в личной жизни — пьянство и увлечение женщинами сами по себе не компрометируют. Такого рода вольности для советских разведчиков были опасны.

Хотя десять с лишним лет назад, 7 июня 1996 года, появился

циркуляр Госдепартамента США № 224. В нем говорилось, что сотрудники дипломатических миссий за границей обязаны докладывать о сексуальных или иных интимных отношениях с гражданами стран, являющих собой исключительную угрозу с точки зрения шпионажа против Соединенных Штатов. Я работал тогда в «Известиях» и попросил американское посольство прокомментировать новый циркуляр: американцы боятся новых «медовых ловушек»?

Пресс-атташе посольства прислал мне письменный ответ:

«Сообщения в прессе сильно преувеличивают степень ограничений, накладываемых ныне существующими правилами на контакты американских дипломатов с гражданами России. Важнейшие изменения в правилах, установленных правительством США для контактов американских дипломатов с российскими гражданами, произошли в мае 1995 года, когда впервые со времен холодной войны обычные контакты, включая интимные отношения, были разрешены. Эта политика не претерпела существенных изменений.

В ходе периодически происходящего в бюрократической практике обновления правил дипломатической службы Государственный департамент США несколько изменил формулировку этого положения, чтобы устранить неясность, содержавшуюся в предыдущей версии. Дипломатам не нужно сообщать о своих обычных ежедневных контактах с российскими гражданами. Однако о продолжительных любовных отношениях предписывается сообщать. Это правило распространяется на американских дипломатов, работающих во всех странах, а не только в России».

Британские военные тоже могут больше не опасаться «медовых ловушек», устроенных иностранными разведками. Министерство обороны Великобритании сняло свой запрет на занятие высоких должностей теми, кто участвует в гомосексуальных контактах или заводит внебрачные связи. Это избавит военных от необходимости таить то, что раньше приходилось держать в тайне. К тому же они станут менее уязвимыми перед шантажом и не попадут в ловушки, которые расставляют разведки.

— Времена, когда вербовали на идеологической основе, прошли, — говорят сотрудники службы безопасности. — Какое теперь имеет значение, если вы раньше состояли в компартии, а ваша сестра ездила в социалистическую Болгарию? Но у всех могут быть проблемы с деньгами, выпивкой, наркотиками, да мало ли может быть всяких проблем, которые делают их уязвимыми…

Сейчас в основном ловят на ошибках в работе. Например, если удается засечь встречу американского разведчика со своим агентом. Самое провальное для разведчика — беседовать с агентом дома. Если это удалось засечь, записать такую беседу, то можно сделать вербовочный подход.

Местная резидентура и линейный отдел в Ясеневе должны предложить несколько вариантов действий. Обычно, если Центр дает добро, в страну с отлично сработанными документами и безукоризненной легендой приезжает на несколько дней специальный вербовщик. Это стандартная предосторожность. Если американец поднимет скандал, то вербовщик просто уедет из страны, а местная резидентура не пострадает.

В редких случаях, если резидент дает гарантии, что скандала точно не будет, то разрешают первый разговор провести сотруднику резидентуры. Это большая честь. Если американец даст согласие, то, сколько бы людей — в Москве и на месте — ни готовили эту операцию, лавры достанутся тому, кому американец скажет «да».

Как это делается? Вербовщику помогут официально познакомиться с американцем и вступить с ним в разговор, чтобы он под каким-нибудь предлогом мог назначить встречу в заранее подобранном кафе.

По каким соображениям американец может согласиться работать на российскую разведку? Не из страха перед разоблачением. Если он чего-то боится, то ему спокойнее сообщить своему начальству о попытке его завербовать. Естественно, никто наказывать его не будет. Напротив, руку пожмут.

Но ведь не только российские граждане связывают с загранкомандировкой определенные материальные надежды. Сотрудникам ЦРУ тоже надо заработать деньги на образование детей, на покупку дома и так далее. Если он идет к начальству и честно рассказывает, что русские пытаются его вербовать, то его немедленно возвращают домой, и больше командировок у него не будет: он расшифрован и к оперативной работе непригоден. Или в лучшем случае новой командировки ему придется ждать несколько лет.

А согласие работать на другую разведку, напротив, сулит огромные деньги, которые самому преуспевающему сотруднику ЦРУ никогда не заработать.

Если вербовка удалась, в нашей резидентуре устраивается маленький праздник, обычно отмечаемый московской водкой, хорошим коньяком или виски. Не стоит думать, что собравшиеся в недоступном для других, за тремя замками посольском

помещении разведчики так уж сильно отличаются от обычных людей. Тут и шутят, и веселятся, а когда работа закончена, могут расслабиться.

За вербовку американца раньше давали орден. Вербовка — это высший пилотаж и редкая удача. За всю жизнь можно завербовать одного-двух человек, которые будут работать достаточно долго. Соглашаются, разумеется, не все. Что происходит в таком случае? Скандал? Драка? Нет, обычно оба разведчика расстаются вполне дружелюбно.

Некоторые из вербуемых говорят:

— Мне надо подумать, посоветоваться.

— С кем?

— С женой.

— Не стоит. Давайте все-таки решим сейчас.

— Тогда я не принимаю ваше предложение.

Оба разведчика встают и прощаются:

— Все это чепуха. Забудем?

— Забудем.

Но никто ничего не забывает.

Отказ работать на российскую разведку американцу в принципе ничем не грозит. Разведка не станет его шантажировать, посылать компрометирующие материалы его начальству или предавать их гласности. Это никому не нужно. Так поступают только с непрофессионалами. Были такие известные американские журналисты — братья Олсоп. Один из них был в Москве сразу после войны, освещая события, связанные с Нюрнбергским трибуналом. Его застукали на гомосексуальной связи. Сотрудничать он отказался. Его отпустили с миром. Но папка с его делом лежала. Ее пустили в ход, когда Олсопы стали совсем уж резко писать о Советском Союзе.

Произошло это при таких обстоятельствах.

Весной 1958 года в Москву приехал председатель внешнеполитического комитета стортинга Норвегии Финн Му. Его принимал Хрущев. Переводчиком был молодой офицер разведки Грушко. Накануне братья Олсоп фактически призвали прорвать блокаду Западного Берлина танками.

Хрущев, принимая норвежца, был вне себя:

— Знаете, что они предлагают? Они по сути предлагают войну! Но мы ее не допустим. Я бы спустил с этих братьев штаны и высек ремнем по мягкому месту!

Из записи беседы помощник Хрущева по международным делам Олег Александрович Трояновский это вольное высказывание вычеркнул. Но в разведке указание первого секретаря и главы правительства приняли к исполнению:

обнародовали все, что знали об Олсопах…

Обычно поступают иначе. Человека, которого пытались завербовать, постараются не выпускать из виду, в дело будут подшивать любую информацию о нем. Такие дела всегда лежат в соответствующем отделе. Новичкам, которые приходят на работу в разведку, дают эти дела с предложением подумать: как можно организовать новый вербовочный подход? Разведка будет ждать: вдруг в жизни этого человека произойдут какие-то изменения? Например, ему позарез понадобятся деньги, а взять неоткуда. Или уйдет идеализм молодости, и человек начнет на многое смотреть иначе. Тогда ему, возможно, вновь сделают предложение. Разведка умеет ждать…

13 февраля 2004 года в столице Катара городе Доха с помощью радиоуправляемого устройства взорвали джип «тойота-лендкрузер» Зелимхана Яндарбиева. Яндарбиев был поэтом и одним из идеологов чеченского национального движения. Он стал вице-президентом у генерала Джохара Дудаева, а после смерти генерала руководил Ичкерией.

27 мая 1996 года Яндарбиев прибыл в Москву и подписал с президентом России Борисом Ельциным договоренность «О прекращении огня, боевых действий и мерах по урегулированию вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики». С Дудаевым Борис Николаевич не хотел разговаривать, а в результате сел за стол переговоров с куда более непримиримо настроенным человеком. Яндарбиев и был главным идеологом отделения от России и войны с Россией.

Зелимхан Яндарбиев уехал из Чечни и жил в Катаре с 2000 года на правах «беженца, не имеющего права заниматься политической деятельностью». Взрыв произошел в пятницу, в тот момент, когда он отъезжал от мечети. Он умер в больнице. Его сын, который был вместе с ним, остался жив.

Катарская полиция обвинила в убийстве первого секретаря российского посольства Александра Фетисова, а также временно находившихся в стране двоих российских граждан — они были прикомандированы к посольству. Первого секретаря Фетисова, имевшего дипломатический иммунитет, срочно отправили на родину. Двух других полиция арестовала.

Сразу заговорили о том, что они оба — профессионалы-подрывники из Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил России. Не согласные с этой версией возражали: настоящие профессионалы не попали бы сразу в руки полиции.

На что некоторые специалисты отвечали: таковы, к сожалению, начальники в военной разведке, они, видно, плохо

знают внешний мир — отправили за границу двух офицеров с опытом боевых действий на Кавказе, не понимая, что полиция в Катаре имеет хорошую английскую выучку… Никаких официальных объяснений не прозвучало. Журналисты отметили, что если бы они не имели отношения к спецслужбам, то наверняка были бы названы их подлинные имена, проявились бы их родственники.

На суде в Катаре прокурор просил смертного приговора. Адвокаты доказывали, что признания обвиняемые дали под пытками. Вызволением их занимался секретарь Совета безопасности Игорь Сергеевич Иванов, который летал в Катар и вел беседы с наследным принцем Тамимом бен Хамадом бен Халифой аль-Тани. Обоих обвиняемых приговорили к пожизненному заключению. Отсидели они меньше года. Местные власти проявили гуманизм, надо полагать, потому, что убитый Яндарбиев был не катарцем, а иностранцем.

23 декабря 2004 года осужденных по делу об убийстве Зелимхана Яндарбиева доставили в Москву самолетом авиакомпании «Россия», которая обслуживает высшее руководство страны. В аэропорту Внуково-2 им, рассказывают, расстелили красную ковровую дорожку. С тех пор их никто не видел. По закону их передали России, чтобы они отбывали наказание на родине. Но в местах заключения, по официальному ответу, они не находятся. Они словно исчезли.

Историю с убийством Зелимхана Яндарбиева специалисты считают поворотной: выходит, российская разведка после длительного перерыва вновь приводит в исполнение смертные приговоры, вынесенные врагам государства…

На этом фоне произошла история с бывшим сотрудником госбезопасности Александром Литвиненко. Началось все с того, что тогда еще действующий офицер ФСБ Литвиненко заявил, что ему было приказано убить известного предпринимателя Бориса Березовского. 20 марта 1998 года Литвиненко пришел к Березовскому и ему об этом рассказал.

В кабинете заместителя главы президентской администрации Евгения Вадимовича Савостьянова подполковник госбезопасности Александр Литвиненко написал заявление, в котором сообщил, что этот приказ ему в конце 1997 года отдал заместитель начальника управления по разработке и пресечению деятельности преступных организаций ФСБ капитан первого ранга Александр Петрович Камышников. Управление это создал тогдашний директор ФСБ генерал армии Николай Ковалев и страшно им гордился. Вместе с подполковником Литвиненко к Савостьянову в администрацию президента на Старую площадь пришли еще трое

офицеров из седьмого отдела управления.

По словам Литвиненко, все происходило так. 27 декабря 1997 года Камышников в своем кабинете поставил ему задачу:

— Есть люди, которых невозможно достать. Они накопили большие деньги, и добраться законными путями до них нельзя. Они всегда откупятся и уйдут от ответственности. И эти люди наносят большой ущерб государству. Вот ты, Литвиненко, знаешь Березовского? Ты и должен его ликвидировать.

Все рапорты Савостьянов переправил в Главную военную прокуратуру.

25 июля 1998 года президент Ельцин отправил генерала армии Ковалева в отставку. Новым руководителем ФСБ стал Владимир Владимирович Путин. А осенью скандал с Литвиненко выплеснулся на публику.

13 ноября Березовский опубликовал в газете «Коммерсантъ» открытое письмо Путину с требованием расследовать эту историю.

17 ноября Литвиненко с четырьмя коллегами (среди них был и бывший уже начальник седьмого отдела УРПО Александр Иванович Гусак) устроили в Интерфаксе пресс-конференцию, на которой повторили, что получили приказ убить исполнительного секретаря СНГ Бориса Березовского, что приказ был отдан руководителями управления, которые требовали наказать «еврея, обворовавшего полстраны». На пресс-конференции офицеры говорили, что «такой приказ — не случайность в практике ФСБ».

В обществе по-разному отнеслись к этой истории. Немногие поверили в то, что руководители ФСБ действительно могли отдать приказ кого-то убить. Это люди опытные, прошедшие большую жизненную школу, и каждый из них понимает, что нет ничего тайного, что не стало бы явным. Другое дело, что в частном разговоре высокопоставленный офицер мог бросить что-то вроде:

— Убил бы ты этого Березовского! Вот бы пользу стране принес.

Александр Вальтерович Литвиненко родился в Воронеже в декабре 1962 года. Служил во внутренних войсках Министерства внутренних дел, в 1985 году окончил военное училище, получил офицерские погоны. В 1988 году его пригласили в Комитет госбезопасности. Он окончил Высшие курсы военной контрразведки и служил по линии третьего главного управления КГБ.

Литвиненко познакомился с Березовским, когда участвовал в расследовании реальной попытки убить Бориса Абрамовича. В июне 1994 года машину Березовского взорвали, сам он чудом

остался жив. Литвиненко был тогда оперативным уполномоченным управления ФСБ по борьбе с терроризмом. Чуть позже он пришел на помощь Березовскому, которого подозревали в причастности к убийству популярного телеведущего Владислава Листьева. Когда к Березовскому приехали офицеры регионального управления по борьбе с организованной преступностью и требовали, чтобы он поехал с ними, Литвиненко с оружием в руках будто бы сказал:

— Кто подойдет к Березовскому — буду стрелять!

И отвез своего друга в Кремль, где тот отсиделся… Так, во всяком случае, описывал эту историю сам Березовский.

Журналисты полагали тогда, что Литвиненко решил таким образом разделаться с начальством, с которым у него не складывались отношения. Если это так, то рассчитал он все плохо. Действительно, было назначено служебное расследование, нескольких офицеров отстранили от работы. Новый директор ФСБ Владимир Путин расформировал Управление по разработке и пресечению деятельности преступных организаций.

Но Литвиненко пришлось значительно хуже. Главная военная прокуратура заявила, что его обвинения в адрес руководства ФСБ не подтвердились. Зато коллеги на него сильно обиделись, предательство корпоративных интересов на Лубянке не прощают. Его уволили из органов. Теперь уже за него взялась военная прокуратура. Ему припомнили все старые дела. Литвиненко и его приятелей по расформированному седьмому отделу обвинили в том, что они кого-то избили при обыске, на кого-то давили, добиваясь нужных показаний.

Березовский взял Литвиненко в аппарат исполнительного секретариата СНГ советником отдела по вопросам безопасности департамента военного сотрудничества и безопасности. Но это Литвиненко не спасло. В марте 1999 года его арестовала Главная военная прокуратура по обвинению в превышении полномочий с применением насилия при проведении следственных действий. Адвокаты оспорили законность ареста в суде, и в ноябре военный суд признал Литвиненко невиновным. Тогда сотрудники ФСБ арестовали его вновь — прямо в зале суда. Но суд вновь выпустил его под подписку о невыезде. Осенью 2000 года бывший подполковник Литвиненко с семьей покинул Россию и через Турцию перебрался в Англию, где получил политическое убежище… Летом 2002 года его заочно судили в России и приговорили к трем с половиной годам тюремного заключения.

А его товарищ, другой бывший сотрудник ФСБ, Михаил Трепашкин был задержан 22 октября 2003 года. Его обвинили в разглашении государственной тайны. В мае 2004 года

Московский окружной военный суд приговорил его к четырем годам. Он отбывал наказание в Нижнетагильской колонии-поселении № 13 (для бывших сотрудников правоохранительных органов). В 2005 году Трепашкина условно-досрочно освободили, но дома он провел девятнадцать дней. Решение — невиданное дело! — отменили, и его вернули за решетку.

Александр Литвиненко в октябре 2006 года получил британское подданство. С помощью разных журналистов он написал несколько книг — «ФСБ взрывает Россию» (о причастности госбезопасности к взрыву домов в 1999 году), «Лубянская преступная группировка», «Вызываю себя на допрос». Многие утверждения Литвиненко вызывали серьезные сомнения, поскольку не подтверждались фактами, но рисовали чудовищную картину тесного сращивания спецслужб с криминальными структурами.

Отношение к самому Литвиненко и к его словам изменилось после его убийства.

1 ноября 2006 года он встретился в Лондоне с бывшими коллегами по ведомству госбезопасности. Это Андрей Константинович Луговой и Дмитрий Вадимович Ковтун. В тот же день Литвиненко почувствовал себя плохо, и жена положила его в больницу. Его состояние ухудшалось так быстро, что лондонские врачи забеспокоились. Его перевели в университетскую клинику, где предположили, что он отравлен каким-то радиоактивным веществом. Но не удавалось установить само вещество.

Поздней ночью 23 ноября 2006 года он скончался от острой сердечной недостаточности. Только за три часа до смерти удалось обнаружить следы радиоактивного вещества — полония-210. Стала ясна причина смерти. Если бы полоний не нашли, его смерть не была бы признана убийством, не было бы оснований и для возбуждения уголовного дела. Возможно, убийцы на это и рассчитывали.

В предсмертном заявлении Александр Литвиненко прямо обвинил в попытке его убить президента России Путина. Британские следователи подозревают в отравлении Литвиненко Андрея Лугового. Министерство внутренних дел Великобритании просило Российскую генеральную прокуратуру выдать им подозреваемого. В июле 2007 года Генеральная прокуратура отказалась экстрадировать Лугового. В декабре он был избран депутатом Государственной думы по списку партии Владимира Жириновского.

Существует несколько версий убийства Александра Литвиненко. Чаще всего упоминаются две. Первая: он убит Березовским, чтобы навредить Путину и России. Вторая: он убит

российскими спецслужбами, которые хотели отомстить отступнику и предателю.

Версия о причастности Березовского вызывает сомнения. Во-первых, добыть полоний не так просто. Во-вторых, в компетентности британских детективов трудно сомневаться. Если бы выяснилось, что Борис Абрамович причастен к этому преступлению, то он немедленно оказался бы за решеткой.

Версия о причастности российских спецслужб тоже вызывает сомнения. Почему целью стал, скажем, не тот же Березовский, а бывший подполковник Литвиненко? Люди компетентные отвечают, что для спецслужб всегда важнее наказать отступника, чтобы все знали: корпорация предательств не признает. Недаром в советские времена перебежчикам-чекистам всегда выносились заочно смертные приговоры. Другое дело, что привести их в исполнение было сложновато — бывшие чекисты скрывались. А Литвиненко не скрывался…

Опять же следует возражение: почему покарали подполковника Литвиненко, а не, скажем, генерала Олега Калугина, живущего в Соединенных Штатах? На это отвечают, что Калугин — человек из прежних времен, он уже история. А Литвиненко служил на Лубянке совсем недавно, когда директором Федеральной службы безопасности был Путин. Владимиру Путину и нынешнему директору ФСБ Николаю Патрушеву приходилось заниматься делом Литвиненко: его пытались посадить, а он убежал. Недаром в тире, где тренировались офицеры спецназа, вместо мишеней использовали фотографии Литвиненко…

Но все это лишь версии и предположения. Установить истину может только суд. Британские следователи не передадут дело в суд, пока не допросят тех, кого они подозревают в совершении преступления. Российская генеральная прокуратура тоже заявляла, что расследует убийство Литвиненко, ведь он же не был лишен российского гражданства. Пока, однако, общественности никакой информации прокуратура не предоставила.

Сергей Лебедев в газетном интервью сказал:

— Ни Литвиненко к Службе внешней разведки, ни мы к нему абсолютно никакого отношения не имеем. Поэтому все эти слухи, будто разведка его на Запад заслала или, наоборот, отправила на тот свет, — полная ерунда. Есть основания полагать, что Литвиненко убрали в целях совершения политической провокации против России. Внешняя разведка «мокрыми делами» не занимается. Эти подразделения упразднены еще в пятидесятых годах прошлого века.

5 октября 2007 года на встрече глав государств — участников

Союза Независимых Государств в Душанбе в октябре 2007 года генерал армии Сергей Лебедев был назначен секретарем исполкома СНГ вместо Владимира Рушайло. Назначение было неожиданным. Похоже, Лебедеву пришлось освободить место для Фрадкова.

Бывший глава правительства, судя по всему, мог выбрать себе новое место работы, и должность начальника разведки показалась ему самой удачной. Во-первых, директор Службы внешней разведки подчиняется только одному человеку — президенту. Во-вторых, это особая должность, вселяющая уважение. В-третьих, возможно, Михаил Ефимович всю жизнь хотел быть разведчиком.

Михаил Фрадков
Технический директор?

Начальник политической разведки, в отличие от своих коллег, силовых министров, практически незаметен. Но каждое утро он отправляет президенту текущую разведывательную сводку, в течение дня в запечатанных пакетах президент получает срочные сообщения. И раз в неделю начальник разведки приезжает в Кремль, чтобы рассказать Путину, что происходит в мире, как это оценивает разведка и как с ее точки зрения следует поступать в мировых делах.

Разведка работает круглосуточно, эта работа не терпит перерывов. Двадцать четыре часа в сутки в Ясенево нескончаемым потоком поступает информация со всего мира. Ее черпают не только из радиоперехвата и от собственных агентов — они дают самые важные, самые секретные данные. Главный массив информации поступает через средства массовой информации. Офицеры-аналитики, согнувшись над своими письменными столами, обрабатывают все поступающие сведения, пытаются разобраться в происходящем и постоянно обновляют свои оценки ситуации в том или ином регионе.

Директор разведки может попросить справку практически на любую тему и получить ее немедленно. Эффективность этой гигантской машины производит впечатление.

6 октября 2007 года Путин находился в Душанбе, где проходил саммит СНГ, Евразийского экономического сообщества и Организации договора о коллективной безопасности. Путина спросили, кто станет новым руководителем разведки. Он ответил журналистам:

— Что же касается того человека, который займет место директора Службы внешней разведки, то он вам всем хорошо известен. Это Фрадков Михаил Ефимович.

9 октября 2007 года был подписан указ. А 22 октября Путин сам приехал в Ясенево, чтобы представить разведчикам нового директора.

— Уважаемые коллеги! — говорил Путин. — Думаю, что человек, более трех лет руководивший правительством России, в особых рекомендациях не нуждается. За его плечами многолетняя ответственная работа за рубежом, руководящие посты в Совете безопасности. Ранее он еще был министром внешнеэкономических связей, возглавлял налоговую полицию. По роду своей предыдущей деятельности Михаил Ефимович знаком с

результатами работы разведки, лично знает многих представителей из руководящего звена.

Михаил Ефимович Фрадков родился 1 сентября 1950 года в селении Курумоч Красноярского района Куйбышевской области. Его отец руководил геологическим трестом, мать — детским садом. Окончил Московский станко-инструментальный институт с красным дипломом — специальность «инженер-механик».

После института Михаил Фрадков продолжил образование на специальных языковых курсах. Эта строчка в его биографии породила сомнения: а не получал ли он на самом деле подготовку в одном из учебных заведений Комитета госбезопасности? Иначе каким же образом молодой специалист сразу же поехал в длительную заграничную командировку?

В 1973 году Фрадкова отправили в Индию в аппарат экономического советника. Через два года он вернулся и девять лет проработал во всесоюзном объединении «Тяжпромэкспорт» Госкомитета по внешним экономическим связям (ГКЭС), ведал военными контрактами с Индией. В 1978 году поступил на вечернее отделение Академии внешней торговли, что в этой системе способствовало карьере. Постепенно рос в должности — в 1984 году его назначили заместителем начальника главного управления поставок ГКЭС.

В 1988 году ГКЭС упразднили, аппарат госкомитета слили с Минвнешторгом в единое Министерство внешних экономических связей. Фрадков ничего не потерял — ему предложили пост заместителя начальника главного управления координации и регулирования внешних экономических операций. В самый трудный момент, когда рушился Советский Союз и мириады чиновников оставались без дела, Фрадков был отправлен старшим советником в постоянное представительство при Европейском отделении ООН в Женеве. Он представлял нашу страну при организации «Генеральное соглашение о тарифах и торговле» (теперь это Всемирная торговая организация).

В октябре 1992 года его вернули в Москву заместителем министра в российском Министерстве внешних экономических связей, через год стал первым заместителем. Два месяца он поработал под руководством Петра Авена, который ушел в бизнес и руководит Альфа-банком, и девять месяцев под водительством Сергея Глазьева, ушедшего в политику. В 1995 году контрольное управление президента выявило в министерстве большие растраты — высшие чиновники щедро тратили на себя казенные деньги. Всплыло и имя первого заместителя министра — Михаил Фрадков построил особняк на Рублево-Успенском шоссе.

Последствий проверка не имела — Фрадков действительно

получил деньги на строительство из кассы собственного ведомства, но в качестве кредита. Около года, с апреля 1997 по март 1998 года, он был министром. С этого времени он не выпадает из кадровой колоды, или, как раньше бы сказали, из номенклатуры. Министерство внешних экономических связей и торговли было упразднено, а он занял в мае 1998 года кресло председателя совета директоров «Ингосстраха». А в мае 1999 года опять министр — на сей раз торговли.

Через год при реорганизации правительства и это министерство было упразднено. Фрадков потерял пост и неожиданным образом оказался первым заместителем секретаря Совета безопасности России — секретарем был Сергей Борисович Иванов. Свободное время использовал разумно — защитил в Академии внешней торговли диссертацию и получил ученую степень кандидата экономических наук.

На следующий год Фрадков возглавил Федеральную службу налоговой полиции. Это при нем родился знаменитый лозунг: «Заплати налоги — и спи спокойно». Когда налоговое ведомство в марте 2003 года было расформировано, он вновь отправился за границу — постоянным представителем России при Европейском союзе (в ранге министра). Так что Фрадков, наверное, рекордемен — он трижды возглавлял ведомства, которые оказывались ненужными и прекращали свое существование.

Возможно, поэтому таким неожиданным было его возвращение в Москву 1 марта 2004 года главой правительства. 5 марта Государственная дума утвердила его председателем Совета министров. Столь же неожиданно, как он возглавил правительство, так и перестал быть премьер-министром. 2 сентября 2007 года Путин отправил его в отставку.

Месяц Фрадков отдыхал, а в октябре приступил к работе в Ясеневе. Михаил Ефимович занял кабинет № 2131 на третьем этаже здания внешней разведки, который до него занимали шесть человек — Мортин, Крючков, Шебаршин, Примаков, Трубников и Лебедев.

Фрадков человек крайне осторожный, корректный, спокойный. Пока он руководил правительством, его неизменно называли «техническим премьером», имея в виду, что он не слишком самостоятелен, а лишь исполняет указания Кремля. Теперь предстоит понять, будет ли он «техническим директором» разведки, или же эта волнующая работа захватит и Михаила Ефимовича.

В разведывательном городке Ясенево перед главным зданием устроена гигантская парковка — только для своих: для служебных автомобилей и для машин сотрудников Службы внешней

разведки. Тех, кого не возят на служебном лимузине и кто не обзавелся собственным авто, доставляют на работу в специальных автобусах. Каждое утро с понедельника по пятницу в разных концах города стоят неприметные автобусы. Они ждут своих пассажиров — всегда одних и тех же.

А вот если опоздал на автобус, тогда плохо. Можно, конечно, примчаться на такси, но тогда от первой проходной придется долго идти пешком. Вечером автобусы развозят сотрудников по домам. Рабочий день заканчивается в шесть часов. Если немного задержался, то не беда — автобусы отходят по расписанию каждые полчаса.

Засиживаться после шести часов по собственной инициативе не принято. Приехать в выходной поработать можно только по специальному разрешению. И нужно внятно объяснить, зачем тебе понадобилось являться на службу в неурочное время. Желание побыть в кабинете в одиночестве вызовет скорее подозрения: не агент ли ты иностранной разведки? И не собираешься ли в одиночестве фотографировать секретные документы российской разведки?

Другое дело, если задерживается начальник. Тогда некоторому числу офицеров — в зависимости от темперамента шефа — придется остаться, чтобы ему помочь.

При входе в разведгородок надо показать именную карточку-пропуск с фотографией и личным номером. Карточка снабжена несколькими степенями защиты от подделки. Охранник берет пропуск в руки, очень внимательно рассматривает его, придирчиво сравнивает фотографию с оригиналом. Но внутри комплекса проход везде свободный. Нет дополнительного поста охраны и у кабинета директора. Но его секретари-офицеры, никогда не покидающие приемной, гарантируют безопасность и самого директора, и находящихся в его кабинете секретных документов. Впрочем, за всю историю разведки физическая опасность ее начальнику никогда не грозила.

Только в шифровальных подразделениях бронированные двери всегда закрыты; чтобы войти, надо знать код допуска. Но в эти комнаты чужие и не ходят. Им там просто нечего делать. И в переходе к поликлинике (в Ясеневе своя медицина) есть охрана. Чтобы наведаться к врачу и вернуться на работу, тоже надо показать пропуск. Это сделано для того, чтобы врачи, сотрудники поликлиники, не могли войти в основное здание разведки. В Ясеневе есть и своя парикмахерская, и кинозал. В советские времена показывали хорошие иностранные фильмы, запретные для других, и еще не все ходили смотреть, домой торопились…

Определенные ограничения существуют во всех разведках.

Только недавно руководитель Федеральной разведывательной службы (Германия) убрал прежнюю вывеску, на которой было написано «Управление государственного имущества. Специальное управление». Он велел установить реальную вывеску и пригласил на эту церемонию журналистов.

Каждое утро сотрудников немецкой разведки забирают специальные автобусы, которые замаскированы под рейсовые, но они останавливаются в нескольких метрах от остановок, чтобы не сел никто чужой. Впрочем, соблюсти конспирацию трудновато, если каждое утро, в 7.45, у условленного места собираются толпы одинаково одетых в плащи людей. В Федеральной разведывательной службе сотрудник не имеет права упоминать свое настоящее имя. Когда он поступает на службу, ему дают псевдоним. Поскольку ведомство до недавнего времени находилось в Пуллахе, под Мюнхеном, то псевдонимы брали из телефонной книги Мюнхена. Был год, когда всем новичкам давали итальянские имена. На работе коллеги должны называть друг друга рабочими именами. Такой порядок завел еще основатель западногерманской разведки бывший генерал-майор вермахта Райнхард Гелен, который пользовался именем «доктор Шнайдер».

Более того, сотрудников первого отдела (оперативная разведка) просят без служебной необходимости не встречаться с сотрудниками третьего отдела (анализ)… Существует еще одно правило, которое распространяется на членов семьи сотрудника разведки: они не должны поддерживать личные отношения с коллегами. Нарушения караются.

Сотрудник отдела по борьбе с терроризмом был на рабочем задании неподалеку от баварской пивоварни. Он попросил жену забрать его после работы. За это его вызвали к начальству: жена видела его коллег, вместе с которыми он выполнял свое задание. В качестве наказания его перевели в сектор по работе с открытыми материалами — там подшивают старые газеты. Для оперативного сотрудника немецкой разведки это равнозначно ссылке в Сибирь… Иначе говоря, в определенном смысле нравы во всех разведывательных службах одинаковы.

Утро в российской разведке начинается самым тривиальным образом — с чтения газет. Вместе с газетами разносят и внутренние информационные сводки — они предназначены не только для начальства. В сводках перечислены важнейшие события в мире, оценена оперативная обстановка. Коллеги из Федеральной службы безопасности присылают свои информационные бюллетени, вполне откровенные, но ничего особенного, экстраординарного в них нет, рассказывали мне

разведчики. Разве что в бюллетень могут быть включены какие-то осмысленные справочные данные — например, обозначены настроения в радикальных организациях.

Потом начинается собственно работа — приносят шифротелеграммы. В шифровках содержится ежедневная информация от резидентур. Самое важное — это сообщения о встречах с агентами. До распада Советского Союза еще более важными, чем даже встречи с агентами, считались операции по передаче денег руководителям зарубежных компартий. Тогда разыгрывались целые спектакли.

Приходила телеграмма от резидента: «первый» (руководитель компартии) или «соратник» (то есть второй секретарь) на встрече там-то при соблюдении мер предосторожности сказал, что выпуск партийной газеты будет иметь большое значение для успеха на выборах. Полагаем целесообразным поддержать просьбу «первого» о выдаче друзьям такой-то суммы на выпуск газеты… Ни имя «первого», ни страна, ни название партийной газеты во внутренних документах разведки никогда не указывались. А в ЦК докладную писали открытым текстом. То есть секретили только от себя самих…

За каждую шифротелеграмму офицер расписывается. На бегунке, который приложен к телеграмме, отражено все движение документа. Всегда можно выяснить, кто этот документ читал, где он находится в данный момент и у кого именно. Нужную бумагу находят мгновенно. Архивы в разведке хорошо организованы, и обращаться к ним приходится постоянно. Скажем, в одной из стран резидентура вышла на интересного американца. Открывается перспектива вербовочного подхода, и резидентура просит посмотреть, не проходил ли он по учетам разведки. Одного из молодых офицеров посылают в архив. Раньше это были толстенные папки и фолианты, которые выдавали под расписку. Выносить их из архива запрещено, надо читать на месте. Теперь архив компьютеризован.

Знакомство с архивом всегда полезно. Офицеры разведки рассказывают:

— Иногда поручение проверить чью-то фамилию кажется нелепым — ну каким образом его фамилия могла попасть в наши досье? Начинаешь смотреть — вот по этому делу проходил и по этому, значит, что-то можно о нем узнать. И составить рекомендации резидентуре, как к нему подойти.

Или выходит наш человек в Вашингтоне на американца, который, как выясняется из архивных дел, несколько лет назад случайно разговаривал с российским оперативным работником в третьей стране, жаловался тогда на плохое зрение и что на

операцию он себе вряд ли заработает. Уже интересно: резидентуре дается поручение выяснить его материальное положение, состояние здоровья — вылечил глаза или нет, нужны ему контактные линзы? Или, может быть, операция поможет? Можно его пригласить к нам в страну сделать операцию в клинике за счет разведки…

Нравы в Ясеневе вполне демократичные. Все называют друг друга по имени-отчеству, стараются быть любезными. Если входит начальник, офицер старший по званию, полагается встать. Если заходит равный по званию, можно остаться на месте.

Попасть на прием к директору Службы внешней разведки очень трудно. Многие разведчики, прослужив всю жизнь и дослужившись, скажем, до полковника, ни разу не были в кабинете своего высшего руководителя. Но при желании каждый сотрудник разведки может ежедневно видеть директора в столовой. В Ясеневе столовая огромная, светлая, современная, с красивыми шторами. Обедать и начальство, и подчиненные идут вместе. В столовой два зала — для начальства и для всех остальных. Еда одна и та же. Разница состоит в том, что начальству еду приносит официантка.

Кормят в Ясеневе, как меня уверяли, сравнительно дешево, но не очень вкусно. Причина простая: тяжело найти хороший обслуживающий персонал, поваров. Строгий пропускной режим не очень нравится. И воровать в Ясеневе трудно. Обеденный перерыв с двенадцати до трех, но военной дисциплины нет — обедай, когда хочешь. Самые толковые сначала идут в бассейн, а уже потом обедают. А еще есть буфеты на разных этажах. Да и на рабочем месте можно чаю с булочкой выпить — не возбраняется. Только, как во всяком казенном учреждении, по коридорам бродят скучающие пожарные, так что чайники надо прятать. Зато в Ясеневе, как в чисто мужском заведении, можно курить в комнатах, чтобы не тратить время на перекуры.

Ветераны разведки, которые успели поработать еще на Лубянке, когда существовал единый Комитет госбезопасности, с удовольствием говорят, что в Ясеневе атмосфера спокойная, доброжелательная, в коридорах люди здороваются друг с другом. А на Лубянке, когда разведка там находилась, было строго. Люди ходили чопорные, сумрачные, не разговаривали друг с другом. Там, правда, помимо разведчиков, сидели и второй главк (контрразведчики), и пограничники, так что шансов встретить в коридоре знакомого там было мало. Разговоры о служебных делах в столовой или в коридоре исключены. Говорят о футболе или погоде. Или, что значительно чаще, — о зарплате.

Конечно, с одной стороны, теперь в Службе внешней разведки

больше генералов, чем было во всем КГБ. А с другой, полковник, начальник направления, до кризиса 17 августа 1998 года получал всего пятьсот долларов. После кризиса зарплата по покупательной стоимости уполовинилась. При Путине оклады увеличили. Но разведчиков по-прежнему спасают заграничные командировки. Зарплата имеет немалое значение, когда речь идет о привлечении молодежи.

Скажем, ЦРУ ищет молодежь открыто — через Интернет, публикует рекламу в газетах и журналах, обещая уникальную международную карьеру. В начале девяностых аппарат американской разведки сократился на двадцать процентов. Но уже в 1995 году начался новый набор. Каждый год отдел кадров ЦРУ получает несколько десятков тысяч заявлений с просьбой принять на работу. Хотя зарплата начинающего разведчика по американским меркам невелика — от тридцати пяти до пятидесяти тысяч долларов в год.

Требования — интерес к международным делам, знание иностранных языков, особенно когда речь идет о работе в таких регионах, как Россия, Китай, Ближний Восток, корейский полуостров, умение добывать информацию и быстрая реакция в тех случаях, когда сталкиваешься с неприятными неожиданностями.

Для оперативной работы ищут людей в возрасте до тридцати лет. Важнейшее качество — это коммуникабельность. Разведчику предстоит располагать к себе людей, чтобы можно было выуживать из них нужную информацию. Верность — другой ключевой фактор в отборе кандидатов. Новички проходят проверку на полиграфе (детекторе лжи), им устраивают психологические тесты, их прошлое тщательно изучается. Этим людям предстоит вести двойную жизнь. Они не смогут сказать, где они работают, они будут выдавать себя за совершенно других людей. То есть они лишаются права говорить правду, но с ЦРУ они должны быть абсолютно правдивы. Им объясняют, что говорить друзьям, соседям. Жены (или мужья) обычно знают, чем занят супруг. А детям скажут только тогда, когда они будут достаточно взрослыми, чтобы уметь хранить секреты. Не говорят даже родителям, чтобы они случайно в приливе гордости за сына не обмолвились, чем он занимается.

Разведка становится технологичной — в том смысле, что ее интересует не только политика, поэтому часто берут на работу людей с техническим образованием. Им проще беседовать с завербованными инженерами, они разбираются в секретах, которые им предстоит украсть. Состав работников ЦРУ резко изменился. Десять лет назад это были почти только мужчины с

белым цветом кожи. Теперь нужны люди, которые могут сойти за своих в разных районах мира. Берут женщин, афроамериканцев и американцев азиатского происхождения. Вербуют молодежь в Чикаго и Детройте, где много выходцев из Центральной Европы.

Считалось, что женщины бесполезны в некоторых странах, где нет практического равноправия женщин, что в этих странах женщины не смогут завязать контакты с высокопоставленными чиновниками. Оказалось, что это не так. Женщины, работающие в ЦРУ, подали несколько судебных исков, обвиняя начальство в том, что то мешает их продвижению только потому, что они женщины…

Разведчики пребывают в уверенности, что они заранее обо всем предупреждают политиков, но политики не способны воспользоваться тем кладом, каким является разведывательная информация. А многие профессиональные политики достаточно пренебрежительно относятся к разведывательной информации, считая, что в принятии важнейших политических решений разведка помочь не может.

Люди, далекие от вершин власти, часто с мистическим уважением относятся к документам, помеченным пугающими грифами «совершенно секретно». Считают, что в шифровках разведки таится высшая мудрость. Уверены, что если бы они получили доступ к разведывательным сводкам, то им открылись бы все тайны мира. Знающие люди куда более скептичны.

Вадим Александрович Печенев, бывший помощник генерального секретаря ЦК КПСС, а в российские времена сотрудник президентской администрации, рассказывал:

— Если бы знали любознательные от природы люди, сколько уникальной «секретной» литературы и прочих материалов я вернул, не читая, а то и перемолол, не заглядывая в них, в спецмашинах, сколько «сверхсекретных» (в кавычках и без) бумаг, телеграмм, депеш, так называемых шифровок с грифами политбюро, КГБ, ГРУ я списал не читая!..

Если бы он и читал все эти шифровки и прочие секретные донесения, считает Вадим Печенев, то все равно вряд ли это помогло ему в понимании истинных движущих мотивов политики.

Сотрудники разведки и в советские времена не носили форму с синими петлицами, не щелкали каблуками и не обращались друг к другу по званию, но воинская система отношений наложила свой отпечаток и на разведку. Она исключает дискуссии и сомнения относительно приказов начальника. Разумный начальник, естественно, поощрял споры. Не очень умный запрещал. Это мешало исполнению главной задачи —

снабжать политическое руководство страны объективной и осмысленной информацией о происходящем в мире.

Любимая среди военных команда «Не рассуждать!» в разведке не поощрялась, но многие резиденты отправляли в Центр только такие донесения, которые там хотели видеть. Если кто-то из офицеров не разделял мнение резидента, он не имел возможности сообщить об этом в Москву. Отправить шифротелеграмму в Центр может только резидент.

Не согласный с резидентом офицер должен был ждать отпуска, чтобы, вернувшись домой, попроситься на прием к начальству. И этот офицер рисковал многим, вступая в спор с резидентом, потому что жалобы на начальство не поощрялись. Знаю несколько случаев, когда поссорившихся с резидентом офицеров разведки, даже если фактически они были правы, раньше времени возвращали в Москву и назначали с понижением на второстепенный участок работы или вовсе переводили в разряд офицеров кадрового резерва.

Если же резидент не желал держать нос по ветру и отправлял в Центр реалистические телеграммы, это тоже не имело особого успеха. Переходя от одного начальника к другому, информация о реальном положении дел превращалась в свою противоположность. Донесения разведки не должны были расходиться с той картиной мира, которую рисовали себе в Кремле.

Крупнейшие провалы советской внешней политики, скажем ввод войск в Афганистан, объяснялись и этой порочной практикой первого главка КГБ. Работавшие в Кабуле разведчики утверждают, что они сообщали в Москву все, как было, но в Центре их донесения переписывались и смягчались.

Десятилетиями разведывательный аппарат в Восточной Германии докладывал в Москву о всяких пустяках, о мелких интригах внутри политбюро ЦК СЕПГ. Например, наши разведчики узнали, что генеральному секретарю ЦК СЕПГ Эриху Хонеккеру во время операции дважды давали наркоз, что, по мнению специалистов, не могло остаться без последствий для его умственных способностей…

Не было такой сферы жизни ГДР, которая осталась бы вне внимания советской разведки. Помимо представительства КГБ, в Восточной Германии работала резидентура Главного разведывательного управления Генерального штаба, разведывательное управление штаба Группы войск в Германии, управление особых отделов Группы войск.

Но советская разведка, обладавшая в Восточной Германии всеми оперативными возможностями, не смогла предсказать

скорый крах ГДР. В критический период, когда социалистическая Германия разрушалась на глазах, каждый день в шесть утра по аппарату ВЧ-связи берлинская резидентура докладывала в Москву ситуацию. Но попытки прогноза всякий раз оказывались безуспешными.

О том, что ближайшего союзника ждет неминуемая катастрофа, разведчики своему президенту не сказали. Не потому, что хотели утаить, — сами не знали. Зато снабжали руководство страны массой ненужной информации, которая только самой разведке казалась важной.

Влияют ли настроения аппарата разведки на ту информацию и оценки, которые служба дает президенту? Это вопрос риторический. Некоторые дипломаты говорили, что разведка рисует окружающий мир в искаженном свете, пугает президента сообщениями о том, что страна со всех сторон окружена врагами. Но этих дипломатов давно убрали с государственной службы…

Большая часть аппарата разведки, условно говоря, состоит из консерваторов.

Во-первых, консерватизм разведки естественен — это все-таки военизированная среда.

Во-вторых, разведчики многое потеряли в результате перемен в стране. Они утратили привилегированное положение, которое в советские времена гарантировало выезд за границу и почтительное отношение окружающих.

В-третьих, даже очень разумные люди, давно разочаровавшиеся в советской системе, ненавидят сближение с Западом и говорят о национально ориентированной политике. Они все равно не любят американцев.

Для них партнерство с Западом и либеральные реформы в экономике в лучшем случае — глупость, в худшем — сознательное стремление разрушить страну. Они никогда не верили, что Запад и особенно Соединенные Штаты способны быть союзниками России и искренне желать ей добра.

Либералов в разведке меньшинство. Эти люди осторожны в высказывании своих политических взглядов, потому что единомышленников у них здесь немного. Остальные разведчики в той или иной степени недовольны были тем, что происходило в стране в ельцинские времена. Причем это свойственно не только ветеранам. И молодые люди со значением говорили:

— Подождите, еще все вернется, как было.

Они воспрянули духом при Владимире Путине, и действительно, за годы его президентства положение разведчиков улучшилось, и роль разведки стала возрастать.

Часть вторая
Шпионские игры со смертельным исходом

Судьба шпиона
Пуля и петля

На Западе самую знаменитую шпионку времен Первой мировой войны расстреляли. На Востоке самого знаменитого шпиона повесили.

Танцовщица Мата Хари, обвиненная в работе на германскую разведку, после вынесения смертного приговора провела в тюрьме еще три месяца, пока правительство Франции не отвергло просьбу ее родной Голландии о помиловании.

Бывшего жандармского полковника Сергея Николаевича Мясоедова за два года до Мата Хари признали виновным в шпионаже и мародерстве. Смертный приговор, вынесенный в Варшаве военно-полевым судом, подлежал утверждению Верховным командованием, но Мясоедова распорядились повесить через два часа после вынесения приговора. Он даже не получил возможности подать прошение о помиловании.

«Мне сообщили, — вспоминал директор департамента полиции Алексей Тихонович Васильев, — что Мясоедов в отчаянии пытался совершить самоубийство, вскрыв себе вены обломком металлической оправы для очков. Попытка была своевременно обнаружена, и до самой казни несчастный находился под постоянным наблюдением тюремщика».

Дело было так. В туалетной комнате, оставшись один, Мясоедов сломал пенсне и попытался перерезать себе сонную артерию. Не хотел быть повешенным — это позор для офицера.

«Мы на руках отнесли его в камеру № 3, — докладывал смотритель Александровского равелина, — где врачом и дежурным по местному лазарету Мясоедову была оказана медицинская помощь…

После оказания помощи и совершения таинств исповеди и причастия приговор над Мясоедовым был приведен в исполнение».

Накануне казни Мата Хари дали снотворное, о чем она не подозревала. Ранним утром 15 октября 1917 года ее с трудом растолкали. Тюремный врач спросил: нет ли у нее оснований полагать, что она находится в положении? Французское уголовное законодательство разрешало казнить беременных женщин только после рождения ребенка.

Мата Хари ответила отрицательно, к этому моменту она провела в тюрьме уже восемь месяцев. Тогда ей объявили, что смертный приговор будет немедленно приведен в исполнение.

Расстрельную команду составили двенадцать солдат-зуавов на полигоне военного лагеря в Венсенском лесу. Она не захотела, чтобы ей завязали глаза. Военный врач подошел и выстрелил в мертвое тело. У нас это называется контрольным выстрелом, во Франции «выстрелом милосердия». Результат один. И вот главный вопрос, который не дает покоя историкам вот уже столько десятилетий: действительно ли эти знаменитые шпионы виновны? Или же они стали жертвой чьей-то злой воли и психоза, который в войну охватывает любое общество?

В начале 1915 года российская армия ощутила нехватку снарядов и патронов. Предвоенные нормы расхода боеприпасов оказались далеки от реальности великой войны. Да и никто не ожидал столь продолжительных боевых действий, думали, что за полгода все закончится. Неподготовленность к войне влекла за собой неудачи армии.

«В обществе только и было разговоров, что о влиянии темных сил, — писал председатель Государственной думы Михаил Владимирович Родзянко. — Определенно и открыто говорилось, что от этих «темных сил», действующих через Распутина, зависят все назначения как министров, так и должностных лиц… Роковое слово «измена» сначала шепотом, тайно, а потом явно и громко пронеслось над страной».

«Ходили чудовищные слухи об измене генералов, — вспоминал певец Александр Вертинский, — о гибели безоружных, полуголых солдат, о поставках армии гнилого товара, о взятках интендантов. Страна дрожала как от озноба, сжигаемая внутренним огнем».

Верховное командование возложило вину на генерала Владимира Александровича Сухомлинова, который за пять лет до войны стал военным министром. Императрица Александра Федоровна написала мужу: «Ярость офицеров против Сухомлинова безмерна. Они ненавидят самое его имя и жаждут, чтобы его прогнали. Это авантюристка жена совершенно разрушила его репутацию. Он страдает из-за ее взяточничества. Говорят, что это его вина, что нет снарядов».

О своем увольнении военный министр Сухомлинов узнал из письма императора Николая II, доставленного фельдъегерем: «После долгого раздумывания я пришел к заключению, что интересы России и армии требуют в настоящее время вашего ухода… Беспристрастная история вынесет свой приговор, более снисходительный, нежели осуждение современников».

Сухомлинов считал, что стал жертвой интриг Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, с которым не ладил. Министр вообще считал, что обилие великих

князей, занимающих высшие посты в вооруженных силах, только мешает фронту: «Стратегические эксперименты великого князя стоили нам трех армий, но господа взяли на себя труд все несчастие объяснить недостатком боевого снабжения. Этого обвинения было достаточно для того, чтобы убедить государя в необходимости меня уволить, но боевую славу великого князя спасти этим не удалось».

Николай II убрал в августе 1915 года великого князя с поста Верховного главнокомандующего, принял на себя руководство вооруженными силами. Но это известие не обрадовало бывшего военного министра. Против Сухомлинова уже возбудили уголовное дело. На него возложили вину не только за неподготовленность армии к войне. Бывшего министра подозревали в государственной измене.

«Ведущий это дело судья однажды с триумфом показал мне письмо, которое он охарактеризовал как «убедительное доказательство» вины Сухомлинова, — вспоминал директор департамента полиции Васильев. — Это было адресованное жене военного министра письмо из Карлсбада, написанное австрийским купцом Александром Альтшиллером. Альтшиллер писал, что в Карлсбаде идет дождь, дороги ужасные, и поэтому о долгих прогулках не может идти речи. Когда я изумленно спросил судью, каким образом такое письмо может служить доказательством вины Сухомлинова, он отвечал, что эти слова имеют скрытый смысл, дождь и плохие дороги означают что-то совсем иное…»

Но общественному мнению и не надо было ничего доказывать. Имя бывшего военного министра было тесно связано с именем уже повешенного полковника Мясоедова.

Сергей Николаевич Мясоедов окончил Московский кадетский корпус, служил в Оренбургском пехотном полку. Семейные связи помогли ему перейти в отдельный корпус жандармов. Он стал начальником Вержболовского жандармского отделения. Вержболово — это город в Сувалкской губернии (ныне территория Литвы) и железнодорожная станция — на границе с Германией.

Мясоедова подозревали в том, что он покрывал контрабандистов и на этом неплохо зарабатывал. Тогдашний директор департамента полиции Максимилиан Иванович Трусевич поручил корнету Пономареву проверить эти сведения. Ничего компрометирующего корнет не обнаружил. Тогда решили доказать, что Мясоедов плохо работает.

Корнет Пономарев заплатил контрабандистам за перевозку через границу оружия, взрывчатки и революционных

прокламаций, которые сам же им дал. На границе все были предупреждены, и контрабандистов задержали. Но на суде выступил сам Мясоедов и объяснил, что это чистой воды провокация.

«Когда полковник Мясоедов, — вспоминал товарищ министра внутренних дел и командир корпуса жандармов генерал Павел Григорьевич Курлов, — давал в суде показания по делам о контрабандном провозе оружия чинами пограничной стражи, он допустил некорректный отзыв о своем товарище по корпусу жандармов корнете Пономареве».

Разоблачив провокацию корнета, Мясоедов спасал себя, однако в департаменте полиции это сочли предательством. Начальник департамента Трусевич пожаловался председателю правительства Петру Аркадьевичу Столыпину. Тот распорядился: «Перевести полковника Мясоедова на равную должность не ближе меридиана Урала».

Полковник Мясоедов подал рапорт об отставке. Казалось, карьера закончилась. Но на водах в Карлсбаде он через жену познакомился с Сухомлиновым. А военный министр как раз искал опытного человека, который взял бы на себя наблюдение за благонадежностью офицеров и распространение революционной пропаганды в армии.

Распоряжением императора 27 сентября 1911 года Мясоедова вернули в отдельный корпус жандармов. А через неделю Сухомлинов попросил командира корпуса генерала Курлова прикомандировать Мясоедова к Военному министерству. Но его служба оказалась недолгой.

13 апреля 1912 года одна из газет крупного издателя Бориса Алексеевича Суворина опубликовала сенсационную статью, в которой говорилось, что крупный чин контрразведки — на самом деле австрийский шпион. Через несколько дней видный депутат Государственной думы Александр Иванович Гучков назвал имя: за пять месяцев работы полковника Мясоедова в Военном министерстве «соседняя держава стала значительно осведомленнее в наших военных делах, чем раньше». Это было обвинение в измене.

«Хотя Гучков и имел дерзость заявить, что в его распоряжении находятся неоспоримые доказательства этого преступления, — негодовал жандармский генерал Павел Курлов, — но их никто не видел, а произведенное главным военным прокурором расследование решительно никаких улик против полковника Мясоедова не дало. Тем не менее военный министр удалил его от себя».

17 апреля 1912 года полковник Мясоедов ушел в отставку.

Появившись на ипподроме, он вызвал Бориса Суворина на дуэль. Издатель отказался и прилюдно получил пощечину. Гучков вызов принял. 20 апреля 1912 года дуэль состоялась. Близорукий Мясоедов (он носил пенсне) промахнулся, Гучков благородно выстрелил в воздух. Александр Иванович отлично стрелял, но, выходит, не пожелал покончить с австрийским шпионом?

Когда началась Первая мировая, полковник Мясоедов хотел вернуться на службу, чтобы «пожертвовать жизнью в действующей армии, а детям оставить доброе имя». Его не брали. Он обратился к военному министру, который его хорошо знал. Сухомлинов ответил крайне дипломатично: «Уведомляю, что против вашего поступления на действительную военную службу лично я ничего не имею. Вам же надлежит подавать прошение в установленном порядке».

Мясоедов подал прошение в штаб 10-й армии, которая воевала в местах, где он служил в бытность жандармом. Давние покровители, вроде жандармского генерала Курлова, замолвили за него словечко. Полковника взяли на должность переводчика, имея в виду использовать по линии военной разведки.

Но 17 декабря 1914 года в Петроград из Швеции прибыл подпоручик 23-го Низовского полка Я.П. Колаковский. Он попал в плен к немцам в самом начале войны. В Петрограде он признался, что его освободили, когда он пообещал работать на немецкую разведку.

«Подпоручик Колаковский, — вспоминал бывший министр Сухомлинов, — заявил, что немцы его отпустили с условием организовать убийство великого князя Николая Николаевича и уничтожение мостов на Висле у Варшавы. Тут и возникло имя Мясоедова».

О Мясоедове подпоручик вспомнил только на третьем допросе: будто отправлявший его немецкий офицер «советовал обратиться в Петрограде к отставному жандармскому полковнику Мясоедову, у которого можно узнать много ценных для немцев сведений».

«Поручик Колаковский, — вспоминал Сухомлинов, — впоследствии сознался, что о покушении на великого князя он сочинил, чтобы обратить на себя больше внимания. А откуда возник Мясоедов? Будучи в военном училище, он читал о дуэли Мясоедова с Гучковым».

Шпиономания, как чума, катилась по всей России. Контрразведчики то и дело раскрывали вражеские заговоры. А полковник Мясоедов и так воспринимался как враг. Арестовали его 18 февраля 1915 года. Через месяц, 18 марта 1915 года, он признан виновным в шпионаже и мародерстве и приговорен к

повешению.

«Верховное командование, — писали тогдашние газеты, — желая снять с себя вину за отступление нашей армии, решает объяснить это отступление существованием обширной шпионской организации. Набираются с бору да с сосенки различные обвиняемые, из которых многие никогда и не видели Мясоедова. Верховный главнокомандующий незаконно приказывает передать дело особо образованному военно-полевому суду, который троих обвиняемых приговаривает к смертной казни, еще троих к каторге, а остальных восемь человек оправдывает, в том числе Мясоедова».

И тогда великий князь Николай Николаевич отдает новый неслыханный приказ: считать приговор утвержденным только относительно казненных, а всех остальных, в том числе признанных невиновными, вновь судить.

Новый суд приговорил Мясоедова к смертной казни. Через два часа после вынесения приговора он уже болтался на виселице.

Через год после его казни настала очередь генерала Сухомлинова. Бывшего министра и его третью жену Екатерину Викторовну обвинили в государственной измене и отправили в Петропавловскую крепость. Но им повезло. Следствие затянулось, и их спасла революция.

Жену бывшего министра вообще оправдали. Сухомлинова при Временном правительстве приговорили к бессрочной каторге. Но большевики амнистировали всех, кому исполнилось семьдесят лет, и 1 мая 1918 года бывшего министра освободили.

Мата Хари не повезло. Во Франции революции не случилось.

Последняя пара мужских рук, коснувшихся ее тела, уже не была в состоянии доставить ей удовольствие. Мужчина, который раздевал ее в последний раз, был полон ненависти и презрения к этой женщине. В холодной прозекторской торжествовала месть.

Прозектор — врач наоборот, признаки болезней и патологий его вовсе не огорчают. Прозектор французской тюрьмы Сен-Лазар с мрачным удовлетворением составлял перечень дефектов тела, которого недавно вожделела вся Европа и которое теперь покоилось на анатомическом столе. Ему открылось то, что предназначалось только интимным друзьям, и он удовлетворенно диктовал: «Большие, как яйца, глаза навыкате. Плоский нос. Огромный, почти до ушей, рот. Зубы, похожие на могильные плиты. Исключительно маленькая грудь с сильно выцветшими и недоразвитыми сосками». И прозектор добавил от себя: «Следовательно, она совсем не была заинтересована в том, чтобы демонстрировать свою грудь».

Он рассекал мертвое тело скальпелем, зажатым в брезгливых руках, и не мог понять: ну что они все в ней нашли?

И в самом деле, что они все нашли в этой Мата Хари, о которой пишут и говорят вот уже почти целое столетие? Суд над ней длится много дольше, чем продолжалась ее собственная жизнь.

25 июля 1917 года французский военный суд признал Маргарету Гертруду Целле, уроженку Голландии, танцовщицу, называвшую себя Мата Хари, виновной в том, что она «передавала Германии, враждебному государству, документы и материалы, способные нанести ущерб операциям французской армии».

Приговор соответствовал законам военного времени: смертная казнь. Она была уверена в том, что ее не только не казнят, но и в самом скором времени освободят. Она вовсе не считала себя преступницей. Мата Хари умерла, так и не поняв, что, собственно, с ней произошло.

Мата Хари вошла в историю как шпионка номер один. Ее имя стало нарицательным. Но многие серьезные историки и разведчики-профессионалы сомневаются: был ли приговор французского суда окончательным и не подлежит ли он отмене?

Несколько десятилетий после расстрела Мата Хари считалась воплощением зла и бесстыдства. Ее рисовали коварной, некрасивой, жадной и гнусной проституткой, бестией столетия.

Ее английский биограф писал в тридцатых годах: «Вряд ли какой-либо европейской столице удалось избежать ее опасного присутствия. Ее скользкое, гибкое тело переползало из одного города в другой, везде оставляя следы коварства и предательства».

Французский обвинитель на процессе лейтенант Морне говорил:

— Даже трудно представить, сколько зла причинила эта женщина, несущая ответственность за гибель пятидесяти тысяч французских солдат.

Следователь, который вел ее дело, писал впоследствии: «По-кошачьи гибкая и фальшивая, привыкшая развлекаться за счет других, беззастенчивая, она заманивала мужчин своим телом, проглатывала их состояния, а потом разбивала их сердца. Страдания, которые когда-то причинил ей муж, заставили ее мстить всем мужчинам».

С годами Мата Хари утратила свои дьявольские черты и воспринимается скорее как несчастная жертва обстоятельств. Новейшие изыскания превращают историю ее жизни в завораживающую мелодраму: свободная, талантливая, эмансипированная женщина приносится в жертву мужскому

шовинизму. Историки, писатели и сценаристы словно решили вознаградить ее за оскорбления прошлых десятилетий. У Мата Хари сейчас много больше поклонников, чем при жизни.

«Она одна из наиболее интересных личностей XX века. И во всяком случае, она самая загадочная женщина столетия. Никем не восхищались так, как ею», — утверждает голландец Сэм Ваагенаар, который посвятил ей всю свою жизнь.

После пятидесяти лет, отданных Мата Хари, он пришел к выводу, что суд над ней был неправедным. По мнению голландского исследователя, она «действительно согласилась шпионить и для немцев, и для французов. Однако это не сделало из нее шпионку, так же как мое утверждение о том, что я способен сколотить стол, не делает меня столяром. Она брала деньги у немцев, но она всю жизнь брала деньги у мужчин. В обмен она не давала никакой информации».

Известный французский историк опубликовал книгу, в которой он обратил внимание на то, что среди поклонников Мата Хари был двадцатилетний капитан российской армии Вадим Маслов. Он пострадал во время газовой атаки и ослеп на один глаз. Они вместе отдыхали на курорте в Виттеле. Она хранила его фотографию, написав на оборотной стороне: «Вадим, которого я люблю больше всех на земле».

По одной из версий, Мата Хари и согласилась работать на разведку для того, чтобы сколотить денег для свадьбы с русским. Она объяснила французским контрразведчикам, что ей нужен миллион франков. На суд над ней капитан Маслов даже не явился.

Современные историки полагают, что Мата Хари стала жертвой фальсифицированных документов, искусно подтасованных французскими псевдопатриотами.

Она родилась в городе Левардене. Ее отец был шляпником, страдавшим манией величия (дурная наследственность) и быстро разорившимся. Ее мать развелась с мужем-неудачником, но немногое успела сделать для дочери, потому что рано умерла.

Будущая Мата Хари с детства привыкла вызывать удивление и восхищение. Она готовилась стать воспитательницей в детском саду, но не смогла завершить образование, потому что в нее влюбился директор училища. Это был первый в ее жизни скандал из-за мужского внимания.

Когда восемнадцатилетнюю Гертруду в воспитательных целях отправили в другой город, она откликнулась на брачное объявление офицера колониальных войск Рудольфа Маклеода, человека с твердым характером. Ее муж был совершенно лысым и на двадцать лет ее старше, но он носил военную форму, и этого

оказалось достаточно.

— Я люблю офицеров, — скажет она много позже французскому следователю, который вел ее дело. — Я всю жизнь их любила. Мое самое большое желание — спать с офицерами. При этом я не думаю о деньгах.

Семейная жизнь, проходившая в основном в Голландской Ост-Индии, не сложилась. На Яве у них родилась дочь, на Суматре — сын, которого отравил один обиженный малазийский солдат. Эта трагедия разрушила и без того не очень счастливый брак. Отслужив в армии двадцать восемь лет, майор Маклеод вышел в отставку. Он не собирался возвращаться в Европу, а она — оставаться в тропиках. К тому же муж ей порядком надоел.

За десять лет до начала Первой мировой войны Мата Хари оказалась в Париже без гроша в кармане. Она была прекрасной наездницей и одно время работала в цирке. Прекрасно играла на рояле, но музицирующих девушек хватало и без нее. Она занялась стриптизом. В салонах и клубах она исполняла невиданные восточные танцы и при этом на радость мужчинам раздевалась. В то время эти представления на грани непристойности производили ошеломляющее впечатление. Мата Хари заставила говорить о себе весь довоенный Париж.

— Я никогда не умела хорошо танцевать, — призналась она одному из своих друзей. — Люди приходили на меня посмотреть только потому, что я первой осмелилась предстать раздетой перед публикой.

От скандалов и полиции ее спасала восточная экзотика. Впрочем, она почти никогда не оставалась совершенно голой. Чаще всего она выступала в трико телесного цвета, но у возбужденных мужчин хорошее воображение.

Гертруда Целле стала называть себя Мата Хари, что в переводе с малайского означает просто «солнце». Жаждущий развлечений Париж принял ее с восторгом. Театральные критики восхищались: «Вдруг появилась Мата Хари, священная баядера, которую прежде видели обнаженной только священнослужители и боги». Парижское общество прекрасной эпохи радостно творило миф о Мата Хари.

Ей удалось одурачить даже журналистов, которые принимали ее за индианку, яванку, тайку или китаянку и писали, что она исполняет традиционные восточные танцы. Она с удовольствием придумала себе новую биографию. Но не для того, чтобы что-то скрыть, как потом решат судьи на ее процессе, а для того, чтобы освободиться от своего прежнего «я», от нерадостного прошлого.

Ее сравнивали со знаменитой Айседорой Дункан. Она добралась до оперного театра Ла Скала в Милане и страшно

удивилась, когда ее отверг Сергей Павлович Дягилев, создавший в Европе русскую балетную труппу. Ее бурная карьера продолжалась не так-то долго, другие танцовщицы тоже рискнули обнажиться, а иных сценических достоинств у нее не было. Талантливые Айседора Дункан и Сергей Дягилев совершили революцию в балете. Мата Хари осталась просто куртизанкой.

Любовников у нее было множество. Одних она любила, другим отдавалась за деньги. Перед войной она делила свое время между Парижем и Берлином, не находя особой разницы между французскими и немецкими молодыми мужчинами. В Берлине ее благосклонностью пользовались несколько герцогов, благо в Германии их было предостаточно.

Беззаботная и загадочная — два эти качества, привлекательные в мирной жизни, становятся опасными в военное время. Мата Хари, считают современные историки, стала ритуальной жертвой на могилах французских солдат, погибших во время неудачного наступления в апреле 1917 года.

Командующий французской армией генерал Жорж Робер Нивель намеревался разом покончить с тевтонами. По количеству собранных для удара войск, артиллерии, танков и авиации это наступление не знает себе равных за всю историю Первой мировой. Французы рассчитывали на большой успех. Но они мобилизовались так долго, что удар генерала Нивеля попал в пустоту — немецкая армия вовремя отошла.

Наступательный порыв пропал даром, а затем французы натолкнулись на хорошо подготовленную линию обороны и понесли тяжелейшие потери. Генерал Нивель не сумел сосредоточить основные силы на направлении главного удара. А немецкое командование благодаря начавшейся в России революции смогло перебросить на Западный фронт дополнительные части. Французские танки завязли, а пехоту густым огнем косили немецкие пулеметы.

Разочарование и усталость от войны были столь велики, что во французской армии начался мятеж. Целые дивизии выходили из повиновения. Солдаты дезертировали, штурмом брали поезда на Париж и требовали создания солдатских советов, как это происходило в России, где правило Временное правительство. Неудачливого генерала Нивеля сменил генерал Анри-Филипп Петен, будущий маршал и президент Франции. Он приказал расстреливать солдат, которые требовали мира, и подавил бунт.

Теперь уже известно, что Мата Хари ничего не сделала для того, чтобы апрельское наступление французской армии провалилось. Немцы действительно узнали, что французы готовятся наступать. Но не от Мата Хари. Виноват был сам

командующий — генерал Жорж Нивель, не позаботившийся о сохранении тайны. Немцы обнаружили важнейшие документы с планами высшего командования при осмотре убитых на поле боя французских офицеров…

Но не могли же в Париже объяснить провал весеннего наступления бездарностью собственных генералов. Следовательно, поражение — это результат предательства! Мата Хари должна была умереть, чтобы французам не было стыдно за своих генералов.

К началу апрельского наступления она уже два месяца сидела в тюрьме и никак не могла выдать немецкому командованию военный план, о существовании которого не подозревала. Но французская контрразведка должна была продемонстрировать свою эффективность, объяснить пролитую кровь кознями шпионов и расстрелом вражеского агента поднять в войсках боевой дух.

Ах, эти милые, легкомысленные, веселые французы! Даже в спокойные мирные времена они готовы были разорвать на куски обвиненного в шпионаже капитана Альфреда Дрейфуса, хотя против него не было никаких улик — кроме его еврейского происхождения. А уж под шелест похоронок пощады не будет никому…

Капитан Жорж Ладу, начальник французского Второго бюро (это контрразведка), арестовавший Мата Хари, сам вскоре окажется за решеткой по подозрению в шпионаже. Обвинение было ложным. Капитана в конце концов оправдали, но его арест — свидетельство охватившей французское общество шпиономании и ненависти к немцам.

Молодой писатель Илья Эренбург, находившийся во Франции, писал поэту Максимилиану Волошину: «Читаю одну местную газету. Вчера была передовая статья на тему о запахах немцев. Автор уверяет, что немки издают особый, невыносимый запах и что в школе парты, на которых сидели немцы, приходится сжигать».

Что уж там говорить о развратной иностранке! Никто из ее многочисленных любовников не пожелал прийти к ней на помощь. Не нашлось в Париже нового Эмиля Золя, который, как в позорной истории с капитаном Дрейфусом, сказал бы «Я обвиняю!» и вступился бы за Мата Хари. Да и кто бы посмел? Она наслаждалась жизнью и тратила огромные деньги на драгоценности, когда французские солдаты погибали в окопах.

Впрочем, нудные архивисты отвергают версию о невинной жертве. В военном архиве во Фрайбурге хранятся документы германской секретной службы времен Первой мировой войны.

Там есть материалы и об агенте Х-21 — это агентурный номер Мата Хари.

Майор Рёппель, офицер немецкой разведки, который был ее куратором, уверял после войны: «Я считаю, что она очень хорошо вела наблюдение и умело составляла донесения. Она была одной из умнейших женщин, которых я когда-либо видел. Она определенно занималась шпионажем в пользу Германии. К сожалению, приходится признать, что у французов были все основания для того, чтобы ее расстрелять».

Судя по документам, ее завербовали поздней осенью 1915 года. Наводчиком был барон Вернер фон Мирбах, отпрыск родовитой дворянской семьи и восторженный поклонник танцовщицы. Во время войны его определили в разведывательный отдел 3-й армии. Барон случайно узнал, что оставшаяся без ангажемента Мата Хари прозябает в Голландии. Мирбаху пришла в голову соблазнительная идея: первая парижская куртизанка, любовница французских генералов и дипломатов, может открыть немцам высшие секреты противника!

Его предложение подхватил и начальник немецкой разведки Вальтер Николаи. На него только что обрушился шквал критики за то, что он не смог предупредить немецкое командование о готовящемся наступлении французов. Теперь он должен был реабилитироваться, завербовав как можно больше новых агентов.

Мата Хари пригласили в Германию, где во Франкфурте-на-Майне ей растолковали азы новой профессии и вручили аванс в двадцать тысяч франков. Впрочем, симпатические чернила для тайнописи, которыми ее снабдили, она просто вылила в реку.

Агент Х-21 должна была собирать информацию в Париже, ездить по стратегически важным районам Франции и сообщать обо всем резиденту немецкой разведки в нейтральной Испании майору Арнольду фон Калле. Мата Хари приехала в Париж и возобновила знакомство со старыми друзьями. Один из них служил в военном министерстве, другой занимал крупный пост в министерстве иностранных дел.

В январе 1916 года с огромным багажом она проехала через Южную Францию, чтобы рассказать немецкому резиденту в Мадриде об увиденном и услышанном во время путешествия. Майор Калле доложил о ее приезде шифротелеграммой в разведцентр германской армии. Эта телеграмма и положила конец недолгой карьере агента Х-21.

Британская контрразведка давно читала немецкие шифротелеграммы, потому что ее агент еще в самом начале войны сумел снять копию с немецкой книги кодов. Совместными усилиями англичанам и французам не так уж трудно было

установить, кто именно проделал путь из Парижа в Мадрид…

В мае 1916 года Мата Хари хотела поехать в Лондон, но не получила британской визы. Именно англичане первыми обратили внимание на ее контакты с немцами, хотя в этом не было ничего предосудительного — в Первую мировую Голландия сохраняла нейтралитет, и теоретически Мата Хари могла общаться с кем ей заблагорассудится.

Отказ в визе был предупредительным сигналом, но Мата Хари не прислушалась к нему. Она попыталась вернуться из Испании во Францию и тоже получила отказ. Пока она раздумывала, что ей делать, местные власти получили из Парижа приказ открыть перед ней шлагбаум. Это была ловушка. Вместо того чтобы бежать как можно дальше от Франции, Мата Хари сунула голову прямо в мышеловку.

Она еще решила поиграть с французами и по собственной инициативе предложила свои услуги парижской контрразведке. Быть просто агентом — этого ей показалось мало, она захотела стать двойным агентом. Она перечислила французским контрразведчикам имена своих немецких любовников, начиная с зятя германского кайзера, и обещала их всех привлечь на сторону Франции…

13 февраля 1917 года ее арестовали в Париже. У следствия не было никаких доказательств ее виновности. Эксперты изучали найденную у нее загадочную баночку, решив, что это невидимые чернила для тайнописи. Мата Хари откровенно объяснила: «Это средство необходимо женщинам, чтобы избежать беременности».

Так кем же была Мата Хари? Шпионкой или жертвой обстоятельств?

Французы знали цену танцовщице и, скорее всего, отпустили бы ее, если бы им не понадобилось бросить кого-то в пасть негодующего общественного мнения.

Немцы же и не рассчитывали всерьез на Мата Хари. Они исходили из известного принципа: чем больше агентов заслать, тем труднее вражеской контрразведке вычислить по-настоящему ценных агентов. Вот почему немецкая разведка не заботилась о безопасности своего агента Х-21: телеграммы из Мадрида в Амстердам сочинялись так, что французам совсем нетрудно было вычислить Мата Хари.

Супершпионка Мата Хари придумана секретными службами — французской, немецкой и британской. Все три службы приписывали ей то, к чему она не имела ни малейшего отношения. Секретные службы занимались саморекламой. В XX столетии спецслужбы начали преувеличивать количество шпионов и их возможности, чтобы, с одной стороны, сваливать на

них поражения и неудачи, а с другой — доказывать собственную полезность.

Жандармский полковник Сергей Николаевич Мясоедов, насколько мы можем судить, был малопривлекательной личностью. Как минимум обвинения в мародерстве во время войны он не опровергал. Осенью 1914 года он вместе с наступавшей армией попал в Восточную Пруссию и кое-что позаимствовал из немецких домов — картины, гравюры. На суде он оправдывался: брали все — и с разрешения командования.

Во время жандармской службы на границе, судя по всему, тоже не упускал случая поживиться. Но почти за столетие так и не появилось ни одного доказательства его предательства, работы на иностранные разведки! Похоже, он стал жертвой ведомственных интриг и борьбы различных кланов за власть в предреволюционной России.

Мата Хари попала в мельничные жернова тотального шпионажа XX века, который пришел на смену авантюрам одиночек, романтиков или искателей приключений. Мата Хари ринулась в разведку, не понимая, куда ее занесло. Она всю свою жизнь продавалась за деньги. И в предвоенных Париже или Берлине ее за это совсем не осуждали. С началом войны мир изменился, стал жестоким, безжалостным, но Мата Хари этого не поняла.

Для нее игра с двумя разведками ничем не отличалась от любовной интриги с двоими мужчинами, каждый из которых не должен был подозревать о счастливом сопернике. Взбалмошная куртизанка привыкла веревки вить из мужчин. Она рассчитывала на свое умение заставлять мужчин подчиняться ее воле. Но люди из секретных служб только мундирами походили на тех офицеров, с которыми она весело проводила время до войны. Для секретных служб она была лишь пешкой, которой жертвуют без колебаний.

Шпионские игры — жестокие и гнусные. Женщинам в них отводятся в основном роли приманок и жертв. На фоне беспринципности и безнравственности секретных служб честно объявлявшая правила игры и выполнявшая свои обязательства Мата Хари вовсе не кажется такой уж аморальной и продажной.

Письмо товарища Зиновьева

Сейчас даже трудно себе представить, что одна только подпись этого человека, причем фальшивая, спровоцировала тяжкий политический кризис в Англии, погубила британское правительство и надолго поссорила наши страны. Ведь этот человек в ту пору руководил коммунистическим движением всего земного шара — причем в тот момент, когда мировая революция казалась вполне реальной. Григорий Евсеевич Зиновьев управлял армией агентов Коминтерна, которые на российские деньги пытались поднять восстание по всей Европе. Но в советской истории Зиновьев остался жалким и всеми презираемым предателем.

Никита Сергеевич Хрущев уже на пенсии вспоминал, как главный партийный идеолог Михаил Андреевич Суслов отчаянно возражал против публикации повести Эммануила Казакевича «Синяя тетрадь» с хрестоматийным сюжетом. Казакевич писал о том, как Ленин накануне Октябрьской революции укрывался от ареста в Разливе. Вместе с ним находился его верный сотрудник Григорий Евсеевич Зиновьев, член ЦК партии и один из редакторов «Правды». Но после многих лет сталинской фальсификации истории Суслов не мог примириться с тем, что имя Зиновьева упоминается рядом с именем вождя.

Суслов возмущенно говорил Хрущеву:

— Как же можно напечатать эту книгу? У автора Ленин называет Зиновьева «товарищ Зиновьев». Но ведь Зиновьев — враг народа!

Здравомыслящий Хрущев возразил Суслову: Ленин и Зиновьев были в шалаше вдвоем. Как же они общались между собой? Видимо, называли друг друга «товарищ».

На самом деле Ленин обращался к Зиновьеву по имени — Григорий, ведь у них были близкие, товарищеские отношения…

Григорий Евсеевич Зиновьев родился в городе Елисаветграде Херсонской губернии. Отец владел небольшой молочной фермой. В школу будущий председатель Исполкома Коминтерна не ходил, образование получил дома. Рано заинтересовался марксизмом. В 1902 году уехал за границу, участвовал в работе эмигрантских групп. В Швейцарии Зиновьев познакомился с Лениным. С тех пор они почти не разлучались. Ленин вечером бегал за вечерней газетой, утром за свежими булочками. День проходил в дискуссиях и работе над статьями. Зиновьева иронически именовали верным оруженосцем Ленина, потому что он безоговорочно признавал правоту старшего товарища, когда

другие социал-демократы спорили с Владимиром Ильичом.

Весной 1907 года двадцатичетырехлетнего Зиновьева впервые избрали в ЦК. На съездах партии, когда голосовали за членов Центрального комитета, Зиновьев получал больше всех голосов после Ленина. Ленин же добился образования Заграничного бюро ЦК во главе с Зиновьевым, который руководил всей работой за границей и поддерживал связь с Россией.

В апреле семнадцатого Ленин и Зиновьев вернулись в Россию. Они разошлись во взглядах только один раз. В октябре семнадцатого Зиновьев высказался против, когда Ленин предложил силой свергнуть Временное правительство, но этот знаменитый эпизод — что бы по этому поводу ни говорилось в советских учебниках истории — не испортил их личные отношения.

После революции Владимир Ильич сделал Зиновьева членом политбюро, хозяином Петрограда и всего Северо-Западного края. Кроме того, Ленин поставил Зиновьева во главе Третьего интернационала. В те годы эта должность имела особое значение. Партия большевиков была всего лишь одной из секций Коминтерна, таким образом, Зиновьев формально оказался руководителем всего мирового коммунистического движения.

Оказавшись у власти, Зиновьев вел себя очень жестоко. Ненавидевший его Максим Горький рассказывал об одном из заседаний, в котором участвовал член политбюро, председатель Исполкома Коминтерна и хозяин Ленинграда Григорий Зиновьев:

— Ну, потом — шуточки! Стали говорить, что в Зоологическом саду умирают детеныши носорога. И я спрашиваю: чем вы их кормить будете? Зиновьев отвечает: буржуями. И начали обсуждать вопрос: резать буржуев или нет? Серьезно вам говорю. Серьезно…

С именем Зиновьева связана одна из самых удивительных и до сих пор до конца не разгаданных загадок XX столетия. Я имею в виду так называемое «письмо Зиновьева», которое буквально взорвало Англию.

В январе 1924 года премьер-министром Великобритании стал Рамсей Макдональд, лидер лейбористов, которые доброжелательно относились к России. Одним из первых шагов нового правительства было признание советской власти де-юре. Советским поверенным в делах в Лондоне стал известный болгарский революционер Христиан Георгиевич Раковский, который в 1917 году приехал в Россию. Он руководил правительством Советской Украины, потом, как друг Троцкого, потерял свой пост и был переведен на дипломатическую работу.

Британская оппозиция не желала сближения с Россией.

Против переговоров с Москвой активно выступал видный деятель консервативной партии Уинстон Черчилль.

А Москва отчаянно нуждалась в займе. И лейбористы готовы были дать кредиты с тем, чтобы Россия покупала нужное ей оборудование не в Германии, а в Англии. Дело в том, что Россия заказала у немцев шестьсот локомотивов. Английские промышленники были недовольны упущенным контрактом и давили на правительство. Но в Лондоне хотели бы для начала вернуть долги, сделанные царским правительством и Временным правительством, а также компенсировать иностранным владельцам национализированную после революции собственность.

Англия, как и другие европейские страны, не требовала вернуть все долги сразу, но говорила: все-таки признайте, что вы взяли у нас деньги. Понятно было и требование компенсации тем иностранцам, которых лишили собственности в России. Как может правительство предоставлять новые займы стране, ограбившей его граждан?

Ленин не желал идти на уступки Западу. На пленуме ЦК в секретном постановлении, написанном лично Лениным и посвященном заключению торгового соглашения с Англией, говорилось: «Восточным народам сообщить всем, но только устно через послов, без единой бумажки, что мы надуем Англию».

С Лениным решительно не соглашался нарком по иностранным делам Георгий Васильевич Чичерин.

«Я не хозяйственник, — писал Чичерин Ленину. — Но все хозяйственники говорят, что нам до зарезу, ультра-настоятельно нужна помощь Запада, заем, концессии, экономическое соглашение. А если это так, нужно не расплеваться, а договориться… Вы, несомненно, ошибаетесь, если думаете, что получим заем, если расплюемся с Англией. Заем дают не правительства, а капиталисты, деловые круги. Теперь они видят в нас наилучшее возможное в данных условиях в России правительство. Но если мы будем бить стекла, они шарахнутся прочь от нас».

Февральская революция 1917 года застала Чичерина в Англии. Как и другие российские социал-демократы, он выступал против войны и требовал заключения мира. В обстановке военного времени такого рода публичные высказывания считались уголовным преступлением. В августе 1917 года англичане его арестовали за пропаганду «пораженческих взглядов» и посадили в тюрьму. Его вытащил оттуда Троцкий.

Неутомимый и добросовестный труженик, идеалист, преданный делу, Чичерин казался товарищам странным. Он мало

спал, ложился под утро. Иностранных послов мог пригласить к себе поздно ночью, а то и под утро. Его аскетизм отпугивал. Убежденный холостяк, затворник, он превратил кабинет в келью и перебивался чуть ли не с хлеба на воду.

Чичерин жаловался Троцкому: «Тяжелое продовольственное положение сильно отразилось на моем здоровье, а квалифицированных помощников у меня чрезвычайно мало, так что я не ручаюсь, что буду в состоянии сделать все, что требовалось бы для выполнения поставленной Вами задачи… Все журналисты сбежали за границу от голода, я же сбежать за границу не могу и потому дошел до крайней слабости и постепенно гасну во славу «системе».

Рассказу о том, что нарком иностранных дел голодает, Троцкий порядком удивился и перебросил письмо председателю Совнаркома с короткой припиской: «тов. Ленину. Неужели нельзя накормить Чичерина? Или это голодовка против «системы»?»

Время действительно было трудное, однако новая власть заботилась о том, чтобы руководящие кадры не голодали, не мерзли и по возможности ни в чем не испытывали нужды. Так возникла система кремлевских пайков, отмененная только при Горбачеве.

Новую политическую элиту меньше интересовали мировая революция или социалистические преобразования в стране, чем продвижение по службе и получение льгот и привилегий. Чичерин принадлежал к тем немногим, кто не был озабочен устройством своего быта. Сообщение о том, что нарком голодает, расстроило Ленина. 5 мая 1921 года он написал управляющему делами наркомата Павлу Петровичу Горбунову:

«Посылаю Вам это секретно и лично. И черкните два слова: нельзя ли обеспечить Чичерина питанием получше? Получает ли он из-за границы «норму»? Как Вы установили эту норму и нельзя ли Чичерина, в виде изъятия, обеспечить этой нормой вполне, на усиленное питание?»

«Я впервые узнал о таком трагическом положении с довольствием тов. Чичерина, — ответил в тот же день вечером Горбунов. — Ни он сам, ни лица, его обслуживающие, ни разу даже не намекнули мне или моим помощникам об этом. Сегодня ему доставлены все продукты для обычного стола, а с завтрашнего дня будут регулярно доставляться молоко, яйца, шоколад, фрукты для компота и прочее. Дано одному товарищу следить, чтобы все было, а на себя я беру ответственность за проверку и недопущение недохватов в будущем».

Переубедить Ленина относительно торгово-экономических отношений с Англией Чичерину так и не удалось. После смерти

Ленина переговоры с англичанами пошли успешнее, хотя договариваться было трудно. Писатель Михаил Булгаков 17 апреля 1924 года присутствовал на съезде железнодорожников в Колонном зале Дома союзов:

«В половине восьмого вечера на съезде появился Зиновьев. Он быстро прошел в круглый зал, с наигранной скромностью справляясь, где раздеться, прошел в комнату президиума, там разделся и поднялся на трибуну. Его встретили аплодисментами. Речь его интересна. Говорит он с шуточками, рассчитанными на вкус этой аудитории.

Говорил он о международном положении, причем ругал Макдональда, а английских банкиров называл торгашами».

Политбюро наотрез отказывалось признавать долги прежнего режима, но поскольку в Кремле связывали с Англией особые надежды, то в конце концов все-таки пошли на уступки. Москва и Лондон договорились!

Советское правительство выплачивает компенсацию английским владельцам российских ценных бумаг, аннулированных революцией, после чего британское правительство подписывает договор с Россией и заключает торговое соглашение. Вернув долги, Москва получает заем под гарантии британского правительства.

8 августа 1924 года торговое соглашение между двумя странами было подписано. Но ратифицировать его не успели. Разразился политический скандал. Джон Росс Кэмпбел, шотландский коммунист и заместитель редактора газеты «Уокере уикли», опубликовал 25 июля «Открытое письмо вооруженным силам». Он призвал армию отказаться воевать, если этого потребует правительство, не стрелять в митингующих рабочих и готовиться к свержению капиталистов.

Прокуратура арестовала Джона Кэмпбела по закону столетней давности, обвинив его в том, что он призывал вооруженные силы к мятежу. Левые возмутились. Правительство отказалось от поспешного решения наказать коммунистического журналиста. Но все остались недовольны: левые — тем, что правительство хотело посадить журналиста, правые — тем, что кабинет так быстро отказался от этой идеи.

Консервативная оппозиция отправила правительство лейбористов в отставку. Были объявлены всеобщие выборы. А на следующий день британское министерство иностранных дел получило из разведки копию секретного письма, подписанного председателем Исполкома Коминтерна Зиновьевым. Письмо призывало британских коммунистов готовить вооруженное восстание: «Из вашего последнего отчета видно, что

агитпропагандистская работа в армии поставлена слабо, во флоте немного лучше… Желательно иметь ячейки во всех частях войск, в частности в расквартированных в крупных центрах страны… Военная секция британской компартии, насколько нам известно, так же страдает от отсутствия спецов, будущих руководителей британской компартии. Пора уже подумать о составлении такой группы, которая вместе с вождями могла бы составить в случае возникновения активной борьбы мозг военной организации партии».

25 октября, за пять дней до выборов в парламент, «письмо Зиновьева» опубликовала газета «Дейли мейл». В тот же день советский поверенный в делах Христиан Раковский получил ноту протеста правительства Великобритании:

«Письмо содержит даваемые британским подданным инструкции работать над насильственным ниспровержением существующего строя Англии и над разложением вооруженных сил его величества в качестве средства для указанной цели…

Мой долг состоит в том, чтобы уведомить вас, что правительство его величества не позволит вести такого рода пропаганду и рассматривает ее как прямое вмешательство во внутренние дела Великобритании».

Раковский запросил Москву: что же ему отвечать англичанам? А в Москве Зиновьев с раздражением говорил, что он такого письма не подписывал. В своем кругу, в Кремле, ему не было нужды лгать.

При жизни Ленина Зиновьев входил в ближайшее окружение вождя и пользовался его полным расположением. После кончины Ленина Григорий Евсеевич рассчитывал возглавить Российское государство, и у него был шанс.

«Ни одна из фигур нашей партии не выиграла во время революции так много, как Зиновьев, — писал нарком просвещения Луначарский. — Все считали его ближайшим помощником и доверенным лицом Ленина. Зная его за талантливого оратора и публициста, за человека трудоспособного, сообразительного, горячо преданного социальной революции и своей партии, все, конечно, заранее могли предсказать, что Зиновьев будет играть крупную роль в революции и революционном правительстве. Но Зиновьев, несомненно, превзошел ожидания многих…»

Бледный и болезненный, Зиновьев страдал одышкой и казался флегматиком. Но он был умелым митинговым оратором. Он зажигался во время речи и говорил с больным нервным подъемом, призывая своих слушателей к победе коммунизма во всем мире.

Григорий Евсеевич Зиновьев был человеком малых талантов, о чем не подозревал. Кроме того, ему не хватало качеств политического бойца. Он был человеком бесхарактерным и в минуты опасности начинал паниковать. Не понимал, что своим высоким положением обязан лишь особым отношениям с Владимиром Ильичом.

Некоторое время до и после смерти Ленина страной фактически правила тройка — Сталин, Зиновьев и Каменев. Причем именно Зиновьев считал себя наследником Ленина — ведь он столько лет был самым близким к нему человеком. На митингах в Питере молодые военные карьеристы в новеньких блестящих кожанках кричали:

— Мы победим, потому что нами командует наш славный вождь товарищ Зиновьев!

Сталин, еще не уверенный в своих силах, вел себя осторожно и некоторое время не мешал Зиновьеву изображать из себя хозяина страны. Зиновьев же наивно полагал, что Иосиф Виссарионович готов быть на вторых ролях. Сталин имел дело с политическими детьми, как выразился один историк, с людьми, которые не понимали, что такое политика.

На последнем при жизни Ленина партийном съезде, когда сам Владимир Ильич уже не мог выступать, политический доклад прочитал Зиновьев. Он же сделал основной доклад на первом после смерти Ленина XIII съезде. Понимая, что он исполняет ленинскую роль, начал выступление очень благоразумно, процитировав стихи поэта Александра Безыменского, написанные к этому случаю:

Видно, у мыслей дрогнули колени.
В омуте глаз заблудилась тоска.
— Политотчет Цека… Читает… Читает…
Не Ленин…

«Зиновьев имел вид чрезвычайно самоуверенный, — вспоминал сотрудник Коминтерна Виктор Серж. — Тщательно выбритый, бледный, с несколько одутловатым лицом, густой курчавой шевелюрой и серо-голубыми глазами, он чувствовал себя на своем месте на вершине власти; однако от него исходило ощущение дряблости и скрытой неуверенности. За границей он пользовался жуткой репутацией террориста…»

Но в минуту откровенности Зиновьев признался художнику Юрию Анненкову, что скучает по Парижу, где до революции скрывался от царской полиции.

Главный революционер земного шара вспоминал о лиловых вечерах, о весеннем цветении бульварных каштанов, о Латинском квартале, о библиотеке Святой Женевьевы, о шуме парижских

улиц. Зиновьев горевал, что Париж теперь для него недоступен:

— Революция, Интернационал — все это, конечно, великие события. Но, ей-богу, я разревусь, если и в Париже свершится революция!

Но если Париж благодаря Зиновьеву мог не бояться революции, то в Лондоне вождь Коминтерна легко сверг правительство, чему сам сильно удивился. Рассекреченные документы доказывают, что в Москве были растеряны: «письма Зиновьева» не существовало.

В двадцатых годах английская контрразведка читала советскую дипломатическую переписку. В искусстве дешифровки англичане опередили всех. Изучая телеграммы в Москву и из Москвы, они знали, что советские дипломаты сочли письмо фальшивкой. Советские руководители сами хотели найти тех, кто его соорудил. На заседании политбюро 18 декабря 1924 года решили: предложить «лицу, доставившему «письмо Зиновьева», заявить о себе, причем ему «гарантируется безопасность и безнаказанность».

Помимо подписи Зиновьева на мнимом письме красовались еще две фамилии — представителя английских коммунистов Артура Мак-Мануса и одного из руководителей Коминтерна Отто Вильгельмовича Куусинена.

«Отто с самого начала знал, что письмо — фальшивое, — вспоминала его жена Айно Куусинен. — На письме в подписи Куусинена был лишь один инициал — «О.», а Отто всегда подписывался полностью — «О.В. Куусинен»…»

Желая снять с себя подозрения, советские руководители позволили иностранцам заглянуть в свои секретные архивы. В ноябре 1924 года делегация британских профсоюзов прибыла в Москву, чтобы выяснить всю правду о «письме Зиновьева». Делегация опубликовала отчет, в котором говорилось, что она изучила протоколы заседаний Исполкома Коминтерна и не нашла следов антианглийской деятельности: «письмо Зиновьева» является подлогом.

Конечно, британские профсоюзники увидели далеко не все.

«Профсоюзы Англии попросили разрешения внимательно ознакомиться с материалами Коминтерна, — рассказывала Айно Куусинен. — Требование поначалу показалось невыполнимым, но решили припрятать компрометирующие Коминтерн материалы и после этого дать делегации возможность ознакомиться с бумагами, касающимися английских дел. Три дня и три ночи изымались все опасные документы и особенно все, что было связано с тайными инструкциями для английской компартии. Была переписана даже книга регистрации переписки…»

Руководителям Коминтерна было что скрывать. Большевики готовили мировую революцию и, как могли, разжигали революционную борьбу в Европе. После неудачной попытки поднять вооруженное восстание в Германии готовили оружие для болгарских коммунистов, которые намеревались взять власть в Софии. Но не в Англии! 26 марта 1924 года Зиновьев подписал записку о ближайших задачах английской компартии, но там не было ни слова о подготовке восстания против британского правительства или о создании боевых организаций.

На заседании политбюро 11 октября 1924 года было решено ассигновать Исполкому Коминтерна дополнительные пятьдесят тысяч золотых рублей для работы в Англии. На что давали деньги? На коммунистическую газету.

Рассекреченные документы Коминтерна свидетельствуют: Москва была очень довольна соглашениями с Англией, связывала свои надежды с победой лейбористов на выборах. Поэтому Москве не было необходимости в тот момент посылать британским коммунистам письмо с призывом к вооруженной борьбе.

Торговое соглашение с Англией и ожидаемый заем были в тот момент во сто крат важнее мировой революции! Несмотря на революционную риторику, в конечном счете целью советской политики становился национальный интерес. Советский Союз искал компромисс между надеждой на мировую революцию и потребностями реальной политики.

Это косвенно подтвердила берлинская резидентура британской разведки, которая следила за происходящим в России и информировала Лондон о работе Коминтерна, в частности об отправке пропагандистской литературы на английском языке. 11 июня 1924 года резидентура доложила, что с момента приезда в Англию советской делегации отправка пропагандистской литературы прекратилась…

Так откуда же взялось «письмо Зиновьева»?

«Письмо» принесли резиденту английской разведки МИ-6 в Риге. 2 октября 1924 года резидент срочной почтой переправил письмо в штаб-квартиру в Лондон с припиской: «Подлинность документа сомнений не вызывает». Поспешное заключение: подлинность письма не проверили.

В штаб-квартире английской разведки тоже действовали на редкость непрофессионально. Даже не запросили Ригу: как к ним попал документ, на каком языке он был написан — на русском или уже на английском? Ничего не проверяя, «письмо Зиновьева» поспешили разослать руководителям правительства, вооруженных сил и спецслужб.

Получив его, министерство иностранных дел заявило протест советскому поверенному в делах, не имея доказательств подлинности документа. Руководитель северного департамента Форин офис Джей Дон Грегори отправил Раковскому ноту раньше, чем получил санкцию премьер-министра и министра иностранных дел Макдональда.

У Грегори была экстравагантная любовница и опустевший банковский счет. А вот после публикации «письма Зиновьева» его финансовое положение сильно улучшилось. Исследователи полагают, что Грегори просто продал письмо газетным редакторам. Ходили слухи, что один из них заплатил ему пять тысяч фунтов.

Теперь можно сказать, что многие получатели этого письма знали, что перед ними, скорее всего, фальшивка. Тем не менее оно было пущено в ход, потому что в этом были заинтересованы разные силы.

Британские военные и сотрудники спецслужб разговоры о вооруженном восстании коммунистов воспринимали всерьез. Они боялись революции и решили использовать «письмо Зиновьева» для борьбы с компартией — и с лейбористами, которым не доверяли.

Когда Рамсей Макдональд стал премьер-министром, генерал-майор сэр Ундхэм Чайлдс, заместитель начальника полиции, отвечавший за особый отдел в 1921–1928 годах, спросил: интересуют ли главу правительства еженедельные спецсообщения о революционных движениях?

Макдональд ответил: докладывайте факты подрывных действий российских большевиков в Англии, а не пропагандистские призывы к компартии Англии. Премьер-министр предложил генералу расширить круг интересов особого отдела Скотленд-Ярда, посоветовал заняться таким новым движением, как фашизм. Генерал отказался, заявив, что он не может заниматься движениями, которые действуют мирными средствами и не призывают к революции…

Иначе говоря, у британских спецслужб были основания желать избавления от лейбористских начальников. Не поэтому ли копия «письма Зиновьева» сразу оказалась в руках консервативных политиков, которые получили бесценный аргумент в политической борьбе с лейбористами? А они уж позаботились о том, чтобы разгорелся убийственный для лейбористов грандиозный политический скандал. Лейбористов обвинили в сотрудничестве с русскими коммунистами, которые готовят в Англии государственный переворот.

Если бы Макдональд выступил с опровержением,

составленным в энергичных выражениях, считают британские историки, положение еще можно было бы спасти. Но его упорный отказ разоблачить явную подделку привел к поражению лейбористов на выборах. Выборы стали триумфальными для консерваторов. Они получили в парламенте 415 мест, число лейбористских мандатов уменьшилось со 191 до 152. Либералы вообще набрали только треть того, что имели до выборов.

На протяжении многих десятилетий лейбористы не раз пытались выяснить происхождение «письма Зиновьева», появление которого обошлось им так дорого. Лейбористы не сомневались, что это дело рук консервативной партии и спецслужб. Возможно, эта история так и осталась бы загадкой, если бы Тони Блэр, став премьер-министром, не выбрал на роль министра иностранных дел Робина Кука.

Робин Кук был главным леваком в правительстве Блэра. Вступая в должность, Кук обещал радикально изменить британскую внешнюю политику. Но в этом он мало преуспел и покинул свой пост, разойдясь с Блэром во взглядах. Зато министр, воспользовавшись тем, что ему по традиции подчиняется разведка, распорядился открыть архивы для историков, чтобы выяснить, наконец, происхождение «письма Зиновьева».

В двадцатых годах в Англии существовали пять спецслужб: контрразведка МИ-5, Секретная разведывательная служба, Школа шифровальщиков правительственной связи, Индийская политическая полиция и Особый отдел Скотленд-Ярда.

Индийская политическая разведка боролась с индийскими революционерами, которые добивались национальной независимости, и с нелегальными поставками оружия в Индию. Особый отдел Скотленд-Ярда занимался революционными движениями внутри страны и нелегальной торговлей оружием, а также в случае необходимости охранял членов королевской семьи, министров и иностранных гостей.

Школа шифровальщиков обеспечивала все правительственные учреждения надежными шифрами, но главная задача состояла в дешифровке перехваченных телеграмм иностранных правительств.

Контрразведка МИ-5 призвана была бороться со шпионажем и подрывными действиями, в том числе в армии. МИ-5 была частью военного министерства, служили там кадровые или ушедшие в отставку офицеры. Ее деятельность должна была ограничиваться территорией страны. Но в те годы спецслужбы не очень соблюдали правила. Внешняя разведка вербовала агентов на территории Англии, а контрразведка отправляла агентов в

Москву. Ни та ни другая служба не ставили об этом в известность коллег.

Обе службы широко пользовались услугами белых эмигрантов. Кроме того, сложились личные отношения между британскими офицерами, которые до и после революции служили в России, и белыми эмигрантами.

Руководители английской разведки доказывали подлинность документа, уверяли, что он получен от агента, который работал в секретариате Исполкома Коминтерна и имел доступ к секретным материалам. Он будто бы скопировал письмо прямо с подписанного Зиновьевым русского оригинала. Но такого агента в Москве у англичан просто не было!

Во время Первой мировой войны английская разведка добилась больших успехов и по праву считалась эффективнейшей спецслужбой. Но против Советской России действовали скорее дилетанты. Самым известным из них был знаменитый Сидней Рейли, авантюрист и фантазер. Рейли уволили из разведки после окончания Первой мировой войны. Он трудился, что называется, по вольному найму: тайными поездками в Советскую Россию зарабатывал деньги. Но он выдавал себя за великого шпиона, и эти игры окончились для него плачевно.

У чекистов к нему были свои счеты.

Во время Гражданской войны Сидней Рейли был связан с антибольшевистским подпольем. Радикально настроенные заговорщики предлагали убить Ленина и Троцкого, полагали, что этого достаточно для того, чтобы власть большевиков рухнула. Рейли считал, что убивать не надо, достаточно выставить их на посмешище — снять с Ленина и Троцкого брюки и провести их в нижнем белье по улицам Москвы.

Сиднея Рейли заманили в Россию обещанием устроить встречу с лидерами антисоветского подполья, которыми интересовалась британская разведка. Он тайно перешел границу и под наблюдением чекистов приехал в Москву, где и был арестован. Его допрашивал известный чекист Владимир Андреевич Стырне, помощник начальника контрразведывательного отдела ОГПУ. Рейли дал все показания, которые от него требовали. Но его все равно убили.

По указанию Стырне вечером 5 ноября 1925 года четыре чекиста во главе с Григорием Сергеевичем Сыроежкиным вывезли Рейли за город на прогулку. Шофер сделал вид, будто машина сломалась. Все вышли пройтись. Сотрудник ОГПУ Ибрагим Абисалов выстрелил Рейли в спину. Поскольку он еще дышал, то Сыроежкин добил его выстрелом в грудь.

Имя старшего майора госбезопасности Сыроежкина,

удостоенного ордена Ленина и расстрелянного в феврале 1939 года, занесено на мемориальную доску Службы внешней разведки.

Чекисты подождали еще минут десять — пятнадцать, пока не наступила смерть. Надели на голову мешок и отвезли тело Рейли в санчасть ОГПУ, где раздели и сфотографировали (снимки сохранились). Медикам сказали, что покойный попал под трамвай.

9 ноября начальник тюремного отдела ОГПУ забрал тело Рейли из морга санчасти и прямо в мешке приказал закопать во дворе внутренней тюрьмы на Лубянке. Не знаю, перевезли его останки потом на какое-нибудь кладбище или они по-прежнему покоятся во дворе старого здания КГБ, рядом с самым большим в мире магазином игрушек «Детский мир».

Сиднея Рейли считали автором злополучного «письма Зиновьева», но это не подтверждается документами. Если не Рейли, то кто же?

В двадцатых годах разведывательная жизнь в Европе была очень оживленной. Агентов, подобных Рейли, было множество. Они служили за деньги, поэтому часто меняли хозяев или работали сразу на несколько разведок. Предметом всеобщего интереса европейских разведок стала Советская Россия, которая отгородилась от внешнего мира.

После Первой мировой англичане сократили штаты спецслужб донельзя.

Но бывшие сотрудники разведки по собственной инициативе снабжали действующих разведчиков информацией, получаемой из разных источников. Встречи проходили в знаменитых лондонских клубах или в загородных резиденциях, где собиралась британская элита: высшие чиновники правительства, бизнесмены, политики. Это было единое и закрытое сообщество. Это мешает понять, кто первым заговорил о секретном документе, будто бы полученном из Москвы, и кто его показал старым друзьям в разведке.

Главным источником информации для британской разведки оставались русские эмигранты. Они уже плохо представляли себе положение дел на родине. В основном снабжали иностранные разведки фальшивками, ловко маскируя их под подлинные документы.

В Берлине среди русских эмигрантов образовалось несколько групп, которые профессионально занимались такими подделками. Среди них был бывший русский морской офицер с широкими связями в монархических кругах, который начал сотрудничать с британской разведкой в октябре 1924 года. Он

утверждал, что возглавляет разветвленную организацию в России, которая имеет своих людей в каждом советском правительственном учреждении, и что его люди знают, что находится в багаже любого советского курьера, который выезжает из России.

Он представил своим кураторам в берлинской резидентуре копию того же «письма Зиновьева», утверждая, что его агент пять лет работал в Наркомате иностранных дел, а недавно был переведен в Исполком Коминтерна и помогал Зиновьеву писать это письмо…

Это могло означать, что он покупает фальшивые бумаги из того же источника, что и агент британской резидентуры в Риге. Англичане знали, кто изготовляет фальшивки в Берлине, и местная резидентура с подозрением отнеслась к такому документу. От берлинцев в Лондоне «письмо Зиновьева» бы не приняли.

Другое дело Рига, куда тоже стекалась информация о положении в Советском Союзе, подлинная или фальшивая. Рижская резидентура британской разведки доверяла людям, с которыми работала. Но это были те же бывшие офицеры Белой армии и просто наемники тайной войны, которые продавали свои услуги тем, кто больше заплатит.

Судя по всему, «письмо Зиновьева» изготовил кто-то из таких умельцев. Кто именно — за давностью лет выяснить уже невозможно. Эти люди преследовали двойную цель — и заработать, и поссорить Англию с Россией. Безымянным авторам письма удалось и то и другое.

Политика Лондона изменилась. Англо-советское торговое соглашение не было ратифицировано. Отношения между двумя странами сильно ухудшились. Получить кредиты на восстановление экономики Советской России не удалось. И возможность радикально улучшить отношения с внешним миром не реализовалась.

Британцы уверились в том, что с Россией нельзя иметь дело, русские только и думают, как подорвать устои Британской империи. В России убедились в том, что договариваться с Англией бесполезно: англичане ненавидят русских и всегда найдут повод, пусть даже заведомо фальшивый, чтобы разорвать отношения. В списке врагов советской власти Англия надолго заняла первое место.

Вечный доброволец

Горбачевская перестройка на мгновение сделала героями тех, кого преследовал Сталин, но их немедленно накрыла новая волна ненависти. Тех, кого еще вчера осуждали за «антисоветизм», сегодня предают анафеме за «преданность Советской власти».

Лев Троцкий, который считался символом антисоветизма, отвергнут новой Россией как творец большевистского переворота и командующий Красной армией.

Владимир Ленин, о возвращении к которому мечтали все антисталинисты, вычеркнут из российского пантеона как злейший враг русского народа — к тому же с примесью шведской и еврейской крови.

Русские дети десятилетиями играли в красных командиров и ловили белых бандитов. Теперь они играют в белых офицеров и ловят красных комиссаров.

Историческая чистка началась среди русской эмиграции. Похвалы заслуживают только те, кто упорно отвергал любые контакты с Советской Россией, и даже те, кто присоединился к Гитлеру в борьбе со Сталиным.

Сотрудничавшие с Советской Россией «коллаборационисты» подвергаются осуждению. В их числе Сергей Эфрон и косвенно — его жена, поэт Марина Цветаева. «Вина» Сергея Эфрона усугублена тем, что его считают агентом советской разведки, причастным как минимум к одному политическому убийству.

Что за злосчастная судьба выпала Сергею Эфрону! Добрый и открытый, счастливый в друзьях и в любви, смелый и честный, одаренный от Бога, он стал жертвой трагических событий русской истории XX века.

Его имя вошло бы в русскую историю только из-за того, что он был мужем Марины Цветаевой, одного из лучших русских поэтов первой половины XX века. Она, как сказал о ней другой поэт, «поэт для немногих, удел хотя и горький, но достойный». Любовь Марины к Сергею была бесконечна. Она уехала за ним из ленинской России в 1922 году, чтобы разделить с ним горький хлеб эмиграции, и вернулась вслед за ним в сталинскую Россию в 1939 году, чтобы носить ему передачи в тюрьму.

Сергей и Марина встретились совсем юными и сразу полюбили друг друга.

Младшая сестра Марины Анастасия, написавшая на склоне лет толстую книгу воспоминаний, говорит о любви Марины и Сергея Эфрона:

«Он пошел в ее руки как голубь… В ее стихах он понимал

каждую строку, каждый образ. Было совсем непонятно, как они жили врозь до сих пор».

Сын известной левой террористки, Сергей Эфрон, родившийся 26 сентября 1893 года в Москве, рано ощутил отчуждение, отверженность от общества — чувство, которое будет сопровождать его всю жизнь. Окружающим он всегда будет казаться «чужим», и рядом с ним будет очень мало «своих».

Сам Эфрон вспоминал, что «еще в семь лет прятал бомбу в штанах». В 1910 году его мать повесилась в Париже на одном крюке со своим младшим сыном — братом Сергея. Мог ли он предположить, что таким же образом через тридцать один год уйдет из жизни и его обожаемая жена Марина Цветаева?

Когда началась Первая мировая война, Эфрон оставил университет. Он хотел пойти добровольцем, но медицинская комиссия его забраковала — туберкулез. Тогда он поехал на фронт с санитарным поездом, а потом все-таки добился права поступить в 1-ю Петергофскую школу прапорщиков. Он получил офицерское звание в июле 1917 года, когда это стало опасным для жизни. После большевистской революции в ноябре 1917 года присоединился к Добровольческой армии, которую на Дону формировали генералы Михаил Васильевич Алексеев, Лавр Георгиевич Корнилов и Антон Иванович Деникин.

Эфрона зачислили прапорщиком в полк генерала Сергея Леонидовича Маркова, потом произвели в подпоручики. Генерал Марков, старый друг Деникина, был смертельно ранен снарядом с бронепоезда. Деникин переименовал полк, которым командовал Марков, в 1-й офицерский генерала Маркова полк. На Дону к добровольцам отнеслись плохо. В середине января 1918 года Корнилов перевел части армии в Ростов, но и здесь добровольцев встретили враждебно. Корнилов решил уходить на Кубань. Все шли пешком, даже Корнилов. Поход стали называть ледовым из-за того, что в марте у станицы Ново-Дмитровской офицерский полк сумел переправиться ночью в чудовищную погоду, в снегопад, через реку, которая покрывалась льдом, и штыковой атакой выбил красных, не ожидавших появления белых.

Офицеров, которые все это преодолели, называли первоходниками, они пользовались особым уважением в Белой армии. К ним принадлежал Сергей Эфрон. Приказом Деникина Эфрон был награжден «Знаком отличия Первого Кубанского похода». Он участвовал в неудачном наступлении на Москву, в котором погибли почти все офицеры марковского полка. Он состоял в пулеметной команде. В 1920 году, когда остатки Белой армии отступили в Крым, он был произведен в поручики.

Вместе с остатками разгромленной большевиками Белой

армии он вынужден был в 1920 году бежать из России. После эвакуации из Крыма войска были высажены на залитое дождем пустынное поле за полуразрушенным турецким городком Галлиполи. «Галлиполийское сидение» продолжалось до конца 1921 года, после этого части армии генерала Врангеля были переведены в Болгарию и в Югославию.

В течение многих лет Галлиполи оставался символом стойкости, исполнения долга и верности избранному пути. Галлиполийские общества вместе с полковыми объединениями Добровольческой армии заполнили собой все уголки русского зарубежья. Сергей Эфрон провел в Галлиполи восемь месяцев, потом уехал в Константинополь. Томаш Масарик, основатель Чехословацкой республики, проявил особое сочувствие к эмигрантам из России, широко раскрыв перед ними двери своей страны. Эфрону, как бывшему студенту, была предоставлена возможность продолжить образование в Праге.

Во время Гражданской войны Марина и Сергей потеряли друг друга. Цветаева ничего не знала о муже. Окружающие скрывали от нее слух о том, что офицера Эфрона красные расстреляли в Крыму.

Зимой 1919 года в голодной Москве детей нечем было кормить. Старшая — Ариадна — была тяжело больна. Марина устроила дочерей в Кунцевский приют, опекаемый Красной армией. Для этого ей пришлось написать заявление о том, что дети не ее, а беженцев, и она нашла их у себя в квартире. Старшую спасли, младшая — трехлетняя Ирина — умерла в феврале от голода.

«Спасти обеих я не могла — нечем было кормить, — расскажет потом Марина сестре. — Я выбрала старшую, более сильную, чтобы помочь ей выжить».

Она кормила старшую и говорила ей:

— Ешь. И без фокусов. Пойми, что я спасла из двух — тебя, двух не смогла. Тебя выбрала… Ты выжила за счет Ирины.

Осенью 1921 года, вспоминал философ и журналист Федор Степун, вместе с Цветаевой они шли вниз по Тверскому бульвару: «На ней было легкое затрепанное платье, в котором она, вероятно, и спала. Мужественно шагая по песку босыми ногами, она просто и точно рассказывала об ужасе своей нищей, неустроенной жизни, о трудностях как-нибудь прокормить своих двух дочерей. Мне было страшно слушать ее, но ей было не страшно рассказывать: она верила, что в Москве царствует не только Ленин в Кремле, но и Пушкин у Страстного монастыря. «О, с Пушкиным ничто не страшно». Идя со мною к Никитским воротам, она благодарно чувствовала за собою его печально

опущенные, благословляющие взоры».

Илья Григорьевич Эренбург в 1921 году одним из первых советских граждан поехал за границу. «Цветаева попросила меня попытаться отыскать ее мужа, — вспоминал Эренбург. — Мне удалось узнать, что С.Я. Эфрон жив и находится в Праге; я написал об этом Марине. Она воспрянула духом и начала хлопотать о заграничном паспорте».

Паспорт ей дали сразу. В 1922 году из Советской России еще выпускали. В Наркомате по иностранным делам ей сказали:

— Вы еще пожалеете о том, что уезжаете…

В 1925 году воссоединившаяся семья перебралась из Чехии в Париж. В Париже поэзия Цветаевой имеет большой успех. Весной 1926 года возникает ставшая знаменитой тройственная переписка великих поэтов — Райнера Марии Рильке, Бориса Пастернака и Марины Цветаевой.

А ее муж занялся политикой. В эмиграции таким, как Сергей Эфрон, стало казаться, что они совершили роковую ошибку, выступив против новой власти в России, — служение родине превыше всего. Сергей Эфрон присоединился к евразийцам, отвергавшим слепое подражание Западу, пропагандировавшим особый путь России, который соединил бы все лучшее, что можно взять и у Европы, и у Азии.

Евразийцы распались на три группы, одна из них, возглавляемая князем Святополк-Мирским, признала большевистскую революцию и стремилась к возвращению в Россию. Князь преподавал русскую литературу в Лондонском университете, вступил в коммунистическую партию Великобритании и вернулся в Россию в 1932 году. В 1937 году как «иностранный шпион» он был осужден и погиб в одном из сталинских лагерей.

Вместе с князем Святополк-Мирским и другим зачинателем евразийского движения Петром Сувчинским, музыковедом с мировым именем, другом композитора Игоря Стравинского, Эфрон в конце двадцатых — начале тридцатых годов издавал журнал «Версты». Эфрон, разносторонне талантливый человек, много писал, играл в театре. В его журнале участвовала и Марина Цветаева.

В Париже Сергей Эфрон вступил в Союз возвращения на Родину. Этот союз, опекаемый советским посольством, был создан в 1924 году (в 1937-м переименован в Союз друзей Советской Родины). Он попросил принять его в советское гражданство. Полагают, что в Союзе возвращения у Эфрона и завязались какие-то отношения с агентами НКВД. Более того, его считают причастным к убийству пытавшегося бежать на Запад советского

разведчика Игнатия Порецкого, более известного под фамилией Рейсс.

Игнатий Станиславович Порецкий, он же Натан Маркович Порецкий, он же Игнатий Рейсс, кличка Людвиг, был одним из самых известных перебежчиков. С 1920 года он работал в советской военной разведке. В начале тридцатых стал заместителем Вальтера Германовича Кривицкого (настоящее имя — Самуил Гершевич Гинзберг). В середине тридцатых Кривицкий возглавлял крупную нелегальную резидентуру советской военной разведки в Западной Европе.

Летом 1937 года Игнатий Порецкий заявил, что уходит на Запад. Он встретился с сотрудницей советского постпредства в Париже и вручил ей пакет, в котором был орден Красного Знамени (странно, что орден оказался у Порецкого с собой — разведчикам не полагалось брать с собой за границу подлинные документы и награды) и письмо Сталину.

В письме говорилось: «Я возвращаю себе свободу. Назад к Ленину, его учению и делу… Только победа освободит человечество от капитализма и Советский Союз от сталинизма. Вперед к новым боям за социализм и пролетарскую революцию! За организацию Четвертого Интернационала!»

Полтора десятка лет на службе в разведке странным образом не избавили Порецкого от революционного романтизма. Порецкий, как и Вальтер Кривицкий, всю жизнь был солдатом мировой революции и от Сталина ушел к Троцкому, считая его подлинным наследником ленинского дела. Для Сталина письмо Игнатия Порецкого было личным оскорблением — высланный из России и утративший всякое влияние в родной стране Лев Троцкий оставался в параноидальном мозгу Сталина врагом номер один.

Характерно, что и по сей день в советской военной разведке Порецкого считают предателем, похитившим казеные деньги и секретные документы.

Он был убит 4 сентября 1937 года.

Об убийстве Порецкого существует большая литература.

Вдова Порецкого Элизабет написала воспоминания, которые в 1969 году вышли в Лондоне, а теперь изданы и в России — «Тайный агент Дзержинского». Несколько авторов подробно изложили результаты расследования, проведенного швейцарской полицией.

Вальтер Кривицкий, который через месяц после убийства своего заместителя тоже решил бежать на Запад, написал в своей книге «Я был агентом Сталина»: в Париж срочно приехал заместитель начальника иностранного отдела НКВД Сергей

Шпигельглас, который и руководил операцией по уничтожению Рейсса. Об истории убийства Рейсса рассказал и Александр Орлов (настоящее имя Лев Фельдбин), бывший резидент советской политической разведки в Испании, бежавший на Запад летом 1938 года. Он утверждал, что за Игнатием Рейссом послали передвижную группу управления специальных операций НКВД. Недостаток всех этих книг состоит в том, что их авторы пишут об убийстве Порецкого с чужих слов или строят предположения, выдавая их за бесспорную истину.

К сожалению, до сих пор соответствующее досье так и не извлечено из архивов внешней разведки. Поскольку времена, когда архивы открывались, позади, то, возможно, мы уже никогда не узнаем правду. А строить предположения, не имея достаточной информации, опасно. Легко ошибиться.

Например, русская эмиграция и историки полвека считали, что похищение русского эмигранта генерала Александра Павловича Кутепова в Париже в 1930 году организовал для советской разведки другой бывший генерал — Николай Владимирович Скоблин, ставший агентом Москвы. На самом деле к этому похищению Скоблин не имел никакого отношения: Кутепова похитили в январе 1930 года, советский вербовщик впервые встретился со Скоблиным осенью 1930-го…

Расследуя убийство Порецкого, швейцарская полиция установила следующее.

В ночь на 4 сентября 1937 года в стороне от дороги, ведущей из Лозанны на Шамблан, обнаружили тело неизвестного мужчины в возрасте примерно сорока лет. Пять пуль ему всадили в голову и семь в тело. Полиция быстро нашла брошенный автомобиль со следами крови в кабине, и арестовала женщину, которая взяла этот автомобиль напрокат. К удивлению полиции, она не пыталась скрыться после убийства.

Эту женщину звали Рената Штайнер, и она не могла понять, куда делись ее друзья, которым она передала этот автомобиль. Полиция идентифицировала «друзей» Штайнер и восстановила предполагаемую картину убийства Порецкого. Но никого, кроме Ренаты Штайнер, полиции найти не удалось. Полагают, что московской опергруппе помогла Гертруда Шильдбах (урожденная Нойгебауэр), член компартии Германии, бежавшая из страны после прихода нацистов к власти.

Шильдбах дружила с Порецким. Полиция пришла к выводу, что Шильдбах уговорила Порецкого встретиться. Они поехали в загородный ресторан. После обеда пошли гулять, и тут, на заброшенной дороге, появился автомобиль, из которого выскочило несколько человек. Они запихнули Порецкого в

машину, где застрелили его. Труп выбросили на дорогу.

Рената Штайнер назвала и имя Эфрона. По ее словам, он был агентом НКВД.

В 1932 году Рената Штайнер познакомилась с людьми, близкими к коммунистам, а в 1934-м пробыла шесть недель в Москве, пишет историк Петер Хубер, основательно исследовавший «швейцарский след» убийства Порецкого. В Париже, как рассказала Рената Штайнер швейцарской полиции, она сотрудничала с организацией русских эмигрантов «Союз возвращения на Родину». В союзе, рассказала Штайнер, она познакомилась с Сергеем Эфроном. Эфрон попросил ее следить за сыном Троцкого Львом Седовым.

В дальнейшем ее регулярно просили оказывать «небольшие услуги» — обычно следить за какими-то людьми. Штайнер уверяла, что Эфрон участвовал в слежке за Порецким. Швейцарская полиция обратилась за помощью к французским коллегам. Но к этому времени Сергей Эфрон уже покинул Францию, и допросить его не смогли.

Зато допросили Марину Цветаеву, которая заявила, что Эфрон через пять недель (а не сразу, как поступил бы преступник!) после убийства Порецкого уехал в Испанию, а те недели, когда шла подготовка к убийству, и во время убийства они вместе находились на берегу Атлантического океана.

Алиби для мужа?

«Лично я не занимаюсь политикой, — откровенно сказала Цветаева полицейским, — но мне кажется, что мой муж связан с нынешним русским режимом».

То есть Цветаева не сочла нужным скрыть, что ее муж поддерживает открытые отношения с официальными представителями СССР.

«Мы с мужем не высказывали по поводу дела Рейсса ничего, кроме возмущения, осуждая любой акт насилия, с какой бы стороны он ни исходил», — сказала Цветаева на допросе.

Непросто представить себе, что великая поэтесса Марина Цветаева, человек, пребывающий в мире высоких чувств, изворачивается, врет, выгораживает мужа по заранее составленному плану. Может быть, Марина просто не знала, чем занимался ее муж?

И это трудно предположить. Как показывает история разведки, жена всегда знает о том, что муж занимается этим тайным бизнесом.

Она уехала в Советскую Россию, вслед за Сергеем.

В Цветаевой, писал Эренбург, «поражало сочетание надменности и растерянности; осанка была горделивой — голова,

откинутая назад, с очень высоким лбом; а растерянность выдавали глаза: большие, беспомощные, как будто невидящие — Марина страдала близорукостью… Марина многих в жизни называла своими друзьями; дружба внезапно обрывалась, и Марина оставалась с очередной иллюзией… Жилось ей очень плохо: «Муж болен и работать не может. Дочь вязкой шапочек зарабатывает пять франков в день, на них вчетвером (у меня сын 8-ми лет, Георгий) живем, то есть медленно подыхаем с голоду».

Версия убийства Игнатия Порецкого, которой полвека оперируют историки, в принципе вызывает у меня серьезные сомнения. Это было не первое и не последнее политическое убийство, совершенное НКВД за рубежом. Неограниченность в силах и средствах давала возможность Москве тщательно организовывать эти убийства.

Такого рода акции, требующие подготовки, выполнялись кадровыми работниками госбезопасности. Оперативные группы перебрасывались из России за рубеж (НКВД располагал любыми фальшивыми документами всех стран). К услугам местных и ненадежных агентов старались не прибегать. Генерала Кутепова в 1930 году и генерала Миллера в 1937-м похитили в Париже сотрудники резидентуры внешней разведки и прибывшие к ним на помощь оперативные работники НКВД.

Порецкого наверняка убили совсем не те люди, которых впутали в это дело.

Первоначально убрать Порецкого поручили майору госбезопасности Теодору Малли (в иностранном отделе его называли Теодором Степановичем, оперативный псевдоним Манн), который дружил с перебежчиком.

«Это был высокий, красивый мужчина с голубыми доверчивыми глазами и очаровательной улыбкой, которая отличает людей от природы застенчивых, — вспоминала вдова Порецкого Элизабет. — Он проявил себя преданным другом, на которого можно было положиться».

Теодор Малли с весны 1936 года был руководителем нелегальной резидентуры в Лондоне, работал с Кимом Филби и его друзьями. Сергей Шпигельглас, приехав в Париж, вызвал к себе Малли. Шпигельглас предложил два варианта на выбор. Либо ударить Порецкого утюгом по голове в его гостиничном номере и инсценировать ограбление. Либо отравить во время совместной трапезы в кафе и распрощаться раньше, чем тот уйдет в мир иной. Малли отказался в этом участвовать.

Теодора Малли отозвали в Москву. Он был венгром, католическим священником. В Первую мировую служил в австро-венгерской армии и попал в плен. После Октябрьской революции

вступил добровольцем в Красную армию, потом его взяли в ВЧК. Его арестовали 7 марта 1938 года — вместе с большой группой венгерских коммунистов во главе с Белой Куном, которые нашли убежище в Советском Союзе после падения Венгерской советской республики. 20 сентября 1938 года его приговорили к смертной казни и в тот же день расстреляли…

Вместо Малли из Москвы вызвали специалистов по «мокрым делам». Они просто застрелили Порецкого. Павел Анатольевич Судоплатов, который, занимаясь в НКВД именно такими делами, дослужился до звания генерал-лейтенанта, в своих воспоминаниях даже назвал имена убийц Порецкого, двух сотрудников иностранного отдела, которые получили по ордену Красного Знамени. О роли Сергея Эфрона генералу Судоплатову ничего не было известно.

Только два года прожил Сергей Эфрон в Советской России.

10 октября 1939 года его арестовали в Москве вместе с группой бывших эмигрантов, вернувшихся на родину.

В 1928 году во Франции сняли мелодрамму «Мадонна спальных вагонов». Действие фильма переносится в Советскую Россию. Герой, князь, оказывается в советской тюрьме и слышит, как из соседней камеры человека выводят на расстрел. Приговоренного к смерти сыграл Сергей Эфрон. В фильме эпизод длится всего четырнадцать секунд. В реальной тюрьме он ждал смерти два года.

Сразу же после ареста чекисты провели первый допрос.

Лейтенант госбезопасности Кузьминов, оформивший еще 2 октября 1939 года постановление на арест, нашел, что Эфрон «во время Октябрьской революции находился в Москве и вместе с юнкерами принимал активное участие в боях против рабочих и солдат. После революции уехал на Юг, поступил добровольцем в Белую армию, принимал участие в борьбе против Красной Армии во всех походах в московском направлении. После разгрома армии Врангеля эвакуировался в Турцию. До 1937 года был в эмиграции, где принимал активное участие в белогвардейских организациях, ведущих работу против СССР».

Сергею Эфрону предъявили стандартное обвинение по 58-й статье Уголовного кодекса, которая поставляла основной контингент заключенных ГУЛАГа: измена Родине, террор, призывы к свержению Советской власти…

В обвинительном заключении говорилось:

«В НКВД СССР поступили материалы о том, что из Парижа в Москву по заданию французской разведки прибыла группа белых эмигрантов, с заданием вести шпионскую работу против СССР… Обвиняемый по этому делу Эфрон в 1920 году бежал за границу и

принимал там активное участие в антисоветской работе белогвардейских организаций.

Эфрон, занимая руководящее положение в так называемой просоветской организации в Париже — в «Союзе возвращения на Родину» — и пользуясь исключительным к себе доверием со стороны бывшего вражеского руководства 5-го отдела НКВД, по заданию французской разведки засылал в СССР шпионов, диверсантов и террористов».

Итак, в приговоре сталинского суда тоже говорится о сотрудничестве Эфрона с разведкой! Значит, это правда?

В этом утверждении, скорее всего, столько же правды, сколько и во всем обвинительном заключении, в котором соответствуют истине только имена и даты рождения обвиняемых. Тех, кто допрашивал Эфрона, уже тоже нет в живых. Но по опыту множества других таких процессов можно предположить, что о связях с советскими чиновниками в Париже говорил следователям сам Эфрон, наивно пытаясь убедить следователей в нелепости предъявленного ему обвинения. И следователи охотно подхватили эти слова!

В архиве КГБ я читал дело агента-вербовщика советской разведки Петра Ковальского, тоже бывшего офицера Белой армии. Он несколько лет работал на советскую разведку в разных европейских странах. В 1937 году, в разгар массовых репрессий в СССР, его арестовало местное управление НКВД в украинском городе, где он жил в промежутке между выполнениями заданий московской разведки, и обвинило в шпионаже в пользу Польши. Петр Ковальский, разумеется, ссылался на свою службу в ОГПУ — НКВД, но малограмотный следователь, плохо владевший родным языком, и не подумал обратиться за справкой к коллегам в разведку, а просто написал в обвинительном заключении: «Видно, что Ковальский при использовании по линии иностранного отдела имеет ряд фактов, подозрительных в проведении им разведывательной работы в пользу Польши».

Отсутствие доказательств вины при Сталине никак не могло помешать вынесению смертного приговора…

Ковальского расстреляли, а центральный аппарат разведки еще целых два года искал его по всему Советскому Союзу, чтобы отправить за границу с новым заданием!

В то время, когда шло следствие по делу Эфрона, в соседних кабинетах НКВД заканчивалось уничтожение руководящих кадров внешней разведки.

Любые слова «французского шпиона» Эфрона о контактах с советскими людьми в Париже, среди которых каждый второй работал на разведку, должно быть, встречались следователями на

ура. Слова в эфроновском приговоре о «бывшем вражеском руководстве 5-го отдела НКВД» были нужны не для того, чтобы усугубить вину Эфрона; это была заготовка следователей НКВД для процесса над сослуживцами из разведки.

Сергей Эфрон несколько лет ждал советского паспорта. Нет сомнений, что он исполнял поручения сотрудников посольства, которые в реальности были разведчиками. Он, скажем, помогал отправке добровольцев в республиканскую Испанию.

Свою лепту в создание образа «Эфрона — агента НКВД» сыграла его дочь Ариадна, арестованная с ним по одному делу. В июле 1940 года ее приговорили как агента французской разведки к восьми годам лагерей. Когда этот срок кончился, ей добавили новый и отправили в ссылку в Сибирь. В 1954 году, когда началась реабилитация сталинских жертв, Ариадна Эфрон написала Генеральному прокурору СССР с просьбой сообщить о судьбе отца.

На это письмо ссылаются, когда ищут доказательства работы Эфрона на советскую разведку:

«В 1939 году в Москве был арестован органами государственной безопасности мой отец Сергей Яковлевич Эфрон, бывший долгие годы работником советской разведки за границей, в частности во Франции. Его дальнейшая участь мне неизвестна.

Зная своего отца как человека абсолютно честного и будучи уверенной в его невиновности, прошу вас, товарищ генеральный прокурор, сообщить мне то, что о нем было известно, то есть жив ли он, статью, по которой он был осужден, и срок наказания».

Тем временем в феврале 1955 года военная коллегия Верховного суда реабилитировала саму Ариадну. Из ссылки ее освободили. Она пишет в Верховный суд письмо, которое, должно быть, поразит молодого читателя:

«Дорогие товарищи, на днях я получила справку о том, что определением Военной Коллегии Верховного Суда дело мое за отсутствием состава преступления прекращено.

Я 16 лет ждала этого дня и дождалась его.

Приношу свою глубокую благодарность работникам военной прокуратуры и Военной Коллегии Верховного Суда, разбиравшим мое дело, желаю им счастья и успехов в их благородном труде, заверяю их в том, что весь остаток своей жизни буду стараться оправдать оказанное мне доверие.

Спасибо советскому правосудию!»

Эта несчастная женщина, которая половину своей жизни (в 1939 году, когда ее арестовали, ей было двадцать семь лет) провела в тюрьме, лагере и ссылке, писала и говорила то, что надо было писать и говорить в те времена.

Пытаясь что-то узнать о своем отце, она тоже использует аргумент, который в тот момент казался ей убедительным: предполагаемую службу отца на советскую разведку. Откуда же было знать Ариадне Эфрон в 1955 году, что через несколько десятилетий Сергея Эфрона осудят вновь — на сей раз не суд, а общественное мнение!

Впоследствии, когда хлопоты по реабилитации отца закончились, Ариадна Эфрон признается друзьям, что на самом деле ей ничего не известно о работе отца на НКВД… Вернувшись из ссылки в Москву, Ариадна Эфрон встретила женщину, которая знала ее родителей. Это Елизавета Хенкина, дочь генерала царской армии, в прошлом актриса. Она уехала из Советской России в 1923 году, а вернулась в 1941-м.

В Париже, в «Союзе возвращения на Родину» она руководила кружком любителей театра и, как впоследствии уверяла московских знакомых, оказывала особые услуги советским представителям. Обрадованная неожиданной встречей с человеком, который может засвидетельствовать преданность ее отца советской власти, Ариадна Эфрон пишет письмо помощнику главного военного прокурора:

«Елизавета Хенкина знала Шпигельгласа, хорошо помнит, как и кем выполнялось задание, данное Шпигельгласом группе, руководимой моим отцом, как и по чьей вине произошел провал этого дела. Помнит она и многое другое, что может представить интерес при пересмотре дела отца. Лично знала она и большинство товарищей отца, арестованных вместе с ним… Несмотря на свой возраст, она сохранила ясную память, может быть, сможет быть Вам полезной.

Второй человек, знавший моего отца приблизительно с 1924 года, может быть, и ранее, это Вера Александровна Трайл, также принимавшая большое и активное участие в нашей заграничной работе. Сейчас она находится в Англии. Адрес ее имеется у Хенкиной…»

Имена, которые называются в этом письме, кажутся веским подтверждением причастности Эфрона к делам НКВД.

Уже упоминавшийся в этой книге Сергей Михайлович Шпигельглас был несомненно умелым и эффективным разведчиком. Его отчеты, подписанные псевдонимом Дуче, хранятся в личном деле крупного советского агента, бывшего генерала Белой армии Николая Скоблина, которое я имел возможность изучить в архиве внешней разведки.

Бумаги, подписанные Шпигельгласом, выдают в нем смелого и решительного оперативника и резко отличаются от сухих и лишенных налета интеллекта донесений его коллег по разведке.

Многие годы Сергей Шпигельглас руководил борьбой с русской эмиграцией и в середине тридцатых годов подолгу нелегально жил в Западной Европе, в том числе и в Париже.

Но могли ли Сергей Эфрон и Елизавета Хенкина действительно знать Шпигельгласа?

По своему положению руководителя крупной нелегальной резидентуры Шпигельглас непосредственно общался только с самыми важными агентами, такими как генерал Скоблин, поставлявшими первоклассную информацию о планах эмигрантской верхушки. Ни Эфрон, ни Хенкина, даже если принять версию об их сотрудничестве с советской разведкой, к числу таких агентов не относились. Советская разведка имела в Париже огромный и разветвленный аппарат, с мелкими агентами (а их только в среде эмиграции насчитывалось многие десятки) встречались столь же мелкие работники.

Шпигельглас жил за границей под чужим именем. Его настоящую фамилию в Париже знали только несколько кадровых работников резидентуры советской разведки, которые работали под дипломатическим прикрытием. А Елизавета Хенкина и все остальные услышали эту фамилию только после того, как ее назвал бежавший на Запад Вальтер Кривицкий (Шпигельглас к этому времени уже был расстрелян), и она замелькала в газетах.

Веру Гучкову-Трайл, упоминавшуюся в письме Ариадны Эфрон, тоже считают причастной к убийству Игнатия Порецкого. Швейцарский историк Петер Хубер пишет, что она получила из Москвы чек на десять тысяч франков и передала его матери предполагаемого убийцы Порецкого — исчезнувшего Ролана Аббиата.

Вера была дочерью крупного российского промышленника Александра Ивановича Гучкова, военного министра в первом после Февральской революции российском правительстве. В 1935 году она вышла замуж за Роберта Трайла, сына промышленника из Глазго. Роберт принадлежал к известному типу британских левых интеллектуалов, искавших счастья в коммунистических идеях. В 1934–1936 годах он жил в Москве и работал в пропагандистской газете «Москоу ньюс». Это, видимо, и дало основание полагать, что Вера была связана с НКВД…

Но Сергей Эфрон хорошо знал Веру Трайл не «по совместной службе в НКВД», а потому, что ее первым мужем был евразиец Петр Сувчинский, с которым Эфрон издавал журнал «Версты»…

В деле генерала Скоблина, хранящемся в архиве советской разведки, я нашел секретный документ, имеющий отношение к Сергею Эфрону.

Один из советских журналистов обратился в КГБ с просьбой

разрешить ему написать о «замечательном советском разведчике Сергее Эфроне». Это письмо по установленному порядку попало в пресс-бюро КГБ. Начальник пресс-бюро доложил о просьбе своему начальнику — заместителю председателя КГБ, тот переадресовал просьбу в первое главное управление (внешняя разведка). В секретном письме заместитель начальника разведки доложил руководителю КГБ, что «Сергей Эфрон по картотеке учета советской внешней разведки не числится». Этот документ предназначался только для глаз высшего руководителя КГБ (журналисту ответили стандартно-бессмысленной формулой: «Публикация о Сергее Эфроне не представляется целесообразной»).

Итак, Сергей Эфрон сотрудником советской разведки никогда не был. Но что же было?

Первое поколение советских разведчиков нисколько не походило на тех людей, которые потом будут действовать на Западе. Первое поколение состояло из космополитов, в основном восточноевропейских евреев, знавших множество языков, образованных и хорошо понимавших западную жизнь. Для таких людей искренний и честный Эфрон был легкой добычей. Он был рад любой возможности что-то сделать для Родины. В советском посольстве ему объяснили: «Вы очень виноваты перед Родиной. Прежде чем думать о возвращении, вам нужно искупить грехи и заслужить прощение».

Он и пытался искупить свои грехи и заслужить прощение. Расспросы о положении дел внутри эмиграции, о настроениях тех или иных эмигрантов казались совершенно естественными. Ведь ему задавал вопросы официальный представитель Советского Союза. Наивный в таких делах Эфрон слишком поздно понял, что его использует НКВД…

Сталинский суд приговорил «французского шпиона» Эфрона к смертной казни, когда нацистская Германия уже напала на Советский Союз. Судьба страны висела на волоске, но машина репрессий продолжала действовать. Расстреляли его 16 ноября 1941 года.

А 31 августа 1941 года его жена Марина Цветаева в состоянии тяжелой депрессии повесилась в провинциальном городке Елабуге, куда эвакуировалась из Москвы, к которой стремительно приближались немцы. В Елабуге Цветаева жила в доме на улице, названной именем члена политбюро Андрея Жданова, который прославился гонениями на писателей.

Марина не разделяла увлечения Эфрона Советской Россией. В эмиграции многое знали о происходящем на родине. Но и она никак не ожидала, что ее мужа и дочь арестуют по нелепому

обвинению, а она сама будет снимать угол в чужом доме, оставшись без денег, работы, друзей и надежды. До войны, когда она приехала из Парижа, ей помогал Борис Пастернак, доставал ей заказы издательств на переводы иностранных поэтов — единственно возможный для нее источник заработка.

Получив известие о смерти Цветаевой, Борис Пастернак писал жене: «Мне сказали, что Марина повесилась. Если это правда, то какой же это ужас! Позаботься тогда о ее мальчике, узнай, где он и что с ним. Какая вина на мне, если это так!.. Я всегда знал, что заботу обо всех людях на свете должен символизировать в лице Жени (первая жена Пастернака. — *Л. М.),* Нины (вдова его друга — грузинского поэта Тициана Табидзе. — *Л. М.)* и Марины. Ах, зачем я от этого отступил!»

Сын Марины, о котором писал Пастернак, Георгий Эфрон по прозвищу Мур, после ареста сестры, самоубийства матери и расстрела отца оказался в конце ноября 1941 года совершенно один. Он учился в девятом классе, голодал. В начале 1944 года его призвали в армию. Как хорошо умеющего писать и рисовать, его назначили в штаб писарем. Но ему было стыдно отсиживаться в штабе, и он попросился на передовую. В июле 1944 года он был смертельно ранен.

Георгий Эфрон тоже стал добровольцем, как и его отец.

Желание служить честно и бескорыстно — самое важное в их семейном характере.

В 1929 году Марина Цветаева писала поэму «Перекоп» — о последних эпизодах борьбы Красной и Белой армий в Крыму. Главным источником поэтического вдохновения был бывший офицер Белой армии и ее муж Сергей Эфрон.

Ему и посвящена поэма (как и многие другие ее стихотворения) — «Моему дорогому и вечному добровольцу». Эти слова кажутся мне самым точным определением личности Эфрона. Лучше поэта никто не скажет. Марина Цветаева знала и понимала своего мужа глубже, чем кто бы то ни было.

Смогла бы Марина Цветаева продолжать любить тайного агента сталинской разведки и последовать за ним в Советский Союз, которым, в отличие от своего мужа, отнюдь не восхищалась? Мог ли вечный доброволец Сергей Эфрон быть секретным агентом? Разве соответствует это его характеру — следить за кем-то, вербовать других агентов, готовить убийство?

Все, кто знал его, считали Эфрона человеком добрым, приятным.

«Я знал в Париже старшего брата Сережи — актера Петра Яковлевича Эфрона, больного туберкулезом и рано умершего, — писал Илья Эренбург. — Сережа походил на него — был очень

мягким, скромным, задумчивым…»

Потом, конечно, появились воспоминания, в которых его называют человеком со стальной волей. Но сестра Марины Анастасия, которая хорошо знала их обоих, не раз заметит в своих «Воспоминаниях»: «Его огромные добрые глаза»…

Сергей Эфрон, оказавшийся сначала с белыми, а потом с красными, всякий раз бескорыстно сражался под тем знаменем, которое казалось ему символом чести и справедливости. Платным наемником и бесчестным предателем он не был.

Деревянный молоток

Весной 1939 года советский полпред в Китае Иван Трофимович Луганец-Орельский с женой Ниной Валентиновной приехал в Москву в отпуск. Как положено, доложился руководству и отправился отдыхать в Цхалтубо — в санатории НКВД. Хороший отдых высокому гостю взялся обеспечить лично нарком внутренних дел Грузии старший майор госбезопасности Авксентий Нарикиевич Рапава. Почему дипломат отдыхал в санатории НКВД и опекал его нарком внутренних дел — на это были особые причины, ставшие известными значительно позже.

И вдруг газеты сообщили, что в ночь на 8 июля 1939 года в результате автомобильной катастрофы погибли полпред в Китае, его жена, а также водитель товарищ Чуприн. Центральные газеты поместили некролог: «Нелепый случай вырвал из наших рядов активного члена большевистской партии и крупного советского дипломата…»

Некролог подписали заместители наркома иностранных дел Владимир Потемкин, Соломон Лозовский, Владимир Деканозов. Нарком иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов своей подписи не поставил. Но на это мало кто обратил внимание.

Катастрофа произошла в два часа ночи между городом Кутаиси и курортом Цхалтубо на шестом километре шоссейной дороги. Комиссия Кутаисского горсовета установила, что причиной аварии стала порча рулевого управления. Акт подписали члены технической комиссии и старший госавтоинспектор: «Авария произошла в результате того, что у продольной рулевой тяги, в месте крепления ее у рулевой сошки, отвернулась незашлинтованная пробка. Рулевая тяга сошла с места крепления, и машина потеряла управление».

В этом сообщении почти все было ложью. Машина была исправной — до того, как ее сбросили в пропасть. Водителя, указанного в протоколе ОРУД ГАИ, не существовало в природе. А советский полпред в Китае и его жена погибли задолго до того, как машину сбросили в ущелье. Они оба были сначала арестованы НКВД, а затем убиты.

В архиве внешней политики Министерства иностранных дел в личном деле убитого полпреда сохранилось всего несколько листков. Нет даже фотографии. Назначение в Китай было его единственной дипломатической миссией. Его настоящее имя — Иван Трофимович Бовкун. Он родился в Луганске, поэтому в Гражданскую войну, когда партизанил, взял себе революционный псевдоним — Луганец. В те годы это не возбранялось, почти все

советское руководство пользовалось партийными псевдонимами и кличками. Теперь и не всякий вспомнит, скажем, что настоящая фамилия Молотова — Скрябин.

В 1918 году Бовкун-Луганец присоединился к левым эсерам, которых на Украине именовали боротьбистами. Партия возникла в мае 1918 года в результате раскола украинских социалистов-революционеров. Печатным органом левых эсеров стала газета «Боротьба», поэтому их так и называли — боротьбистами. В 1920 году боротьбисты самораспустились и перешли к большевикам. Кому-то удалось занять крупные посты. Григорий Гринько стал союзным наркомом финансов. Панас Любченко — главой правительства Украины. Александр Шумский — республиканским наркомом просвещения.

В 1937 году украинский НКВД приступил к ликвидации бывших боротьбистов. Глава республиканского правительства Панас Петрович Любченко застрелился, не дожидаясь ареста. Впрочем, ходили слухи, что его застрелили чекисты из его собственной охраны. Бывшего наркома Шуйского посадили, а после окончания ссылки убили.

Из бывших боротьбистов вышли некоторые крупные чекисты, в том числе уже упоминавшийся в этой книге Иван Васильевич Запорожец, заместитель начальника Ленинградского управления НКВД, которого считают непосредственным организатором убийства Кирова.

После Гражданской войны Иван Бовкун работал в Черкассах, Белой Церкви, Бердичеве. С 1925 года учился в Высшей партийной школе в Москве. Недолго проработал в исполкоме города Проскурова. В 1928 году молодого партийного работника Бовкуна-Луганца направили в пограничные войска ОГПУ, он командовал погранотрядом в Волочинске. С 1929 по 1931 год Бовкун учился в Военной академии имени М.В. Фрунзе и был распределен в ОГПУ. С 1931 года служил в системе госбезопасности в Москве и в других городах.

В 1936 году решением ЦК его отправили в стратегически важную точку — китайский город Урумчи, административный центр Синьцзянь-Уйгурского района. Дипломатическое прикрытие — должность вице-консула. В зарубежную командировку он отправился вместе с женой. С Ниной Валентиновной Угапник они поженились еще в 1930 году. У них родилась дочь Валентина, растить которую пришлось бабушке с дедушкой.

Сталин помогал уйгурам обрести независимость в надежде, что они вообще отделятся от Китая и, может быть, присоединятся к Советскому Союзу. Работали с уйгурами сотрудники разведки,

поэтому должность вице-консула и занял чекист Бовкун-Луганец-Орельский. Для загранработы он взял себе новую фамилию — Орельский. Заполняя анкету в Наркомате иностранных дел, назвал себя Иваном Трофимовичем Орельским.

Видимо, его работа в Москве понравилась. И в ноябре 1937 года он получил большое повышение — решением политбюро его назначили полномочным представителем Советского Союза в Китайской республике. Полномочный представитель в Китае Иван Трофимович Бовкун-Луганец, он же Луганец-Орельский, совмещал должность полпреда с обязанностями резидента советской внешней разведки.

В отделе кадров Наркомата иностранных дел на него составили справку, в ней содержится пометка: «В личном деле компрометирующих материалов нет». На самом деле уже был арестован его старший брат Евгений, работник губкома партии в Одессе. Иван Трофимович, заступившись за брата, написал письмо Сталину. Нарком внутренних дел Ежов и первый заместитель наркома комкор Михаил Петрович Фриновский по-товарищески обещали ему разобраться. Они врали товарищу по партии и по чекистской работе. Евгений Бовкун уже был расстрелян. Но родным об этом не сообщили. Жену брата забрали из Одессы, перевезли в Москву, дали ей квартиру. В семье это восприняли как надежду на скорое освобождение Евгения.

Когда Ивана Трофимовича на политбюро утверждали полпредом и резидентом в Китае, он счел своим долгом напомнить об арестованном брате: имеет ли он право занять столь высокую должность? Не следует ли повременить с назначением, пока брата не реабилитируют? Кто-то из членов политбюро заметил:

— Брат за брата не отвечает. Выполняйте задание партии и правительства.

Сталин благожелательно кивнул. Когда убьют самого Ивана Трофимовича, жену его старшего брата тоже посадят…

А пока что успокоенный полпред, он же резидент, отправился на новое место службы. Его жена работала вместе с ним — шифровальщицей в полпредстве. Полпредство находилось в Чунцине, который с 1937 по 1946 год был временной столицей Китая.

Незадолго до приезда нового советского полпреда японские войска развернули наступление, намереваясь полностью оккупировать Китай. Тогдашний глава Китая Чан Кайши сразу попросил военной помощи у Советского Союза. Сталин, у которого были свои счеты с Японией, откликнулся немедленно. Начались поставки оружия. Китай получил больше боевой

техники, чем республиканская Испания. Советские летчики защищали от налетов крупные китайские города.

Весь этот клубок политических и военных вопросов держал в руках советский полпред в Китае. Нет ничего удивительного в том, что он совмещал должности полпреда и резидента. Ему приходилось исполнять весьма деликатные миссии. Характерно, что и руководил работой Луганца-Орельского переведенный в Наркомат иностранных дел на роль заведующего вторым восточным отделом комиссар госбезопасности 3-го ранга Сергей Наумович Миронов.

Миронов начинал службу в госбезопасности после Гражданской войны начальником активной части особого отдела Первой конной армии. Последняя должность в НКВД — начальник управления по Западно-Сибирскому краю. В августе 1938 года его отправили полпредом в Монголию, затем утвердили начальником отдела в наркомате. 6 января 1939 года Миронов был арестован и через год расстрелян…

Через четыре месяца настала очередь Ивана Трофимовича Бовкуна. В марте 1939 года его вызвали в Москву. Вызову он не удивился — ему уже приходилось отчитываться на политбюро. 29 марта он выехал из Китая вместе с женой, рассчитывая на родине отдохнуть и полечиться. Но когда он приехал в Москву, оказался вроде как не у дел. Его никуда не вызывали, но и не разрешали вернуться назад. Он нервничал, не понимая, что происходит.

В Наркомате иностранных дел и в разведке менялось начальство. Сталин заменил Литвинова Молотовым, и в Наркомат иностранных дел ушел начальник разведки комиссар госбезопасности 3-го ранга Деканозов. Это была не только смена личностей, но и политики.

Молотов привел с собой новых людей. Началась большая чистка наркомата. В разведке ждали нового начальника, поэтому в обоих наркоматах столоначальники, занимавшиеся внешними делами, замерли, ожидая новых указаний. Зато продолжали действовать чекисты, сооружавшие липовые дела. По одному из них проходил и резидент в Китае. Причем до сих пор неизвестно, что это было за дело.

— Когда мне принесли папку с его делом, — рассказывал Петр Николаевич Архипов, который в девяностых годах был старшим прокурором Главной военной прокуратуры, — меня поразило одно: дела не было. В папке — протокол обыска и еще какие-то маловажные бумаги.

Прокурору Архипову было поручено решить, подлежит ли Бовкун-Луганец-Орельский реабилитации в соответствии с законом о жертвах политических репрессий.

История убийства резидента и его жены всплыла в 1953 году, когда началось следствие по делу арестованного Берии и его подручных. Начальник следственной части МВД по особо важным делам генерал-лейтенант Лев Емельянович Влодзимирский, арестованный вслед за Берией, признал, что он лично участвовал в убийстве…

Иван Трофимович плохо себя чувствовал. У него болели суставы, он не мог разогнуться. Он нуждался в лечении. И вдруг в конце мая 1939 года ему сказали: можете отдохнуть. Он отправился в санаторий НКВД в Цхалтубо. Сказал жене, что едет на две недели. Они впервые разлучались.

Нине Валентиновне пришлось задержаться в Москве, чтобы отправить двухлетнюю дочь и родителей на дачу. А его торопили с отъездом: потом уже не будет возможности отдохнуть. Как только Иван Трофимович уехал, Нине Валентиновне стало казаться, что за ней следят. Иван Трофимович обещал каждый день писать или хотя бы посылать телеграмму. Она получила три телеграммы и одно письмо из Баку — там он был проездом. И вдруг связь прервалась. Отправили телеграмму начальнику санатория с просьбой сообщить, что случилось. Никакого ответа. Обратились в Наркомат иностранных дел — из приемной Молотова не ответили. Стали звонить в НКВД, добрались до первого заместителя начальника секретариата наркомата старшего майора госбезопасности Степана Мамулова.

Степан Соломонович Мамулов работал с Берией с начала двадцатых. Он больше десяти лет был на партийной работе, в том числе в Казахстане и Днепропетровске, в середине тридцатых стал секретарем Тбилисского горкома, заведовал сельхозотделом ЦК Грузии. Берия забрал его в Москву.

Мамулов, услышав, кто ему звонит и по какому поводу, просто бросил трубку.

Наконец какой-то сотрудник НКВД весело ответил:

— Что вы беспокоитесь? Загулял человек.

Нина Валентиновна отправила мужу четыре письма — 28 мая, 30 мая, 2 и 5 июня. Они сохранились в ее личном деле. Муж эти письма не получил. К тому времени он уже был арестован. Ордер на арест Бовкуна-Луганца-Орельского 30 мая 1939 года утвердил нарком госбезопасности Грузии Рапава.

Авксентий Рапава, как и Сталин, родился в семье сапожника и тоже получил духовное образование. Окончил в Зугдиди церковно-приходскую школу, в Кутаиси духовную семинарию. Как и вождь, отказался от церковной карьеры. Учился в гимназии и в Тифлисском университете. В независимой Грузии Рапаву призвали в армию, и он служил рядовым в пограничном отряде.

Потом дезертировал и связался с большевиками. После присоединения Грузии к Советской России работал в Зугдидском уездном комитете комсомола, затем перешел на партийную работу. В августе 1924 года его взяли в особый отдел грузинской ЧК. Через три года он возглавил грузинских особистов. В 1937 году его внезапно назначили председателем ЦИК Абхазии, затем главой Совнаркома Абхазии. В декабре 1938 года он стал наркомом внутренних дел Грузии — этим назначением он был обязан Берии, который возглавил союзный наркомат. Вскоре Рапава получил звание комиссара госбезопасности 3-го ранга.

На следующий день после ареста Бовкуна этапировали в Москву. Его поместили в Сухановской особой тюрьме НКВД. Там держали ограниченное число высокопоставленных в прошлом политических заключенных.

В 1937 году, при Ежове, для содержания подследственных и осужденных за контрреволюционные преступления по всей стране стали создавать так называемые внутренние тюрьмы, подчиненные десятому отделу главного управления госбезопасности НКВД СССР. Центральный аппарат наркомата использовал четыре тюрьмы: внутреннюю тюрьму на 570 заключенных, Бутырскую — на 3500, Лефортовскую — на 625 и Сухановскую — на 225 мест.

Положение о внутренних тюрьмах НКВД, принятое в 1939 году, в частности, запрещало извещать родственников о смерти подследственных и выдавать им трупы для похорон…

Одновременно с Бовкуном в Сухановке уже почти два месяца находились сам бывший нарком внутренних дел Ежов (его арестовали 10 апреля 1939 года) и его бывший первый заместитель Фриновский (его арестовали 4 апреля). С Ежовым и Фриновским Ивану Трофимовичу устроили очную ставку. Они сидели два месяца и уже давали любые показания, нужные следователям. Бывшие руководители Наркомата внутренних дел рассказали, что недавний резидент внешней разведки в Китае Бовкун-Луганец-Орельский был членом антисоветской организации, которой они руководили.

Если судить по следственному делу, Бовкуна допрашивали только один раз. А в тюрьме он провел больше месяца. Видимо, допрашивали его не раз, но протокол не составляли.

А тем временем к жене Бовкуна явился работник НКВД, передал привет от мужа и сказал, что Иван Трофимович просит немедленно выехать к нему в Цхалтубо. Она, напуганная молчанием мужа, сказала, что должна дождаться весточки от него. Тут же пришла телеграмма, им подписанная. Но слова были какие-то чужие. Не так он обращался к жене, не так писал

телеграммы. И кроме того, он посылал только «молнии», чтобы сразу доставили. А в НКВД сэкономили — послали простую.

У Нины Валентиновны случился нервный припадок. Приехал врач из ведомственной поликлиники и вместо помощи стал на нее кричать:

— Вы должны немедленно ехать к мужу…

Ей сразу же доставили билет. 20 июня она покинула Москву. Больше никто из родных ее не видел. Она обещала дать с дороги телеграмму. Телеграммы не было. А через три дня после ее отъезда чекисты приехали с обыском — сначала на дачу, потом на городскую квартиру. Забрали именное оружие Ивана Трофимовича, его документы, переписку, фотографии. Московскую квартиру опечатали.

А 28 июня — новый поворот этой запутанной истории. Вдруг появились два чекиста и передали привет из Цхалтубо. Родители Нины Валентиновны недоуменно рассказали об обыске, об опечатанной квартире. Чекисты, посмеявшись, сказали, что это ошибка, и распечатали квартиру. Через день от Нины пришло письмо, написанное ее рукой, бодренькое, успокаивающее — они прекрасно отдыхают, играют в теннис, гуляют. Но в тексте была фраза, о которой она, предчувствуя неладное, договорилась с сестрой: «А как там ребята? Вероятно, дерутся, по своему обыкновению?»

— Чекисты, заставившие ее сочинить письмо, ничего не заметили, — говорит Валентина Ивановна, дочь убитых родителей. — О каких ребятах могла писать мама? На даче были только две девочки — я, двухлетняя, и моя двоюродная сестра, которой было шестнадцать. Разве мы «ребята»? И как мы могли драться?.. Это был сигнал.

Надо понимать так, что до Цхалтубо ее и не довезли. Вероятно, сняли с поезда на первой же остановке, вернули в Москву и посадили в тюрьму. Но в личном деле Нины Валентиновны нет ничего! Ни постановления об аресте, ни обвинения, ни протокола допроса. Только четыре перехваченных письма мужу. Ее тайно арестовали для того, чтобы устроить этот спектакль с мнимой автокатастрофой.

Ивана Трофимовича продержали в тюрьме месяц. Потом перед ним вроде как извинились за ошибку и обещали в салон-вагоне отправить назад в Цхалтубо — продолжать отдых. Да еще вместе с женой. С ними в вагоне поехали трое крупных чекистов. В страшном сне Ивану Трофимовичу не могло привидеться, что эти люди в высоких званиях станут его убийцами.

Сопровождающих Берия отобрал вместе со своим верным соратником комиссаром госбезопасности 3-го ранга Богданом

Захаровичем Кобуловым (их и расстреляют вместе), который возглавлял тогда следственную часть НКВД.

Они выбрали капитана госбезопасности Льва Емельяновича Влодзимирского, помощника Кобулова в следственной части, капитана госбезопасности Александра Николаевича Миронова, начальника внутренней тюрьмы ГУГБ НКВД, и Шалву Отаровича Церетели, начальника 3-го спецотдела.

Церетели на допросе в 1953 году показал:

«В 1939 году меня вызвал в кабинет Кобулов, где уже был Влод-зимирский. Затем мы пошли в кабинет Берии, который сказал, что нужно без шума ликвидировать двух человек, что наркому внутренних дел Грузии даны все необходимые указания. Мне Берия приказал ликвидировать их без шума, без огнестрельного оружия. Лучше всего имитировать автомобильную катастрофу…»

Лаврентий Павлович посоветовал им обсудить план действий с Рапавой. Этому человеку он доверял, знал, что у грузинского наркома рука не дрогнет.

Как работали в хозяйстве Рапавы, теперь уже известно.

Писатель Кирилл Анатольевич Столяров цитирует в своей книге о министре госбезопасности Абакумове рапорт заместителя начальника райотдела НКВД в Гаграх:

«Арестованных на допросах били до смерти, а затем оформляли их смерть как умерших от паралича сердца и по другим причинам… Арестованного били по несколько часов подряд по чему попало… Делалась веревочная петля, которая надевалась на его половые органы и потом затягивалась…

Однажды я зашел в кабинет следователя, который допрашивал арестованного эстонца по подозрению в шпионаже на немцев. «Как он ведет себя?» — спросил я. «Молчит, не хочет признаваться во вражеских намерениях», — ответил следователь, заполняя протокол. Я внимательно посмотрел на арестованного и понял, что тот мертв. Обойдя вокруг него, я заметил кровь на разбитом затылке…

Тогда я спросил следователя, что он с ним делал, и он мне показал свернутую проволочную плеть, пальца в два толщиной, которой он бил этого арестованного по спине, не заметив того, что тот уже мертв…»

Рапава позвонил Берии:

— Можно ли применить огнестрельное оружие?

Тот обещал посоветоваться и просил перезвонить через день. Потом ответил:

— Никакого оружия!

Советоваться Берия мог только с одним человеком — со

Сталиным. Значит, судьбу резидента и его жены решил сам Иосиф Виссарионович. Вот почему их уничтожили даже без формального приговора. Ивану Бовкуну не предъявили обвинения. Не было ни судебного приговора, ни решения «тройки» НКВД, которую использовали для уничтожения людей «во внесудебном порядке».

Но почему же резидента в Китае уничтожили таким изощренным способом? Да еще вместе с женой? Ведь сотни тысяч других жертв просто расстреливали или отправляли в лагеря.

— Я могу предположить только одно, — сказал мне прокурор Архипов, — некоторые разведчики в те времена занимались добыванием валюты путем торговли опиумом.

Это главная версия, которая кажется убедительной прокурорам, изучавшим дело Бовкуна-Луганца-Орельского уже в наши дни.

— В деле Берии, — подтвердил Андрей Викторович Сухомлинов, полковник юстиции в отставке, изучивший многотомное дело Лаврентия Павловича, — сказано: Бовкун контролировал оборот наркотиков. Но непонятно, в чем именно он ошибся. Важно, что Берия сказал исполнителям — это решение инстанции, высшей власти…

Торговля опиумом всегда процветала в Китае. Гонконг был построен на доходы от продажи опиума. Контролировать потоки наркотиков пытались и японцы, и наши. Но кто кому продавал этот дорогостоящий товар?

— Сказано: контроль за оборотом, и все, — говорит Сухомлинов. — Берия объяснил убийцам, почему придумана такая сложная комбинация. Важно, чтобы «подельники» Бовкуна в Китае не узнали, что он расстрелян, и не сбежали.

Люди, которые убили полпреда в Китае и его жену, даже особенно и не интересовались, кто их жертвы, за что их надо уничтожить. Они просто выполняли приказ Лаврентия Павловича, зная, что невыполнение его приказа равносильно смерти. Такая у Берии была репутация.

«Влодзимирский мне рассказал, что эти лица были мужем и женой, — показал Церетели на допросе, — что муж работал где-то за границей, в Японии или в Китае. А затем нам изменил и занимался шпионажем, поэтому я считал эту ликвидацию законной».

Капитан Миронов, как начальник внутренней тюрьмы НКВД, сам доставил к поезду резидента и его жену. Перед Кутаиси арестованных вывели в коридор по одному и прикончили.

Влодзимирский в 1953 году показал:

«Муж и жена, уже как арестованные, были привезены из

внутренней тюрьмы и помещены нами в вагоне, в разных купе. В купе, когда поезд шел от Цхалтубо в Тбилиси, я вывел из купе сначала мужа, и Миронов с Церетели убили его ударом молотка по затылку. А затем я вывел женщину, которую тоже Церетели и Миронов убили молотками».

Церетели описал убийство иначе:

«Влодзимирский молотком убил женщину, а я молотком ударил по голове мужчину, которого потом третий наш сотрудник додушил. Затем сложили тела в мешки, и на одной из станций, где нас поджидал Рапава с автомашинами, мы погрузили трупы в одну из машин».

В 1953 году подельники Берии перекладывали друг на друга ответственность за убийство. Кому охота признаваться, что убивал людей молотком? В деле осталось множество противоречий, так и не проясненных следствием. Конечно, следственная бригада была обязана все выяснить. Но следователи во главе с генеральным прокурором Романом Руденко спешили закончить бериевское дело.

Влодзимирский: «На одном из полустанков нас встретил с двумя машинами Рапава. Мы вывезли трупы и, поместив их в одной из машин, отвезли на дорогу к обрыву у крутого поворота дороги. Затем шофер разогнал машину, на ходу выскочил, а машину с трупами повернул к обрыву, и она с ними свалилась под откос и разбилась. После этого мы уехали с места происшествия, а туда была вызвана автоинспекция и оформила все как автомобильную катастрофу. Это уже организовал без нас Рапава».

Бывший нарком госбезопасности Рапава, арестованный, тоже дал показания:

«На шестом километре машину с трупами пустили под откос. И создали видимость, что пострадавших увезли в Тбилиси (чтобы по трупам не обнаружили, как они были убиты до этой катастрофы).

К месту происшествия была вызвана автоинспекция, был оформлен соответствующий акт на автомобильную катастрофу. Ночью мы тайно похоронили Бовкун-Луганца и его жену на кладбище. Но на следующий день позвонил Берия и сказал, что надо организовать похороны с почестями. Видимо, он опасался, чтобы вокруг этой катастрофы не пошли нежелательные разговоры».

Надо понимать, Сталин остался недоволен. Если уж устроили такой спектакль, надо было довести его до конца. На следующую ночь чекисты вырыли трупы и устроили своим жертвам торжественные похороны с оркестром и цветами. Под

различными предлогами ни одного родственника погибших на похороны не допустили.

16 июля 1939 года «Правда» и «Известия» поместили информацию о похоронах убитого резидента:

«14 июля трудящиеся Тбилиси хоронили полпреда СССР в Китае тов. И.Т. Луганец-Орельского и его жену тов. Н.В. Луганец-Орельскую, безвременно погибших 8 июля при автомобильной катастрофе около Цхалтубо.

В большом зале Дома Красной армии установлен постамент, на котором покоятся тела погибших. Венки от коллегии Наркомата иностранных дел Союза ССР, ЦК и Тбилисского комитета КП(б) Грузии, СНК Грузинской ССР, Тбилисского горисполкома, от родных и знакомых…»

Родные были потрясены. Они не верили в версию об автокатастрофе. Последний из братьев Алексей Трофимович Бовкун, служивший в военной авиации, попросился на прием к наркому внутренних дел Берии. Его принял первый заместитель наркома комиссар госбезопасности 3-го ранга Всеволод Николаевич Меркулов.

Меркулов был, возможно, самым образованным человеком в наркомате, увлекался литературой, написал о Берии брошюру под названием «Верный сын партии Ленина — Сталина» и несколько пьес. В наркомате ему подчинялась и разведка, и контрразведка, и охрана членов политбюро.

Алексея Бовкуна пригласили на Лубянку к шести вечера. Впустили его в кабинет первого заместителя наркома в двенадцать ночи. Брат убитого резидента рассказал о своих подозрениях: версия о катастрофе слеплена так неумело, так неправдоподобно, что возникает предположение об убийстве.

— И кто же, по-вашему, мог это сделать? — хладнокровно поинтересовался Меркулов.

— Пособники японской разведки, — сказал младший Бовкун, понимая, что иной ответ приведет в тюрьму его самого.

Первый замнаркома посмотрел на него и сказал:

— Вы либо дурак, либо очень хитрый человек. Идите и больше никому не задавайте вопросов об этом деле.

Вопросов никто не задает до сих пор. Почему прокуратура, реабилитировав Ивана Трофимовича Бовкуна и его жену, не потребовала от Федеральной службы безопасности и Службы внешней разведки посмотреть в архивах: что же все-таки послужило причиной такого жестокого убийства? Даже в сталинские времена чекисты не так уж часто убивали своих жертв молотками.

Дочь убитого резидента Валентина Ивановна сказала мне:

— Знаете, бабушка с дедушкой ни разу даже не съездили на могилу отца и матери. Считали, что их тел там нет. Если бы думали, что они там похоронены, пешком бы дошли…

Влодзимирского расстреляли вместе с Берией 23 декабря 1953 года. Рапава пережил своего покровителя почти на два года. Его судили в Тбилиси и расстреляли 15 ноября 1955 года. Убийство Бовкуна-Луганца-Орельского и его жены открыло дорогу старшему майору госбезопасности Александру Семеновичу Панюшкину. Он поехал в Китай вместо Бовкуна и со временем возглавил советскую разведку.

Почему Сталин не захотел спасти Рихарда Зорге?

В наше время этого человека точно бы не взяли в разведку. Гуляка и выпивоха, любитель слабого пола и светской жизни, авантюрист и искатель приключений… Несложно представить себе лицо заместителя начальника разведки по кадрам — хоть военной, хоть политической, которому предложат отправить такого человека на загранработу, да еще руководителем крупной резидентуры! Но именно такой человек составил славу советской разведки. Я имею в виду Рихарда Зорге, в истории которого все еще мало что понятно.

Вокруг Зорге родилось множество мифов. Писали, что Рамзай сообщил в Москву точную дату немецкого нападения — 22 июня. А кто спас Москву зимой 1941 года? Разведчики уверены, что это дело рук Рихарда Зорге. Обладая огромными связями в Токио, Зорге сообщил в Москву, что Япония не намерена нападать на Советский Союз — императорская армия нанесет удар по Юго-Восточной Азии. Это позволило ставке забрать дивизии с востока и бросить их в контрнаступление под Москвой.

Таким образом, столица была спасена. Вермахт потерпел первое поражение, а японская армия действительно двинулась на юг. 7 декабря 1941 года, когда под Москвой войска генералов Рокоссовского, Говорова и Власова уже гнали немцев, японские торпедоносцы обрушили свой груз на американские военные корабли в бухте Пёрл-Харбор. Но порадоваться точности своего анализа Рихард Зорге уже не смог. Он был арестован и давал показания японским следователям…

Он оказался прав во всех своих прогнозах и предсказаниях. Но тогда, осенью 1941 года, руководители советской военной разведки полагали, что если Зорге и не агент-двойник, то как минимум снабжает Москву дезинформацией.

Рихард Зорге был нелегальным резидентом советской военной разведки, руководителем группы, состоявшей в основном из немцев и японцев. А в разведке всегда исходят из того, что такие люди могут и предать. Тем более к 1941 году у руководства Главного разведывательного управления Генерального штаба Красной армии были все основания для подозрений. В ходе кровопролитной чистки советская военная разведка была фактически уничтожена.

Генерал-майор Виталий Никольский, который накануне войны служил в разведывательном управлении Красной армии,

рассказывал мне:

— Репрессии, которые развернулись после «дела Тухачевского», нанесли армии такой удар, от которого к началу войны она не успела оправиться. К 1940 году в центральном аппарате военной разведки не осталось ни одного опытного сотрудника. Все были уничтожены. Нашими начальниками становились наскоро мобилизованные выдвиженцы, в свою очередь менявшиеся, как в калейдоскопе.

Когда в Москве арестовывали офицера центрального аппарата, то разведчики, которые на нем замыкались — легальные и нелегальные, автоматически попадали под подозрение. Сначала их информации переставали доверять. Потом отзывали в Москву и уничтожали. Бывало, нашего разведчика отзывали так стремительно, что он не успевал передать свою агентуру сменщику…

А недавние руководители Разведупра на допросах в НКВД подписывали показания о том, что они выдали японцам всю советскую агентуру, в том числе и Зорге.

7 февраля 1938 года бывший руководитель военной разведки Ян Карлович Берзин подписал протокол допроса, в котором говорилось:

«По имеющимся в Разведуправлении материалам известно, что «Рамзай»-Зорге является агентом германской разведки, а также японской разведки. «Рамзай» дезинформировал Разведуправление, и отпускаемые ему довольно большие средства на работу фактически отпускались германскому агенту…

Подозрения о том, что «Рамзай»-Зорге нам мог быть подставлен германской разведкой, у меня были, и я о такой возможности говорил Артузову, также при сдаче дел Урицкому. О том, что Зорге является агентом германской разведки, у меня точных данных не было. По линии моих связей с германской разведкой я об этом не знал, немцы меня об этом не ставили в известность».

На совещании в ЦК в апреле 1940 года по итогам финской войны Сталин укорил нового начальника военной разведки Ивана Иосифовича Проскурова за то, что его агенты дают недостоверную информацию.

Тот согласился, признал, что среди его информаторов много перевербованных агентов и они шлют дезинформацию:

— Так бывает. Товарищ Бочков (начальник особого отдела ГУГБ НКВД. — *Л. М.)* частенько сообщает, что такой-то, сидя в заключении, на раздумье, вспомнил еще, что он выдал такого-то «Джека», такого-то «Ромэна». А они сидят и дают сведения.

— Где сидят? — не понял Сталин.

— Там сидят, под всякими крышами. — Проскуров пояснил, что речь идет о его сотрудниках, работающих за границей.

Иначе говоря, руководители разведки не верили практически никому. И меньше других — Рихарду Зорге.

В 1937 году, пишет японист Юрий Георгиев, Зорге прислал в Москву фотографию, на которой он запечатлен стоящим рядом во время рукопожатия немецкого посла Герберта фон Дирксена и японского императора Хирохито. Зорге, вероятно, хотел продемонстрировать, насколько он приближен к высшим сферам.

А в разведуправлении пришли к совершенно иным выводам:

«Тот факт, что «Рамзай» на представлении Дирксена японскому императору был допущен в личную палатку императора, доказывает, что он считался там полностью своим человеком. Если бы он был вскрыт и использовался вслепую, то отношение к нему было бы как к советскому агенту (хотя и вскрытому тайно от него), и он ни под каким видом не был бы допущен в палатку императора.

Следовательно, если считать, что «Рамзай» вскрыт, то приходится заключить большее: что он не только вскрыт, а и работает на японо-германцев в качестве дезинформатора советской разведки».

В наши дни выяснилось, что Зорге прихвастнул. Японский исследователь Томия Ватабэ изучил историю этого снимка и установил, что на фотографии изображен вовсе не император, а его младший брат — принц Титибу. Снимок был сделан 6 апреля 1935 года в порту Иокогамы. Принц от имени императора приехал встретить императора марионеточного государства Маньчжоу-Го Генри Пу И.

Вот тогда немецкий посол Дирксен и пожал руку принцу. В довоенной Японии император не мог обменяться рукопожатием с иностранным дипломатом…

В Москве считали, что резидентура Зорге «вероятно, вскрыта противником и работает под его контролем». В НКВД завели на Зорге дело как на агента-двойника. По одним данным, он сам хотел вернуться, а ему не разрешали. По другим данным, его, напротив, пытались вызвать в Россию. Здесь его ждала смерть. Зорге ехать отказался и тем самым продлил себе жизнь. Но беда состояла в том, что ему некуда было деваться…

В нацистскую Германию он вернуться не мог, там бы за него взялось гестапо — в архивах государственной тайной полиции он значился активистом компартии. В Советском Союзе его тут же бы расстреляли. Он находился между молотом и наковальней и тянул. А в Центре — раз разведчик не возвращается — решили, что он работает на японцев или на немцев, или же на тех и на

других одновременно.

В феврале 1941 года новый руководитель военной разведки генерал-лейтенант Филипп Иванович Голиков приказал урезать Зорге смету. Зорге получил такую шифровку: «Считаю необходимым сократить расходы по вашей конторе, потому что большая часть ваших материалов несекретны и несвоевременны…»

— В показаниях радиста группы Макса Клаузена и других разведчиков указаны суммы, которые они получали, — говорит журналист Андрей Фесюн, написавший серьезное исследование о работе Зорге. — И это большие суммы. Да и сам Зорге себя не ограничивал — он был светским человеком, жил на широкую ногу. И вот он остался без денег. И если бы не та фирма, которую организовал Клаузен и которая давала доход, то группа рассыпалась бы сама по себе.

2 мая 1941 года Зорге, информируя Москву о возможности скорого начала войны, сообщил мнение германских военных: «Немецкие генералы оценивают боеспособность Красной Армии настолько низко, что они полагают, что Красная Армия будет разгромлена в течение нескольких недель».

Начальник разведывательного управления генерал-лейтенант Голиков распорядился ознакомить с информацией Зорге руководство страны, но этот, ключевой абзац вычеркнул.

Когда я сделал на телевидении большую передачу о судьбе Зорге, мне позвонил Леонид Митрофанович Замятин, бывший заведующий отделом международной информации ЦК, близкий к Брежневу человек. Он пересказал мне разговор с генералом Иваном Ивановичем Ильичевым, который одно время возглавлял военную разведку.

По словам генерала Ильичева, Сталин, услышав, что сведения получены из Японии от Рихарда Зорге, резко сказал:

— Это двойной агент, больше мне сообщений от него не показывайте.

Да разве могли в такой ситуации в Москве верить сообщениям Рихарда Зорге о том, что Германия готовится напасть на Советский Союз, а потом о том, что Япония, напротив, не нападет на Советский Союз и поэтому сибирские дивизии можно перебрасывать на немецкий фронт?

Все его шифровки считались дезинформацией и изучались с той точки зрения, чтобы понять: что японцы и немцы хотят нам внушить? Вплоть до начала войны его предупреждения воспринимались как попытки немецкой разведки обмануть Советский Союз… Сам Зорге конечно же не знал, что на его счет думали в Москве. Но изменившееся отношение к себе чувствовал.

Он всегда прилично выпивал. Андрей Фесюн полагает, что первоначально алкоголь, застолье было просто формой расслабления, получения удовольствия. В первые годы разведывательной работы Зорге был уверен в правоте собственного дела. Потом настроение его изменилось. Он страдал от одиночества, стал мрачным, лишился прежней легкости в общении, перестал весело шутить. Он пил, ощущая безвыходность своей ситуации. Напивался до чертиков, страдал от тяжкого похмелья. В последние месяцы до ареста он напивался так, что стал терять контроль над собой.

22 июня 1941 года, в день, когда Германия напала на Советский Союз, Зорге, крепко выпив в баре токийской гостиницы «Империал», позвонил в немецкое посольство и попросил соединить его с послом. Когда трубку взял германский посол генерал-майор Ойген Отт, Зорге мрачно сказал ему:

— Эта война уже проиграна!

Любому другому такая фраза дорого бы стоила. Но немецкий посол неодобрительно сказал жене, что Зорге, похоже, спивается. Зорге был главным советчиком и помощником посла. А что касается жены германского посла, то у нее был с Рихардом Зорге роман.

Американские разведчики, которые после 1945 года изучали дело Зорге, пришли к выводу, что у него в Японии было три десятка любовниц. Можно ли назвать его красивым мужчиной? Возможно, только в юные годы. Но он был настоящим мужчиной, женщины это ощущали и влюблялись в него. Он не был бабником, он никого не обольщал.

Не только женщины, но и мужчины влюблялись в Зорге, разумеется, не в прямом смысле этого слова. Он был необыкновенно обаятелен. И все это помогло ему стать одним из самых выдающихся разведчиков XX столетия.

Зорге принадлежал к тому типу людей, которые следовали словам Ницше: живи опасно. Он был чем-то похож на другого знаменитого разведчика — англичанина Кима Филби. Оба занимались смертельно опасным делом не ради денег, не ради карьеры, а потому что им нравилась такая авантюрная, полная приключений жизнь. Они наслаждались своей способностью водить за нос целые спецслужбы, манипулировать людьми и заставлять их делать то, что им было нужно.

Рихард Зорге родился 4 октября 1895 года в Баку. Шведские фабриканты братья Нобель начали в Баку нефтедобычу и пригласили туда иностранных специалистов. Одним из первых приехал прусский инженер-технолог Густав Вильгельм Рихард Зорге. В Баку он устроил и свою личную жизнь — женился на

русской женщине, Нине Семеновне Кобелевой. Рихард был пятым ребенком в семье.

Когда мальчику было всего три года, семья вернулась в Германию. Он получил чисто немецкое воспитание и ощущал себя немцем. В 1914 году, когда началась Первая мировая, Рихард Зорге добровольцем ушел на фронт, как сделали это многие его сверстники, которым война казалась упоительным приключением. Уже в ноябре 1914 года он получил боевое крещение. Он участвовал в прорыве во Фландрии, эти кровопролитные бои (особенно за Лангемарк) потом героизировали.

Летом 1915 года в боях за Бельгию Зорге был ранен в правое плечо. Он получил отпуск и сдал выпускные экзамены в школе. В его аттестате зрелости такие оценки: история, география, математика, физика, химия — хорошо. Немецкий, французский, английский, Закон Божий — удовлетворительно. Он поступил было на медицинский факультет Берлинского университета, но понял, что медицина — не его призвание.

Не догуляв отпуска, он вернулся на фронт и получил нашивки ефрейтора. Теперь его отправили в Галицию воевать с русской армией. Он опять попал в госпиталь, раненный осколком снаряда. Его произвели в унтер-офицеры и наградили Железным крестом второго класса за храбрость. В 1916 году 43-й артиллерийский полк, в котором служил Зорге, был брошен в бой под Верденом. Это был опорный пункт французской обороны. Бои шли три месяца, огромные потери несли обе стороны. Зорге был ранен осколками в обе ноги и три дня пролежал на колючей проволоке без медицинской помощи, прежде чем его доставили в лазарет. Ему грозила ампутация ноги. После нескольких операций ногу сохранили, но она стала на два с половиной сантиметра короче. Зорге прихрамывал, но это нисколько не портило его в глазах женщин…

В январе 1918 года Рихарда демобилизовали. Он вернулся в гражданскую жизнь, полный ненависти к государственному строю, который отправил его на эту войну. Он присоединился к радикально настроенным социал-демократам, а потом и вступил в коммунистическую партию. Может быть, в нем заговорили гены? Его двоюродный дед Фридрих Адольф Зорге был близок с Марксом и Энгельсом. Зорге-старший участвовал в революции 1848 года. Его приговорили к смертной казни. Он бежал в Америку и стал секретарем генерального совета Первого интернационала.

Рихард Зорге защитил диссертацию и получил степень доктора государственно-правовых наук. Он был, наверное,

единственным агентом советской разведки — доктором наук. Из Зорге мог получиться серьезный ученый. Он участвовал в создании Франкфуртского института социальных исследований, который со временем составит славу немецкой науки.

Но за письменным столом Зорге было скучно. Он участвовал в вооруженном восстании, которое компартия пыталась поднять в октябре 1923 года, и после его провала ушел в подполье. В 1924 году он отвечал за безопасность представителей Коминтерна, приехавших в Германию: это были Дмитрий Мануильский, Отто Куусинен, Осип Пятницкий и Соломон Лозовский. Они и пригласили Зорге в Москву.

Зимой 1925 года Зорге с женой Кристиной, которая ради него оставила своего первого мужа, приехал в Москву. Их поселили в гостинице «Люкс», где жили все коминтерновцы. Кристина стала работать библиотекарем в Институте Маркса — Энгельса — Ленина. Но семейная жизнь не заладилась, и через год она, разочаровавшись в муже и социализме, вернулась в Германию. Зорге получил советское гражданство, вступил в ВКП(б) и был принят на работу в аппарат Коминтерна.

В Коминтерне он не прижился. Юрий Георгиев, автор книги о Зорге, пишет о его вспыльчивости, амбициях и ненависти к аппаратным интригам. А Коминтерн, созданный как штаб мировой революции, быстро превратился в обычную бюрократическую контору. Зорге в Коминтерне было скучно, он жаждал более активной и самостоятельной работы. Осенью 1926 года Зорге играл важную роль в подготовке VII расширенного пленума, на котором по указанию Сталина лидера новой оппозиции Григория Евсеевича Зиновьева убрали с поста председателя Исполкома Коминтерна. Упразднили сам пост председателя Исполкома. Его заменили международным секретариатом. Фактически руководителем Коминтерна стал Николай Иванович Бухарин.

Зорге, судя по всему, симпатизировал Бухарину, разделял его взгляды, помогал ему в работе. Это Зорге потом припомнят. А пока что его перевели в отдел международных связей Коминтерна; отдел, готовя мировую революцию, руководил всей конспиративной и боевой работой компартий. Такая работа Зорге нравилась. Но продолжалось это недолго.

Когда Бухарин начал спорить со Сталиным, 25 июня 1929 года президиум Исполкома Коминтерна по предложению делегации ВКП(б) освободил Бухарина от членства в политсекретариате. А на X пленуме ИККИ в июле Бухарина вывели из состава президиума. Когда Бухарин ушел из Коминтерна, началась чистка аппарата от его сторонников.

Уволили и Зорге. Это не помешало ему перейти в военную разведку. Но на нем осталось клеймо человека, который примыкал к правым, к Бухарину, следовательно, политически не очень надежного.

Мысль о переходе Зорге в разведку возникла у резидента военной разведки в Англии Константина Михайловича Басова. Он первым обратил внимание на перспективного молодого человека, которым в Коминтерне пренебрегали до такой степени, что Зорге, отправленный в Англию в командировку, остался без денег.

С ноября 1929 года Рихард Зорге приступил к работе в четвертом управлении Штаба Рабоче-крестьянской Красной армии.

Австрийский левый публицист Манес Шпербер вспоминал, как в конце двадцатых годов в Берлине появлялись прибывшие из Советского Союза молодые мужчины:

«У этих очень разных людей было много общего — неброская одежда, какую носят люди среднего достатка, скромные сдержанно-вежливые манеры…

Каждый из них был в Берлине проездом и оставался здесь до тех пор, пока не получал предписания о дальнейшем маршруте, который приводил его, как правило обходным путем, в Шанхай или Детройт, в Гонконг или Сан-Франциско, в Бразилию или Италию, в Финляндию или Индию. Один обосновывался в чужой стране в качестве газетного корреспондента, другой — как представитель какой-нибудь импортно-экспортной фирмы, третий — как торговец произведениями искусства…

Они заезжали в Берлин, чтобы «проветриться», свыкнуться со своим новым обликом и освоиться с чужим именем. Они должны были обзаводиться знакомствами в той или иной среде, прежде им совершенно чуждой, чтобы потом при случае на эти знакомства сослаться.

Я обнаружил, что у них, за одним-единственным исключением, имелось еще кое-что общее: все они во время Гражданской войны занимали высокое положение в военной либо политической сфере и напрямую были связаны с Троцким… Каждый из них публично порвал с оппозицией, покаялся, поклялся в верности партийному руководству. Генеральный секретарь давно собирался их устранить, но прежде они должны были ему послужить и потому получили назначение на опасную работу за границей…

Одного из них, симпатичного молодого человека, отличала способность слушать. Он ловил каждое слово, глаза его отмечали малейший намек на иронию. Мне следовало иметь в виду, что он важная персона в Коминтерне. Его звали Зорге».

Ему сразу предложили ехать в Китай, который стал полем боя между Советским Союзом и Японией. Японская военщина стремилась оккупировать Китай. Сталин надеялся советизировать Китай. Зорге поехал в Шанхай в качестве корреспондента немецкой сельскохозяйственной газеты.

Радистом ему дали немца Макса Клаузена, который в Шанхае женился на русской женщине — Анне Жданковой. В Шанхае Зорге познакомился с японским журналистом Ходзуми Одзаки, который станет одним из главных его помощников. Зорге работал в основном с левыми, коммунистами, и его довольно быстро отозвали, боясь, что китайская полиция его расшифровала.

Но способности Зорге как разведчика были настолько очевидны, что его сразу послали в новую командировку. Он поехал в Японию под своим именем, в качестве корреспондента ряда немецких газет и журналов. В Токио он вступил в нацистскую партию и сразу попытался сблизиться с германскими дипломатами и военными. Ставка делалась на то, что Зорге давно уехал из Германии, в компартии был на маленьких ролях, и в гестапо никто не заинтересуется немцем, живущим на краю света. Он только наотрез отклонял соблазнительные предложения перейти на работу в германское посольство, потому что в таком случае его прошлое стали бы проверять всерьез.

Рихард Зорге приехал в Японию осенью 1933 года. Первые полтора года ушли на формирование группы. В 1935 году Зорге тайно приехал в Москву. Его принимал начальник разведки Ян Карлович Берзин, который еще не подозревал, что его карьера подходит к концу. И Зорге не знал, что этот приезд в Москву последний и что свою жену он тоже видит в последний раз. Его второй женой стала Екатерина Александровна Максимова. Она учила Зорге русскому языку и влюбилась в него. У нее были хорошие артистические данные. Она окончила Ленинградский институт сценических искусств, но ни театральная, ни личная жизнь не сложилась. Когда они с Зорге познакомились, Екатерина Максимова работала аппаратчицей на заводе «Точизмеритель».

Поехать с ним в Японию она не могла. Им не дали пожить вместе — через три месяца он уехал в Японию. Потом приехал — на пару недель. Она ждала ребенка.

Приятно взволнованный Зорге писал ей:

«Позаботься, пожалуйся, о том, чтобы я сразу, без задержки получил известие. Если это будет девочка, она должна носить твое имя. Я не хочу иного имени, если даже это будет имя моей сестры, которая всегда ко мне хорошо относилась.

Будешь ли ты у своих родителей? Пожалуйста, передай им привет от меня. Пусть они не сердятся за то, что я оставил тебя

одну. Потом я постараюсь все это исправить моей большой любовью к тебе».

Но, судя по всему, ребенок родился мертвым. Это был лишь первый удар судьбы, который суждено было пережить русской жене Рихарда Зорге…

Зорге попросил прислать ему радистом Макса Клаузена, которого после возвращения из Китая сослали в маленький городок в Саратовской области. Радист высшего класса зарабатывал на жизнь ремонтом радиоприемников. Его убрали из разведки за то, что он женился на белоэмигрантке. Вскоре Клаузен прибыл в Токио.

Работа группы Зорге началась с февраля 1936 года, когда наладилась постоянная радиосвязь с Владивостоком, где принимали сигналы передатчика Зорге. Русский язык он знал не очень хорошо, поэтому телеграммы из Токио писал по-английски, аналитические записки — по-немецки. В Москве их не только расшифровывали, но и переводили на русский.

Что помогало Зорге? Аналитический ум, энергия, решительность, умение заводить связи, авантюризм, любовь к приключениям, находчивость и изворотливость. Что касается злоупотребления алкоголем, то он пил уже в Шанхае, где в пьяном состоянии часто ввязывался в потасовки.

— Он был очень нервный, — говорит Андрей Фесюн. — Сказывались контузия, ранения, одиночество и безумное напряжение. Он был брошен всеми. Его друзья писали на него доносы.

Но не надо думать, что вся информация Зорге была стопроцентно точной. 14 декабря 1937 года он, сообщая Москве о настроениях внутри японской армии, написал: «Ведутся, например, серьезные разговоры о том, что есть основания рассчитывать на сепаратистские настроения маршала Блюхера, а потому в результате первого решительного удара можно будет достигнуть с ним мира на благоприятных для Японии условиях».

Василий Константинович Блюхер, командовавший Отдельной Дальневосточной армией, не имел никаких сепаратистских настроений. С ним происходило то же, что и с маршалом Тухачевским, которого советские спецслужбы втемную использовали в операции «Трест». Японские разведчики получали липовую информацию от своих агентов, которые были в основном двойниками и передавали то, что придумывали в НКВД. Но такие сообщения Зорге из Токио сыграли свою роль в трагической судьбе маршала Блюхера…

Важнейшим источником информации для Зорге служил Ходзуми Одзаки, ставший консультантом премьер-министра

принца Коноэ. У Одзаки как известного журналиста были широкие связи в правительственном аппарате. Сам Зорге потратил годы на изучение страны и стал одним из самых заметных японистов…

Однажды ко мне в редакцию «Нового времени» пришел высокий симпатичный, по-доброму улыбающийся человек, который говорил только по-английски. Так я познакомился с американским журналистом Томом Крайтоном, который приехал в Москву писать книгу о покушении на Ленина и просил найти ему какой-то номер нашего журнала.

Мы разговорились. Том Крайтон многие годы жил на Тайване, на Филиппинах, а до войны работал в Токио.

— Я знал вашего Зорге, — неожиданно сказал Том Крайтон. — В сорок первом году мы виделись постоянно. Он представлял немецкую прессу и держался подальше от нас, англичан и американцев. Три раза в неделю мы встречались в старом императорском театре. Японцы угощали нас чаем. Каждому полагалась ложечка сахара — времена были трудные. Зорге пил чай без сахара. И однажды я попросил его: «Мистер Зорге, поделитесь своим сахаром». И он ответил: «А, молодой организм нуждается в сахаре». Зорге отлично играл роль настоящего нациста. Я даже помню, как в одной потасовке в баре — после крепкой выпивки — люди, на которых он фактически работал, съездили ему как отъявленному нацисту по физиономии. Никто из нас не мог потом поверить в то, что Зорге работал на советскую разведку.

Зорге вытащил счастливый билет, сблизившись с немецким офицером Ойгеном Оттом, который сначала был наблюдателем в японской армии, потом стал военным атташе и, наконец, послом. А с его женой Хельмой Зорге познакомился еще в двадцатых годах. Хельма чувствовала себя в Японии одинокой и несчастной. Она постоянно приглашала Рихарда и навязывала его мужу. Зорге подружился со многими немецкими дипломатами и наладил отличные отношения даже с гестаповцем Йозефом Мейзингером, атташе посольства по связям со спецслужбами Японии.

В 1934 году, после уничтожения вождя штурмовых отрядов обергруппенфюрера СА Эрнста Рёма и его любовников-штурмовиков, в гестапо был создан отдел по борьбе с гомосексуализмом и абортами. Его возглавил Йозеф Мейзингер, которого начальник разведки бригадефюрер СС Вальтер Шелленберг назвал «одной из самых темных личностей в службе безопасности». Мейзингер представил своему начальнику руководителю Главного управления имперской безопасности обергруппенфюреру Рейнхарду Гейдриху информацию о том, что

командующий рейхсвером генерал фон Фрич будто бы гомосексуалист. Гитлер давно требовал избавить его от Фрича, он хотел поставить во главе службы совсем других людей. Правда, на суде чести выяснилось, что нетрадиционной ориентации придерживается другой офицер — кавалерист фон Фриш. Но Гитлер все равно потребовал от генерала уйти в отставку.

В апреле 1940 года Мейзингер получил пост начальника полиции безопасности и СД в Варшаве. Его свирепость смутила даже собственных начальников, и он был отправлен в посольство в Токио. В 1945 году Мейзингера арестовали американцы, в 1946-м передали его полякам. В 1947 году его приговорили к смерти за преступления на территории Польши…

Зорге располагал первоклассной информацией о Японии, поэтому он был так полезен германскому посольству. Если бы он не обладал такими познаниями, никто в посольстве не стал бы обсуждать с ним секретные вопросы и спрашивать его мнение. Ему поручили редактировать информационный бюллетень для немецкой колонии в Японии и выделили комнату в здании посольства. Здесь он преспокойно знакомился с секретными материалами посольства и переснимал их.

Немцы плохо относились к японцам, хотя и называли их союзниками.

5 марта 1943 года, обсуждая в ставке положение на Восточном фронте, Гитлер раздраженно сказал:

— Верить тому, что японцы говорят, нельзя ни на грош… Они могут наврать с три короба, и все, что они сообщают, содержит в себе некий расчет и впоследствии оказывается обманом.

Зорге делился своей информацией с послом Оттом и помогал ему писать доклады в Берлин. А посол делился с ним — как с близким человеком — новостями из Берлина, в том числе самыми секретными.

— Время от времени я видел Зорге вместе с немецким послом Оттом, — подтвердил Том Крайтон. — Они катались на лошадях в парке Уэно. Отт рассказывал ему все. Кстати, посол Отт не был нацистом. Я с ним разговаривал потом, после ареста Зорге. Он был потрясен, Зорге ему действительно нравился.

Так, может быть, для Германии Зорге делал больше, чем для России?

Начальник немецкой политической разведки бригадефюрер СС Вальтер Шелленберг писал после войны, что Зорге постоянно информировал руководителя Немецкого информационного бюро (это аналог ТАСС) о ситуации в Японии. Информацию Зорге в Берлине высоко ценили. Шелленберг утверждает, что после ареста Зорге он поручил проверить полученные от него

материалы и пришел к выводу, что все они подлинные. Таким образом, Зорге действительно был крайне полезен немцам. Но был ли он агентом-двойником?

В 1935 году во время приезда в Москву Рихард Зорге получил разрешение делиться получаемой им информацией с немцами, чтобы завоевать их доверие. Но те, кто дал Зорге это разрешение, потом были репрессированы. Контакты с немцами не наносили ущерба нашей стране. Он же не сообщал немцам информацию о Советском Союзе. Он и сам ее не имел…

Когда арестовывают разведчика-нелегала, то есть человека, выдававшего себя за другого, сразу же возникает вопрос: почему он провалился? Создаются целые комиссии, чтобы понять, какой была причина ареста — предательство, собственные ошибки разведчика, трагическая случайность? Один из самых блестящих советских разведчиков Рихард Зорге был арестован в октябре 1941 года, но выяснением причин его провала советская военная разведка занялась через двадцать лет после его казни, в 1964 году, по личному указанию Никиты Хрущева.

Уже после того, как Хрущев распорядился восстановить справедливость и восславить подвиги Зорге, палку перегнули в другую сторону и стали приписывать ему то, чего он не делал. Например, считается, что это он сообщил в Москву точную дату нападения нацистской Германии на Советский Союз. Но он не мог это сделать. Его информаторы, сотрудники немецкого посольства в Японии или дипломаты и военные, которые из Берлина приезжали в Токио, просто не были посвящены в эту тайну.

После нападения Германии на Советский Союз всякая информация из Японии приобрела особое значение. Главное, что тогда интересовало, — как поведет себя Япония? Вступит она в войну против Советского Союза или нет?

Зорге был одним из тех, кто должен был найти ответ.

Так Зорге действительно сыграл ключевую роль в решении Сталина перебросить дивизии с Дальнего Востока под Москву?

В этом уверены его биографы, многие историки и военные, которые говорят, что именно информация Зорге о планах японского правительства позволила ставке перебросить под Москву свежие дивизии с Дальнего Востока.

На самом деле переброска сил и средств с Дальнего Востока на Запад началась с первых дней войны. Дальневосточный фронт получил приказ немедленно отправить на Запад весь запас вооружения и боеприпасов. Начальник штаба Иван Васильевич Смородинов возмутился:

— Какой дурак отбирает оружие у одного фронта для другого? Мы же не тыловой округ, мы в любую минуту можем

вступить в бой.

Командующий фронтом генерал армии Иосиф Родионович Апанасенко не стал даже слушать своих штабистов, вспоминает генерал Петр Григоренко. Лицо Апанасенко налилось кровью, он рявкнул:

— Да вы что? Там разгром. Вы поймите, разгром! Немедленно начать отгрузку. Мобилизовать весь железнодорожный подвижной состав. Грузить день и ночь. Доносить о погрузке и отправке каждого эшелона мне лично…

Все, что можно было забрать с Дальнего Востока, забрали почти сразу.

«Переброска войск под Москву с Востока (причем, конечно, не только дальневосточных, но и сибирских, уральских, приволжских, среднеазиатских, кавказских) действительно имела большое значение для ее обороны, — пишет президент Академии военных наук генерал армии Махмут Гареев. — Но всего под Москвой сражалось сто десять дивизий и бригад, в их числе было всего восемь дальневосточных, которые, несмотря на всю их доблесть, никак не могли составить «основу декабрьской победы».

Многие авторы уверенно описывают бравых сибиряков, которые 7 ноября 1941 года прошли по Красной площади и сразу вступили в бой. На самом деле ни сибирские, ни дальневосточные части в знаменитом параде не участвовали. По Красной площади прошли части, которые наскребли в московской зоне обороны: курсанты Окружного военно-политического училища, Краснознаменного артиллерийского училища, полк 2-й Московской стрелковой дивизии, полк 332-й дивизии имени Фрунзе, части дивизии имени Дзержинского, Московский флотский экипаж, особый батальон военного совета округа и Московской зоны обороны, сводный зенитный полк ПВО и два танковых батальона из резерва Ставки.

После 22 июня Зорге сообщал, что Япония вот-вот нападет на Советский Союз. Только в сентябре сообщения изменились: Япония не спешит нападать на Россию и скорее всего повернет на юг. Дело в том, что сам Зорге получал крайне противоречивую информацию. Был день, когда из Токио ушли сразу две шифровки противоположного содержания.

Решения Сталина определялись не сообщениями Зорге и других разведчиков, а оценкой реальной политической и военной ситуации. В Москве знали, как слаба расположенная в Маньчжурии, на границе с Советским Союзом, Квантунская армия. У японцев там не было ни современных танков, ни авиации. Кроме того, японцы были заняты борьбой с китайской армией и с китайскими партизанами, полностью разгромить

которых не удавалось.

В Токио действительно спорили: а не напасть ли на Советский Союз, пользуясь удобным случаем? Но этого желали только некоторые генералы сухопутных сил. Они мечтали расквитаться за поражение на Халхин-Голе. Японское правительство и руководство флота, которое имело не меньшее влияние, чем сухопутные генералы, не хотели ввязываться в войну с Советским Союзом.

Япония нуждалась в ресурсах, в топливе, в черных металлах. Все это можно было получить в странах Юго-Восточной Азии, а не в Сибири. И главным своим противником Япония считала Соединенные Штаты. При этом Япония выставила Советскому Союзу свои требования: прекратить помощь Китаю, не предоставлять свою территорию американцам для действий против Японии. Эти требования были выполнены. Сталин не хотел давать японцам малейшего предлога для конфронтации. Советские военные советники были отозваны из Китая, и военная помощь Китаю прекратилась.

Президент Соединенных Штатов Франклин Рузвельт предложил создать в советском Приморье американские военно-воздушные базы. Но Сталин не хотел беспокоить японцев. 13 августа 1941 года советский посол в Токио информировал министра иностранных дел Японии о том, что СССР не предоставит Соединенным Штатам военно-морские и военно-воздушные базы.

Когда Япония стала готовиться к войне с Америкой, ситуация изменилась. Уже в Токио скорее нуждались в том, чтобы Советский Союз строго соблюдал подписанный в апреле 1941 года пакт о нейтралитете. И Сталин вроде бы мог быть уверен, что Япония не нанесет удар в спину.

Тем не менее в декабре 1941 года, после того как японцы уничтожили американский флот на базе в Пёрл-Харборе, из Ленинграда в Москву вызвали адмирала Ивана Степановича Исакова, первого заместителя наркома военно-морского флота.

Его доставили к Сталину.

— Вот что, вы полетите во Владивосток, — Сталин показал трубкой на карту на стене, не на Владивосток, а просто на всю карту, — посмотрите, не устроят ли они нам там Пёрл-Харбор. Все, можете быть свободны.

Адмиралу Исакову не дали сказать ни единого слова. Он немедленно вылетел на Дальний Восток. Так что никакие донесения Зорге и его уверенность в том, что Япония двинется на юг, не произвели на Сталина впечатления. В декабре 1941 года, после битвы под Москвой, он еще опасался японского

нападения…

Если бы разведчик, начиная работу, думал о том, что его обязательно раскроют, он бы вообще не смог работать и разведка умерла бы как профессия. Но такова человеческая натура, что каждый разведчик думает, что его-то точно не поймают. Рихард Зорге проработал в предвоенной Японии с ее мощной контрразведкой и тотальным контролем политической полиции над обществом дольше, чем смог бы продержаться любой другой разведчик на его месте. Поэтому у специалистов удивление вызывает не тот факт, что его в конце концов поймали, а то, что он сумел продержаться восемь лет.

Историки и разведчики и по сей день ведут споры о том, каким образом японцам в конце концов удалось разоблачить всю группу Зорге. Запеленговать радиостанцию Клаузена они так и не сумели. Он постоянно менял место выхода в эфир. Он допустил только один промах — сохранил черновики уже отправленных шифротелеграмм, когда стало ясно, что возможен арест. Они стали главной уликой против него и Зорге.

Судя по всему, к провалу привела не какая-то ошибка, а стечение обстоятельств. Японская полиция случайно вышла на группу Рамзая. Японская полиция утверждала, что ей помогли показания одного из японских коммунистов, которого первоначально подозревали в шпионаже в пользу Соединенных Штатов. Вернее, все началось с ареста коммуниста Рицу Ито, который после допросов с пристрастием сказал, что Томо Китабаяси, японская коммунистка, вернулась на родину с разведывательными целями.

28 сентября 1941 года Китабаяси с мужем арестовали. Они признались, что вместе с ними работает художник Ётоку Мияги, тоже коммунист, вернувшийся из Америки. Его арестовали 10 октября. Причем, увидев полицейских, Мияги пытался самурайским мечом совершить ритуальное самоубийство, но его отправили в больницу. Там он выпрыгнул из окна, но остался жив. Его пытали, и он начал говорить. Выяснилось, что Мияги встречался с Одзаки, а тот был связан с Зорге.

Некоторые исследователи ставят Рихарду Зорге в вину, что он сотрудничал с коммунистами. Ясно было, что полиция в первую очередь следит за членами компартии. Но Зорге не виноват. Художника Мияги включили в его группу московские кураторы. Зорге лишь подчинился приказу.

Японская полиция давно следила за Зорге, как, впрочем, и за другими иностранцами. Полиция видела, что он занимается не только журналистикой, но Зорге был своим человеком в немецком посольстве. Немецкого агента японская полиция

трогать не собиралась. Но в Москве совершили непоправимую ошибку.

Все прежние годы на него выходили через Шанхай. Туда курьеры отвозили добытые Зорге материалы, оттуда привозили деньги. Это было сложнее, но надежнее. И вдруг Центр решил связать группу Зорге напрямую с сотрудниками токийской резидентуры. С этого дня его арест был предрешен. Потому что японцам стало ясно, на кого он работает. В Токио японцы следили за каждым шагом сотрудников советского посольства. Опорный пункт контрразведки находился напротив входа в посольство. Отправляясь на встречу, советские разведчики пытались соблюдать правила конспирации. Но в Японии это было практически бесполезно. Там каждый иностранец заметен, как рыба в аквариуме.

Сначала с радистом Максом Клаузеном встречался советский консул Будкевич. Клаузен получал по почте два билета в театр и шел вместе с женой. Будкевич садился рядом, они обменивались деньгами и пленками, которые были завернуты в носовой платок.

Потом консул уехал, на связь приходил второй секретарь посольства Виктор Сергеевич Зайцев, дослужившийся впоследствии до полковника. Когда Клаузен болел, Зайцев встречался с самим Зорге. После нескольких таких встреч японская полиция приняла решение ликвидировать советскую разведывательную группу.

Рихарда Зорге арестовали 18 октября 1941 года. Аресты членов его группы продолжались до весны 1942 года. Всего взяли тридцать пять человек.

Зорге, как и другие члены группы, надеялся спастись. Через неделю после ареста, 25 октября, признал, что он — коммунист и советский гражданин. Иначе бы его передали Германии, в руки гестапо. Зорге рассчитывал, что после начала войны с Америкой японцам не захочется портить отношения с Советским Союзом и ему сохранят жизнь.

Он попросил одного из следователей:

— Пожалуйста, передайте Зайцеву в советском посольстве, что Рамзай содержится в токийском доме предварительного заключения.

Зорге верил, что Москва о нем позаботится. Других же спасали. Скажем, резидентом военной разведки в Шанхае был Яков Григорьевич Бронин. Когда китайцы его арестовали, в Москве взяли под стражу сына Чан Кайши Цзян Цзинго. Потом их обменяли. Зорге надеялся, что и его обменяют на какого-нибудь японца.

Так почему же Зорге не попытались спасти?

Сначала разведка сообщила в Москву, что Зорге расстрелян. А потом стало известно, что он дает показания. Показания дали все члены группы Зорге. Они раскрыли все свои связи, схемы контактов с курьерами, шифры, рассказали содержание своих радиопередач. Многие советские разведчики были возмущены тем, что Зорге все рассказал. Считалось, что разведчик обязан молчать. Как солдат на фронте, сражаться до последнего. Признание равносильно сдаче в плен. А к пленным Сталин и его окружение относились с презрением.

Для руководителей военной разведки Зорге не представлял никакой ценности. Подозрительный человек, двойной агент, выложивший японцам все, что знает. Зачем же обращаться к Сталину или к Молотову с предложением выручить его из беды!

Пренебрежение к собственным разведчикам проявилось и в истории с физиком-теоретиком Клаусом Фуксом, первым и наиболее важным советским атомным шпионом.

Клаус Фукс вступил в компартию Германии в двадцать один год. В 1933 году бежал от нацистов в Англию. В конце 1941 года он предложил свои услуги советской разведке. В 1943 году Клаус Фукс переехал из Англии в Соединенные Штаты. А с августа 1944 года Фукс приступил к исследованиям в самой главной и самой секретной американской атомной лаборатории в Лос-Ала-мосе. После войны вернулся в Лондон.

— По существу, Фукс выполнял задания академика Курчатова, — с гордостью говорил мне полковник внешней разведки Герой Советского Союза Александр Феклисов, который работал с Фуксом.

Сам Феклисов был командирован в Лондон заместителем резидента по научно-технической разведке. Ему и было поручено поддерживать оперативный контакт с Клаусом Фуксом. 2 февраля 1950 года Фукса арестовали англичане. Он во всем признался и был приговорен к четырнадцати годам тюремного заключения за передачу атомных секретов «агентам советского правительства».

Сразу после вынесения приговора, 8 марта 1950 года, появилось заявление ТАСС: «Выступавший на этом процессе в качестве обвинителя генеральный прокурор Великобритании Шоу-кросс заявил, будто бы Фукс передал атомные секреты «агентам советского правительства». ТАСС уполномочен сообщить, что это заявление является грубым вымыслом, так как Фукс неизвестен Советскому правительству и никакие «агенты» Советского правительства не имели к Фуксу никакого отношения».

Все государства публично отрекаются от пойманных шпионов, но тайно стараются помочь им или их семьям. Но

арестованный Фукс не имел для Сталина и руководителей разведки никакой ценности. Кроме того, признание Фукса было расценено как отсутствие чекистской стойкости, если не как предательство. В Москве о нем забыли.

За примерное поведение в июне 1959 года Клауса Фукса освободили. Он обосновался в ГДР, где к нему отнеслись с полнейшим уважением, сделали заместителем директора Института ядерной физики, избрали академиком, членом ЦК, дали государственную премию. Признать свою ошибку, извиниться перед Фуксом в КГБ не пожелали.

Один раз, в 1968 году, Фукс приехал в Советский Союз. К нему не проявили никакого интереса. Когда полковник Феклисов просил руководство первого главного управления КГБ возбудить ходатайство о награждении Фукса орденом или об избрании иностранным членом Академии наук, воспротивился президент академии Мстислав Всеволодович Келдыш.

— Делать это нецелесообразно, — сказал он, — ибо ослабит заслуги советских ученых в создании ядерного оружия.

Уже после смерти Фукса полковник Феклисов побывал на его могиле и навестил его вдову.

— Что же вы так поздно пришли? — горестно спросила она. — Клаус двадцать пять лет ждал вас…

Что же удивляться, что в годы войны никто в Москве не собирался спасать Зорге. Хуже того, его жена, Екатерина Максимова, в сентябре 1942 года была арестована. Вероятно, это произошло после того, как Москве стало известно, что Зорге признал себя советским разведчиком и дает показания. Дальнейшую ее судьбу восстановили журналисты «Комсомольской правды». После девятимесячного следствия ее отправили в ссылку в Красноярский край. Она работала на военном заводе, голодала, просила прислать ей денег.

В 1943 году ее родные получили письмо:

«Сообщаю вам, что ваша Катя 3 июля 1943 года, находясь на излечении в Муртинском районе, в 5-й Муртинской райбольнице, умерла. В больницу она поступила с химическими ожогами… Иногда у нее со слезами срывался вопрос: «За что?!» За три-четыре дня до смерти у нее начался паралич нёба, она стала неразборчиво говорить, но она все же просила меня записать Ваш адрес. Умерла сразу, как-то набрала много воздуха, вздохнула, и ее не стало.

Ее похоронили здесь же, на кладбище. Могилу сделали высокую и поставили деревянный крест с надписью и датой. Деньги, оставшиеся после нее, сорок пять рублей, израсходовали на могилу, похороны и крест. После нее остались вещи: серая

юбка, шерстяная теплая безрукавка и галоши старые. Вещи хранятся на складе больницы…»

Письмо прислала медсестра, на руках которой в невероятных муках скончалась никому не нужная жена выдающегося советского разведчика.

Гестапо оказалось милосерднее НКВД. Гестаповцы не тронули ни русскую мать Зорге (она умерла своей смертью в 1952 году), ни его братьев.

В Токио суд над Зорге начался в мае 1943 года. Приговор вынесли в сентябре. Зорге и его главный информатор Ходзуми Одзаки были приговорены к смертной казни. Радист Макс Клаузен и помощник Зорге Бранко Вукелич — к пожизненному заключению. Еще двенадцать членов разведгруппы получили различные сроки — от двух до пятнадцати лет тюрьмы.

7 ноября 1944 года Рихарда Зорге казнили. Его повесили. Он не потерял присутствия духа, перед смертью вел себя необыкновенно мужественно. Крикнул:

— Да здравствует Красная армия! За здравствует коммунистическая партия Советского Союза.

Ему было сорок девять лет. Пожалуй, к лучшему, что в предсмертные часы он не знал, что в Москве не только отреклись от него, но и давно о нем забыли. Списали…

Я много лет знаю Владимира Ивановича Ерофеева, известного дипломата, который был когда-то помощником Молотова и много о нем рассказывал. Знаком и с его сыном, Виктором Ерофеевым, литературоведом и писателем. И лишь совсем недавно узнал, что жена Владимира Ивановича — Галина Ерофеева в годы войны была переводчицей токийской резидентуры военной разведки.

— Работая без малого год в аппарате военного атташе, — рассказывала Галина Ерофеева, — я ничего не знала о существовании Зорге и его организации. Это было окутано абсолютной тайной. И поэтому когда на мой стол попал парламентский вестник и я случайно его открыла, то увидела сообщение о казни Зорге и Ходзуми Одзаки, как было сказано, русских шпионов. Я доложила о прочитанном военному атташе и по тому, как засуетились и забегали после этого сотрудники аппарата военного атташата, поняла, что произошло что-то крайне серьезное, хотя до этого никогда этих имен ни от кого не слышала. Вызвали шифровальщиков, сообщили послу и в Москву…

После войны первой Зорге заинтересовалась американская военная разведка, которая разбирала японские архивы и потратила немало времени, чтобы изучить его работу. Благодаря

американцам стал известен масштаб работы группы Зорге.

Первый заместитель, а затем и министр иностранных дел Андрей Януарьевич Вышинский строго-настрого запретил дипломатам упоминать имя Зорге. Указание шло от Сталина. В архивах была произведена большая чистка — все документы, связанные с Зорге, исчезли. Видимо, причина состояла в том, что Зорге передал в Москву о том, что японцы готовились напасть на американские базы, а Сталин американцам ничего не сказал. И Сталин не хотел, чтобы все это выплыло наружу.

Американцы же после оккупации Японии так заинтересовались Зорге, потому что всю страну интересовал один вопрос: а не знал ли президент Франклин Рузвельт о готовящемся нападении на базу в Пёрл-Харборе и позволил японцам потопить флот, чтобы получить предлог для начала войны?

Американцы вернули в Советский Союз освобожденного из японской тюрьмы радиста Макса Клаузена и его жену. Их доставили в Москву, передали в распоряжение военной разведки и поселили на конспиративной квартире.

— Они недавно вышли из тюрьмы, и у них были темные круги под глазами, несколько одутловатые лица, — рассказывала Галина Ерофеева, которая после войны стала переводчицей Главного разведуправления Генерального штаба. — Они были напуганы, они не знали, что их ждет. Мне Макс показался более приятным человеком. Он был по-детски добродушен, располагал к себе. Анна была озлоблена, смотрела хмуро. Попав в сталинскую Россию, она ничего хорошего для себя не ждала.

Чету Клаузен попросили вспомнить все — совместную работу с Зорге, поведение каждого из членов группы, вероятные причины провала, ход следствия. Клаузен с утра до вечера добросовестно печатал свой рассказ на принесенной ему пишущей машинке.

— Я вместе с одним сотрудником разбирала это, — продолжает Ерофеева, — потом переводила на русский язык и отдавала начальству. Постепенно Клаузены «оттаивали», их переодели. Подарили им по паре часов. Они уже перестали быть такими напуганными.

В руководстве военной разведки приняли соломоново решение. Клаузенов не посадили. Их отправили в советскую зону оккупации Германии, ставшую потом ГДР. Но и восстанавливать доброе имя Зорге в военной разведке тоже не стали.

— Я уже не помню, — говорит Галина Ерофеева, — взяли с меня подписку или просто мне сказали, что я должна молчать о Зорге. Но я через все эти годы в душе пронесла исключительный образ Зорге, каким его изобразил Клаузен. Это, конечно, был совершенно необыкновенный, исключительный человек…

Японские друзья Зорге после войны добились эксгумации его останков и похоронили его с честью. В 1956 году поставили ему памятник. О нем выпустили множество книг. О нем говорил весь мир. На Западе появился художественный фильм «Кто вы, доктор Зорге?», который пользовался большим успехом везде, кроме Советского Союза.

Генерал-лейтенант Сергей Кондрашев даже попросился на прием к министру культуры Екатерине Алексеевне Фурцевой. Он только что вернулся из Австрии, где был резидентом, и предложил купить и показать этот фильм. Министр Фурцева возмутилась:

— Я этого не допущу! Этот фильм — клевета на марксизм-ленинизм.

Но руководивший личной охраной Хрущева генерал Николай Степанович Захаров показал фильм Никите Сергеевичу. Тот был потрясен, узнав, что у Советского Союза был такой знаменитый на весь мир разведчик. Хрущев позвонил начальнику Главного разведывательного управления Генерального штаба Советской армии генералу армии Ивану Александровичу Серову. Тот никогда раньше не слышал имени Зорге…

В 1964 году в ГРУ спешно создали группу, которой поручили разобраться с делом Зорге. В октябре Хрущева отправили в отставку, но процесс реабилитации Зорге, к счастью, не остановился.

5 ноября 1964 года председатель Президиума Верховного Совета СССР Анастас Иванович Микоян подписал указ: «За выдающиеся заслуги перед Родиной и проявленные при этом мужество и геройство присвоить товарищу Рихарду Зорге звание Героя Советского Союза посмертно».

Только после этого указа военный трибунал Московского военного округа прекратил уголовное дело его жены, Екатерины Максимовой, «за отсутствием состава преступления»…

Я иногда думаю о том, что, если бы Никита Сергеевич Хрущев не был таким импульсивным и живым человеком, если бы он не был способен к неожиданным решениям, о Зорге, может быть, и сейчас мало кто знал. Так и числился бы он в списке не то агентов-двойников, не то просто дезинформаторов. Горестно думать о том, что наша страна так охотно принимает жертвы своих лучших сыновей и так мало бывает им благодарна.

Американский шпион, брат советского разведчика

Профессор просто не думал о том, что рано или поздно его арестуют. Не то чтобы он гнал от себя неприятные мысли. У него был свой подход:

— Это была боевая задача, которую необходимо решить. Во время войны я, как военный врач, садился в танк с экипажем и участвовал в атаке. Я привык действовать соответственно обстановке.

17 мая 1967 года профессор Фрухт, который жил в Грюнау, упаковал чемодан, повесил его на руль велосипеда и поехал к станции пригородной железной дороги, чтобы попасть в Берлин. У профессора было плохое предчувствие. Он обратил внимание на черный «мерседес», который уже несколько раз попадался ему на глаза. Профессор удивился, что послали именно его, но заместитель министра здравоохранения ГДР сам приехал в институт, чтобы сообщить Фрухту о поездке.

Профессора арестовали на границе с Чехословакией. Для этого четыре сотрудника министерства государственной безопасности ГДР проехали на своем черном «Мерседесе-28 °CE» двести с лишним километров, чтобы не отстать от поезда, на котором профессор отправлялся в командировку.

В поезде Адольф Хеннинг Фрухт, директор Института физиологии труда, профессор Технологического университета Дрездена, профессор Академии совершенствования врачей, член государственной комиссии радиационной защиты, президент общества биомедицинской техники, проспал почти весь путь и проснулся только тогда, когда поезд остановился на пограничной с Чехословакией станции.

Чуть раньше к станции подъехал «мерседес» с сотрудниками центрального аппарата МГБ.

Таможенник вдруг сказал Фрухту:

— Ваш паспорт не в порядке. Он подделан.

Фрухт расхохотался:

— Чепуха. Это дипломатический паспорт, его мне вчера выдали в министерстве.

Чиновник повторил:

— Паспорт не в порядке. Прошу следовать за мной.

На перроне не было ни души. Двое сотрудников МГБ предъявили ему свои удостоверения и обыскали. Назад в Берлин профессора повезли на «мерседесе». Весь этот спектакль в

контрразведке придумали для того, чтобы предполагаемые сообщники раньше времени не узнали, что профессор арестован.

Когда они выехали на шоссе, Фрухт спросил:

— Я могу поспать?

Капитан МГБ ответил резко и зло:

— Вам бы лучше приготовиться к допросу и подумать, что вы будете говорить.

— Мне нечего вам сказать, — ответил профессор и, натянув на голову куртку, заснул.

Допрос начался после того, как профессора, к его удивлению, прекрасно покормили.

— Поскольку мое представление о тюрьме всегда было связано с голодом, — вспоминает Фрухт, — я ел ужасно много. У меня даже в глазах потемнело от переедания.

Он знал, за что его арестовали.

Профессор Фрухт по собственной воле — не ради денег и не по политическим соображениям — стал крупнейшим агентом Запада в ГДР. Он раскрыл весь арсенал отравляющих веществ, находившихся на вооружении Варшавского договора. Он передал на Запад все, что мог: данные о разработке боевых отравляющих веществ, лабораторных исследованиях, промышленном производстве и полевых испытаниях. Он выдал формулу чрезвычайно токсичных отравляющих веществ, которые проникают и через резину, и через синтетические материалы, из которых делаются противогазы и общевойсковые защитные костюмы.

Физиолог Фрухт происходил из семьи, которая дала Германии блестящих историков, теологов и естествоиспытателей. Его прапрадедушкой был Юстус фон Либиг, основатель агрохимии. Его дед Адольф фон Харнак — основатель и президент самого блестящего объединения ученых начала века — Общества кайзера Вильгельма (теперь это Общество Макса Планка). Его семья породнилась с другими не менее блестящими семействами — Делльбрюками и Бонхёфферами.

Юстус Делльбрюк, сотрудник адмирала Канариса, возглавлявшего военную разведку и контрразведку, попал в нацистскую тюрьму за участие в антигитлеровской оппозиции. Его брат Макс Делльбрюк, став американским гражданином, получил в 1969 году Нобелевскую премию по медицине.

Протестантский пастор Дитрих Бонхёффер был казнен по приговору нацистского суда за участие в антигитлеровском сопротивлении. Арвид Харнак был казнен как участник разведывательной группы, работавшей на Советский Союз против Гитлера. Эрнст фон Харнак был казнен за участие в заговоре 20

июля 1944 года, когда Гитлера пытались убить.

Мать профессора Фрухта, урожденная фон Харнак, горько замечала:

— Наша семья как картофель: лучшее находится под землей.

Отец профессора погиб в первый месяц Второй мировой войны. Будущий профессор дважды оставался на второй год в гимназии и получил неудовлетворительную оценку по математике на экзаменах на аттестат зрелости. Позднее в нем откроется дар математика — во время тюремного заключения в Баутцене.

Во время войны он служил врачом в танковых частях вермахта и попал в плен к русским. После капитуляции Германии он помогал восстанавливать больницы в восточной зоне, стал физиологом и сделал научную карьеру.

Ему не нравилось, что многие уезжают из ГДР на Запад:

— Я считал, что на их решение недобрая западная пропаганда повлияла не в меньшей степени, чем объективные трудности.

В начале шестидесятых годов профессор Фрухт занялся работой, которая немедленно заинтересовала Национальную народную армию ГДР. Институт Фрухта исследовал воздействие токсических веществ (как промышленного, так и военного характера) на организм человека. В Первую мировую войну на случай химической атаки в окопах держали канареек и, когда те падали замертво, надевали противогазы. С тех пор ученым не удалось придумать что-то более надежное для распознания отравляющих веществ.

Фрухту пришло в голову использовать в качестве индикатора светящиеся бактерии и светлячков. Группа сотрудников Фрухта выращивала поколение за поколением штаммы светящихся бактерий, исследовала обмен веществ и механизм свечения этих мельчайших живых существ. Когда значительная часть этой работы была проделана, ее результатами заинтересовались военные.

Профессор Фрухт тогда отнесся к такому сотрудничеству положительно:

— Промышленно развитое государство, имеющее армию, должно располагать и боевыми отравляющими веществами для своей защиты. Я считал большой ошибкой не проводить проверку солдатского обмундирования, боевого снаряжения и специальных средств защиты на воздействие отравляющих веществ.

Экспериментами Фрухта заинтересовался главный врач Национальной народной армии ГДР генерал Ханс Рудольф Гестевитц. Он не ходил в форме, ездил на западном автомобиле,

защитил диссертацию и был очень приятен в общении.

Медицинский генерал был увлечен различными идеями. Например, он мечтал о том, чтобы уберечь танковые дивизии от ядерной атаки, спрятав их под водой.

— Вода прекрасно защищает от радиации, — говорил он Фрухту. — Потом танки выбираются на берег и начинают атаку. Конечно, для этого нужны гигантские фабрики по обеспечению кислородом танковых войск…

В конце 1965 года генерал рассказал Фрухту, что они создали новый вид противогаза. При низких температурах в клапанах конденсируется жидкость, и обычный противогаз выходит из строя. А новый противогаз, снабженный специальной подкладкой, поглощающей жидкость, исправно функционирует при температуре минус двадцать градусов.

— Мы только что проводили артиллерийские учения, — доверительно рассказал генерал. — Мороз — минус двадцать. Солдаты одной батареи были в обычных противогазах, другой — в противогазах нового образца. Старые противогазы продержались пятнадцать минут — газ стал проходить. Новые позволили провести восьмичасовые учения без перерыва.

Фрухт удивился:

— Но ведь при такой температуре отравляющие вещества замерзнут и утратят поражающее действие.

Генерал успокоил профессора:

— У нас есть вещество, которое можно разбрызгивать и при морозе. Оно сохраняет свою токсичность при минус сорока.

— Но что будет, если на следующий день выглянет солнце и температура резко повысится? Отравляющие вещества могут испариться, с облаками разнестись на сотни километров и пролиться с дождем.

— Все это уже не будет иметь никакого значения, — отмахнулся генерал. — К этому моменту операция уже будет завершена. Нас интересуют только несколько точек в Арктике — американские радиолокационные станции. С помощью нового вещества мы можем вывести из строя всю американскую систему раннего оповещения на двенадцать часов, а наши друзья говорят, что им достаточно и шести.

«Нашими друзьями» на языке восточногерманских функционеров назывались русские.

Фрухт представил себе ход такой операции. Советские и восточногерманские части особого назначения на аэросанях пересекают арктические льды и выпускают небольшие управляемые ракеты с отравляющими веществами. Техники, обслуживающие радиолокаторы, пересекают отравленную

местность. Через полчаса они выведены из строя. У них развивается нетипичная для отравлений картина заболевания. Другая смена выходит на улицу и тоже заражается.

Радиолокатор выходит из строя, и в американском защитном зонтике образуется дыра, открывая возможность для внезапного ядерного удара по территории Соединенных Штатов.

Профессор Фрухт решил, что этот план — не фантастика. Он был уверен, что советское политбюро не преминет воспользоваться такой возможностью. Фрухт понял, что должен каким-то образом предупредить Запад.

Профессору долго не удавалось связаться ни с одной иностранной разведкой. Он обращался к разным заслуживавшим доверия посредникам, но ничего не получалось. Однажды им заинтересовались, но Фрухт был потрясен сделанным ему предложением. Британская разведка МИ-6 рекомендовала ему установить дома оборудование для тайной радиосвязи.

Фрухт отказался:

— Как же вы это себе представляете? Я встаю, скажем, в три часа ночи, чтобы принять шифрограмму из Центра. Жена просыпается и изумленно спрашивает: что ты делаешь?

Пять раз Фрухт встречался с различными посланниками с Запада, прежде чем что-то получилось. Какие-то незнакомцы, как в плохих фильмах, останавливали его на улице и произносили нелепо звучавшие условные фразы: «Сегодня прохладный вечер».

Наконец, с одним человеком профессор Фрухт согласился подробно поговорить. Но выяснилось, что тот ничего не смыслит в естественных науках. В отчаянии Фрухт просто дал ему листочек из сверхсекретного документа, подготовленного для очередного заседания комитета по химическому оружию объединенных вооруженных сил стран Варшавского договора. Связной вывез этот документ, который должен был подтвердить серьезность намерений Фрухта и его значение как источника информации.

Ответ потряс Фрухта. Ему сообщили, что он никак не мог иметь доступа к строго секретной информации военного характера, следовательно, он провокатор министерства государственной безопасности ГДР. Фрухт часто думал о своем двоюродном брате Арвиде Харнаке, который в нацистские времена работал на советскую разведку. Разведывательная организация Харнака вошла в историю мировой разведки под названием «Красная капелла».

Харнак и его единомышленники в 1941 году предупреждали Сталина о подготовке войны против СССР, но Москва им не верила. Теперь Запад не верил Фрухту.

Ему все же удалось настоять на своем. Его стали принимать всерьез. Хотя еще долгое время Фрухту казалось, что американцы иногда сомневаются в его информации.

Секретные сведения сами стекались к Фрухту. Офицеры Национальной народной армии ГДР — химики в мундирах — часто бывали в его институте и постепенно стали считать профессора человеком, допущенным ко всем секретам. Они занимались боевыми отравляющими веществами. Профессор сообразил, как получить от них нужную информацию.

— В химии я полный профан, — говорил он, — не понимаю формул и не могу их запомнить, поэтому вы должны это записать.

Он передавал записи американцам. Американцы были озадачены: военные химики в ГДР создавали мощные отравляющие вещества, основываясь на американских же разработках.

Работа секретным агентом вовсе не была легкой.

— Это отражалось на моих нервах, — вспоминал потом Фрухт. — Кроме того, это тормозило мою научную работу. Коллеги удивлялись: «Что с вами происходит? О вас ничего не слышно».

Если задание, которое давали американцы, ему не нравилось, профессор отказывался его выполнять. Американцы на него не давили. Временами он впадал в раздражение и говорил: «Оставьте меня в покое». Они хотели, чтобы профессор навестил одного русского ученого в Ленинграде, который расследовал причины гибели космонавта Комарова. Но профессор не захотел брать это на себя.

Первая неприятность, связанная с работой на иностранную разведку: испорченный стол красного дерева. Фрухту передали специальную бумагу, которую надо было слегка подогреть, чтобы на ней выступили написанные строчки, — так он получал инструкции. Неопытный Фрухт воспользовался утюгом, чтобы прочитать письмо, и испортил стол. Жена была недовольна, но находчивый профессор легко оправдался. Сказал, что сушил фотоматериалы, полученные из института.

Спецкопирку и указания профессору посылали прямо на домашний адрес — от имени мифических западных коллег. Свои послания он писал с помощью специальной копирки. Сначала на обычном листе почтовой бумаги сочинял невинное послание несуществующему родственнику. Затем к обратной стороне уже готового письма подкладывал лист специальной бумаги, на него чистый лист обычной, на котором и писал свое донесение. Оно с помощью бесцветной копировальной бумаги переносилось на обратную сторону письма. Американцы снабдили его перечнем

своих почтовых ящиков — это были невинные адреса в маленьких городках ФРГ, Австрии и других западноевропейских стран.

Контрразведка ГДР легко бы распознала такую простую тайнопись, но Фрухт и его американские кураторы исходили из того, что невозможно проконтролировать весь поток писем из ГДР.

Дети Фрухта от первого брака жили на Западе. Его сестра вышла замуж за англичанина. Он сам когда-то учился в Америке, и у него там остались друзья. Коллеги с Запада снабжали его журналами, которые были запрещены в ГДР. Они пересылали ему тот или иной номер с нелепым сопроводительным письмом от имени несуществующего научного института и просили обратить внимание на статью такую-то. Эти посылки благополучно проходили через все кордоны: институт имел право получать научную литературу.

Профессор Фрухт не брал денег за шпионаж.

Он не был антикоммунистом, даже в какой-то степени осуждал тех, кто уезжал из ГДР, и не любил руководителей ФРГ. Но он считал руководителей Советского Союза и Восточной Германии опасными авантюристами, боялся, что они при первой же удобной возможности нанесут удар по Западу. Особенно если армии Варшавского договора создадут оружие, способное прорвать линию обороны Запада. Поэтому он и передал американцам все, что знал о химическом вооружении стран Варшавского договора.

Решающим моментом в решении Фрухта сообщить на Запад то, что он знает, стал день 11 августа 1962 года. Прошел ровно год после возведения Берлинской стены. Фрухт должен был ехать в Стокгольм, чтобы принять участие в заседании комитета ЮНЕСКО. Он приехал за паспортом, но смущенный референт развел руками:

— Сегодня всем запретили выезд. Вы не сможете поехать.

На обратном пути Фрухт увидел вдоль всей границы с Западным Берлином танки и войска. В Трептов-парке была развернута армейская радиостанция. Потом он столкнулся с танковым батальоном, стоявшим в полной готовности. Ему казалось, что маневры должны были стать чем-то большим: вероятнее всего, атакой на Западный Берлин. Но в последний момент от этого отказались. Фрухту передали, хозяин ГДР Вальтер Ульбрихт, выступая в Потсдаме, грозно сказал, что у союзников нет никакого права находиться в Западном Берлине. Эту речь не опубликовали.

Жене Фрухт сказал:

— Пройдись по магазинам и купи все, что нужно. А детям не

разрешай выходить из дома.

Друзья рассказывали Фрухту, что кому-то уже предложили быть готовым перебираться в Западный Берлин. Директор завода стройматериалов должен был взять на себя руководство западноберлинской строительной фирмой. Директор издательства — возглавить и западноберлинскую издательскую фирму.

— Я ведь был не политиком, — вспоминал позднее Фрухт, — а ошеломленным гражданином, увидевшим танки перед домом. После того дня я сказал себе: если ты вовремя узнаешь о чем-то подобном, ты обязан что-то предпринять.

Профессор Фрухт пользовался полным доверием военных. Офицеры Национальной народной армии ГДР даже принесли образцы новейших отравляющих веществ в институт Фрухта, чтобы проверить его научные разработки.

Это было в конце 1966 года. Фрухт тогда находился в командировке в Советском Союзе. Когда он вернулся, эксперименты были завершены. Ассистент показал Фрухту бумаги с результатами и картонную коробку, в которой стояла бутыль с двойными стенками — самое сильное боевое отравляющеее вещество, произведенное на тот день в ГДР. Одной этой бутыли было достаточно, чтобы отправить на тот свет миллионы человек.

Офицеры привезли две бутыли и не захотели забирать их назад, потому что взяли их у себя «неофициально». Одну просто вылили в канализацию. Вторую оставили в институте:

— Вам этого хватит на несколько лет для экспериментов.

Фрухт сообщил американцам, что у него есть эта бутыль. Они опять ему не поверили. На сей раз у него не было никакого желания их переубеждать. Слишком опасной была бы любая попытка переслать им образец. Кроме того, формулу они уже получили.

Между делом Фрухту раскрыли и формулы боевых отравляющих веществ, состоявших на вооружении армий стран Варшавского договора, а также способность общевойсковых защитных комплексов противостоять тем или иным веществам. Таким образом, на какой-то момент все армии Варшавского договора стали беззащитны перед химической атакой Запада.

Первый звонок для Фрухта прозвучал в начале 1967 года.

Профессор должен был руководить конгрессом в помещении военного госпиталя, но накануне открытия конгресса ему не разрешили даже осмотреть помещение. Причина? Необходимость соблюдения мер безопасности.

Генерал Гестевитц вдруг спросил Фрухта:

— Помните, я как-то говорил с вами об отравляющих

веществах, применяемых в холодную погоду? Странным образом, страны НАТО внезапно изменили систему своей защиты от химического нападения. Как вы думаете, они сами увидели свое слабое место? Или с нашей стороны была утечка?

Фрухт понял, что теперь контрразведка быстро доберется до него: он был единственным человеком — вне высшего руководства армии, осведомленным в этой суперсекретной материи. Профессор приготовился к аресту, и, когда это произошло, он был почти спокоен.

В следственной тюрьме Фрухт выработал для себя следующую тактику: его жена, родственники и коллеги по институту ничего не знали о его подпольной деятельности. О плане применения отравляющих веществ на Аляске ему неизвестно. Во всем остальном — признаваться. Фрухт решил, что ему будет хуже, если на суде пойдет речь о подготовке высадки на Аляске. Обнародовать такой план — даже в закрытом судебном заседании военного трибунала — слишком опасно для репутации ГДР, и с ним могут сделать все, что угодно. Несмотря на то что он практически ничего не скрывал, его допрашивали девяносто раз. Предварительное следствие продолжалось восемь месяцев. Вопросы и ответы записывались на магнитофон. В соседнем кабинете, как потом стало ясно профессору, за ходом допроса следили другие офицеры госбезопасности, которые инструктировали следователя, какие вопросы задавать.

У следователей была своя драматургия. Они знали, как вывести из равновесия арестованного. Например, вечером после допроса следователь говорил:

— Ваши показания неудовлетворительны. Завтра я снова буду задавать вам вопросы. Подумайте, что вы хотите нам сказать. Это будет иметь решающее значение для вашей судьбы.

Однако на следующий день профессора на допрос не вызывали. Допросов не было две недели. Тогда ему начинало казаться, что лучше допрос, чем томительное сидение в камере. Тактика, к которой прибегли следователи, то неожиданно вызывая на один допрос за другим, то заставляя неделями киснуть в камере, не прошла бесследно для Фрухта. Однажды он выпалил следователю:

— Лучше бы вы избивали меня, чем мучили таким ужасным образом.

Следователь высокомерно сказал:

— Вы наслушались западной пропаганды. Холодные камеры, где пол залит водой, электрошокеры, дубинки — мы все это уже не применяем.

Вскоре Фрухт обнаружил у себя язву желудка. Лечить ее не

стали. Через полгода произошло прободение стенки желудка, и ему помогла только немедленная операция.

В особо трудные минуты профессор размышлял о самоубийстве:

— Я придумал два верных способа покончить с собой, и моя профессорская изобретательность даже доставила мне удовольствие. Я, так сказать, занимался теорией самоубийств.

Во время следствия Фрухту запрещалось писать, читать газеты, получать письма и играть в шахматы. Разумеется, у него не было адвоката, и он не имел никаких вестей от жены. Фрухт пришел к выводу, что с ним обращаются хуже, чем с профессиональными шпионами. На них смотрят как на коллег.

Охрану тюрьмы несли солдаты особого полка имени Феликса Дзержинского министерства государственной безопасности ГДР. Каждые три минуты они заглядывали в глазок. Если Фрухт разговаривал сам с собой, ему приказывали молчать. Если он натягивал одеяло на голову, его немедленно будили.

Как ученый, Фрухт сумел сохранить хладнокровие:

— Наблюдающему хуже, чем наблюдаемому. Только вначале кажется, будто так уж заключенному досаждает то, что самые нормальные отправления он вынужден совершать под присмотром. К этому быстро привыкаешь. А вот надзирателям приходится смотреть, как заключенный сидит на унитазе.

Если от надзирателя требуют не спускать с заключенного глаз ни днем ни ночью, смотреть в глазок каждые три минуты, то у надзирателя нервы сдают раньше, чем у заключенного. Надзиратель находится на посту восемь часов, а глазок расположен очень неудобно…

Постепенно Фрухт понял, что его собственно шпионская деятельность следователей больше не интересует. Они выяснили все, что хотели. Теперь им нужно было найти какое-то идеологическое обоснование его случаю. ЦК СЕПГ требовал от министерства госбезопасности ответа: почему директор института, уважаемый в народной Германии человек стал на путь сотрудничества с империалистической разведкой?

Следователи пытались нащупать какие-то темные пятна в прошлом Фрухта, например подозревали его в тайной любви к нацизму, искали следы сотрудничества с гестапо и абвером. В начале января 1968 года следствие было закончено, ему выдали обвинительное заключение — «шпионаж и угроза основам ГДР». Надо было готовиться к суду.

Следователи нашли ему адвоката — Вольфганга Фогеля. Они встретились только накануне процесса. Адвокат еще ничего не знал о сути дела. Он прочитал обвинительное заключение —

примерно десять машинописных страниц — и спросил у Фрухта:

— Это правда?

— Да, примерно, — ответил Фрухт.

— Как вы полагаете, сколько вам дадут? — спросил Фогель.

— Лет двенадцать или пятнадцать.

Фогель посмотрел ему прямо в глаза:

— Тянет на пожизненное заключение, с этим ничего нельзя поделать. Наш шанс появится после процесса.

Профессор Фрухт понял своего адвоката правильно: Вольфганг Фогель занимался обменом заключенными между Востоком и Западом. И в Восточной, и в Западной Германии Фогеля считали замечательным гуманистом, посвятившим свою жизнь политическим заключенным. Только после крушения ГДР станет известно, что адвокат Вольфганг Фогель всю свою сознательную жизнь был сначала агентом, а затем и кадровым сотрудником министерства государственной безопасности. Обмен заключенными был выгодным бизнесом. Восточная Германия торговала заключенными в розницу и оптом, получая за каждую голову от ФРГ большие суммы в свободно конвертируемой валюте. Уезжавших из ГДР заставляли продавать дома и имущество за бесценок. Адвокат Фогель стал миллионером на этих сделках. Его судили и приговорили к двум годам тюремного заключения. Но без такого человека, как он, холодная война была бы еще холоднее…

Профессора Фрухта судила коллегия по уголовным делам военного трибунала. Это был первый случай, когда гражданское лицо судили военные. Профессор физиологии чувствовал себя возведенным в генеральское достоинство. Даже жена Фрухта не знала, что его судят. Зал был пуст, сидели только трое солдат, стенографистка и обвинитель с адвокатом. Фрухт и здесь нашел возможность немного повеселиться, когда он прочитал фамилии судей: Хаммер (молоток), Нагель (гвоздь) и Зарг (гроб).

Профессор, чьим адвокатом был Фогель (птица), а обвинителем Рихтер (судья), превратил все в каламбур и называл себя «бедным Фрухтом (фруктом)».

Судей раздражало то, что профессор шпионил по собственной воле. Обычно они имели дело или с засланными агентами, или с купленными людьми, с жертвами шантажа. А тут непонятный случай собственной инициативы, что составляло особую тяжесть преступления. Поразительным образом во время суда Фрухт обогатил свои познания о секретах создания химического оружия в ГДР. Он узнал, на каких заводах это оружие производится, и уже из тюрьмы сумел передать эти сведения американцам. О том, как он сумел это сделать, профессор Фрухт умалчивает и по сей день.

Его приговорили к пожизненному заключению.

В тюрьме в Баутцене профессор Фрухт провел долгие годы. Он знал эту тюрьму: в первые послевоенные годы ему подчинялись тюремные больницы. Его поместили в одиночку. Камеры над ним и рядом с ним были пусты. Под ним сидел бывший офицер госбезопасности, совершивший должностное преступление.

В течение пяти лет он видел человека три раза в день по тридцать секунд. В половине шестого утра ему приносили кофе и ведро с водой для мытья отхожего места. Днем этот же человек приносил обед и сухой паек на ужин. Вечером он еще раз открывал дверь и тут же закрывал — это была вечерняя проверка.

На получасовую прогулку водили каждый день, но даже надзирателя Фрухт не мог увидеть в лицо. Когда профессор выходил из камеры, надзиратель стоял за дверью, видна была только его рука. Потом Фрухт шел один по лестнице и выходил в прогулочный дворик. Кто-то невидимый запирал за ним дверь. Только на сторожевых вышках виднелись силуэты охранников с автоматами.

Профессор предложил надзирателям воспользоваться опытом прусских тюрем прошлого столетия: надевать на лицо особо опасных заключенных черную маску. Тюремной администрации это бы значительно упростило жизнь. Прогулочный дворик был в определенном смысле просто большой камерой, только без крыши. Летом вырастало немного травы, иногда Фрухту удавалось сорвать одуванчик. Во время прогулки запрещалось бегать, прыгать, нагибаться, становиться на камень, кричать, лепить и бросать снежки. Разрешались только простейшие гимнастические упражнения — взмахи руками, приседания.

В тюрьме профессор Фрухт работал: снабжал пружинками и шайбами станочные шурупы. Норма — 4150 штук в день. Рабочий день — восемь часов. К концу дня у него болели руки и ломило спину. Не работать было нельзя, за отказ — карцер. Более умелые заключенные выполняли норму на сто десять процентов. Многие готовы были работать по десять — одиннадцать часов, чтобы заработать несколько лишних марок на курево. Фрухт давал только сто пять процентов. Стахановские подвиги этих умельцев приводили к тому, что, пока Фрухт сидел, нормы трижды повышали.

В камере Фрухт то мерз, то мучился от жары — в зависимости от того, начался или закончился отопительный сезон. Кормили, по мнению физиолога Фрухта, неразумно, по нормам прошлого столетия, когда заключенный занимался тяжелым физическим трудом: много жиров, мало белка. Легко

было растолстеть. Фрухт прописывал себе диету. Зарабатывая в месяц от четырнадцати до девятнадцати марок, покупал в тюремной лавочке не сладости, а творог.

Психологически Фрухт чувствовал себя лучше, чем другие заключенные. Многие заключенные выходили на работу полубольными, хотя тюремные правила разрешали взять на три дня освобождение по болезни. Они боялись оставаться один на один с собой. Большинство осужденных считают свое пребывание в тюрьме несправедливым и усугубляют свои страдания, день за днем спрашивая себя: за что же меня постигла такая несправедливость?

Фрухт знал, за что его посадили.

Он очень много писал, но держать в камере записи не разрешалось. Их время от времени отбирали — иногда через несколько дней, иногда через несколько месяцев. Если Фрухт занимался математическими расчетами, то это изъятие было для него болезненным — он не мог продолжать работу, но старался прежде всего удержаться от жалости к самому себе.

К изоляции Фрухт быстро привык.

Профессору были известны все опасности одиночного заключения. Нормальный человек становится шизоидным типом, шизоид превращается в шизофреника. Рассыпается шкала ценностей, реакции становятся неадекватными. Известный случай: приговоренному к пожизненному заключению вдруг сообщают об освобождении. В ответ он задает вопрос: а что сегодня будет на обед?

Иногда возникают бредовые идеи. В какой-то момент Фрухту казалось, что его должны вот-вот освободить. Он только об этом и говорил. Например, слышал звук въезжающей во двор автомашины и считал, что это привезли указ о его освобождении. Дружески расположенный к нему уборщик тщетно пытался вывести его из этого состояния. Эта бредовая идея несколько раз захватывала Фрухта.

Одиночка опасна и тем, что ведет к отупению. Эта опасность преодолевается с помощью телевизора. По тюремным правилам ГДР заключенному разрешалось смотреть телевизор один час в неделю. Но тюремная администрация поступала по-своему: сажала Фрухта перед телевизором раз в квартал сразу на восемь часов. Выбирались специальные дни, например день памяти жертв фашизма или день Национальной народной армии, когда часами произносились одни и те же речи и показывали марширующие колонны.

Тем не менее профессор старался справляться с психологическими проблемами. Он говорил себе: самое

длительное тюремное заключение состоит из крошечных отрезков времени, и задача состоит в том, чтобы каждую секунду если и не испытывать какое-то удовольствие, то хотя бы сохранять равновесие. Так можно выстоять.

Он вставал очень рано — примерно в половине четвертого утра, чтобы почитать или позаниматься математикой. До обеда работал, после обеда немного спал. Ложиться запрещалось, но Фрухт научился спать сидя. После обеда опять работал, а вечером ему разрешили лежать — из-за болезни ног. В половине восьмого вечера в тюрьме был отбой, выключали свет, а Фрухт ложился еще раньше.

В тюремной библиотеке было три тысячи книг, и Фрухт наслаждался. Он обнаружил собрания сочинений Шекспира, Гейне, Ромена Роллана, Гёте, которые плохо раскупались в магазинах и оседали в тюремных и иных библиотеках… Фрухту разрешили выписывать медицинский журнал, и профессор прочитывал каждый номер от корки до корки.

И наконец, он занимался математикой, теорией игр, а кроме того, играл в шахматы сам с собой. Он научился это делать в темноте. Вечером, ложась спать, он раскладывал доску на краю постели и преспокойно играл после отбоя. Первое время надзиратели отбирали у него доску, потом смирились. Фрухт не протестовал, не отказывался работать, но он вел отдельное от других заключенных интеллектуальное существование, то есть оказался инородным телом в тюремной повседневности. Фрухт пытался защититься с помощью отстраненности. Эта строптивость раздражала тюремщиков.

Раз в месяц он получал письмо от жены — один лист бумаги, исписанный с обеих сторон. Раз в три месяца она приходила на получасовое свидание.

— Если в течение трех месяцев не удавалось ни с кем и словом перемолвиться, — вспоминал Фрухт, — и вдруг получаешь возможность говорить целых полчаса, то через десять минут чувствуешь себя так, словно без подготовки спел оперу Вагнера. Я мог охрипнуть и даже потерять голос.

Поскольку у них было шестеро детей, то каждый из них был темой трехминутного разговора, еще две минуты посвящалось самочувствию жены профессора, остальное уходило на препирательства с охраной. Иногда при встрече присутствовало два офицера, тогда Фрухт даже не мог подать жене руку. Их рассаживали по разным углам. Говорить о своем деле заключенным запрещалось.

После нескольких лет в одиночном заключении можно было просить о переводе в общую камеру. Но сами надзиратели

советовали Фрухту этого не делать:

— Вы не сможете привыкнуть к жизни с другими заключенными.

Они оказались правы. Когда Фрухта поместили вместе с другими заключенными-уголовниками, он впервые почувствовал, что такое тюремная среда. Для сидевших в камере он был новичком, над которым полагалось измываться, и слабым физически интеллигентом, вдвойне достойным презрения. Профессор привык, что, когда он говорит, его слушают со вниманием. В камере его никто не слушал. Над ним потешались. Одно из любимых развлечений было бросать профессору в миску испражнения.

Фрухт не получал посылок, не курил, словом, ничем не мог завоевать симпатии товарищей по камере. Через год в камеру привели новичков, положение Фрухта — теперь уже «старичка» — должно было улучшиться. Новички были не обычными уголовниками, а бывшими высокопоставленными функционерами, осужденными за экономические преступления, то есть интеллигентными людьми.

Профессор буквально вцепился в них, радуясь возможности поговорить с образованными людьми, но уполномоченному госбезопасности в тюрьме эти контакты не понравились, и профессор получил семьдесят два дня карцера. В карцере было очень холодно. Два дня выдавали только по четыреста граммов хлеба в день, и лишь на третий день — что-то горячее. Максимальный срок пребывания в карцере не должен был превышать двадцати одного дня. Фрухт провел там втрое больше, но, как физиолог, он сумел сохранить себя: он разламывал хлебную пайку на равные порции и съедал их каждый час, предотвращая тем самым резкое падение содержания сахара в крови.

Как только самый известный шпион из ГДР Гюнтер Гийом, который был личным референтом канцлера ФРГ Вилли Брандта, попал за решетку, в Берлине сразу же выразили желание выручить своего человека. Начальник главного управления разведки МГБ ГДР генерал Маркус Вольф делал все, чтобы вытащить Гийома и его жену из тюрьмы. Через посредников Западной Германии предложили различные варианты обмена, в том числе обещали выпустить одного узника «очень крупного калибра» — профессора медицины Адольфа Хеннинга Фрухта.

Но Фрухт западных немцев не заинтересовал. В Бонне о нем просто ничего не знали. Потом немцы выяснили, что он работал на американцев. В Вашингтоне тоже не проявили особого интереса к освобождению Фрухта. У американцев перед Фрухтом

не было никаких обязательств. Они его не вербовали. Он предложил свои услуги сам. Да и каналы обмена с ГДР имела только Западная Германия.

С Гийомом сделка не получилась. Фрухта продержали в тюрьме дольше, чем обычно держат профессиональных шпионов, которых стараются побыстрее обменять на своих людей, тоже попавших в беду. Его освободили только в 1977 году — обменяли на чилийского коммуниста Хорхе Монтеса, сенатора при Альенде и заключенного при Пиночете.

18 июня 1977 года Фрухту вручили документ о лишении гражданства ГДР и на советской «Ладе» отправили к пограничному контрольно-пропускному пункту. Это была конечная стадия сложной сделки, в которой участвовали Вашингтон, Москва, Чили, Куба, Бонн и Берлин. В этот день из разных тюрем было освобождено в общей сложности одиннадцать человек.

Фрухта спасло то, что генеральный секретарь восточногерманской компартии Эрих Хонеккер чувствовал себя лично обязанным «прогрессивным чилийцам». Дело в том, что в 1975 году его дочь Соня вышла замуж за чилийского политэмигранта Роберто Янеса. Фотография внучки была единственным украшением на столе генерального секретаря. Если бы не любовь Хонеккера к чилийцам, профессор Фрухт еще долго оставался бы особым узником тюрьмы в Баутцене. Разведки ценят только действующих шпионов. О былых заслугах никто не вспоминает.

Побег заместителя Генерального секретаря

Через двадцать лет после своего шумного побега на Запад, 28 февраля 1998 года, в Соединенных Штатах умер от цирроза печени самый знаменитый в свое время перебежчик — Аркадий Николаевич Шевченко, бывший заместитель Генерального секретаря ООН, бывший помощник министра иностранных дел СССР Андрея Громыко.

Незаметность его смерти более всего свидетельствовала о том, что ушла эпоха, когда перебежчики были событием для нас, когда убежавшим дипломатом или разведчиком занималось высшее руководство страны. Но в самой истории Шевченко все еще остаются загадки. Главная из них: почему он ушел к американцам?

В последний день марта 1978 года, это было воскресенье, в здание советского представительства при ООН, которое находится в самом центре Нью-Йорка — напротив полицейского участка и пожарной части, приехал заместитель Генерального секретаря ООН Аркадий Шевченко. Его попросил заглянуть глава советского представительства Олег Трояновский.

Когда Шевченко приехал к нему — уже вечером, Олег Александрович куда-то торопился. Он успел только сказать, что для Шевченко пришла срочная телеграмма из Москвы, как зазвонил телефон. Аркадий Шевченко услышал в мощной мембране громкий голос жены Трояновского:

— Что ты там торчишь? Машина ждет. Прикрывай свою лавочку и скачи на полусогнутых.

Трояновский, улыбаясь, встал из-за стола:

— Извините, Аркадий Николаевич, мне надо идти. Поговорим о телеграмме завтра.

Шевченко поднялся на седьмой этаж и прочитал поступившую на его имя шифровку. Его срочно вызывали на родину — «для консультаций в связи с приближающейся специальной сессией Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению, а также для обсуждения некоторых других вопросов».

Шевченко насторожился: с какой стати что-то обсуждать, когда директивы советской делегации на сессию уже готовы? И что это еще за «некоторые другие вопросы»? Он точно знал: когда дипломатов его ранга срочно вызывали в Москву, то причину объясняли ясно и четко. Телеграмма повергла Шевченко в панику. Он вернулся к себе в здание Организации Объединенных Наций и позвонил своему связному — офицеру Центрального

разведывательного управления Соединенных Штатов:

— У меня срочное дело. Я должен увидеться с вами как можно скорее.

Встретившись, сказал, что не поедет в Москву. Он проработал на ЦРУ двадцать семь месяцев и заявил, что больше не может. Он попросил выполнить данное ему обещание: гарантировать политическое убежище в Соединенных Штатах.

Сотрудник ЦРУ вздохнул. Эмигрант Шевченко американскую разведку не интересовал. Но он понял, что Аркадий Николаевич смертельно напуган и успокоить его невозможно. Он попросил время до четверга, чтобы все подготовить. Олегу Трояновскому на следующий день Шевченко раздраженно сказал, что у него масса дел и он улетит в Москву только в воскресенье.

— Я бы вам не советовал тянуть, — ответил Трояновский. — Это не мое дело, но, когда Центр присылает такую телеграмму, лучше ехать не мешкая.

Шевченко пригласил в ресторан приехавшего из Москвы советника отдела международных организаций МИД Геннадия Сташевского, сказал ему, что хочет поехать в Москву, чтобы завершить дела, связанные со спецсессией ООН. Сташевский не подозревал, что по просьбе КГБ Шевченко вызывают домой.

— Даже не высовывайся с этим, — прервал он Аркадия Николаевича. — Тебе абсолютно незачем ехать. Все решат, что тебе просто охота побывать в Москве.

Шевченко убедился, что вызов в Москву — ловушка.

В четверг ночью он спустился на один пролет в доме, где он жил, и вошел в конспиративную квартиру американской разведки, которую сняли специально для встреч с ним. Его уговорили оставить жене письмо, чтобы она ничего не заподозрила раньше времени. Шевченко поднялся к себе и написал ей записку, которую она увидит только утром. Он положил в портфель снимок дочери, фотографию своей жены вместе с женой Громыко и большое групповое фото с Брежневым.

Шевченко спустился по пожарной лестнице, перешел через улицу и сел в ожидавшую его машину. Его спрятали в доме, принадлежавшем ЦРУ. По иронии судьбы одного из сотрудников ЦРУ, опекавших Шевченко, звали Олдрич Эймс. Через несколько лет он станет агентом советской разведки…

В книге «Разрыв с Москвой» Шевченко сам описал, как за несколько лет до побега он обратился к старому знакомому-американцу:

— У меня к вам необычная просьба. Я решил порвать со своим правительством и хочу знать заранее, какова будет реакция американцев, если я попрошу политического убежища.

— Вы шутите, Аркадий! — ошеломленно сказал тот.

— Я совершенно серьезен, — настаивал Шевченко. — Такими вещами не шутят.

Подумав, американец сказал:

— Мы давно знаем друг друга, и я, конечно, постараюсь помочь вам. На следующей неделе я еду в Вашингтон. Я все разузнаю. Но нас больше не должны видеть вместе.

Через несколько дней в библиотеке ООН он передал Шевченко листок бумаги, на котором было написано: «Из Вашингтона приезжает человек специально для того, чтобы встретиться с вами. У меня сложилось впечатление, что вам предоставят политическое убежище, и я надеюсь, что разговор с этим человеком успокоит вас».

Сотрудник ЦРУ провел с Шевченко классическую вербовочную беседу:

— Если вы готовы бежать, мы готовы помочь вам. Мы примем вас, если вы именно этого хотите.

Он, правда, сразу предупредил, что в Соединенных Штатах у Шевченко не будет особых привилегий, к которым он привык: машины с шофером, государственной квартиры, той роскоши, которая полагалась советскому чиновнику высшего класса.

— Вы понимаете, что, если вы будете жить открыто, ваша жизнь всегда будет под угрозой? — сказал сотрудник ЦРУ.

«Я достаточно был осведомлен о длинной руке и долгой памяти КГБ, — писал Шевченко. — Почему он заговорил об этом: неужели он хочет отговорить меня?»

Но американец преследовал иную цель. Ему надо было убедить Шевченко не спешить с побегом:

— Подумайте, сколько вы могли бы сделать, если бы остались на своем месте. Вы могли бы снабдить нас массой информации.

— То есть вы хотите, чтобы я стал шпионом? — переспросил Шевченко.

— Мы бы не назвали это шпионажем, — осторожно ответил вербовщик. — Давайте скажем так: время от времени вы будете на таких встречах снабжать нас инфомацией.

Шевченко согласился, понимая, что в таком случае станет куда более ценным приобретением для американцев. Но он недооценил психологического пресса, который способен раздавить и более крепкого человека. Двойную жизнь не каждый способен вести, а Шевченко не был профессионалом.

Он регулярно заходил в святая святых — шифровальный отдел на седьмом этаже советского представительства, который охраняли вооруженные чекисты. В специально отведенной

комнате Шевченко читал поступающие из Москвы секретные телеграммы, потом пересказывал их американцам. Кроме того, он пересказывал новости, которые привозили приезжавшие в Нью-Йорк высокопоставленные московские гости.

Шевченко назвал американцам сотрудников резидентур КГБ и военной разведки — всех, кого знал. А он знал, наверное, всех, кто работал в Нью-Йорке, да и в Вашингтоне, и в Сан-Франциско (где было советское генконсульство) тоже…

После побега Шевченко министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко раздраженно сказал председателю КГБ Андропову, что помощников у него было много и он просто не помнит такого человека — Шевченко. Контрразведчики, которые обыскали московскую квартиру Шевченко, принесли Андропову фотографии, на которых министр иностранных дел был запечатлен вместе со своим беглым помощником в домашнем интерьере.

Но это не значит, что Шевченко был близок к министру. Он был близок к сыну министра — Анатолию Громыко. Шевченко познакомился с младшим Громыко, когда учился в МГИМО. Они вместе написали статью. После чего Шевченко взяли на работу в Министерство иностранных дел.

Громыко радел родным людям. Его дочь Эмилия вышла замуж за профессора МГИМО Александра Сергеевича Пирадова. Для него это был третий брак. Первой его женой была дочь Серго Орджоникидзе. Пирадов быстро получил ранг посла и уехал в Париж представителем в ЮНЕСКО.

Сын Громыко Анатолий захотел попробовать себя в дипломатии. В молодом возрасте он стал советником-посланником в посольстве в ГДР, но понял, что посольская должность ему заказана, поэтому перешел на научную работу. Его сделали директором Института Африки Академии наук СССР.

Аркадий Шевченко быстро сделал карьеру в министерстве, в 1969 году стал одним из помощников Громыко. Это была тяжелая, но интересная работа. Утром к приезду министра помощники подбирали и клали на стол самые важные телеграммы и сообщения, поступившие за ночь. В девять министр вызывал советника, и тот докладывал о важнейших материалах, которые поступили по каналам информационных агентств. Он работал в своем кабинете на седьмом этаже до восьми-девяти вечера, потом ехал домой и продолжал работать дома до полуночи. И очередной помощник приезжал к нему, чтобы забрать просмотренные им документы.

Надо понимать, что Шевченко пришелся министру по душе, потому что в декабре 1972 года Громыко сказал ему:

— Мне посоветовали рекомендовать вас на пост заместителя генерального секретаря ООН. Как вы относитесь к этому, Шевченко? Если хотите, можете все обдумать и дать мне ответ завтра.

Бумаги с просьбой утвердить назначение были отправлены в ЦК. А уже в конце февраля 1973 года Аркадию Шевченко позвонил старший помощник министра Василий Макаров:

— Аркадий, зайди ко мне и приготовься танцевать.

В МИД пришло решение командировать Шевченко в Нью-Йорк. Одним из его предшественников на этой должности был посол в Соединенных Штатах Анатолий Федорович Добрынин. Так что следующим назначением стал бы посольский пост в крупной стране. Перед молодым, по мидовским понятиям, человеком открывалась прекрасная карьера.

Генеральным секретарем ООН и непосредственным начальником Шевченко был Курт Вальдхайм, бывший министр иностранных дел Австрии и будущий президент страны. В те годы никто не знал, что Вальдхайм — военный преступник. В нацистские времена Вальдхайм вступил в нацистский студенческий союз и в СА, штурмовые отряды. Когда началась война, стал офицером вермахта.

В 1941 году 45-я пехотная дивизия группы армий «Центр», в которой воевал Вальдхайм, брала Брестскую крепость. Лейтенант Вальдхайм был награжден Железным крестом второго класса и медалью. Он участвовал в операциях против партизан и разрозненных групп красноармейцев, пробивавшихся на восток из окружения. После начала контрнаступления Красной армии под Москвой удача покидает Вальдхайма. Его ранило осколком снаряда, и ему хотели ампутировать правую ногу, но врачи ногу спасли. Вальдхайм оказался в военном госпитале сначала в Минске, а затем в Вене.

После войны Вальдхайм напишет в своих воспоминаниях, переведенных и на русский язык, что он был комиссован и с 1942 по 1944 год изучал право в Вене. Это неправда. Медицинская комиссия признала Курта Вальдхайма годным к продолжению военной службы. В марте 1942 года лейтенанта Вальдхайма перевели в штаб 12-й немецкой армии, расквартированной в Югославии. Вальдхайм получил назначение в штаб боевой группы, сформированной в Западной Боснии. Собравшиеся там партизаны наносили чувствительные удары по армии Хорватии — союзницы Германии. Германское командование приняло решение очистить горы Козара от партизан: всех пойманных партизан расстрелять, а гражданское население направить в Германию на принудительные работы.

Сражение продолжалось несколько недель. Партизаны отчаянно сопротивлялись. Немцы уничтожили несколько десятков тысяч человек, остальных депортировали. Вальдхайм вместе с другими офицерами решал судьбу боснийцев: физически крепких отправляли на работу в рейх, слабых отдавали хорватской полиции на уничтожение.

Вальдхайма включили в список отличившихся офицеров. Глава профашистской Хорватии Анте Павелич наградил его серебряной медалью короля Звонимира с дубовыми листьями «за мужество, проявленное в боях с мятежниками». Вальдхайм утверждал потом, что медаль хорваты давали всем штабным офицерам без разбора. Однако до него медали удостоились всего пять офицеров из всей немецкой дивизии, в которой он служил.

В апреле 1944 года обер-лейтенант Вальдхайм без отрыва от военной службы защитил докторскую диссертацию, в которой именовал нацистскую Германию «спасительницей Европы». В армии новоиспеченный доктор права тоже успешно продвигался по служебной лестнице. Его перевели в штаб группы армий «Е», расположенной в Греции. Вальдхайм, аккуратный и исполнительный офицер оперативного отдела, вел дневник военных действий. Через его руки проходили приказы и донесения о депортации евреев из Греции, о карательных акциях против партизан, о массовой высылке гражданского населения. Потом Вальдхайм клялся, что ничего не знал. Но дотошные историки обнаружили в архивах вермахта написанные рукой Вальдхайма донесения.

Осенью 1943 года его перевели в разведывательный отдел и поручили готовить ежедневную сводку для начальства. Среди прочего он тщательно изучал протоколы допросов — еще одна деталь, о которой он пытался забыть. В одиннадцатую годовщину прихода Гитлера к власти Вальдхайм получил новую награду — крест за заслуги второго класса с мечами.

После войны Югославия подготовила документы с требованием внести его в список военных преступников и выдать ей для суда. Но потом в Белграде отказались от своего намерения: Вальдхайм успешно делал дипломатическую карьеру, и стало ясно, что политика важнее исторической справедливости. Югославские власти сделали выбор в пользу хороших отношений с соседней Австрией. Глава Югославии Иосип Броз Тито лично вручил Вальдхайму югославский орден.

Ни в международных справочниках, ни в официальных биографиях сомнительные эпизоды его жизни просто не упоминались. Когда его спрашивали о военных годах, Вальдхайм с достоинством отвечал:

— Разумеется, меня призвали в вермахт, как всех. Я был кавалеристом на русском фронте, а после ранения демобилизовался.

В 1971 году великие державы сделали Курта Вальдхайма Генеральным секретарем ООН. Потом переизбрали. Вальдхайму на посту Генерального секретаря ООН была свойственна чисто немецкая маниакальная любовь к порядку. Он почти ежедневно устраивал продолжительные совещания с участием всех заместителей и помощников. Давал письменные указания по каждому поводу и старался вникнуть во все детали.

Шевченко с ним ладил. Заместитель Генерального секретаря ООН по политическим делам считался международным чиновником и в принципе должен был заботиться не об интересах своей страны, а о благе всей организации. Но от Шевченко ждали иного: прежде всего исполнять задания Москвы и в частности расставлять советских дипломатов, в основном разведчиков, на важнейшие должности в аппарате ООН.

— Вы обязаны вести себя как советский представитель, — внушал Аркадию Шевченко тогдашний глава советской миссии Яков Александрович Малик. — Если вы не сумеете убедить Вальдхайма делать то, что мы хотим, я буду жаловаться Громыко.

Перед отъездом в Нью-Йорк, рассказывал Шевченко, его пригласил к себе первый заместитель начальника внешней разведки Борис Семенович Иванов, бывший резидент в Нью-Йорке.

— Поздравляю с новым назначением, — сказал Борис Иванов. — Мы рассчитываем на вашу помощь. Организация Объединенных Наций — это наша лучшая сторожевая башня на Западе. Именно там наши люди собирают важнейшую информацию, касающуюся Соединенных Штатов и других стран. Вы сможете способствовать назначению в секретариат ООН наших людей. И если вдруг ЦРУ или ФБР проявят к ним интерес, вы сможете помочь им, оказав свое покровительство.

И, видимо чтобы подкрепить свои слова, генерал Иванов показал Шевченко два анонимных письма, в которых говорилось, что квартира Шевченко заполнена иконами, а его жена и дочь антисоветски настроены — восхваляют жизнь в Америке.

Генерал назидательно добавил:

— Вы знаете, Аркадий Николаевич, вам не надо бы увлекаться коллекционированием икон. И поговорите со своими женщинами — пусть держат язык за зубами. Вы сейчас будете на очень важном посту в Нью-Йорке. Вы должны быть образцом для других наших людей.

Шевченко воспринял генеральские слова как

предупреждение: ты у нас на крючке, поэтому делай то, что тебе говорят.

Когда Шевченко начал работать в ООН, резидентом в Нью-Йорке был Борис Александрович Соломатин. В изображении Шевченко: «Соломатин — человек циничный, грубый, да к тому же пьяница, живет отшельником в своей прокуренной берлоге и других туда заманивает».

По словам Шевченко, Борис Соломатин предлагал ему тесное сотрудничество:

— Ты везде ездишь, со всеми говоришь. Тебе просто надо сообщать нам о том, что ты слышишь. Любая интересная информация, которую ты сообщишь, пойдет в Москву и несомненно привлечет внимание политбюро. Сотрудничество с нами поможет твоей карьере.

Однажды Соломатин пригласил Шевченко с женой на обед. Главным гостем был директор академического Института США и Канады Георгий Аркадьевич Арбатов. В своем кругу Арбатов стал говорить о том, что затраты на вооружение подрывают советскую экономику.

— Жора, ша, — остановил академика генерал Соломатин. — Ты пессимист. Бывало и похуже. Вспомни войну — и ведь ничего, выжили.

Молчание нарушил заместитель Соломатина Владимир Григорьевич Красовский. Он предложил женщинам потанцевать и похвастал новенькими туфлями:

— Посмотрите на мои баретки, семьдесят гринов отдал!

Скоро Бориса Соломатина сменил новый резидент — генерал-майор Дроздов. Шевченко сразу почувствовал исходящую от него опасность: «Мускулистый, лысый, с глазами василиска, Юрий Иванович Дроздов произвел на меня впечатление сильного противника».

После Второй мировой войны Дроздов, дослужившийся до должности помощника начальника штаба артиллерийского полка, поступил в Военный институт иностранных языков. Он изучал немецкий язык на 4-м факультете (разложение войск и населения противника). После института его взяли в КГБ. В августе 1957 года его отправили в аппарат уполномоченного КГБ при министерстве госбезопасности ГДР. Как неопытного сотрудника, его хотели сделать переводчиком. Дроздов, как он пишет в своей автобиографической книге, решительно отказался. Его вызвали к уполномоченному КГБ генерал-майору Короткову.

— В чем дело? — спросил генерал.

— Прошу назначить меня на должность, близкую хотя бы по окладу той, что я занимал в армии, — твердо ответил Дроздов.

— Но вы у нас ничего не знаете, — резонно заметил Коротков.

— Так и ваши сотрудники не все знают и умеют, — не смущаясь, сказал Дроздов. — Они не могут спланировать наступление артиллерийского полка.

Уверенный в себе молодой человек понравился Короткову.

— Согласен, — сказал расположившийся к нему генерал. — Идите и работайте.

После ГДР Дроздов работал в Китае — в самые сложные годы культурной революции и откровенной враждебности, дошедшей до вооруженного столкновения на острове Даманский. В начале 1975 года начальник разведки Крючков сказал Дроздову, что Андропов предлагает ему поехать резидентом в Нью-Йорк. Его предшественник Борис Соломатин прислал в Центр обширное послание, из которого следовало, что разрядка и некоторое улучшение отношений с Соединенными Штатами вредят советским интересам. Андропов решил отправить в Нью-Йорк нового человека — не только проверить оценки и выводы Соломатина, но и активизировать работу.

Дроздов ввел новые правила для советских граждан, работавших в Нью-Йорке. Все дипломаты должны были заранее получить разрешение на встречу с иностранцами. Жены советских сотрудников миссии могли ходить по городу только с сопровождающими. Охранники отмечали, когда дипломаты приходят и уходят.

Аркадий Шевченко с тревогой встретил нововведения Дроздова. Ему казалось, что за ним следят. Многие годы Шевченко прожил в страхе. Пока он, готовясь к побегу, работал на ЦРУ, боялся, что сотрудники КГБ его заподозрят, силком посадят в самолет, привезут домой и расстреляют. Он был недалек от истины — с ним так бы и поступили, но к подозрительному резиденту не прислушались.

Генерал Дроздов уверяет, что сразу почувствовал: в советской колонии в Нью-Йорке есть предатель. И если бы у него были доказательства шпионской работы Шевченко, он бы сразу получил санкцию на возвращение Аркадия Николаевича в Москву. Но в тот момент у советской разведки не было агентов внутри ЦРУ, и некому было выдать Шевченко.

Скорее всего, сотрудники резидентуры обратили внимание на разгульный образ жизни Шевченко. Он сильно пил, причем начинал с утра, разговаривал очень откровенно. Утратив обычную осторожность, ругал начальство. Перестал ходить на партийные собрания, которые для маскировки именовались «профсоюзными». Так советские люди за границей себя не ведут,

решили бдительные чекисты.

На первый сигнал резидента из Нью-Йорка начальник разведки и будущий председатель КГБ Владимир Крючков не обратил внимания. Это значит, что Шевченко обвиняли не в работе на ЦРУ, а в «неподобающем поведении». Дроздов пишет в своей книге, что из Центра ему даже предложили прекратить наблюдение за уважаемым человеком. Тем не менее о поведении Шевченко Комитет госбезопасности поставил в известность первого заместителя министра иностранных дел Василия Васильевича Кузнецова, спокойного и невозмутимого человека. Он, в свою очередь, сообщил о подозрениях чекистов новому постоянному представителю СССР при ООН Олегу Трояновскому.

Олег Александрович тоже возразил против досрочного отзыва Шевченко. Разговор у него с Дроздовым вышел неприятный. Резидент иезуитски предупредил Трояновского, что именно он отвечает за положение в советской колонии. Это, естественно, уменьшило желание Трояновского защищать кого-то из дипломатов.

После второго послания резидента — генерал Дроздов написал, что Шевченко запил, не общается с людьми, — все-таки решили отозвать Аркадия Николаевича в Москву. Но текст телеграммы составили так неумело, что Шевченко испугался и ушел к американцам.

Советский посол в Соединенных Штатах Анатолий Добрынин и представитель в ООН Олег Трояновский потребовали от американцев устроить встречу с Шевченко. Но это был бесполезный разговор. Два посла уговаривали его вернуться, а Шевченко повторял, что он решил остаться — и точка. Они оставили ему два письма — от жены Лины, которую уже отправили в Советский Союз, и от сына. Они призывали его вернуться к семье.

Трояновский встретился с Шевченко еще раз, повторив:

— Еще не поздно все пересмотреть и вернуться на родину. Никаких последствий не будет.

Шевченко требовал письменных гарантий жене и детям.

— Никто не собирается вступать с вами в сделку, — сказал Трояновский, — потому что никто не будет преследовать вашу семью. Они ничего общего с вашим решением не имеют.

Сын Шевченко Геннадий, окончив МГИМО, сам работал в Министерстве иностранных дел и в момент побега отца находился в зарубежной командировке в Швейцарии. Вдруг его попросили срочно вылететь в Москву будто бы для того, чтобы передать в МИД важный пакет. Это был повод вернуть его на родину. На всякий случай вместе с ним послали сотрудника

резидентуры военной разведки майора Владимира Резуна, который через несколько месяцев сам бежал на Запад и теперь больше известен под своим писательским псевдонимом Виктор Суворов.

В мае жена Шевченко покончила с собой. Она отравилась. Ее труп нашли в стенном шкафу в московской квартире. Аркадий Шевченко позвонил в советское посольство в Вашингтоне. Его соединили с послом Добрыниным.

— Скажите мне правду, — попросил Шевченко. — Что случилось с моей женой?

— Я знаю ровно столько же, сколько вы, — ответил Добрынин. — Единственный источник информации для меня — американские газеты.

Шевченко был заочно приговорен Верховным судом РСФСР к высшей мере наказания с конфискацией имущества, поэтому из квартиры забрали все ценное.

Его сыну Геннадию пришлось сменить фамилию и отказаться от отчества. Тогда его взяли на работу в Институт государства и права Академии наук.

После ухода Шевченко к американцам перебежал еще один советский сотрудник секретариата ООН. Летом 1978 года в Нью-Йорк прилетел заведующий отделом ЦК КПСС по работе с загранкадрами и по выездам Николай Михайлович Пегов. Для высокопоставленного чиновника это была легальная возможность съездить за границу.

Пегов вызвал Дроздова на беседу, сказал укоризненно:

— Опять у вас, Юрий Иванович, ушел сотрудник. Что-то неладно у вас здесь.

Дроздов обиженно сказал, что сотрудник ушел не «у меня», а «у нас». И в свою очередь напомнил, что бежавший сотрудник не прошел спецпроверку, но высокие покровители обеспечили ему выезд за рубеж.

Пегов попросил резидента перечислить сотрудников представительства при ООН, чье поведение внушает тревогу. Дроздов перечислил тех, кто попал в Америку по знакомству, и попросил разобраться, соответствует ли их пребывание в Соединенных Штатах инструкциям ЦК по подбору кадров.

Николай Михайлович Пегов начинал трудовую деятельность батраком, а со временем стал директором шелкоткацкой фабрики «Красная Роза». В 1935 году он поступил во Всесоюзную промышленную академию имени И.В. Сталина, а в 1938-м его сделали секретарем парткома академии — когда-то с этой должности началась карьера Никиты Сергеевича Хрущева. Из академии Пегова взяли в аппарат ЦК партии. Он работал

ответственным организатором отдела руководящих партийных органов, которым заведовал Георгий Максимилианович Маленков. Пегов понравился Маленкову и быстро получил самостоятельную работу. Восемь лет он был первым секретарем Приморского крайкома.

В 1947 году Пегова вернули в Москву в аппарат ЦК — заместителем начальника управления по проверке партийных органов. В этом управлении Сталин собрал опытных провинциальных секретарей, перед которыми открылась дорога к партийному Олимпу. На следующий год Пегов получил должность заведующего отделом легкой промышленности ЦК, а в 1950 году он возглавил важнейший отдел партийных, профсоюзных и комсомольских кадров. Иначе говоря, Пегов стал главным партийным кадровиком. Через эту должность прошли и Маленков, и Ежов.

На последнем при Сталине XIX съезде партии Пегов тоже стал секретарем ЦК по кадрам и кандидатом в члены президиума ЦК, но лишился этих должностей сразу после смерти вождя. Когда Маленков, Берия, Булганин, Молотов и Хрущев делили власть, для Пегова места не осталось. Его переместили на безвластный пост секретаря Президиума Верховного Совета СССР, а в 1956 году перевели на дипломатическую работу. Семь лет Николай Михайлович провел послом в Иране, который в те годы не играл сколько-нибудь заметной роли в мировой политике.

В 1964 году Пегова перевели в Алжир, где шла беспрерывная борьба за власть. Профессиональный партийный аппаратчик с трудом поспевал за поворотами событий. Известный дипломат Валентин Михайлович Фалин был в те годы руководителем группы советников при министре иностранных дел. Он дважды в день должен был докладывать Громыко о всех важнейших событиях. Он сообщил, что посол в Алжире допускает серьезные ошибки. Громыко недовольно буркнул:

— Больше эту тему не поднимайте.

На следующий день в министерство поступили еще более тревожные сведения — посол Пегов оказался в оппозиции к новому руководству Алжира. Фалин доложил об опасности осложнений в советско-алжирских отношениях.

Выслушав его, министр снял очки и спросил:

— Вам что, устного указания мало? Пегова не трогать. Странный вы человек…

Но требующие немедленной реакции телеграммы продолжали приходить из Алжира. Когда Фалин положил очередную шифровку на стол министру, Громыко прочитал и сказал:

— Я посоветуюсь с членами политбюро.

Через несколько часов было принято решение назначить Пегова послом в Индию. Причем ему предписывалось немедленно сдать дела и вылететь в Москву. Пегов был свояком члена политбюро Михаила Андреевича Суслова. В 1973 году Громыко пришлось взять Пегова заместителем в министерство. А когда Суслов стал вторым человеком в партии, он вернул родственника на партийную работу. В октябре 1975 года Пегов стал заведовать отделом по работе с загранкадрами и выездам за границу, которым долго руководил бывший начальник разведки Панюшкин…

Когда генерал Дроздов приехал в Москву в отпуск и пришел с докладом к председателю КГБ, Андропов признал:

— В деле с Шевченко ты был прав. Это наша вина. Наказывать тебя за него никто не будет.

Юрий Владимирович сообщил Дроздову, что заведующий отделом ЦК Пегов жаловался на него.

— Что между вами произошло?

Выслушав Дроздова, сам позвонил Пегову, чтобы уладить конфликт с могущественным заведующим отделом. После смерти Суслова и Брежнева Андропов, став генеральным секретарем, сразу же, в декабре 1982 года, отправил Пегова на пенсию…

Громыко потом спросил Дроздова, почему он не обратился к нему относительно Шевченко. Дроздов ответил, что не решился беспокоить министра, а его заместители и Трояновский были своевременно информированы.

Андрей Андреевич не любил спецслужбы. У него был неприятный опыт общения с резидентами. В июне 1952 года Громыко с поста первого заместителя министра отправили послом в Англию. Это было очевидным понижением. Когда Громыко приехал в Лондон, резидент внешней разведки Министерства госбезопасности, выяснив по своим каналам, что посол не в фаворе, накатал на него телегу. Громыко пришлось писать объяснение на имя Сталина. Вся эта история могла поставить крест на его дипломатической карьере, но Сталин вовремя умер.

После побега Шевченко Министерство иностранных дел перестало рассылать советским послам информацию о деятельности их коллег в других странах. Мания секретности доходила до абсурда. Например, посол в ФРГ не знал, о чем Москва договаривается с ГДР…

Так почему же Шевченко ушел к американцам?

Политические мотивы предположить трудно. Не тот он был человек, не диссидент.

Бежали — в основном ради денег — сотрудники КГБ или ГРУ, недовольные своей карьерой. Что касается Шевченко, то особые отношения с министром иностранных дел Громыко обещали ему большую карьеру. Он и достиг немалого. Ему нравился образ жизни заместителя Генерального секретаря ООН и связанные с этой должностью почет, привилегии и комфорт. Не хотелось ему опять возвращаться в Москву.

Видимо, что-то разладилось и в его личной жизни. Ему было сорок семь лет. Мужчины после сорока часто переживают своего рода кризис. Американцы нашли ему женщину-профессионалку. Потом она написала мемуары, из которых следовало, что она была потрясена неопытностью советского дипломата в интимных отношениях. Прожить целую жизнь и не знать радостей жизни — она искренне сочувствовала советскому дипломату.

Открывшиеся радости жизни помогли Шевченко адаптироваться в Соединенных Штатах. Но, судя по всему, особенно счастливой его жизнь в Америке назвать трудно. Бывший помощник Громыко боялся, что его убьют за предательство. Но он умер своей смертью ровно через двадцать лет после своего шумного побега.

Русский физик и иранская бомба

Провести эту операцию можно было только с личного разрешения президента Соединенных Штатов. И такое разрешение было дано. В подлинный смысл операции посвятили всего нескольких высших руководителей государства. На роль агента-исполнителя выбрали нашего соотечественника — российского физика-ядерщика, перебравшегося в Соединенные Штаты.

Центральное разведывательное управление отправило его в столицу Австрии Вену. Задание казалось несложным — не говоря о том, что за него хорошо платили: передать запечатанный пакет иранским дипломатам. Он был хорошим физиком, но плохим агентом. Он долго бродил по зимней Вене и безуспешно искал дом, в котором находилось иранское представительство. Он то и дело проверял, на месте ли драгоценный пакет. Он спрятал его во внутренний карман зимнего пальто.

Ему было страшно. Он в равной степени боялся и потерять пакет, и передать его иранцам. Он знал, что находится в запечатанном пакете: чертежи взрывного устройства, необходимого для того, чтобы начать реакцию в ядерном заряде. Это один из самых тщательно охраняемых секретов в современном мире. Решение задачи оказалось под силу ученым лишь нескольких стран. Получить ядерные материалы, обогащенный уран или плутоний — это, в конце концов, лишь вопрос времени. А вот соорудить действующее взрывное устройство — проблема огромной трудности.

Ирония состояла в том, что эти суперсекретные чертежи он должен был передать в представительство Исламской Республики Иран при Международной организации по атомной энергии, организации, которая призвана мешать распространению ядерного оружия. В 2005 году глава агентства египтянин Мохаммад аль-Барадеи получил Нобелевскую премию мира за эту работу.

Бродивший по Вене русский физик недоумевал: с какой целью американцы поручили ему передать эти бесценные чертежи иранцам, своим злейшим врагам? Зачем это понадобилось американцам? Он терялся в догадках. Неужели ЦРУ намерено помочь иранцам преодолеть одно из немногих препятствий, которые мешают им создать ядерное оружие?

Сотрудник ЦРУ попытался его успокоить:

— Иранцы уже заполучили этот блок, так что мы никому не нанесем ущерба. Имей в виду, это не попытка помочь Ирану

создать ядерное оружие. Это обычная разведывательная операция, смысл которой — посмотреть, как они отреагируют. И тогда мы поймем, на какой стадии они находятся.

Но исполнявший роль агента ЦРУ российский физик прекрасно понимал ценность чертежей, которые должен был передать иранцам. Он был профессионалом. Прежде работал в одном из советских ядерных центров. После распада Советского Союза эмигрировал в Соединенные Штаты. Он был включен в программу, разработанную ЦРУ для особо ценных перебежчиков. Это означало, что он получил американское гражданство, деньги — пять тысяч долларов в месяц и ему были созданы все условия для жизни. В ЦРУ его недолюбливали — из-за того, что он постоянно требовал денег.

Он, разумеется, должен был ответить на все вопросы о состоянии российской ядерной программы. Но ценили его не за то, что он рассказал о процессе создания советского ядерного оружия.

В ЦРУ рассчитывали использовать его в сложной разведывательной операции. Американские разведчики не промахнулись. Он согласился выполнить поручение. По легенде он должен был изображать безработного русского ядерщика, готового продать душу за хорошие деньги. Предложение, сделанное от имени русского физика, должно было вызвать у иранцев доверие. Иранцы, как и северные корейцы, в начале девяностых сами охотились за российскими ядерщиками, оставшимися без работы.

Но, увидев, что находится в пакете, он здорово испугался. Что бы ни говорили ему кураторы из ЦРУ, полученное им задание очевидно противоречило интересам Соединенных Штатов. Передача секретов государственной важности стране, у которой даже нет дипломатических отношений с Соединенными Штатами, — это серьезное преступление. «Если это вскроется, — думал он, — в ЦРУ от меня отрекутся, и дело может закончиться тюрьмой».

Он конечно же не мог знать, что его поездка в Вену — часть крупнейшей операции ЦРУ в Иране. Операции, которую задумали от отчаяния.

ЦРУ в свое время сильно промахнулось, проморгав ядерные успехи Индии и Пакистана. Испытания ядерного оружия в этих странах стали неприятным сюрпризом для американской разведки. ЦРУ страшно не хотелось бы промахнуться еще раз. Но именно в тот момент, когда внимание американской разведки было приковано к Ирану, ЦРУ потеряло там всю свою агентурную сеть!

Причиной стала ошибка дежурного оператора центра радиосвязи ЦРУ. Современная техника невероятно облегчила связь с нелегальной агентурой. Чтобы отправить послание агенту прямо из штаб-квартиры ЦРУ, достаточно нажать несколько клавиш на компьютере. Радиограмма зашифрована и сжата, поэтому радиопередача будет короткой. Перехватить ее практически невозможно.

Операторы радиоцентра ЦРУ аккуратны и надежны. Но в тот день 2004 года дежурного оператора подвела легкость, с какой все это делается. И она совершила непоправимую ошибку. Лишний раз нажав клавиши, она отправила одному из агентов — помимо предназначенной ему шифровки — служебную информацию высокой степени секретности: весь перечень адресатов радиограмм на территории Ирана. Эта информация позволяла иранской контрразведке вскрыть всю сеть американских агентов в стране.

Одна ошибка неминуемо влечет за собой другую. Как потом станет известно в ЦРУ, получивший не предназначавшуюся ему информацию агент был двойником. Он передал радиограмму иранским спецслужбам. Несколько человек были арестованы и осуждены как американские шпионы. Судьба остальных агентов неизвестна. ЦРУ лишилось всех источников информации в Иране. Легальной резидентуры в стране нет, поскольку нет посольства — дипломатические отношения между двумя странами были разорваны после падения шаха и прихода к власти Хомейни.

Весной 2005 года директор ЦРУ Портер Госс признался президенту Джорджу Бушу: его люди не знают, в какой стадии находится иранская ядерная программа.

Вот тогда от отчаяния и безнадежности в ЦРУ и придумали операцию под кодовым названием «Мерлин». Подходящий агент был на примете — бывший российский физик. Проблема номер один состояла в том, как связаться с иранцами. Нельзя же поместить объявление в газете — «продаю ядерные секреты, подлинность гарантирую». Наш бывший соотечественник вступил в переписку с иранскими учеными, дипломатами и сотрудниками представительства при МАГАТЭ, намекая, что он располагает информацией, жизненно важной для Ирана. Он участвовал в научных конференциях, на которые приезжали иранские ученые. Он хотел, чтобы его заметили.

Наконец один из иранских ученых-ядерщиков, который, по сведениям американской разведки, имел отношение к атомному проекту, проявил интерес к русскому физику. Это означало, что первая задача выполнена — на него обратили внимание. Когда ЦРУ получило информацию о том, что высокопоставленный

иранский чиновник, один из руководителей военно-промышленного комплекса, приезжает в Вену, решили, что это подходящий момент, чтобы предложить иранцам секретные чертежи…

Неожиданное препятствие возникло в Вене. Агент-любитель не знал немецкого языка и никак не мог отыскать улицу, на которой находится иранское представительство при МАГАТЭ. Но он и не спешил. Получив чертежи, он стал их просматривать и обнаружил серьезную ошибку. Американцы не думали, что он до этого докопается. Перед отъездом в Вену он получил запечатанный пакет с инструкциями:

— Отдать иранцам в таком виде и покинуть Вену живым и здоровым.

Но любопытство пересилило. А когда он понял, что в чертежи заложен заведомый дефект, он еще больше испугался. Вдруг иранцы тоже это обнаружат и решат, что он специально подсовывает им негодный товар, заподозрят его в работе на американскую разведку и убьют?..

Он подложил в пакет написанное от руки письмо:

«Я много раз пытался связаться с вами, но безуспешно. Я действительно располагаю чертежами блока, который позволяет привести в действие все детонаторы одновременно и начать ядерную реакцию. В подтверждение серьезности моих намерений я отправляю вам эти чертежи бесплатно.

Если же вы захотите воплотить их в жизнь, у вас неминуемо возникнут вопросы, на которые я готов ответить. Но тогда вам придется заплатить. Детали готов обсудить».

Он рассчитывал, что это письмо объяснит иранцам, что в чертежах что-то не так. На следующее утро он обнаружил нужный ему дом. Он вошел вместе с почтальоном и подложил свой конверт в стопку свежей почты.

В те дни американцы использовали все возможности радиоэлектронной разведки. Агентство национальной безопасности особенно внимательно следило за телефонными переговорами иранских дипломатов в Вене. К тому же дешифровщики агентства взломали коды иранского министерства информации и безопасности и могли читать секретную переписку иранской разведки.

После того как конверт с секретными чертежами оказался в руках иранцев, важный гость из Тегерана внезапно изменил свои планы. И об этом узнало Агентство национальной безопасности. Оно имеет возможность следить за передвижениями людей, которые интересуют американскую разведку. АНБ просто проникает в базы данных авиакомпаний.

Билет иранского чиновника был сдан, вместо него куплен

новый: он срочно вылетел в Тегеран. В ЦРУ решили, что письму русского физика-ядерщика поверили, и поздравили себя с первым успехом.

После распада Советского Союза смысл в существовании Центрального разведывательного управления исчез. ЦРУ было создано в 1947 году для противостояния Советскому Союзу и коммунизму по всему миру. Конечно, перед Соединенными Штатами возникли иные угрозы. Сменявшие друг друга руководители ЦРУ обещали конгрессу сосредоточиться на борьбе с новыми врагами. Это прежде всего терроризм и оружие массового уничтожения. Но ЦРУ так и не смогло приспособиться к появлению множества новых врагов. И не преуспело на новых направлениях.

Проникнуть в детали иранской ядерной программы оказалось практически невозможным. До 2004 года, когда в результате ошибки оператора радиоцентра агентурная сеть в Иране была полностью уничтожена, Соединенные Штаты получали лишь обрывки информации. Причем исключительно техническими средствами — на ядерные объекты Ирана нацелены разведывательные спутники. Агентство национальной безопасности прослушивает переговоры иранских ядерщиков. Несколько раз к ядерным объектам максимально близко удавалось установить аппаратуру, регистрирующую уровень радиоактивности.

Но этого недостаточно для сколько-нибудь точных оценок. Все, что могли сказать эксперты ЦРУ, — это то, что Ирану потребуется от пяти до десяти лет для создания ядерной бомбы. Отдел по борьбе с распространением оружия массового уничтожения входит в состав директората операций. Там и придумали план «Мерлин».

Бывшего российского физика-ядерщика, как говорят профессионалы, сыграли втемную. Задача операции состояла в том, чтобы направить иранских ученых по ложному пути. Для этого им и подсунули подлинные чертежи с трудно распознаваемым дефектом. В надежде, что иранцы поверят. И потеряют годы, прежде чем поймут, что этот путь ведет в тупик. А цель и состоит в том, чтобы максимально затруднить иранцам создание ядерного оружия.

Чертежи действительно были подлинными. Это, собственно, советские чертежи, над которыми поработали американские ядерщики из Альбукерке. Там находится секретный институт, который занимается неядерными аспектами создания ядерного оружия — то есть взрывными устройствами и окончательной сборкой заряда. Американские ядерщики поработали над

чертежами и внесли туда конструктивные дефекты, делающие схему неработающей.

Иран уже два десятилетия пытается создать ядерное оружие. Он располагает группой хорошо подготовленных ученых, лабораторной базой, расщепляющимися материалами. Но чтобы обнаружить эти дефекты — такого уровня специалистов в Тегеране нет. На это и рассчитывали в ЦРУ. Помешать иранцам создать собственное ядерное оружие — одна из главных задач, поставленных перед американской разведкой.

Строительство двух десятков атомных электростанций запланировал еще покойный иранский шах. У шаха были большие амбиции. Он отправил молодых иранцев учиться в американских и европейских университетах ядерной физике. Уже тогда забеспокоились, что Иран намерен использовать ядерную энергию в военных целях.

— Зачем бы я приобретал так много обычных видов оружия, — отвечал шах, — если бы намеревался сделать Иран ядерной державой? Через несколько лет наши военно-воздушные силы будут прекрасно оснащены. Это нам необходимо, так как достаточно оглянуться вокруг и посмотреть, чем располагают другие государства. Для такой страны, как моя, нет ничего опаснее, чем оказаться не в состоянии защищать не только свои границы, но и свои интересы.

Шах был верным союзником Соединенных Штатов и говорил, что полагается на их ядерную мощь:

— Современный мир стоит перед проблемой, которая заключается в том, что одни страны имеют ядерное оружие, другие — нет. Мы принадлежим к тем, у кого ядерного оружия нет, поэтому нам абсолютно необходимо дружить с Соединенными Штатами, в арсенале которых имеется ядерное оружие.

Хотя Иран избежал прямой колонизации, он считает себя униженным Западом. Проникновение иностранцев еще в XIX веке, прежде всего англичан и русских, породило гипертрофированный иранский национализм и ненависть к чужакам. Иранцы невероятно гордятся своей страной и свысока посматривают на соседей. Как-никак Персия была первой сверхдержавой Древнего мира. Иранцы мечтают о возрождении былой славы.

— Мы сохраним свою индивидуальность, персидскую философию и персидскую душу, — говорил шах. — Что это означает на практике? Это означает, с одной стороны, верность нашим трехтысячелетним традициям, и с другой — решительное движение вперед к выполнению нашей задачи — создать современную, развитую в промышленном отношении страну с

высокими моральными устоями.

Шах видел, что Запад смотрит на Иран с некоторым презрением, как на отсталое общество без будущего. Он поставил перед собой задачу создать мощное государство, на которое никто не посмеет давить. Он хотел создать новый образ Ирана. И старался сделать так, чтобы приезжающие иностранцы видели только то, что может сделать честь Ирану. Он приказал убрать нищих с улиц и запретил фотографировать верблюдов, как олицетворение прошлого.

Шах болезненно относился к критическим статьям в иностранной прессе. И был готов даже разорвать дипломатические отношения с теми странами, где журналисты не восторгались Ираном. Не понравившаяся ему статья в немецкой газете в 1931 году едва не привела к разрыву отношений с Германией. В 1936 году, тоже из-за одной статьи, отношения с Соединенными Штатами были прерваны почти на два года.

Подпись под фотографией в парижском журнале в 1938 году привела к ссоре с Францией. Шах писал президенту Франции: «У нас сложилось впечатление, что в течение ряда лет во Франции не уделяли достаточного внимания переменам, происходящим в нашей стране, и не пытались правильно понять новый Иран. Именно такое отношение, нашедшее отражение во французской прессе, вынудило нас прервать связи между нашими странами до тех пор, пока Франция не проявит готовности увидеть нашу страну в истинном свете».

Одна из самых древних империй — Персидская — возникла на земле, богатой нефтью. Проснувшись от многовековой спячки, Иран пустил в ход нефтяное богатство, чтобы вернуть былое влияние в международных делах. Когда в семидесятых годах в Иран потекли нефтяные деньги, у руководителей страны закружилась голова. Шах выдвинул лозунг: «Превратить Иран в одну из пяти главных промышленных держав». Шах рассчитывал, что национальный доход будет расти более высокими темпами, чем в Японии.

Шах правил как восточный самодержец, не терпел никакой иной власти, кроме собственной. Он содержал развращенный двор и развращенное семейство. Гордился тем, что ликвидировал всех, кто оказывает ему сопротивление, откровенно признавался, что питает отвращение к демократии. Тем не менее он очаровал Запад. Им восхищались. У него были идеи, он производил впечатление крупного государственного деятеля. И у него были деньги, может быть, слишком много денег для реализации своих идей. Казалось, Иран способен совершить прыжок и присоединиться к головному отряду крупных индустриальных

держав. Как это произошло с Японией, а затем с Южной Кореей.

И забывали, что Иран — одна из самых кровавых диктатур в мире. Или надеялись, что охватившее шаха безумие репрессий постепенно пройдет. Или что это неизбежное зло в стране, лишенной демократической традиции, грубой и склонной к насилию.

Надеялись, конечно, что шах когда-нибудь перейдет от просвещенного деспотизма к либеральной демократии. Но он был слишком уверен в превосходстве своей системы правления над всеми другими. Его мечта об экономическом чуде выродилась в необъятную коррупцию — страна погрязла в бакшишах, взятках и расточительстве, которые обеспечили процветание иранского политического общества.

Мечта о превращении в великую индустриальную державу оказалась лишь манией величия шаха. Кончилось это тем, что разочарованная страна повернулась к нему спиной и нашла спасение в религии. Превращение в исламское государство только усилило иранский национализм, презрение к внешнему миру и одновременно страх перед ним. Иранцы уверены, что они со всех сторон окружены врагами. «Взгляните на карту, — говорят иранские политики, — и вы, быть может, прочтете там нашу судьбу». Судьбу, в которую силой обстоятельств или, скорее, силой географии всегда вмешивались другие страны — и будут вмешиваться.

Политики в Тегеране уверены, что весь мир зарится на нефтяные богатства страны и мечтает ее оккупировать. Иранцы не чувствуют себя в безопасности даже в исламском мире, потому что иранцы — шииты.

Мусульмане делятся на суннитов и шиитов, между ними непримиримые противоречия. Сунниты составляют абсолютное большинство среди мусульман. Из двадцати одной арабской страны в двадцати власть принадлежит суннитам. Они с опаской относятся к шиитскому Ирану. Ваххабиты называют шиитов пятой колонной врага. Суннитские радикалы из Аль-Кайды считают шиитов такими же врагами, как и сионистов и христиан. Сменивший Усаму бен Ладена на посту террориста номер один иорданец Абу Мусаб аз-Заркауи сравнил шиитов с «затаившейся змеей, зловредным скорпионом, отвратительным шпионом и смертоносным ядом».

В исламском мире шииты — меньшинство. Они составляют примерно десять процентов общего числа мусульман. Поэтому на протяжении всей своей истории шииты подвергались преследованиям. Для них характерен культ мучеников. Это выражается в готовности к войне и к смерти во имя веры.

В этой стране ислам был выкован в горниле древней персидской традиции. Мессианство тысячелетней Персии питало шиизм. Еще одна традиция шиизма — традиция насилия и мученической смерти, берущая начало от насильственного характера самого откровения. Иранский год идет от траура к трауру. Немногие праздники лишь оттеняют этот долгий и тяжелый ход. Смерть и мученичество неразделимы. Именно из этого зловещего насилия рождается для шиитов драма человеческого существования.

Они воспитываются в убеждении, что их долг — вести войну против неверных, священную войну в защиту находящегося в опасности ислама, предавая свое тело муке, жертвуя своей жизнью.

«Наш долг — защищать ислам, — писал Хомейни. — Это совершенно необходимо, гораздо более необходимо, чем молитва или пост. Это такая обязанность, которая требует пролить кровь. Наша кровь не ценнее крови имама Хусейна, погибшего за ислам».

Современное иранское духовенство в значительно большей степени, чем шахский двор, считает весь мир враждебным. Все, что происходит в мире, кажется муллам одним большим заговором против Ирана и их власти. Поэтому иранские агенты охотятся за представителями оппозиции, которые бежали за границу. Манера иранских политиков угрожать своим врагам создает впечатление, что они стоят с поднятым мечом. А если не с мечом, а с ядерным оружием?

Вот почему возможность появления у Ирана ракет с ядерными боеголовками — это кошмар, который преследует американцев, европейцев и соседей Ирана — Турцию, Саудовскую Аравию, Ирак, Израиль. Американцы многие годы пытаются убедить российских руководителей отказаться от ядерного сотрудничества с Тегераном, но безуспешно. Американцам, правда, удалось помешать российскому министру по атомной энергии Виктору Михайлову поставить Ирану газовую центрифугу, которая обогащает уран до оружейного. Борис Ельцин в свое время запретил продажу центрифуги. Но от контракта на строительство атомной электростанции в Бушере Россия не отказалась.

Строить ядерный реактор в Бушере на побережье Персидского залива начинали еще при шахе немцы. После исламской революции правительство Федеративной Республики приказало фирме «Сименс» остановить работы. Долгое время иранцы не вспоминали о ядерных делах. Хомейни был слишком занят исламской революцией.

Во время ирано-иракской войны авиация Саддама Хусейна шесть раз бомбила Бушер, несколько бомб попали в цель, но в целом постройка уцелела. Двадцать государств отказались продолжить строительство атомного объекта в Бушере, в том числе Китай. Согласилась только Россия.

Эту сделку заставили заключить могущественные руководители военного атома. Огромная атомная промышленность осталась без дела. Для нее иранский контракт — одна из немногих возможностей сохраниться. Говорят, на переговорах с американцами российские дипломаты намекали: иранские контракты для нас — большие деньги. Если вы компенсируете потери, мы можем отказаться от поставок Ирану оружия и ядерных технологий.

Возникает вопрос: зачем Иран — крупнейший экспортер нефти и газа — тратит миллиарды на атомные электростанции? Иранские руководители отвечают, что нельзя полагаться только на нефть и газ, надо идти в ногу с прогрессом и развивать атомную энергетику.

Американцы утверждают, что в Иране осуществляется секретная программа создания ядерного оружия. Выяснилось, что Тегеран много лет обманывал Международное агентство по атомной энергии, скрывал работы, которые вели иранские ученые, и покупал материалы и оборудование на черном рынке. Тегеран скрыл строительство завода по производству плутония и завода по обогащению урана. Не пускал инспекторов на свои ядерные объекты.

Иран пытался раздобыть оружейный плутоний или высокообогащенный уран. Помочь согласился только Пакистан, который сам создавал ядерное оружие. Пакистан переправил в Иран газовые центрифуги для обогащения урана. Но купить готовую ядерную начинку для бомб Ирану не удалось.

В 1992 году Казахстан отказался продать Ирану бериллий из хранилища, где также находилось шестьсот килограммов высокообогащенного урана. Этого достаточно для создания десятка бомб. Соединенные Штаты тайно вывезли эти запасы из Казахстана, чтобы лишить Иран соблазна ими завладеть. Вот почему иранские руководители решили строить ядерные электростанции. Это прикрытие для того, чтобы иметь возможность перерабатывать отработанные ядерные элементы и получать плутоний, а также самостоятельно производить ядерное топливо путем обогащения урана. Плутоний и обогащенный уран — это начинка ядерного оружия. По мнению американцев, Россия косвенно помогает Ирану обрести ядерное оружие. А если еще учесть, что Иран создает ракеты, способные нести ядерные

боеголовки, то понятно, почему атомная программа Тегерана вызывает озабоченность.

Вообще говоря, иметь ядерную бомбу мечтают практически все государства Ближнего и Среднего Востока. Министр иностранных дел Ирана заявил, что мусульманский мир будет чувствовать себя более уверенно после того, как Пакистан испытал свое ядерное оружие. Иранский министр первым приехал в Пакистан полюбоваться на мусульманскую бомбу. Историческое и культурное величие Ирана не позволяет ему отставать от других стран, которые уже имеют ядерное оружие.

Ситуация стала опасной, когда летом 2005 года президентом Ирана стал сын кузнеца и бывший мэр Тегерана Махмуд Ахмадинежад. Он был одним из руководителей Корпуса стражей исламской революции.

Бывшие американские заложники, которые провели в плену в Тегеране 444 дня, опознали в новом президенте одного из своих тюремщиков. Говорили, что он был очень жесток. Руководители курдской оппозиции заявили, что Ахмадинежад руководил террористическими операциями за рубежом и участвовал в убийстве лидеров иранских курдов.

Пока Ахмадинежад был столичным мэром и баллотировался в президенты, он не упоминал о внешней политике. Став президентом, он заговорил языком, который потряс мир. Он потребовал стереть Израиль с политической карты мира, пожелал израильскому премьер-министру Ариэлю Шарону скорейшей смерти и заявил, что Иран будет и дальше осуществлять свою ядерную программу, что бы ни говорили другие державы. Наверное, так думают и другие иранские политики, но его предшественники на посту президента никогда не высказывались столь откровенно.

Говорят, это ловкий политический ход, попытка завоевать популярность в стране и сплотить иранский народ.

Энтузиазм времен исламской революции остался в далеком прошлом. Популистские обещания революции, как это водится, не выполнены и остались на бумаге. А сколько хороших мыслей записали в конституцию. Например, такое положение: «Запрещается использование средств и возможностей армии в личных целях, использование личного состава в качестве денщиков и личных шоферов».

Летом 2003 года тегеранская молодежь вышла на улицу с лозунгом «Власть — народу!». Возмущение впервые было направлено против духовного лидера Ирана аятоллы Али Хаменеи, которому принадлежит высшая власть в стране. Лозунг «Предателя Хаменеи — повесить!» — такого в Тегеране еще не

видели. Еще недавно чуть ли не вся страна ловила слова своих религиозных лидеров. Тогда исламское духовенство находилось в оппозиции к власти, обещало сделать жизнь справедливой, и симпатии людей были на стороне мулл. Теперь духовенство и есть власть, и люди переносят на них свое недовольство жизнью, считая, что после революции богаче стали только сами муллы.

Студенческие демонстрации разгонялись силой. Иранская госбезопасность с ее разветвленным агентурным аппаратом арестовала всех смутьянов. Невозможность участвовать в политической жизни, выражать свое мнение делает людей аполитичными. Они циничнее относятся к религии и к духовенству.

Пятьдесят миллионов иранцев, семьдесят процентов населения, моложе тридцати лет. Побывавшие в Иране журналисты уверяют, что молодежь больше интересуют деньги, чем политика. Даже активная молодежь считает идеалом не кубинского революционера Че Гевару, отдавшего жизнь за свои идеалы, а миллиардера Билла Гейтса, который в юные годы заработал миллиарды.

Городская молодежь смотрит западное телевидение, хотя спутниковые тарелки запрещены, качает современную музыку из Интернета. Тайно выпивает. Говорят, что тегеранские вечеринки с наркотиками такие же крутые, как и в Берлине и Нью-Йорке. Иностранные корреспонденты пишут о том, что наркотики, СПИД и проституция процветает в стране, которая считает себя моделью для всего исламского мира.

Ядерная программа — это вопрос национальной гордости. Иранцев возмущает само предположение, что они должны у кого-то просить разрешения создавать атомные электростанции, что кто-то может им что-то запретить. На этих чувствах и играет новый президент страны, создавая себе поддержку в стране. Поэтому он так часто и охотно говорит, что не поддастся диктату Запада. А иранцев даже особенно и не надо провоцировать. Они и так уверены в том, что со всех сторон окружены врагами.

Руководители Ирана воспринимают свою страну как региональную великую державу. Они подспудно желают того, чтобы американцы воспринимали их как великую державу и относились к ним как к равным. Иранцы по-своему наслаждаются вниманием американцев, что свидетельствует о значимости Ирана в мировой политике. Подсознательно они заворожены могуществом Соединенных Штатов, военным и экономическим. Даже трудно представить себе, как ненавистна иранцам изоляция от внешнего мира. Иран мечтает участвовать в мировых делах, он хочет, чтобы его замечали, чтобы на него обращали внимание,

чтобы на его слова как-то реагировали.

В этом регионе все очень запутано. Иранские политики ненавидят Америку, но крайне в ней заинтересованы. После свержения Саддама Хусейна иранцы не скрывали своей радости. Теперь им, конечно, не нравится военное присутствие американцев сразу с двух сторон — в Афганистане и Ираке. Но иранцы вовсе не хотели бы поспешного вывода американских войск. Потому что только американцы обеспечат иракским шиитам власть в Ираке. Если американцы уйдут, иракские сунниты, бывшие соратники Саддама Хусейна, аппарат распущенной партии БААС, опять начнут убивать шиитов…

Для американского руководства иранская ядерная программа — проблема номер один. Всех интересует, как поведут себя американцы, если ядерное оружие появится у государства, которое не признает существование своих соседей и готово с ними воевать? Оперативный директорат ЦРУ давно разрабатывает разные варианты диверсионных операций. Обсуждалась идея разместить специальную аппаратуру на электрических сетях в районе ядерных объектов, которая по сигналу создаст мощный электромагнитный импульс. Он разрушит всю электронику ядерных центров, выведет из строя компьютеры и надолго остановит работы. Нашли контрабандистов, которые брались переправить аппаратуру через границу. Но стало ясно, что устройства слишком громоздкие, для перевозки понадобится целый грузовик. Припарковать его возле хорошо охраняемого объекта невозможно.

В мире активно обсуждается возможность превентивного военного удара по ядерным объектам в Иране. В самой Америке нет единого мнения на сей счет. Чаще других звучит призыв не ввязываться в еще одну ближневосточную проблему: «Америка и так перенапряглась, взяла слишком большие обязательства на Ближнем Востоке, силу надо использовать только для защиты жизненно важных интересов страны».

Вопрос в том, как относиться к тому, что Иран может стать ядерной державой. Американцы испуганы. В нашей стране, судя по всему, эту перспективу воспринимают спокойно, считая Исламскую Республику Иран если не союзником, то как минимум дружественным государством.

Но отношения между нашими странами складывались очень сложно. На протяжении многих десятилетий в Иране культивировалась нелюбовь к России. И за политику царского правительства, и за то, что делал Сталин в Иране, и за ввод советских войск в Афганистан, и за поддержку Саддама Хусейна, и за Чечню. Иранцев воспитывали в сознании собственного

величия, поэтому иранская печать всегда подчеркивает, что это не Иран, а Россия заинтересована в экономическом сотрудничестве. Когда Путин начал военную операцию в Чечне, иранцы потребовали от российского правительства прекратить боевые действия против мусульманских братьев. Хотя поклонники Ирана уверены в том, что Иран — стратегический союзник России.

Если Иран создаст ядерное оружие, способен ли он пустить его в ход? Иранские ракеты средней дальности «Шихаб-3» способны преодолеть расстояние в две тысячи километров. Это означает, что Иран может нанести удар по всем своим соседям, по американским базам в Персидском заливе, американским военным кораблям и даже по странам юга Европы. Считается, что возможной целью может стать Израиль, чье существование Иран не признает. Но военные специалисты обращают внимание на то, что Израиль располагает возможностью нанести ответный удар по Ирану. На шести аэродромах находятся самолеты, которые именуются «самолетами особого качества». Под этим эвфемизмом понимаются самолеты, способные нести ядерные боеголовки. После такого контрудара Иран перестанет существовать. Применение ядерного оружия стало бы катастрофой для всего Ближнего Востока. Погибли бы люди в соседних странах. Возможно, прекратилась бы добыча нефти.

Иранские лидеры — фанатики только на словах. Когда речь идет о собственном благополучии, они ведут себя очень прагматично. Хомейни когда-то говорил, что никогда не подпишет мир с Саддамом Хусейном и разгромит его армию, но прекраснейшим образом прекратил войну.

Иранское духовенство, которое говорит, что защищает народ от внешнего врага, доказывает тем самым свою полезность. То есть можно считать воинственные заявления иранских политиков, их решимость продолжать ядерную программу, несмотря на протесты мирового сообщества, всего лишь игрой, рассчитанной на внутреннего потребителя.

Кроме того, иранцы проверяют, как далеко они могут зайти в противостоянии с внешним миром. Так когда-то действовал Саддам Хусейн, играя на противоречиях между западными странами и Россией. Иран рассчитывает, что желание Москвы заработать пересилит страх перед распространением ядерного оружия. Но как только Запад и Россия занимают единую позицию, Иран тут же идет на попятную. Но среди иранских вождей есть и искренние люди. Они живут заветами аятоллы Хомейни. А в завещании Хомейни можно прочитать: «О борющийся народ, ты идешь под знамя, которое веет над всем материальным и

нравственным миром. Путь, по которому ты идешь, единственный путь к абсолютному счастью. И это тот стимул, который побуждал всех имамов с радостью встречать мученическую гибель и считать ее слаще меда. Наша молодежь вкусила его на фронтах и пришла в восторг…»

В отличие от суннитских политиков иранцы не мечтают о всемирном халифате. Они прежде всего иранские националисты и мечтают доказать всему миру свое величие и наказать многочисленных врагов. Шииты известны непримиримостью ко всем инакомыслящим. Аятолла Хомейни был предельно строг к неверным и нечестивым: «Если кто-то позволяет неверным продолжать играть роль развратников на земле, их окончательное моральное наказание будет еще более сильным. Таким образом, если мы убиваем неверных, чтобы положить конец их развратным действиям, мы в конце концов оказываем им услугу. Окончательное наказание для них будет меньшим. А разрешить неверным остаться жить — значит позволить им сделать больше нечестивых дел. Убивать их — значит совершать хирургическую операцию, исполнять волю Аллаха… Те, кто следует правилам Корана, знают, что мы должны подчиняться законам возмездия и должны убивать…»

Кто может поручиться, что люди, которые всю жизнь призывают к джихаду и мученической смерти, не отправят свою молодежь на священную войну против неверных? Кто может дать гарантию, что тегеранские политики и священнослужители не рискнут пустить в ход оружие, которое они создают? «Мы находимся накануне крупных событий, — обещал президент Ирана Ахмадинежад, — когда наша революция выведет на правильную дорогу все человечество».

А что касается истории с российским физиком, который согласился исполнить поручение ЦРУ и передал иранцам чертежи ядерного взрывного устройства (с дефектами), то остается неизвестным главное: как иранцы отнеслись к этим документам. Поверили и передали своим ученым для исполнения — тогда иранские ядерщики движутся по ложному пути? Или все же распознали искусно внедренные дефекты и отбросили подарок ЦРУ как фальшивку?

Американская разведка по-прежнему не знает ответа. Агентуры внутри иранского ядерного сообщества ЦРУ как не имело, так и не имеет. Американцы боятся, что есть только один способ получить ответ. Если иранская ядерная бомба все-таки будет создана, значит, операция американской разведки провалилась.

Наш человек в швейцарской тюрьме

Когда стало известно, что советский разведчик-нелегал не вернулся с задания, в Москве исходили из худшего. Его начальство в Главном разведывательном управлении Генерального штаба Вооруженных сил СССР не сомневалось, что разведчика, задержанного в Швейцарии, выдали на расправу белым расистам в ЮАР.

С Южно-Африканской Республикой у Советского Союза даже не было дипломатических отношений. Тем не менее сослуживцы обратились к руководству ГРУ с предложением признать его советским гражданином и тем самым спасти. Начальником Главного разведывательного управления Генерального штаба вооруженных сил был генерал армии Петр Иванович Ивашутин. Он сказал:

— Какой в этом смысл? Ему уже наверняка все кости переломали в Претории.

Генерал Ивашутин прежде служил в госбезопасности и нравы спецслужб знал хорошо.

В шпионских энциклопедиях говорится, что связник был задержан в Цюрихе возле Музея изобразительных искусств, рядом с горельефом Огюста Родена «Врата Ада», и что при аресте он предъявил сотрудникам швейцарской федеральной полиции советский общегражданский паспорт на имя Михаила Васильевича Николаева.

В реальности советский разведчик был арестован метрах в ста пятидесяти от роденовского горельефа. И паспорт у него был гражданина Соединенных Штатов. По этому паспорту за пять дней до ареста он приехал в Швейцарию на поезде из Западной Германии. Советского паспорта у него с собой не было и быть не могло. Он должен был выдавать себя за американца.

Николаев — имя из запасной легенды на случай провала, когда после ареста разведчик понимает, что от основной легенды придется отказаться. Признание в том, что он советский гражданин, позволяло поставить в известность об аресте наше посольство. При этом, разумеется, нельзя было признаваться в работе на разведку. Он и не признался. Швейцарцы и по сей день не знают, кого они тогда задержали.

Он работал с одним из самых ценных агентов военной разведки. Послать на встречу с ним советского человека, который находится в стране под официальным прикрытием, было опасно. Это означало провалить агента. С ним мог работать только нелегал, умело выдававший себя за иностранца.

Путь связника к агенту был тщательно продуман и подготовлен.

17 января 1983 года советский разведчик вылетел из Москвы в Хельсинки. В финской столице предъявил американский паспорт № К 1879823 на имя Дейла Поля Нельсона, родившегося в штате Миннесота 3 ноября 1934 года. Из Хельсинки на пароме перебрался в Стокгольм. Там сел на поезд и приехал в Копенгаген. В датской столице он провел ночь. На следующий день сел на поезд, который через ФРГ шел в Швейцарию.

21 января швейцарскому иммиграционному чиновнику он предъявил американский паспорт, но уже другой — № А 2678543, выданный на имя Рональда Винсента Мискела, родившегося в штате Иллинойс 30 марта 1934 года. Советский разведчик представлялся выходцем с американского Среднего Запада, потому что говорил по-английски с этим акцентом. В других случаях так же умело выдавал себя за канадца или немца.

Оба этих человека — Нельсон и Мискел — существовали реально, хотя и не подозревали, что под их именами действует советский разведчик. Они оба были очень похожи на советского разведчика — тот же возраст, рост, цвет глаз и волос. Почему он использовал два паспорта? В первом была пометка о приезде в Хельсинки. Проверка установила бы, что он прибыл из Москвы. Поэтому при въезде в Швейцарию он перешел на другой паспорт, который никак не позволял связать его с Советским Союзом.

У него было время погулять и кое-что прикупить. Нелегалу выдавали деньги на экипировку. В советские времена это было приятной привилегией. Он предпочитал вещи, сделанные в Соединенных Штатах. Утром покинул отель и сдал чемодан в камеру хранения на железнодорожном вокзале. Вечером он должен был уехать в Вену, оттуда вылететь в Москву. Задерживаться после встречи с агентом с секретными документами в руках опасно.

Место встречи с Рут Герхардт, женой агента советской военной разведки, на Хаймплац, возле музея, он выбрал сам. По оперативным соображениям. Помимо основного дня встречи определялись и два запасных. Всякий раз связному предстояло не меньше пятнадцати — двадцати минут простоять на месте в ожидании агента. Перед творением Родена стоять было проще. Если агент не пришел, можно непринужденно пройти в музей.

Советскому разведчику нравилась и сама Хаймплац, большая и пустынная, так что сразу можно было увидеть, кто находится на площади. Кроме того, на площади сходятся разные трамвайные маршруты. Можно было пройти от одной остановки к другой, сесть на трамвай и уехать.

Еще из окна трамвая советский разведчик увидел Рут Герхардт. Кроме этой миниатюрной женщины перед музеем не было никого. Возле общественного туалета стояли двое мужчин — молодой и пожилой. Они нежно шептались, и разведчик принял их за гомосексуалистов. В Швейцарии в ту пору люди нетрадиционной сексуальной ориентации встречались именно возле общественных туалетов.

Но разведчик хотел убедиться в том, что это не полиция. Он сделал вид, будто идет не к музею, а намерен пересесть на другой трамвай. Мужчины исчезли. Он немного успокоился. Он дошел до остановки и увидел, что молодой человек прилег на скамейку и делает вид, что дремлет. Зато пропала стоявшая возле музея женщина, которую советский разведчик принял за Рут. Он понял, что это засада. Теперь имело значение только одно: кто его ждет на площади — швейцарцы или южноафриканцы?

Если это оперативники из Южно-Африканской Республики, то нужно кричать во весь голос, что его похищают. Законопослушные швейцарцы не позволят, чтобы на их глазах совершалось что-то незаконное. Если это швейцарская контрразведка, то, может быть, его не захотят брать сразу, а попытаются проследить за ним, чтобы установить его связи. Тогда возникает надежда оторваться. Опыт такой был.

Показался трамвай. Но уехать он не сумел. Его догнали те двое, кого он принял за гомосексуалистов. Пожилой показал удостоверение комиссара федеральной полиции Швейцарии Рюммеля. У него забрали атташе-кейс и усадили в машину. Тут ему сразу все объяснили: агент, с которым он работал, Дитер Герхардт, и его жена Рут арестованы и дали показания. Так что он тоже арестован по обвинению в шпионаже.

В полицейском участке его попросили раздеться и обыскали. С него сняли нательный пояс с деньгами, которые он должен был передать Рут, — сто двадцать пять тысяч швейцарских франков (это примерно сто тысяч долларов). На стол выложили оба американских паспорта, советские въездную и выездную визы, билет до Вены, счет из гостиницы и квитанцию на багаж, оставленный на вокзале.

А в чемоданчике обнаружились кожаный несессер с пленками, на которых были задания для агента, программа радиопередач из Центра и фотоаппарат «Коника». Заодно забрали и три книги, которые советский разведчик купил для себя: «Свобода выбора» нобелевского лауреата по экономике Милтона Фридмана, «Закон Паркинсона» и роман Джона Ирвинга «Отель Нью-Гэмпшир».

Поскольку стало ясно, кто он, советский разведчик перешел к

запасной легенде. Он заявил:

— Я являюсь советским гражданином Николаевым Михаилом Васильевичем, проживавшим до выезда на Запад в Москве. Советский Союз покинул, чтобы осесть на Западе, американские паспорта приобрел на «черном рынке», чтобы облегчить выезд на Запад. Найденные у меня деньги принадлежат мне. С ними я намеревался начать новую жизнь на Западе. В том, что я являюсь советским гражданином и назвал свое подлинное имя, можно легко убедиться, обратившись с запросом в консульство СССР. Более того, теперь, когда я арестован и обвиняюсь в шпионаже, что я считаю полным абсурдом, я прошу или освободить меня, или разрешить мне вернуться в Советский Союз, поставив о моем желании в известность советское консульство…

Прежде нелегалам запрещалось признавать, что они советские граждане. Так в свое время поступали и арестованный в США Рудольф Фишер (Абель), и задержанный в Англии Конон Молодый (Гордон Лансдейл). Это лишало их минимальной помощи со стороны Советского Союза. Чтобы связаться с ними, придумывали сложные комбинации. Скажем, для Абеля придумали несуществующего родственника, роль которого играл будущий генерал госбезопасности Юрий Дроздов. А вызволением нелегалов занимались специальные люди, например восточногерманский адвокат Вольфганг Фогель.

Во время предыдущих командировок он тоже не имел права признавать свое советское гражданство. Должен был до конца настаивать на том, что он американец. И только в ту, роковую, поездку он получил запасную легенду. Повезло.

Из полицейского участка его повезли в следственный изолятор в городке Бюлах рядом с Цюрихом. Это было одноэтажное здание, пятнадцать камер. Советского разведчика заперли в камере № 15. В этом же изоляторе совсем недавно держали нашего соотечественника Виталия Калоева, когда его арестовали по обвинению в убийстве диспетчера швейцарской компании «Скайгард», по вине которого погиб самолет с детьми из Башкирии. Начальник тюрьмы напоил советского разведчика чаем и отвел в камеру. Первую ночь в заключении он не спал.

Швейцарской тюрьмы он не боялся. Цивилизованная страна, пытать или вводить психотропные вещества швейцарцы не станут. Тем более что шпионажем против Швейцарии он не занимался, так что у самих швейцарцев претензий к нему быть не должно. Хотя была одна опасность.

На случай войны, когда все официальные советские учреждения закроются, в Европе были подготовлены нелегальные разведывательные аппараты. Когда всем советским гражданам

придется вернуться, останутся только нелегалы. В случае войны он должен был возглавить одну из нелегальных резидентур в Европе. Ему заложили в тайнике рацию и все необходимое для разведывательной работы.

В Швейцарии он сам подобрал себе «двойника», на имя которого в Центре ему изготовили надежный паспорт. Он встречался с человеком, именем которого воспользовался, с его друзьями; выдавая себя за американца, подружился с ними, чтобы как следует вжиться в образ и знать о «двойнике» все. И теперь опасался, что, если его фотографии появятся в газетах, «двойник» может его узнать. Вот тогда швейцарская контрразведка решила бы, что он работает против Швейцарии. В таком случае его могли надолго упрятать за решетку.

Швейцарцы, конечно, подозревали, что поймали крупную рыбу. Но полиция по настоятельной просьбе ЮАР вынуждена была помалкивать об этой истории. Ни одна его фотография в газетах не появилась.

И лишь спустя много лет полковник военной разведки Виталий Васильевич Шлыков рассказал мне об этой истории все — кроме того, что кадровый разведчик не расскажет, даже оказавшись в тюрьме.

Дитера Герхардта арестовали за три недели до поездки Виталия Шлыкова в Цюрих. Полицейские сказали, что арестованные Герхардты дали показания и признались, что работали на советскую военную разведку. Значит, его вины в провале нет. Уже хорошо.

Коммодор военно-морских сил Южно-Африканской Республики Дитер Феликс Герхардт служил в министерстве обороны, а затем на главной военно-морской базе Саймонстаун. Он был инициативником, как говорят разведчики. В 1964 году молодой южноафриканский офицер пришел в советское посольство в Лондоне и попросил о встрече с консулом. Его приняли. Он предложил работать на советскую разведку. Его выставили, опасаясь, что это подстава британской контрразведки. Но он вновь и вновь приходил, пока ему не поверили.

Советский Союз не имел дипломатических отношений с ЮАР — советское посольство в Претории закрылось в 1956 году. Советские граждане могли приезжать в ЮАР только нелегально.

Из Москвы было трудно разглядеть, что происходит на юге Африки. Поэтому надежный агент, да еще из числа военных, оказался невероятно ценным приобретением. Дитер Герхардт снабжал советскую разведку тактико-техническими данными о новых образцах оружия, создаваемого на Западе.

Сейчас это, возможно, покажется забавным, но сто с лишним

лет назад в России больше всего интересовались не Америкой, не Европой, не Японией, а Африкой. В начале XX века российское просвещенное общество обсуждало ситуацию на юге Африки, и не просто обсуждало, а принимало происходящее там близко к сердцу. Русские люди готовы были помочь белым африканцам всем, чем возможно, даже жизнь за них отдать. Русские добровольцы участвовали в Англо-бурской войне, причем на стороне тех самых буров, которые станут проводить политику апартеида. У царского правительства не хватало ресурсов, поэтому оно не было склонно реально участвовать в Англо-бурской войне. Однако Россия не упустила случая как-то повлиять на этот конфликт, чтобы нанести ущерб Британской империи в Южной Африке.

Буры, потомки голландских колонистов, называли себя коренными жителями Южной Африки и считали, что черные пришли с севера значительно позже. Поэтому африканцами буры называли себя. «Африканер» по-голландски и значит «африканец».

В Англо-бурской войне африканеры потерпели поражение. Они составляли всего десятую часть белого населения. В их распоряжении было меньше ресурсов, чем у английской прослойки населения, куда более богатой и державшей в руках торговлю и промышленность. Тем не менее африканерам после длительной борьбы удалось вырвать власть у своих английских соперников.

В 1948 году к власти пришла Националистическая партия, которая обещала разработать политику «сепаратного развития» белых, черных и «цветных» (людей смешанного происхождения).

Апартеид — «разобщение» на языке африкаанс — стал политикой страны. Все белые, вне зависимости от своих взглядов, были облагодетельствованы апартеидом. Все черные африканцы (семьдесят четыре процента населения) были лишены политических прав и права жить в белых районах. Черным по специальным пропускам разрешалось работать в городах, но жить они должны были в своих гетто.

На суде Дитера Герхардта спросят, почему он работал на советскую разведку. Он ответит:

— Я руководствовался политическими мотивами. Деньги не играли никакой роли. Нарушения прав человека в Южной Африке толкнули меня к установлению контактов с Советским Союзом. Я — противник апартеида. Передавая информацию Советскому Союзу, я надеялся внести свой вклад в свержение режима апартеида.

В те времена апартеид пользовался всеобщим презрением.

Сейчас, возможно, многие отнеслись бы к белым властителям ЮАР с большим сочувствием. Лозунги «Россия для русских! Москва для москвичей!» и есть апартеид. Людей с другим цветом кожи, выходцев с юга либо вовсе не хотят видеть рядом с собой, в городах, потому не хотят отменять режим прописки или регистрации, либо готовы терпеть их в роли временной рабсилы, которая, отработав свой срок, возвращается восвояси.

На юге Африки события развивались так. ЮАР осталась единственным и последним бастионом белого меньшинства на континенте. Африканеры ощущали себя осажденным народом, пытающимся выжить во враждебном мире. Чем дальше, тем больше черное население выступало против апартеида. Начались вооруженные выступления против белого режима.

Сторонники жесткой линии предлагали раздавить сопротивление, ответить на террор еще большим террором. Но Южная Африка не могла позволить себе окончательно уничтожить демократию и установить военную диктатуру. Африканеры создали современное индустриальное государство и пытались идти в ногу с Западом. Африканеры хотели, чтобы их правление воспринималось как справедливое и гуманное самими белыми. Если полиция вела себя слишком жестоко, это вызывало возмущение даже у белых, потому что низводило Южную Африку до уровня диктатур третьего мира. Если бы правление белых выродилось в беззаконное полицейское государство, то мораль белых была бы подорвана, а имеющее решающее значение личное сознание борьбы за правое дело утрачено. В конце концов белые отказались от апартеида и потеряли власть в стране.

В 1974 году развалилась португальская колониальная империя, Мозамбик и Ангола обрели независимость. В 1975 году в Анголе, где шла гражданская война, появились советские и кубинские войска. В ответ советская армия получила возможность пользоваться местными аэродромами для осуществления дальних разведывательных полетов над Южной Атлантикой для слежения за действиями западного флота.

В 1968 году Советский Союз развернул постоянный флот в Индийском океане. В 1970 году появился западноафриканский патруль. И наконец, советские боевые корабли стали заходить в порты Эфиопии, Анголы и Мозамбика, где власть перешла к дружественным режимам.

Южноафриканские военные доказывали, что Советский Союз намерен перерезать морские пути вокруг мыса Доброй Надежды, по которому идут поставки нефти в Европу из стран Ближнего Востока. В те времена вокруг южной оконечности Африки проходило примерно двадцать семь тысяч судов. Треть —

танкеры. Они доставляли семьдесят процентов нефти, экспортируемой в Западную Европу, и тридцать процентов нефти для Соединенных Штатов.

Надо заметить, что борьба против апартеида осуществлялась не в ущерб выгодным коммерческим связям Москвы и Претории в сфере торговли алмазами, золота и платины. Коммерческие отношения между Южной Африкой и Советским Союзом оставались тайной.

Южная Африка располагает крупнейшими запасами важнейшего сырья — хрома, марганца, ванадия, золота и платины. От поставок южноафриканского сырья зависели все западные державы. Другой поставщик этого сырья — Советский Союз. Москва негласно сотрудничала с белыми властями Южной Африки в сфере торговли алмазами, золотом, платиной. Договаривались о ценах и держали в руках рынок. Советские внешнеторговые организации поддерживали тайные контакты с южноафриканским бизнесом, прежде всего с алмазным монополистом компанией «Де Бирс». Но экономика — отдельно, политика — отдельно. Советский Союз и другие соцстраны давали темнокожим боевикам деньги, оружие и обучали их на своей территории диверсионной работе.

Агент советской разведки не мог рассчитывать на снисхождение. Он не только нарушил присягу, но и предал белую расу.

«Дитеру Герхардту, — писали швейцарские газеты, — предъявлено обвинение в государственной измене. Ему грозит смертная казнь. Теоретически его жене тоже может грозить смертная казнь через повешение за те деяния, которые она, как следует из ее собственных показаний, совершила ради своего мужа, который и в семейной жизни играл роль командира, привыкшего отдавать приказы».

Дитер Герхардт и Рут познакомились на горнолыжном курорте в Швейцарии. Для него это был второй брак. Дитер признался ей, что работает на советскую разведку. Рут согласилась ему помогать. Она ездила в Европу для встречи со связными. Передавала собранные документы, в основном в виде фотопленок, получала инструкции, расписание радиопередач из Центра, средства тайнописи и деньги.

«По мнению адвоката, — писали швейцарские газеты, — в данном случае имеет место типичный пример чрезмерной преданности мужу. Рут Герхардт нуждалась в ком-то, кто мог быть ей опорой. Она боялась не угодить своему мужу, поэтому исполняла роль курьера.

По мнению адвоката, деньги вряд ли были основной

причиной того, что генерал стал платным агентом советской разведывательной службы. Вряд ли можно верить и в тот мотив, который назвал Герхардт после своего ареста в Нью-Йорке, — что он начал работать на Советский Союз ради достижения в отдаленной перспективе политических перемен к будущему в своей стране. Адвокат считает, что Герхардт, с которым он знаком лично, представляет собой отчаянного рубаку, искателя приключений, любителя пощекотать себе нервы, и, когда у него, возможно, возникли сомнения, он уже не мог выйти из игры».

Супруги признались, что получили от советской военной разведки примерно восемьсот тысяч швейцарских франков.

— Из людей, жадных до денег, хорошие шпионы не получаются, — рассказывал потом Дитер Герхардт журналистам. — Ими становятся те, у кого крепкие нервы. В последние годы перед тем, как нас раскрыли, напряжение было ужасным. Мы с женой жили в постоянном страхе. Страх был подобен зубной боли.

В момент ареста он находился в командировке в Соединенных Штатах, на учебных курсах в университете в Сиракузах, штат Нью-Йорк. 8 января 1983 года его комнату в гостинице обыскали агенты ФБР, ЦРУ и британской контрразведки МИ-5. Они обнаружили фотопленки с секретной информацией. Герхардт сразу стал давать показания. Признал, что передал Москве все секреты, которые знал. Его выслали в ЮАР.

Дитер взял всю вину на себя, говорил, что жена лишь исполняла его волю. Но Рут тоже арестовали. В их доме нашли весь шпионский арсенал. Рут сотрудничала со следствием. Она надеялась избежать наказания и не хотела лишиться маленького сына — Грегори было всего пять лет. Она рассказала больше, чем следовало. Следователи никогда не узнали бы то, что она сама о себе рассказала. О себе и о своем связнике — Шлыкове.

— Вы не обиделись на них за то, что они вас выдали? — спросил я Шлыкова.

— Конечно нет, они боролись за свою жизнь, их ситуация была значительно хуже моей. Я оказался в цивилизованной швейцарской тюрьме, а они в южноафриканской… Они, в отличие от меня, не давали присяги.

В отношениях с Дитером Герхардтом радиосвязь была односторонней. Центр передавал указания по радио. Рут следила за сеансами радиосвязи и записывала на магнитофон передачи из Москвы, которые передавались на большой скорости. Потом запускала магнитофон на меньшей скорости, тогда можно было услышать морзянку и записать набор цифр. После чего

доставался шифровальный блокнот, при воздействии химических препаратов на белой странице проступала таблица, с помощью которой можно было расшифровать текст передачи.

Но от Дитера Герхардта не требовали работы на ключе, понимая, что, если он станет выходить в эфир, это быстро приведет к провалу. Он передавал собранные материалы только через связного офицера. Таким связным был Виталий Шлыков. Дитер пять раз приезжал в Советский Союз, два раза с женой. Для таких случаев их снабдили фальшивыми паспортами.

— Это были очень ценные агенты, — объясняет Шлыков. — Нам надо было проявить к ним внимание, поддержать их, обещать помощь в случае чего. Ну и провести дополнительную проверку.

— А что, были сомнения относительно их искренности?

— Сомнения есть всегда.

В Москве они жили в семикомнатной квартире (там даже была бильярдная) в знаменитом Доме на набережной. Конспиративную квартиру Главного разведывательного управления обслуживала экономка, которая им готовила. Им устраивали обширную культурную программу. Рут и Дитер побывали на премьере балета Арама Хачатуряна «Спартак». Места им взяли в первом ряду. Дитер сидел рядом с самим Хачатуряном. Балет произвел на них колоссальное впечатление. После спектакля вернулись на конспиративную квартиру в Доме на набережной. Пили шампанское.

Все это Шлыков вспоминал в своей тюремной камере: «Камера в следственном изоляторе была маленькая и узкая, с цементным полом и довольно холодная, с плесенью в углу. Радио или телевизора не было. Других заключенных я не видел. На прогулку меня выводили всего на полчаса в день — в небольшой дворик, окруженный высоким забором. Газет мне не полагалось».

На допросах Шлыков ни в чем не признавался. На него стали давить. Однажды, разозлившись, комиссар Рюммеле демонстративно поинтересовался у Шлыкова, где он желает быть похороненным, если вдруг умрет в камере. В другой раз обещал отправить его в Южно-Африканскую Республику, если он будет и дальше запираться.

Шлыков повторял себе, что подобное едва ли возможно. Швейцария — правовое государство, и на такое местные власти не решатся. Но маленький шанс оставался, и это не улучшало настроения. Попасть к южноафриканцам Шлыкову не хотелось.

Он представлял себе, что они могут сделать с советским разведчиком, которого некому защитить.

Кто-то другой мог бы найти выход — попросить о встрече с

американцами. В обмен на информацию американская разведка вытащила бы его из швейцарской тюрьмы и помогла начать новую жизнь.

К тому времени Шлыков прослужил в нелегальной разведке четверть века. Это особая профессия. Ему нравилась эта жизнь. Он окончил Московский институт международных отношений в 1958 году, проявил исключительные способности к иностранным языкам и получил приглашение и в военную разведку, и в КГБ. Выбрал ГРУ. Не жалел потом, что отказался от внешней разведки КГБ?

— Нет, не сожалел, — твердо сказал мне Шлыков. — Потом появилась кастовая гордость.

Шлыков получил предложение пойти в нелегальную разведку, дал согласие и был перевезен на конспиративную квартиру, где проходил индивидуальную подготовку — страноведческую и специальную.

Жизнь была интересной и комфортной, хотя пригласить к себе девушку было невозможно. Зато все преподаватели приезжали к нему на дом. И не только преподаватели, но и руководители разведки. За хорошо накрытым столом шли разговоры о предстоящих задачах, о том, что надо служить Родине, не жалея себя.

В молодости он был знаком и с Владимиром Васильевым, и Екатериной Максимовой, увлекался балетом и балеринами.

— Они нас снабжали контрамарками на свои спектакли, — с удовольствием вспоминает Шлыков. — Мы устраивали вечеринки и, будучи холостяками, приударяли за девушками. Я как раз в это время вернулся из нелегальной стажировки, во время которой взял в школе танцев в Мюнхене несколько уроков по только что появившемуся на Западе рок-н-роллу. Так что я выступал несколько раз в роли учителя танцев. Благодаря ГРУ одет я был во все заграничное, что в те годы было редкостью, платили мне неплохо, диплом МГИМО котировался, так что я пользовался определенным успехом у девушек.

К сожалению, период моей дружбы с будущими звездами балета был недолгим. Начальство время от времени предлагало составить список моих знакомых на предмет проверки их благонадежности в КГБ. Приходилось думать о том, что, поддерживая дружбу с кем-либо, я тем самым привлекал к этому человеку внимание «компетентных органов». А так как предупредить об этом я не мог, то получалось некрасиво. Так что мой круг знакомств на протяжении всей службы в разведке был весьма узок.

Шлыкова готовили к командировке в Канаду. Возможно, на

всю жизнь. Но 22 октября 1962 года был арестован полковник военной разведки Олег Владимирович Пеньковский, агент американской и британской разведки. За этим последовала чистка внутри военной разведки, больше всего пострадала военная разведка, которую курировал первый заместитель начальника ГРУ генерал-полковник Александр Семенович Рогов. Именно он приезжал к Шлыкову и поддерживал в молодом человеке готовность к подвигам. Генерала Рогова сняли с должности и понизили в звании.

— Дело Пеньковского привело фактически к развалу нелегальной разведки, — вспоминает Шлыков. — Глубокая засылка прекратилась. Люди, которые со мной работали, потеряли свои должности.

Шлыкова стали использовать для встреч с бережно охраняемой агентурой военной разведки за границей. На этой службе он провел два с лишним десятилетия.

— Я считаю, что мне очень повезло, — говорит он. — Это была интересная, осмысленная жизнь. Я был очень свободным человеком, ездил за границу, читал западную литературу. Разумеется, я был членом КПСС, однако принимали меня в партию в соответствии с особой секретной процедурой без партийных собраний и других формальностей. У меня были, как положено, три поручителя, подписавшие рекомендации в партию, но я не знал даже их настоящих имен. После приема в партию я ни на какие собрания не ходил, а мой партбилет лежал в сейфе начальника политотдела ГРУ, собственноручно проставлявшего в нем отметки об уплате партийных взносов, вычитавшихся из моего денежного содержания.

А в Москве коллеги Шлыкова все-таки уговорили начальника ГРУ Ивашутина не оставлять попавшего в тюрьму офицера без помощи.

Четыре месяца Шлыков провел в следственном изоляторе, прежде чем комиссар полиции принес документ, который он хранит и по сей день:

«Гражданин М. Николаев, швейцарские власти известили Посольство СССР о том, что Вы находитесь в Швейцарии под арестом. Сообщаем Вам, что Посольство СССР в Швейцарии подтвердило Федеральному департаменту иностранных дел Швейцарии, что Вы являетесь гражданином СССР. В связи с этим Посольство берет Вас под консульскую защиту и подыскивает адвоката, который бы защитил Ваши интересы. Посольство запросило также у швейцарских властей разрешения на встречу с Вами представителя Посольства.

Заведующий Консульским отделом Посольства СССР в

Швейцарии *Л. Осинкин*».

Признание Шлыкова советским гражданином изменило ситуацию. Его перевели в кантональную следственную тюрьму в Цюрихе. Там ему устроили встречу с двумя советскими дипломатами. Вот теперь Шлыкову показали ордер на арест, и с этого момента началось официальное следствие. Строго говоря, до этого момента он находился в распоряжении полиции, которая вела дознание.

«Зритель, насмотревшийся голливудских фильмов, где полицейский предупреждает арестованного о том, что он имеет право на адвоката и на молчание, будет недоумевать, почему следствие началось только через полгода после задержания, — вспоминает Виталий Шлыков. — Надо учитывать, что Швейцария — ярко выраженное полицейское государство. Хотя на улицах полицейских, кроме регулировщиков, вы и не увидите, как правило, они ходят в штатском. Правда, полицейским государством Швейцария стала по демократически выраженной воле народа… Строго говоря, пока шло дознание, федеральная полиция могла делать со мной что угодно — передать американцам для установления личности, отправить в ЮАР для проведения очной ставки с Герхардтами».

Кантональная тюрьма была лучше. Более просторная камера с паркетным полом, большое окно. Он мог посещать тюремного врача и получать бессолевую диету — у него аллергия на поваренную соль. Посольство перевело на его счет пятьсот франков, и он мог раз в неделю заказывать дополнительные продукты и предметы гигиены и подписаться на местную газету. Теперь он гулял по часу и видел других заключенных, с которыми можно было перемолвиться словом.

Его приговорили к трем годам тюремного заключения — максимум, что могли дать по этим статьям. Срок отбывал в тюрьме Регенсдорф. Работал в библиотеке.

На Новый год он получил от благотворительной организации корзину с едой и бутылку безалкогольного игристого вина. В тюрьме он смог играть в футбол, заниматься в тренажерном зале и купить радиоприемник, правда без коротких волн, на которых Центр связывается с агентурой. Он отсидел двадцать месяцев и вышел на свободу.

Следствие по делу Герхардтов продолжалось почти год. Дитера Герхардта в последних числах 1983 года приговорили к пожизненному заключению, Рут дали десять лет тюрьмы. Она просидела семь лет, он — девять. Их сын жил у родственников в Швейцарии. Денег не было, никто не помогал. Дитер часто говорил жене: если с нами что-то случится, Москва нас в беде не

оставит. Он сильно ошибся. Бывшие агенты никого не интересуют.

Вышедшего на свободу Виталия Шлыкова из тюрьмы привезли в аэропорт. В Москве его встретили свои.

Его конечно же интересовал вопрос: кто выдал Герхардтов?

Одна из версий — англичане во время Фолклендской войны с Аргентиной в 1982 году выяснили, что в Москву поступает информация об оперативных планах британского флота, и стали искать «крота».

В пригороде Кейптауна находился центр радиоэлектронной разведки Сильвермайн, отсюда следили за кораблями и самолетами на большей части Южной Атлантики и Индийского океана. Контрразведчики проверяли всех офицеров радиоэлектронного центра, а также военно-морской базы в Саймонстауне, куда поступает вся разведывательная информация. Так и вышли на Дитера Герхардта.

Есть еще одна версия. Она связана с загадочной атомной программой Южно-Африканской Республики.

Дитер Герхардт утверждал, что информировал советскую разведку о ядерной программе ЮАР и о готовящемся испытании ядерного взрывного устройства. По его словам, Москва и Вашингтон договорились о совместном нанесении удара по испытательному полигону в Калахари, чтобы помешать выполнению ядерной программы. Но в конце концов Соединенные Штаты отказались действовать совместно с Советским Союзом. Поэтому Южно-Африканская Республика провела испытание.

Американцев заинтересовал и другой вопрос: откуда Советский Союз знает о ядерной программе ЮАР?

Специалисты полагают, что Герхардтов сдал генерал-майор Дмитрий Поляков, самый крупный американский агент внутри советской военной разведки.

Но все это не более чем предположения.

— Я выполнял свой долг, — сказал мне Виталий Шлыков, — и никаких вопросов — кто виноват в провале — задавать не должен был. А для меня эта история закончилась тем, что в присутствии своих заместителей начальник ГРУ генерал Ивашутин вручил мне орден.

Подлинные причины провала лучшего агента советской военной разведки на юге Африки остаются загадкой и по сей день.

Часть третья
Сугубо личное

Мой первый начальник, подполковник Чернявский

Три десятилетия назад, в один из первых дней работы в журнале «Новое время», я приоткрыл дверь в кабинет заместителя главного редактора Виталия Геннадьевича Чернявского. Он вел номер, и я принес ему заметку.

Виталий Геннадьевич разговаривал по телефону и не заметил моего появления. Откинувшись в кресле и несколько мечтательно глядя в окно, он предавался приятным воспоминаниям:

— Вот когда в октябре сорок второго я допрашивал своего первого пленного немца…

Я осторожно прикрыл дверь.

У главного редактора «Нового времени» были два заместителя. Оба в прошлом чекисты. Борис Яковлевич Пищик служил во внутренних подразделениях НКВД, а после войны воссоздавал органы госбезопасности в Литве. Когда началось изгнание евреев из Министерства госбезопасности, убрали и Пищика. С тех пор он занимался журналистикой.

Виталий Геннадьевич Чернявский работал во внешней разведке и быстро делал карьеру. Но судьба была к нему жестока. Он заболел. Начальник разведки Александр Сахаровский, знавший Чернявского по совместной работе, мог бы оставить его на службе. Но не захотел.

КГБ не пристроил его на высокую должность, как это было принято позднее. Ему пришлось начинать новую жизнь самостоятельно. Только благодаря своим способностям он занял заметный в те годы пост первого заместителя главного редактора политического еженедельника «Новое время». Комитет госбезопасности пренебрежительно относился к старым заслугам. Дочь знаменитого разведчика Абеля-Фишера после смерти отца вообще не могла найти себе работу, и Чернявский взял ее в английское издание «Нового времени». Эвелина Фишер работала у нас корректором. Вообще Виталий Геннадьевич охотно помогал людям, попавшим в трудное положение.

О прошлой службе Чернявского в редакции знали все. Он держался сурово и строго, и его побаивались. Однажды заведующая производственным отделом, дама шумная и крикливая, чей визгливый голос разносился по всем четырем этажам редакционного здания на Пушкинской площади, влетела в кабинет Чернявского и с порога стала жаловаться на бездельников в печатном цехе. Некоторое время Чернявский

терпеливо выслушивал ее крик. Когда ему надоело, он тихим голосом произнес:

— Хорошо. Составьте мне список, и я прикажу их расстрелять.

Дама осеклась и тихо ушла.

В старом «Новом времени» было немало людей, чьи познания и жизненный опыт восхищали меня. Вильгельм Людвигович Мартенс, сын первого советского полпреда в Америке, выловил ошибку в фоторепортаже об Австрии. Бросив взгляд на один из снимков, он сказал:

— Подпись под снимком неправильная. Это другая площадь.

— Откуда вы знаете? — обиделся автор.

— В сорок пятом, — объяснил Мартенс, — я брал эту площадь с отрядом наших десантников.

Виталий Чернявский родился в ноябре 1919 года, но шла Гражданская война, и родители пошли его записывать только в феврале следующего года. Так что у него было два дня рождения. В сорок первом его взяли на работу в НКВД, и всю войну он прослужил в особых отделах. В 1944 году прошел курсы усовершенствования офицерского состава главного управления военной контрразведки Смерш. Этих деталей его биографии я не знал. Чернявский рассказал их своему молодому другу Андрею Викторовичу Разину, а я все это узнал из его научной работы.

— После окончания учебы, — вспоминал Чернявский, — меня вызвал начальник курсов и сообщил, что мне надлежит срочно явиться на Лубянку. Пройдя через четвертый подъезд, я поднялся на седьмой этаж и был приглашен в кабинет Александра Михайловича Короткова.

То был уже упоминавшийся в этой книге заместитель начальника советской разведки тогда еще полковник Коротков. Чернявский был зачислен оперуполномоченным в первое главное управление Наркомата госбезопасности. Осенью сорок четвертого его на два года отправили в резидентуру в Бухарест. Несколько лет он занимался Румынией. В сорок седьмом получил задание создать резервную агентурную сеть в Румынии и Венгрии на случай войны с Западом. Еще два года руководил группой нелегальной разведки в оккупированной войсками союзников Австрии — имел свой шифр и связывался непосредственно с Центром. Руководивший нелегальной разведкой Коротков его отмечал и продвигал.

Ясное дело, что в нашей редакции Чернявский был признанным специалистом по разведке. Но только в перестроечные годы он рассказал мне в деталях, как он провел одну из самых дерзких операций нашей разведки в послевоенные

годы.

В 1953 году, после смерти Сталина, его назначили руководителем европейского отдела во втором главном управлении МВД (внешняя разведка). Высокая должность для тридцатитрехлетнего человека. В середине мая его неожиданно вызвал Лаврентий Павлович Берия. Чернявский спустился на третий этаж и вошел в кабинет всесильного министра внутренних дел. Берия сказал, что через два дня он должен быть в Бухаресте, потому что назначен старшим советником МВД СССР сразу при двух румынских министрах — госбезопасности и внутренних дел.

— Вы пользовались особым доверием Берии? — спрашивал я Чернявского.

— Нет, я был для него новым человеком. Последние годы Берия не руководил непосредственно госбезопасностью, и я находился вне поля его зрения. Сыграла роль моя хорошая служебная аттестация.

— А почему он послал вас в Румынию?

— Впервые меня отправили туда в начале сентября 1944 года. Я пробыл там три года, хорошо изучил страну, быт и нравы, психологию народа, свободно владел румынским языком, в случае необходимости выступал в качестве заправского румына, чему способствовала и моя внешность.

Берия, став министром внутренних дел, обновил состав советнических групп в странах народной демократии, поставил во главе молодых и деятельных сотрудников. Потребовал, чтобы они свободно владели языком страны пребывания и могли беседовать с руководителями секретных служб и лидерами государств без переводчиков.

Он настаивал на том, чтобы советники не вмешивались во внутренние дела и не давали рекомендаций по «скользким» делам, особенно тем, которые возникали в результате внутренней борьбы в правящей верхушке, дабы ни у кого не было ни малейшего повода для ссылки на то, что они заведены и реализованы по указанию советских товарищей.

— Какие указания вы получали от Берии?

— Едва я успел немного осмотреться в румынской столице, как 17 июня в Берлине начались выступления рабочих против политики правительства ГДР, которые были подавлены Советской армией. Берия позвонил мне по ВЧ и предупредил: «Головой ответите за то, чтобы такого не случилось в Бухаресте». И приказал каждый день докладывать лично ему или его первому заместителю Богдану Кобулову, на котором замыкалась внешняя разведка, об обстановке в Румынии. К Бухаресту подтянули части отборных дивизий румынской армии, которые были

сформированы во время войны на территории Советского Союза, подразделения пограничных войск, было усилено патрулирование столицы и окрестностей…

В день, когда был арестован Берия, у меня умолк аппарат ВЧ. Я не мог дозвониться в Москву…

Примерно через месяц Чернявского, как и других старших советников, отозвали:

— Вы были назначены без согласования с ЦК КПСС, поэтому вас освобождают от должности. Ждите нового приказа…

Чернявского ценил генерал Евгений Питовранов, который в январе 1953 года возглавил разведку. После смерти Сталина Питовранов потерял свой высокий пост. Его отправили в Восточный Берлин руководить представительством КГБ в ГДР. Он взял с собой Чернявского начальником первого (разведывательного) отдела. Разведаппарат состоял из шести отделений: американское, английское, западногерманское, французское, научно-технической разведки и нелегальной. Всего — пятьдесят — шестьдесят человек.

— Каждую неделю из Москвы поступали новые задания, — рассказывал Чернявский. — Что-то узнать, что-то сделать. Или украсть. Помню, пришел приказ украсть краску для легковых автомобилей, никак она у нашей промышленности не получалась. Мы украли в ФРГ образцы краски, рецептуру. Все передали в Москву, но краска все равно оставалась плохой.

Сам Виталий Чернявский провел фантастическую операцию, остававшуюся загадкой многие десятилетия.

Летом 1954 года в Западном Берлине вдруг исчез доктор Отто Йон, первый начальник западногерманской контрразведки Ведомства по охране конституции. А через несколько дней он объявился в Восточном Берлине, столице социалистической ГДР. Это был огромный подарок для ГДР и малоприятный сюрприз для Федеративной Республики Германии. На сторону социалистического государства перешел не какой-то мелкий чиновник, а политик почти что в ранге министра, с именем, с авторитетом.

Отто Йон был человек известный. Бывший участник немецкого Сопротивления, причастный к заговору против Гитлера 20 июля 1944 года, Отто Йон сделал большую карьеру в ФРГ. И он не просто перебрался в Восточную Германию, а стал обличать Германию Западную.

В те годы западная и восточная части Германии соревновались во всем; предметом особой гордости были перебежчики. На Востоке торжественно принимали беглецов с Запада. На Западе раскрывали объятия перед беженцами с

Востока. В те времена, до строительства Берлинской стены, перебраться из Восточного Берлина в Западный и наоборот было несложно.

Через месяц после появления Йона в Восточном Берлине в ГДР перешел депутат западногерманского парламента Карл Франц Шмидт-Витмак. Это был еще один подарок для социалистической Восточной Германии. Шмидт-Витмак входил в правящую партию и состоял в комиссии бундестага по вопросам европейского оборонительного союза. Шмидт-Витмак тоже попросил в ГДР политического убежища.

11 августа 1954 года Отто Йон выступил на большой пресс-конференции в Восточном Берлине. Она наделала тогда много шума. Доктор Йон объяснил, что прибыл в ГДР ради того, чтобы бороться за воссоединение Германии. Он рассказал иностранным журналистам о том, что в западной части Германии идет процесс милитаризации, что бывшие нацисты заняли в ФРГ важные посты, что Западная Германия вместе с Соединенными Штатами готовится к третьей мировой войне. Особая опасность, говорил тогда Отто Йон, состояла в попытке создать Европейское оборонительное сообщество, объединить армии стран Западной Европы.

Рассказав о поездке в Америку и о беседе с известным разведчиком Алленом Даллесом, только что назначенным директором ЦРУ, Отто Йон сказал, что американцы охвачены истерическим страхом и хотят войны, в которую втянут Германию.

— Федеративная республика превратилась в оружие американской политики в Европе, — говорил бывший начальник западно-германской контрразведки. — Американцам нужны в войне с Востоком немецкие солдаты. Они ориентируются при этом на тех, кто не извлек уроков из катастрофы 1945 года и только ждет часа, чтобы вновь ринуться в восточный поход. А это может принести нам новые невообразимые страдания. Более того, создаст угрозу уничтожения самой немецкой нации…

Громкие разоблачения Отто Йона стали важнейшим аргументом в пропагандистской войне между Западом и Востоком. Отто Йона принимали в ГДР как высокого гостя, ему показывали, как растет и хорошеет первое на немецкой земле государство рабочих и крестьян. Его путешествие по Берлину снимали операторы кинохроники. Отто Йона обхаживали представители восточногерманской интеллигенции. В Восточном Берлине он работал в «Комитете единства Германии», но это было скучное занятие.

А через год, в 1955 году, Отто Йон столь же неожиданно

совершил побег в обратном направлении и вернулся на Запад. Как все это произошло? Почему начальник немецкой контрразведки так недолго послужил социалистической ГДР, а затем все-таки вернулся домой?

История доктора Отто Йона была одной из самых успешных послевоенных операций советской внешней разведки. Не так уж часто в истории борьбы секретных служб удавалось переманить на свою сторону начальника контрразведки другой страны. Даже у знаменитого Кима Филби ранг был пониже, он был всего-навсего начальником отдела в британской разведке. А Отто Йон возглавлял всю контрразведку Западной Германии.

Это был огромный пропагандистский успех ГДР, всего социалистического лагеря. Как раз в те дни решался вопрос, будет ли создан военный союз западноевропейских государств, в который собирались принять и Западную Германию. Москва выступала против этого и одержала в этой борьбе победу: военный союз не был создан. Отто Йон помог Москве одержать эту победу.

Отто Август Вальтер Йон родился в 1909 году в Марбурге в преуспевавшей протестантской семье. Он изучал юриспруденцию, собирался стать дипломатом. Но не вступил в нацистскую партию — и в министерство иностранных дел его не взяли. Он работал юридическим консультантом в авиакомпании «Люфтганза». В 1943 году Отто Йона должны были призвать в армию, но связи с видными офицерами абвера избавили его от вермахта.

Отто Йон по убеждениям был социал-демократом, его брат — коммунистом. Отто Йон был настоящим антифашистом. Преступления гитлеровского режима, концлагеря, массовые убийства вызывали у него отвращение. Он присоединился к участникам антигитлеровской оппозиции, дружил с Клаусом Бонхёфером, чей брат Дитер, известный теолог, был видной фигурой в Сопротивлении.

Йон дружил с принцем Луи-Фердинандом Гогенцоллерном, вторым сыном наследного принца, внуком последнего кайзера Вильгельма II. Поэтому Йон был посредником для монархистов, которые желали восстановления монархии в Германии, среди них были бывший глава Лейпцига Карл Герделер и генерал Людвиг Бек.

Отто Йон по делам «Люфтганзы» часто ездил в Лиссабон и Мадрид, где наладил отношения с английскими разведчиками и передавал им записки от Герделера. Немецкое Сопротивление пыталось установить контакты с англичанами. Англичанам Йон не понравился. Во-первых, он не передавал им никакой разведывательной информации. Во-вторых, англичане не хотели

сотрудничать с немецкой оппозицией, которая не соглашалась с требованием союзников о полной капитуляции.

На Йона обратил внимание агент советской разведки Ким Филби, который сообщил о нем в Москву. Филби подозревал, что немец из авикомпании в реальности — двойной агент, действующий под диктовку гестапо — иначе как ему удавалось так часто бывать в Португалии и Испании?

На самом деле сразу несколько представителей антигитлеровских сил попытались наладить контакты с союзниками. От их имени немецкий дипломат Адам фон Тротт цу Зольц несколько раз ездил в Швецию. Он просил дать право немцам самим сформировать правительство после убийства Гитлера, а не требовать безоговорочной капитуляции.

Но союзники не хотели делить немцев на плохих и хороших. Премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль приказал своему министерству иностранных дел не откликаться ни на какие попытки договариваться о мире, исходящие от немецких политиков. Президент Соединенных Штатов Франклин Рузвельт подтвердил: единственное условие прекращения войны — «безоговорочная капитуляция Германии».

Участники Сопротивления много раз пытались убить Гитлера. Ближе всех к цели подошел полковник Клаус Шенк граф фон Штауфенберг. Полковник служил в Генеральном штабе. В 1943 году его прикомандировали к 10-й танковой дивизии, которая воевала в Северной Африке. Штауфенберг был тяжело ранен, и врачи решили, что он безнадежен. Полковник лишился руки и глаза, но выжил. Лежа в госпитале, он решил, что должен избавить Германию от Гитлера.

Несмотря на увечья, ему разрешили продолжить службу в штабе армии резерва. Его регулярно вызывали на совещания в ставку. 20 июля 1944 года он поставил портфель с взрывчаткой под стол, на котором разложили карты. Через пару минут Штауфенберг, извинившись, попросил разрешения позвонить и вышел.

Но последствия взрыва не были столь сильными, как казалось со стороны. Погибли в общей сложности четыре человека. Гитлер был контужен, оглох, поранил руку и ударился головой о стол. Прибывшему доктору Мореллю фюрер гордо говорил:

— Я неуязвим! Я бессмертен!

Несмотря на то что Гитлер остался жив, заговорщики все равно имели шанс взять верх в стране. Тогда война закончилась бы на год раньше. Но участники заговора действовали медленно и неуверенно. Они погубили себя и своих близких. Несколько мятежных генералов успели покончить с собой, остальных

повесили или расстреляли. Четыреста следователей гестапо вели расследование по всей стране.

Отто Йон чудом ускользнул от нацистов, бежав в Португалию. Оттуда британская разведка переправила его в Лондон. Он сотрудничал в отделе, занимавшемся психологической войной против нацистской Германии, и на британском радио, которое вещало на немецком языке. После войны он помогал англичанам искать подлежащих наказанию военных преступников. На Нюрнбергском процессе был переводчиком на допросах. Он помог британским юристам подготовить обвинение против одного из самых известных гитлеровских военачальников — генерал-фельдмаршала Эриха фон Манштейна. В 1949 году Манштейн был приговорен британским военным трибуналом к восемнадцати годам тюремного заключения. Многие западные немцы сочли приговор слишком суровым и считали Йона предателем.

Когда родилась Федеративная Республика Германия, возник вопрос о создании собственной службы безопасности и о кандидатуре ее начальника. Союзники решили, что ФРГ вправе иметь контрразведку для борьбы с коммунистами, которые пытаются захватить всю Германию, но она не будет обладать полицейскими полномочиями. Она должна собирать информацию и анализировать ее. Ведомство по охране конституции не имеет права проводить аресты, обыски, допросы или конфисковывать имущество. Если такие меры требуются, контрразведка передает дело в прокуратуру или полицию.

Ведомству по охране конституции поручили бороться с левым и правым экстремизмом, шпионажем и деятельностью иностранцев, представляющей опасность для государства. Кроме того, ведомство проверяет благонадежность государственных служащих, которые получают доступ к секретной информации. Федеральные земли добились того, что полномочия были поделены и появились земельные ведомства по защите конституции. Вся собранная ими информация заносится в банк данных федерального ведомства, оно не имеет права контролировать работу земельных отделов.

Тогдашний канцлер ФРГ Конрад Аденауэр хотел иметь на посту начальника Ведомства по охране конституции своего человека, но это были времена, когда Бонну приходилось прислушиваться к мнению оккупационных держав. Сам Аденауэр зависел от западных держав и не смог возразить, когда они поставили в конце 1950 года на этот пост Отто Йона. Тем не менее канцлер Аденауэр обиделся.

Министр внутренних дел ФРГ Герхард Шрёдер тоже считал

Йона ставленником англичан. И ему это тоже не нравилось. В июне 1954 года министр откровенно заявил, что назначит нового начальника ведомства, как только Федеративная Республика станет полностью независимой.

Его слова не остались неуслышанными.

Через три недели после этого заявления министра Отто Йон перебрался в Восточный Берлин и наговорил массу вещей, очень неприятных для канцлера Аденауэра, министра Шрёдера и начальника западногерманской разведки Гелена…

Каким образом доктор Йон из Западного Берлина перебрался в Восточный?

20 июля 1954 года, в годовщину покушения на Гитлера Отто Йон, как участник Сопротивления, приехал в Западный Берлин для участия в митинге, посвященном тем, кто пытался убить Гитлера. Назад в гостиницу Йон не вернулся.

Отвечал за эту операцию подполковник Чернявский. И он ответил мне на главный вопрос: по своей воле перешел доктор Йон из одного Берлина в другой или же его похитили?

Берлинский врач-психиатр Вольфганг Вольгемут давно знал Отто Йона, лечил его брата. Вольгемут считал себя коммунистом. Он встречался с советскими разведчиками. Он не был агентом, на профессиональном языке его роль именуется так — «доверительный контакт». Он и обратил внимание советских разведчиков на разочаровавшегося во всем Йона, который в плохих отношениях с собственным правительством. Возник вопрос: а не согласится ли он поставлять советской разведке секретные документы? Вольгемут выразил сомнение: Йон не тот человек.

Тогда его попросили устроить встречу. Вольгемут, опытный психиатр, довольно умело провел беседу, и Йон, который оказался в политическом тупике, не знал, что ему делать, искал выхода, согласился поговорить. Тогда, в 1954 году, такой наивный человек, как Отто Йон, наверное, плохо представлял себе, что происходит за железным занавесом, в социалистическом лагере. Участнику Сопротивления Отто Йону, возможно, по душе были антифашистские лозунги Восточной Германии. И напротив, неприятно было видеть лица бывших нацистов, занявших важное положение в Западной Германии.

Встречаться в Западном Берлине советские разведчики не захотели, боялись ловушки на чужой территории. Они предложили Йону приехать в Восточный Берлин. Вольгемут сам отвез Йона в Восточный Берлин, там его пересадили в машину разведотдела представительства КГБ и отвезли на конспиративную виллу в Вайсензее. Беседовал с ним за хорошо

накрытым столом генерал Питовранов.

На следующий день Питовранов доложил председателю КГБ Ивану Серову и начальнику первого главного управления (внешняя разведка) Александру Панюшкину, что проведенная беседа показала: «Вербовка Йона нецелесообразна и нереальна. Мы приняли решение склонить его не возвращаться в Западную Германию и открыто порвать с Аденауэром, а для этого сделать соответствующие политические заявления».

Генерал Питовранов позднее уверял, что Йон все сделал совершенно добровольно. Один из его бывших подчиненных уверяет, что Йон был мертвецки пьян. Его рвало. Пришлось вызвать врача, который дал немцу лекарство и помог прийти в себя.

Виталий Геннадьевич Чернявский рассказывал иначе: немца конечно же хотели завербовать. Когда стало ясно, что это совершенно невозможно, его все равно не отпустили. Чтобы выиграть время для размышлений, ему дали снотворное. А он уже был сильно пьян. В результате проспал больше суток. Когда он проснулся, разведка уже приняла решение: если Йона нельзя сделать агентом, пусть станет пропагандистом.

С ним по очереди беседовали Питовранов, Чернявский и еще один разведчик, безукоризненно владевший немецким языком Вадим Витольдович Кучин. Отто Йона вынудили понять, что в данной ситуации ему лучше сделать вид, будто он остался в ГДР по собственной воле. Йон понял, что деваться ему некуда. Он сделал все, что от него хотели. Попросил политического убежища, провел громкую пресс-конференцию, выступил против милитаризации ФРГ и старых нацистов, оказавшихся на высоких постах в боннском правительстве.

«Я отвез Отто Йона, до смерти уставшего от многочасового непрерывного нервного напряжения, в Карлсхорст, — вспоминал Виталий Чернявский. — Когда мы остались одни, он достал из бара бутылку любимого армянского коньяка, торопливо откупорил и осушил одним махом целый бокал. Я составил ему компанию, поскольку, как и он, был совершенно измотан».

Его возили и в Советский Союз. С ним беседовал заместитель начальника разведки по европейским делам генерал Александр Коротков, специализировавшийся на немецких делах. Йон, разумеется, рассказал все, что знал, о западногерманских спецслужбах. Еще больше первое главное управление КГБ интересовали его контакты с британской разведкой. Но он был политиком и едва ли мог назвать детали, интересовавшие советскую разведку.

Отто Йон быстро разобрался, где он оказался. Это издалека

можно было заблуждаться. Жизнь в Восточном Берлине ему совсем не понравилась. От тоски он пристрастился к хорошему армянскому коньяку, который поставляла ему советская разведка, и просился домой… Когда выяснилось, что Йон не представляет особого интереса, его решили не удерживать на Востоке. Тем более что его возвращение на Запад только усиливало опасения западных немцев, что Йон раскрыл Москве все секреты, которые знал.

Через полтора года — 12 декабря 1955 года — он совершил побег в обратном направлении.

Считается, что Йону помог датский журналист Хенрик Бонде-Хендрикс ен, который подозревался в связи с британской разведкой. Йон работал в здании университета имени Гумбольдта. В здании шел ремонт. Йон спустился вниз вместе с охранниками, сказал им, что забыл важный документ, и попросил постеречь его портфель. Он вернулся в здание, вышел через другую дверь, сел в «форд» датского журналиста, и через несколько минут они уже были в Западном Берлине.

Из Западного Берлина он под чужим именем улетел в Кельн. Йон надеялся, что ему, как жертве Москвы, будут сочувствовать, но все получилось по-другому. Ему не простили побега и жестких слов о боннских властителях. Несколько часов его допрашивали, потом арестовали, судили и отправили в тюрьму.

Йон доказывал, что его заманил в ловушку берлинский врач-психиатр Вольгемут, который уговаривал Йона пойти на встречу с русскими. А они опоили начальника контрразведки каким-то препаратом и в бессознательном состоянии вывезли в ГДР. Йон уверял, что в ГДР он был вынужден говорить то, что ему велели: у него были основания бояться за свою жизнь. Но западногерманский суд ему не поверил. Его очень компрометировало то обстоятельство, что ему удалось так легко покинуть ГДР. Если его не держали под стражей, если он имел возможность свободно передвигаться, это может означать только одно: его вовсе не держали под арестом, он по своей воле сотрудничал с агентами КГБ.

Суд пришел к выводу, что Отто Йон перешел в Восточную Германию добровольно, без принуждения. Йона приговорили к четырем годам тюремного заключения. 22 августа 1956 года Йон начал отбывать свой срок. Правда, отсидел он только два года. В 1958 году его помиловал президент ФРГ.

Все последующие годы Отто Йон продолжал уверять журналистов, что он отверг любое секретное сотрудничество с Москвой и потому невиновен в измене и выдаче государственных секретов. В 1965 году Йон опубликовал автобиографическую

книгу «Дважды через границу». Никто, кроме ближайших друзей, не принимал его слова всерьез. После распада Советского Союза у него появился важный свидетель. В его пользу высказался Валентин Михайлович Фалин, бывший секретарь ЦК КПСС по международным вопросам, бывший советский посол в ФРГ.

Валентин Фалин подтвердил: ему достоверно известно, что Йон стал жертвой операции советской разведки. Фалин подтвердил, что Йона одурманили агенты Москвы и тайно вывезли в восточный сектор Берлина, что Йон участвовал в пропагандистских спектаклях ради спасения собственной жизни, но тайн не выдавал.

Откуда об этом известно самому Фалину? Фалин в начале пятидесятых работал в Комитете информации при Министерстве иностранных дел. Его начальник, заместитель председателя комитета Иван Тугаринов, по поручению Молотова ездил в Берлин и, приехав, сказал Фалину, что Йона усыпили в Западном Берлине, а проснулся он в Восточном. Свой рассказ Фалин оформил в виде нотариально заверенных свидетельских показаний и передал в суд, который должен был рассматривать просьбу Отто Йона о реабилитации. Но его показания не помогли.

В 1995 году последняя апелляция Йона была отклонена берлинским судом. Он умер 26 марта 1997 года в Инсбруке в возрасте восьмидесяти восьми лет. Доктор Отто Йон, который так и не дождался реабилитации, был, как я понимаю, человеком порядочным и наивным, хотя и служил некоторое время по ведомству контрразведки. Он стал жертвой политических и шпионских игр, от которых людям наивным следует держаться подальше…

В 1955 году тяжелый сердечный недуг свалил Виталия Геннадьевича Чернявского. Он работал по линии службы «А», активные мероприятия, то есть дезинформация, благо в Агентстве печати «Новости» создали для этих нужд целую структуру — главную редакцию политических публикаций. Но он продолжал болеть, и в конце концов ему пришлось уйти в отставку.

Мне кажется, разведка совершила большую ошибку, слишком рано отправив Виталия Чернявского в отставку. Волевой, хорошо образованный, преданный делу, он многого бы достиг. Это было делом его жизни, он тосковал по разведке. Но ни о чем не позволял себе сожалеть. Что касается здоровья, то Чернявский пережил генерал-лейтенанта Сахаровского, который подписал роковой приказ, на двадцать с лишним лет и до самого последнего времени не прекращал трудиться. Считал, что должен зарабатывать на жизнь, да и вообще не мыслил себя без работы. В восемьдесят с лишним лет написал и издал две книги.

Виталий Геннадьевич Чернявский восхищал меня мужеством и стойкостью. Он никогда не жаловался. О недугах рассказывал иронически:

— Надо же, думал, что уже все испытал, а врачи еще что-то придумали — заставили кишку глотать.

Он умер, отметив восьмидесятипятилетний юбилей. На похоронах отдельной группой стояли молодые люди в темных костюмах, чья одинаковость выдавала их принадлежность к спецслужбам. Для них он был, наверное, просто ветераном, которого положено проводить в последний путь, — рутинная обязанность. Хотя мне говорили, что в ведомственном музее в Ясеневе, в Службе внешней разведки, есть фотография подполковника Чернявского, еще молодого, полного идей и надежд.

Мой друг, офицер разведки

Я узнал о его смерти полтора года спустя.

Он был мне лучшим другом. Второго такого уже не будет. Теперь я точно это знаю. Я гордился его дружбой. Пока она не растаяла как дым.

Мы не ссорились. Не говорили обидных слов, ни в чем друг друга не обвиняли. Даже виделись иногда. Держались так, словно ничего не произошло. Обиженным считал себя я и ждал, что он когда-нибудь сочтет необходимым объясниться. Объяснение не состоялось.

В последний раз он мне позвонил из ведомственного госпиталя.

Как-то нелепо все получилось. Мы сдавали номер в печать. Я был редактором отдела, чувствовал себя облеченным высоким доверием и старался не обмануть ожиданий редакционного начальства. Работа, служебные обязанности всегда казались мне важнее всего на свете. Долго разговаривать на личные темы, когда каждая минута на счету, считал себя не вправе. Не понимая еще, что бывают болезни тяжкие и неизлечимые, сочувственно спросил, что с ним, не надо ли приехать, что-то привезти, помочь с лекарствами.

Он ответил, что ничего особенного с ним не происходит, он скоро выйдет. И закончился наш короткий разговор какими-то дурацкими моими шуточками насчет того, что он «нашел время на койке валяться».

До этого телефонного разговора он заходил ко мне пару раз, вернувшись из первой и последней своей загранкомандировки. Между прочим, заметил, что там ему понадобилась хирургическая операция, но все обошлось. Может быть, еще придется долечиться, но хворобы все в прошлом.

Диагноз он не назвал.

Мне же и в голову не могло прийти, что этот молодой, красивый, крепкий парень может быть болен раком. В нашу последнюю встречу выглядел он прекрасно. Наверняка он сам не верил в приговор, надеялся, что одолеет болезнь. Скорее всего, врачи ему всей правды не говорили. У нас принято утешать больных.

Мы увиделись тогда после долгого перерыва. Он не позвонил заранее, а просто проезжал мимо и зашел ко мне, благо работал я в самом центре, на Пушкинской площади. Это были времена, когда еще не появилось охраны и любой читатель мог заглянуть в редакцию газеты или журнала.

Помню, как в мой крохотный кабинет, заваленный рукописями и верстками, внезапно вошел высокий, хорошо одетый, очевидно преуспевающий человек, которому можно было только завидовать. 1991 год был еще впереди, но магазины уже опустели, и материальное благополучие приехавших из-за границы бросалось в глаза.

— Представляешь, — сказал он мне со смехом, — ставлю возле вашего здания машину, вдруг подходят три восточных человека и говорят: «Продай, а? За сорок тысяч можно, правильно?» Я ответил, что не продаю, самому нужна. И тут один из них пристально на меня смотрит и говорит: «Полковником хочешь стать, да?» Ну как он мог догадаться?

Я тоже не знал, как в моем друге можно было распознать офицера внешней разведки КГБ. Он никогда не носил формы и, по-моему, ее даже не имел. Где же эти трое, заинтересовавшиеся иностранным авто, прошли такую хорошую школу практической физиогномики? Конечно, с годами я тоже научился по одинаковым улыбкам, манерам, по взгляду (учили-то их одни и те же преподаватели) угадывать профессиональных разведчиков среди встречавшихся мне журналистов и дипломатов. Но не сразу, не с одного взгляда и не на улице.

Начавшийся с этого смешного эпизода разговор в том же стиле и продолжался. Даже рассказ о перенесенной операции не выглядел таким уж печальным. Он заметил, между прочим, что сильно похудел. Но я его располневшим и не видел: мы года два, пока он был за границей, вообще не встречались. Словом, пошутили, вспомнили студенческих приятелей, да и разошлись. Я остался работать. Он сел в свое иностранное авто, предмет зависти восточных людей, и исчез. Позвонил уже из больницы.

И еще полтора года после этого последнего разговора, часто думая о нем, я с чувством застарелой горечи говорил себе: ну вот, он опять исчез.

А он исчез навсегда.

Впервые он сказал мне, что хочет попасть на работу в КГБ, в первое главное управление, то есть в разведку, когда мы перешли на пятый курс и возник вопрос о будущей работе, о распределении. Среди многих студентов международного отделения факультета журналистики Московского университета КГБ считался завидным местом.

Работа в Комитете госбезопасности сочетала в себе желанную возможность ездить за границу (это главное) с армейской надежностью — звания и должности, во всяком случае до какого-то предела, идут как бы сами собой, присваиваются за выслугу лет. В журналистике же надо утверждать себя каждый день.

Десять написанных статей почему-то не помогают написать одиннадцатую.

Красная книжечка сотрудника КГБ была и своего рода масонским знаком, удостоверявшим не только благонадежность ее обладателя, но и его принадлежность к некоему закрытому ордену, наделенному тайной властью над другими.

Но как поступить на работу в КГБ?

Прежде всего неясно было, куда приходить и как о себе заявлять. В списке учебных заведений Краснознаменный институт, как и Высшая школа КГБ, не значились. Не идти же на Кузнецкий мост, в приемную КГБ, единственное учреждение в Москве, которое работало двадцать четыре часа в сутки без праздников и выходных…

Среди его приятелей был один юноша из Прибалтики, учившийся в Москве, в Высшей школе КГБ. Светлоглазый, неприметный паренек, которого потом распределили назад в Прибалтику, в один из республиканских комитетов госбезопасности. Работа у него была самая что ни на есть муторная. Он обходил людей, которые ездили за границу — в командировку, в туристическую поездку, и выспрашивал, что они там видели и слышали.

Времена были уже не свинцовые, многие его просто выставляли за дверь, откровенно издевались. Но он все терпел, потому что была цель. И его стойкость была вознаграждена. Он сумел перевестись в Москву, в центральный аппарат, а вскоре поехал за границу под журналистским прикрытием.

По праву опытного чекиста он давал моему другу какие-то советы, но, как я потом понял, не слишком практичные. Причина этого со временем станет мне ясной: конкуренция. В КГБ в целом и в разведке в частности шла постоянная борьба за выживание, за должности, за внимание начальства, за командировку в хорошую страну и под хорошим прикрытием…

— Я хочу в КГБ, — сказал мой друг после одной из лекций в Коммунистической аудитории.

Мы стояли вдвоем рядом с большим бюстом Ленина. Мой друг полез за сигаретами, вытащил нераспечатанную пачку и твердо сказал, что хочет работать в КГБ.

— Но ведь тебя берут на телевидение, — удивился я.

Многие наши сокурсники тщетно обивали пороги «Останкина», а ему, что называется, с первого захода предложили работать в главной редакции информации тогда еще единого Гостелерадио, делать программу «Время». Он был очень телегеничен и выигрышно смотрелся на голубом экране, когда еще в студенческие годы вел первую и последнюю в своей жизни

передачу вместе с самой Ангелиной Вовк, казавшейся нам воплощением женственности.

Но, думаю, его пригласили на телевидение в первую очередь потому, что он нравился людям, легко с ними сходился. И это было не наигранно, а естественно. Не завистливый, не надменный, не коварный, без комплексов, он находился в гармоничных отношениях с окружающим миром.

Мы познакомились, когда еще сдавали вступительные экзамены, и были друзьями все студенческие годы. Из нас двоих он был сильнее, крепче, увереннее в себе. Он всегда был готов помочь. И помогал. Я мог положиться на него во всем. Мы доверяли друг другу, на многое смотрели одними глазами, что было важно в те годы. Вместе занимались, вместе ездили на практику в Ригу, вместе ухаживали за девочками. Он часто бывал у нас дома, оставался ночевать, даже жил по нескольку дней. Он очень нравился моим родителям, а его мама почему-то решила, что я на него «хорошо влияю».

— Я хочу в КГБ, — повторил он.

Странным образом, я, кажется, мог ему помочь.

Мой отчим, Виталий Александрович Сырокомский, который стал мне отцом, в ту пору первый заместитель главного редактора популярной тогда «Литературной газеты», за десятилетия журналистской работы познакомился со многими генералами КГБ, присматривавшими за прессой. Мне, конечно, трудно было судить тогда о том, как они относились к отцу. Скорее всего, с глубоким недоверием — по причине его либерализма и вольнодумства. В конце концов именно они и сломали ему жизнь.

Но репутация у него была человека абсолютно честного, надежного. Все знали, что на его слово можно положиться. Даже председатель КГБ Андропов до определенного момента относился к нему уважительно. В его круге общения были и генералы-разведчики, которые использовали газету как крышу. Если бы он за кого-то поручился, то ему бы, скорее всего, поверили. Так я тогда рассудил. Попросить его я мог. Щедро одаренный от природы, он получал особое удовольствие, помогая другим людям, устраивая их судьбы.

Что же меня останавливало?

Тогда еще разведку в среде московской интеллигенции было принято отделять от остального аппарата КГБ. Там — тупые держиморды, а в разведке — интеллектуалы, люди с широким кругозором, которые все знают и все понимают. И все же я не мог понять моего друга: как можно стремиться в КГБ? Внутреннее неприятие этого ведомства, сомнения чисто морального порядка

легли на одну чашу весов.

А что было на другой?

Он не хотел работать на телевидении. Он хотел работать в КГБ. Он был моим самым близким другом. И еще я немного за него боялся. Он любил выпить — недостаток, губительный для журналиста. В журналистской жизни, как известно, всегда есть место выпивке. Наш замечательный декан, Ясен Николаевич Засурский, во всяком случае, предупреждал студентов на первой же лекции:

— Это профессиональная болезнь журналиста.

В КГБ, решил я, этого соблазна не будет. Это хотя и не армия, которую он не любил (возможно, потому, что хорошо ее знал — он был из генеральской семьи, военная карьера была ему открыта, но он не хотел надевать погоны), а все же учреждение с серьезной дисциплиной, без журналистской вольницы.

Словом, мой отец позвонил одному из своих знакомых и сказал, что ручается за такого-то своим партбилетом:

— Это парень надежный, умный, знающий, физически крепкий — то, что вам нужно.

Спросить я не решился, но понял, что разговор был с заместителем председателя Комитета госбезопасности по кадрам. Прошло примерно два месяца. Никакого результата. Я попросил позвонить еще раз, справиться. Он набрал номер.

— Не беспокойтесь, Виталий Александрович, — последовал ответ. — Такова обычная процедура.

Моего друга просто проверяли.

Наконец настал его день. Мы учились последние месяцы. Инспектор курса вызвала его в канцелярию и продиктовала номер телефона. Это был номер куратора университета от КГБ, который сидел в главном здании университета на Ленинских (теперь Воробьевых) горах. Таким счастливым я его не видел никогда — ни до, ни после. И я был рад. Я же не знал, что только что лишился лучшего друга.

Он позвонил. Ему велели зайти, дали заполнить кучу анкет и попросили принести две рекомендации от товарищей по факультету. Без указания адресата, разумеется. Просто: «Знаю такого-то с наилучшей стороны и рекомендую его на ответственную работу».

Такие рекомендации на нашем курсе понадобились пятерым. Четверых приняли. Троих — в разведку. Четвертый попросился в контрразведку; разрядник по самбо, он спросонок мог назвать номер автомата, из которого стрелял в армии, часто ссылался на свое пролетарское происхождение и на обсуждении наших первых журналистских опытов находил у некоторых сокурсников

опасную склонность к «буржуазной журналистике».

Путь в КГБ моему другу преграждал государственный экзамен по трудному восточному языку. Последние несколько месяцев он не ходил на занятия, и шансов сдать экзамен у него не было никаких. Восточный язык требовал ежедневной зубрежки.

— Не горюй, — пытался я его утешить. — Английский же ты сдашь.

— Если в дипломе будет только английский, — объяснил он, уже посвященный в тонкости своей будущей жизни, — то меня определят куда-нибудь на африканское направление, неперспективное и тяжелое. А так я смогу поехать в одну очень хорошую страну, язык которой мы с тобой учим.

Я пошел к нашей молодой преподавательнице языка. Несмотря на некоторую разницу в возрасте, мы дружили. Точнее сказать, я был в нее влюблен. Возможно, она это чувствовала. Или же просто расположилась к студенту, который пять лет, забыв обо всем, зубрил ее язык и нежно к ней относился. Уже не помню, что я ей сказал в пустой аудитории, когда мы остались вдвоем. Главное, что она, добрый и отзывчивый человек, согласилась это сделать. Она без экзамена поставила моему другу в диплом четверку. Причем сама договорилась с другими преподавателями, которым было поручено принять у нашей группы государственный экзамен по иностранному языку.

Я все надеялся когда-нибудь оказать ей ответную услугу. Да и много на что я тогда надеялся, пребывая во влюбленном состоянии. Но ничему не суждено было сбыться. Через три года она покончила с собой. Я разговаривал с ней за неделю до ее смерти. Позвонил, чтобы поблагодарить ее. В очередной раз. Я уезжал на неделю на Дальний Восток переводчиком. Тогда поехать за границу было очень трудно. Она отдала мне свою поездку: пригласили-то ее, а она сказала, что не может, и посоветовала своего «лучшего студента».

Я говорил слова благодарности. Она едва отвечала. Она была в депрессии — из-за неродившегося ребенка и разрушившихся отношений с мужем, о чем я не подозревал. Подумал: не хочет со мной говорить. Я смутился и попрощался. Вместо того, чтобы поехать к ней. Когда я вернулся, ее уже похоронили…

Но все это произойдет позже. А тогда моего приятеля приняли на службу в КГБ и определили учиться в разведшколу. Приемная комиссия ни к чему не смогла придраться, только со ссылкой на медиков потребовала вырезать миндалины, размер которых превысил предельно допустимую для чекистов норму.

Потом ему пришлось прыгнуть с вышки с парашютом, и он прыгнул, чем произвел на меня сильное впечатление. Он

действительно ничего не боялся, кроме собак. Я над ним подшучивал: как же так, офицер разведки, а собак боишься?

Осенью он начал учиться. Уезжал на пять дней в разведшколу. Домой приезжал на выходные. Мы виделись по-прежнему часто, но наши разговоры становились все скучнее. Он по понятным причинам мало что рассказывал о своей новой жизни, а я расспрашивать не считал возможным — понимал, что он обязан все держать в секрете.

Не очень-то ладился и разговор на более общие темы — насчет того, что происходит в стране. Брежнев еще был жив, и что тогда говорилось на московских кухнях, известно. Но мог ли я обсуждать все это с моим другом? Разумеется, я не боялся, что он на меня донесет. Я убедился в его порядочности. Я думал о том, как бы своими разговорами не поставить его в двойственное положение.

Однажды он пришел ко мне с женой и товарищем, с которым вместе учился: аккуратный, неприметный молодой человек с очень внимательным взглядом. Они уже были веселые, а у меня хорошо добавили. В какой-то момент жена моего друга отвела меня в сторону:

— Обратил внимание, что мой пьет, а этот только пригубливает? Завтра доложит куратору курса, что мой злоупотребляет алкоголем.

— Зачем? — удивился я.

— Распределение близится. Завидных мест мало, а желающих много.

Молодые люди, польстившиеся в основном на возможность работать за границей, выбрали сферу деятельности, в которой отменялись все правила морали и нравственности.

Своего рода антимир.

Готовили их к работе, смысл которой состоял в том, чтобы совершать недостойные поступки. И заставлять других идти на преступление: красть документы, выдавать секреты, лгать всем, включая самых близких людей, брать деньги за воровство, предавать друзей и родину. И при этом знать, что агент, которого ты склонил к сотрудничеству, может закончить свои дни на электрическом стуле.

— Забудь о сантиментах, — сказал мне в известном здании на Лубянке еще при советской власти один полковник, который по установленному порядку цензурировал рукопись моей детективной повести. — Это жестокие мужские игры. Играть в них не каждый может.

Конечно. Для того чтобы с чистой совестью заставлять других преступать закон и мораль, надо что-то сломать и в себе.

Аморальными циниками, как и солдатами, не рождаются, а становятся.

Через год после того, как мы закончили университет, Виталия Александровича сняли с работы. Сняли по-иезуитски или, точнее говоря, по-партийному. Вызвали в ЦК.

— Вы больше не можете занимать ответственный пост, — сказал заведующий отделом пропаганды ЦК. — Вам нужно перейти на менее видную работу.

— Почему? — спросил он. — Какие ошибки я совершил?

— Вы сами все знаете, — был ответ. — Идите и подумайте.

Заведующий отделом ЦК, как выяснилось потом, напрасно напускал на себя важность. Он сам не знал причину. Ему поручили провести разговор, ничего не объяснив. Это была тайна, до которой его не допустили.

Трагедия для отца была двойная. Во-первых, его, газетчика до мозга костей, отлучили от любимой газеты и от журналистики вообще. Во-вторых, в нашем доме надолго замолчал телефон. Куда-то вмиг исчезли многочисленные друзья-приятели, напуганные необъяснимой опалой.

Перестал к нам приходить и мой лучший друг.

Он по-прежнему мне звонил. Мы встречались у него или на улице, но нашего дома он избегал. Я не сразу обратил на это внимание. Задумался только в тот день, когда он закончил двухлетний курс в разведшколе, получил еще одну звездочку на несуществующие погоны и был распределен в первое главное управление КГБ.

Мне казалось, что в этот день он мог бы зайти и поблагодарить человека, который когда-то помог ему. Но моего отца, с которым раньше любил советоваться на самые разные темы, в том числе глубоко личные, он теперь избегал. Он стал другим человеком. Наверное, моя дружба уже не была ему нужна.

Он не сумел превратиться в законченного, холодного и беспринципного циника, которым лучше всего быть на той стезе, которую он себе выбрал. Он явно ощущал, что поступает не так, как следовало. Я думаю, ему это было очень неприятно. Он был рожден открытым и добрым. Но по-другому он уже не мог. Он жил в антимире и подчинялся его законам.

Ему еще раз повезло. В стране, которой он занимался, произошел крупный провал. Один из сотрудников резидентуры ушел на Запад. Разумеется, засвеченными оказались все, с кем перебежчик работал на этом направлении; их пришлось отозвать в Москву и срочно искать замену среди тех, кого он не знал. Не знал он тех, кто только что отучился и пришел в отдел. Для молодой поросли, которой в ином случае предстояло несколько

лет протирать штаны в Ясеневе и ждать, пока старшее поколение подвинется, сразу открылись завидные места в резидентуре.

Но места все же были разные. Мой друг не хотел работать в посольстве или консульстве. Он мечтал о журналистском прикрытии.

— Посольские живут вместе, в одном здании на территории посольства, все друг за другом следят: что купил, что жена на обед приготовила, куда поехал. Лишнего шага без разрешения не сделаешь, — объяснил он мне. — А журналисты живут отдельно, в городе, сами собой распоряжаются и в посольских дрязгах и интригах не участвуют.

Ему нужно было продемонстрировать своему начальству, что он может работать журналистом. Я написал несколько заметок, подписал его фамилией и напечатал в нашем журнале. Вскоре он уехал.

Там мы встретились один раз — столкнулись нос к носу в посольстве, когда я приехал в эту страну на неделю в командировку. Пошли к нему домой. Я вспоминал, кого из общих приятелей по факультету видел, чем они занимаются. Он курил в форточку и рассказывал о трудных отношениях с начальником, об общей атмосфере в резидентуре, где ревностно относятся к чужим успехам, и о мерзких нравах советской колонии.

Я не видел его больше года. Мне казалось, что в Москве, еще никуда не поехав, он был куда веселее и оптимистичнее. О тридцатилетнем человеке нельзя сказать — «постарел», но он, несомненно, выглядел и чувствовал себя значительно старше своих лет. И, как мне показалось, эти годы были прожиты отнюдь не в радости и душевном комфорте.

Страх перед разоблачением и арестом — вот что быстрее всего старит разведчика. Но в стране, против которой работал мой друг, иностранных шпионов не сажают, а всего лишь просят уехать. Идеальная, можно сказать, для шпионажа страна.

Он пошел меня провожать и спросил, помню ли я нашего однокурсника, который пошел во второе главное (контрразведка) управление КГБ.

— В Москве перед отъездом, — сказал он, — я его встретил. Он взахлеб стал расписывать, как ему нравится служба, как он добился права поехать в Афганистан и как там было хорошо. Я по глупости спросил: «А зачем ты так рвался в Афганистан?» Он на меня окрысился: «Разве ты не считаешь своим долгом чекиста туда попроситься?» Как на врага смотрел, ей-богу. Полчаса пришлось доказывать, что я свой, такой же, как он, и тоже мечтаю об Афганистане…

Нет, верный дзержинец из моего друга не получился. Добрые

начала, заложенные в его генетическом коде, сопротивлялись чекистской науке. Он делал все, что от него требовалось, что нужно было для успеха, для той жизни, которая казалась ему завидной, но это было насилием над самим собой.

Сходный случай описал Александр Бек в романе «Новое назначение», который первоначально хотел назвать «Сшибка». Это слово «сшибка» означает внутреннее столкновение служебного долга и совести, которое разрушает организм. Герой Александра Бека в конце концов заболевает раком. Мне кажется, что с моим лучшим другом произошло нечто подобное. Я думаю, что его крепкий организм служил бы ему долго, не пожелай он когда-то во что бы то ни стало поступить в КГБ и стать разведчиком.

Вновь мы встретились через два года, когда он вернулся на родину насовсем и пришел ко мне в редакцию уже неизлечимо больной. А я ни о чем не подозревал и не мог разговаривать с ним откровенно. Мне было обидно, что он так легко пожертвовал нашей дружбой.

Столько лет я кляну себя за то, что не почувствовал тогда его боли, его страдания, возмущения несправедливостью судьбы. Почему он должен был уйти из жизни так рано, оставив на земле очаровательную жену и маленького сына?

Если бы я только знал, что вижу его в последний раз…